This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Pd
6034

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «МІРЪ БОЖІИ».
Спб., Разъѣзжая, 7.

215/VI
Literaturno-nauchnyi sbornik

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

1906.

С.-Петербургъ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.

PG 3700
L 5 6

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. РѢКА ЖИЗНИ. Разсказъ **А. Куприна** 1
2. КАНУНЪ. Романъ. **И. Потапенко** 20
3. СЕМЬЯ АРОНА РАБИНОВИЧА. Разсказъ. **Н. Осиповича**. 102
4. БОДЕГА. Романъ **Бласко Ибаньеса**. Переводъ съ испанскаго **К. Ж.** 118
5. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПУТЕВОДНЫЕ ЗНАКИ. **Ивана Бунина** 144
6. НЕПИСАННЫЙ ЗАКОНЪ. Романъ **Артура Генри**. Переводъ съ англійскаго **С. Платоновой** 145
7. СТИХОТВОРЕНІЯ. Я ЗАПЕРЪ ВСѢ ДВЕРИ И СТАВНИ. **А. Ѳедорова**. КИПАРИСЫ. **Г. Галиной** 176

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

8. СОЦІАЛЬНЫЕ КЛАССЫ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ. **П. Берлина** 1
9. ЖЕНЩИНЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. **Эммы Аддлеръ**. Перев. съ нѣмецкаго **Т. Богдановича**. 27
10. А. П. ЧЕХОВЪ И ЕГО ТВОРЧЕСТВО. **М. Невѣдомскаго**. 51
11. ГРАНИЦЫ ПСИХИЧЕСКАГО ЗДОРОВЬЯ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВА. Пр.-Доц. **Ѳ. Е. Рыбакова** 83
12. ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ. Очеркъ **Георга Брандеса**. Переводъ съ датскаго **Р. Тираспольской** 108
13. ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ. **П. Дюкро**. Переводъ съ французскаго **А. Т** 139

Инв. № 2335

РѢКА ЖИЗНИ.

Хозяйская комната въ номерахъ «Сербія». Желтые обои; два окна съ тюлевыми грязными занавѣсками; между ними раскосое овальное зеркало, наклонившись подъ угломъ въ 45 градусовъ, отражаетъ въ себѣ крашеный полъ и ножки креселъ; на подоконникахъ пыльные, бородавчатые кактусы; подъ потолкомъ клѣтка съ канарейкой. Комната перегорожена красными ситцевыми ширмами. Меньшая, лѣвая часть—это спальня хозяйки и ея дѣтей, правая же тѣсно заставлена всякой случайной разнофасонной мебелью, просиженной, раскоряченной и хромоногой. По угламъ комнаты сваленъ безпорядочно всяческій, покрытый паутиной хламъ: астролябія въ рыжемъ кожаномъ чехлѣ и при ней тренога съ цѣпью, нѣсколько старыхъ чемодановъ и сундуковъ, безструнная гитара, охотничьи сапоги, швейная машина, музыкальный ящикъ «Монопанъ», фотографическій аппаратъ, штукъ пять лампъ, груды книгъ, веревки, узлы бѣлья и многое другое. Всѣ эти вещи были въ разное время задержаны хозяйкой за неплатежъ или покинуты сбѣжавшими жильцами. Отъ нихъ въ комнатѣ негдѣ повернуться.

«Сербія»—гостинница третьяго разбора. Постоянные жильцы въ ней рѣдкость, и тѣ—проститутки. Преобладаютъ случайные пассажиры, приплывающіе въ городъ по Днѣпру: мелкіе арендаторы, евреи-коммиссіонеры, дальніе мѣщане, богомольцы и сельскіе попы, которые наѣзжаютъ въ большой городъ съ доносами, или возвращаются домой послѣ доноса. Занимаются также номера въ «Сербіи» парочками изъ города на ночь и на время.

Весна. Четвертый часъ дня. Занавѣски на открытыхъ окнахъ тихо колеблются. Въ комнатѣ пахнетъ керосиновымъ чадомъ и тушоной капустой. Это хозяйка разогрѣваетъ на машинкѣ бигосъ по-польски изъ капусты, свиного сала и колбасы съ громаднымъ количествомъ перца и лавроваго листа. Она вдова, лѣтъ 36—40, видная, крѣпкая, проворная женщина. Волосы, которые она завиваетъ на лбу въ мелкіе кудерьки, тронуты сильной сѣдиной, но лицо у нея свѣжее; чувственный большой ротъ красенъ, а темные, совсѣмъ молодые глаза влажны и игриво-хитры. Имя от-

чество ея Анна Фридриховна—она полунѣмка, полупольки изъ Остзейскаго края—но близкіе знакомые называютъ ее просто Фридрихомъ, и это больше идетъ къ ея рѣшительному характеру. Она гнѣвлива, крикунья и страшная сквернословка; дерется иногда со своими швейцарами и съ подгулявшими жильцами; можетъ выпить наряду съ мужчинами и до безумія любитъ танцы; переходы отъ ругани къ смѣху у нея мгновенны. Къ законамъ она чувствуетъ мало уваженія: принимаетъ гостей безъ паспортовъ, а неисправнаго жильца собственноручно «выкидаетъ на улицу», какъ она сама выражается, т.-е. въ отсутствіе жильца отпираетъ его номеръ и выноситъ его вещи въ корридоръ, или на лѣстницу, а то и въ свою комнату. Полиція съ ней дружна изъ за ея гостепріимства, живого характера и, въ особенности, изъ-за той веселой, легкой, безцеремонной и безкорыстной податливости, съ которой она отвѣчаетъ на мимолетное мужское чувство.

У нея четверо дѣтей. Двое старшихъ, Ромка и Аличка, еще не пришли изъ гимназіи, а младшіе—семилѣтній Адька и пятилѣтній Эдька, здоровые мальчуганы со щеками пестрыми отъ грязи, отъ лишаевъ, отъ размазанныхъ слезъ и отъ ранняго весенняго загара, торчатъ около матери. Они оба держатся руками за край стола и попрошайничаютъ. Они всегда голодны, потому что ихъ мать насчетъ стола безпечна: ѣдятъ кое-какъ въ разные часы, посылая въ мелочную лавочку за всякой всячиной.

Вытянувъ губы трубой, нахмуривъ брови, глядя изподлобья, Адька гудитъ угрюмымъ басомъ:

— Ишь ты кака-ая, не даешь попробовать...

— Да-ай попле-обуву-уть,—тянетъ за нимъ въ носъ Эдька и чешетъ босой ножкой икру другой ноги.

За столомъ у окна сидитъ поручикъ запаса арміи Валерьянъ Иванычъ Чижевичъ. Передъ нимъ домовая книга, въ которую онъ вписываетъ паспорта постояльцевъ. Но, послѣ вчерашняго, работа идетъ у него плохо, буквы рябятъ и расползаются, дрожащіе пальцы не ладятъ съ перомъ, а въ ушахъ гудитъ, какъ осенью въ телефонномъ столбѣ. Временами ему кажется, что голова у него начинаетъ пухнуть, пухнуть, и тогда столъ съ книгой, съ чернильницей и съ поручиковой рукой уходятъ страшно далеко и становятся совсѣмъ маленькими, потомъ, наоборотъ, книга приближается къ самымъ его глазамъ, чернильница растетъ и двоится, а голова уменьшается до смѣшныхъ и странныхъ размѣровъ.

Наружность поручика Чижевича говоритъ о бывшей красотѣ и утраченномъ благородствѣ: черные волосы ежикомъ, но на затылкѣ просвѣчиваетъ лысина, борода острижена по модному острымъ клинушкомъ, лицо худое, грязно блѣдное, истасканное,

и на немъ какъ будто написана вся исторія поручиковыхъ явныхъ слабостей и тайныхъ болѣзней.

Положеніе его въ померахъ «Сербія» сложное: онъ ходитъ къ мировымъ судьямъ по дѣламъ Анны Фридриховны, репетируетъ ея дѣтей и учитъ ихъ свѣтскимъ манерамъ, ведетъ квартирную книгу, пишетъ счета постояльцамъ, читаетъ по утрамъ вслухъ газету и говоритъ о политикѣ. Ночуетъ онъ обыкновенно въ одномъ изъ пустующихъ номеровъ, а въ случаѣ наплыва гостей, и въ корридорѣ на древнемъ диванѣ, у котораго пружины вылѣзли наружу вмѣстѣ съ мочалкой. Въ послѣднемъ случаѣ поручикъ аккуратно развѣшиваетъ надъ диваномъ, на гвоздикахъ, все свое имущество: пальто, шапку, лоснящійся отъ старости, бѣлый по швамъ, но чистенькій сюртучокъ, бумажный воротникъ «Монополь» и офицерскую фуражку съ синимъ околошемъ, а записную книжку и платокъ съ чужой мѣткой кладетъ подъ подушку.

Вдова держитъ своего поручика въ черномъ тѣлѣ. «Женись— тогда я тебѣ все заведу,—обѣщаетъ она:—полную кипировку и что нужно изъ бѣлья, и ботинки съ калошами приличныя. Все у тебя будетъ и даже по праздникамъ будешь носить часы моего покойника съ цѣпью». Но поручикъ покамѣсть все еще раздумываетъ. Онъ дорожитъ свободой, и слишкомъ высоко цѣнитъ свое бывшее офицерское достоинство. Однако, кое-что старенькое изъ бѣлья покойника онъ донашиваетъ.

Время отъ времени въ хозяйскомъ номерѣ происходятъ бури. То поручикъ при помощи своего воспитанника Ромки продастъ букинисту кипу чужихъ книгъ, то перехватитъ, пользуясь отсутствіемъ хозяйки, суточную плату за номеръ, то заведетъ втайнѣ игривыя отношенія съ горничной. Какъ разъ, наканунѣ, поручикъ злоупотребилъ кредитомъ Анны Фридриховны въ трактирѣ напротивъ, это всплыло наружу, и вотъ вспыхнула ссора съ руганью и съ дракой въ корридорѣ. Двери всѣхъ номеровъ раскрылись и изъ нихъ выглянули съ любопытствомъ мужскія и женскія головы. Анна Фридриховна кричала такъ, что ее было слышно на улицѣ:

— Вонъ отсюда разбойникъ, вонъ босявка! Я всѣ кровные труды на тебя потратила! Ты моихъ дѣтей кровную копѣйку заѣдаешь!..

— Нашу копѣйку заѣдаешь!—оралъ гимназистъ Ромка, кривляясь за материнской юбкой.

— Заѣдаешь!—вторили ему въ отдаленіи Адька съ Эдькой.

Швейцаръ Арсеній молча, съ каменнымъ видомъ, сопя, напиралъ грудью на поручика. А изъ номера девятаго какой-то мужественный обладатель великолѣпнѣйшихъ черныхъ бакенбардъ, высунувшись изъ дверей до половины, въ нижнемъ бѣльѣ и по-

чему-то съ круглой шляпой на головѣ, совѣтовалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Арсень! Дай ему между глазъ.

Такимъ образомъ поручикъ былъ вытѣсненъ на лѣстницу. Но, такъ какъ на эту же лѣстницу отворялось широкое окно изъ корридора, то Анна Фридриховна еще продолжала кричать вслѣдъ поручику, свѣсившись внизъ:

— Каналья, шарлатанщикъ, разбишака, босявка кіевская!

— Босявка! босявка! — Надсаживались въ корридорѣ мальчишки.

— И чтобы ноги твоей больше здѣсь не было! И вещи свои паршивыя забирай съ собой! Вотъ они, вотъ тебѣ, вотъ!

Въ поручика полетѣли сверху позабытыя имъ впопыхахъ вещи: палка, бумажный воротничекъ и записная книжка. На послѣдней ступенькѣ поручикъ остановился, поднялъ голову и погрозилъ кулакомъ. Лицо у него было блѣдно, надъ правымъ глазомъ краснѣла ссадина.

— Под-дождите, сволочи, я все докажу, кому слѣдуетъ. Ага! Сводничаютъ! Грабятъ жильцовъ!..

— А ты иди, иди, пока цѣлъ,—говорилъ сурово Арсеній, наваливаясь сзади и тѣсня поручика плечомъ.

— Прочь, хамъ! Не имѣешь права касаться офицера!—воскликнулъ гордо поручикъ.—Я все знаю! Вы здѣсь безъ паспорта пускаете! Укрываете! Краденое укрывательствуете! Пристано...

Но тутъ Арсеній ловко обхватилъ поручика сзади, дверь со звономъ и съ дребезгомъ хлопнула, два человѣка, свившись клубкомъ выкатились на улицу, и уже оттуда донеслось гнѣвное:

— держательствуете!

Сегодня утромъ, какъ это всегда бывало раньше, поручикъ Чижевичъ явился съ повинной, принеся съ собою букетъ наломанной въ чужомъ саду сирени. Лицо у него утомлено, вокругъ ввалившихся глазъ тусклая синева, виски желты, одежда нечищена, въ головѣ пухъ. Примиреніе идетъ туго. Анна Фридриховна еще недостаточно насладилась униженнымъ видомъ своего любовника и его покаянными словами. Кромѣ того она немного ревнуетъ Валерьяна къ тѣмъ тремъ ночамъ, которыя онъ провелъ неизвѣстно гдѣ.

— Нюничка, а куда же...—начинаетъ поручикъ необыкновенно кроткимъ и нѣжнымъ даже слегка дрожащимъ фальцетомъ.

— Что та-ко-е? Кто это вамъ здѣсь за Нюничка! — презрительно обрываетъ его хозяйка.— Всякій гицель и тоже—Нюничка!

— Нѣтъ, видишь ли, я только хотѣлъ спросить тебя, куда выписать Прасковью Увертышеву, 34-хъ лѣтъ? Тутъ нѣтъ помѣтки.

— Ну и выписывай на толчекъ. И себя туда же можешь выписать. Одна компанія. Или въ ночлежку.

«Стерва!» — думаетъ поручикъ, но только глубоко и покорно вздыхаетъ:

— Какая ты сегодня нервная, Нюничка!

— Нервная... Какая бы я тамъ ни была, а я знаю про себя, что я женщина честная и трудящая... Прочь, вы, байструки!— кричитъ она на дѣтей, и вдругъ—шлепъ! шлепъ!—два мѣткихъ удара ложкой влетаютъ по лбу Адькѣ и Эдькѣ. Мальчики хнычутъ.

— Проклятое мое дѣло, и судьба моя проклятая...—ворчитъ сердито хозяйка.—Какъ я за покойнымъ мужемъ жила, я никакого горя себѣ не видѣла. А теперь, какъ ни швейцаръ—такъ пьяница, а горничные всѣ воровки. Цыцъ, вы, проклятики!.. Вотъ и эта Проська, двухъ дней не прожила, а ужъ изъ номера 12-го у дѣвушки чулки стащила. А то еще бываютъ нѣкоторые другіе, которые только по трактирамъ ходятъ за чужія деньги, а дѣла никакого не дѣлаютъ...

Поручикъ очень хорошо знаетъ, на кого намекаетъ Анна Фридриховна, но сосредоточенно молчитъ. Запахъ бигоса вселяетъ въ него кое-какія далекія надежды. Въ это время дверь отворяется и входитъ, не снимая съ головы фуражки съ тремя золотыми позументами, швейцаръ Арсеній. У него наружность скопца и альбиноса, и все нечистое лицо въ буграхъ. Онъ служитъ у Анны Фридриховны по крайней мѣрѣ въ сороковой разъ и служитъ до перваго запоя, пока хозяйка собственноручно не прибьетъ его и не прогонитъ, отнявъ сначала у него символъ власти—фуражку съ позументами. Тогда Арсеній надѣнетъ бѣлую кавказскую папаху на голову и темно-синее пенснэ на носъ, будетъ куражиться въ трактирѣ напротивъ, пока весь не пропьется, а подъ конецъ загула будетъ горько плакать передъ равнодушнымъ половымъ о своей безнадежной любви къ Фридриху и будетъ угрожать смертью поручику Чижевичу. Протрезвившись, онъ явится въ «Сербію» и упадетъ хозяйкѣ въ ноги. И она опять приметъ его, потому что новый швейцаръ, замѣнявшій Арсенія, уже успѣлъ за этотъ короткій срокъ обворовать ее, напиться и наскандалить и даже попасть въ участокъ.

— Ты что? Съ парохода?—спрашиваетъ Анна Фридриховна.

— Да. Привелъ шесть богомольцевъ. Насилу отнялъ у Якова изъ «Коммерческой». Онъ уже ихъ велъ, а я подошелъ къ одному и говорю на ухо: «мнѣ, говорю, все равно, идите хочь куда хочете, а какъ вы люди въ здѣшнихъ мѣстахъ неизвѣстные, и мнѣ васъ ужасно жалко, то я вамъ скажу, чтобы вы лучше за этимъ человѣкомъ не ходили, потому что у нихъ въ гостинницѣ на прошлой недѣлѣ богомольцу одному подсыпали порошку

и обокрали». Такъ и увелъ ихъ. Яковъ потомъ мнѣ кулакомъ издалека грозился кричитъ: ты постой у меня, Арсентій, я тебя еще споймаю, ты моихъ рукъ не убѣжишь! Но только я ему и самъ, если придется...

— Ладно!—прерываетъ его хозяйка.—Большое мнѣ дѣло до твоего Якова. По скольку сговорились?

— По тридцать копѣекъ. Ей Богу, барыня, какъ ни уговаривалъ, больше не даютъ.

— У, дурень ты, ничего не умѣешь. Отведи имъ номеръ второй.

— Всѣхъ въ одинъ?

— Дуракъ: нѣтъ, каждому по два номера. Конечно, въ одинъ. Принести имъ матрацовъ, изъ старыхъ, три матраца принести. А на диванъ—скажи, чтобы не смѣли ложиться. Всегда отъ этихъ богомольцевъ клопы. Ступай!

По уходѣ его, поручикъ замѣчаетъ вполголоса нѣжнымъ и заботливымъ тономъ:

— Я удивляюсь, Нюточка, какъ это ты позволяешь ему входить въ комнату въ шапкѣ. Это же все-таки неуваженіе къ тебѣ, какъ къ дамѣ и какъ къ хозяйкѣ. И потомъ—посуди, мое положеніе: я офицеръ въ запасѣ, а онъ все-таки... нижній чинъ. Неудобно какъ-то.

Но Анна Фридриховна набрасывается на него съ новымъ ожесточеніемъ.

— Нѣтъ, ужъ ты пожалуйста не суйся, куда тебя не спрашиваютъ. О-фи-церъ! Такихъ офицеровъ много у Терещенки въ пріютѣ ночуетъ. Арсентій человѣкъ трудящійся, онъ свой кусокъ зарабатываетъ... не то что... Прочь, вы, лайдаки! Куда съ руками лѣзете!

— Да-а.., нё дае-ешь!—гудитъ Адька.

— Не да-ё-осъ!..

Между тѣмъ бигосъ готовъ. Анна Фридриховна гремитъ посудой на столѣ. Поручикъ въ это время старательно припалъ головой къ домовой книгѣ. Онъ весь ушелъ въ дѣло.

— Что жъ, садись что-ли.—отрывисто приглашаетъ хозяйка.

— Нѣтъ, спасибо, Нюточка. Кушай сама. Мнѣ что-то не очень хочется,—говоритъ Чижевичъ, не оборачиваясь, сдавленнымъ голосомъ и громко глотаетъ слюну.

— А ты иди, когда говорятъ. Тоже, скажите, задается. Ну, иди!..

— Сейчасъ, сію минуту, Нюточка. Вотъ только послѣдній листокъ дописать. По удостовѣренію, выданному изъ Бильдинскаго волостного правленія... губерніи... за номеромъ 2039... Готово.—Поручикъ встаетъ и потираетъ руки.—Люблю я поработать!

— Хм! Тоже работа!—презрительно фыркаетъ хозяйка.—Садись.

— Нюничка, а если бы... одну... маленькую.

— Обойдется и безъ.

Но такъ какъ миръ почти уже водворенъ, то Анна Фридрихонна достаетъ изъ шкафа маленькій пузатый граненый графинчикъ, изъ котораго пилъ еще отецъ покойнаго. Адька размазываетъ капусту по тарелкѣ и дразнитъ брата тѣмъ, что у него больше. Эдька обижается и реветъ:

— Адькѣ больсе полози-ила. Да-а!

Хлопъ!—звонкій ударъ ложкой поражаетъ Эдьку въ лобъ. И тотчасъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, Анна Фридриховна продолжаетъ разговоръ:

— Разсказывай! Тоже мастеръ врать. Навѣрно валялся у какой-нибудь.

— Нюничка!—восклицаетъ поручикъ укоризненно и, оставивъ ѣсть, прижимаетъ руки—въ одной изъ нихъ вилка съ кускомъ колбасы—къ груди.—Чтобы я? О, какъ ты меня мало знаешь. Я скорѣе дамъ голову на отсѣченіе, чѣмъ позволю себѣ подобное. Когда я тотъ разъ отъ тебя ушелъ, то такъ мнѣ горько было, такъ обидно! Иду я по улицѣ и, можешь себѣ представить, заливаюсь слезами. Господи, думаю, и я позволилъ себѣ нанести ей оскорбленіе. Кому-у! Ей! Единственной женщинѣ, которую я люблю такъ свято, такъ безумно...

— Хорошо поешь,—вставляетъ польщенная, хотя все еще немного недовѣрчивая хозяйка.

— Да!—ты не вѣришь мнѣ!—возражаетъ поручикъ съ тихимъ, но глубокимъ трагизмомъ.—Ну что-жъ, я заслужилъ это. А я каждую ночь приходилъ подъ твои окна и въ душѣ творилъ молитву за тебя.—Поручикъ быстро опрокидываетъ рюмку, закусываетъ и продолжаетъ съ набитымъ ртомъ и со слезящимися глазами:—И я все думалъ, что если бы случился вдругъ пожаръ, или напали разбойники. Я бы тогда доказалъ тебѣ. Я бы съ радостью отдалъ за тебя жизнь... Увы, она и такъ недолга,—вздыхаетъ онъ.—Дни мои сочтены...

Въ это время хозяйка роется въ кошелькѣ.

— Скажите пожалуйста!—возражаетъ она съ кокетливой насмѣшкой.—Адька, вотъ тебѣ деньги, сбѣгай къ Василь Василичу за бутылкой пива. Только скажи, чтобы свѣжаго. Живо!

Завтракъ уже оконченъ, бигосъ съѣденъ и пиво выпито, когда появляется развращенный гимназистъ приготовительнаго класса Ромка, весь въ мѣлу и въ чернилахъ. Еще въ дверяхъ онъ оттопыриваетъ губы и дѣлаетъ сердитые глаза. Потомъ швыряетъ ранецъ на полъ и начинаетъ завывать:

— Да-а... безъ меня все поѣли. Я голодный, какъ соба-а-ака..

— А у меня еще есть, а я тебѣ не дамъ,—дразнитъ его Адька, показывая издали тарелку.

— Да-а-а... Это сви-и-и-нство,—тянетъ Ромка.—Мама вели А-адькѣ...

— Молчать!—вскрикиваетъ пронзительно Анна Фридриховна.— Ты бы еще до ночи шлялся. Вотъ тебѣ пятачекъ. Купи колбасы и довольно съ тебя.

— Да-а, пятачокъ! Сами съ Валерьянъ Иванычемъ бигосъ ѣдятъ, а меня учиться заставляютъ. Я какъ со-ба-ака...

— Вонъ!—кричитъ Анна Фридриховна страшнымъ голосомъ и Ромка поспѣшно исчезаетъ. Однако, онъ успѣваетъ схватить съ полу свой ранецъ: въ головѣ у него мгновенно родилась мысль— пойти продать свои учебники на толкучкѣ. Въ дверяхъ онъ сталкивается съ своей старшей сестрой Аличкой и, пользуясь случаемъ, щиплетъ ее больно за руку. Аличка входитъ, громко жалуясь:

— Мама, вели Ромкѣ, чтобы онъ не щипался.

Она хорошенькая тринадцатилѣтняя дѣвочка, начинающая рано формироваться. Она желто-смуглая брюнетка, съ прелестными, но не дѣтскими темными глазами. Губы у нея красныя, полныя и блестящія, и надъ верхней губкой слегка зачерненной легкимъ пушкомъ, двѣ милыя родинки. Она общая любимица въ номерахъ. Мужчины дарятъ ей конфеты, часто зазываютъ къ себѣ, цѣлуютъ и говорятъ безстыдныя вещи. Она все знаетъ, что можетъ знать взрослая дѣвушка, но никогда въ этихъ случаяхъ не краснѣетъ, а только опускаетъ внизъ свои черныя, длинныя рѣсницы, бросающія синія тѣни на янтарныя щеки, и улыбается странной, скромной, нѣжной и въ то же время сладострастной, какой-то ожидающей улыбкой. Ея лучшая пріятельница—дѣвица Женя, квартирующая въ номерѣ двѣнадцатомъ, тихая, аккуратная въ платѣ за квартиру, полная блондинка, которую содержитъ какой-то купецъ-дровяникъ, но которая въ свободные дни водитъ къ себѣ кавалеровъ съ улицы. Эту особу Анна Фридриховна весьма уважаетъ и говоритъ про нее: «Ну что-жъ, что Женичка дѣвка, зато она женщина самостоятельная».

Увидѣвъ, что обѣдъ съѣденъ, Аличка вдругъ дѣлаетъ одну изъ своихъ принужденныхъ улыбокъ и говоритъ тонкимъ голоскомъ, громко и нѣсколько театрально:

— Ахъ, вы уже пообѣдали. Я опоздала. Мама можно мнѣ пойти къ Евгеніи Николаевнѣ?

— Ахъ, иди куда хочешь!

— Мерси.

Она уходитъ. Послѣ завтрака водворяется полный миръ. По-

ручикъ шепчетъ на ухо вдовѣ самыя пылкія слова, и жметъ ей подъ столомъ круглое колѣно, и она, раскраснѣвшись отъ обѣда и отъ пива, то прижимается къ нему плечомъ, то отталкиваетъ его и стонетъ съ нервнымъ смѣшкомъ.

— Да, Валеріанъ! Безстыдникъ. Дѣти!

Адька и Эдька смотрятъ на нихъ, засунувъ пальцы въ ротъ и широко разинувъ глаза. Мать вдругъ набрасывается на нихъ:

— Идите гулять, лаборданцы. И я васъ. Разсѣлись, точно въ музеѣ. Маршъ, живо!

— Когда я не хочу гулять,—гудитъ Адька.

— Я не хоц-у-у.

— Я вотъ дамъ не хочу. Двѣ копѣйки на леденцы — и маршъ!

Она запираетъ за ними дверь, садится къ поручику на колѣни и они начинаютъ цѣловаться.

— Ты не сердишься, мое золотцо? — шепчетъ ей на ухо поручикъ.

Но въ дверь стучатъ. Приходится отпирать. Входитъ новая горничная, высокая, мрачная, одноглазая женщина и говоритъ хрипло, съ свирѣпымъ выраженіемъ лица:

— Тамъ двѣнадцатый номеръ самоваръ требуетъ, и чай, и сахаръ.

Анна Фридриховна нетерпѣливо выдаетъ все, что нужно. Поручикъ, раскинувшійся на диванѣ, говоритъ томно:

— Я бы отдохнулъ немного, Нюничка. Нѣтъ ли свободнаго номера? Здѣсь все люди толкутся.

Свободный номеръ оказывается только одинъ—пятый, и они отправляются туда. Номеръ въ одно окно, темный, узкій и длинный, какъ кегельбанъ. Кровать, комодъ, облупленный коричневый умывальникъ и ночной столикъ составляютъ всю его меблировку. Хозяйка и поручикъ опять начинаютъ цѣловаться, причемъ стонутъ, какъ голуби весною на крышѣ.

— Нюничка: если ты меня любишь, мое сокровище, пошли за папиросами «Плезиръ», шесть копѣекъ десятокъ,—вкрадчиво говоритъ поручикъ, раздѣваясь.

— Потомъ...

Весенній вечеръ быстро темнѣетъ, и вотъ на дворѣ уже ночь. Въ окно слышны свистки пароходовъ на Днѣпрѣ, и скользитъ далекій запахъ травы, пыли, сирени, нагрѣтаго камня. Вода звонкими каплями мѣрно падаетъ внутри умывальника. Но въ дверь опять стучатся.

— Кто тамъ? Какого чорта все шляетесь! — кричитъ разбуженная Анна Фридриховна. Она босикомъ вскакиваетъ съ кровати и гнѣвно распахиваетъ дверь.—Ну, что еще нужно?

Поручикъ Чижевичъ стыдливо натягиваетъ на голову одѣяло.

— Студентъ спрашиваетъ номеръ,—суфлерскимъ шепотомъ говоритъ за дверью Арсеній.

— Какой студентъ? Скажи ему, что остался только одинъ номеръ и то въ два рубля. Онъ одинъ или съ женщиной?

— Одинъ.

— Такъ и скажи. И паспортъ, и деньги впередъ. Знаю я этихъ студентовъ.

Поручикъ поспѣшно одѣвается. Благодаря привычкѣ, онъ дѣлаетъ свой туалетъ въ десять секундъ. Анна Фридриховна въ это время ловко и быстро оправляетъ постель. Возвращается Арсеній.

— Заплатилъ впередъ,—говоритъ онъ мрачно.—И паспортъ вотъ.

Хозяйка выходитъ въ коррндоръ. Волосы у нея разбились и прилипли ко лбу, на пунцовыхъ щекахъ оттиснулись складки подушки, глаза необычайно блестятъ. За ея спиной поручикъ безшумной тѣнью пробирается въ хозяйскій номеръ.

У окна на лѣстницѣ дожидается студентъ. Онъ свѣтловолосый, худощавый юноша съ длиннымъ, блѣднымъ, болѣзненно нѣжнымъ лицомъ. Голубоватыя глаза смотрятъ точно сквозь туманъ, добродушны, близоруки и чуть-чуть косятъ. Онъ вѣжливо кланяется хозяйкѣ, отчего та смущенно улыбается и защелкиваетъ верхнюю кнопку на блузкѣ.

— Мнѣ бы номеръ,—говоритъ онъ мягко, точно робѣя.— Мнѣ надо ѣхать. И еще бы я попросилъ свѣчку, перо и чернила.

Ему показываютъ кегельбанъ. Онъ говоритъ: — Прекрасно, лучше нельзя требовать. Здѣсь чудесно. Только, вотъ, пожалуйста, перо и чернила.—Отъ чаю и отъ бѣлья онъ отказывается. Ему все равно.

Въ хозяйскомъ номерѣ горитъ лампа. На открытомъ окнѣ сидитъ поджавши ноги Аличка и смотритъ, какъ колышется внизу темная, тяжелая масса воды, освѣщенной электричествомъ, какъ тихо покачивается жидкая, мертвящая зелень тополей вдоль набережной. На щекахъ у нея горятъ два круглыхъ яркихъ красныхъ пятна, а глаза влажно и устало мерцаютъ. Издалека, съ той стороны рѣки, гдѣ сіяетъ огнями кафе-шантанъ, красиво плывутъ въ холодѣющемъ воздухѣ рѣзвые звуки вальса.

Пьютъ чай съ покупнымъ малиновымъ вареньемъ. Адька и Эдька накрошили себѣ въ чашки чернаго хлѣба, сдѣлали тюрю, измазали ею щеки, лбы и носы, и дѣлаютъ другъ другу рожи, пуская пузыри въ блюдечко. Ромка, вернувшійся съ синякомъ подъ глазомъ, торопливо, со свистомъ тянетъ чай изъ блюдечка.

Поручикъ Чижевичъ, разстегнувъ жилетъ и выпустивъ наружу бумажную грудь манишки, благодушествуетъ среди этой домашней идилліи, полулежа на диванѣ.

— Всѣ номера, слава Богу, заняты—вздыхаетъ мечтательно Анна Фридриховна.

— А что, все моя легкая рука!—говоритъ поручикъ.—Какъ я пришелъ, такъ и дѣло пошло.

— Ну, да, разсказывай.

— Нѣтъ, ей Богу, у меня рука необыкновенно легкая. У насъ въ полку, когда, бывало капитанъ Горжевскій мечетъ банкъ, то всегда сажаетъ меня около себя. Эхъ, какъ у насъ въ полку здорово рѣвались въ карты! Этотъ самый Горжевскій, еще поручикомъ, выигралъ во время турецкой войны двѣнадцать тысячъ. Пришелъ нашъ полкъ въ Букарешъ, ну, понятно, денегъ у гг. офицерства гибель, дѣвать было некуда, женщинъ нѣтъ. Начали картёжъ. И вдругъ Горжевскій налетаетъ на шуллера. Прямо по мордѣ видать, что шуллеръ, но такъ ловко передергиваетъ, что невозможно услѣдить...

— Подожди, я сейчасъ приду,—перебиваетъ его хозяйка,—мнѣ только надо выдать полотенце.

Она уходитъ. Поручикъ подкрадывается къ Аличкѣ и близко наклоняется къ ней. Ея прекрасный профиль, темный на фонѣ ночи, тонко, серебристо и нѣжно очерченъ сіяніемъ электрическихъ фонарей.

— О чемъ, Аличка, задумались? Или, можетъ быть, *о комъ?*—спрашиваетъ онъ сладко, съ дрожью въ голосѣ.

Она отворачивается отъ него. Но онъ быстро приподнимаетъ ея толстую косу, цѣлуетъ ее подъ волосы въ теплую тонкую шейку и жадно нюхаетъ запахъ ея кожи.

— Я мамѣ скажу,—шепчетъ Аличка, не отодвигаясь.

Дверь отворяется—это возвратилась Анна Фридриховна. Поручикъ тотчасъ же начинаетъ говорить неестественно-громко и развязно.

— Дѣйствительно, славно въ такую чудную, весеннюю ночь прокатиться на лодкѣ съ любимымъ существомъ, или съ близкимъ другомъ... Да, Нюничка, такъ вотъ, я продолжаю. Такимъ образомъ, Горжевскій пропускаетъ цѣлыхъ шесть тысячъ, чертъ побери! Наконецъ, его кто-то надоумилъ, онъ и говоритъ: «баста! Я такъ не буду играть. А вотъ не угодно-ли, прибьемъ колоду гвоздемъ къ столу и будемъ отрывать по картѣ?» Тотъ было на попятный. Но Горжевскій вынулъ револьверъ: «или играй собака, или пулю въ лобъ!» Ничего не подѣлаешь, шуллеръ сѣлъ, и главное такъ растерялся, что позабылъ, что сзади него зеркало, а Горжевскій сидитъ напротивъ, и ему въ зеркало всѣ карты партнера

видны. И Горжевскій не только свои отыгралъ, но еще выигралъ чистыхъ одиннадцать тысячъ. Онъ даже велѣлъ этотъ гвоздь оправить въ золото и теперь носитъ при часахъ, въ видѣ брелока. Очень оригинально...

Въ это время въ пятомъ номерѣ сидитъ на кровати студентъ. Передъ нимъ на ночномъ столикѣ свѣча и листъ почтовой бумаги. Студентъ быстро пишетъ, на минуту останавливается, шепчетъ что то про себя, покачиваетъ головой, напряженно улыбается и опять пишетъ. Вотъ онъ глубоко обмакнулъ перо въ чернила, потомъ зачерпнулъ имъ, какъ ложечкой жидкаго стеарину около фитиля и суетъ эту смѣсь въ огонь. Она трещитъ и брызжетъ во всѣ стороны бойкими синими огоньками. Этотъ фейерверкъ напоминаетъ студенту что то смѣшное, полузабытое изъ далекаго дѣтства. Онъ глядитъ на пламя свѣчки, кося глаза и разсѣянно и печально улыбаясь. Потомъ вдругъ, точно очнувшись, встряхиваетъ головой, вздыхаетъ и, быстро обтерши перо о рукавъ синей рубашки, продолжаетъ писать:

«Ты скажи имъ все, что скажетъ тебѣ мое письмо и чему, я знаю, ты повѣришь. Меня они все равно не поймутъ, а у тебя есть слова, простыя и понятныя для нихъ. Странно одно: вотъ я пишу тебѣ и знаю, что черезъ десять, пятнадцать минутъ я застрѣлюсь, и эта мысль совсѣмъ не страшитъ меня. Но когда сѣдой огромный жандармскій полковникъ весь побагравѣлъ и съ руганью затопалъ на меня ногами, я растерялся. Когда онъ закричалъ, что мое упорство напрасно и только губитъ меня и моихъ товарищей, и что Бѣлоусовъ и Книгге, и Соловейчикъ сознались, то я подтвердилъ. Я—не боящійся смерти, испугался окрика этого тупого, ограниченнаго человѣка, закостенѣвшаго въ своемъ профессіональномъ апломбѣ. И что всего подлѣе—вѣдь онъ на другихъ не смѣлъ кричать, а былъ любезенъ, предупредителенъ и слащавъ, какъ провинціальный зубной врачъ, былъ даже либералъ. Во мнѣ же онъ сразу понялъ уступчивую и дряблую волю. Это чувствуется между людьми безъ слова, съ одного взгляда.

Да, я сознаю, что все это вышло дико и презрѣнно, и смѣшно, и отвратительно. Но иначе не могло быть, и если бы повторилось, то вышло бы по прежнему. Отчаянной храбрости, боевые генералы очень часто боятся мышей. Они иногда даже бравируютъ этой маленькой слабостью. А я съ печалью говорю, что больше смерти боюсь этихъ деревянныхъ людей, жестко застывшихъ въ своемъ міросозерцаніи, глупо-самоувѣренныхъ, не знающихъ колебаній. Если бы ты зналъ, какъ робѣю я и стѣсняюсь передъ монументальными городовыми, передъ откормленными, мордатыми петербургскими швейцарами, передъ барышнями въ редакціяхъ журналовъ, передъ секретарями въ судахъ, передъ лаю-

щими начальниками станцій! Когда мнѣ однажды пришлось свидѣтельствовать въ участкѣ подпись, то одинъ видъ толстаго пристава съ рыжими подусниками въ ладонь, съ выпяченной грудью и съ рыбьими глазами, который все меня перебивалъ, недослушивалъ, на минуты забывалъ о моемъ присутствіи, или вдругъ притворялся непонимающимъ самой простой русской рѣчи,—одинъ его видъ привелъ меня въ такой гадкій трепетъ, что я самъ слышалъ въ своемъ голосѣ заискивающія рабскія интонаціи.

Кто виноватъ въ этомъ? Я тебѣ скажу: моя мать. Это она была первой причиной того, что вся моя душа загажена, развращена подлой трусостью. Она рано овдовѣла, и мои первыя дѣтскія впечатлѣнія неразрывны со скитаньемъ по чужимъ домамъ, кляньчаньемъ, подобострастными улыбками, мелкими, но нестерпимыми обидами, угодливостью, попрошайничествомъ, слезливыми, жалкими гримасами, съ этими подлыми уменьшительными словами: кусочекъ, капелька, чашечка чайку... Меня заставляли цѣловать ручки у благодѣтелей,—у мужчинъ и у женщинъ. Мать увѣряла, что я не люблю того-то и того-то лакомаго блюда, лгала, что у меня золотуха, потому что знала, что отъ этого хозяйскимъ дѣтямъ останется больше и что хозяевамъ это будетъ пріятно. Прислуга втихомолку издѣвалась надъ нами: дразнила меня горбатымъ, потому что я съ дѣтства держался сутуловато, а мою мать называли при мнѣ приживалкой и салопницей. И сама мать, чтобы разсмѣшить благодѣтелей, приставляла себѣ къ носу свой старый, трепаный кожаный портсигаръ, перегнувъ его вдвое, и говорила: «а вотъ носъ моего сыночка Лёвушки». Они смѣялись, а я краснѣлъ и безконечно страдалъ въ эти минуты за нее и за себя, и молчалъ, потому что мнѣ въ гостяхъ запрещалось говорить. Я ненавидѣлъ этихъ благодѣтелей, глядѣвшихъ на меня, какъ на неодушевленный предметъ, сонно, лѣниво и снисходительно совавшихъ мнѣ руку въ ротъ для поцѣлуя, и я ненавидѣлъ и боялся ихъ, какъ теперь ненавижу и боюсь всѣхъ опредѣленныхъ, самодовольныхъ, шаблонныхъ, трезвыхъ людей, знающихъ все напередъ:—кружковыхъ ораторовъ, старыхъ, волосатыхъ румяныхъ профессоровъ, невиннымъ либерализмомъ кокетничающихъ, внушительныхъ и елейныхъ соборныхъ протопоповъ, жандармскихъ полковниковъ, радикальныхъ женщинъ-врачей, твердящихъ впопыхахъ куски изъ прокламацій, но съ душой холодной, жесткой и плоской, какъ мраморная доска. Когда я говорю съ ними, я чувствую, что на моемъ лицѣ лежитъ противной маской чужая, поддакивающая, услужливая улыбка и презираю себя за свой заискивающій тонкій голосъ, въ которомъ ловлю отзвукъ прежнихъ материнскихъ нотокъ. Души этихъ людей мертвы, мысли окоченѣли въ прямыхъ, твердыхъ линіяхъ, и сами они без-

пощадны, какъ только можетъ быть безпощаденъ увѣренный и глупый человѣкъ.

Отъ семи до десяти лѣтъ я пробылъ въ закрытомъ благотворительномъ казенномъ пансіонѣ съ фребелевской системой воспитанія. Тамъ классныя дамы, озлобленныя дѣвы, всѣ страдавшія флюсомъ, насаждали въ насъ почтеніе къ благодѣтельному начальству, взаимное подглядываніе и наушничество, зависть къ любимчикамъ и главное—самое главное—тишайшее поведеніе; мы же—мальчишки, сами собою культивировали воровство и онанизмъ. Потомъ изъ милости меня приняли въ казенный пансіонъ при гимназіи. Тамъ было все, что бываетъ въ казенныхъ пансіонахъ: обыски и шпіонство со стороны надзирателей, безсмысленный зубрежъ, куренье въ третьемъ классѣ, водка въ четвертомъ, въ пятомъ—первая публичная женщина и первая нехорошая болѣзнь.

Дальше вдругъ повѣяло новыми молодыми словами, буйными мечтами, свободными пламенными мыслями. Мой умъ съ жадностью развернулся имъ навстрѣчу, но моя душа была уже навѣки опустошена, мертва и опозорена. Низкая неврастичная боязливость впилась въ нее, какъ клещъ въ собачье ухо: оторвешь его, останется головка, и онъ опять выростетъ въ цѣлое гнусное насѣкомое.

Не я одинъ погибъ отъ этой моральной заразы. Я, можетъ быть, былъ слабѣйшимъ изъ всѣхъ. Но, вѣдь, все прошлое поколѣніе выросло въ духѣ набожной тишины насильственнаго почтенія къ старшимъ, въ безличности и безгласности. Будь же проклято это подлое время, время молчанія и нищенства, это благоденственное и мирное житіе подъ безмолвной сѣнью благочестивой реакціи! Потому что тихое оподлѣніе души человѣческой ужаснѣе всѣхъ баррикадъ и разстрѣловъ въ мірѣ.

Странно: когда я одинъ на одинъ съ моей собственной волей, я не только не трусъ, но я даже мало знаю людей, которые такъ легко способны рисковать жизнью. Я ходилъ по карнизамъ отъ окна къ окну на пятиэтажной высотѣ, и глядѣлъ внизъ, я заплывалъ такъ далеко въ море, что руки и ноги отказывались служить мнѣ и я, чтобы избѣгнуть судороги, ложился на спину и отдыхалъ. И многое, многое другое. Наконецъ, черезъ десять минутъ я убью себя, а это тоже, вѣдь, чего-нибудь да стоитъ. Но людей я боюсь. Людей я боюсь! Когда я слышу, какъ пьяные ругаются и дерутся на улицѣ, я блѣднѣю отъ ужаса въ своей комнатѣ. А когда я ночью, лежа въ постели, представляю себѣ пустую площадь и несущійся по ней съ грохотомъ взводъ казаковъ, я чувствую, какъ сердце у меня перестаетъ биться, какъ холодѣетъ все мое тѣло и мои пальцы судорожно корчатся. Я на всю жизнь

испуганъ чѣмъ-то, что есть въ большинствѣ людей и чего я не умѣю объяснить. Таково было и все молодое поколѣніе предыдущаго, переходнаго времени. Мы въ умѣ презирали рабство, но сами росли трусливыми рабами. Наша ненависть была глубока, страстна, но безплодна, и была она похожа на безумную влюбленность кастрата.

Но ты все поймешь и все объяснишь товарищамъ, которымъ я передъ смертью говорю, что люблю ихъ и уважаю, несмотря ни на что. Можетъ быть, они повѣрятъ тебѣ, что я умеръ вовсе не потому, что невольно и низко предалъ ихъ. Я знаю, что нѣтъ въ мірѣ ничего страшнѣе этого страшнаго слова «предатель», которое, идя отъ устъ къ ушамъ, отъ устъ къ ушамъ, заживо умерщвляетъ человѣка. О, я съумѣлъ бы загладить мою ошибку, не будь я рожденъ и воспитанъ рабомъ человѣческой наглости, трусости и глупости. Но именно оттого, что я таковъ, я и умираю. Въ теперешнее великое, огненное время позорно, и тяжело, и прямо невозможно жить такимъ, какъ я.

Да, мой дорогой, я въ послѣдніе годы очень много слышалъ, видѣлъ и читалъ. Я говорю тебѣ: настала минута ужаснаго вулканическаго изверженія. Вырвалось пламя долго сдержаннаго гнѣва и потопило все: боязнь завтрашняго дня, почтеніе къ предкамъ, любовь къ жизни, мирныя сладости семейнаго благополучія. Я знаю о мальчикахъ, почти дѣтяхъ, которые отказывались надѣвать повязку на глаза передъ разстрѣломъ. Я самъ видѣлъ людей, перенесшихъ пытки и не сказавшихъ ни слова. И все это родилось внезапно, появилось въ какомъ-то бурномъ дыханіи, изъ яицъ индюшекъ вдругъ выклевались орлята. Пусть-ка кто-нибудь удержитъ ихъ полетъ!

Я положительно увѣренъ, что теперешній гимназистъ шестиклассникъ въ присутствіи всѣхъ монарховъ и всѣхъ полицеймейстеровъ Европы, въ любой тронной залѣ, твердо, толково и даже, пожалуй, нѣсколько дерзко заявитъ о требованіи своей партіи. Онъ, правда, чуть-чуть смѣшонъ, этотъ скороспѣлый гимназистъ, но въ немъ уже растетъ священное уваженіе къ своему радостному, гордому, свободному я, именно къ тому, что изъ насъ вытравила духовная нищета и трепетная родительская мораль. Ну—и къ чорту насъ!

Сейчасъ безъ восьми девять. Ровно въ девять—со мной будетъ кончено. Собака лаетъ на дворѣ—разъ, два, потомъ помолчитъ и—разъ, два, три. Можетъ быть, когда угаснетъ мое сознаніе и вмѣстѣ съ нимъ навѣки исчезнетъ для меня все: города, площади, пароходные свистки, утры и вечера, номера гостинницъ, тиканье часовъ, люди, звѣри, воздухъ, свѣтъ и тьма, время и пространство и не будетъ ничего, даже не будетъ мысли объ

этомъ «ничего»—можетъ быть, эта собака долго еще будетъ лаять нынѣшнимъ вечеромъ—сначала два раза, потомъ три.

Девять безъ пяти минутъ. Смѣшная идея меня занимаетъ. Я думаю: мысль человѣка это какъ бы токъ отъ электрическаго центра, это какая-то широкая, напряженная вибрація невѣсомой матеріи, разлитой въ міровомъ пространствѣ, и проникающей одинако легко между атомами камня, желѣза и воздуха. Вотъ мысль вышла изъ моего мозга и вся міровая сфера задрожала, заколебалась вокругъ меня, какъ вода отъ брошеннаго камня, какъ звукъ вокругъ звенящей струны. И мнѣ думается, что человѣкъ уходитъ, сознаніе его уже потухло, но мысль его еще остается, еще дрожитъ въ прежнемъ мѣстѣ. Можетъ быть, мысли и сны всѣхъ людей, бывшихъ до меня въ этой длинной, мрачной комнатѣ, еще рѣютъ вокругъ меня и тайно направляютъ мою волю? И, можетъ быть, завтра случайный посѣтитель этого номера задумается внезапно о жизни, о смерти, о самоубійствѣ, потому что я оставляю здѣсь послѣ себя мою мысль? И, почемъ знать, можетъ быть, не завися ни отъ вѣса, ни отъ времени, ни отъ преградъ матеріи, мои мысли въ одинъ и тотъ же моментъ ловятся таинственными, чуткими, но безсознательными пріемниками въ мозгу обитателя Марса, также какъ и въ мозгу собаки, лающей на дворѣ? Ахъ, я думаю, что ничто въ мірѣ не пропадаетъ — ничто! — не только сказанное, но и подуманное. Всѣ наши дѣла, слова и мысли—это ручейки, тонкіе подземные ключи. Мнѣ кажется, я вижу, какъ они встрѣчаются, сливаются въ родники, просачиваются на верхъ, стекаются въ рѣчки—и вотъ уже мчатся бѣшенно и широко въ стройной «Рѣкѣ Жизни». Рѣка жизни—какъ это громадно! Все она смоетъ рано или поздно, снесетъ всѣ твердыни, оковавшія свободу духа. И гдѣ была раньше отмѣль пошлости—тамъ сдѣлается величайшая глубина героизма. Вотъ сейчасъ она увлечетъ меня въ непонятную холодную даль, а можетъ быть, не далѣе, какъ черезъ годъ, она хлынетъ на весь этотъ огромный каменный городъ и потопитъ его и унесетъ съ собою не только его развалины, но и самое его имя!

А можетъ быть, все это смѣшно, что я пишу. Осталось двѣ минуты. Горитъ свѣчка, часы торопливо постукиваютъ предо мною. Собака все еще лаетъ. А что, если ничего не останется ни отъ меня, ни во мнѣ, но останется только одно, самое послѣднее ощущеніе—можетъ быть, боль, можетъ быть, звукъ выстрѣла, можетъ быть, голый, дикій ужасъ, но останется навсегда, на тысячи милліоновъ вѣковъ, возведенныхъ въ милліардную степень.

«Стрѣлка дошла. Сейчасъ мы все это увидимъ. Нѣтъ, подожди: какая-то смѣшная стыдливость заставила меня встать и запереть

дверь на ключъ. Прощай. Еще два слова: а, вѣдь, темная душа собаки должна быть гораздо болѣе воспріимчива къ вибраціямъ мысли, чѣмъ человѣческая... Не оттого-ли они и воютъ, почуявъ покойника. А? Вотъ и эта собака, что лаетъ внизу. Теперь она уже чувствуетъ тревогу. Но черезъ минуту отъ центральной батареи моего мозга побѣгутъ страшными скачками новые чудовищные точки, и коснутся больного мозга собаки. И она завоетъ въ нестерпимомъ, непонятномъ, смѣшномъ ужасѣ... Прощай. Иду».

Студентъ запечаталъ письмо, аккуратно заткнулъ для чего-то пробкой чернильницу, всталъ съ кровати и досталъ изъ кармана тужурки Браунингъ, перевелъ предохранитель съ «sur» на «feu». Разставивъ ноги для устойчивости, зажмурился. И вдругъ быстро поднеся обѣими руками револьверъ къ лѣвому виску, онъ нажалъ гашетку.

— Что это?—тревожно спрашиваетъ Анна Фридриховна.

— А это твой студентъ застрѣлился,—небрежно шутитъ поручикъ.—Такія все сволочи—эти студенты...

Но Анна Фридриховна вскакиваетъ и бѣжитъ въ корридоръ, поручикъ лѣниво слѣдуетъ за ней. Изъ номера пятаго кисло пахнетъ газами бездымнаго пороха. Смотрятъ въ замочную щелку—студентъ лежитъ на полу.

Черезъ пять минутъ у подъѣзда гостинницы уже стоитъ черная, густая, жадная толпа, и Арсеній съ озлобленіемъ гонитъ постороннихъ съ лѣстницы. Въ гостинницѣ суета. Слесарь взламываетъ дверь запертаго номера, дворникъ бѣжитъ за полиціей, горничная за докторомъ. Черезъ нѣкоторое время появляется околодочный надзиратель, высокій, тонкій молодой человѣкъ съ бѣлыми волосами, бѣлыми рѣсницами и бѣлыми усами. Онъ въ мундирѣ и въ широчайшихъ шароварахъ, спускающихся до половины лакированныхъ сапогъ. Онъ тотчасъ же напираетъ грудью на публику и, выкативши свѣтлые глаза, гремитъ начальственно.

— Ос-сади назадъ! Р-р-разойтись! И не понимаю, господа, что-т-тутъ вы нашли любопытнаго. Ровно ничего. Господинъ... убѣдительно прошу... А еще кажется интеллигентный человѣкъ, въ котелкѣ... Што-съ? А вотъ я вамъ покажу полицейскій произволъ-съ. Михальчукъ, замѣть этого. Эй, мальчишка, куда лѣзешь! Я-ть!..

Дверь взломана. Въ номеръ пятый входятъ: надзиратель, Анна Фридриховна, поручикъ, четверо дѣтей, понятые, городовой, два дворника—впослѣдствіи докторъ. Студентъ лежитъ на полу, уткнувшись лицомъ въ сѣрый коврикъ передъ кроватью, лѣвая рука у него подогнута подъ грудь, правая откинута, револьверъ валяется въ сторонѣ. Подъ головой лужа темной крови, въ лѣвомъ

виске круглая, маленькая дырочка. Свѣча еще горитъ и часы на ночномъ столикѣ поспѣшно тикаютъ.

Составляется короткій протоколъ въ казенныхъ словахъ, и къ нему прилагается оставленное самоубійцей письмо... Двое дворниковъ и городовой несутъ трупъ внизъ по лѣстницѣ. Арсеній свѣтитъ, высоко поднявъ лампу надъ головой. Анна Фридриховна, надзиратель и поручикъ смотрятъ сверху изъ окна въ корридорѣ. Несущіе на поворотѣ разладились въ движеніяхъ, застряли между стѣной и перилами и тотъ, который поддерживалъ сзади голову, опускаетъ руки. Голова рѣзко стукается объ одну ступеньку, о другую, о третью.

— Такъ его! такъ его! — озлобленно кричитъ изъ окна хозяйка.—Такъ ему и надо, подлецу! Я еще на чай дамъ!

— Какія вы кровожадныя, мадамъ Зигмайеръ—игриво замѣчаетъ надзиратель и, закрутивъ усъ, скашиваетъ глаза на его кончикъ.

— А еще бы! Теперь въ газету изъ за него попадешь. Я женщина бѣдная, трудящая, а теперь изъ за него люди будутъ мою гостинницу обѣгать.

— Это конечно,—любезно соглашается надзиратель.—И удивляюсь я на этихъ господъ студентовъ. Учиться не хочутъ, красные флаги какіе то выбрасываютъ, стрѣляются. Не хотятъ понять, каково это ихнимъ родителямъ. Ну еще бѣдные—чертъ съ ними, прельщаются на жидовскія деньги. Но, вѣдь, и порядочные люди туда же, сыновья дворянъ, священниковъ, купцовъ... Нарродъ! Однако мадамъ, пожелавъ вамъ всего хорошаго...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—схватываетъ хозяйка.— У насъ сейчасъ ужинъ... селедочка. А такъ я васъ ни за что не пущу.

— Собственно говоря...—мнется околодочный.—А, впрочемъ, пожалуй, Я, признаться, и такъ хотѣлъ зайти напротивъ къ Нагурному перехватить чего нибудь. Наша служба—говоритъ онъ, вѣжливо пропуская даму въ двери—наша служба тяжелая. Иногда и цѣлый день во рту куска не бываетъ.

За ужиномъ всѣ трое пьютъ много водки. Анна Фридриховна, вся раскраснѣвшаяся, съ сіяющими глазами и губами, какъ кровь, сняла подъ столомъ одну туфлю и ногой въ чулкѣ жметъ ногу околоточному. Поручикъ хмурится, ревнуетъ и все пытается разсказать о томъ, какъ «у насъ въ полку». Околодочный же не слушаетъ его, перебиваетъ и разсказываетъ о потрясающихъ случаяхъ «у насъ въ полиціи». Каждый изъ нихъ старается быть какъ можно небрежнѣе и невнимательнѣе къ другому, и оба они похожи на двухъ только что встрѣтившихся во дворѣ кобелей.

— Вотъ вы все—«у насъ въ полку»,—говоритъ, глядя не на

поручика, а на хозяйку надзиратель. — А позвольте полюбопытствовать, почему вы вышли изъ военной службы?

— Позвольте-съ,—возражаетъ обидчиво поручикъ.—Однако, я васъ не спрашиваю, какъ вы дошли до полиціи? Какъ дошли вы до жизни такой?

Но тутъ Анна Фридриховна вытаскиваетъ изъ угла музыкальный ящикъ «Монопанъ» и заставляетъ Чижевича вертѣть ручку. Послѣ небольшихъ упрашиваній околодочный танцуетъ съ нею польку—она скачетъ какъ дѣвочка, и на лбу у нея прыгаютъ крутыя кудряшки. Затѣмъ вертитъ ручку околодочный, а танцуетъ поручикъ, прикрутивъ руку хозяйки къ своему лѣвому боку и высоко задравъ голову. Танцуетъ и Аличка съ опущенными рѣсницами и со своей странной, нѣжно-развратной улыбкой на губахъ.

Околодочный уже окончательно прощается, когда появляется Ромка.

— Да-а.—Я студента провожалъ, а вы безъ меня-а-а. Я какъ соба-а-ака...

А то что было прежде студентомъ уже лежитъ въ холодномъ подвалѣ анатомическаго театра, на цинковомъ ящикѣ, на льду,—лежитъ освѣщенное газовымъ рожкомъ,—обнаженное, желтое, отвратительное. На правой голой ногѣ выше щиколки толстыми чернильными цыфрами у него написано 14. Это его номеръ въ анатомическомъ театрѣ.

А. Купринъ.

КАНУНЪ.

Романъ.

XXVIII.

— Что же, Володя, спросилъ какъ-то Левъ Александровичъ племянника:—намѣренъ ты поступить на службу или нѣтъ? Алексѣй Алексѣевичъ уже приготовилъ твое вступленіе.

— Я, дядя, еще не освоился съ Петербургомъ. Дайте время,— отвѣтилъ Володя?

— Ты плохой работникъ, если тебѣ надо такъ долго осваиваться. Вѣдь, потомъ придется освоиваться съ дѣлами, а это надо умѣть дѣлать быстро. Мы съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ освоивались, уже будучи у дѣлъ.

— Но, Левъ Александровичъ,—вступилась за Володю Наталья Валентиновна,—Володя слишкомъ молодъ. Онъ даже съ жизнью еще не освоился.

Но Володя освоивался гораздо быстрѣе, чѣмъ можно было думать. Это былъ юноша, одаренный отъ природы хорошими способностями, помогавшими ему быстро схватывать сущность представлявшагося ему явленія. И скорѣе это именно и было причиной его нерѣшительности по части поступленія на службу.

Что-то ему во всемъ этомъ не нравилось. И у него было такое ощущеніе, что, какъ только онъ зачислится въ чиновники, то этимъ самымъ какъ бы распишется «въ соучастіи»...

Въ Петербургѣ у него нашлись товарищи, которые были вхожи въ нѣкоторые кружки «неслужащихъ людей». Очень скоро онъ возобновилъ съ ними сношенія и сталъ бывать въ тѣхъ кружкахъ. Тамъ онъ дѣятельно провѣрялъ свои впечатлѣнія.

Оффиціально имя дяди его стояло высоко. Могущество его съ каждымъ днемъ увеличивалось и укрѣплялось. Это было какое-то феерически-эффектное шествіе вверхъ. Фигура его на глазахъ у всѣхъ выростала и въ то время, когда въ Петербургъ пріѣхалъ Володя, Левъ Александровичъ уже былъ сановникъ, владѣвшій

высокимъ чиномъ и орденами, какихъ другіе добивались десятки лѣтъ.

Но Володя внимательно прислушивался къ мнѣніямъ и собиралъ факты, взвѣшивалъ и перевѣшивалъ и все чѣмъ-то оставался недоволенъ. Самъ онъ слишкомъ мало еще зналъ Россію и ея коренныя нужды, чтобы судить и дѣлать основательные приговоры. Онъ только чувствовалъ, что въ этой шумной эффектной дѣятельности, казавшейся какъ бы всепоглощающей, есть что-то искусственное, дутое, не натуральное.

Въ кружкахъ онъ встрѣчалъ полное осужденіе дѣятельности могущественнаго министра. Но тамъ точка зрѣнія была слишкомъ крайняя. То были абсолютно враждебныя мнѣнія и Володя боялся впасть въ ошибку. На дядю онъ привыкъ смотрѣть, какъ на человѣка выдающагося и слишкомъ основательнаго, и онъ скорѣе допускалъ, что чего-то тутъ не понимаетъ.

Благодаря всему этому, онъ переживалъ въ высшей степени нервное состояніе и за нѣсколько недѣль жизни въ Петербургѣ замѣтно похудѣлъ. И когда Левъ Александровичъ и Корещенскій напоминали ему про службу, и о томъ, что давно пора ему начать ее, онъ раздражался и ему стоило большихъ усилій не выказать это раздраженіе.

Страстно хотѣлось ему встрѣтить такого человѣка, съ которымъ онъ могъ бы поговорить откровенно, чтобы выяснить свои сомнѣнія, но въ Петербургѣ такого человѣка онъ не находилъ.

Дѣло было бы просто, если бы тутъ былъ Максимъ Павловичъ. Его онъ отлично умѣлъ понимать.

Въ кружкахъ попадались люди образованные, компетентные, но слишкомъ уже твердо стоявшіе на своей незыблемой точкѣ зрѣнія.

И, можетъ быть, покажется страннымъ, что послѣ долгихъ мученій и колебаній, Володя выбралъ, наконецъ, человѣка, и этотъ человѣкъ былъ Корещенскій. Почему онъ выбралъ именно его? Можетъ быть, этому способствовала самая пустая случайность: онъ замѣтилъ, что у Корещенскаго была манера о своей дѣятельности говорить съ легкой иронической усмѣшкой.

Да, ему показалось, что этотъ человѣкъ, отдавшій дѣлу дяди всѣ свои силы безъ остатка, самъ переживаетъ сомнѣнія, и такого именно человѣка ему хотѣлось послушать. И однажды онъ обратился къ Корещенскому:

— Назначьте мнѣ часъ, Алексѣй Алексѣевичъ, у себя... Мнѣ хочется поговорить съ вами.

Корещенскій посмотрѣлъ на него испытующимъ взглядомъ. Онъ самъ давно уже присматривался къ этому юношѣ, и ему казалось страннымъ, что онъ, стоя у такого могущественнаго

источника всякихъ служебныхъ благъ, не рѣшается начать службу при дядѣ.

— Пожалуйста, Володя, изберите воскресный день, когда я все-таки до извѣстной степени принадлежу себѣ. Обыкновенно въ этотъ день я вылеживаюсь на диванѣ. Но, вѣдь, можно бесѣдовать и лежа... И такъ, въ воскресенье приходите ко мнѣ завтракать. Я завтракаю только по воскресеньямъ. И дѣлаю это у себя въ номерѣ. Въ ресторанъ мнѣ нельзя спускаться. Вѣдь я здѣсь вродѣ чуда-юда рыбы-кита. Сейчасъ начинаютъ пялить глаза и показывать пальцемъ.

И въ ближайшее воскресенье Володя былъ у Корещенскаго. Столъ уже былъ сервированъ на двоихъ. Они сейчасъ же засѣли за завтракъ. Говорили о разныхъ пустякахъ, большею частью вспоминали житье-бытье въ южномъ городѣ.

Послѣ завтрака Корещенскій прилегъ на диванъ и сказалъ:

— Теперь давайте разговаривать. Насколько я понимаю, вы Володя, полны сомнѣній?

— Да, Алексѣй Алексѣевичъ, я полонъ сомнѣній!—отвѣтилъ Володя,—но гораздо важнѣе вотъ что: мнѣ кажется, что и вы полны сомнѣній...

— Ха, ха, ха...—съ оттѣнкомъ сарказма громко разсмѣялся Корещенскій:—хороша эта фигура человѣка, изъ двадцати четырехъ часовъ отдающаго дѣлу двадцать одинъ, неусыпно проектирующаго и разрабатывающаго, воюющаго, защищающаго, лѣзущаго въ драку и въ то же время въ полезности всего этого сомнѣвающагося... Живописная фигура. Съ чего же это вамъ показалось, милый Володя?

— Такъ, показалось да и только,—хмуро отвѣтилъ Володя.

— Ну, такъ вы ошибаетесь. Не сомнѣваюсь я, ибо сомнѣніе ведетъ къ колебаніямъ, которыя могутъ разрѣшиться такъ и этакъ... Всѣ герои и подвижники наканунѣ своихъ подвиговъ сомнѣвались и колебались и для иныхъ изъ нихъ сомнѣніе было тѣмъ огнемъ, изъ котораго они выходили закаленными бойцами, А я не сомнѣваюсь. Я просто не вѣрю, ни одной секунды не вѣрю.

Володя быстро поднялся и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на него. Такого категорическаго заявленія онъ не ожидалъ. Сомнѣвающагося человѣка онъ готовъ былъ встрѣтить. Эта сутолочная работа, отнимавшая у него почти всѣ сутки, могла отнять у него возможность сосредоточиться и рѣшить, и состояніе сомнѣнія могло длиться безконечно долго. Но чтобы невѣрующій въ свое дѣло человѣкъ могъ такъ отдаваться ему, этого онъ не понималъ.

— Вы не вѣрите? Вы?

— Не вѣрю, ни на одинъ грошъ не вѣрю.

— И вы отдаете ему силы?

— Рѣшительно всѣ.

— Во имя чего?

— Батюшка мой, этого въ двухъ словахъ не скажешь. Я только спрошу васъ: чему я долженъ вѣрить? Во что? Я человѣкъ извѣстнаго вамъ направленія. Россія для меня состоитъ не изъ двухъ-трехъ милліоновъ людей, тѣмъ или другимъ способомъ взявшихъ палку и ставшихъ поэтому капралами, а изъ ста сорока милліоновъ народа, а я же отлично понимаю, что отъ всѣхъ моихъ неусыпныхъ трудовъ сто тридцать семь милліоновъ даже не шелохнется. Если вы хотите знать, мой милый, что собственно такое я собой представляю, то я вамъ скажу,—скажу въ видѣ сравненія. А вы понимайте, какъ знаете. Прилагайте сообразно вашимъ способностямъ. Я фокусникъ. Видѣли вы когда-нибудь хорошаго фокусника? Видѣли? прекрасно. А видѣли-ли вы плохого фокусника, который довольствуется успѣхомъ въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ. Тоже видѣли? Великолѣпно. Такъ вотъ-съ, былъ нѣкогда господинъ Ножанскій, это былъ плохой дешевый фокусникъ. Это тѣ господа, которые дѣлаютъ яичницу въ цилиндрѣ, вынимаютъ изо-рта множество разноцвѣтныхъ лентъ, показываютъ исчезновеніе двойки пикъ, манипулируютъ съ волшебнымъ столикомъ... Это фокусы съ заготовкой. Яичница имѣется въ самомъ цилиндрѣ, въ которомъ искусно устроено двойное дно. Ленты лежатъ клубкомъ у него во рту, карты подготовлены, а въ волшебномъ столикѣ все заранѣе устроено и искусно скрыто. А мы дѣлаемъ наши фокусы одной ловкостью. Во мгновеніе ока, пока зрители моргаютъ глазами, мы успѣваемъ совершить явленіе, которое кажется міровымъ, но въ дѣйствительности мыльный пузырь. И мы умѣемъ мыльный пузырь приподнести въ такомъ великолѣпномъ видѣ, что онъ кажется новымъ солнцемъ.

— Но, позвольте, позвольте... Алексѣй Алексѣевичъ, для чего вы это дѣлаете, почему вы это дѣлаете?

— Почему и для чего?—онъ пожалъ плечами.—Почему же мнѣ этого не дѣлать? Я призванъ. Для этого я сдѣлалъ большія усилія...

— Да вы когда поняли это?

— Увы, въ томъ-то и вся штука, что я понялъ все это уже здѣсь, на мѣстѣ. Левъ Александровичъ—обаятельный умъ, онъ соблазнилъ меня самымъ естественнымъ образомъ, и, когда онъ меня соблазнилъ, я горѣлъ и пылалъ и думалъ: а, такъ вотъ оно мое призваніе. Я призванъ спасти Россію. Это, мой милый, случается съ невинными дѣвушками, когда какой-нибудь обаятельный прелестникъ въ жаркомъ монологѣ, ставъ передъ нею на колѣни, обѣщаетъ ей «жизнь иную», тамъ, гдѣ-то на облакахъ и

тѣмъ склоняетъ ее къ паденію, а послѣ паденія, элегантно приподнимаетъ шляпу и раскланивается. Ну, такъ ей ужъ одно только и остается: совершать паденіе и впредь. Ибо невинность вернуть уже никакъ невозможно. Такъ точно и я: началъ я дѣйствовать, неусыпно работать. Работаю, батюшка, работаю и все чувствую какую то неловкость. Знаете, такое ощущеніе, какъ вотъ иногда человѣкъ ѣстъ сладкое и руки у него дѣлаются липкими. Такъ непріятно, хочется руки помыть да негдѣ. Сперва думалъ: не освоился, не осмыслилъ, не уразумѣлъ... А потомъ какъ-то собрался съ духомъ и залѣзъ въ свою душу съ ножемъ и—о, ужасъ! Нашелъ тамъ заготовленные клубки разноцвѣтныхъ лентъ, двойныя дны съ яичницей...

— И послѣ этого?

— И послѣ этого я продолжалъ дѣлать тоже и, могу васъ увѣрить, что дѣло отъ этого только выиграло, ибо послѣ этого я сталъ уже сознательнымъ фокусникомъ, а, значитъ, и болѣе совершеннымъ.

— Нѣтъ,—вдругъ воскликнулъ онъ послѣ полуминутнаго молчанія,—это можно формулировать иначе и гораздо лучше. Знаете-ли что, милый молодой человѣкъ, знаете-ли, что было послѣ этого? Послѣ этого я сдѣлался вдругъ циникомъ. Вотъ настоящее слово. И вотъ вамъ еще филологическое открытіе, которое вы можете опубликовать въ либеральной газетѣ, приписавъ авторство себѣ,— а именно: слово чиновникъ есть испорченное «циникъ». Да это же очень просто: произошла естественная перемѣна буквы ц въ ч. Циновникъ. *О, в*, и *н*. это вставка, по требованію фонетики русскаго языка, и вотъ вамъ *циникъ*. И долженъ вамъ сказать, какъ результатъ моихъ наблюденій и размышленій, что настоящій чиновникъ есть всегда непремѣнно и безусловно циникъ. Да какъ же иначе? Нельзя же допустить, что всѣ чиновники глупы и слѣпы и глухи, что они не видятъ, не слышатъ и не понимаютъ. Они отлично все понимаютъ, они прекрасно знаютъ, что отъ ихъ дѣятельности Россіи, настоящей Россіи, не хуже и не лучше, и что они работаютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ на табель о рангахъ, понимая сіе въ весьма широкомъ смыслѣ. Истинный чиновникъ пишетъ проектъ или докладъ и усмѣхается. Только на людяхъ эта усмѣшка не видна. Она у него подъ усами, а когда онъ одинъ, такъ у него ротъ дѣлается до ушей. И потому онъ циникъ, и потому я циникъ. Вотъ вамъ, юноша,—кушайте на здоровье. Не знаю, какъ это вамъ удалось извлечь изъ меня, потому что я досихъ поръ никому никогда не говорилъ; но ужъ извлекли, такъ кушайте на здоровье...

Володя буквально бѣгалъ по комнатѣ. Такого признанія отъ Корещенскаго онъ дѣйствительно не ожидалъ. Еще недавно, нѣ-

сколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ зналъ его за человѣка строгихъ, твердыхъ принциповъ, работавшаго надъ дѣломъ, которое считалъ полезнымъ и важнымъ, и вдругъ такой цинизмъ, дѣйствительно, цинизмъ...

Его неопытный въ житейскихъ дѣлахъ умъ не могъ сразу переварить такого скачка, и онъ былъ глубоко взволнованъ и несчастливъ.

— Но зачѣмъ? Зачѣмъ это все? Ради чего?—спрашивалъ онъ и самъ не замѣчалъ, какъ руки его складывались въ умоляющій жестъ и въ голосѣ звучало отчаяніе.

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что сдвинули меня съ мѣста. Не надо было сдвигать. Сидѣлъ я въ маленькой норѣ и истреблялъ злокачественныхъ змѣй, коихъ тамъ находилъ. Занятіе не широкаго масштаба, а все-таки полезное. Меня вытащили изъ норы и поставили на широкій путь и сказали: осуществляй. Я и началъ осуществлять. А когда понялъ истину, да подумалъ о прежней норѣ, такъ для меня стало ясно, какъ день, что я ужъ въ нее обратно ни за что не влѣзу. Разстолстѣлъ, разбухъ.

— Слушайте, Алексѣй Алексѣевичъ, да вѣдь это невозможно! Вѣдь вы были человѣкомъ твердымъ, я считалъ васъ непоколебимымъ. Во что же тогда вѣрить? Боже мой! на кого смотрѣть?

— Послушайте, мой милый юноша,—сказалъ Корощенскій и, видимо задѣтый за живое, поднялся и сѣлъ на диванѣ.—Вы говорите, что я былъ непоколебимъ? Вздоръ! Если бы я былъ непоколебимъ, не поддался бы я увѣщанію Льва Александровича. Да, я тогда увѣровалъ и воспылалъ, но вѣдь это же наивно! Увѣровалъ потому, что хотѣлъ увѣровать. Былъ слѣпъ потому, что завязалъ себѣ глаза. Развѣ взрослый человѣкъ, желающій быть искреннимъ съ самимъ собой, могъ бы увѣровать въ похвальбу, хотя бы и генія—а между нами сказать, Левъ Александровичъ все-таки не геній—при помощи угольковъ, разведенныхъ подъ треножникомъ, да и хотя бы цѣлаго костра, растопить, расплавить ледники сѣвернаго полюса?.. Да не ясно-ли, что для этого надобно зажечь всю Россію, всѣ сто-сорокъ милліоновъ, чтобы они горѣли, чтобы костеръ составился изъ всѣхъ ея дремучихъ лѣсовъ, а поднимающееся отъ него пламя подожгло бы самое небо. А я повѣрилъ... Мы освѣжимъ торговлю, мы подымемъ и укрѣпимъ курсъ, мы урегулируемъ тарифы... Чертъ возьми, тарифы, курсъ, торговля... Когда сто милліоновъ еле-еле влачатъ существованіе... Торговля для тысячи крупныхъ коммерсантовъ, курсъ для десятка банкировъ, а тарифы для сотни крупныхъ хлѣботорговцевъ... И въ это повѣрить? Этимъ зажечься и горѣть? Страну безправную, темную, голодную можно поднять тарифами, курсомъ, торговлей? Да, если бы ввести торговлю живыми людьми,—милліоны

съ удовольствіемъ бы продали себя въ рабство. И оживилась бы торговля... людьми. А я въ это повѣрилъ? Вздоръ... Я сдѣлалъ только видъ передъ самимъ собой, что повѣрилъ.

— Но зачѣмъ? Для чего вамъ это!

— Для чего? Скажу. Теперь ужъ все скажу вамъ юноша; ибо впустилъ васъ ужъ такъ далеко, что назадъ ворочать васъ было бы даже глупо. Для чего? А для чего я надсаживалъ грудь девять битыхъ лѣтъ въ классической гимназіи и окончилъ оную съ золотой медалью? Для чего я, въ бытность студентомъ, корпѣлъ надъ источниками, просиживая по восемь-девять часовъ въ публичной библіотекѣ. Для чего я ломалъ голову надъ диссертаціей, стараясь превзойти ученостью моихъ наставниковъ? Я хотѣлъ жить и работать, я желалъ двигать науку, — наконецъ, у меня было самолюбіе, я расчитывалъ составить себѣ имя въ наукѣ и занять достойное положеніе въ обществѣ. А со мной что сдѣлали? Мнѣ даже понюхать не дали каѳедры... Я не дѣлалъ ни пороха, ни бомбъ, я человѣкъ мирныхъ наклонностей. Я ни противъ кого не замышлялъ убійства, революціи, я только мыслилъ свободно... Я дѣлалъ только то, что обязательно для человѣка, посвятившаго себя наукѣ, ибо, если онъ мыслитъ не свободно, а сообразно указаніямъ, то онъ не наукѣ служитъ, а проституціи. И за это меня выгнали изъ университетской корпораціи, за это же швырнули въ мѣста, хотя и не столь отдаленныя, но достаточно отвратительныя, подвергли вѣчному надзору, травили меня, мѣшали мнѣ занимать мѣста, которыя мнѣ нравились и, послѣ всѣхъ этихъ умоистощающихъ страданій, высшее, чего я могъ достигнуть—это постъ земскаго статистика, да и тутъ каждую минуту грозили мнѣ лишеніемъ мѣста и ссылкой. Я считаю, что моя жизнь, какъ я ее понимаю, разбита. Такъ пусть-ка они мнѣ и заплатятъ за то, что я претерпѣлъ, за всѣ мои труды и лишенія. Ну, вотъ они и платятъ, заплатятъ еще больше, вотъ вамъ и все.

И, выпаливъ это, онъ хлопнулся на диванъ и грузно опустилъ голову на подушку.

Володя ходилъ по комнатѣ, удрученный, придавленный, убитый. Въ сущности онъ видѣлъ передъ собой раненую душу, которая кричала отъ боли. Такое впечатлѣніе онъ получилъ отъ всей этой исповѣди. Не хвастовство и не задоръ слышались для него въ рѣчахъ Корещенскаго, а боль и отчаяніе.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго глубокаго, молчанія. Володя остановился.

— А дядя?—промолвилъ онъ.—Что вы думаете о дядѣ?

Корещенскій не сразу отвѣтилъ. Прошло еще нѣкоторое время молчанія и тишины.

— Вашъ дядя,—сказалъ наконецъ онъ, замѣтно утомленнымъ голосомъ,—вашъ дядя человѣкъ совсѣмъ иного склада. Онъ не похожъ на насъ съ вами. Для его созданія была употреблена совсѣмъ другая глина. Такой глины у насъ въ Россіи нѣтъ. Ее выписываютъ изъ-за границы. Видите ли, есть люди, у которыхъ сердце болитъ по Россіи и никогда не перестаетъ болѣть. Есть люди, у которыхъ оно болѣло, но перестало болѣть. Ну, бываетъ же такъ, что рана зарубцуется и никогда уже не открывается. Только передъ дурной погодой въ ней начинаетъ зудить старая боль. Но есть такіе, у которыхъ оно никогда не болѣло, и они не знаютъ, что такое эта боль. Таковъ вашъ дядя. И это не значитъ, что онъ плохой человѣкъ. Напротивъ, онъ прекрасный человѣкъ, доброжелательный, готовый сдѣлать всякое добро и нисколько не склонный къ причиненію зла. Но онъ весь—въ себѣ. Онъ—личность и при томъ выдающаяся. Весь его міръ заключенъ въ немъ самомъ. Онъ служитъ только себѣ самому, своей личности. На югѣ онъ ее возвысилъ удивительно. Мы знаемъ исторію этого возвышенія. Но тамъ дальше некуда было итти. Открылся новый путь и онъ ступилъ на него, чтобы вести свою личность дальше, выше, въ новыя сферы. И онъ отлично понимаетъ, что для этого нужно, кому надо служить. Онъ понимаетъ, что народу служить—возвышенно, почтенно; прекрасно знаетъ, что за службу народу, въ наше время и въ нашей странѣ—угодишь только въ тюрьму, на каторгу и на висѣлицу.. Служба же другимъ ведетъ къ почету, къ знаменитости, къ могуществу. Онъ просто ищетъ, гдѣ бы повыгоднѣй для своей личности устроить свой умъ, свою энергію, свои знанія. Будь это въ другой странѣ, гдѣ народъ имѣетъ значеніе, гдѣ именно служба народу ведетъ ко всему этому, онъ великолѣпно служилъ бы народу всѣми своими силами:.. Такъ бродячій музыкантъ, попавъ къ богатому магнату, увеселяетъ своимъ искусствомъ его и его гостей, не обращая ни малѣйшаго вниманія на прислуживающій имъ народъ, толпящійся въ передней. Онъ кончилъ и получилъ плату и идетъ дальше и, встрѣчая на пути жнецовъ и жницъ въ рабочихъ одеждахъ и безъ сапогъ, играетъ имъ тѣже самыя мелодіи, довольствуясь отъ нихъ жалкими грошами.

— Такъ что, по вашему, дядя дѣлаетъ это сознательно?—спросилъ Володя.

— Безусловно. Левъ Александровичъ ничего не дѣлаетъ несознательно. Онъ тонко понимаетъ всякія извилины. Ну-съ, молодой человѣкъ, теперь вы познали истину... Чѣмъ еще могу васъ утѣшить?

— Ничѣмъ, Алексѣй Алексѣевичъ... Теперь ужъ ровно ничѣмъ.

— На службу къ намъ не поступите?

— Нѣтъ, не поступлю. Воздержусь.

— Прекрасно, хотя и не практично.

— Еще я хочу васъ спросить, Алексѣй Алексѣевичъ,—будетъ ли облегчена судьба Максима Павловича?

— Ахъ, да, я уже имѣю возможность сказать вамъ это: это удалось. Максимъ Павловичъ на дняхъ буденъ освобожденъ. Его арестъ, такъ сказать, подведенъ подъ недоразумѣніе.

— И это сдѣлалъ дядя?

— Если хотите, не будь вашъ дядя тѣмъ, что онъ есть, этого никакъ нельзя было бы сдѣлать. Онъ самъ не принималъ въ этомъ участія, онъ только пожелалъ этого.

— То-есть, въ концѣ концовъ кому же этимъ будетъ обязанъ Максимъ Павловичъ?

— Ему, ему. Его доброму желанію... Уходите? — прибавилъ онъ, видя, что Володя взялъ свою шапку.

— Да, мнѣ пора. Я засидѣлся у васъ.

— По крайней мѣрѣ, не безъ пользы, не правда-ли? Мнѣ не зачѣмъ прибавлять, что моя исповѣдь останется у васъ на духу...

— Конечно... Вы слишкомъ много довѣрили мнѣ, Алексѣй Алексѣевичъ.

Володя подалъ ему руку. — И знаете, что я вамъ скажу на прощанье, — прибавилъ онъ: — простите, что я вамъ это скажу. Мнѣ жаль васъ, Алексѣй Алексѣевичъ.

— И мнѣ тоже, Володя,—откликнулся Корещенскій.

Володя пожалъ его руку и ушелъ. Прошло дней пять послѣ этого. Володя опять встрѣтился лицомъ къ лицу съ своимъ дядей.

— Ну, когда же ты рѣшишь вопросъ о службѣ? — спросилъ его Левъ Александровичъ.

— Я, дядя, зачислился въ помощники присяжнаго повѣреннаго.

— Да? Съ чего же это? Ты пріѣхалъ служить и вдругъ такъ круто измѣнилъ рѣшеніе.

— У меня къ этому больше склонности.

— Къ кому же ты записался?

— Къ Болоцкому.

— Знаю его. Блестящій и горячій ораторъ, но плохой цивилистъ. Не знаю, чему ты у него научишься. Жаль, что не могу быть тебѣ полезенъ.

— Я, дядя, нѣкоторое время долженъ жить у васъ.

— Пожалуйста, не нѣкоторое время, а просто живи.

— Это неудобно, дядя,—если у меня явится практика, будутъ приходить.

— Ну, до практики еще далеко. А, впрочемъ, если узнаютъ о твоемъ близкомъ родствѣ со мной, практика придетъ очень скоро.

— Я не намѣренъ эксплоатировать свое родство съ вами.

Левъ Александровичъ одобрительно похлопалъ племянника по плечу. — И я не изъ тѣхъ дядей, которые позволяютъ себя эксплоатировать.

XIX.

Володя получилъ письмо отъ Зигзагова.

«Мой милый юный другъ! Не знаю, какому доброму генію я обязанъ свободой. Но я ею пользуюсь, это фактъ неопровержимый.

Признаюсь, я считалъ себя ввергнутымъ въ послѣднюю бездну, изъ которой нѣтъ уже выхода. Всевозможные слѣдователи и прокуроры увѣрили меня, что я виновенъ отъ ногъ до головы, что я одинъ изъ опаснѣйшихъ разрушителей и пр. и пр. и что мнѣ уготовлено мѣсто на каторгѣ, и вдругъ, — о, добрыя силы природы,—мнѣ объявляютъ: вы свободны.

Я до того былъ огорошенъ, что даже не воздержался и выразилъ изумленіе, почти протестъ. Какъ? Почему? Я такъ виновенъ, я такъ опасенъ...

— Вы свободны! и больше никакихъ разговоровъ. За вами будетъ учрежденъ негласный надзоръ.

Но, такъ какъ я россійскій гражданинъ, то негласный надзоръ за мною учрежденъ отъ перваго моего вздоха, отъ часа моего рожденія. И мнѣ даже дана свобода передвиженія, которой я и думаю воспользоваться.

Здѣсь жить скучно. Всѣхъ моихъ друзей или въ тюрьму посадили, или разогнали въ дальніе концы моей родины. Хочу пріѣхать къ вамъ, облобызать руку госпожи министерши и полюбоваться на то, какъ нашъ многоумный Левъ Александровичъ спасаетъ отчечество.

Но чуръ, никого не предупреждать о моемъ пріѣздѣ. Я хочу явиться сюрпризомъ, хотя и боюсь, какъ бы для кой-кого сюрпризъ не превратился въ кошмаръ

Не говорите даже Натальѣ Валентиновнѣ. Вамъ же скажу, что намѣренъ выѣхать въ субботу, а слѣдовательно въ Петербургѣ буду во вторникъ.

Приходите на вокзалъ и устройте мнѣ торжественную встрѣчу, но въ вашемъ единственномъ лицѣ. Обнимаю васъ, если вы въ настоящую минуту не въ чиновничьемъ вицъ-мундирѣ».

Это письмо было радостью для Володи. Хотя разговоръ съ Корещенскимъ и далъ ему рѣшимость опредѣлить для себя дорогу и онъ отвергъ службу и избралъ адвокатуру, тѣмъ не менѣе у него была страстная потребность съ кѣмъ нибудь вдвоемъ заново передумать обо всемъ томъ, что онъ слышалъ здѣсь и видѣлъ.

И Зигзаговъ былъ для этого самый подходящій человѣкъ. Къ этому былъ чрезвычайно приспособленъ складъ его ума—тонкаго, проницательнаго и насмѣшливаго.

У самого Володи всѣ мысли по этому предмету складывались какъ-то трагически и для облегченія его мозга нужно было облить ихъ смѣхомъ, и именно такимъ изящнымъ, какъ у Зигзагова.

И онъ ждалъ его. Ему трудно было скрывать о пріѣздѣ Максима Павловича отъ Натальи Валентиновны. Онъ зналъ, что для нея это будетъ тоже радость. И хотя это было просто шутливая выходка со стороны Зигзагова, но все же онъ не хотѣлъ преступать его воли.

И вотъ насталъ вторникъ. Володя просилъ прислугу, чтобы его разбудили рано. Въ Петербургѣ онъ пріучился къ позднему вставанію.

Въ половинѣ восьмого утра онъ вышелъ изъ дома и ѣхалъ на Варшавскій вокзалъ. Утро было темное, тусклое и морозное. Вокзалъ еще былъ освѣщенъ фонарями. Онъ пріѣхалъ слишкомъ рано и съ полчаса пришлось бродить ему по платформѣ.

Наконецъ, показался поѣздъ. Десятка два хмурыхъ петербуржцевъ, какъ и онъ, кого-то встрѣчавшихъ, оживились. Произошло движеніе. Поѣздъ подъѣхалъ, остановился.

Максимъ Павловичъ выскочилъ изъ вагона и они бросились другъ другу въ объятія.

— Ну, везите меня въ какую-нибудь гостинницу. Вы петербуржецъ, а я пятнадцать лѣтъ тому назадъ провелъ здѣсь три дня. О, какое скверное утро! И все здѣсь такъ?

— Почти все,—сказалъ Володя.

Носильщикъ тащилъ чемоданъ Максима Павловича, очень помѣстительный и тяжелый. Другого багажа не было. Извозчикъ повезъ ихъ на Малую Морскую.

— Ну, вы сейчасъ на службу?—сказалъ Максимъ Павловичъ.

— Я не служу!—отвѣтилъ Володя.

— Какъ? Еще нѣтъ?

— Уже нѣтъ. И не буду. Я адвокатъ.

— А разскажите, разскажите.

— Да что разсказывать пустяки! Это все потомъ разскажется. Какъ вы? Вѣдь просидѣли въ тюрьмѣ недѣль шесть...

— Да вѣдь это для меня ощущеніе не новое. Дня по три уже приходилось сидѣть. Впрочемъ было и новое. Увѣренность, что больше ужъ не выйду. О, это проклятое чувство! Оно стискиваетъ всѣ наши духовныя способности. Оно дѣлаетъ человѣка маленькимъ жалкимъ звѣрькомъ, готовымъ за одинъ лучъ солнца отступить отъ самыхъ святыхъ своихъ кумировъ... О, какіе это силачи, тѣ, что и въ каторгѣ остаются непоколебимыми! Но

объясните мнѣ, Володя, чудо моего освобожденія. Вѣдь несомнѣнно, что это отсюда. Какъ же это могло случиться?

— Не знаю. Это какая-то тайна. Я спрашивалъ Корещенскаго. Онъ говоритъ, что дядя самъ не хлопоталъ, а какъ-то тамъ благодаря его положенію... Не знаю. Но это все равно. Въ концѣ концовъ, разумѣется, все это случилось, благодаря дядѣ.

— Ну, конечно. Разсказывайте же о Корещенскомъ, о Натальѣ Валентиновнѣ... Ахъ, да, я забылъ вамъ сказать. Вѣдь я пріѣхалъ не въ гости, а въ качествѣ новаго петербургскаго обывателя. «Пожаръ способствовалъ мнѣ много къ украшенію»... Послѣ тюрьмы я сейчасъ-же получилъ блестящее предложеніе и буду писать здѣсь въ одной газетѣ.

Они пріѣхали въ гостинницу и черезъ нѣсколько минутъ были въ номерѣ. Максимъ Павловичъ былъ голоденъ и распорядился на счетъ чаю. Володя тоже ничего еще не пилъ.

Они усѣлись за чайнымъ столомъ, и Володя дѣлалъ ему «докладъ» о своихъ петербургскихъ впечатлѣніяхъ. Онъ разсказалъ о томъ, какою нашелъ здѣсь Наталью Валентиновну, а потомъ перешелъ къ Корещенскому.

Онъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи, данномъ Корещенскому, что его исповѣдь останется у него «на духу». И сказалъ Зигзагову объ этомъ своемъ затрудненіи. Но Максимъ Павловичъ облегчилъ его.

— Вы, милый, можете не преступать вашего обѣщанія. Корещенскаго я хорошо знаю. Въ его характерѣ нѣтъ эластичности. Онъ можетъ или фанатически увѣровать, или цинически продаться. Однако же онъ настолько уменъ, что я не ошибусь, сказавъ, что здѣсь ему вѣровать не во что.

Володя ухватился за это и разрѣшилъ себя отъ клятвы. Онъ разсказалъ о своемъ свиданіи съ Корещенскимъ и былъ очень удивленъ, когда со стороны Максима Павловича не встрѣтилъ ни изумленія, ни негодованія.

— Ахъ, милый, это все въ порядкѣ вещей. Бываютъ герои, мы ими любуемся и удивляемся имъ. Но и герои утомляются. И въ концѣ концовъ человѣкъ созданъ не для геройскихъ подвиговъ, а для того, чтобы жить, пользуясь благами жизни. Если геройство возвести въ долгъ, то, по крайней мѣрѣ, десять милліоновъ россійскихъ обывателей должны пойти въ тюрьму Не надо быть даже особенно слабымъ, чтобы любить жизнь и предпочитать всему на свѣтѣ свободу.

— А васъ, Максимъ Павловичъ, тюрьма, кажется, усмирила!— сказалъ Володя.

— Нѣтъ, милый, я всегда любилъ жизнь, даже тогда, когда пускалъ себѣ пулю въ високъ. И скажу вамъ такъ: что если бы

мнѣ предложили стать въ положеніе Корещенскаго, я отказался бы, но не изъ геройства. Тутъ было бы совсѣмъ другое. Циническая продажа своего труда кому угодно за хорошую плату, есть что то рыночное и некрасивое... А я сознательно никогда не позволю себѣ ничего некрасиваго.

Они бесѣдовали до полудня. Въ это время Зигзаговъ привелъ себя въ порядокъ, переодѣлся и они поѣхали къ Балтовымъ.

Наталья Валентиновна уже была одѣта и въ домѣ собирались завтракать. Льва Александровича по обыкновенію не было дома.

Эффектъ появленія Максима Павловича былъ чрезвычайный. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на двухъ концахъ. Наталья Валентиновна просто по-дѣтски обрадовалась ему и прежде всего тому, что онъ свободенъ, невредимъ и здоровъ. Она до сихъ поръ не была въ этомъ увѣрена.

Въ глазахъ Лизаветы Александровны сверкнулъ холодный блескъ, когда она услышала звучный и мягкій голосъ Максима Павловича. Она знала всю послѣднюю исторію приключеній Зигзагова и считала его появленіе въ домѣ ея брата страшной безтактностью.

Конечно, она отлично «выдержала себя» и на привѣтствіе Максима Павловича, когда они собрались въ столовой, отвѣтила даже улыбкой, но въ душѣ вся была противъ него.

У нея даже созрѣло рѣшеніе на этотъ разъ по отношенію къ брату выйти изъ своей пассивной роли и настойчиво посовѣтовать ему отказать этому господину отъ дома. Человѣкъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ за участіе въ дѣлѣ, которое на-дняхъ будетъ разбираться въ судѣ и кончится чуть-ли не казнью, человѣкъ, получившій свободу только благодаря могущественному вліянію ея брата—кажется, могъ бы и самъ понять неумѣстность своего посѣщенія.

Но въ этотъ день ей пришлось прямо растеряться отъ изумленія. Это случалось очень рѣдко, что Льву Александровичу удавалось попасть домой къ завтраку. И въ этотъ день онъ, никѣмъ неожиданный, явился.

И Лизавета Александровна была свидѣтельницей того, съ какимъ взрывомъ радости Левъ Александровичъ, увидѣвъ за столомъ Максима Павловича, подбѣжалъ къ нему и съ какой сердечной теплотой заключилъ его въ объятія.

— Ужасно радъ, хотя вы не повѣрите, что ваша свобода для меня сюрпризъ! — сказалъ онъ. — Изъ этого вы можете прежде всего сдѣлать выводъ, что меня тутъ благодарить не за что.

Но пребываніе его дома было до такой степени кратко, что Максимъ Павловичъ не успѣлъ даже хорошенько разглядѣть его.

Оно длилось не больше двадцати минутъ, и настоящее свиданіе было отложено на обѣденное время.

— Сегодня послѣ обѣда я никуда не поѣду. Я просто объявлюсь больнымъ и пусть Корещенскій представительствуетъ за себя и за меня.

И онъ торопливо позавтракалъ и исчезъ.

Но вечеромъ свиданіе было неудачно. Левъ Александровичъ пріѣхалъ въ восемь часовъ, за обѣдомъ говорилъ мало и видимо чѣмъ-то былъ озабоченъ. Разговоръ не ладился и Максимъ Павловичъ почувствовалъ, что ему надо раньше уѣхать.

И это было необходимо. Левъ Александровичъ крайне нуждался въ томъ, чтобы остаться вдвоемъ съ Натальей Валентиновной.

— Ты чѣмъ-то разстроенъ?—прямо спросила она.

— Непріятности съ Корещенскимъ.—сказалъ Левъ Александровичъ.—Пріѣхала его жена. Вошла въ сношеніе съ кругами иного направленія и всюду честитъ его подлецомъ, измѣнникомъ своимъ убѣжденіямъ, ренегатомъ. И при этомъ живетъ на его счетъ. Какъ это удивительно совмѣщается въ женщинѣ!

— Что же въ этомъ собственно тебя разстраиваетъ?—спросила Наталья Валентиновна.

— Да именно то, что она дѣлаетъ это все шумно и скандально, съ явнымъ расчетомъ компрометировать его. И ко всему распространяетъ разсказы о какихъ то его связяхъ съ сомнительными женщинами. А это дѣлаетъ его положеніе шаткимъ, и меня можетъ поставить въ необходимость разстаться съ нимъ.

— Добровольно?

— Да, чтобы не ждать, когда придется сдѣлать это недобровольно. Но я безъ него, какъ безъ рукъ. Правда, у меня есть одно средство...

— Какое?

— Да просто выслать ее изъ Петербурга.

— Но это ужасно, Левъ Александровичъ! Вѣдь она ничего преступнаго не совершила.

— Къ сожалѣнію... Она дѣлаетъ не уголовныя гадости.

— Зачѣмъ она все это дѣлаетъ?

— Во первыхъ, изъ чувства обиды. Онъ оставилъ ее на югѣ и не позвалъ сюда. А во вторыхъ, просто такой скандальный характеръ. Вѣдь она и тамъ, не смотря на то, что онъ жилъ въ семьѣ, разсказывала про него гадости и устраивала ему скандалы. И какимъ-то образомъ это уже распространилось и мнѣ дѣлали прямые намеки и я долженъ былъ молчать. Мнѣ особенно тяжело будетъ съ этимъ, пока наши отношенія съ тобой не урегулируются... Разводъ тянется дольше, чѣмъ я ожидалъ. Уже пять недѣль прошло. Мигурскій, желая выторговать какъ можно

больше, всячески тормозитъ его. О, когда это совершится, я буду совсѣмъ иначе съ ними разговаривать.

— Значитъ, тебѣ это очень вредитъ?

— Не то... Это меня сдерживаетъ. И не могу развернуть всѣ свои силы, выпалить разомъ изъ всѣхъ пушекъ. Мнѣ приходится ладить съ людьми, которыхъ я считаю вредными и которые въ сущности стоятъ мнѣ на дорогѣ...

— На дорогѣ къ чему?—спросила Наталья Валентиновна.

— Къ власти, Наташа... Къ настоящей, ни съ кѣмъ не раздѣляемой власти. Только эту цѣль я признаю и на меньшемъ не примирюсь. Если бы я не имѣлъ въ виду этого, я ушелъ бы. Мои враги ничтожны. Побороть мнѣ ихъ стоило бы самыхъ незначительныхъ усилій, но для этого самъ я долженъ быть безупреченъ. И еще, Наташа, я хочу просить тебя объ одномъ не легкомъ подвигѣ. Я знаю, что ты дорожишь дружбой Максима Павловича, ради тебя я допустилъ, чтобы хлопотали о его освобожденіи, но это мнѣ обошлось очень дорого. Я долженъ былъ дать отвѣтственное и почетное назначеніе завѣдомо недобросовѣстному человѣку. Но нужно, видишь-ли... Максимъ Павловичъ самъ не понимаетъ, что ему не слѣдуетъ бывать у насъ...

— Ты такъ думаешь? Это никому не пришло бы въ голову, при видѣ твоей встрѣчи съ нимъ. Неужели ты былъ не искрененъ?

— Ты меня плохо знаешь, Наташа. Я никогда не бываю лицемѣрнымъ. Я искренно радъ ему и люблю его. Но онъ и его репутація, это двѣ вещи совершенно различныя. Ты понимаешь, всякую репутацію можно измѣнить. Есть тысячи примѣровъ, когда люди реабилитировались. Человѣкъ мѣняется. И въ этомъ и состоитъ прогрессъ. Но реабилитація признается только фактическая.

— Что же долженъ сдѣлать человѣкъ, чтобы быть признаннымъ?

— Сдѣлать то, чего не сдѣлаетъ Максимъ Павловичъ. Проявить какую-нибудь положительную дѣятельность. А онъ совершенно неспособенъ къ этому. Максимъ Павловичъ милый, тонкій, красивый отрицатель. Я люблю слушать его ядовитыя замѣчанія. Его ядъ, это ядъ цвѣтка,—тонкій ароматъ его, отъ котораго бываетъ кошмаръ... Вѣдь вотъ Корещенскій казался невозможнымъ. Ножанскій пришелъ въ ужасъ при его имени. Но онъ доказалъ свою способность къ положительной дѣятельности. Теперь ужъ никто въ немъ не сомнѣвается.

— Что же мы можемъ сдѣлать съ Максимомъ Павловичемъ? Неужели отказать ему отъ дома?

— Не отказать, Наташа, а помочь ему самому догадаться... Я этого не съумѣлъ бы сдѣлать. Но ты... Мнѣ кажется, что тебѣ это легче.

— Я совсѣмъ этого не думаю, Левъ Александровичъ. Я не могу себѣ представить этого.

— А между тѣмъ это необходимо, Наташа. Вѣдь черезъ нѣсколько недѣль наше семейное положеніе измѣнится. Нашъ домъ наполнится людьми. Если Максимъ Павловичъ не пойметъ этого раньше, то тогда помочь ему въ этомъ будетъ гораздо труднѣе. Между тѣмъ имя его уже было упомянуто въ газетахъ въ числѣ арестованныхъ по южному дѣлу и оно будетъ фигурировать на судѣ. Я могъ устроить его освобожденіе, но противъ этого я безсиленъ. Такъ ты подумай, Наташа, имя, которое будетъ одновременно произноситься въ политическомъ процессѣ и въ нашей гостиной... Вѣдь это безсмыслица... Вѣдь ты же должна понимать, Наташа, что если теперь это огорчаетъ тебя, то тогда огорчитъ вдвое, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ пришлось бы дать ему понять это. А между тѣмъ скажи, развѣ ты можешь поручиться за то, что Максимъ Павловичъ въ скорости опять не впутается въ подобную же исторію! Скажи мнѣ, Наташа, свое мнѣніе обо всемъ этомъ.

Наталья Валентиновна слушала его съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и въ то время, когда онъ говорилъ, она именно о томъ и думала, что необходимо ей ясно выразить свое мнѣніе по поводу всего этого.

До сихъ поръ многое изъ того, что происходило вокругъ, ее удивляло. Но она какъ бы откладывала свое мнѣніе на послѣ и къ жизни, протекавшей мимо нея, относилась пассивно.

Можетъ быть, это происходило отчасти отъ того, что самъ Левъ Александровичъ жилъ какъ-то на спѣхъ и не было возможности поговорить съ нимъ сколько нибудь основательно. Затрагивать глубокія темы, чтобы на полуфразѣ прекратить разговоръ, не было смысла.

Но сегодня онъ уже никуда не пойдетъ и, Богъ знаетъ, еще когда выпадетъ такой день.

Между тѣмъ она просто таки была недовольна собой. Въ южномъ городѣ, съ того дня, какъ она разошлась съ мужемъ, она жила самостоятельно. Ихъ сближеніе съ Львомъ Александровичемъ произошло, главнымъ образомъ, на почвѣ ея самостоятельности. Никогда она даже ему, который производилъ на нее обаятельное дѣйствіе своимъ умомъ, своимъ сильнымъ характеромъ, не поддакивала. Они часто расходились во взглядахъ и въ такихъ случаяхъ относились другъ другу, какъ къ уважаемому противнику.

Теперь же, во все время пребыванія ея въ Петербургѣ, что то словно ускользало изъ ея рукъ. Ей сообщали факты и, когда она пыталась возразить противъ нихъ, ей твердо заявляли, что

это необходимо и что это вызывается обстоятельствами. А затѣмъ у нея даже не было возможности высказаться.

И она собрала всѣ свои мысли и постаралась на это время забыть, что передъ нею человѣкъ, котораго она любитъ и для котораго готова многимъ поступиться.

Она какъ бы почувствовала, что наступилъ предѣлъ, дальше котораго поступиться нельзя.

Она сказала:

— Все, что ты говоришь, Левъ Александровичъ, вѣрно для тебя, но не для меня.

— Какъ? Ты такъ рѣзко отдѣляешь наши интересы?

— Не интересы, Левъ Александровичъ, а личности. Ты не можешь сказать, что я изъ какой-нибудь вздорности противорѣчу тебѣ или хочу во что-бы-то ни стало поставить на своемъ. У тебя есть доказательства того, что я иду за тобой тамъ, гдѣ тебѣ это нужно. Но долженъ быть предѣлъ, Левъ Александровичъ. Ты понимаешь это лучше, чѣмъ я... Ты полюбилъ меня за что-нибудь. За то, что я была такая, какая была. А мое главное, Левъ Александровичъ, было вотъ что: я всегда на первый планъ ставила отношенія мои къ людямъ. Во всемъ, что касается меня, я всегда уступлю тебѣ. Тебѣ было нужно, чтобы я жила съ тобой въ твоемъ домѣ, не будучи твоей женой. Ты думалъ тогда, что это тебѣ нужно, потому что ты этимъ хотѣлъ кому-то бросить перчатку. Я согласилась на это безпрекословно и перемѣнила свою жизнь. И когда нѣсколько мѣсяцевъ я жила въ этой квартирѣ одна вѣдь,—совсѣмъ одна—хотя мнѣ было это очень тяжело, я ни разу не пожаловалась тебѣ на это. Вѣдь, такъ? Но потомъ ты перемѣнилъ свою тактику и брошенную перчатку самъ поднялъ... Ты нашелъ для себя полезнымъ уступить и я къ этому присоединилась, потому что это было мое, только мое... Ты пошелъ дальше. Ты завелъ переговоры съ Мигурскимъ, хотя это сдѣлало мнѣ больно и особенно то, что приступили къ этому безъ меня... И это мнѣ было тяжело перенести, но опять же это было только мое, и я отдала тебѣ его. Я это приняла. Но ты теперь коснулся другого: моихъ отношеній къ людямъ. Тутъ выступаетъ третье лицо и я уже ставлю вопросъ о справедливости. Ты идешь къ своей цѣли, Левъ Александровичъ, ты шагаешь, какъ великанъ, отпихивая своими сильными ногами все, что лежитъ на пути, и ты не замѣчаешь, что невзначай ты, если не отпихиваешь, то отодвигаешь и меня.

— Наташа! хотѣлъ было остановить ее Левъ Александровичъ.

— Нѣтъ, погоди, другъ... Вѣдь я просто только разсуждаю. Но если я во всемъ, даже въ томъ, что составляетъ мою личность,— то самое, за что ты меня полюбилъ—уступаю тебѣ, то въ такомъ

же глазахъ я сравняюсь съ землей... Понимаешь-ли, Левъ Александровичъ, во мнѣ не останется ничего, за что стоитъ любить меня. А я этого не хочу, я должна оставаться всегда сама собой, я должна стоить тебя. И я не могу такимъ образомъ поступить съ Максимомъ Павловичемъ. Я знаю, что ты изъ за этого возстанешь противъ меня, но знаю также, что за это ты будешь уважать меня.

Левъ Александровичъ сперва слушалъ ее съ выраженіемъ протеста въ лицѣ и даже какъ будто хотѣлъ остановить ее. Но потомъ, какъ-бы уловивъ ея основную мысль, онъ сталъ слушать ее съ глубокимъ вниманіемъ. И только когда она остановилась, онъ проговорилъ.

— Ты разсуждаешь правильно, Наташа. Но твои разсужденія не могутъ относиться къ этому случаю. Ты не такъ поняла меня. Я вовсе не хочу навязывать тебѣ тяжелую, почти невозможную обязанность отказать Максиму Павловичу. Избави Богъ! если бы это было крайне необходимо я сдѣлалъ бы это самъ, хотя бы страдалъ отъ этого. Но мнѣ казалось, что онъ къ тебѣ ближе, чѣмъ ко мнѣ. Ваши отношенія проще и теплѣе и онъ это самъ пойметъ какъ нибудь...

— Такъ вѣдь все же я должна была бы заставить его понять это такъ или иначе. Нѣтъ, я этого не могу сдѣлать ни въ какомъ видѣ, потому что онъ слишкомъ тонко чувствуетъ, чтобы не понимать хотя бы самую ажурную неправду. А это было бы еще болѣе оскорбительно, чѣмъ прямо заявить. При томъ же, Левъ Александровичъ... еще одно: если я поняла тебя вѣрно, ты имѣешь въ виду завести связи съ большимъ обществомъ и устроить у себя открытые пріемы... Безъ сомнѣнія, нашъ домъ очень скоро наполнится. Твое имя и положеніе привлекутъ многочисленное общество...

— И твои достоинства, Наташа. Я на это гораздо больше разсчитываю...

— Я еще не знаю, есть-ли у меня эти свѣтскія достоинства. Я, вѣдь, буду дебютанткой. Но все равно, допустимъ даже, что они окажутся... Но, вѣдь, это общество будетъ мнѣ совершенно чужое. Это будутъ люди, которые ищутъ знакомства съ тобой для своихъ цѣлей. У меня не будетъ среди нихъ ни одного близкаго человѣка. Выбирать изъ ихъ среды друзей было бы напрасной мечтой. Къ тому же ты знаешь мои вкусы. Моя душа лежитъ къ тому міру, къ которому принадлежитъ Максимъ Павловичъ. Между тѣмъ ты хочешь совершенно уничтожить даже этотъ мостикъ, который связываетъ меня съ тѣмъ міромъ. Но подумай, Левъ Александровичъ, не будетъ-ли прежде всего тебѣ самому слишкомъ тяжело бремя моего одиночества?

— Можетъ быть, ты и права. Можетъ быть, Наташа. Но пойми: какъ мнѣ соединить это? Вѣдь, Максимъ Павловичъ немыслимъ, немыслимъ въ томъ обществѣ...

— А я думаю, что онъ можетъ украсить всякое общество.

— Всякое, только не это. Это общество не требуетъ ни ума, ни таланта. Оно требуетъ отъ человѣка тѣхъ достоинствъ, которыя отъ него самого нисколько не зависятъ и которыя мы съ тобой ни вотъ на столько не цѣнимъ.

— Ахъ, Левъ Александровичъ, неужели ты думаешь, что Максимъ Павловичъ будетъ стремиться въ это общество? Повѣрь, что онъ предпочтетъ мое и твое общество.

— Постой, я ловлю тебя на словѣ. Ты можешь поручиться за то, что Зигзаговъ ограничится нашимъ интимнымъ кругомъ?

— Если это необходимо, я даже поручусь...

— Ну, такъ на этомъ я могу помириться. И это только на первое время. Потомъ все это забудется. Но, понимаешь, Наташа, мнѣ это общество необходимо. До сихъ поръ я дѣйствовалъ только на дѣловыхъ чиновниковъ, на ихъ сухія головы... Мнѣ нужно еще покорить общественное мнѣніе этого круга. Я иду вверхъ довольно быстро, но надо итти еще быстрѣе, потому что въ Россіи приближается время, когда понадобится человѣкъ. Я долженъ создать себѣ такое положеніе, чтобы этимъ человѣкомъ оказался—я. Понимаешь-ли, чтобы всѣ лучи сходились вотъ на этой головѣ...

XX.

Жена Корещенскаго дѣйствительно причинила ему всяческій вредъ. Она пріѣхала въ Петербургъ совершенно неожиданно для него и явилась къ нему на службу.

Здѣсь служащіе слышали, какъ въ его кабинетѣ происходилъ необычно громкій разговоръ съ дамой, послѣ чего Алексѣй Алексѣевичъ былъ принужденъ сказать приближенному чиновнику:

— Слушайте... это моя жена... Она женщина нервно-нездоровая. Прошу васъ, распорядитесь, чтобы, когда она будетъ приходить, ей объявляли, что меня нѣтъ въ министерствѣ.

Софья Васильевна Корещенская была женщина странная, въ высшей степени не послѣдовательная въ своихъ дѣйствіяхъ. Преобладающей чертой въ ея характерѣ было женское самолюбіе, которое, можетъ быть, помимо ея воли руководило ею.

Она любила жизнь и очень даже хотѣла получше устроиться. Жизнь ея съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ до приглашенія со стороны Балтова не давала для этого никакихъ основаній. Корещенскаго сперва гнали и приходилось иногда по мѣсяцамъ переби-

ваться случайнымъ заработкомъ, а потомъ, получивъ, наконецъ, мѣсто земскаго статистика, онъ долженъ былъ довольствоваться очень скромными средствами.

Только послѣ перехода Алексѣя Алексѣевича въ Петербургъ, матеріальное положеніе семьи разомъ измѣнилось къ лучшему.

Алексѣй Алексѣевичъ нисколько не любилъ жену и питалъ весьма слабыя чувства къ дѣтямъ, тѣмъ не менѣе онъ считалъ своимъ долгомъ добросовѣстно дѣлиться съ нимъ. И Софья Васильевна, оставаясь жить въ южномъ городѣ, могла бы быстро поправить свои дѣла и устроиться такъ, какъ хотѣла.

Но въ ней надъ всѣмъ брала перевѣсъ оскорбленная женщина. Къ этому надо сказать, что Софья Васильевна не отличалась значительнымъ умомъ, механически усвоивъ себѣ свободные взгляды, она не умѣла согласовать ихъ съ своими потребностями и все это въ ея головѣ путалось и заставляло ее постоянно противорѣчить себѣ самой.

Очень цѣня хорошую обстановку жизни, къ которой она всегда стремилась, она изъ чувства обиды портила репутацію мужа и такимъ образомъ подкапывалась подъ свое собственное благополучіе.

Объявляя его на всѣхъ перекресткахъ измѣнникомъ и ренегатомъ, нанявшимся администраціи за хорошее жалованье, она въ тоже время брала отъ него значительную часть его жалованья и жила на эти деньги.

Но если бы ее спросили, чего она собственно желала и она отвѣтила бы по совѣсти,—то стало бы ясно, что больше всего она хотѣла устроиться при мужѣ, чтобы занять почетное положеніе, на которое давало право его имя.

Въ Петербургъ она пріѣхала въ полной увѣренности, что застанетъ здѣсь явное нарушеніе своихъ правъ. Она воображала, что Алексѣй Алексѣевичъ устроился въ большой квартирѣ, ведетъ разсѣянный образъ жизни, кутитъ и держитъ въ домѣ какую-нибудь женщину. Воображеніе ея всегда было настроено обвинительнымъ образомъ и непремѣнно фигурировала женщина.

И она была даже нѣсколько разочарована, когда оказалось, что Корещенскій живетъ въ номерѣ гостинницы, гдѣ проводитъ всего нѣсколько часовъ, остальное же время на службѣ.

Разумѣется, сейчасъ же была пущена басня о его сношеніяхъ съ неприличными женщинами, ради которыхъ онъ будто бы и живетъ въ гостинницѣ. Получалось какое-то нагроможденіе нелѣпостей и все это попадало въ чиновный кругъ и вызывало разговоры.

Уже больше мѣсяца Софья Васильевна жила въ Петербургѣ. Корещенскій, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ нея, увеличилъ

ей содержаніе. Но она не думала униматься. Каждую недѣлю она дѣлала попытки явиться къ нему на службу, но ее не пускали. Тогда она являлась въ гостинницу, ждала его въ корридорѣ и, какъ только онъ появлялся, начинала дѣлать скандалъ, съ криками, слезами и истериками.

Надо было обладать стоицизмомъ Корещенскаго, чтобы при такихъ условіяхъ сохранять всю свою способность работать и ни на іоту не уменьшить своей дѣятельности. По всей вѣроятности, тутъ сильно помогла, выработанная еще имъ при совмѣстной жизни, привычка, да, кромѣ того, образовавшееся въ послѣднее время глубокое равнодушіе, которое сдѣлалось его преобладающей чертой. Но ему все это было, «какъ съ гуся вода».

Но совершенно иначе относился къ этому Левъ Александровичъ. До него все доходило, и при томъ изъ такихъ источниковъ, которые, имѣя сочувственный видъ, во всякое время могли повредить.

Корещенскій былъ всегда съ нимъ, всегда за одно. Ихъ объединяли. Они вмѣстѣ съ разныхъ сторонъ подпихивали на гору тотъ огромный камень, который долженъ былъ вмѣстѣ съ собой вынести на вершину и Льва Александровича. Его считали alter ego Балтова и малѣйшая шероховатость на имени Алексѣя Алексѣевича чувствовалась имъ.

Поэтому онъ принималъ это горячѣе, чѣмъ самъ Корещенскій. И однажды Левъ Александровичъ заговорилъ съ нимъ объ этомъ. Это было уже послѣ разговора его съ Натальей Валентиновной.

— Алексѣй Алексѣевичъ, я—извиняюсь передъ вами,—долженъ вмѣшаться въ ваши личныя дѣла. Вы заработались и ничего не замѣчаете, а мнѣ со стороны виднѣй.

— Вы о женѣ моей, Левъ Александровичъ?—спросилъ Корещенскій.

— Именно. Можете вы какъ-нибудь устроить это?

— Нѣтъ, Левъ Александровичъ, рѣшительно не могу. Я готовъ принести для этого какія угодно жертвы, но не ту, которую она требуетъ.

— Жить вмѣстѣ?

— Да, жить вмѣстѣ.

— Но, можетъ быть, можно устроиться въ одной квартирѣ такъ, чтобы все-таки быть независимымъ.

— Не въ этомъ дѣло. А въ томъ, что вѣдь это ни къ чему не поведетъ. Она тщеславна и глупа. Получивъ это удовлетвореніе, она сейчасъ же потребуетъ другого. Пожелаетъ лѣзть въ общество, играть роль и прочее и прочее. И даже, если допустить, что она это получитъ, все равно она не перестанетъ

злобствовать и вредить мнѣ. Я ничего не могу подѣлать, Левъ Александровичъ.

— Это очень грустно. Мнѣ было бы очень тяжело лишиться васъ.

— Мнѣ это было бы еще тяжелѣе.

— Но вы понимаете, Алексѣй Алексѣевичъ, что дѣло можетъ дойти и до этого. Послушайте, въ такихъ случаяхъ не останавливаются передъ самыми крайними мѣрами.

— То есть?

— Я не вижу другого способа, кромѣ водворенія на родинѣ. Ну, конечно, все это должно быть сдѣлано мягко и благожелательно. Вы ничего не имѣете противъ?

— Противъ того, чтобы я могъ легко вздохнуть? Все-за. Пудовую свѣчку поставлю, ваше высокопревосходительство.

— Я только хотѣлъ знать ваше мнѣніе. Вы можете прислать ко мнѣ Мерещенко?

— Онъ будетъ у васъ завтра.

Мерещенко въ свой обычный утренній часъ былъ на квартирѣ Льва Александровича и оставался у него не больше двухъ минутъ. А дней черезъ десять послѣ этого Корещенскій уже получилъ отъ Софьи Васильевны изъ южнаго города письмо, полное негодованія и угрозъ—все «вывести на свѣжую воду»

Но это было сдѣлать ей очень трудно. Теперь ужъ за ней зорко слѣдили и съ этой стороны Алексѣй Алексѣевичъ былъ въ безопасности. Скоро были получены отъ Софьи Васильевны письма разными высокопоставленными особами. Но въ чиновномъ кругу было уже извѣстно, что у Корещенскаго жена страдаетъ психическою болѣзнью и на эти письма не обращали вниманія. Такъ было «улажено» семейное положеніе Алексѣя Алексѣевича.

Максимъ Павловичъ дѣйствительно получилъ предложеніе работать въ большой газетѣ. Это было не первое приглашеніе, его давно уже звали въ Петербургъ, но онъ былъ привязанъ къ городу, гдѣ родился и выросъ, любилъ солнце и море и никакимъ столичнымъ благамъ не соглашался пожертвовать ими.

Теперь обстоятельства измѣнились. Солнце и море сдѣлались его врагами. Родной городъ для него опустѣлъ и онъ согласился.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ сейчасъ же началъ работать, но не смотрѣлъ на это, какъ на нѣчто постоянное и прочное, поэтому и не думалъ устраиваться своимъ домомъ.

Въ южномъ городѣ у него осталась квартирная обстановка. Онъ не хотѣлъ даже ее выписывать. Взялъ двѣ меблированныя комнаты и довольствовался ими.

Петербургская зима, которая теперь была въ самомъ разгарѣ, давила его. Онъ выросъ подъ южнымъ солнцемъ и не привыкъ

къ холоду, а морозы стояли крѣпкіе. Отъ этого настроеніе его духа было унылое.

Къ дому Балтовыхъ у него образовалось странное отношеніе, Присутствіе тамъ Натальи Валентиновны тянуло его туда, но съ каждымъ разомъ ему бывать тамъ становилось все тяжелѣе. Теперь, на свободѣ, онъ занимался разсмотрѣніемъ дѣятельности Льва Александровича и при встрѣчахъ съ нимъ у него всякій разъ были готовы ядовитыя слова, которыя онъ долженъ былъ оставлять при себѣ.

Но у него это не могло тянуться долго. Въ такихъ случаяхъ всегда наступалъ моментъ, когда слова, какъ бы помимо его воли, срывались съ языка и ужъ ихъ нельзя было вернуть.

Время было тяжелое. Общество было сковано въ крѣпкихъ тискахъ. Изнутри страны приходили вѣсти о голодѣ и глухомъ недовольствѣ, которыя, какъ подземный гулъ предвѣщающій страшное изверженіе вулкана, являлись грознымъ предостереженіемъ.

А въ высшихъ сферахъ въ это время происходила странная игра. Въ то время, какъ Балтовъ, уже почти произведенный въ генія, въ сотрудничествѣ съ Корещенскимъ развивалъ колоссальную работу въ своемъ вѣдомствѣ и расположенные къ нему круги и газеты кричали объ экономическомъ возрожденіи Россіи и популярность его съ каждымъ днемъ росла, внутренней политикой руководили другія лица, которыхъ общество щедро награждало своей ненавистью.

Правительство какъ бы раскололось на двѣ части, изъ коихъ каждая шла самостоятельно своей дорогой. Они казались враждебными, взаимно другъ друга уничтожающими и тѣмъ не менѣе благополучно уживались.

Погруженный въ работу. Балтовъ никогда не высказывался по общимъ вопросамъ. Но общественное мнѣніе само озаботилось о томъ, чтобы сдѣлать изъ него героя и ему приписывали самыя благожелательныя намѣренія. На этой почвѣ выростала его фигура. И чѣмъ сильнѣе чувствовалась давящая рука, тѣмъ ярче становился ореолъ вокругъ головы героя.

Наивные люди уже смотрѣли на Балтова, какъ на надежду Россіи, какъ на человѣка, который только ждетъ благопріятнаго момента, чтобы повести страну къ свѣту.

Въ мрачныя эпохи гнета, люди начинаютъ болѣть страстной жаждой лучшаго. И эта жажда ослѣпляетъ ихъ до того, что они свои упованія принимаютъ за дѣйствительность. Малѣйшая искорка, блеснувшая въ темнотѣ, уже кажется солнцемъ.

Максимъ Павловичъ не только теперь не заблуждался, но еще и тогда, когда Левъ Александровичъ рѣшалъ свое «быть или не быть», соберись всю силу видѣлъ эту истинную физиономію

За дѣятельностью Балтова въ южномъ городѣ онъ слѣдилъ и правильно оцѣнилъ ее. Человѣкъ съ большими дѣловыми способностями, съ огромной выдержкой, не связанный рѣшительно никакими принципами могъ легко покорить себѣ дѣловую толпу, жаждавшую прямыхъ, непосредственныхъ результатовъ для своего благополучія.

Лично онъ былъ связанъ съ Балтовымъ тѣми странными нитями, которыя незримо притягиваютъ другъ къ другу людей, стоящихъ выше сѣрой толпы. Искатель оригинальности, самобытности, красоты, Зигзаговъ не могъ не остановиться на этой крупной фигурѣ человѣка, подобно искусному фокуснику, создавшему цвѣтущій городъ изъ ничего.

Прежде всего къ Балтову привлекъ его чисто художественный интересъ. А затѣмъ Левъ Александровичъ дѣйствительно оказывалъ ему цѣнныя услуги.

Самъ онъ, какъ балованное дитя, постоянно ронялъ и разбивалъ свое благополучіе, которое, благодаря таланту, доставалось ему легко, но въ трудныя минуты былъ совершенно безпомощенъ. Помимо своего литературнаго таланта, онъ не умѣлъ ничего, былъ непрактиченъ и не обладалъ способностью приспособляться.

А между тѣмъ положеніе его бывало крайнимъ. Нѣсколько разъ ему запрещали писать что бы то ни было. Тогда Левъ Александровичъ сочинялъ ему мѣста, на которыхъ можно было ничего не умѣть и ничего не дѣлать. А во время ссылки онъ прямо таки могъ заболѣть или умереть съ голоду, если бы Балтовъ не оказывалъ ему щедрой дружеской помощи...

Наконецъ, послѣдняя услуга—освобожденіе и устраненіе изъ дѣла, въ которомъ ему было бы несдобровать. Все это связывало это съ Львомъ Александровичемъ личною благодарностью, которая пересиливала всѣ принципіальныя несогласія.

Вотъ почему онъ такъ сдерживалъ себя. За то ему становилось все тяжелѣе и изъ за этого онъ сталъ дѣлать большіе антракты въ своихъ посѣщеніяхъ.

И однажды такой антрактъ длился цѣлыхъ двѣ недѣли. Володя, который все еще продолжалъ жить у дяди, хорошо зналъ причину этихъ антрактовъ. Максимъ Павловичъ ему откровенно объяснилъ свои отношенія къ Балтову. Но Наталья Валентиновна такъ опредѣленно себѣ этого не представляла. Поэтому столь долгое отсутствіе Максима Павловича ее безпокоило. Она обратилась къ Володѣ, а тотъ далъ самое сбивчивое объясненіе.

— Онъ хандритъ, а, можетъ быть, нездоровъ. Ему петербугскій климатъ вреденъ.

— Навѣстите его, Володя. И скажите отъ меня, что если это небрежность, то она непростительна.

Володя заѣхалъ къ Максиму Павловичу.

— Тяжело мнѣ тамъ, очень тяжело!—сказалъ Зигзаговъ.—И еще тяжелѣе оттого, что придется совсѣмъ отказаться отъ общества Натальи Валентиновны. Она такая симпатичная, такъ хорошо вліяетъ на мою душу. Но вѣдь для нея Левъ Александровичъ богъ и, какъ бы онъ ни повелъ себя, она пойдетъ за нимъ... А между тѣмъ ему скоро балансировать уже будетъ нельзя. Поговариваютъ о сильномъ недовольствѣ въ сферахъ внутреннимъ управленіемъ и, конечно, если къ кому перейдетъ оно, такъ только къ нему. Онъ теперь самая крупная фигура въ чиновной Россіи. Это не подлежитъ сомнѣнію. А ужъ тогда ему придется открыть себя.

— А вы знаете, дядя теперь всѣ вечера сидитъ дома,—сказалъ Володя.

— Вотъ какъ! Что же, онъ предается семейнымъ удовольствіямъ?

— Нѣтъ, онъ сидитъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ и надъ чѣмъ-то усиленно работаетъ.

— А, это другое дѣло! Значитъ, вѣрны слухи, что онъ собирается выступить съ какимъ-то важнымъ докладомъ по крестьянскому вопросу. Говорятъ, что это будетъ что-то вродѣ диссертаціи на званіе—вершителя судебъ. Вотъ мы и посмотримъ, что онъ намъ подаритъ къ новому году.

— А вы допускаете, что тутъ можетъ быть то и другое?

— Можетъ быть и то, и другое вмѣстѣ. Въ этомъ то и вся штука. Но боюсь, какъ бы Левъ Александровичъ не сдѣлалъ крупный промахъ въ выборѣ темы для своей диссертаціи. Когда дѣло идетъ о тарифахъ и конверсіяхъ, въ которыхъ заинтересовано ничтожное меньшинство, тутъ можно при помощи большого ума и великой ловкости перетасовывать карты и такъ и этакъ. Но когда десяткамъ милліоновъ людей нужна земля, чтобы кормиться, тутъ, сколько ни тасуй, все къ одному приходишь: нужна земля! И никакими ловкими ходами ее не замѣнишь. Просящему хлѣба и давай хлѣбъ, а не камень. Онъ его попробуетъ и сейчасъ же увидитъ, что это не хлѣбъ, а камень.

— Такъ вы думаете, Максимъ Павловичъ, что къ новому году дядя получитъ новую власть?

— Если выдержитъ экзаменъ.

— Что же я долженъ сказать Натальѣ Валентиновнѣ?

— Да я самъ по ней соскучился. Но я до такой степени не выношу вашего петербургскаго холода, что по три дня не выхожу изъ квартиры. Даже въ редакцію посылаю работу и мнѣ приносятъ на домъ корректуру. Скажите, что при первой оттепели пріѣду.

Левъ Александровичъ дѣйствительно уже больше недѣли вечера проводилъ дома. Но отъ этого онъ нисколько не больше принадлежалъ своей семьѣ. Онъ сидѣлъ съ Натальей Валентиновной полчаса послѣ обѣда, а затѣмъ приходилъ чиновникъ Вергесовъ, котораго онъ приблизилъ къ себѣ и который былъ сотрудникомъ во всѣхъ его работахъ, и они запирались въ кабинетѣ на нѣсколько часовъ.

Корещенскій никакъ не участвовалъ въ этой работѣ. Это было самостоятельное и единичное произведеніе Льва Александровича. Онъ очень торопился и именно къ празднику. Такимъ образомъ можно думать, что предположеніе Максима Павловича было не лишено основанія.

Въ это же время произошло событіе, которое для публики не имѣло никакого значенія, но Максима Павловича заставило сдѣлать безконечно изумленные глаза и нѣсколько разъ прочитать извѣстіе, которое онъ нашелъ въ газетѣ.

Оно было помѣщено въ оффиціальномъ отдѣлѣ. Это было маленькое, въ три строчки, сообщеніе о томъ, что на вакантное, очень отвѣтственное мѣсто по медицинскому управленію назначается докторъ Мигурскій.

Максимъ Павловичъ до такой степени былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, что сейчасъ же послалъ записку Володѣ, прося его пріѣхать къ нему. Володя явился.

— Вы мнѣ объясните это?—спросилъ его Максимъ Павловичъ, указывая на извѣстіе.

— Нѣтъ, не могу объяснить. Но знаю, что Мигурскій пріѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ ѣхалъ въ одномъ поѣздѣ со мной. И когда я объ этомъ сказалъ Натальѣ Валентиновнѣ, она была очень разстроена.

— Узнайте, голубчикъ, узнайте. Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока вы не объясните мнѣ это. Я не могу спросить объ этомъ Наталью Валентиновну; можетъ быть, ей это будетъ непріятно.

— А вы думаете, что она сможетъ объяснить?

— Но это было бы ужъ слишкомъ, если бы подобное назначеніе было сдѣлано противъ ея воли. Пожалуйста, узнайте, Володя.

И Володя взялъ на себя эту миссію. Въ тотъ же день онъ встрѣтился съ Натальей Валентиновной, держа въ карманѣ газету.

— Вы читали объ этомъ назначеніи?—спросилъ онъ, не называя имени Мигурскаго.

— О какомъ?—спросила Наталья Валентиновна.

— Вотъ,—сказалъ Володя и далъ ей прочитать замѣтку. Она прочитала и слегка покраснѣла.

— Уже!..—вырвалось у нея.

— Такъ что вы этого ожидали?

— Почему вы допрашиваете, Володя?

— Не совсѣмъ для себя. Максимъ Павловичъ сегодня былъ очень обезпокоенъ этимъ. Онъ не понимаетъ и боится, что это сдѣлано по небрежности, безъ вѣдома вашего...

— Нѣтъ, Володя, это не по небрежности. Вы успокойте Максима Павловича. А лучше посовѣтуйте ему, наконецъ, явиться къ намъ. Я тогда разскажу ему много интереснаго.

Володя поѣхалъ къ Зигзагову и въ точности передалъ ему слова Натальи Валентиновны. Максимъ Павловичъ оживился и сейчасъ же началъ переодѣваться. Черезъ полчаса онъ уже былъ у Натальи Валентиновны.

— Наконецъ-то! Чтобы васъ заманить, нужно чтобъ случилось что-нибудь сказачное.

— Да, вѣдь, это и похоже на сказку.

— Вы могли бы быть въ претензіи за то, что до сихъ поръ не знали этого. Но вы сами виноваты: больше двухъ недѣль не были у насъ. Такъ вотъ теперь могу сообщить все: я уже не жена Мигурскаго.

— Освободились?

— Да. И это...

— Цѣна?

— А что, вы находите, что моя свобода такой цѣны не стоитъ?

— Полноте. Для вашей свободы нѣтъ цѣны. Но, вѣдь, эта свобода на полчаса...

— Немного больше.

— Да, очень немного.

— Неужели вы не находите разницы?

— Между желѣзными и золотыми цѣпями?

— Хотя бы и такъ.

— Нѣтъ, если рѣчь идетъ о цѣпяхъ, то я нахожу, что и тѣ и другія одинаково крѣпко связываютъ. Вы хотите сказать, что все зависитъ отъ тюремщика?..

— Ну, все равно. Не будемъ говорить объ этомъ. Такъ или иначе, это должно совершиться. Какъ вы могли такъ долго не быть у насъ?

— Это мнѣ стоило большихъ страданій. Вѣрьте мнѣ. Но у васъ теперь въ домѣ поддерживается абсолютная тишина, такъ какъ Левъ Александровичъ пишетъ проектъ русской конституціи...

— Что? Кто это вамъ сказалъ?

— Развѣ вы не видите, что съ моей стороны это только неудачная шутка? Русская конституція, это—неудачная шутка. Но все равно онъ работаетъ, а я люблю смѣяться и при томъ иначе

не умѣю, какъ громко. Не люблю тихаго смѣха. Ахъ, все это чепуха! Просто у меня было уныніе.

— Ну, вотъ, съ уныніемъ-то вы и должны были пріѣхать, чтобы разсѣять его.

— Или заразить имъ васъ?

— Этого не бойтесь. Я никогда не впадаю въ уныніе.

— Я не причисляю васъ къ неунывающимъ россіянамъ.

Но ужъ на этотъ разъ Максимъ Павловичъ остался у Балтовыхъ на весь день. За обѣдомъ онъ встрѣтился съ Львомъ Александровичемъ.

— Мы давно не обѣдали съ вами,—замѣтилъ Левъ Александровичъ.

— Даже съ Натальей Валентиновной!—сказалъ Зигзаговъ.

— Да. И это показываетъ, что у насъ были серьезныя причины.

— Къ сожалѣнію, очень серьезныя. А вы, Левъ Александровичъ, говорятъ, собираетесь выступить съ чѣмъ-то такимъ... этакимъ... необыкновеннымъ...

— Какъ? Говорятъ? Но я рѣшительно ни съ кѣмъ не говорилъ ни о чемъ подобномъ.

— А міръ все-таки ждетъ.

— Ну, пускай подождетъ...—промолвилъ Левъ Александровичъ, видимо превращая разговоръ въ мимолетную шутку и сейчасъ же заговорилъ о чемъ-то другомъ.

XXI.

Въ общество давно уже проникли слухи о готовящемся новомъ законѣ по крестьянскому вопросу.

Общество, не только не допущенное къ участію въ дѣлахъ своей страны, но даже лишенное возможности получать свѣдѣнія о ходѣ этихъ дѣлъ, жило сказками.

Подобно голодному, воображеніе котораго всегда рисуетъ ему самыя сытныя и вкусныя блюда, оно при всякихъ слухахъ о готовящихся реформахъ пріурочивало къ нимъ свои, никогда не умиравшія, упованія.

На этотъ разъ фантазія особенно разыгралась оттого, что слухи о реформѣ связывались съ именемъ Балтова, который какъ разъ въ то время занималъ амплуа героя. Его смѣлые шаги въ области финансовой политики давали право расчитывать на широкій размахъ и въ этомъ вопросѣ. Толковали объ изысканномъ имъ геніальномъ способѣ пріобрѣтенія земли и надѣленія ею крестьянъ. Говорили о томъ, что это будетъ только первый шагъ, за которымъ послѣдуетъ что-то головокружительное, что реакція дѣ-

лаетъ послѣднія усилія, чтобы сбить съ позиціи новое свѣтило. Но Балтовъ силенъ и имѣетъ всѣ шансы на побѣду.

И вотъ недѣли за двѣ до праздниковъ вышелъ столь давно ожидавшійся законъ, долженствовавшій успокоить глухое волненіе въ деревнѣ.

Законъ былъ ясенъ и простъ. Онъ подтверждалъ прежнія репрессіи, объявлялъ всякія надежды эфемерными и вводилъ новыя кары.

Тогда въ обществѣ, которое ни за что не хотѣло лишиться имъ же самимъ сочиненныхъ надеждъ, стали говорить, что Балтовъ оказался безсильнымъ и реакція побѣдила.

Можетъ быть, такія мнѣнія не совсѣмъ самостоятельно зарождались въ обществѣ. Мерещенки тогда сильно размножились и терлись около министерствъ, а въ то же время ихъ можно было встрѣчать, въ различныхъ видахъ и въ гостинныхъ, и въ редакціяхъ газетъ. Во всякомъ случаѣ это мнѣніе никто не опровергъ.

И въ газетахъ появились статьи, высказывавшія сочувствіе побѣжденному государственному дѣятелю и надежды на то, что его энергія не ослабѣетъ и онъ по прежнему будетъ вести мужественную борьбу съ темными силами реакціи.

Въ такомъ же тонѣ статья появилась и въ той газетѣ, гдѣ работалъ Максимъ Павловичъ. Онъ получилъ газету въ девять часовъ утра за утреннимъ кофе, прочиталъ статью и, быстро одѣвшись, поѣхалъ къ редактору на домъ.

Редакторъ былъ его старый знакомый и хорошо зналъ его способность къ вспышкамъ. Но никогда онъ не видѣлъ его такимъ возмущеннымъ.

— Я только одно хочу установить: заблужденіе это или лицемѣріе?—говорилъ ему Максимъ Павловичъ.—Я признаю оппортунизмъ. Я знаю, что русской газетѣ приходится считаться съ обстоятельствами, защищая свое существованіе; но бываютъ моменты, когда даже существованіе дѣлается преступнымъ.

Редакторъ оказался невиннымъ. Онъ искренно раздѣлялъ мнѣніе о томъ, что Балтовъ съ своимъ проектомъ былъ съѣденъ реакціей.

— Но если я документально докажу, что онъ-то и есть создатель новаго закона... Вы согласны рисковать?..

Редакторъ былъ человѣкъ смѣлый. Его газета перебывала во всякихъ передѣлкахъ.

Максимъ Павловичъ вернулся домой и вызвалъ къ себѣ Володю.—Слушайте, Володя, вы признаете, что гражданскій долгъ иногда становится выше личныхъ отношеній.

— Безусловно,—отвѣтилъ Володя.

— Мы оба многимъ обязаны Льву Александровичу, но народу

мы обязаны гораздо больше. Общество заблуждается и мы съ вами должны открыть глаза ему. Разумѣется, это будетъ полный безвозвратный разрывъ съ Львомъ Александровичемъ, а для меня на худой конецъ высылка изъ Петербурга. Но, чортъ возьми, не привыкать стать! Можете вы достать мнѣ копію записки Льва Александровича по-крестьянскому вопросу?

— Не знаю.

— Старайтесь. Общество убѣждено, что его побѣдила реакція, и мы должны установить, что онъ самъ хуже всякой реакціи. Мой редакторъ согласился рискнуть. Не теряйте времени, Володя. Это нужно дѣлать сейчасъ, по горячему слѣду.

Володя взялся за эту мысль, скрѣпя сердце. Съ одной стороны ему хотѣлось помочь благой цѣли; съ другой же ему приходилось дѣйствовать прямо противъ дядя. У него не было никакого другого способа, кромѣ вѣроломства. Среди чиновниковъ у него не было никакихъ связей. Но для него былъ открытъ кабинетъ дяди.

И вотъ на другой день утромъ, когда Левъ Александровичъ уѣхалъ на службу, Володя вошелъ въ кабинетъ и тщательно пересмотрѣлъ бумаги, какія только были на столѣ и въ незапертыхъ ящикахъ. Онъ нашелъ только ничтожные отрывки, относившіеся къ запискѣ Балтова.

И когда онъ послѣ этой неудачи вышелъ изъ кабинета, то почувствовалъ глубокое облегченіе. Сама судьба помѣшала ему совершить предательство.

Онъ сейчасъ же поѣхалъ къ Зигзагову и сообщилъ ему о своей неудачѣ; и тогда Максима Павловича осѣнила мысль.

— Вы будете поражены, Володя. Но я увѣренъ, что лучше этого ничего нельзя придумать. Знаете, къ кому я обращусь?

— Не могу представить.

— Къ господину Корещенскому.

— И вы расчитываете на успѣхъ?

— Безусловно. Падшій ангелъ... онъ долженъ въ глубинѣ души питать злобу противъ соблазнителя. Къ тому же, вы сами разсказывали о его цинизмѣ. А цинизмъ любитъ рисоваться. Это будетъ для него случай. Однимъ словомъ, я такъ или иначе отыщу его.

И онъ дѣйствительно въ этотъ день настойчиво искалъ Корещенскаго. Онъ поѣхалъ къ нему въ часъ завтрака, но дома не засталъ. Потомъ онъ заѣзжалъ еще нѣсколько разъ и, наконецъ, встрѣтился съ нимъ въ обѣденный часъ.

— Вы?—съ удивленіемъ, и въ то же время съ радостью воскликнулъ Корещенскій.

— Я, я, Алексѣй Алексѣевичъ, къ вамъ по дѣлу, ни въ какомъ случаѣ не требующему свидѣтелей.

— Обѣдали?

— Нѣтъ еще... Даже не завтракалъ,—все васъ розыскивалъ...

— Да, это мудрено. Ну, такъ спустимся внизъ, заберемся въ отдѣльную комнату и будемъ пировать.

Скоро они были внизу, въ отдѣльномъ кабинетѣ.

— Мы съ вами, Максимъ Павловичъ, ни разу не повидались, какъ слѣдуетъ, хотя и живемъ въ одномъ городѣ,—говорилъ Корещенскій.—Вѣдь были когда-то хорошими пріятелями.

— Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, Алексѣй Алексѣевичъ,—сказалъ Максимъ Павловичъ.—Я посидѣлъ немножко въ тюрьмѣ и, когда вышелъ, не узналъ своего родного города. Знаете, какъ человѣкъ десятки лѣтъ отсутствовавшій, пріѣзжаетъ на родину и думаетъ, что заблудился: старые дома снесены, построены новые въ пять этажей, бывшія дѣти стали отцами многочисленныхъ семействъ, пустоши превратились въ цвѣтущіе сады, а то и на оборотъ...

— И маленькіе поросята стали большими свиньями!—добавилъ Корещенскій и разсмѣялся.—Ну, милый,—обратился онъ къ лакею. Подалъ закуску и иди съ Богомъ, позвонимъ, придешь, а зря не надоѣдай. Я открываю бесѣду, Максимъ Павловичъ,—прибавилъ онъ, когда лакей скрылся.

— Къ этому надо подойти.

— Не подходите, голубчикъ, начинайте прямо.

— Хорошо, я прямо и начну. Вы читаете газеты, слышите отзывы и замѣчанія по поводу новаго закона по крестьянскому вопросу и, конечно, слышали о побѣдѣ реакціи надъ доброжелательными усиліями Льва Александровича Балтова.

— Слышалъ объ этомъ, слышалъ...

— Слышали и дивились?

— Почему вы думаете, что я дивился?

— Потому что помню васъ умнымъ человѣкомъ... И даже вамъ скажу, Алексѣй Алексѣевичъ, что это для меня не тайна. Хитрить не буду. Знаю, что Левъ Александровичъ составилъ записку и эта записка легла въ основу новаго закона и что вы въ ней участія не принимали.

— Да, не принималъ... Это совершенно вѣрно. Меня отъ этого устранили.

И Максимъ Павловичъ въ послѣднемъ замѣчаніи его разслышалъ какую-то сухую нотку недовольства. Онъ вглядѣлся въ его лицо. Въ немъ было выраженіе сердитаго сарказма.

«Кажется, въ ихъ единеніи что-то раскололось»,—подумалъ Максимъ Павловичъ.

— Есть кушанья, которыя Левъ Александровичъ предпочитаетъ кушать одинъ,—продолжалъ Корещенскій.—Это называется:

«хлѣбъ соль вмѣстѣ, а табачекъ врозь». А то еще бываютъ такіе мѣщанскіе дома, гдѣ при гостяхъ подаютъ варенье на патокѣ, а когда гости уйдутъ, сами ѣдятъ на сахарѣ...

— Но неужели, Алексѣй Алексѣевичъ, вы жалѣете о томъ, что не участвовали въ дурномъ дѣлѣ? — спросилъ Максимъ Павловичъ.

— Когда человѣкъ купается въ морѣ дурныхъ дѣлъ, то лишняя кружка воды... Но, однако, позвольте, Максимъ Павловичъ, сперва установить основную тему разговора. О чемъ мы собственно?

— Именно объ этомъ, Алексѣй Алексѣевичъ. Вы видите передъ собой человѣка возмущеннаго. Но не смысломъ закона,—къ этому мы привыкли и ничего друго не ждали,—а скверной игрой...

— То есть?

— Скверной игрой въ прятки.

— Ну, еще чуточку пояснѣй...

— Да чего еще яснѣе? Причемъ тутъ реакція? Реакція, это— спина, за которую прячутся... Развѣ не такъ?

— Совершено такъ.

— Ну, вотъ. Это только и надо мнѣ отъ васъ слышать. Я то ни одной минуты не заблуждался, но думаете ли вы, что общество должно заблуждаться?

— Оно будетъ заблуждаться. Это его спеціальность. Да и гдѣ вы найдете такихъ смѣльчаковъ, которые вышли бы на площадь и показали пальцемъ куда слѣдуетъ.

— Смѣльчаки найдутся. Но если они окажутся голословными, то это хуже, чѣмъ молчаніе...

— А мы все-таки разговариваемъ съ вами, какъ авгуры Давайте-ка будемъ попрямѣй. Вѣдь вы, дорогой мой, Максимъ Павловичъ, чего-то отъ меня хотите...

— Да, хочу... Смѣльчакомъ готовъ быть я, но нужно, чтобы у меня въ рукахъ были факты.

— И вы думаете, что я, именно я помогу вамъ достать ихъ?

— Да, я думаю такъ.

— Почему вы такъ думаете?

— По многимъ причинамъ. Прежде всего, я держусь мнѣнія, что человѣкъ въ своей сущности никогда не мѣняется. Обстоятельства могутъ повернуть его всячески, и онъ можетъ казаться и такимъ и инымъ... Но подойди къ нему поближе, раскопай у него въ глубинѣ души и найдешь тамъ неприкосновенной его сущность. Вы именно пошли по обстоятельствамъ. Но сущность ваша сидитъ въ васъ незыблемо, она тамъ только притаилась гдѣ-нибудь въ уголкѣ и сидитъ съежившись... Можетъ быть, она спитъ, а, можетъ быть, ей стыдно.

У Корещенскаго какъ-то странно дрогнули углы губъ.—Эхъ, не нужно трогать этого... Коли спитъ, такъ пусть спитъ, а стыдно, такъ пусть прячется.

— Нѣтъ, Алексѣй Алексѣевичъ, мы съ нею люди свои.

Корещенскій отодвинулъ отъ себя тарелку, поднялся и съ хмурымъ лицомъ нѣсколько разъ медленно прошелся по комнатѣ.

— Ну,—сказалъ онъ, наконецъ, остановившись,—такъ чего же вы отъ меня хотите, Максимъ Павловичъ?

— Помощи.

— Въ какомъ видѣ?

— Въ самомъ натуральномъ. Копію записки Балтова... Вѣдь она у васъ есть?

— Конечно.

— Она мнѣ нужна на двадцать четыре часа.

— Гм... На двадцать четыре часа, только всего... Вы мнѣ испортили аппетитъ.

— О, что вы... Отнеситесь къ этому спокойнѣе.

— Благодарю васъ за совѣтъ, мой милый. Вы не понимаете, въ какой роли вы являетесь передо мной...

— Змія искусителя?

— Нѣтъ, не змія... О, что змій! Съ зміемъ я справился бы... Справлялся съ крокодилами... Змій есть представитель злого начала... А съ злымъ началомъ бороться легко. Нѣтъ, тутъ не то. А видите ли, въ послѣднее время, должно быть отъ переутомленія и расшатанности нервовъ, я сталъ впадать въ сантиментализмъ... Меня можно поймать, надо только уловить моментъ. И наше съ вами столкновеніе подобно тому, какъ если бы человѣкъ, забравшись въ полярныя страны, среди вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, замерзалъ и грезились бы ему чудные сны: его прекрасная родина съ зелеными лугами и садами, надъ которыми плыветъ чудное теплое солнце... Ахъ, Боже мой, что вы со мной дѣлаете!..

Максимъ Павловичъ смотрѣлъ на этого человѣка и видѣлъ его какъ бы новымъ, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ онъ его представлялъ. Тотъ цинизмъ, который онъ обнаружилъ въ разговорѣ съ Володей, Зигзаговъ понялъ ужъ слишкомъ узко и просто. Тутъ было нѣчто посложнѣе.

Это былъ цинизмъ показной, напущенный на себя человѣкомъ ради самоутѣшенія.

Но въ душѣ у него есть рана, которая болитъ при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней.

Тотъ міръ, въ которомъ онъ вращается, не догадывается объ этой ранѣ и не знаетъ, гдѣ она находится. Поэтому въ томъ мірѣ онъ можетъ безболѣзненно вращаться.

Но вотъ онъ встрѣтился съ человѣкомъ, одно существованіе котораго уже есть прикосновеніе къ его ранѣ, и стонетъ отъ боли.

Корещенскій сѣлъ за круглымъ столомъ, накрытымъ плюшевой скатертью, и подперъ голову рукой.

— Что это съ вами случилось, Алексѣй Алексѣевичъ?—спросилъ Зигзаговъ, желавшій вызвать его на продолженіе разговора.

Корещенскій поднялъ голову и попробовалъ оправиться.

— Нѣтъ, ничего... Минутное малодушіе... Пустяки! Есть пословица: взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. Платоническая экскурсія въ область добродѣтели... Это, должно быть, случалось съ Адамомъ, когда онъ, выгнанный изъ рая, въ потѣ лица своего снѣдая хлѣбъ свой, иногда невзначай натыкался на изгородь, за которой росли деревья райскія. Стоялъ у изгороди и вздыхалъ, а архангелъ грозилъ ему мечомъ. Эхъ, впрочемъ, все пустяки... Итакъ, вы хотите на двадцать четыре часа извлечь изъ меня государственную тайну?

— Тайну государственнаго человѣка...—поправилъ Максимъ Павловичъ.

— Это все равно. У насъ государство отождествляется съ человѣкомъ, который въ данный моментъ держитъ въ рукахъ возжи... Такъ вотъ видите-ли, что я вамъ скажу: во мнѣ сидитъ чертей гораздо больше, чѣмъ ангеловъ... Вы были близки къ тому, чтобы достигнуть вашей цѣли при помощи ангеловъ, но видите, я тряхнулъ головой и они отлетѣли. А вотъ, что касается чертей, то черезъ нихъ, я это чувствую, вы скорѣй достигните цѣли.

— Такъ познакомьте меня съ ними.

— Извольте. Что-жъ. Мы съ вами когда-то сидѣли въ одной тюрьмѣ... Помните, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, дня четыре, кажется, не больше. Чертей во мнѣ множество, но я представлю вамъ только главнаго. Съ васъ и одного будетъ достаточно, я это предчувствую. Да-съ... Сейчасъ передъ вами былъ изгнанный изъ рая, коему свойственно, стоя у райскаго забора, проливать сантиментальныя слезы; а теперь передъ нами во весь свой ростъ стоитъ уязвленный чиновникъ-карьеристъ. Любопытно?

— Очень, Алексѣй Алексѣевичъ.

— Извольте. Левъ Александровичъ Балтовъ утвердилъ за мной репутацію рабочей лошади, человѣка неусыпнаго труда. Спитъ полтора часа въ сутки, питается на лету бутербродами... Въ такомъ качествѣ онъ и взялъ меня къ себѣ на подмогу... Тебѣ, молъ, корешки, а мнѣ вершки... Я, положимъ, кротокъ и смиренъ сердцемъ, это что и говорить... Въ прошломъ я былъ изъ тѣхъ, коихъ «изжденутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще»... Но тамъ было еще «мене ради»... Понимаете, тамъ было нѣчто

святое, изъ-за чего стоило подставлять спину подъ удары... А здѣсь, позвольте васъ спросить, изъ за чего? Изъ-за одного лишь: изъ-за карьеры. Работать я работаю, ужъ можно сказать, въ поговорку вошелъ,—но и ты, ваше высокопревосходительство, мнѣ поработай. Это единственный правильный служебный принципъ. А вѣдь, я, голубчикъ мой, вотъ уже полгода для его высокопревосходительства каштаны изъ огня вытаскиваю? И что же? дѣйствительно хвалили, очень даже хвалили. Но какъ только я проявилъ свои щупальцы... Понимаете, есть такіе у всякаго человѣка,—ну-съ, такъ вотъ и я въ нѣкоторыхъ вопросахъ, въ коихъ инициатива и разработка принадлежали мнѣ, сдѣлалъ попытку показать, что это, молъ, принадлежитъ мнѣ, а его высокопревосходительство здѣсь не причемъ... Да-съ, такъ стоило мнѣ только показать свои щупальцы, какъ онъ меня сейчасъ же деликатнымъ маперомъ и отодвинулъ въ сторону. Изобрѣлъ онъ нѣкоего чиновника Вергесова. И чуть что показное, выигрышное, сейчасъ онъ Вергесова на сцену, потому что у Вергесова щупальцевъ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ ихъ еще не считаетъ за благо обнаруживать. И вотъ въ этомъ подломъ дѣлѣ, о которомъ теперь разговоръ идетъ,—они вдвоемъ, запершись въ клѣть свою, надъ нимъ работали и Левъ Александровичъ выступилъ безъ меня и помимо меня... Вергесовъ всплываетъ на поверхность. Вергесова онъ держитъ на всякій случай. Онъ звѣздъ съ неба не хватаетъ, но заткнуть его можно куда угодно. Онъ вполнѣ приличенъ... И вотъ тутъ-то во мнѣ заговорилъ главный чортъ. Такъ мнѣ захотѣлось ему сдѣлать гадость, ему, самому его высокопревосходительству. Ну, вотъ вамъ путь къ вашей цѣли. Будетъ гадость его высокопревосходительству?

— Обязательно.

— Злая, ѣдкая, ядовитая, остроумная, хлесткая, какъ вы умѣете?

— Приложу всѣ способности.

— Не боясь ни огня, ни меча?

— Не привыкать стать.

— А газета?

— Ко всему готова.

— Н-да... А у меня руки чешутся... Чувствительны у насъ стали къ тому, что пишется въ газетахъ... Дѣлаютъ видъ, что презираютъ, а читаютъ въ засосъ и нервничаютъ... Да, хочется, хочется... Неудержимо хочется сдѣлать ему гадость... Подумайте, какъ онъ умелъ! Какъ умѣетъ цѣлую страну держать въ заблужденіи... Но вѣрьте мнѣ, что, какъ только онъ получитъ власть— а онъ получитъ непремѣнно — страна задрожитъ отъ края и до края... Вѣдь, батюшка мой, какое сердце: стальное!.. Ему рѣши-

тельно все равно до всѣхъ. Идетъ онъ къ возвышенію на всѣхъ парахъ и только одно и видитъ, себя на облацѣхъ небесныхъ, окруженнаго почетомъ и властью... Открыть ему забрало и плюнуть ему въ лицо... Вотъ! Эту драгоцѣнность я ношу съ собой въ карманѣ. Торопитесь взять ее у меня, ибо я теперь въ ражѣ, и зажмите крѣпко въ рукѣ и ужъ обратно не давайте. Потому что, вѣдь, черезъ полчаса я начну соображать и взвѣшивать и стану просить васъ вернуть мнѣ... Вотъ кстати сладкое несутъ, скоро разойдемся.

Рѣшительно у него лицо было вдохновенное, когда онъ вынулъ изъ бокового кармана пиджака вчетверо сложенную бумагу и передалъ ее Максиму Павловичу.

Зигзаговъ схватилъ бумагу и поторопился положить ее въ карманъ. Лакей, вошедшій съ сладкимъ блюдомъ, уже не видѣлъ этого жеста.

И тутъ Максимъ Павловичъ началъ торопиться. Сейчасъ же они велѣли принести кофе, ничего больше не пили и черезъ пять минутъ уже расплачивались.

«Это побѣда» говорилъ себѣ Максимъ Павловичъ, когда ѣхалъ домой въ извощичьихъ саняхъ; ее надо использовать какъ можно лучше».

Пріѣхавъ домой, онъ написалъ записку редактору и тотчасъ отослалъ ее.

«Приготовьте стальной шрифтъ для набора. Завтра будетъ статья. Отъ сего момента до утра буду работать, не смыкая глазъ. Горю божественнымъ огнемъ. Составьте на всякій случай духовное завѣщаніе, я же укладываю чемоданъ для дальняго пути».

И онъ сѣлъ за работу.

XXII.

Онъ дѣйствительно работалъ, не покладая рукъ. Давно уже ему не приходилось писать съ такимъ увлеченіемъ.

Записка Балтова, послужившая основаніемъ для новаго закона, отличалась удивительной опредѣленностью и ясностью. Въ ней даже не было попытокъ уклониться отъ того направленія, которое господствовало въ правящихъ сферахъ. Напротивъ, онъ употребилъ весь свой талантъ на изысканіе новыхъ доводовъ и обоснованій для существующаго порядка. И онъ нашелъ ихъ съ той удивительной находчивостью, которую проявлялъ во всемъ.

Очевидно, въ высшихъ сферахъ были сторонники разрѣшенія крестьянскаго вопроса путемъ надѣленія землей, потому что Балтовъ сразу становился на почву полемики съ ними и дѣлалъ это своеобразно и искусно.

Они находили такое надѣленіе единственнымъ справедливымъ разрѣшеніемъ задачи и Балтовъ съ этого начиналъ. Справедливость въ настоящемъ вопросѣ не подлежитъ спору. Справедливость всегда есть и будетъ одна: чтобы по возможности всѣмъ было предоставлено наиболѣе счастливое существованіе. Но политика не знаетъ справедливости, она должна считаться только съ возможностью и выполнимостью.

Далѣе, цѣлымъ рядомъ цифръ, онъ доказывалъ полную возможность и выполнимость надѣленія крестьянъ землей. Свободныхъ земель въ Россіи достаточно и вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ въ интересахъ справедливости. Онъ приглашалъ на минуту, вообразить, что все это сдѣлано: крестьяне надѣлены землей въ обиліи. Что дальше?

Дальше поднимается фабричный рабочій, который тоже совершенно справедливо находитъ, что 12—14 часовъ суточной работы является для него крайне обременительнымъ, и, требуя для себя справедливости, домогается восьми часового рабочаго дня и кстати, и увеличенія заработной платы. Требованіе это записка признаетъ безусловно справедливымъ. Восемь часовъ работать для человѣческаго организма предѣлъ вреднаго усилія, а существующая у насъ заработная плата слабо прокармливаетъ рабочаго съ семьей.

Опять приглашеніе на минуту вообразить, что эти вполнѣ справедливыя требованія удовлетворены; и на другой день вся русская промышленность находится въ крахѣ. Но пусть она даже не въ крахѣ, а просто справедливость удовлетворена. Что дальше?

Поднимаются ремесленники, которые тоже ставятъ совершенно справедливыя требованія объ улучшеніи своего положенія, вслѣдъ за ними желѣзнодорожные служащіе, затѣмъ прислуга въ частныхъ домахъ, наконецъ чиновники, и всѣ требуютъ справедливости и дѣйствительно справедливости, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Но страна оказывается въ огнѣ, все дезорганизовано, промышленность подорвана, законность поколеблена и проч. и проч. Словомъ картина полнаго потрясенія.

Въ Россіи жить плохо, въ ней царствуетъ безправіе, невѣжество и бѣдность. Идеалъ справедливости, это—свобода, просвѣщеніе и богатство. Это все вѣрно, этого нельзя не признать.

Но попробуйте приподнять уголокъ покрывала, подъ которымъ скрываются эти «чудовища справедливости», какъ они всѣ одно за другимъ высунутъ головы съ раскрытыми пастями и пожрутъ ради справедливости всѣ сокровища ума,—науки, искусства, культуру, все, добытое цивилизаціей...

Поэтому не приподымайте уголка покрывала, а тщательно

подверните всѣ края его, чтобы не было ни малѣйшей щелочки, чтобы чудовища спали.

Таковъ былъ смыслъ записки Балтова. Составлена она была блестяще, съ богатыми цифровыми данными, съ остроумными ссылками, а выводъ изъ нея былъ ясенъ самъ собой—этимъ выводомъ былъ новый законъ.

Поставивъ послѣднюю точку, Максимъ Павловичъ легъ на диванѣ и, не раздѣваясь, заснулъ. Часа въ два онъ уже былъ на ногахъ.

Позавтракавъ, онъ опять сѣлъ за столъ и тщательно пересмотрѣлъ свою статью. Онъ былъ необыкновенно строгимъ судьей своего произведенія. Ему хотѣлось, чтобы въ немъ не было ни одного лишняго слова и чтобы каждое изъ нихъ попадало прямо въ центръ.

Наконецъ, онъ собралъ листы, сложилъ ихъ всѣ вмѣстѣ, свернулъ и положилъ въ карманъ; тогда онъ одѣлся, вышелъ на улицу и поѣхалъ въ редакцію.

Редакторъ былъ уже здѣсь. Хотя статья ему была обѣщана, тѣмъ не менѣе онъ далеко не вполнѣ былъ увѣренъ въ ней. Максимъ Павловичъ былъ человѣкъ настроенія. Нерѣдко идея, которая ему же самому казалась блестящей и захватывала его, вдругъ надоѣдала ему и становилась противной и онъ оставлялъ ее. Но на этотъ разъ ничего подобнаго не случилось.

— Вотъ вамъ. Читайте,—сказалъ Зигзаговъ, вынувъ изъ кармана пачку маленькихъ листковъ, на какихъ онъ обыкновенно писалъ свои статьи.

— Значитъ, не отмѣнили?

— А вы написали духовное завѣщаніе?

— Да вѣдь не бомба же это.

— Нѣтъ, это бомба, только безъ пороха. Читайте

И редакторъ читалъ и съ каждой страницей все яснѣе и яснѣе понималъ что если и не пора еще составлять духовное завѣщаніе, то укладываться дѣйствительно надо.

— Вы правы,—сказалъ онъ,—послѣ завтра мы не существуемъ. Но зато мы себя обозначимъ. Статья удивительная, каждое слово—пощечина... Ай-ай, придется ликвидировать дѣла.

— Собираетесь струсить?

— И не подумаю. Вотъ видите, статью отдаю въ наборъ. Позвать ко мнѣ метранпажа!

Пришелъ метранпажъ.—Голубчикъ, вотъ статья, за которую насъ всѣхъ повѣсятъ, такъ ужъ пожалуйста постарайтесь, чтобъ не было ни одной ошибочки. Подобныя вещи должны дѣлаться безошибочно.

Но, сдавъ статью, Максимъ Павловичъ не считалъ себя еще свободнымъ. Онъ вернулся домой и еще посидѣлъ полчаса за письменнымъ столомъ.

Это было письмо Балтову. Онъ считалъ своимъ долгомъ написать его. Вотъ оно:

«Милостивый Государь, Левъ Александровичъ. Въ тотъ моментъ, когда вы читаете это письмо, мы уже враги. Я лично слишкомъ много обязанъ вамъ, чтобы перейти въ это новое состояніе, не объяснивъ вамъ этого перехода.

Вы, какъ умный и проницательный человѣкъ, понимаете, что по духу мы всегда были врагами. Но до момента, когда вы приняли первое назначеніе, наше разногласіе могло оставаться въ потенціальномъ состояніи и не становиться между нами.

Ко мнѣ вы были добры. Вашъ большой умъ плѣнилъ меня и для меня не было унизительно—пользоваться вашими исключительными услугами: я питалъ къ вамъ «влеченье—родъ недуга», какое питаю ко всякому выдающемуся человѣку.

Но въ тотъ моментъ, когда вы взяли назначеніе, я уже почувствовалъ, что нашимъ отношеніямъ наступаетъ конецъ. Я предвидѣлъ ваше направленіе, и тогда совершенно ясно показалъ вамъ все это.

Вы сковали меня по рукамъ и по ногамъ новой величайшей услугой,—содѣйствіемъ моему освобожденію и, можетъ быть, моей цѣлости. Но бываютъ обстоятельства, когда человѣкъ становится въ необходимость разорвать цѣпи благодарности, когда долгъ порабощаетъ въ себѣ человѣка со всѣми его частными отношеніями.

Сейчасъ я кончилъ статью, въ которой выступаю вашимъ непримиримымъ врагомъ, и вы, прочитавъ ее, почувствуете себя такимъ же по отношенію ко мнѣ. Какъ это ни странно, но именно въ этой статьѣ я проявилъ напряженіе всѣхъ своихъ способностей и чувствую, что она—сильная, что она достойна своего предмета.

Благодарю васъ за все, что вы для меня сдѣлали, и прошу васъ въ дальнѣйшемъ не проявлять по отношенію ко мнѣ никакого великодушія. Максимъ Зигзаговъ».

Затѣмъ Максимъ Павловичъ послалъ за Володей и тотъ сейчасъ же пріѣхалъ.

— Что это у васъ такъ горятъ глаза?—спросилъ Володя, заставшій его за перечитываніемъ письма.

— Прочитайте!—сказалъ Максимъ Павловичъ, указавъ ему на письмо.

Володя прочиталъ.—О чемъ же это?

— Завтра появится статья.

— Вы достали записку? У Корещенскаго?

— Ужъ это останется тайной, Володя. Но вамъ предстоитъ миссія: это письмо вы должны передать лично вашему дядѣ завтра въ десять часовъ утра.

— Почему въ десять?

— Потому что къ этому времени номеръ газеты будетъ полученъ подписчиками и распроданъ въ розницѣ. Я хочу, чтобъ его прочитало какъ можно больше публики. Понимаете, Володя,— мнѣ кажется, что я въ этой статьѣ израсходовалъ всѣ свои способности и больше никогда ничего сильнаго не напишу.

— Она у васъ?

— Нѣтъ, въ наборѣ. Вы прочитаете ее завтра. Господинъ министръ получаетъ нашу газету. Вы берете на себя миссію?..

— Она непріятна, но я не могу отказаться.

Володя взялъ письмо.

На слѣдующій день среди читателей газетъ можно было замѣтить необыкновенное для столицы движеніе. Въ редакціяхъ, общественныхъ мѣстахъ, конторахъ, въ казенныхъ канцеляріяхъ, всюду только и было рѣчи, что о статьѣ Зигзагова.

Публика была необыкновенно чутка ко всякому свободному слову, которое тѣмъ или инымъ путемъ проскальзывало въ печати. Малѣйшая удачная обмолвка вызывала разговоры и толкованія.

Зигзаговъ же далъ цѣлую статью, смѣлую и важную по своему предмету. Помимо своей цѣли, она была написана увлекательно.

Имя Зигзагова, до тѣхъ поръ пользовавшееся нѣкоторой извѣстностью, вдругъ сразу сдѣлалось большимъ. Его повторяли на всѣхъ перекресткахъ.

Начало статьи заинтриговывало. «Такого-то числа, мѣсяца, года, въ россійской столицѣ произошло злодѣяніе, которое совершилъ я. Признаюсь въ этомъ всенародно и не ощущаю ни малѣйшаго угрызенія совѣсти.

Я укралъ тщательно скрываемое отъ глазъ публики произведеніе его высокопревосходительства господина министра Балтова. Это произведеніе есть ничто иное, какъ диссертація на званіе вершителя судебъ Россіи, каковой постъ въ самомъ близкомъ будущемъ имѣетъ быть вакантнымъ.

Мнѣ достовѣрно извѣстно, что защита диссертаціи произошла въ высшемъ государственномъ учрежденіи такого-то числа, о чемъ россійская публика, очевидно изъ особаго уваженіе къ ней, была освѣдомлена. Защита была блестящая, министръ удостоенъ искомаго званія и, какъ пробный шаръ, подъ вліяніемъ его идей,

на дняхъ вышелъ въ свѣтъ извѣстный всѣмъ законъ о крестьянахъ.

Я чувствую, какъ противъ меня возстала вся Россія. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что господинъ министръ Балтовъ есть носитель самыхъ благожелательныхъ передовыхъ идей и явился жертвой побѣдившей его реакціи, что онъ наша единственная надежда, и что, не будь его, намъ не на кого было бы надѣяться.

Но я не боюсь возставшей на меня даже цѣлой Россіи, потому что у меня въ рукахъ истина. Истину эту я укралъ, но вѣдь и Прометей въ свое время укралъ божественный огонь, такъ что въ этомъ отношеніи я и не одинокъ.

Я приглашаю всю Россію ознакомиться съ диссертаціей господина министра и послѣ того сбросить повязку съ своихъ глазъ и видѣть этого несомнѣнно великаго человѣка въ настоящемъ видѣ.

Кто вамъ сказалъ, что министръ вступалъ въ бой съ реакціей, и что реакція его побѣдила? Самъ господинъ министръ никогда никому не говорилъ этого. Самъ господинъ министръ говоритъ какъ разъ обратное. Вотъ что говоритъ господинъ министръ въ своей диссертаціи».

И далѣе шло сжатое и мѣткое изложеніе записки Балтова. По обстановкѣ, по фактамъ, по цифрамъ было совершенно ясно, что авторъ ничего не выдумалъ, что все это не шутка, не литературный пріемъ, а дѣйствительно фактическій матеріалъ.

И фигура государственнаго дѣятеля съ каждымъ столбцомъ вырисовывалась все яснѣе и яснѣе, и наконецъ Балтовъ возставалъ передъ публикой совершенно законченнымъ округленнымъ и даже какимъ то злостно-холоднымъ реакціонеромъ, отъ котораго Россія могла ожидать только зла.

«Итакъ, возставшая на меня Россія, я вижу, что ты уже положила оружіе. Ты уже сняла съ своихъ глазъ повязку и швырнула ее въ сторону. Ты видишь, что министру Балтову, на котораго ты такъ наивно и довѣрчиво возлагала свои упованія, потому что надо же тебѣ, бѣдной, на кого-нибудь уповать, что ему былъ назначенъ экзаменъ и что онъ его выдержалъ блестяще. Онъ получилъ круглыя двѣнадцать и теперь, снявъ съ своей головы забрало, которое скрывало отъ твоихъ глазъ его истинное лицо, вооруженный новой властью, онъ явится достойнымъ продолжателемъ своихъ предшественниковъ.

До сихъ поръ у тебя были тупые и глупые душители, теперь умный тонкій душитель. Сама рѣши, кто лучше и что ты отъ этого выиграешь»?

Какъ всегда бываетъ, блюстители замѣтили нарушеніе порядка

послѣдними. Номеръ газеты со статьей Зигзагова свободно раскупался. Напечатанный въ усиленномъ числѣ экземпляровъ, онъ къ одиннадцати часамъ утра разошелся весь и его уже продавали на улицахъ по увеличенной цѣнѣ.

Володя въ этотъ день проснулся рано. Еще вчера съ вечера онъ былъ разстроенъ и спалъ очень плохо. Въ карманѣ у него лежало письмо, которое онъ былъ долженъ передать дядѣ.

Утромъ онъ первый пришелъ въ столовую, когда всѣ въ домѣ еще спали. Онъ развернулъ газету, въ которой писалъ Максимъ Павловичъ и впился въ статью, не отрывая отъ нея глазъ.

И теперь, послѣ прочтенія статьи, онъ понялъ, какую ужасную задачу взялъ на себя. Какъ на зло, въ этотъ день Левъ Александровичъ спалъ дольше обыкновеннаго. Володя ждалъ его и это ожиданіе измучило его.

Въ половинѣ одиннадцатаго появился Левъ Александровичъ. Онъ былъ разстроенъ тѣмъ, что такъ поздно всталъ, что случалось съ нимъ чрезвычайно рѣдко. У него немного болѣла голова. Онъ былъ уже одѣтъ, чтобы ѣхать на службу.

Наскоро поздоровавшись съ Володей и Лизаветой Александровной, которая всегда являлась наливать ему кофе, онъ принялся за завтракъ.

Володя понималъ, что свою миссію ему необходимо выполнить сейчасъ же, но присутствіе тетки сильно стѣсняло его. Газеты лежали на столѣ, Левъ Александровичъ не прикоснулся къ нимъ. Ему было некогда.

Быстро допивъ кофе, онъ поднялся.

— Дядя,—сказалъ Володя,—я долженъ передать вамъ письмо.

— Это не особенно спѣшно? Нельзя потомъ?—разсѣянно спросилъ Левъ Александровичъ.

— Нѣтъ, необходимо сейчасъ.

И онъ передалъ ему письмо.

— Я могу прочитать въ дорогѣ?—промолвилъ Балтовъ.

— Да... Но... какъ хотите.

— Отъ кого письмо?

— Отъ Максима Павловича.

Володя случайно взглянулъ на Лизавету Александровну и замѣтилъ, что глаза ея выражали величайшее любопытство.

— Что же тутъ?—Нетерпѣливо сказалъ Левъ Александровичъ и быстрымъ движеніемъ разорвалъ конвертъ:—Что такое? въ чемъ дѣло?—спрашивалъ онъ, читая первыя строки и видимо не понимая ихъ настоящаго смысла.—Почему? о чемъ онъ пишетъ?

— Онъ пишетъ о своей статьѣ?

— Какой статьѣ?

— Она помѣщена въ газетѣ сегодня.

— Его статья? Гдѣ же она?

Володя быстро отыскалъ статью и подалъ ее дядѣ. Левъ Александровичъ небрежно прочелъ первыя строки, но затѣмъ внимательно вчитался въ нихъ вторично и, наконецъ, сѣлъ за столъ и погрузился въ чтеніе.

Въ столовой было глубокое молчаніе. Двѣ пары глазъ смотрѣли на Балтова и слѣдили за его движеніями. Володя зналъ все и его интересовала только послѣдовательность событій. А Лизавета Александровна ничего не понимала, но чувствовала, что совершается что-то важное.

Прошло съ четверть часа. Левъ Александровичъ прочиталъ статью до послѣдняго слова, потомъ твердымъ энергичнымъ движеніемъ рукъ сложилъ газету въ нѣсколько разъ и всунулъ ее въ портфель. Выраженіе его глазъ было ледяное.

— Я ѣду въ министерство,—сказалъ онъ, поднявшись.—Мм... впрочемъ... прибавилъ онъ, вынувъ изъ портфеля газету,—пожалуйста, передай это Натальѣ Валентиновнѣ и вотъ это, — и онъ швырнулъ на столъ письмо Зигзагова и, не прибавивъ больше ни слова, быстро ушелъ.

Лизавета Александровна молча проводила его глазами и бросилась къ столу.

— Что онъ сдѣлалъ, этотъ господинъ?—спросила она Володю.

— Написалъ статью о дядѣ,—отвѣтилъ Володя.

— Гнусную? Ну, конечно... Я всегда говорила... Я предостерегала... Покажите письмо, Володя.

— Дядя велѣлъ передать его Натальѣ Валентиновнѣ.

— Я ближе ему, чѣмъ Наталья Валентинова.

— Я противъ этого не спорю, тетя,—но онъ велѣлъ.

— Володя, мы-же съ вами все-таки свои... Покажите мнѣ письмо.

Володя не находилъ причины отказывать ей, онъ далъ ей письмо.

— Негодяй!.. Я всегда говорила... Я предостерегала... А меня не слушали... Дайте сюда статью...

Она взяла газету и начала читать статью. Но она мало понимала въ ней.

— Такъ онъ, значитъ, укралъ? воскликнула она.

— Это единственное, что вы поняли, тетя? а вѣдь дѣло-то совсѣмъ не въ этомъ.

— Я понимаю только, что Льву это непріятно, ужасно непріятно... Я это видѣла по его глазамъ...

Володя не хотѣлъ спорить съ нею и ушелъ къ себѣ. У него въ этотъ день были дѣла, но онъ о нихъ и не думалъ. Онъ хо-

дилъ по комнатѣ и все время передъ нимъ носился образъ дяди, какимъ онъ видѣлъ его передъ уходомъ. Выраженіе глазъ его было удивительно. Никогда онъ еще не видѣлъ въ нихъ такого ледяного холода.

И ему казалось, что одинъ этотъ взглядъ рисуетъ передъ нимъ дядю въ новомъ свѣтѣ. Нѣтъ, это не тотъ спокойный и благожелательный человѣкъ, какимъ онъ его себѣ представлялъ. Человѣкъ, у котораго хоть минуту могутъ быть такіе глаза, долженъ быть способенъ на жестокость.

И онъ думалъ о томъ, что какъ разъ теперь надъ Зигзаговымъ, можетъ быть, совершается возмездіе, и не могъ себѣ представить его размѣровъ. Ему хотѣлось поѣхать къ Максиму Павловичу, онъ даже чувствовалъ, что долженъ быть тамъ въ это время, но онъ былъ связанъ порученіемъ передать письмо и газету Натальѣ Валентиновнѣ.

Да и помимо этого ему хотѣлось видѣть Наталью Валентиновну, такъ какъ для нея вся эта исторія будетъ тяжела. И онъ нетерпѣливо ждалъ, когда она выйдетъ.

И вотъ раздался ея звонокъ. Къ ней въ спальню побѣжала горничная. Онъ вышелъ, чтобъ встрѣтить ее и спросить, скоро ли выйдетъ Наталья Валентиновна.

— Имъ нездоровится. Они приказали кофе принести въ спальню.

Тогда онъ счелъ себя развязаннымъ отъ тяжелаго порученія. Онъ запечаталъ газету и письмо въ конвертъ и отдалъ его горничной.

— Когда Наталья Валентиновна встанетъ, передайте ей! — сказалъ онъ и, одѣвшись, вышелъ на улицу.

XXIII.

Было уже около часу, когда онъ пріѣхалъ на квартиру Максима Павловича. Онъ не засталъ его. Тогда онъ направился въ редакцію.

Тамъ онъ нашелъ смятеніе. Послѣ конфискаціи оставшихся номеровъ, редакторъ былъ вызванъ по начальству и вернувшись объявилъ, что газета пріостанавливается на полгода. Но никто не былъ арестованъ, всѣ были невредимы.

Максимъ Павловичъ былъ здѣсь. И у него былъ торжественный видъ. Множество лицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, прибѣгали въ редакцію, отыскивали его, поздравляли и жали ему руку.

Володю онъ встрѣтилъ привѣтливо и сейчасъ же потащилъ его въ отдѣльную комнату.

— Ну, что? передали?—спрашивалъ онъ о своемъ письмѣ.

Володя разсказалъ все, какъ было.

— А Наталья Валентиновна?

— Я не видалъ ее сегодня. Я оставилъ для нея статью и ваше письмо къ дядѣ въ конвертѣ.

— А! вотъ о ней-то я и хотѣлъ больше всего знать.

— Но васъ не взяли, Максимъ Павловичъ! Впрочемъ, я думаю, что дядя этого и не позволитъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что это была бы мелочная месть, недостойная его.

— Ну, хорошо, вы, когда встрѣтитесь съ нимъ, спросите, считаетъ ли онъ это для себя достойнымъ?

Говорить долго съ Максимомъ Павловичемъ ему не пришлось. Зигзагова буквально рвали на части. У него оказалось поклонниковъ и почитателей бездна.

Вся редакція имѣла какой-то праздничный видъ. Не было вовсе впечатлѣнія катастрофы. Въ сущности, никакихъ другихъ послѣдствій нельзя было ждать. Редакція была приготовлена къ погрому.

Удивлялись только чрезвычайной снисходительности, благодаря которой до сихъ поръ лично никого не задержали.

Володя скоро ушелъ. Что-то влекло его провѣдать Корещенскаго. «Надо посмотрѣть на его лицо»! сказалъ онъ себѣ.

Онъ пошелъ не въ гостинницу, а въ министерство. Тамъ уже всѣ знали о статьѣ и читали ее. На лицахъ у чиновниковъ были ужасъ и негодованіе.

Корещенскій принялъ его, но успѣлъ сказать всего лишь нѣсколько словъ.

— Вы читали статью Максима Павловича? — спросилъ его Володя.

— Читалъ. Изумительная по ѣдкости статья.

— Что его ожидаетъ?

— Отъ меня ничто. А отъ другихъ, не знаю.

— Думаете-ли вы, что дядя допуститъ суровыя мѣры?

— Думаю ли я? А зачѣмъ вамъ знать, что я думаю? Чиновникъ долженъ думать о дѣлахъ своего вѣдомства. А это дѣло принадлежитъ къ вѣдомству полиціи. Значитъ, тамъ объ этомъ и думаютъ.

Звонокъ оторвалъ его отъ разговоровъ: его призвали къ телефону. Говорилъ самъ Левъ Александровичъ.

— Ну, вотъ видите,—сказалъ Корещенскій Володѣ,—некогда говорить съ вами. Самъ Левъ Александровичъ зоветъ меня къ себѣ.

И они разстались. Помѣщеніе, которое занималъ въ министерствѣ Левъ Александровичъ, было довольно далеко отъ кабинета

Корещенскаго, хотя и въ томъ же зданіи. Нужно было пройти длинный корридоръ, потомъ опять рядъ комнатъ. Корещенскій все это продѣлалъ, и вошелъ въ кабинетъ очень мрачнаго стиля. Левъ Александровичъ былъ одинъ.

— Вы, конечно, читали статью Загзагова?—прямо спросилъ его Балтовъ.

— Да, я читаю все, что онъ пишетъ,—отвѣтилъ Корещенскій.

— Что вы объ этомъ думаете?

— Статья удивительная по смѣлости.

— Какимъ образомъ въ его руки могла попасть записка? Она была разослана только опредѣленнымъ лицамъ.

— Опредѣленныя лица—весьма неопредѣленное понятіе, Левъ Александровичъ. Развѣ вы думаете, что среди нихъ все исключительно ваши друзья?

— Я этого не думаю. Но въ этомъ кругу не принято отдавать подобныя вещи для пользованія. Вамъ, вѣроятно, это тоже извѣстно, Алексѣй Алексѣевичъ. Господинъ Зигзаговъ ставитъ меня въ непріятное положеніе—не противодѣйствовать тѣмъ мѣрамъ, какія будутъ приняты противъ него. Но я собственно не за этимъ обезпокоилъ васъ, Алексѣй Алексѣевичъ. Не знаю, извѣстенъ ли вамъ мой взглядъ на это дѣло. Я держусь мнѣнія, что разъ у насъ не существуетъ представительнаго образа правленія, то за всѣ мѣропріятія отвѣчаемъ мы, а не общество. И слѣдовательно, общество должно знать только то, что мы по нашимъ соображеніямъ находимъ нужнымъ сообщить ему. Моя записка, какъ вы знаете, не предназначалась для подобныхъ сообщеній. Кто-то совершилъ нескромность—это дѣло его совѣсти. Но я не вижу никакой надобности расписываться подъ тѣмъ, что угодно было высказать господину Зигзагову. Вы понимаете мою мысль, Алексѣй Алексѣевичъ?

— Насколько я понимаю, вы, Левъ Александровичъ, желаете опроверженія?

— Совершенно вѣрно. Необходимо утвердительно заявить, что свѣдѣнія, сообщенныя въ статьѣ Зигзагова, несоотвѣтствуютъ истинѣ. Вы, конечно, этого взгляда не раздѣляете.

— Не то, что не раздѣляю, боюсь, что мы не имѣемъ возможности сдѣлать такое заявленіе.

— Почему мы не имѣемъ возможности?

— Потому что записка ваша имѣется у многихъ лицъ, и не на всѣхъ въ одинаковой степени вы можете положиться.

— Да, это доказано уже передачей записки Зигзагову. Но никто не рѣшится открыто выступить измѣнникомъ. Подобныя вещи дѣлаются изъ подъ полы, а на это мы можемъ не обращать вниманія.

— Если вы желаете, я это сдѣлаю.

— Да, я прошу васъ.

— Больше ничего, Левъ Александровичъ?

— Сейчасъ ничего не имѣю. Ахъ виноватъ... Хотя этого нельзя было предвидѣть, но это можетъ произвести дурное впечатлѣніе, что чуть не наканунѣ опубликованія своей статьи, авторъ ея обѣдалъ съ такимъ оффиціальнымъ лицомъ, какъ вы... Вы не находите, что это неловко?

Корещенскій въ упоръ посмотрѣлъ на него.

— Можетъ показаться еще болѣе страннымъ, что авторъ статьи былъ принятъ въ вашемъ домѣ, какъ свой человѣкъ, и еще болѣе—недавно освобожденъ изъ тюрьмѣ подъ вашимъ вліяніемъ.

— Во первыхъ, у меня въ домѣ, а не въ ресторанѣ, а во вторыхъ, я не просилъ о его освобожденіи. Вообще, это общее наше несчастье, эта давняя дружба съ Зигзаговымъ.

«Значитъ, за мной уже учрежденъ тайный надзоръ,—думалъ Корещенскій, возвращаясь къ себѣ.—Не пора ли и мнѣ укладывать чемоданъ и отыскивать себѣ мѣстожительство?»

Но онъ въ точности исполнилъ порученіе Балтова и составилъ опроверженіе въ томъ смыслѣ, какъ тотъ говорилъ. Для него однако было ясно, что Левъ Александровичъ нисколько не заблуждается. Если онъ знаетъ объ обѣдѣ его съ Зигзаговымъ и придаетъ этому значеніе, то, значитъ, догадывается и о передачѣ ему записки.

Вообще для него было совершенно ясно, что Балтовъ ему уже не довѣряетъ.

Отъ Корещенскаго Володя отправился домой. Онъ хотѣлъ видѣть Наталью Валентиновну. Онъ нашелъ ее въ будуарѣ. Лицо ея было очень блѣдно.

— Вы, Володя? Объясните мнѣ, что все это значитъ? Какъ могло все это случиться?

— Это случилось, Наталья Валентиновна.

— Но почему? Зачѣмъ? Для чего это понадобилось Максиму Павловичу?

— Наталья Валентиновна, мнѣ очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, я прошу васъ. Вы должны сказать мнѣ все, что думаете. Почему онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать это?

— Но какъ почему? Онъ писатель. Въ сущности, это былъ его долгъ... Вѣдь ясно же, что онъ написалъ правду...

— Можетъ быть, можетъ быть... Я въ этомъ такъ мало понимаю. Но если ужъ это было необходимо, развѣ не могъ это сдѣлать кто нибудь другой? Зачѣмъ Максиму Павловичу вмѣшиваться въ политику, къ которой онъ въ сущности равнодушенъ?

— Нѣтъ, Наталья Валентиновна, это вовсе не политика.— Это—извините меня... Я говорю о своемъ дядѣ... Это просто обманъ.

— Вы тоже такъ думаете, Володя?

— Я убѣжденъ въ этомъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть... Я теряюсь. Я не могу такъ думать... Я всегда думала, что сильному человѣку не надо прибѣгать къ обману. А вѣдь Левъ Александровичъ сильный.

— Да, но онъ дѣйствуетъ въ такой средѣ, гдѣ нужна не сила, а что-то другое.

— Не понимаю, не понимаю... Что же теперь съ Максимомъ Павловичемъ?

— Пока ничего. Я видѣлъ его два часа тому назадъ. Газетѣ конецъ, ее завтра закроютъ. А онъ на свободѣ.

— О, еще бы! Я увѣрена, что Левъ Александровичъ не допуститъ сдѣлать ему вредъ.

— Я въ этомъ нисколько не увѣренъ, Наталья Велентиновна. У дяди были такіе холодные глаза, какихъ я никогда не видалъ еще у человѣка.

Изъ передней послышался звонокъ. Вошелъ лакей и принесъ письмо.

— Это мнѣ?—спросила Наталья Валентиновна.

— Нѣтъ, это имъ.

Оказалось, что письмо было Володѣ. Онъ распечаталъ и увидѣлъ внизу подпись редактора закрытой газеты.

«Только что Максима Павловича арестовали. Сообщаю вамъ это, по его просьбѣ, которую онъ успѣлъ мнѣ высказать».

Володя отдалъ письмо Натальѣ Валентиновнѣ.—Вотъ вамъ и опроверженіе,—прибавилъ онъ.

Наталья Валентиновна на это не сказала ни слова. Она была подавлена всѣмъ происшедшимъ, а послѣднее извѣстіе какъ бы доканало ее.

Въ семь часовъ пріѣхалъ Левъ Александровичъ. Онъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда въ пиджакѣ. Онъ не любилъ дома оставаться въ мундирѣ.

Ни въ лицѣ его, ни въ походкѣ, ни въ голосѣ, не было никакихъ признаковъ волненія. Онъ даже улыбался, когда здоровался съ Натальей Валентиновной.—Отчего ты такая блѣдная сегодня?— спросилъ онъ, цѣлуя ея руку.

Она взглянула на него вопросительнымъ, глубоко непонимающимъ взглядомъ. Володи здѣсь не было, они были вдвоемъ.

— Ты спрашиваешь?—промолвила она.

— Неужели на тебя такъ подѣйствовала эта непріятная исторія съ статьей? Но увѣряю тебя, что я пережилъ это довольно спо-

койно. Если въ первую минуту я возмутился, то лишь съ точки зрѣнія отношенія къ людямъ. Я давно началъ сомнѣваться въ томъ, что къ нимъ стоитъ относиться искренно и доброжелательно. И во мнѣ всегда что-то возмущается, когда они своимъ поведеніемъ подтверждаютъ эти сомнѣнія.

— Скажи мнѣ, Левъ Александровичъ, то, что онъ написалъ, правда или ложь? Но только скажи мнѣ правду, это совершенно необходимо.

Левъ Александровичъ пытливо посмотрѣлъ ей въ глаза, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Видишь-ли, что я тебѣ на это скажу,—промолвилъ онъ:— вотъ этотъ пиджакъ, который на мнѣ—есть пиджакъ, и онъ предназначенъ для того, чтобы его носить. Не такъ ли? И когда я его ношу, то этому никто не удивляется, и всякій скажетъ, что я правъ, нося свой пиджакъ. Но завтра этотъ пиджакъ украдетъ какой-нибудь посторонній человѣкъ и, если онъ станетъ его носить, то мы скажемъ, что онъ не правъ, нося этотъ пиджакъ, хотя все таки останется истиной, что пиджакъ есть пиджакъ и предназначенъ для того, чтобы его носить.

— Это для меня слишкомъ не просто, Левъ Александровичъ,— возразила Наталья Валентиновна: — если бы ты могъ отвѣтить прямо.

— Потомъ прямой отвѣтъ самъ собой явится. Это только сравненіе. Я составилъ записку и предназначилъ ее для извѣстной цѣли. Записка эта моя собственность и я имѣю право предназначить ее для какой мнѣ угодно цѣли. Никто, а въ томъ числѣ и Зигзаговъ, не посвященъ въ мои планы. Но если бы я хотѣлъ, чтобы Зигзаговъ такъ или иначе воспользовался моей запиской, я далъ бы ему ее. Но я этого не сдѣлалъ. Значитъ, я не далъ ему права пользоваться ею. Онъ пишетъ, что укралъ ее, и публика понимаетъ, что это только литературный пріемъ, но это не пріемъ: онъ дѣйствительно укралъ ее, какъ могъ бы украсть и мой пиджакъ. Слѣдовательно, какъ бы онъ ею не воспользовался, все равно, онъ воспользовался краденой вещью, а значитъ въ основаніи его поступка лежитъ ложь.

Изъ всего этого объясненія Натальѣ Валентиновнѣ стало ясно, что все, сказанное Максимомъ Павловичемъ о запискѣ, было правда и она больше не добивалась отъ Льва Александровича прямого отвѣта.

— Скажи мнѣ еще,—промолвила она:—я не одобряю его поступка, — но развѣ это такое преступленіе, чтобы сажать въ тюрьму?

— Кто сказалъ тебѣ, что его посадили въ тюрьму?

— Я знаю.

— Значитъ, ты знаешь больше, чѣмъ я... Тебя извѣстили?

— Да.

— Корещенскій?

— Нѣтъ, редакторъ прислалъ Володѣ записку — по просьбѣ Максима Павловича—о томъ, что онъ арестованъ.

— Возможно. Это въ порядкѣ вещей.

— Я думала, ты не допустишь, чтобы человѣкъ былъ арестованъ за то, что высказалъ о тебѣ неодобрительное мнѣніе. Зигзаговъ не правъ въ своемъ отношеніи къ тебѣ, я это повторяю, но это частное дѣло. Мы часто бываемъ неправы по отношенію другъ къ другу, но за это не сажаютъ въ тюрьму.

— Это мнѣніе не обо мнѣ, а о государственномъ дѣятелѣ. По всей вѣроятности, это требуетъ ареста, но вѣдь ты знаешь, что это зависитъ не отъ меня.

— Ты помогъ ему освободиться отъ серьезнаго процесса...

— Да, и результатомъ этого было то, что онъ—извини пожалуйста—подложилъ мнѣ свинью... И вотъ что, Наташа, ты знаешь, что я для тебя многое способенъ сдѣлать даже противъ себя, но и ты должна щадить меня. И это мнѣ будетъ большимъ облегченіемъ, если мнѣ не будетъ нужно теперь хлопотать въ пользу Зигзагова. Ты должна понимать, что мнѣ вовсе не свойственно чувство мести, но я не могу способствовать дезорганизаціи общества, въ особенности въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ...

— Тебѣ предложили тотъ постъ, о которомъ онъ пишетъ

— Онъ мнѣ не предложенъ, но...

— Но онъ тебѣ достанется?

— При нѣкоторой логичности—да. Могутъ сдѣлать еще одну ошибку, но это будетъ только кратковременной отсрочкой. Я говорю это тебѣ, Наташа, только тебѣ: что внѣ меня нѣтъ выхода. И потому мы обязаны отдалять отъ себя всѣ предметы, могущіе бросить хотя бы тончайшую тѣнь. Пойдемъ обѣдать, Наташа.

Во время обѣда всѣмъ было тяжело. О Зигзаговѣ не было сказано ни слова. Володя упорно молчалъ, а Левъ Александровичъ не смотрѣлъ на него.

Наталья Валентиновна замкнулась въ себя и щеки ея еще больше поблѣднѣли. Лизавета Александровна отъ внутренняго волненія стучала тарелками.

Только Левъ Александровичъ говорилъ, но и то было видно, что онъ, чувствуя общее настроеніе, изобрѣталъ темы, и голосъ его раздавался съ какимъ-то безнадежнымъ одиночествомъ.

Послѣ обѣда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Наталья Валентиновна, сидѣвшая одиноко въ будуарѣ, слышала, какъ черезъ гостинную точно проплыла какая-то тѣнь. Она почему-то подумала, что это Лизавета Александровна пошла въ кабинетъ.

И въ самомъ дѣлѣ это такъ и было. Лизавета Александровна вошла въ кабинетъ и осторожно притворила за собой дверь.

— Ты отдыхаешь?—спросила она, видя, что Левъ Александровичъ сидитъ въ креслѣ, прислонившись къ спинкѣ его и закинувъ назадъ голову.

— А что?

— Видишь ли, Левъ, я читала эту статью и... И письмо. Я вижу, что онъ, этотъ человѣкъ, сдѣлалъ противъ тебя гадость, но я не понимаю, что именно. Я въ этихъ дѣлахъ такъ мало смыслю.

— Я не въ состояніи тебѣ объяснить это, Лиза,—суховатымъ тономъ сказалъ Левъ Александровичъ:—это надо понимать, а объяснить нельзя.

— Но это очень вредно для тебя?

— Ничего подобнаго. Для меня въ этомъ нѣтъ ничего вреднаго. И если хочешь знать правду, то даже полезно.

— Да? Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, Лиза... Видишь ли, это часто бываетъ, что враги наши, желая принести намъ зло, приносятъ намъ выгоду.

— Я безпокоюсь, Левъ. Но если это такъ, то...

— Да, да, Лиза, ты успокойся, это такъ. Конечно, я не пошлю ему благодарственный адресъ. Но я могу даже сказать тебѣ: никогда я не получалъ такихъ доказательствъ довѣрія, какъ именно послѣ этой статьи. Довольно съ тебя?

— О, да!—съ замѣтно прояснившимся лицомъ воскликнула Лизавета Александровна и оставила его отдыхать.

Но онъ оставался въ домѣ еще не болѣе четверти часа. Онъ опять облачился въ оффиціальную одежду, забѣжалъ къ Натальѣ Валентиновнѣ, поцѣловалъ ея руки и сказалъ, что у него сегодня цѣлая куча дѣлъ, и что онъ вернется поздно.

Когда онъ ушелъ, Натальѣ Валентиновнѣ стало еще тяжелѣй. У ней явилось странное чувство, какъ будто въ этомъ домѣ, за ея спиной дѣлается что-то такое, чего она не знаетъ, и главное—хотятъ, чтобы она не знала.

О чемъ, напримѣръ, Левъ Александровичъ могъ впродолженіе десяти минутъ говорить съ своей сестрой при закрытыхъ дверяхъ? У нихъ нѣтъ ровно ничего общаго. А между тѣмъ она прошла къ нему и вышла отъ него на цыпочкахъ, неслышными шагами.

Почему Левъ Александровичъ такъ спокоенъ, когда статья Зигзагова причинила ему большую непріятность? Значитъ, случилось что-нибудь такое, что загладило эту непріятность.

Вдругъ она вспомнила, что Максимъ Павловичъ въ тюрьмѣ. Быстро она отправилась къ комнатѣ Володи и постучалась.

— Войдите,—сказалъ Володя.

Она вошла и сейчасъ же опустилась на диванъ. Она измучилась одинокимъ сидѣньемъ у себя въ будуарѣ и чувствовала слабость.

— Окажите мнѣ услугу, Володя. Узнайте гдѣ-нибудь, куда увезли Максима Павловича и что ему грозитъ?

— Теперь?—спросилъ Володя, взглянулъ на часы. Было уже около девяти.

— Если можно...

— Я попробую. Можетъ быть, редакторъ знаетъ.

— Я буду вамъ очень благодарна, Володя.

— Что же вы съ этимъ сдѣлаете, Наталья Валентиновна? Вѣдь вы не можете посѣтить его.

— Я не знаю, что я могу. Но мнѣ бываетъ ужасно больно, когда на этого человѣка обрушиваются грубыя невзгоды... У него такая нѣжная и хрупкая душа. Онъ неправъ, неправъ, а все-таки... Узнайте, Володя.

Володя сейчасъ же всталъ и пошелъ въ переднюю одѣваться. Онъ направился въ редакцію.

Тамъ не было никого и никакой работы. У сторожа онъ узналъ, что редакторъ живетъ въ томъ же домѣ, только по другой лѣстницѣ. Онъ вошелъ къ нему, но ничего не узналъ.

— Самъ ничего не могу добиться. Если узнаете, пожалуйста сообщите и мнѣ.

Володѣ оставалось одно: обратиться къ Корещенскому. Онъ такъ и сдѣлалъ и тутъ ему было больше удачи. Неожиданно онъ засталъ его дома.

Алексѣй Алексѣевичъ былъ мраченъ; онъ ничего не зналъ относительно мѣстопребыванія Зигзагова, но онъ былъ любезенъ, отправился внизъ и позвонилъ куда-то въ телефонъ. Черезъ пять минутъ онъ вернулся и сообщилъ, что Максимъ Павловичъ въ предварительномъ заключеніи.

— А что ему грозитъ?—спросилъ Володя.

— Этого тамъ не знаютъ. Но я думаю, что его вышлютъ куда-нибудь подальше.

— Не на родину?

— Это было бы для него удовольствіе, а въ такихъ случаяхъ не стараются доставить удовольствіе!—сказалъ Корещенскій.

Володя вернулся домой и сообщилъ Натальѣ Валентиновнѣ добытыя имъ свѣдѣнія.

XXIV.

Все то, что происходило въ эти дни, какъ-то страннымъ образомъ вліяло на душу Натальи Валентиновны.

Она походила на человѣка, спокойно прожившаго много лѣтъ въ домѣ и вдругъ узнавшаго, что подъ поломъ этого дома давнымъ давно уже живетъ гнѣздо ядовитыхъ змѣй и ужасъ сковываетъ его при мысли объ опасности, какая грозила ему каждую минуту въ прошломъ.

Наталья Валентиновна принадлежала къ людямъ, не способнымъ вникать въ сущность того или иного направленія и активно примыкать къ той или другой партіи. Она умѣла только чувствовать правду и симпатизировать.

Левъ Александровичъ въ ея глазахъ не принадлежалъ ни къ какой партіи. Для нея это былъ человѣкъ сильный умомъ и волей, самъ создавшій все для себя, вонъ изъ ряда выходящій по сравненію съ людьми, которые попадались ей въ жизни.

Люди, которыхъ онъ считалъ своими друзьями, были симпатичны. Въ отношеніи къ нимъ онъ проявлялъ себя мягкимъ, добрымъ, благожелательнымъ.

Зигзаговъ же причислялъ себя къ борющейся партіи и онъ несомнѣнно принадлежалъ къ ней, потому что вмѣстѣ съ другими терпѣлъ гоненія и лишенія. То его, хотя и не надолго, сажали въ тюрьму, то высылали въ дальнія мѣста, то запрещали ему писать, то грозили ему участіемъ въ серьезномъ процессѣ съ серьезной карой.

Но она не вникала глубоко въ сущность его направленія, а только чувствовала, что въ этой сторонѣ его жизни есть правда, что онъ это дѣлаетъ безкорыстно, не для себя, а для чего то высшаго. И это вызывало въ ней симпатію.

Теперь она вдругъ почувствовала себя въ глубокомъ затрудненіи. Съ одной стороны—человѣкъ, котораго она любитъ и потому отдаетъ себя и свою жизнь, съ другой же, въ лицѣ Максима Павловича, правда, къ которой всегда лежало ея сердце.

И эти люди вдругъ стали врагами, и, какъ можно судить, уже непримиримыми.

Разобраться во всемъ случившемся ей было очень трудно. Она внимательно читала статью Максима Павловича и понимала въ ней все и, какъ читальница, она увлекалась блескомъ его таланта, заражалась его ядовитостью и готова была рукоплескать ему.

Но вдругъ въ головѣ ея являлась мысль:—это политика, это борьба, они люди различныхъ партій. Я въ этомъ слишкомъ мало понимаю, чтобы судить безошибочно.

Но, помимо этого, въ лицѣ Зигзагова она теряла человѣка, къ которому питала какую-то трогательную, почти нѣжную дружбу. Это была уже серьезная потеря, которую она явственно ощущала.

Всегда судьба этого человѣка ее заботила, всегда она готова

была отдать многое, чтобы помочь ему и выручить его. И вотъ теперь никто не знаетъ, что грозитъ ему.

На слѣдующій день она почувствовала мучительную тревогу. Нельзя сидѣть спокойно, не зная, что дѣлается съ человѣкомъ, которому нѣсколько дней тому назадъ дружески пожималъ руку.

Но вѣдь она знаетъ, что и онъ питаетъ къ ней самыя искреннія чувства, и была увѣрена, что и теперь не смотря на то, что онъ такъ рѣшительно объявилъ войну Льву Александровичу, по отношенію къ ней онъ остался тѣмъ же.

И она представляла его себѣ въ тюрьмѣ, одинокимъ, заброшеннымъ, лишеннымъ свѣта и воздуха, что онъ такъ всегда любилъ, покинутаго друзьями... И ей стало стыдно за то, что она сидитъ дома и ничего ради него не предпринимаетъ.

Льва Александровича она увидѣла только за обѣдомъ. И онъ поразилъ ее своимъ настроеніемъ. Даже въ обычное время, когда все шло исправно, онъ рѣдко бывалъ такимъ.

Какая-то бьющая ключемъ живость, проявлявшаяся въ говорливости, веселости, остроуміи. Казалось, онъ не могъ удержать въ себѣ слова—и это онъ, всегда такой сдержанный и уравновѣшенный.

Она только слушала его и, думала о томъ, чтобы въ глазахъ ея не выразилось удивленіе.

Послѣ обѣда онъ по обыкновенію съ полчаса сидѣлъ въ ея будуарѣ. Тутъ она спросила его.

— Отчего это ты сегодня такъ возбужденъ? Ты чѣмъ-то очень доволенъ. Это рѣдко бываетъ съ тобой.

— Все идетъ хорошо, прямо къ цѣли, Наташа... Человѣкъ бываетъ доволенъ, когда видитъ результаты своей работы, когда онъ можетъ ихъ осязать... А мои пальцы начинаютъ ихъ чувствовать...

— Я вѣдь ничего этого не знаю, Левъ Александровичъ.

— Да, ты не знаешь, это правда. Я странный человѣкъ. Я до такой степени люблю дѣйствовать на свой единоличный рискъ и страхъ, что даже самому близкому человѣку какъ будто боюсь отдать хоть каплю изъ нихъ. Я люблю сообщать только результаты.

— Я не хочу нарушать твою привычку, я только говорю, что не знаю, чтобы ты не удивлялся, если видишь съ моей стороны мало сочувствія.

— Скоро первое января, Наташа, тогда все узнаешь... Я только говорю тебѣ, что все идетъ, какъ я хочу.

— Ты уже уѣзжаешь?

— Да, мнѣ пора. Теперь, въ концѣ года, у насъ идетъ бѣшенная работа.

— Погоди минуту... Ты знаешь, гдѣ содержится Зигзаговъ? Въ предварительномъ...

— А тебѣ развѣ сообщили?..

— Къ сожалѣнію, ты и въ этомъ примѣняешь свой «страхъ и рискъ» и я принуждена узнавать это отъ другихъ. Володя спросилъ Корещенскаго, а онъ у кого-то узналъ по телефону. Но ты знаешь, что его ожидаетъ?

— Я объ этомъ не думалъ.

— Я хотѣла бы, чтобы ты объ этомъ подумалъ, Левъ Александровичъ.

— А ты меня удивляешь, Наташа... Я, конечно, не злопамятенъ... Но Зигзаговъ явно сталъ моимъ врагомъ. А ты болѣешь о немъ, какъ о другѣ.

— Да, потому что я не чувствую его своимъ врагомъ. Онъ врагъ твоей политики. Если бы вы когда нибудь встрѣтились какъ частные люди, вы пожали бы другъ другу руки... Ты вѣроятно будешь сердиться, но я все таки прошу тебя, если его ожидаетъ что нибудь тяжелое, отведи отъ него.

— Я могу сказать тебѣ прямо, Наташа, сейчасъ я для Зигзагова пальцемъ не двину. Что съ нимъ сдѣлаютъ, я не знаю и не могу знать, или скорѣе не долженъ. По всей вѣроятности, его вышлютъ куда нибудь не въ особенно пріятныя мѣста. Вообще, я не думаю, чтобы его ожидало что нибудь утѣшительное. Но послѣ перваго января, разумѣется, если я не ошибусь въ своихъ расчетахъ, я сдѣлаю для него гораздо больше, чѣмъ ты думаешь. Тогда я никого не буду долженъ просить объ этомъ. Тогда будетъ достаточно мнѣ мягнуть глазомъ... Довольно съ тебя?.

— О, да... Этого совершенно достаточно. Но я хотѣла бы еще одно: повидаться съ нимъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ сказать ему это.

— Гм... Да, пожалуй... Это не будетъ лишнее. При томъ же теперь, пока ты еще не носишь мою фамилію, ты можешь это сдѣлать. Это ничему не помѣшаетъ, если онъ будетъ знать, что мы съ тобой великодушнѣе, чѣмъ онъ; но этого нельзя сдѣлать черезъ меня.

— Черезъ кого же?

— Да самое лучшее—ты позови къ себѣ Корещенскаго. Онъ это устроитъ тебѣ.

— Ты его увидишь сегодня?

— По всей вѣроятности. Но все-таки ты позови его помимо меня. Я не долженъ даже косвеннымъ образомъ вмѣшиваться въ это. И вообще обо мнѣ по этому поводу съ Корещенскимъ ни слова... И кромѣ того, Наташа, ты какъ нибудь обойдись безъ

записки. Самое лучшее—пусть сдѣлаетъ это Володя. Они вѣдь пріятели,—прибавилъ онъ съ иронической усмѣшкой.—Корещенскій принимаетъ Володю даже въ Министерствѣ.—Когда приходится переходить черезъ пропасть по тоненькой жердочкѣ, перекинутой черезъ нее, надо быть очень осторожнымъ.

Володя пошелъ къ Корещенскому на другой день утромъ, когда тотъ еще былъ дома. Алексѣй Алексѣевичъ обѣщалъ оторвать полчаса отъ своего служебнаго времени и быть у Натальи Валентиновны около полудня. И онъ это исполнилъ.

— Я вамъ нуженъ,—говорилъ онъ, цѣлуя ея руку,—это такой рѣдкій подарокъ для меня. Ну, давайте же мнѣ самое трудное, самое головоломное, почти неисполнимое порученіе. Я хочу по крайней мѣрѣ передъ вами отличиться.

— Можетъ быть, это такъ и будетъ, Алексѣй Алексѣевичъ, сказала Наталья Валентиновна,—устройте мнѣ свиданіе съ Максимомъ Павловичемъ.

— Что-о? Вамъ? Послѣ всего, что было?—съ удивленіемъ спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— То, что было, принадлежитъ къ области, о которой я слишкомъ мало смыслю. А съ Максимомъ Павловичемъ мы старые хорошіе друзья. Я надѣюсь, что это не повредитъ Льву Александровичу. Это можно?

— Нѣтъ ничего невозможнаго на свѣтѣ! конечно, можно... Вѣдь онъ не на лунѣ, а всего только на Шпалерной... Но сперва надо узнать, здѣсь-ли онъ еще. Можетъ быть, его куда нибудь уже угнали.

— Такъ узнайте-же какъ можно скорѣе и устройте. Для вашего спокойствія могу вамъ по секрету сообщить, что Левъ Александровичъ противъ этого ничего не будетъ имѣть.

— А-а... Ну, прекрасно, я вамъ это устрою по телефону.

— Такъ пройдите въ кабинетъ. Тамъ есть телефонъ.

— О, что вы, голубушка, развѣ можетъ вынести подобную вещь частный телефонъ? Нѣтъ, я это сдѣлаю изъ Министерства. Черезъ часъ пришлите ко мнѣ Володю и онъ принесетъ вамъ все, что нужно.

Онъ уѣхалъ. Володя былъ снаряженъ къ нему и скоро принесъ ей свѣдѣнія.

Максимъ Павловичъ былъ еще здѣсь. Посѣщеніе устроено. Въ три часа она должна быть на мѣстѣ.

— Я васъ провожу туда,—сказалъ Володя.

— Развѣ и вамъ можно?

— Нѣтъ, я только провожу васъ и подожду тамъ. Алексѣй Алексѣевичъ совѣтуетъ не ѣхать въ своемъ экипажѣ, а взять извощичій. Это предосторожность. Ахъ, знаете, я убѣдился, что вся дѣятельность чиновниковъ состоитъ изъ предосторожностей.

Въ третьемъ часу они вышли изъ дома и взяли извощика.

Максимъ Павловичъ былъ предупрежденъ о предстоящемъ посѣщеніи. Онъ только не зналъ, кто его посѣтитъ. Къ нему являлись очень многіе, вся редакція и даже совершенно незнакомые люди. Но въ болѣе ранніе часы, скоро послѣ полудня. Въ три часа обыкновенно даже не было пріема. Поэтому онъ интересовался этимъ визитомъ.

Когда дверь въ его комнату растворилась и вошла дама, съ лицомъ, прикрытымъ густой, черной вуалью, онъ вскочилъ съ кровати, на которой сидѣлъ и установился на нее глазами.

Онъ слабо различалъ черты ея лица, но по тонкой стройной фигурѣ почти уже догадался, что это Наталья Валентиновна.

Она ни одной секунды, не оставила его въ заблужденіи, и сейчасъ же подняла вуаль.

— Вы? Боже мой! Не ждалъ... Говорилъ Зигзаговъ, цѣлуя у ея руки.—Вотъ стулъ—единственный; садитесь, дорогая, милая, добрая... Какъ же это могло случиться?

— Погодите, дайте собраться съ духомъ,—сказала Наталья Валентиновна, осматривая комнату,—здѣсь не такъ плохо, какъ...

— Какъ я заслуживаю? Не правда ли?

— Почти правда, Максимъ Павловичъ. Да, да, почти правда...

Это была маленькая комната съ небольшимъ окномъ, выходившимъ во дворъ и дававшимъ достаточно свѣта. У стѣны стояла узенькая кровать, на ней былъ тюфякъ, прикрытый бѣльемъ и одѣяломъ, и подушка. Былъ столъ, простой ясеневый, и стулъ.

Комната вовсе не имѣла тюремнаго вида, а скорѣе дешеваго номера въ плохенькой гостинницѣ.

— Какъ,—воскликнулъ Зигзаговъ, взглянувъ на затворенную дверь.—Даже жандарма нѣтъ? Это первый случай. Обыкновенно я изливаю свои чувства къ друзьямъ въ присутствіи жандарма, который, впрочемъ, благосклоненъ и, когда мы начинаемъ говорить о политикѣ, онъ закрываетъ уши. Вотъ что значитъ—могущественная покровительница. Но радъ я вамъ ужасно. Ну, браните, браните, я готовъ слушать отъ васъ самыя жестокія слова.

— Буду бранить,—сказала Наталья Валентиновна,—зачѣмъ вы предпочли поступить безумно? Если это было нужно по вашимъ соображеніямъ, вы могли поручить кому-нибудь изъ вашихъ друзей.

— Ну, нѣтъ. Эту честь и это удовольствіе я не уступилъ бы никому.

— А теперь вамъ плохо.

— Все равно, милая Наталья Валентиновна, когда-нибудь было бы плохо, раньше или позже. Теперь по крайней мѣрѣ по хорошему поводу. А что, вамъ извѣстна моя судьба?

— Нѣтъ, этого я никакъ не могла еще узнать.

— А мнѣ извѣстна. Хотите, я вамъ разскажу? Меня пошлютъ на югъ, въ нашъ родной городъ, но не долго я тамъ буду свободно посѣщать тѣ уголки, въ которыхъ мы съ нами часто сиживали—на бульварѣ, за городомъ на берегу моря, или у милыхъ нѣмцевъ—помните? Очень скоро ко мнѣ придутъ и возмутъ меня и посадятъ. А затѣмъ—5-го января я явлюсь на скамью подсудимыхъ по извѣстному вамъ процессу.

— Какъ? Вы думаете, что васъ опять привлекутъ?

— Да какъ же иначе? Я былъ освобожденъ незаконно, благодаря лишь благосклонности господина министра. Теперь я лишилъ себя этой благосклонности и, само собою разумѣется, меня должны взять.

— Этого не будетъ, Максимъ Павловичъ. Я вамъ ручаюсь. Этого не будетъ.

— То-есть вы хотите настоять на этомъ передъ его высокопревосходительствомъ? А я васъ умоляю не настаивать. Простите мнѣ, вы такъ добры ко мнѣ, что этого я не долженъ бы говорить вамъ, но не могу не сказать: отъ Льва Александровича я больше никакой услуги не приму.

— Какъ вы можете не принять, если онъ вамъ сдѣлаетъ ее?

— Не приму. Буду кричать, протестовать... Это была слабость съ моей стороны, что я согласился тогда выйти изъ тюрьмы. Я долженъ былъ испить чашу до дна, какъ испиваютъ ее другіе. Я, положимъ, радъ, потому что это дало мнѣ возможность написать мою статью; впрочемъ, я не долженъ такъ говорить съ вами.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите все... Все это вѣдь относится не къ Льву Александровичу, а къ министру, а вы знаете, я съ министромъ почти незнакома.

— Блаженъ, кто можетъ отдѣлять человѣка отъ его дѣятельности... Но не будемъ спорить. Я просто буду восхищаться вашей добротой.

— Я должна передать вамъ слова Льва Александровича: что послѣ новаго года онъ сдѣлаетъ для васъ много хорошаго.

— Ради Бога, ради Бога... Пусть онъ не дѣлаетъ для меня ничего хорошаго! Я объ этомъ прошу. Нѣтъ, нѣтъ. Ни въ какомъ случаѣ. Наибольшее добро, какое онъ можетъ для меня сдѣлать—это не дѣлать для меня никакого добра.

— Но почему? Почему?

— Потому что это меня обременяетъ. Я не въ состояніи отвѣтить на это благодарностью, я не могу оправдать его добро. Я окажусь еще разъ неблагодарнымъ и это будетъ уже слишкомъ.

— Вы, значитъ, никогда не думаете сдѣлаться благоразумнымъ?

— Я возненавидѣлъ бы себя въ тотъ мигъ.

— За что?

— Благоразуміе противно моей натурѣ.

— И это говорите вы, вы вѣчный искатель красоты?

— Да, да. Красоты... Развѣ то, что я сдѣлалъ, не красиво? Торжественно, на глазахъ у всей Россіи, приподнять забрало и открыть лицо, которое такъ тщательно скрывалось. Но это единственное, что я сдѣлалъ въ своей жизни красиваго.

— Ахъ, Боже мой... Но неужели же я не могу что-нибудь для васъ сдѣлать?

— Да вы ужъ сдѣлали. Вы пришли ко мнѣ, не смотря ни на что. Что же еще можно сдѣлать больше? Пожелайте мнѣ счастливаго пути. Вѣдь путь несомнѣнно предлежитъ. А если вся эта исторія для меня кончится благополучно, то все же наше свиданіе послѣднее.

— Почему послѣднее? Почему?

— Да вѣдь вы чуть не на дняхъ превратитесь въ ея высокопревосходительство госпожу Балтову, тогда ужъ нельзя будетъ посѣщать въ тюрьмѣ политическихъ...

— Но можно встрѣчаться съ ними на свободѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, голубушка. Я желаю вамъ всякаго счастья на министершиномъ посту, но скажемъ другъ другу прямо, что мы тогда уже не встрѣтимся.

Послышался осторожный тихій стукъ въ дверь.

— Что это?—спросила Наталья Валентиновна.

— Это значитъ, что вамъ пора уходить. Прощайте, крѣпко, крѣпко пожимаю вашу руку!

— Скажите, Максимъ Павловичъ, неужели вы не допускаете, что можете со временемъ помириться съ Львомъ Александровичемъ?

— Я, можетъ быть, и смогу... Во мнѣ слишкомъ много сидитъ пытливаго философа, чтобы я не нашелъ въ человѣкѣ подходящихъ для себя сторонъ... Но онъ никогда со мной не примирится.

— Вы ошибаетесь.

— Нѣтъ, я не ошибаюсь. Для меня это поразительно ясно. Я задѣлъ его самое чувствительное мѣсто. Я не сказалъ этого слова въ своей статьѣ и вамъ не скажу его, но каждый «проницательный читатель» себѣ его скажетъ.

— Какое слово?

— Нѣтъ, нѣтъ, оно васъ обидитъ. Я его не произнесу.

— Я должна знать его. Вы даже не представляете, до какой степени я должна знать его, и вы должны сказать. Если оно несправедливо, вы отвѣтите за него передъ моей душой. Скажите скажите...

— Вы этого требуете? Пусть. Я въ сущности назвалъ его шарлатаномъ.

— А...—Наталья Валентиновна слегка вскрикнула.—Это слово точно ножемъ рѣзнуло ее по сердцу.

— Нѣтъ, нѣтъ... Это несправедливо... Неужели вы такъ о немъ думаете?

— Простите, дорогая...—сказалъ Зигзаговъ и, схвативъ ея руки, крѣпко пожалъ ихъ.—Въ сущности, все это мы говоримъ, а развѣ можно знать, что будетъ съ нами? Вотъ мы враждуемъ, а можетъ статься, что черезъ годъ мы будемъ рядомъ болтаться на одной висѣлицѣ.

— Какія мысли!.. И вы съ такими мыслями отпускаете меня?

— Забудьте... Прощайте... Вотъ опять стучатъ. Это уже нетерпѣніе. Кланяйтесь Володѣ, пусть придетъ ко мнѣ... Онъ еще у васъ живетъ?

— Да...

— Ну, онъ скоро переѣдетъ.

— Онъ здѣсь внизу ждетъ меня.

— Почему же онъ не вошелъ?

— У него нѣтъ разрѣшенія.

— Какія у насъ строгости: племянникъ министра не можетъ навѣстить друга. Идите, благодарю.—Онъ еще разъ пожалъ ея руку и отпустилъ ее.

XXV.

Дня черезъ четыре послѣ этого свиданія Наталья Валентиновна получила письмо, на конвертѣ котораго стоялъ штемпель: «почтовый вагонъ», на адресѣ она сразу узнала руку Зигзагова и торопливо распечатала письмо. Оно состояло изъ двухъ строкъ.

«Ѣду въ родной городъ. Повидимому, свободенъ, но имѣю право жить только тамъ. Вспоминаю васъ и мучительно жалѣю, что никогда больше не увижу».

Почему-то послѣ прочтенія этой коротенькой записки, Натальѣ Валентиновнѣ сдѣлалось больно и въ тоже время страшно. Какъ будто выполнялось начало предсказанія, сдѣланнаго самимъ Максимомъ Павловичемъ. Онъ говорилъ, что его водворятъ въ родномъ городѣ. Если и дальнѣйшее оправдается, то это будетъ ужасно.

Максимъ Павловичъ дѣйствительно ѣхалъ на югъ. Его выпустили изъ заключенія и предоставили право жить въ родномъ городѣ. Но онъ ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что это только ловушка. Онъ совершенно ясно представлялъ себѣ планъ, по которому дѣйствовалъ относительно его Балтовъ.

Онъ именно былъ увѣренъ, что никто иной, какъ Балтовъ. Ему было извѣстно, что въ сущности неоффиціально онъ уже всемогущъ. Онъ точно видѣлъ этого человѣка насквозь и понималъ, что вся прежняя доброта его къ нему и готовность оказывать услуги, покоилась на умномъ разсчетѣ.

Въ южномъ городѣ ему надо было имѣть партію среди популярныхъ людей. Въ особенности для него было важно сочувствіе журнальнаго міра; но чувство жалости и вообще какое бы то ни было «стѣсняющее чувство», ему чуждо.

И онъ зналъ, что Балтовъ также холодно и спокойно отплатитъ ему, какъ оказывалъ услуги.

Въ южный городъ Максимъ Павловичъ пріѣхалъ героемъ. Курчавинъ, Богъ знаетъ откуда и какимъ образомъ пронюхавшій, что онъ ѣдетъ на родину, устроилъ ему помпезную встрѣчу.

На вокзалѣ онъ собралъ изрядную толпу обывателей, его встрѣтили рѣчами и повезли прямо съ вокзала въ редакцію, гдѣ былъ приготовленъ званный завтракъ.

Органъ, слѣдившій за Зигзаговымъ, не ожидалъ этого, не приготовился и растерялся.

Максимъ Павловичъ помѣстился въ гостинницѣ, такъ какъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что ему не долго придется наслаждаться свободой.

И дѣйствительно, всего дней пять онъ отдыхалъ. Ему предоставили даже встрѣтить праздникъ и провести первый день Рождества въ кругу знакомыхъ, а въ ночь съ перваго на второй день его уже взяли и посадили въ ту самую тюрьму, изъ которой не такъ давно выручилъ его Балтовъ. Максимъ Павловичъ подчинился этому, какъ должному.

Въ тюрьмѣ его встрѣтили товарищи по предстоящему въ самомъ скоромъ времени процессу и тутъ же онъ узналъ, что къ нему предъявляются прежнія обвиненія въ полной мѣрѣ.

Его начали таскать на допросы и изъ хода дѣла онъ видѣлъ, что для него это должно кончиться не шуткой. Уже онъ началъ пріучать свое воображеніе къ каторгѣ.

Но произошло нѣчто такое, на что онъ никакъ не расчитывалъ. Прошелъ новый годъ. Въ тюрьму проникло извѣстіе о перемѣнѣ, происшедшей въ высшихъ сферахъ. Недавній вершитель судебъ Россіи, своимъ рѣзкимъ безпощаднымъ образомъ дѣйствіи озлобившій всѣхъ и неугодившій даже тѣмъ, для кого работалъ, былъ удаленъ въ отставку и судьбы Россіи были вручены новому свѣтилу—Льву Александровичу Балтову.

Максимъ Павловичъ сказалъ себѣ: «ну, теперь я окончательно погибъ»! и рѣшилъ, что на судѣ постараются приписать ему еще большія вины, чѣмъ тѣ, въ какихъ онъ сейчасъ уличался.

И всѣ въ тюрьмѣ ждали дня, когда начнется процессъ. Нѣсколько главныхъ дѣятелей знали навѣрное, что черезъ недѣлю будутъ повѣшены. Ни у кого не было ни малѣйшей иллюзіи, въ особенности послѣ того, какъ явившійся съ свободы и при томъ изъ Петербурга Зигзаговъ разъяснилъ, что такое Балтовъ и чего отъ него ожидать можно.

И вдругъ наканунѣ перваго судебнаго засѣданія въ тюрьму пришло предписаніе освободить Зигзагова отъ обвиненія и привлечь его въ качествѣ свидѣтеля. Это извѣстіе всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, огорошило.

Когда объ этомъ сообщили Максиму Павловичу, онъ устроилъ бурную, неожиданную для него самого, сцену. Онъ протестовалъ, кричалъ, топалъ ногами.

— Я не хочу, не хочу этой свободы, я желаю быть съ другими! пусть судятъ, пусть вѣшаютъ...

Но свобода ему была суждена. Она была предписана высшимъ начальствомъ.

Какое-то особенное нервное состояніе овладѣло имъ и тюрьма была свидѣтельницей небывалаго зрѣлища: человѣка насильно освобождали. Онъ упирался, хватался за столъ, за нары, за дверь, чтобы остаться въ тюрьмѣ и подвергнуться безпощадному, заранѣе опредѣленному рѣшенію, а его тащили вонъ изъ тюрьмы и вытащили. Онъ былъ освобожденъ.

Въ гостинницу онъ пріѣхалъ часовъ въ девять вечера и туда сейчасъ явился Курчавинъ.

Но издатель велъ себя совсѣмъ иначе, чѣмъ въ день его пріѣзда изъ Петербурга. Онъ какъ будто былъ смущенъ чѣмъ то.

— Что вы на меня смотрите такими стеклянными глазами?— раздражительно спрашивалъ его Зигзаговъ.

Но Курчавинъ не рѣшался объяснить.

А дѣло было въ томъ, что освобожденіе Максима Павловича сопровождалось предварительнымъ распространеніемъ извѣстія о немъ по городу. Среди людей, интересовавшихся завтрашнимъ процессомъ, неизвѣстно, какимъ образомъ распространился слухъ о полученномъ изъ Петербурга телеграфномъ приказаніи.

Такъ какъ это было уже вторичное освобожденіе Зигзагова, то, естественно, на этомъ остановились и стали обсуждать на всѣ лады.

Можетъ быть, крылатое слово, которое родилось въ этотъ вечеръ, было и подсказано кѣмъ-нибудь, и въ то время какъ Максимъ Павловичъ въ тюрьмѣ боролся изъ за своего права остаться въ ней, оно уже переходило изъ устъ въ уста.

Курчавинъ слышалъ его и сильно колебался, ѣхать-ли ему къ Зигзагову? Онъ рѣшился ѣхать, но былъ остороженъ и, идя къ нему въ номеръ, оглядывался.

— Скажите, что такое случилось? Почему вы такъ странно ведете себя?—спрашивалъ его Зигзаговъ.

— Что вы, помилуйте, Максимъ Павловичъ, это вамъ кажется, вы разстроены, такъ это отъ того,—отвѣчалъ Курчавинъ и видимо вилялъ и въ тоже время не умѣлъ скрыть этого.

Но больше всего поразило Максима Павловича, что никто изъ друзей не явился къ нему. Если о его освобожденіи зналъ Курчавинъ, то значитъ, знали и другіе.

Ночь спалъ онъ отвратительно. Какія-то неопредѣленныя, но скверныя предчувствія тревожили его.

А утромъ ему предстояло итти въ судъ. Онъ не зналъ, что будетъ тамъ дѣлать и у него даже была мысль вовсе не итти. Но затѣмъ пришло въ голову, что, можетъ быть, онъ дастъ полезное для кого-нибудь свидѣтельство.

И онъ отправился въ судъ.

Въ свидѣтельской комнатѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ, которые недавно еще на торжественномъ завтракѣ привѣтствовали его рѣчами, какъ героя.

При его появленіи они повернулись къ нему спинами. Онъ стоялъ какъ вкопанный, и смотрѣлъ на это, не понимая. Въ головѣ его носились какія-то мысли, но онъ никакъ не могъ привести ихъ въ порядокъ.

Начался судъ. Сперва позвали другихъ, потомъ его.

Уже при его появленіи въ залѣ среди присутствовавшей публики пронесся какой то странный шопотъ.

Голова его была въ туманѣ. Онъ чувствовалъ, какъ будто надъ нею виситъ тяжелая туча, изъ которой вотъ вотъ долженъ разразиться убійственный громъ.

Его допрашивали, онъ ничего не могъ сказать. Онъ смотрѣлъ на скамью подсудимыхъ. Тамъ сидѣли его вчерашніе товарищи. Но онъ явственно видѣлъ, что на лицахъ у нихъ выражается презрѣніе.

Онъ слышалъ обращенные къ нему вопросы защитника. Упоминается фамилія Балтова. Министръ Балтовъ...

«Свидѣтель Зигзаговъ, вы были въ близкихъ отношеніяхъ съ господиномъ министромъ Балтовымъ, вы пользовались его довѣріемъ»...

— Что это такое? Зачѣмъ объ этомъ говорятъ? Развѣ это относится къ дѣлу?

Онъ весь дрожалъ, онъ смутно чувствовалъ, что туча уже разразилась, и громъ грянулъ, но только онъ не слышалъ. Онъ какъ будто оглохъ и ослѣпъ.

Онъ, кажется, что-то отвѣчалъ на вопросы, но едва-ли впопадъ.

— Свидѣтель, вы свободны»...

Ему предоставили уйти изъ зала и онъ вышелъ. Невѣрными шагами онъ шелъ по корридору суда. Шаги его по каменному полу гулко раздавались подъ высокими сводами.

Онъ явственно ощущалъ жажду встрѣтить какое-нибудь знакомое лицо и попросить, чтобы ему объяснили. Его умъ какъ будто ослабѣлъ. Онъ самъ не могъ осилить того, что происходило.

И вотъ вдали онъ видитъ знакомое лицо. Одинъ изъ бывшихъ у него на вечерахъ. Человѣкъ, только случайно не попавшій вмѣстѣ съ другими въ тюрьму. Онъ торопливо идетъ къ нему и останавливаетъ его.

— Слушайте, слушайте... Объясните мнѣ...—Нервнымъ надломленнымъ голосомъ говоритъ Максимъ Павловичъ.

Но тотъ отступаетъ отъ него на нѣсколько шаговъ.

— Отойдите, пожалуйста... Я не разговариваю со шпіонами...

И онъ быстро уходитъ, а Зигзаговъ остается на мѣстѣ, какъ будто приросшій къ полу.

Онъ старается сообразить: что это? почему? откуда? Какъ это могло случиться?

У него является внутреннее движеніе пойти обратно, вбѣжать въ залъ суда и громко на весь міръ крикнуть:

«Это неправда, это клевета, ложь»!..

Но онъ не двигается съ мѣста.

Но вдругъ, точно молнія освѣтила его голову, и онъ разомъ понялъ все.

Балтовъ, Балтовъ... Такъ вотъ она месть этого холоднаго человѣка съ ледянымъ взоромъ. Вотъ почему онъ освободилъ его наканунѣ суда. Ну, да, конечно, это все должно было навести на подозрѣнія. Онъ, значитъ, былъ подосланъ въ тюрьму, чтобы вывѣдывать...

Да нѣтъ, тутъ надо идти дальше: онъ предоставлялъ свою квартиру для вечеровъ, въ ней жили, строили планы, рѣшали... А Балтовъ въ это время уже былъ въ Петербургѣ и онъ, Зигзаговъ, былъ дружески связанъ съ его домомъ. Вотъ откуда эти странные вопросы защитника, вотъ чѣмъ объяснятся презрительныя лица сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ.

Мысли эти, какъ потокъ лавы, ворвались въ его голову. Онъ схватился за виски и выбѣжалъ изъ корридора на лѣстницу, а потомъ, накинувъ на плечи пальто, на улицу.

Поднявъ воротникъ пальто и надвинувъ на лобъ шляпу, онъ быстрыми шагами пошелъ къ своей гостинницѣ. Онъ точно боялся, что кто нибудь изъ знакомыхъ встрѣтится съ нимъ и, узнавши его, броситъ ему въ лицо презрительное слово.

Онъ пришелъ домой, сѣлъ за столъ, схватилъ листъ бумаги и перо и началъ быстро и нервно писать.

Много часовъ онъ просидѣлъ надъ этимъ письмомъ, постоянно отрывался, задумывался, вскакивалъ и бросался ходить по комнатѣ и опять садился за столъ. Письмо было не длинно, но каждое слово въ немъ было выковано изъ стали.

Онъ писалъ:

«Это письмо сегодня будетъ опущено въ ящикъ. Оно будетъ въ дорогѣ два дня и на третій день утромъ за вашимъ кофе вы будете читать его. Я буду жить эти два дня и еще одну ночь. И въ тотъ моментъ, когда вы будете читать это письмо, здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ я пишу его, раздастся выстрѣлъ, но на этотъ разъ рука моя не дрогнетъ и пуля дойдетъ до того мѣста, куда я ее пошлю. На этотъ разъ я умру.

Вы должны знать, почему я умру, или даже умеръ уже въ ту минуту, когда вы читаете это письмо.

Господинъ Балтовъ отомстилъ мнѣ такъ, какъ умѣютъ мстить только министры. Да, министерская месть!

Я объявилъ его шарлатаномъ — на весь міръ объявилъ его шарлатаномъ, и теперь всѣ уже знаютъ, что онъ шарлатанъ, фокусникъ, престидижитаторъ высшей школы, и за это я отдаю мою жизнь. Плата хорошая, да и товаръ не дурной. Они стоятъ другъ друга.

Знайте же, какъ это было. Меня послали въ родной городъ, чтобы здѣсь разыграть на моей жизни тонко и подло задуманный планъ.

Меня арестовали, посадили въ тюрьму. Но наканунѣ суда мнѣ дали свободу, и привлекли къ процессу въ качествѣ свидѣтеля.

Вы понимаете? Нѣтъ? Я тоже не понималъ, а теперь понялъ, послѣ того, какъ мнѣ бросили въ лицо слово: шпіонъ! Шпіонъ господина Балтова.

Я свидѣтель на судѣ. По смыслу дѣла я долженъ быть судимъ и наказанъ, но я—только свидѣтель, свидѣтель господина Балтова.

Я слышу презрительный шопотъ, ко мнѣ поворачиваются спинами, отъ меня отскакиваютъ, мнѣ не подаютъ руки.

Да вѣдь это же ясно: я, никто другой, какъ я былъ главной пружиной въ этомъ дѣлѣ. Я предоставлялъ свою квартиру для того, чтобы слѣдить, доносить, я выдалъ всѣхъ и, ради правдоподобія, просидѣлъ нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ.

Вы понимаете, въ чьей головѣ могъ родиться такой геніально предательскій планъ? Въ одной головѣ во всей Россіи: въ головѣ господина министра, Балтова. Да, безъ сомнѣнія, мои прежніе

друзья показали всю свою ограниченность, узкость и тупость, но господа Балтовы на эти качества и расчитываютъ, вся ихъ карьера на нихъ основана. Расчетъ вполнѣ оправдался.

Но, клянусь вамъ, я умираю не потому, что мнѣ стыдно встрѣчаться съ этими людьми,—мнѣ легко было бы доказать ихъ ошибку; но мнѣ противно жить среди людей, настолько ничтожныхъ, что на ихъ тупыхъ головахъ господа Болтовы могутъ играть, какую имъ угодно мелодію, и всякій смѣлый политическій пройдоха можетъ пользоваться ими и передвигать ихъ, какъ пѣшекъ. Скучно жить среди такихъ «братьевъ»...

Но всякій умирающій имѣетъ право высказать свое желаніе. Его могутъ исполнить, могутъ и презрѣть, ему уже будетъ это все равно, онъ ничего не почувствуетъ.

И вотъ мое завѣтное желаніе: не соединяйте вашей чистой, кристальной, прекрасной и горячей души съ душой господина Балтова, съ душой, которая подобна холодной грязной лужѣ, гдѣ медленно шевелятся змѣи.

Два дня и одну ночь я буду сидѣть въ стѣнахъ моей комнаты—одинъ. Никто ко мнѣ не придетъ—одни изъ презрѣнія, другіе изъ трусости. Два дня и одну ночь я буду томиться жизнью, которую уже глубоко ненавижу. Буду дѣлать это ради васъ, чтобы вы первая узнали о моей смерти. Прощайте, другъ. Максимъ Зигзаговъ».

Много разъ онъ перечитывалъ это письмо, зачеркивалъ въ немъ слова и фразы и замѣнялъ ихъ другими. Онъ работалъ надъ нимъ, какъ надъ любимымъ литературнымъ произведеніемъ.

Наконецъ, онъ переписалъ его въ послѣдній разъ, запечаталъ въ конвертъ, собственноручно наклеилъ марки и велѣлъ отнести на почту.

Послѣ этого уже никто не видѣлъ его въ городѣ. Всѣ думали, что онъ исчезъ, и въ этомъ находили лучшее доказательство того что слухи о его роли въ процессѣ справедливы.

Но прошли два дня и одна ночь и городъ былъ пораженъ неожиданнымъ извѣстіемъ.

XXVI.

Между тѣмъ въ Петербургѣ разыгрывались событія, среди которыхъ были и такія, какихъ никто не могъ бы предположить

Балтовъ дѣйствительно сдѣлался всемогущимъ, и съ перваго же дня его назначенія на новый постъ общество увидѣло, что въ его лицѣ Россія пріобрѣла злѣйшаго врага и мучителя.

По всей странѣ раздался громъ новаго Юпитера, тысячи новыхъ арестовъ были его новогоднимъ подаркомъ. Забрало, поднятое

надъ его лицомъ Зигзаговымъ, теперь валялось у его ногъ, онъ уже не считалъ нужнымъ прикрываться имъ.

Произошли новыя назначенія. Среди нихъ были и неожиданныя. Всѣ, конечно, ждали, что въ числѣ сотрудниковъ новаго министра будетъ Корещенскій, который работалъ съ нимъ съ начала его карьеры. Но вмѣсто этого, узнали новое имя, которое до сихъ поръ не разу не было произнесено громко. Имя это было Вергесовъ.

Корещенскій же остался въ тѣни. Затѣмъ въ служебныхъ сферахъ произошло то естественное движеніе, которымъ сопровождается всякая перемѣна лицъ. На мѣсто, которое занималъ прежде Балтовъ, было назначено другое лицо. Это лицо явилось, окруженное своими помощниками и клевретами и оказалось, что Алексѣю Алексѣевичу на его прежней службѣ нечего дѣлать.

Положеніе его сдѣлалось невозможнымъ. Онъ обратился къ своему новому начальнику и встрѣтилъ съ его стороны любезный холодъ. У него были другія идеи и потому онъ принужденъ отказаться отъ услугъ Корещенскаго.

Тогда Алексѣю Алексѣевичу оставалось одно: поѣхать къ самому Балтову и поговорить съ нимъ. Онъ явился къ Льву Сергѣевичу утромъ, когда тотъ былъ еще обыкновенно дома. На этотъ разъ онъ не воспользовался своимъ правомъ входить въ его кабинетъ безъ доклада, а послалъ свою карточку.

Льву Александровичу подали ее, когда онъ былъ въ столовой.

— Просите въ кабинетъ,—сказалъ Левъ Александровичъ.

Корещенскаго проводили въ кабинетъ. Здѣсь онъ прождалъ минутъ десять. Явился Балтовъ въ мундирѣ новаго вѣдомства. Какъ то безъ всякаго выраженія онъ подалъ ему руку и пригласилъ сѣсть.

— Чѣмъ могу служить вамъ, Алексѣй Алексѣевичъ?—спросилъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто не имѣлъ никакого представленія о положеніи дѣлъ Корещенскаго.

— Я явился къ вамъ, чтобы выяснить свое положеніе,—сказалъ Корещенскій.

— А что? развѣ оно не достаточно ясно?—съ тонкой, едва замѣтной усмѣшкой спросилъ Балтовъ.

— Боюсь, что въ немъ все слишкомъ ясно. На прежней моей службѣ я уже не нуженъ. Тамъ новые люди и новые идеи. Вамъ не угодно было пригласить меня къ себѣ. Повидимому, я нахожусь въ томъ положеніи, когда подаютъ въ отставку.

Левъ Александровичъ чуть замѣтно утвердительно кивнулъ головой.

— Это зависитъ уже не отъ меня, Алексѣй Алексѣевичъ, а отъ вашего новаго начальника.

— Я знаю. Но, такъ какъ я вами былъ приглашенъ на службу, то я считаю необходимымъ именно васъ спросить: вполнѣ ли правильный выводъ я сдѣлалъ.

— Повидимому, это такъ.

— Теперь мнѣ остается спросить васъ еще объ одномъ: чему я обязанъ такимъ исходомъ?

— Мнѣ кажется, Алексѣй Алексѣевичъ, что, если вы внимательно обсудите всѣ обстоятельства, то сами отвѣтите на этотъ вопросъ.

— Я не знаю, Левъ Александровичъ, какія именно обстоятельства моей частной жизни вамъ извѣстны.

— Мнѣ извѣстны всѣ, рѣшительно всѣ обстоятельства.

— Такъ что, я жилъ, окруженный наблюдателями?

— Мы всѣ живемъ, окруженные наблюдателями. Я удивляюсь, какъ вы, состоя на службѣ и занимая видный постъ, этого не узнали! Повѣрьте, что и я, не смотря на то, что обладаю могущественными полномочіями, нисколько не избавленъ отъ этого рода наблюденія.

— Насколько я понялъ, вы находите мое дальнѣйшее пребываніе на службѣ невозможнымъ?

— Въ моемъ вѣдомствѣ я не нашелъ бы для васъ работы, Алексѣй Алексѣевичъ.

— Почему?

— Видите ли, во всякомъ вѣдомствѣ есть дѣла, которыя составляютъ его тайну, а въ томъ, во главѣ котораго я стою въ настоящее время, тѣмъ болѣе. Ваши же принципы позволяютъ вамъ дѣлиться вашими свѣдѣніями съ людьми, не имѣющими никакого отношенія къ служебному вѣдомству.

Корещенскій понялъ все. Онъ прервалъ Балтова на полусловѣ и быстро поднялся.

— Я подаю въ отставку!—сказалъ онъ, поклонился и вышелъ. Левъ Александровичъ не остановилъ его ни однимъ словомъ и не пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Въ тотъ же день Корещенскій подалъ въ отставку и получилъ ее чрезвычайно быстро. Очевидно, она уже была заготовлена, и состоялась бы даже безъ его просьбы.

Все это происходило въ первую недѣлю послѣ новаго года. А на югѣ въ это время начался процессъ, извѣстія о которомъ съ жадностью ловились въ Петербургѣ. Были въ обществѣ легковѣрные люди, воображавшіе, что именно на этомъ процессѣ Балтовъ покажетъ свой «новый курсъ».

Самъ Левъ Александровичъ былъ теперь весь поглощенъ новой дѣятельностью, у него не было свободной минуты. Организація заново вѣдомства, пріемы новыхъ людей, сортировка прежнихъ дѣятелей, все это отнимало у него всѣ часы.

Наталья Валентиновна видѣла его только мелькомъ, когда онъ забѣгалъ къ ней, чтобы поцѣловать ея руку. Володя приходилъ къ ней съ блѣднымъ лицомъ и докладывалъ о новыхъ мѣрахъ, которыя всѣ были ясны и не оставляли никакихъ сомнѣній. Наталья Валентиновна выслушивала его и они въ угрюмомъ молчаніи проводили время.

Однажды онъ сообщилъ ей о томъ, что Максимъ Павловичъ на югѣ арестованъ и очень былъ пораженъ тѣмъ, что она на это совсѣмъ не откликнулась, только въ глазахъ ея онъ замѣтилъ какое-то странное глубокое выраженіе.

Какъ-то разъ, здороваясь съ нею передъ обѣдомъ, Левъ Александровичъ сказалъ ей.

— Ну, я, кажется, угодилъ тебѣ, Наташа. Твой другъ Зигзаговъ былъ арестованъ тамъ, но это зависѣло не отъ меня. Сегодня послано распоряженіе о его окончательномъ освобожденіи. Завтра начнется процессъ, но онъ въ немъ явится только свидѣтелемъ, ему не грозитъ никакая опасность.

Наталья Валентиновна просвѣтлѣла и посмотрѣла на него съ благодарностью.

Прошло еще три дня. Володя принесъ извѣстіе объ окончаніи процесса.

— И что-же?—спросила Наталья Валентиновна.

— Четыре смертныхъ казни!—отвѣтилъ Володя.

Лицо Натальи Валентиновны потемнѣло. Она не слѣдила за процессомъ, она не знала лично никого изъ участвовавшихъ, она только видѣла ихъ на вечеринкахъ у Максима Павловича. Лично ничья судьба не была ей близка, но ей было мучительно сознавать, что эти казни будутъ совершены подъ покровительствомъ Льва Александровича.

— Неужели это совершится?—спросила она Балтова въ тотъ же день.

— Милая Наташа, это не я присудилъ ихъ... Мнѣ не принадлежитъ право присуждать и миловать. Но Зигзаговъ свободенъ, чего же тебѣ еще нужно? Это наибольше, что я могъ сдѣлать. Какъ ни дорога ты мнѣ, но мы не можемъ по своимъ личнымъ симпатіямъ передѣлать всю юстицію... Намъ, Наташа, надо сегодня же рѣшить нашъ вопросъ, который для меня важнѣе всѣхъ моихъ служебныхъ дѣлъ. Ничто уже не мѣшаетъ намъ обвѣнчаться и я все приготовилъ для этого. Мы сдѣлаемъ это безъ всякаго шума. Въ маленькой домовой церкви, въ присутствіи нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ. Это должно пройти совершенно незамѣтно, но, конечно, оно сейчасъ же будетъ замѣчено и сыграетъ свою роль. Ты готова?

— Я всегда къ этому готова, Левъ Александровичъ,—сказала

Наталья Валентиновна, но въ голосѣ ея какъ будто не доставало энергіи и твердости.

Несомнѣнно, это было отраженіе тѣхъ томительныхъ состояній, которыя она пережила въ послѣднее время.

Но Левъ Александровичъ не замѣтилъ этого. Онъ считалъ этимъ разговоръ конченнымъ. Онъ только прибавилъ.

— Мы сдѣлаемъ это въ будущее воскресенье. Это отниметъ у насъ полтора часа времени, не больше. Я такъ дорожу временемъ,—прибавилъ онъ смѣясь,—что даже на такое событіе, какъ наше вѣнчаніе, не могу удѣлить больше, какъ полтора часа. Но зато, милая Наташа, лѣтомъ я возьму отпускъ и мы съ тобой отдохнемъ какъ слѣдуетъ за границей.

И вдругъ однажды ей подали письмо съ почеркомъ Зигзагова. Это тѣмъ больше удивило ее, что она уже не ждала отъ него письма. Послѣдняя его записка съ дороги была какъ бы прощаніемъ.

Она сидѣла въ своемъ будуарѣ, тотчасъ послѣ утренняго кофе. Прочитанное письмо лежало у нея на колѣняхъ. Лицо ея, казалось, вдругъ, въ одно мгновенье, похудѣло и на немъ легли глубокія темныя тѣни.

Такъ просидѣла она нѣсколько часовъ. Въ квартирѣ была тишина. Ей казалось, что она уже не живетъ, а замуравлена подъ землею въ глубокомъ темномъ склепѣ. Въ головѣ ея мелькали мысли, какъ бы оторвавшіяся отъ событій ея Петербургской жизни, и всѣ, какъ одна, они говорили о томъ, что она давно уже не живетъ настоящей своей жизнью.

Что-то враждебное ея душѣ все время совершается вокругъ нея. Это ежеминутно давитъ и оскорбляетъ ее, а она старательно отталкиваетъ все это отъ себя. Она обманываетъ себя. Ради душевнаго спокойствія, она оплела себя сѣтью лжи. Но это письмо, точно острый ножъ, рѣзануло по тѣмъ сѣтямъ и они прорвались въ тысячѣ мѣстъ, и вотъ настоящая живая ложь вцѣпилась въ нее своими когтями. И какъ будто передъ ея глазами открылось что-то новое...

Послышались торопливые шаги, она прислушалась. Это—Володя, это его шаги.

Онъ какъ-то стремительно приближался и вотъ онъ вбѣжалъ въ комнату. Въ рукахъ у него бумага.

— Что это?

— Телеграмма. Сейчасъ получилъ отъ редактора Курчавина. Съ юга... Невѣроятно... ужасно..

— Что, Володя, что?

— Максимъ Павловичъ застрѣлился. Сегодня въ одиннадцать часовъ утра. Вотъ прочитайте.

Онъ поднесъ къ ея лицу телеграмму, она прочитала: «выстрѣломъ изъ револьвера въ високъ. Смерть была моментальна»...

И Володя смотрѣлъ на Наталью Валентиновну и изумлялся тому, что извѣстіе какъ будто не произвело на нее никакого впечатлѣнія.

Но что за лицо у нея! Онъ никогда еще не видалъ его такимъ.

Она медленно подняла руку, взяла письмо, лежавшее у нея на колѣняхъ, и сказала ему.

— Читайте это, Володя...

Володя взялъ письмо. Прошло минутъ пять. Руки его задрожали и онъ съ силой скомкалъ въ нихъ бумагу.

— Слушайте, Наталья Валентиновна,—глубокимъ надорваннымъ голосомъ сказалъ онъ:—послѣ этого... я не могу оставаться въ домѣ моего дяди...

— Вы не слышите?—спросилъ онъ, пристально взглянувъ на нее и видя, что глаза ея устремлены куда-то въ неуловимую точку.

Она вздрогнула и повернула лицо къ нему.

— Что вы сказали, Володя?

— Я говорю, что больше ни одной минуты не могу оставаться въ домѣ моего дяди. Я сейчасъ переѣзжаю...

И онъ сдѣлалъ уже шагъ по направленію къ двери.

— Постойте... Я тоже должна что-то сдѣлать...—промолвила она и приложила ладонь ко лбу, какъ бы помогая своимъ мыслямъ собраться въ одну точку.

— Что вы сдѣлаете?—съ удивленіемъ и даже съ легкимъ опасеніемъ спросилъ Володя, потому что у нея было такое необыкновенно странное лицо.

— Я сейчасъ скажу вамъ...

Володя стоялъ и ждалъ. Она усиленно думала, затѣмъ отняла руку отъ своего лба и быстро поднялась.

— Да. Я тоже.

— Что?

— Тоже, что и вы... Я тоже сейчасъ уйду изъ этого дома.

— Куда?

— Куда-нибудь... Въ гостинницу, конечно... Скажите, теперь въ банкѣ еще можно... Я полгода не брала своей ренты... Это составитъ... достаточно. Впрочемъ, завтра, все равно... Но оставаться не могу. Вы понимаете, Володя, понимаете? Не могу ни минуты, понимаете?..

Володя еще не понималъ. Ему трудно было сразу представить себѣ, что Наталья Валентиновна способна на такой рѣшительный

шагъ. Оставить Льва Александровича послѣ того, какъ она жила съ нимъ въ одной квартирѣ, развелась съ мужемъ и была наканунѣ вѣнчанія...

Но ему стоило только стать для нея на свою собственную точку зрѣнія, чтобы понять. Эти четыре казни въ самомъ началѣ дѣятельности дяди, а въ особенности этотъ ужасный конецъ Максима Павловича. Это—пятая казнь... И вѣдь для него было несомнѣнно, что Максимъ Павловичъ совершенно правильно растолковалъ дѣйствія его дяди.

Да, именно такъ это и было. Дядя хотѣлъ сдѣлать ему репутацію шпіона. Онъ воспользовался для этого дружескими отношеніями Зигзагова къ его дому, къ нему самому. Это отвратительно. Это самое худшее изъ всего, что произошло.

И Наталья Валентиновна совершенно также поняла все это. Иначе, не зачѣмъ было бы несчастнаго Максима Павловича сажать вторично въ тюрьму. Это и было сдѣлано для того, чтобы новымъ освобожденіемъ наканунѣ процесса обратить на него вниманіе, потому что прежнее уже было забыто.

Разомъ освѣтился типъ: человѣкъ, не отступающій ни передъ чѣмъ ради своей цѣли и въ данномъ случаѣ, даже не великой, а мелочной и ничтожной.

И вдругъ ее охватила брезгливость къ этому человѣку, къ его близости, къ его дому, даже къ его имени, и она разомъ безвозвратно рѣшила: сейчасъ уйти.

— Володя, помогите мнѣ; сперва я уйду, потомъ вы... Я ничего не возьму съ собой, это можно послѣ. Пока я одѣнусь, вы сходите въ дѣтскую; пусть Васю одѣнутъ и нянька съ нимъ... Скажите—гулять.

Володя уже понялъ и больше для него не требовалось никакихъ объясненій. Онъ отправился въ дѣтскую, гдѣ Вася проводилъ время съ своей нянькой.

— Няня, одѣньте Васю и сами одѣньтесь. Наталья Валентиновна хочетъ вмѣстѣ прогуляться,—сказалъ онъ.

Та была нѣсколько удивлена. Обыкновенно гуляла съ мальчикомъ она одна. Наталья Валентиновна иногда каталась съ нимъ въ экипажѣ.

Въ то время, какъ въ дѣтской одѣвали Васю, Наталья Валентиновна у себя въ спальнѣ переодѣвалась. Въ послѣднее время она почти не выходила изъ капота, теперь она переодѣвалась въ платье. Она дѣлала это быстро.

Затѣмъ она вынула изъ комода необходимое бѣлье, капотъ, кой что для Васи и завернула все это въ бумагу.

Володя былъ растерянъ. Хотя онъ и понималъ уже ея настрое-

ніе, но не могъ себѣ представить, какъ все это произойдетъ и что изъ всего этого получится. Наталья Валентиновна не обнаружила ни малѣйшаго колебанія.

Когда она уже была одѣта, ей пришла мысль написать два слова Льву Александровичу, но она сейчасъ-же отмѣнила это. Лучше она сдѣлаетъ это въ гостинницѣ и оттуда пришлетъ. Тамъ можно написать болѣе обдуманно и это будетъ лучше. Къ тому же у нея было такое состояніе, что хотѣлось какъ можно скорѣе уйти, а письмо задержало бы.

Вася тоже былъ готовъ и явился къ ней съ нянькой, которая была уже одѣта.

— Возьмите это, няня,—сказала Наталья Валентиновна, передавая ей свертокъ съ бѣльемъ. Нянька съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее.

— Это нужно... занести въ магазинъ!—пояснила Наталья Валентиновна.—Пойдемте

Они вышли въ переднюю и стали надѣвать калоши. Вдругъ появилась Лизавета Александровна.

— Вы кататься?—спросила она.

— Нѣтъ, мы пѣшкомъ,—отвѣтила Наталья Валентиновна и прибавила:—няня, идите впередъ съ мальчикомъ. И няня съ мальчикомъ вышли на лѣстницу.

— Я васъ догоню,—сказалъ Володя, провожая Наталья Валентиновну.

Какъ только она вышла, онъ сейчасъ же отправился въ свою комнату. Онъ хотѣлъ уложить вещи въ чемоданъ, но сообразилъ, что это потребуетъ времени. Онъ рѣшилъ вернуться для этого. Теперь же онъ схватилъ пальто и быстро побѣжалъ внизъ. Онъ нагналъ ихъ на улицѣ.

— Какія здѣсь есть гостинницы?—спросила Наталья Валентиновна.

— Есть Англія... Впрочемъ, нѣтъ, туда не надо. Тамъ останавливался Мигурскій; поѣзжайте въ Грандъ-Отель. Я вслѣдъ за вами, чтобы устроить васъ. Вотъ извозчикъ.

Онъ подошелъ къ извозчику и сказалъ, ему: — Отвези этихъ дамъ на Морскую, въ Грандъ-Отель.

Потомъ онъ усадилъ ихъ и они уѣхали, а самъ взялъ другого извозчика и велѣлъ ѣхать быстро, чтобы обогнать ихъ и встрѣтить въ гостинницѣ.

Черезъ полчаса, устроивъ Наталью Валентиновну съ Васей и нянькой въ двухъ небольшихъ комнатахъ. онъ вернулся домой, уложилъ свой чемоданъ и, улучивъ минуту, когда въ передней никого не было, вынесъ его на лѣстницу.

— Уѣзжаете?—спросилъ его швейцаръ.

— Нѣтъ, переѣзжаю на свою квартиру,—отвѣтилъ онъ.

— А какой же адресъ?

— Я потомъ зайду и скажу.

И онъ поѣхалъ въ ту же гостинницу, гдѣ устроилась Наталья Валентиновна. Здѣсь онъ занялъ номерокъ въ другомъ этажѣ и рѣшилъ завтра-же подыскать комнату.

Разспросы со стороны няньки—почтенной разсудительной старухи—Наталья Валентиновна отстранила. Еще когда они садились въ экипажъ, она тихонько сказала ей.

— Пожалуйста, няня, ничему не удивляйтесь и не распрашивайте. Я потомъ все объясню вамъ; такъ надо.

И няня подчинилась, конечно, сообразивъ, что между Натальей Валентиновной и Балтовымъ произошелъ разрывъ.

Но Васю трудно было удовлетворить неопредѣленными отвѣтами, а опредѣленнаго Наталья Валентиновна пока дать не могла и мальчикъ все время приставалъ къ ней. Наконецъ, она ему сказала:

— Вася, если ты меня любишь, повѣрь мнѣ, что такъ надо... Я сама еще не знаю, что будетъ дальше. А теперь не спрашивай меня, потому что отъ этого мнѣ больно.

И Вася смирился и замолкъ. Вообще, настроеніе въ двухъ комнатахъ занятаго ими номера было унылое. Кой-какъ разложившись, Наталья Валентиновна сѣла за письмо. Она написала его сразу, безъ поправокъ. Оно какъ то вылилось у нея.

Вотъ что она написала: «Левъ Александровичъ, я уѣхала изъ вашего дома, потому что больше не могу жить въ немъ. Сдѣлать это наканунѣ нашего предположеннаго вѣнчанія лучше, чѣмъ на другой день послѣ него. И—если только можно сегодня употребить это слово—я рада, что рѣшила сдѣлать это теперь.

Вотъ письмо, полученное мною отъ Зигзагова. Если бы даже не было ничего другого, то этой исторіи было бы достаточно, чтобы я не сдѣлалась вашей женой. Но эта исторія была, была, и вы, какъ человѣкъ независимый и гордый, не должны отрицать того, что было. Получена телеграмма, извѣщающая о томъ, что Зигзаговъ дѣйствительно застрѣлился сегодня въ одиннадцать часовъ утра и такимъ образомъ выполнилъ свое обѣщаніе.

Эта смерть ужасна и она вполнѣ достаточна, чтобы мы съ вами не могли никогда быть счастливы вмѣстѣ.

Вы не сочтете вмѣшательствомъ въ ваши личныя дѣла, если я скажу, что четыре казни, къ которымъ приговорены бывшіе товарищи несчастнаго Максима Павловича, не могли бы способствовать моему спокойному существованію бокъ о-бокъ съ вами.

Да, теперь я увидѣла, что и статья Зигзагова была справедлива, и что вообще вы—жестокій и безпощадный человѣкъ. Вотъ объясненіе моего поступка, другихъ нѣтъ.

Не знаю, какъ вы къ нему отнесетесь. Можетъ быть, примете равнодушно и спокойно. Тѣмъ лучше. Но если бы случилось иначе, то на этотъ случай я твердо заявляю вамъ, что мое рѣшеніе не поверхностно и не мимолетно. Оно созрѣвало уже давно, но я сама не знала объ этомъ. Я только испытывала безотчетное недовольство и безпокойство. Сегодня же я узнала, что оно у меня совершенно созрѣло и готово.

Я еще не знаю, что сдѣлаю съ собой. Но по всей вѣроятности поѣду на югъ, на старое мѣсто.

Лично вамъ желаю наибольшаго счастья, а для Россіи, которая теперь въ вашихъ рукахъ, желаю побольше мягкости и человѣчности. Н.».

Письмо это вмѣстѣ съ письмомъ Зигзагова Наталья Валентиновна отправила съ посыльнымъ Балтову.

XXVII.

Левъ Александровичъ пріѣхалъ домой часовъ въ семь, чрезвычайно пріятно настроенный. На службѣ у него были какія-то удачи: онъ, подымаясь наверхъ, даже шутилъ съ швейцаромъ, что было для него ужъ совершенно исключительно.

Но когда онъ вошелъ въ квартиру, то сейчасъ же почувствовалъ какую-то неладность.

— Барыня у себя?—спросилъ онъ лакея, разумѣя, какъ всегда, подъ барыней Наталью Валентиновну.

Лакей отвѣтилъ:

— Лизавета Александровна въ гостинной-съ.

— А Наталья Валентиновна?

— Ихъ еще нѣтъ-съ.

— Что значитъ *еще*?

— Они съ Васей и няней ушли рано и не возвращались.

Онъ вошелъ въ гостиную и нашелъ тамъ Лизавету Александровну.

У нея было странно многозначительное, но въ то же время необыкновенно замкнутое лицо, которому она хотѣла придать выраженіе непроницаемости. Но она этого не съумѣла сдѣлать, и онъ, глядя на нее, сейчасъ же почувствовалъ, что есть что-то необычное.

— Гдѣ же Наталья Валентиновна?—спросилъ Левъ Александровичъ мимоходомъ.

— Она гулять пошла...—отвѣтила Лизавета Александровна и выразительно поджала нижнюю губу.

Онъ прошелъ дальше и вошелъ въ кабинетъ, и она слѣдила за нимъ глазами и осталась въ гостиной и даже подошла къ двери кабинета, какъ только можно было, ближе.

Она, конечно, не знала еще ничего опредѣленнаго, но чувствовала, что произошло нѣчто роковое. Первое—слишкомъ продолжительное отсутствіе Натальи Валентиновны. Она даже не завтракала дома, это было въ первый разъ. И гдѣ она могла завтракать—съ Васей и нянькой? У нея въ Петербургѣ не было никакихъ связей.

Развѣ у Корещенскаго? Но тотъ теперь въ такомъ положеніи, что ему не до завтраковъ.

А главное—посыльный и письмо. Правда, посыльный ничего не объяснилъ. Она, разумѣется, допрашивала его, но ничего не добилась. Посыльный былъ умный и очевидно получилъ инструкціи.

«Праказано доставить и больше ничего», вотъ былъ его отвѣтъ.

Она долго разсматривала конвертъ, вертѣла его и такъ, и этакъ. Почеркъ ей казался знакомымъ, но она почти не знала почерка Натальи Вгдентиновны и ничего не могла рѣшить навѣрно. Но все вмѣстѣ обѣщало какую-то исторію, которую она предчувствовала.

Вѣдь, все утро она прислушивалась къ тому, что дѣлалось въ будуарѣ; она вообще всю жизнь къ чему-нибудь прислушивалась. Какіе-то странные разговоры съ Володей. Долгое молчаніе, потомъ восклицанія.

О Володѣ она не подумала. Онъ часто по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома. Ей даже и въ голову не пришло, что онъ можетъ уѣхать изъ дома съ чемоданомъ. Подобная мысль просто не могла зародиться въ ея головѣ. Молодой человѣкъ живетъ въ домѣ своего могущественнаго дяди—да кто же откажется отъ такого счастья?

И теперь она съ замирающимъ сердцемъ прислушивалась къ кабинету. Тамъ, на письменномъ столѣ, на очень видномъ мѣстѣ, такъ что нельзя не замѣтить, она сама положила письмо.

Но очевидно Левъ Александровичъ въ первую минуту не замѣтилъ его. Онъ прошелъ прямо въ сосѣднюю комнату, примыкавшую къ кабинету, гдѣ онъ обыкновенно переодѣвался, она поняла это по его мягкимъ шагамъ.

Минуты черезъ три онъ вышелъ и вдругъ неожиданность. Онъ быстро подошелъ къ двери и плотно притворилъ ее. Этого она никакъ не могла предусмотрѣть и ей оставалось просто ждать результатовъ.

Левъ Александровичъ, переодѣвшись и вернувшись въ кабинетъ, дѣйствительно сейчасъ замѣтилъ письмо. Онъ взялъ его, распечаталъ, читалъ и не вѣрилъ.

Что это? Это можетъ быть только мистификаціей. Никакихъ предшествовавшихъ признаковъ. Никогда ни слова недовольства, всегда самое нѣжное отношеніе. Нѣтъ, нѣтъ, это шутка.

Но эти мысли промелькнули въ его головѣ лишь въ первую минуту, а затѣмъ вдругъ почему-то стало казаться, что это не только возможно, но и неизбѣжно должно было случиться.

Не въ его характерѣ было бѣжать съ письмомъ вонъ изъ кабинета и производить допросъ о томъ, какъ и когда и при какихъ обстоятельствахъ это случилось Онъ долженъ былъ самъ единолично воспринять и пережить, и это онъ дѣлалъ.

Онъ переживалъ. Для этого онъ и притворилъ дверь. Никто не долженъ былъ присутствовать при его душевной работѣ; хотя онъ зналъ, что ни Лиза, никто другой не рѣшится войти къ нему въ кабинетъ безъ зова, все же онъ не могъ вынести присутствія другого человѣка вблизи. Щель въ двери уже была покушеніемъ на его самостоятельность, на его одиночество.

Онъ долго стоялъ передъ окномъ и нѣсколько разъ перечитывалъ письмо Натальи Валентиновны. Письмо Зигзагова онъ прочиталъ только одинъ разъ и положилъ его на столъ.

Скоро первоначальное настроеніе улеглось и онъ началъ разсуждать спокойно и логически. Тогда онъ сталъ размѣренными шагами ходить по кабинету.

Потеря Натальи Валентиновны для него была очень тяжела. Онъ любилъ ее, въ этомъ онъ не фальшивилъ ни передъ нею, ни передъ собой. Присутствіе въ домѣ этой женщины радовало его и давало душѣ его отдыхъ

Но онъ долженъ былъ признать, что дальше предѣловъ этой квартиры, шире круга домашней жизни, ея вліяніе на него не распространялось. Никогда у него не было даже мысли въ своей государственной дѣятельности принимать въ расчетъ ея симпатіи и антипатіи. Отдѣльные случаи—его снисходительность къ ея другу Зигзагову—это было личное одолженіе, подобныя льготы онъ дѣлалъ и другимъ по частной просьбѣ.

И не потому это было такъ, чтобы онъ не уважалъ ея мнѣній, ставилъ ее въ грошъ, а потому, что воля его органически не могла подчиниться волѣ другого, хотя бы и близкаго и дорогого человѣка. Таковъ онъ весь отъ головы до ногъ.

Наталья Валентиновна душа не сложная, но опредѣленная. Она сдѣлана изъ одного цѣльнаго металла, но металлъ этотъ крѣпокъ, его нельзя согнуть, а сломать слишкомъ трудно.

И когда онъ думалъ о томъ, какъ она жила всѣ эти мѣсяцы въ Петербургѣ, то понималъ, что это было насиліе надъ ней, которое она какъ бы допускала временно въ ожиданіи перемѣны.

Его она представляла себѣ другимъ. Въ южномъ городѣ кругъ ихъ интересовъ былъ безконечно уже, чѣмъ здѣсь, и тамъ его личность въ своемъ настоящемъ свѣтѣ не проявлялась. Но здѣсь, въ особенности въ послѣднее время, она начала про-

являться, а теперь это пойдетъ все шире и шире. И каждый день, каждый часъ будетъ приносить ей факты, которые будутъ становить ее на дыбы. И будетъ расти между ними стѣна...

Его положеніе обязываетъ къ тому, чтобы у него въ домѣ была жена, чтобы этотъ домъ былъ полонъ общества, разнообразнаго, блестящаго, съ которымъ надо ладить. Нужна извилистая эластическая душа. Нужно свѣтское искусство, фальшь, лицемѣріе, ложь, качества, которыя всегда найдутся у любой свѣтской женщины, которыя прививаются ей воспитаніемъ, и которыхъ нѣтъ и не можетъ быть у Натальи Валентиновны.

Онъ говорилъ ей, что расчитываетъ на ея умъ,—и умъ у нея есть,—хорошій, доброкачественный, тонкій. Но правда ли, нуженъ ли умъ, а не хитрость и ловкость, на которыя она вовсе не способна? Свѣтскія женщины такъ ловко умѣютъ ладить съ людьми,—такъ неужели же среди нихъ такъ много ума?

Потеря страшно тяжела, но, можетъ быть, въ концѣ концовъ окажется, что это одна изъ удачъ, предупредительно посылаемыхъ ему судьбой.

Такъ онъ думалъ. Зная его отношеніе къ Натальѣ Валентиновны, никто не могъ бы предсказать такого исхода его мыслей.

Если бы онъ способенъ былъ подчиняться первымъ сердечнымъ побужденіямъ, то, конечно, прочитавъ письмо, онъ помчался бы къ ней, просилъ бы вернуться, умолялъ бы. И такое движеніе у него было, но оно оставалось въ его душѣ развѣ нѣсколько секундъ, а затѣмъ уступило мѣсто разуму.

И вотъ выводъ: это надо пережить, съ этимъ надо примириться.

Затѣмъ онъ, какъ бы совершенно покончивъ съ этимъ главнымъ вопросомъ, перешелъ къ вопросу о средствахъ. Естественно, чтобы онъ предложилъ Натальѣ Валентиновнѣ хорошее обезпеченіе, его это не затруднило бы нисколько, а онъ зналъ, что ея личныя средства не велики.

Но онъ не любилъ пустыхъ словъ и безцѣльныхъ дѣйствій. Подобное предложеніе какъ бы требовалось положеніемъ дѣла, и не сдѣлать его даже кажется неловкимъ. Но онъ зналъ характеръ и взгляды Натальи Валентиновны и былъ совершенно увѣренъ, что она не приметъ никакой денежной помощи.

Нѣтъ, это дѣйствительно все кончено. Она, съ свойственнымъ ей чутьемъ, почувствовала это и за себя, и за него. Ему было некогда. Можетъ быть, если бы у него было время, онъ самъ пришелъ бы къ тому же выводу..

И вотъ каковъ былъ практическій результатъ его размышленій. Онъ сѣлъ къ столу и написалъ:

«Глубокоуважаемая Наталья Валентиновна! Потеря для меня страшно тяжела. Зная меня, вы въ этомъ не усомнитесь, но она

логически необходима и неизбѣжна. Я размышлялъ долго и добросовѣстно. Молить васъ—не принесетъ пользы. Я знаю васъ и ни на что не могу надѣяться.

Прошу васъ только никогда не забывать, что въ моей душѣ, какъ бы ни была она холодна и черства—а это такъ и есть—всегда будетъ горѣть теплый огонекъ—лампада передъ вашимъ образомъ—единственной женщины, которую я любилъ во всю мою жизнь и единственнаго человѣка. А значитъ—когда бы и при какихъ бы обстоятельствахъ я ни понадобился вамъ—я всегда къ вашимъ услугамъ, со всѣмъ моимъ положеніемъ и достояніемъ.

Возвращаю вамъ письмо Зигзагова. Л. Балтовъ».

Онъ запечаталъ письмо и позвонилъ. Вошелъ лакей.

— Это письмо отправьте по адресу. Пусть его снесетъ посыльный съ улицы. Попросите ко мнѣ Лизавету Александровну.

Лакей ушелъ и черезъ минуту явилась Лизавета Александровна.

— Лиза,—сказалъ Левъ Александровичъ безъ всякаго волненія въ голосѣ, дѣловито и холодно:—Наталья Валентиновна больше не будетъ жить съ нами; она ушла не только изъ дома, но и изъ моей жизни.

— Неужели?—воскликнула Лизавета Александровна и въ глазахъ ея блеснула безумная радость.

Онъ сдѣлалъ рукой останавливающій жестъ.

— Обсуждать этого мы съ тобою не будемъ, Лиза. Прошу тебя, отбери все, рѣшительно все, что принадлежитъ Натальѣ Валентиновнѣ, Васѣ и его нянькѣ и хорошенько, тщательно, бережно уложи, отошли въ Грандъ-Отель. Если можно, сдѣлай это сегодня послѣ обѣда. А теперь пообѣдаемъ.

И они пошли обѣдать. И Лизавета Александровна—даже она—изумлялась, съ какимъ спокойнымъ видомъ онъ ѣлъ супъ и другія блюда. Никакого волненія, никакой печати страданія не было у него на лицѣ, хотя она и знала, что онъ искренно любилъ Наталью Валентиновну.

«Вотъ человѣкъ, который съумѣлъ подчинить всѣ свои чувства своему разсудку», думала она и изумленіе передъ братомъ у нея превращалось въ какой-то трепетъ передъ его величіемъ.

— А почему нѣтъ Володи?—спросилъ Левъ Александровичъ.

— Они,—осмѣлился доложить лакей,—уѣхали съ чемоданомъ. Швейцару сказали, что на свою квартиру...

— Возможно ли?—воскликнула Лизавета Александровна.

— Это въ порядкѣ вещей,—сказалъ Левъ Александровичъ и больше объ этомъ въ теченіе обѣда не поднималось вопроса.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ можно было видѣть господина средняго роста, плечистаго, съ густо обросшимъ лицомъ,

въ широкомъ длинномъ пальто англійскаго покроя, въ цилиндрѣ, ѣздящаго ежедневно около двѣнадцати часовъ дня въ красивомъ экипажѣ, запряженномъ парой доброкачественныхъ коней, изъ своей квартиры на Кирочной улицѣ въ одинъ изъ крупныхъ частныхъ банковъ и возвращавшагося оттуда часамъ къ пяти.

По вечерамъ въ дѣловое время его можно было встрѣтить въ засѣданіяхъ не одного правленія крупнаго комерческаго предпріятія. Если на улицѣ онъ кому нибудь раскланивался, то это было непремѣнно солидное лицо, извѣстное въ комерческомъ или административномъ мірѣ.

Въ другое время, особенно весной и лѣтомъ, его можно было встрѣтить въ томъ же экипажѣ на стрѣлкѣ, а ночью въ загородномъ саду, большею частью въ отдѣльномъ кабинетѣ, ужинающимъ съ веселымъ обществомъ, гдѣ изъ хорошенькихъ дамскихъ устъ слышались хотя и грубоватыя слова, но на настоящемъ французскомъ языкѣ.

Но постоянно онъ былъ въ движеніи, въ дѣловомъ или увеселительномъ. Казалось, у этого человѣка былъ избытокъ энергіи и онъ просто не зналъ, куда ее дѣвать.

Въ квартирѣ его на Кирочной улицѣ, просторной, богато и со вкусомъ убранной, гдѣ онъ жилъ одинъ, изрѣдка бывали вечера, собиравшіе не мало гостей и обходившіеся ему не дешево. И среди гостей попадались между прочимъ и сановники, носившіе на своей груди важные ордена и разноцвѣтныя ленты.

И всѣ дѣловые люди въ Петербурга знали, что этотъ человѣкъ, носящій фамилію—Корещенскій, благодаря своимъ связямъ, составленнымъ во время государственной службы, какъ-то стремительно быстро пошелъ на вверхъ по лѣсницѣ дѣловой карьеры.

Послѣ своей отставки онъ растерялся, но не на долго. Вѣдь онъ стоялъ въ центрѣ, изъ которыхъ исходило направленіе всѣхъ дѣлъ Россіи. У него, конечно, было много враговъ, но вражда эта была основана исключительно на боязни его хорошихъ способностей и энергіи и на зависти. Каждому казалось, что онъ именно ему-то и перебьетъ дорогу.

Но какъ только онъ ушелъ въ отставку, враги потеряли весь свой ядовитый ароматъ и почувствовали къ нему расположеніе. И тогда къ нему явились съ предложеніями изъ комерческаго міра и ему ровно ничего не стоило занять богатую позицію. Затѣмъ явились дополнительные статьи въ другихъ учрежденіяхъ, и въ скоромъ времени Корещенскій безъ особаго труда уже зарабатывалъ колоссальныя деньги.

Правда, и здѣсь онъ остался превосходнымъ работникомъ и его хорошо одаренная голова всегда выдѣляла его на первый планъ. Онъ умѣлъ и отстоять интересы учрежденія, и оказать

услуги нужнымъ сановнымъ лицамъ, отъ которыхъ «многое» зависѣло, и получить заказъ, и ловко, чистенько отблагодарить.

Словомъ, вдругъ открылись въ немъ практическія способности, и онъ уже нисколько не жалѣлъ ни о профессорской карьерѣ, ни о потерянномъ служебномъ положеніи.

И такъ какъ онъ оставилъ службу, вслѣдствіе того, что разошелся во взглядахъ съ главнымъ вершителемъ внутренней политики Балтовымъ, который къ этому времени уже успѣлъ заслужить всеобщую ненависть, то въ видѣ придатка ко всѣмъ этимъ благамъ, онъ былъ еще носителемъ репутаціи передового человѣка.

Но это—да и ничто другое—не помѣшало ему возобновить пріятныя отношенія къ своему прежнему патрону. И онъ, правда, изрѣдка, главнымъ образомъ для поддержанія связей, бывалъ у Балтова на пріемахъ и вечерахъ, которые теперь часто устраивались въ министерской квартирѣ.

Тамъ была уже новая хозяйка,—красивая, породистая женщина, недавно носившая княжескій титулъ, который она предпочла фактическому могуществу.

Левъ Александровичъ женился безъ любви, но и безъ какого либо значительнаго расчета. Ему нужна была свѣтская женщина и онъ такую нашелъ.

Наталья Валентиновна не больше недѣли оставалась въ гостинницѣ. Изъ министерской квартиры ей прислали цѣлый возъ принадлежащихъ ей вещей. Тутъ были между прочимъ и драгоцѣнности, которыя были ей подарены Балтовымъ. Но она отобрала только то, что считала дѣйствительно ей принадлежащимъ, остальное отправила обратно. На это не послѣдовало никакого возраженія.

Затѣмъ она собралась и уѣхала въ южный городъ. Здѣсь она завела сношенія съ остатками того кружка, къ которому принадлежалъ когда то Зигзаговъ. Это были немногіе, случайно уцѣлѣвшіе отъ погрома, кончившагося четырьмя, дѣйствительно совершенными, казнями и многими ссылками.

Ей это далось нелегко. Къ ней относились недовѣрчиво. Ея недавняя близость съ Балтовымъ служила ей преградой.

Но пріѣхалъ Володя. Въ Петербургѣ ему какъ-то ничто не удавалось. Точно какой то злой рокъ висѣлъ надъ нимъ. Онъ вернулся въ родной городъ, чтобы здѣсь заняться своей адвокатской профессіей.

Несмотря на родство съ Балтовымъ, его личность не была подвержена сомнѣнію. Ему довѣряли. И вотъ ему то и удалось растопить ледъ, мѣшавшій сближенію Натальи Валентиновны съ людьми, которые ей были нужны.

А нужны они были ей для дѣла, которое она считала своимъ

священнымъ долгомъ. Она поставила задачей своей жизни возстановить доброе имя Максима Павловича.

Послѣ того, какъ онъ застрѣлился, правда, явилось колебаніе, и многіе стали думать, не впали ли они въ ошибку? Но не кому было воспользоваться этимъ настроеніемъ. Курчавинъ и его обычные сотрудники очень скоро забыли о своемъ «украшеніи». Люди эти были большею частью равнодушные, а для многихъ изъ нихъ добровольное устраненіе себя Зигзаговымъ было чистымъ выигрышемъ. Онъ своимъ талантомъ, своей необходимостью, устранялъ ихъ отъ первыхъ ролей въ журналистикѣ. Теперь они выплыли на поверхность.

Наталья Валентиновна энергично принялась за осуществленіе своей задачи. Она собирала у себя людей, говорила имъ о прошломъ, приводила доказательства. Предсмертное письмо Зигзагова къ ней было яркой иллюстраціей его ужасной душевной драмы. И оно сыграло важную роль. Его отослали за границу и напечатали въ одномъ изъ русскихъ органовъ, съ трудомъ тогда проникавшихъ въ Россію.

И она видѣла, что мало-по-малу ледъ растаялъ, имя Зигзагова совершенно очистилось отъ прилипшей къ нему грязи и онъ былъ признанъ честнымъ борцомъ за всѣмъ дорогое дѣло освобожденія родины.

Съ Балтовымъ она никогда не встрѣчалась.

И. Потапенко.

Конецъ.

Семья Арона Рабиновича.

Разсказъ.

За городомъ, тамъ, гдѣ были кладбища, понуро высилось огромное зданіе центральной тюрьмы. Изъ ея рѣшетчатыхъ оконъ виднѣлось лагерное поле съ бѣлыми палатками, въ зеленой оправѣ густыхъ рощъ; виднѣлся ипподромъ и рельсы желѣзной дороги. Рядомъ съ ними, съ глянцевитой спинкой темно-бурыхъ полосъ, сѣрѣло шоссе. Стлалося и уходило далеко къ черному простору вспаханныхъ полей...

Старая дорога была вблизи—въ сторонѣ: кривой, изрытой тропой изгибался заброшенный шляхъ.

По шляху ѣздили только мужики пригородныхъ селъ; съ металлическимъ стукомъ и разрывнымъ грохотомъ тряслись неуклюжія мужичьи фуры. По шоссе мчались щегольскіе экипажи богатыхъ помѣщиковъ, важно подгоняемые звономъ бубенцовъ, медленно двигались похороны, шли этапы. И порой, когда сѣрый строй кандальниковъ нагонялъ торжественную процессію смерти, дикій аккордъ цѣпей грубо обнималъ нѣжную мелодію Requiem'a, трогательную, чистую...

Когда открывался сезонъ скачекъ, на ипподромѣ игралъ военный оркестръ, и веселая музыка бравурнаго галопа шумно рвала суровое безмолвіе тюрьмы и кладбищъ.

Вообще, на этой скорбной дорогѣ странно переплелись тишина и безпокойный шумъ. Была пестрая смѣсь бодрой жизни бѣгущаго поѣзда и величаваго безмолвія погоста.

Обыкновенно, впрочемъ, шумно бывало только по утрамъ и къ вечеру, когда грохотали деревянными ящиками вагоновъ бѣгущіе поѣзда. Въ остальные часы дня тутъ тяжело покоилось придушенное молчаніе.

Жизнь фабричнаго города, клокочущая, кипучая, докатывалась сюда обезсиленной, растерянно притихшей, словно робѣла и пугалась этого мѣста людской неволи, кандальнаго лязга и нездоровыхъ сновъ.

Скорбь рѣшетчатыхъ оконъ, вздохи каменныхъ мѣшковъ, за-

гадочная важность тайной казни окутывали этотъ темный домъ слѣпой тоской, покорнымъ ожиданіемъ фатальнаго несчастья. Чувствовалось, что за этими стѣнами несчастье безпредѣльно, ужасъ безконеченъ.

* * *

Въ среду, въ день свиданія съ «политическими» у острога стали собираться съ ранняго утра, такъ какъ арестованныхъ насчитывали сотнями. Къ девяти часамъ у кирпичныхъ стѣнъ тюремнаго забора, уже виднѣлись цѣлыя толпы, густыя и пестрыя.

Цилиндры и картузы, шинели военныхъ, блузы фабричныхъ. Нарядныя дамы, студенты, стриженныя барышни, женщины съ рабочихъ окраинъ въ кружевныхъ косынкахъ, длиннополые евреи—всѣ разставлены въ очередь—въ длинные-длинные ряды.

Давка, глубокіе вздохи, томительное, ноющее ожиданіе. Глаза ожидающихъ безпокойно смотрятъ на запертыя ворота, на часового со штыкомъ.

Надъ огромной толпой сдержанный говоръ несется тихо, какъ дымъ печной трубы въ сѣрый безвѣтренный день.

* * *

Время къ полудню. Надъ сводчатой коронкой угловой пристройки, съ ликомъ Христа въ золоченой ризѣ, часы звонко мѣрятъ день. Отсчитали двѣнадцать ударовъ и пѣвуче смолкли. Тотчасъ же хрипло пронесся тягучій скрипъ: въ желѣзныхъ воротахъ централа степенно открывается небольшая четырехъугольная калитка.

Помощникъ начальника тюрьмы, маленькій, тщедушнѣйшій человѣчекъ съ птицеобразной физіономіей и длиннѣйшей шашкой черезъ плечо, чопорно выплылъ изъ квадратнаго отверстія и важно, подражая командѣ караульнаго офицера, громко читаетъ списокъ разрѣшенныхъ свиданій. Пришедшіе раздѣлены на группы, всѣхъ впустить сразу невозможно, мѣста не хватаетъ, они по частямъ будутъ впущены въ тюрьму.

Толпа взволнованно колыхнулась. Замелькали чемоданы, корзинки, мѣшечки и узлы. Въ нихъ, въ «передачѣ», была пища, одежда, бѣлье. Были цвѣты, много цвѣтовъ...

«Передача» тутъ же у воротъ тщательно разворачивается, перебирается: она внимательно осматривается часовыми. Въ молокѣ, въ кастрюлѣ съ бульономъ мѣшаютъ желѣзной пластинкой, подозрительно взбалтывая жидкость. Твердую пищу ломаютъ на куски—все ищутъ «контрабанду»: пилки, записочки, газеты.

— Ав-ваку-умовъ! Госпожа Лавалетъ! Галь-пе-эри-инъ! Господинъ Андреяновъ!.. Петровъ... Хаимо-овичъ,—тягуче и громко выкрикиваетъ «помощникъ», и бѣлая пасть воротъ быстро гло-

таетъ вереницы людей, а за ними, сзади, напираютъ все новыя и новыя толпы.

* * *

Въ концѣ очереди стоитъ маленькая группа изъ трехъ лицъ и собака. Высокій сѣдобородый старикъ, живые молодые глаза, черные и глубокіе, какъ пропасти. Рядомъ съ нимъ почтенная дама въ старомодномъ еврейскомъ чепцѣ. Маленькое, доброе лицо, въ густой сѣти мелкихъ морщинъ. На плечахъ богатая накидка. Женщина заботливо поправляетъ шляпку чернокудрой дѣвочкѣ, лѣтъ девяти. Милое личико, стройненькая, какъ стебель лиліи, орлиный носикъ и голубые глаза.

Аронъ Рабиновичъ, его жена и дочь, вопреки своему обыкновенію, нынче запоздали: дѣвочка сегодня утромъ оставила больничную койку.

Любочка, какъ только привезли ее изъ лечебницы, сказала: она дома не останется, она тоже пойдетъ на свиданье къ Борѣ. Непремѣнно пойдетъ. Притомъ ей съ нимъ необходимо поговорить, очень необходимо...

Любочка важно приложила указательный палецъ къ сжатымъ губкамъ: значитъ, тайна. И пусть ее не разспрашиваютъ.

Въ лечебницу дѣвочку помѣстили послѣ погрома. Въ тѣ дни Арона Рабиновича разгромили. Все, что можно было унести—расхитили. Остальное предали разрушенію. Дачу «Евгенію»—такъ онъ ее назвалъ въ честь старшей дочери—его чудную дачу обратили въ безобразную мусорную кучу. Ее уничтожили до тла. Сначала принялись за садъ: сломали вѣтви у деревьевъ, содрали кору со стволовъ.

И обнаженные остовы старыхъ платановъ, куполообразнаго орѣха и молодыхъ акацій застыли въ нѣмомъ оцѣпенѣніи, какъ трупы, съ которыхъ живьемъ сорвали кожу...

Надъ цвѣтами надругались. Въ кусты сирени, въ нѣжныя купы хризантемъ, на тонкіе стебли лилій, на невинную бѣлизну упругихъ лепестковъ—нашвыряли глину, золу, осколки разбитой посуды.

Темные газоны, остриженные и чистые, облили вонючей мерзостью. Изъ выгребной ямы ведрами черпали гнилую жидкость и съ визгливымъ смѣхомъ, похожимъ на визгъ обожравшихся свиней, плескали желтой мутью и на газоны, и на нѣжныя поросли дорожекъ, граціозныхъ, усыпанныхъ хрустящимъ гравіемъ...

...И пышный садъ, задумчивый и важный, съ таинственными аллеями, глубокими, тѣнистыми,—весь садъ былъ опустошенъ, загаженъ, оскверненъ. Домъ предали огню. Подожгли надворныя строенія. Каретный сарай заперли на засовъ, затѣмъ подпалили. Строеніе бурно горѣло, и огненный вой пожара отчаянно рвался ужаснымъ ржаніемъ сгоравшихъ лошадей.

Корова Дуняша паслась недалеко отъ дачи. Раскатистые крики погибающихъ животныхъ погнали ее домой. Угрожающе мыча, корова вбѣжала въ опустошенный садъ. Къ ней кинулись злобные люди. Корова выставила рога. Дуняшѣ перебили хребетъ. Сначала ей прострѣлили ноги и, когда она упала, оторвали хвостъ, выкололи глаза, потомъ перебили хребетъ...

— Сдыхай, жидовская корова!

Старый Аронъ съ женой спаслись чудомъ. Надъ ними, въ горящемъ домѣ, рухнулъ деревянный простѣнокъ, падая, онъ потушилъ огонь и покрылъ ихъ. Толпа считала, что «жидовъ» задавило на смерть, а рыться въ кучахъ пожарища опасалась.

Любу выбросили изъ окна. Дѣвочка упала въ густую траву и осталась невредимой, но лишилась чувствъ. Когда къ ней вернулось сознаніе, она увидѣла, что лежитъ въ одной изъ пещеръ каменоломенъ, недалеко отъ дачи. Туда она часто лазала вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ—Жукомъ. Онъ тоже былъ здѣсь. Когда Люба очнулась, собака радостно запрыгала вокругъ своей подруги. Она прыгала молча. Жукъ, видимо, опасался привлечь чье-то враждебное вниманіе звуками своего лая.

У собаки морда была разбита въ кровь.

Любочка болѣла долго. И теперь, когда ее доставили домой, старики тщетно уговаривали дочку остаться дома: на свиданьи она будетъ волноваться, а докторъ предписалъ полнѣйшій покой; ей это вредно, очень вредно.

Дѣвочка упрямо настаивала: ничего ей не вредно. Притомъ она непремѣнно должна потолковать съ Борей. Она такъ и сказала «потолковать» и съ дѣтской серьезностью повела головкой.

Пришлось уступить. Ее взяли. Взяли и Жука. Тотъ, впрочемъ, самъ побѣжалъ. И вотъ почему опоздали.

* * *

Ужъ шесть часовъ времени приходится торчать здѣсь, у этихъ проклятыхъ стѣнъ... Торчать ему, женѣ, ребенку...

Аронъ Рабиновичъ ропщетъ. Двумя пальцами согнутой ладони онъ осторожно держитъ помятый лацканъ собесѣдника. Тотъ, старый еврей, сутуловатый, съ длинными локонами у висковъ, сочувственно вздыхаетъ.

— Тутъ онъ теперь со всѣмъ своимъ семействомъ. У него больше никого нѣтъ... Сынъ, Борисъ, здѣсь за рѣшеткой. Женя тамъ...— старикъ дѣлаетъ грустный жестъ.—Предвѣчный знаетъ, гдѣ это? Пишетъ, — письмо оттуда идетъ четыре мѣсяца. Га-а, — Аронъ Рабиновичъ со скорбнымъ негодованіемъ втягиваетъ голову въ приподнятыя плечи.—Пишетъ: это у самаго студенаго моря, тамъ, гдѣ вѣчный холодъ. Хлѣбъ не растетъ!.. Дикіе люди!.. Край свѣта!.. Харлымскъ!.. Корлынскъ!.. Вотъ тебѣ

визаніе!? И не выговоришь. И на языкѣ не удержется. Какъ вамъ нравится такое имя, господинъ Гольденбергъ?

— Прямо изъ Афтойры [1]). Таки прямо изъ Афтойры,—сочувственно удивляется Гольденбергъ.

— Послать дѣвушку въ такую кустанию — таки прямо разбой!—ужасается онъ. И отъ ужаса и возмущенія трясетъ головой, передергиваетъ плечами. И сокрушенно умалкаетъ.

— Свѣ-этъ! вошелъ теперь свѣтъ!

Рабиновичъ отпускаетъ лацканъ Гольденберга и неопредѣленно водитъ раскрытой ладонью правой руки.

— То-есть все, весь міръ перевернулся!.. Головой внизъ.

— ...Ой, Боже-жъ мій, мин-ный!.. Боже-жъ мій!.. Господы!..

Рыдающія причитанія женщины прерываютъ Арона Рабиновича. Онъ обернулся. Его жена, Хана сердечно успокаиваетъ плачущую старуху.

— Гга-а?! То-есть—удивленье! Гарпина Бебекъ... молочница, которая развозитъ молоко по дачамъ...

Послѣ погрома эта Гарпина злорадствовала, радовалась его, Рабиновича, несчастью. Говорила... громко, на всю улицу, говорила: «жидамъ такъ и слѣдуетъ».

И теперь она тутъ, тоже по случаю несчастья, рядомъ съ нимъ.

— То-есть, что Всевышній дѣлаетъ!?. И Хана еще съ ней возится. Эта Хана!.. Всѣхъ бы обняла... Габата! [2])—досадливо поводитъ сжатыми губами.

— Кто у васъ тутъ?—сурово допрашиваетъ онъ плачущую бабу.—Вамъ же не сегодня. Которые съ уголовными, такъ у нихъ свиданье не сегодня.

— Я-акъ?—Гарпина Бебекъ растерянно заволновалась.

— Говорю вамъ, свиданья не будетъ. Потому у васъ же уголовный, по уголовному...—медленно съ злорадной сдержанностью цѣдитъ онъ слова и смотритъ въ упоръ на растерянную бабу.

— Ни, какъ можно! — Старуха огорченно обидѣлась. — Тоже изъ тіхъ... изъ вашихъ... Гарпина конфузливо ищетъ незнакомое слово.—Которые за бідный народъ...—она смущенно чешетъ переносье, неловко оглядываясь. — Изъ политицкихъ, — обрадовалась она, найдя нужное слово, и фартукомъ вытираетъ набѣгающія слезы.—Сімъ годовъ служилъ во Дальнемъ Владивостокѣ. Бився, дрався тамъ. Зробили его калікой: руки рушився — чисто. Пріихавъ домой, до батька, до мати... Только переночевавъ, ажъ его забрали... Хотивъ ще утромъ пидти, извинить, у баню. Ду-

---

[1]) Афтойра—главы изъ Пророковъ. Читаются въ синагогѣ по субботамъ. Тамъ встрѣчаются самыя замысловатыя имена.

[2]) Благотворительница.

малъ, встанетъ и пойдетъ... Я ще ему бѣлье зготовила. А тутъ на-а! Пришли у ночи, якъ ті разбойники... Ой, Боже-жъ мій! Боже-жъ мій, ми-илосер-дый!..

И она зарыдала горько, безпомощно, ломая руки, качая головой. Изъ подъ поношеннаго платка выбились космы сѣдыхъ волосъ.

Женщины ее окружили, успокаивали, утѣшали. Часовой, пѣхотный солдатъ небрежно опершись о ружье, презрительно ухмылялся.

* * *

— Какъ вамъ сказать.

Аронъ Рабиновичъ снова уцѣпился лѣвой рукой за лацканъ собесѣдника. Правая у него занята. Ею онъ рисуетъ въ воздухѣ какіе-то кабалистическіе знаки.

— Значитъ... ааа-аа... ымм... то есть, кто могъ думать? Кому приходило на мысль?..

Онъ отпускаетъ лацканъ и раскрытыми ладонями обѣихъ рукъ изображаетъ безпомощное недоумѣніе. У него сейчасъ нѣтъ словъ, ясныхъ опредѣленныхъ словъ, чтобы передать господину Гольденбергу все то, что онъ пережилъ, что перенесъ за эти два опустошительныхъ года. И сводитъ брови, сжимаетъ и раскрываетъ ладони.

...Я знаю одно: свѣтъ перевернулся! Окончательно! Вотъ подождите, сейчасъ я вамъ объясню по порядку.—Старикъ дѣлаетъ небольшую паузу и задумчиво разглаживаетъ локоны у висковъ.—Должны вы знать, что пятнадцать лѣтъ назадъ, я самъ строилъ эту темную яму... Острогъ этотъ...

— Чтобъ онъ вамъ провалился со всѣми ими, съ этими душегубами... Этотъ Бейсъ-Іойломъ [1]).

— Ну, извѣстно, снялъ я этотъ подрядъ и все, какъ слѣдуетъ... И не думалъ, и на мысль не приходило, что самъ, не про васъ будь сказано, собственными руками рою себѣ могилу.

— Себѣ?

Рабиновичъ укоризненно остановился, саркастически улыбнулся и съ горечью самообличенья заспѣшилъ:

— И для себя, и для жены, и для дѣтей, и даже, извините, вотъ для этой собаки. Словомъ, для всего своего семейства. Что вы смѣетесь? Насчетъ собаки? Такъ вы немножечко подождите. Надъ этой собакой вовсе не смѣяться надо. Мое благородное слово! Вотъ вы ее видите: она собака — называется скотина, звѣрь, а она мнѣ дите спасла отъ вѣрной смерти. И она у меня въ домѣ въ почетѣ, и я ее уважаю и даже, шутя, называю ее: ребъ Жукъ... Но это потомъ.

...Да. Такъ объ острогѣ. Сначала попала сюда, въ это черное

---

[1]) Мѣсто вѣчнаго успокоенія.

мѣсто, дочь. Моя старшая, Женя. Вотъ отъ нея и пошли всѣ мои бѣдствія, Какъ міръ говоритъ: все изъ-за дѣтей. Да-а.— Кончила она, благодареніе Богу, гимназію, кончила очень великолѣпно, съ золотой медалью кончила. Ну, мы съ женой стали думать. Извѣстно, о чемъ родители думаютъ — выдать замужъ. Дѣвушкѣ, понимаете ли меня, пошелъ девятнадцатый годъ. Хорошо. Ну, а она: папа, хочу поѣхать за границу: философію учить.—Ну-у, какъ вамъ это нравится? Дѣвушка—и философія, аа-а?

Аронъ Рабиновичъ въ безпомощномъ недоумѣніи двинулъ локтями, сдѣлалъ движеніе головой.

— Мессіанскія времена,—со скорбной покорностью свидѣтельствуетъ Гольденбергъ.—Таки мессіанскія времена!

Рабиновичъ оживился.

— Послушайте дальше. Подумали мы съ женой такъ: она у насъ съ характеромъ. Добрая, желчи не имѣетъ, золотое сердце. Всему свѣту помогла бы, но характерная. Разъ захотѣла, то пусть ужъ тамъ гремитъ, вселенная пусть перевернется, а она поставитъ на своемъ. Это первое. Второе, умна она, какъ день. Это не то, что я — отецъ и хвалю свое дитя. Всякій, кто хоть съ нею два слова сказалъ, то же самое подтвердитъ. — И рѣшили мы: пусть ужъ будетъ заграница. Видимъ же у людей то же самое. И дочь доктора Симоновича, и дочь доктора Маргулиса, и у Переца, и у Финкельштейна. У всѣхъ. Ужъ теперь такой свѣтъ: сыновья богачей на фабрикахъ тамъ, извините, какъ простые рабочіе, а дочери учатъ философію. И потомъ, думаемъ, подальше отсюда,—очень даже хорошо. Ну а вышло—очень даже наоборотъ. Какъ міръ говоритъ: человѣкъ мечтаетъ, а Богъ смѣется.

— Да-а... Поучилась моя Женя въ той заграницѣ три года и пріѣхала обратно домой. Полный философъ! Весьма благородно. Какъ разъ къ нашей серебряной свадьбѣ пріѣхала. Устроили мы вечеръ. Ну, у насъ гости и все такое: всѣ семнадцать вещей.— Сидятъ въ саду у меня на дачѣ, какъ водится; лѣтомъ, пьютъ чай, разговариваютъ. Женя играетъ на рояли. Вдругъ «среди этого» Жукъ, вотъ онъ, собака, загавкалъ, запрыгалъ, землю ѣстъ!—Что тамъ такое?—Гости!

Аронъ Рабиновичъ значительно понизилъ голосъ, многозначительно повелъ бровями.

— Черные гости! Эти голубые черти, малахъ-хабале [1])... Принесъ ихъ недобрый!.. Мы стали какъ мертвые. Можете себѣ уже представить, что стало съ нашей серебряной свадьбой! Черная

---

[1]) Демоны разрушенія.

хупэ [1]), а не серебряная свадьба. Еще хуже! Стали они вездѣ шарить, рыть, искать... Стра-асть! Лѣзли въ погреба, на чердакъ, лѣзли на деревья... Ну, потомъ берутъ дите, Женю.—За что вы ее берете?

— Не ваше дѣло.

— Ка-акъ? вы забираете мое дите, мое мясо-кровь—и вовсе не мое дѣло?

— Именемъ закона. Я по закону.—Это мнѣ полковникъ жандармскій говоритъ. Лицо у его, какъ у разбойника, какъ у настоящаго душегуба.

— Какой законъ? — кричу. Рѣжутъ у отца дите, цѣдятъ ея кровь, и даже не говорятъ: за что! Такъ это не законъ, а разбойство, душегубство!..

— Молчать, арестую!—закричалъ, затопалъ ногами.

— Я думалъ, меня ударъ хватитъ. Но идите, кричите: «Хай вейкаемъ» [2]). Ооой-ой-ой!—Старикъ нервно скомкалъ бороду, расправилъ ее и взволнованно продолжаетъ:

— Когда ее увели и въ домѣ стихло, такъ у насъ стало такъ пустынно, такъ тяжко, какъ было послѣ разрушенія Іерусалима! Вы уже можете себѣ представить... Знали? Думали, приведутъ ее въ острогъ и тамъ... Богъ знаетъ, что тамъ надъ нею совершатъ. Потому что, развѣ они люди. Это же звѣри... Ну, утромъ, чуть свѣтъ, поднялся я и сталъ работать. — Игрушка это? Надо же дите изъ узилища вызволить. Я сейчасъ, извѣстно, къ полицеймейстеру, онъ у меня «мѣсячныя» получаетъ. Ну, а онъ: «не могу; если бы по уголовному, тогда съ удовольствіемъ. А тутъ политическое».

— Я дальше, къ градоначальнику. Къ одному черту, извините, къ другому. Даже у архіерея былъ: что ни сдѣлаешь ради дѣтей! Словомъ, полъ-свѣта на ноги поднялъ. Совалъ, мазалъ. Знаете же, какъ у насъ написано: «серебро и злато и незаконнорожденныхъ облагораживаетъ». И дѣйствительно, помогло. Черезъ три мѣсяца ее выпустили. Обрадовались мы, уже можете себѣ представить! Было у меня въ домѣ веселье и радость. Хотѣлъ ее, всѣхъ дѣтей отослать за границу. Таки сейчасъ отослать. Но дѣла. Голова же у нашего брата «занесена». Вы же это хорошо знаете. И все откладывалось. Наконецъ, собрался-таки. И что же вы думаете?

Рабиновичъ выжидательно умолкаетъ.

— Не хочетъ ѣхать...—укоризненно догадывается Гольден-

---

[1]) Черный балдахинъ. Когда хоронятъ дѣвушку невѣсту, гробъ съ тѣломъ ставятъ подъ вѣнчальный балдахинъ чернаго цвѣта. Туда же вводятъ жениха. „Черная хупэ"—синонимъ самаго ужаснаго.

[2]) Хай Векаемъ—Синонимъ Божьяго Имени.

бергъ.—Обычная теперь исторія: не повинуются отцу-матери...— онъ безнадежно философски киваетъ головой.

— Вотъ-вотъ! Какъ будто бы вы присутствовали при этомъ,— удовлетворенно заторопился Рабиновичъ.—Разсерчалъ я тогда на нее и, понимаете ли меня, говорю такъ: да, конечно! Тебѣ же необходимо заступиться за обиду Ѳони-вора! Это тебѣ, говорю, очень требуется, чтобы Ѳоня-воръ потомъ тебя же разгромилъ! А она свое: Ѳоня такой же обездоленный, какъ и мы, евреи, какъ еврейскіе рабочіе, и я обязана работать для нихъ, а погромы устраиваетъ полиція. Много говорила—Россія... Родина... Человѣкъ долженъ умирать за родину, и тому подобное.

— Тогда я ей говорю: если ты кушаешь мой хлѣбъ, то должна меня слушаться. Притомъ я же тебѣ отецъ и плохого тебѣ не желаю. Думалъ я ее этимъ взять, ну, а потомъ раскаялся, что упрекнулъ...

— Цѣлый день молчала она, а вечеромъ подошла ко мнѣ и говоритъ такъ!

— Папа, слушаться васъ, дѣлать то, что вы хотите, я не могу, это противъ моей совѣсти. А на счетъ того, что живу на ваши средства—дармоѣдкой, такъ это вы правы. И завтра я отъ васъ выбираюсь. Квартира уже у меня есть, а работу я найду. Папочка, говоритъ, вы на меня не сердитесь, не могу иначе. Не буду себя уважать. А это самое страшное, говоритъ, когда человѣкъ теряетъ къ самому себѣ уваженіе.

— У меня отъ этихъ ея словъ въ сердцѣ, какъ ножомъ, повернуло. Но молчу. Полагаю въ сердцѣ своемъ: можетъ, она еще перерѣшитъ и останется. А тамъ—Богъ поможетъ.—На другой день прихожу домой обѣдать, въ домѣ молчаніе, жена заплакана.

— Что такое?

— Женя съѣхала и Боря тоже... съ нею.—Это мой сынъ, который тутъ вотъ «сидитъ».

— Потемнѣло у меня въ глазахъ. Разгнѣвался я. Эдакіе дерзкіе. Ужъ отцу нельзя слово сказать. Ничего, думаю. Посмотримъ, какъ вы будете жить безъ родителей.—Потерпятъ немного нужды, думаю себѣ, и обратно вернутся. Тогда будутъ знать, какъ безъ отца-матери... Однако, ошибся. Выходитъ, что собственныхъ дѣтей не знаешь. Да-а! Такая исторія... Ну, жду. Прошло, понимаете ли меня, съ мѣсяцъ времени, и на городъ свалилась эта напасть... Эта забастовка. Общая стачка. И моихъ забираютъ. Опять я полъ свѣта на ноги подвалъ, и мальчика мнѣ скоро отпустили, а дочь, ее за повторительность сослали на край земли.

— Въ эту Яркутскую область, у самаго, понимаете ли меня, замерзшаго океана. Дальше уже и воды нѣтъ. Одинъ ледъ и

больше ничего... Вотъ какая бѣда!—Ну, ужъ, кажется, довольно съ меня. Но я вамъ говорю, когда къ человѣку пристанетъ лихо, такъ оно его ужъ не оставитъ. Нѣ-этъ!.. Такъ вотъ... Когда мнѣ выпустили мальчика, я рѣшилъ его не трогать. Опасался слово сказать... Ну, и Боря мой сидитъ себѣ въ своей комнатѣ и читаетъ. Только читаетъ. И день и ночь читаетъ. И никуда не выходитъ. Предчувствую, что меня ожидаетъ новое несчастье. Потому, разъ человѣкъ, юноша—молчитъ и все время проводитъ въ чтеніи, то отъ этого добра ужъ не выйдетъ. Это же мы хорошо знаемъ. Ну, предчувствую и молчу. И смотрю. Вижу, иногда придетъ къ нему какой-нибудь изъ ихнихъ. Такой оборванный, извините, обшарпанный. Но я уже боюсь замѣчаніе сдѣлать: сдѣлаешь, обидится и опять уйдетъ изъ дому, совсѣмъ навсегда. А тамъ, какъ за нимъ усмотришь. А мальчикъ горячій, нервный. Такъ я себѣ размышляю, молчу и смотрю. И досмотрѣлся.

Старикъ горько усмѣхнулся, на мгновенье умолкъ, потомъ спросилъ конспиративнымъ шопоткомъ:

— Помните, въ іюлѣ, послѣ этого мятежа, помните, какъ хватали тогда?..

Гольденбергъ скорбно зацмокалъ губами:—те-те-те. Помнитъ ли?—Хорошо и даже очень хорошо помнитъ: съ тѣхъ же именно поръ, съ того темнаго часа, «сидитъ» его мальчикъ.

— Ну, такъ вотъ. Къ моему принесли прятать эти...—Аронъ Рабиновичъ смущенно поперхнулся.—Эти... «круглыя»... Ну, а мальчикъ добрый, гордый. Неловко ему отказать имъ. Взялъ онъ это... это несчастье, хотѣлъ бросить куда-нибудь, въ какой-нибудь колодецъ.—Я знаю? Чтобы я такъ лихо зналъ... Ну, и надѣлалъ «свадьбу». Забрали ужъ насъ всѣхъ: и его, и меня, и жену, и мою младшую дочурку—вотъ ту крошку. Словомъ, все мое семейство. Изъ всѣхъ насъ, изъ всего дома моего только собака, вотъ онъ, ребъ Жукъ, остался на волѣ. И онъ все время лежалъ вотъ тутъ, у воротъ и вылъ на ихъ головы, Владыка міра! На ихъ головы!..

...Попался я въ эту, извините, яму и думаю! Владыка міра! Бо-огъ! Отецъ! Сладкій, дорогой Отецъ! Что это, до какихъ поръ ты будешь наказывать раба твоего? Еще разъ: что это? Нно-о-сижу. Заперли меня, извините, какъ звѣря какого-нибудь... Какъ въ родѣ дикаго звѣря, за рѣшетку, на замокъ, а ты молчи:—Кто? Что? Кому? Нѣтъ отвѣта. Говори, кричи къ четыремъ стѣнамъ! Одно слово: заперли.

— Осмотрѣлся—что стало со мною: эта камера, эта «мебель» обстановка—графская. Чтобъ мои враги, ваши враги и всѣ недруги народа нашего всегда жили бы въ такой обстановкѣ. Темно, угрюмо, какъ бѣдствія евреевъ.

— Усѣлся на кровати. Ну-у, это ужъ постель!.. Царское ложе. Усѣлся, а весь, какъ въ рубленныхъ ранахъ, и боюсь подняться съ мѣста. Я знаю? Думаю—острогъ, значитъ, безъ спроса не смѣй встать. Какъ провелъ я ночь эту—не могу вамъ разсказать. Невозможно вовсе передать. Все думаю: что жена, что Любочка. За Бориса не такъ ужъ безпокоюсь. Одно—ему же это не въ первый разъ. Другое—даже немного на него злюсь, потому изъ за него должны мы всѣ безвинно страдать. Гнѣвался и все же и за его душа болитъ, какъ говорится: отецъ.

— Да-а. Утромъ надо класть талесъ и тефилимъ [1]), молиться же надо, а тутъ, въ камерѣ этой, стоитъ, извините, эта параша. Эта пакость. Потому, ночью не выпускаютъ и днемъ тоже, когда нужно за надобностью.—Зову сторожа—часового. Надо, говорю, убрать это паскудство, потому при немъ нельзя Богу молиться. Ну, доложили тамъ самому главному и убрали на время.

— Облачился я въ талесъ и расплакался, извините, какъ малолѣтокъ.—Ггг-а! дрожу весь, рыдаю. Ашемъ [2])! плачу, Святый-Благословенный! Накажи меня! Убей гнѣвомъ своимъ! Но къ племени моему обрати лицо свое, дѣтей моихъ, жену пощади! Живой Отецъ!.. Уже не въ силахъ я переносить мученія рода моего!—Молюсь это я, такъ и слышу кто-то подошелъ къ дверямъ, открываетъ тамъ форточку. Это въ двери, въ самой ея срединѣ такая форточка, въ родѣ калитки среди воротъ. Открыли, смотрятъ.

— Вижу, молодые люди. Одѣты въ вольномъ платьѣ.

— Мы, говорятъ, политическіе.

— А-а! Очень пріятно.

— И что же вамъ сказать? Молодежь все... дѣти, хотя христіанскія, но помимо ихъ школы, да будутъ всѣ дѣти еврейскія такими. Что за благородные характеры! Эта деликатность. Эта вѣжливость,—такъ это только описать надо.—То-есть свѣтъ-таки совсѣмъ сталъ ногами вверхъ,—какъ я еврей!

— Скажите, пожалуйста, прошу васъ, гдѣ это видно, чтобы русскій христіанинъ, любилъ еврея, а-а? Мы же, благодареніе Богу, очень даже хорошо знаемъ это...

— Ну, а эти, называемые «политическіе»—значитъ, сицилисты, такъ они говорятъ: намъ все равно, что еврей, что кто. Всѣ должны быть равны. И вы, можетъ быть, подумаете, что это только ученые или какіе-нибудь студенты.—Какое? говорю же вамъ: рабочіе, простые рабочіе, скажемъ, слесаря, печники, столяры.

— Да-а! Открыли они форточку, смотрятъ, что я молюсь и закрываютъ. Чего-то ждутъ. Я уже думаю, начнутъ издѣваться,

---

[1]) Талесъ—молитвенный плащъ, тефилимъ—филактеріи.

[2]) *Имя, подразумѣвается* Богъ.

какъ это водится у русскихъ: они же любятъ издѣваться надъ евреемъ, когда еврей Бога хвалитъ... Нѣтъ. Не смѣются... Ну, прочелъ я Олейну [1]), снялъ и сложилъ талесъ и тефилимъ и подхожу къ нимъ. Спрашиваютъ:—вы за что, коллега. Этимъ именемъ они называютъ уголовныхъ преступниковъ, которые тамъ за кражу за мошенство, уголовные которые. Такъ его, уголовнаго, они зовутъ коллегой.

— Я не коллега, отвѣчаю, а тоже товарищъ,—своихъ, политическихъ, они называютъ именемъ «товарищъ».

— Я, говорю, есть Аронъ Рабиновичъ, и тутъ все мое семейство и сынъ тоже.

— Вы отецъ Бориса?

— Да.

— Ну, такъ вамъ надо было видѣть, какъ они обрадовались! Ухаживали за мною, услуживали, какъ дѣти, какъ родные, какъ хорошія дѣти!

— Ну, слыхали-ли вы о такихъ чудесахъ, а-а? Что вы скажете на это?

— Х-мъ... Гольденбергъ скорбно насупился.—Вы же знаете, у насъ написано: добрые гоимъ удлиняютъ голесъ, пребываніе Израиля въ изгнаніи...

— Этъ!.. написано...—Аронъ Рабиновичъ кашлянулъ, кашлянулъ съ оттѣнкомъ робкаго скептицизма. Заложилъ руки за спину.

— Разное написано... У Всевышняго пути спасенія неисчислимы...—онъ озабоченно сморщилъ лобъ.

— Написано? Это же не въ святой Торѣ написано, и даже не въ Талмудѣ, а въ Мидрашѣ...—въ тонѣ его явственно слышится благочестивая робость.

— А кто знаетъ? Если Господу будетъ угодно, то можетъ отсюда... и онъ повернулся лицомъ къ острогу.—Отсюда, говорю то-есть изъ острога, изъ этой темной ямы, придетъ спасенье для насъ, для евреевъ: вѣдь же написано: и люди, сидящіе во тьмѣ глубокой, узрѣли великій свѣтъ.

— Что-о? Я смѣюсь? Горе смѣху моему!.. То есть, я думаю спасенье черезъ эту молодежь, которую тутъ мучаютъ.

— Подождите одну минутку, сейчасъ вамъ объясню... онъ возбужденно замахалъ руками.

— Первое, они—эти политическіе, сицилисты, таки настоящіе хорошіе люди. Второе, они же тамъ страдаютъ... Шутка ли, что они тамъ переносятъ! Когда каждая свинья надъ ними командуетъ. Одно слово—острогъ! Это же самое страшное на свѣтѣ! Живая могила! Ну, а нашего еврея хорошо тотъ пойметъ, кто самъ

---

[1]) Послѣдняя молитва утренней.

много вынесъ, выстрадалъ... Да-да. Не смѣйтесь. Вотъ подождите, сейчасъ вамъ...

— Рабино-о-о-вичъ!.. К-урисъ, Гольденбе-эргъ, Бе-эбекъ!—вызываетъ тюремный чиновникъ.

Очередь дошла до нихъ. Старики всполошились. Суетливо подхватили свои корзинки и порывисто устремились къ калиткѣ.

II.

Обширный вестибюль тюремной конторы. Высокія стрѣльчатыя окна. Разноцвѣтныя стекла оправлены въ густой желѣзный переплетъ, и отъ этого на красныхъ кружечкахъ бетоннаго пола. на его черныхъ трехъугольникахъ, на гладкой синевѣ выкрашенныхъ стѣнъ, лежатъ странныя, таинственныя отраженіи. Отъ грубаго топота тюремной стражи—она вся въ черной формѣ съ голубыми каймами—отъ бряцанья жандармскихъ шпоръ, отъ тупого лязга ружейныхъ прикладовъ по залу гулко несется тяжелый шумъ и жуткими струйками прыгаетъ вокругъ пришедшихъ на свиданье людей. Небольшими группками усажены они на низкихъ лавочкахъ у небольшихъ деревянныхъ столиковъ.

Люди сидятъ съежившись, молчатъ въ понуромъ ожиданіи, съ напряженнымъ безпокойствомъ смотрятъ.

По угламъ посѣтительской, у ея оконъ и у входныхъ дверей, сѣрыми кучками расположены солдаты—городъ на военномъ положеніи и рота откомандирована въ помощь тюремной стражѣ. Солдаты въ полномъ вооруженіи, и отточенные штыки жутко блестятъ тупымъ блескомъ смерти.

Арона Рабиновича съ семьей усадили въ правомъ углу противъ большой желѣзной завѣсы. Люба помѣстилась посрединѣ между стариками, а у ея ногъ свернулся Жукъ. Онъ упорно смотритъ на желѣзную завѣсу. За ней тянутся длинные ряды арестантскихъ камеръ. Собака видимо волнуется. Порой, не поворачивая морды, она кидаетъ быстрый взглядъ на темныя фигуры тюремныхъ надзирателей, на синіе мундиры жандармовъ. И въ ея глазахъ, въ карихъ глазахъ умнаго животнаго, вспыхиваютъ гнѣвные огоньки. И изъ сжатой пасти вырывается предостерегающее урчанье.

Вотъ въ желѣзной завѣсѣ звонко щелкнулъ ключъ, распахнулись ея черныя челюсти и оттуда, радостно спѣша, шумно высыпала взволнованная предстоящимъ свиданіемъ молодая, свѣтлая толпа заключенныхъ. Мелькаютъ чистыя блузы, воротнички... молодежь принарядилась...

Борисъ, стройный, съ голубыми глазами и крутымъ лбомъ, *возбужденно* привѣтствуетъ своихъ. Мать нѣжно обнимаетъ сына,

тихо плачетъ. Отецъ съ преувеличеннымъ спокойствіемъ гладитъ голову юноши. Но руки непослушны волѣ старика: кончики пальцевъ замѣтно вздрагиваютъ... Любочка въ экстазѣ повисла на шеѣ брата. Бѣлая, негибкая шея, гордая...

Вокругъ юноши бурно прыгаетъ Жукъ, радостно визжитъ. Хвостъ вытянутъ и весело отбиваетъ ликующую дробь. Песъ хвостомъ нечаянно задѣлъ тюремщика.

— Пшла-а! сука! Сво-олочь!—Солдатъ злобно подкованнымъ подборомъ ударилъ собаку въ голову. Та жалобно взвизгнула, прянула заросшими ушами и сразу осѣла.

— Девя-ать мину-утъ, девять минутъ! Свиданье—де-вя-ать мину-утъ!..—важно напоминаетъ старшій надзиратель.

Семья всполошилась, торопливо разсѣлась.

— Борисъ, ы-ы-ы... какъ тамъ... какъ теперь у васъ... Насчетъ прогулки, что теперь у васъ, то-есть...

Старикъ тоскливо умолкаетъ. Изъ встревоженной памяти исчезли всѣ слова. Онъ знаетъ, достовѣрно знаетъ, что долженъ о чемъ-то поговорить съ сыномъ, о чемъ-то весьма, очень важномъ... Но, когда въ девять минутъ надо все успѣть и надъ душой торчитъ этотъ злой звѣрь... девять минутъ... девять минутъ... Чтобъ тебя гибель Амана настигла съ твоими девятью минутами... нечестивецъ!..

...И всегда такъ: дома превосходно помнишь, даже нѣсколько разъ повторишь, наизусть заучишь... а придешь сюда—въ это проклятое мѣсто, и все изъ головы вылетаетъ... И говоришь о пустякахъ... о глупыхъ пустякахъ...

— Мамочка, вы не безпокойтесь. Тутъ собственно, ничего, теперь даже очень хорошо. Право. Къ тому же я привыкъ. Пустяки. Скоро выпустятъ.

Борисъ нѣжно цѣлуетъ руку матери,

— Ну, какже, хорошо!?

Хана Рабиновичъ скорбно киваетъ головой.

— Не забудь, папа, книжекъ. Списокъ получишь... Дай руку.

Юноша конспиративно двинулъ бровями.

Правая рука Арона Рабиновича будто случайно опускается на шляпу сына. Подъ лентой нащупалъ записочку. Осторожно оглядывается. Бросилъ нѣсколько словъ по-еврейски.

— По вашему нельзя, по-еврейски. Говорите по-русски.

Надзиратель извиняется глазами.

— Не ваше дѣло! Дѣлайте свое черное дѣло, а намъ не мѣшайте. Не мѣшайте мнѣ разговаривать!

Юноша вспылилъ, гнѣвно уставился на солдата. Тотъ зло насупился. Старики испуганно встревожились. Умоляютъ сына.

не обращать вниманіе, успокоиться. Борисъ прошелся взволнованнымъ шагомъ, нервно взъерошилъ волосы и тяжело сѣлъ.

Жукъ вздрогнулъ и метнулъ въ тюремщика злобнымъ взглядомъ.

Потомъ потеръ морду о ногу Бориса, покосился на надзирателя и издалъ плаксивый лай.

Любочка одобрительно смотритъ на своего пріятеля, нѣжно потрепала его за косматую шею.

Дѣвочка угнѣздилась на колѣняхъ брата, въ замѣшательствѣ оправила кофточку и еле слышно проронила:

— Боря. Ты... я хочу просить тебя... мнѣ съ тобой поговорить надо...

Вся заалѣлась отъ смущенія.

— Только ты... ты не будешь смѣяться?.. Скажи-и!..

— Говори, Люба. Съ какой стати я буду смѣяться.—Въ тонѣ юноши подчеркнутая серьезность: онъ внимательно относится къ его предложенію. Оттого и назвалъ ее Любой, какъ взрослую.

Любочка ободрена. Она вдумчиво начинаетъ:

— Боря! ты помнишь нашу корову Дуняшу? Ну, ты же знаешь, она умерла, или ее убили. Ну, я все думаю, коровы же должны тоже имѣть душу, все равно, какъ человѣкъ. Правда-а? Корова — она самая добрая. И собака. Собаки еще больше. Собаки, такъ тѣ самыя, самыя добрыя на свѣтѣ, вотъ какъ ангелы. И Жукъ нашъ. Онъ такой хорошій, все понимаетъ. Жукъ, Боря, ты слушай, онъ настоящій умный. И онъ спрятался... когда погромъ былъ, такъ онъ спрятался вмѣстѣ со мною, какъ настоящій, какъ человѣкъ. Такъ онъ теперь...

— Свиданье кончено.

Старшій надзиратель важно поднялся съ табурета. Оправилъ шашку. Старики скорбно встали. Собака насторожилась.

— Кончайте свиданье!.. Кончайте свиданье!.. Пожалуйте!

Надзиратель взялъ Бориса за локоть. Юноша нервно отбросилъ солдатскую руку.

Жукъ зловѣще всталъ, рявкнулъ и тяжелымъ комомъ подкатился къ ногамъ тюремщика. Быстро оттолкнулъ его мордой и лапами. Испуганный солдатъ растерянно схватилъ Бориса за плечи. Тотъ рванулся.

...Яростный лай грозно залилъ обширную залу тюремнаго вестибюля. Вцѣпившись въ сапогъ солдата, Жукъ оттащилъ его, отшвырнувъ въ сторону и сталъ между тюремщикомъ и Борисомъ. Собака зловѣще щелкала зубами...

Любочка кинулась къ нему, крѣпко обняла его, пытается оттащить.

Жукъ сразу притихъ, недоумѣло поглядѣлъ на свою подругу

и недовольно отошелъ. Растерявшійся надзиратель тотчасъ же оправился, и щеки его зло побагровѣли. Солдатъ угрожающе схватился за черную кабуру револьвера.

— Не надо! Ой не надо!—Тоненькіе дѣтскіе пальчики уцѣпились за обтрепанный обшлагъ тюремщика. Тотъ вскинулъ головой и смѣшался. Онъ увидѣлъ, побѣлѣвшее отъ страха, личико ребенка, оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса стариковъ и растаяла его злоба. Солдатъ неопредѣленно двинулъ подбородкомъ и конфузливо проронилъ:

— Съ насъ теперь строго требуютъ... Штрафуютъ...—Онъ неловко замолчалъ.

— Идемте!—Борисъ Рабиновичъ быстрымъ шагомъ пустился къ желѣзной завѣсѣ.

* * *

Со свиданья пошли всѣ вмѣстѣ: семья Арона Рабиновича, Гольденбергъ и старуха Бебекъ. Вечерѣетъ. И по темной дорогѣ они плетутся понуро, какъ послѣ похоронъ. Идутъ. Мужчины хмуро сосредоточились, молчатъ. Женщины тихо разговариваютъ, сдержанно вздыхаютъ.

Вотъ матери подошли къ повороту и остановились. Онѣ обернулись, посмотрѣли на нѣмую громаду острога и заплакали, Хана порывисто протянула руки къ вечернему небу, она страстно молитъ:

— Богъ! Дорогой отецъ! За дѣтей нашихъ, за ихъ чистыя муки, взыщи съ мучителей! съ жестокихъ мучителей взыщи, Судья Праведный!..

— Аминь!—шепчутъ старики. Гарпина Бебекъ скорбно крестится.

Н. Осиповичъ.

БОДЕГА.

Романъ Бласко Ибаньеса.

Переводъ съ испанскаго К. Ж.

(*Окончаніе*),

VIII.

Среди дня, первыя группы рабочихъ прибыли на огромную равнину Каулины. Они приближались черными полчищами, стекаясь со всѣхъ сторонъ горизонта.

Одни спускались съ горъ, другіе шли изъ поселковъ на равнинѣ, или изъ мѣстностей, лежащихъ по ту сторону Хереса, и попадали на Каулину, обойдя городъ. Были люди почти съ границъ Малаги и изъ окрестностей Саньгюкаръ де-ла-Баррамеда. Таинственный призывъ разнесся изъ трактировъ и мастерскихъ по всему огромному пространству, и всѣ рабочіе поспѣшно сбѣгались, считая, что насталъ часъ возмездія.

Они бросали свирѣпые взгляды на Хересъ. Расплата бѣдняковъ была близка, и бѣлый, смѣющійся городъ, городъ богачей, съ его бодегами и милліонами, скоро загорится, освѣщая ночь заревомъ своего разрушенія.

Вновь прибывшіе собирались группами съ одной стороны дороги, на равнинѣ, покрытой кустарниками. Пасшіеся на ней быки удалялись вглубь, испуганные этимъ чернымъ пятномъ, которое все выростало, питаемое непрестанно прибывавшими новыми группами.

Все стадо нищеты спѣшило къ назначенному мѣсту. Это были загорѣлые, сгорбленные люди, безъ малѣйшаго признака жира подъ блестящей кожей. Сильные скелеты, сквозь натянутую кожу которыхъ обозначались торчащія кости и темныя сухожилія. Тѣла, въ которыхъ разрушеніе было больше питанія и отсутствіе мышцъ пополнялось пучками сухожилій, разросшихся отъ постоянныхъ усилій.

Они были одѣты въ оборванные плащи, полные заплатъ, распространявшіе запахъ нищеты, или дрожали отъ холода, прикрытые одними истрепанными пиджаками. Вышедшіе изъ Хереса, чтобы соединиться съ нимъ, отличались своимъ платьемъ, видомъ городскихъ

рабочихъ, приближаясь по привычкамъ болѣе къ господамъ, чѣмъ къ сельскимъ рабочимъ.

Шляпы, однѣ новыя и блестящія, другія безформенныя и выцвѣтшія, съ опустившимися полями, оттѣняли лица, по которымъ можно было прослѣдить всю градацію человѣческаго лица, отъ идіотскаго и животнаго равнодушія до оживленности того, кто родится вполнѣ готовымъ къ борьбѣ за жизнь.

Люди эти имѣли отдаленное родственное сходство съ животными. У однихъ лица были длинныя и костлявыя, съ большими бычачьими глазами и кроткимъ, покорнымъ выраженіемъ; то были люди-волы, желающіе протянуться на бороздѣ и жевать жвачку, безъ малѣйшей мысли о протестѣ, въ торжественной неподвижности. У другихъ были подвижныя и усатыя морды, глаза съ фосфорическимъ блескомъ кошачьихъ породъ; то были люди-хищники, которые потягивались, раздувая ноздри, словно чуя уже запахъ крови. А большинство, съ черными тѣлами и скрюченными узловатыми, похожими на виноградныя лозы, конечностями, были люди-растенія, навѣки связанные съ землей, изъ которой вышли, неспособные ни къ движенію, ни къ мысли, рѣшившіе умереть на томъ же мѣстѣ, питая свою жизнь только тѣмъ, что выбрасывали сильные.

Волненіе мятежа, страстная жажда мщенія, эгоистическое желаніе улучшить свою судьбу, казалось, сравняли ихъ всѣхъ, придавъ имъ фамильное сходство. Многимъ, выходя изъ дома, приходилось вырываться изъ рукъ женъ, плакавшихъ, предчувствуя опасность; но очутившись среди *товарищей*, они становились заносчивы, смотрѣли на Хересъ задорными взглядами, точно собираясь съѣсть его.

— Идемъ!—восклицали они.—Хорошо видѣть столько честныхъ людей, готовыхъ сдѣлать правильное дѣло!..

Ихъ было больше четырехъ тысячъ. Члены всякой новой прибывавшей группы, завертываясь въ свои рваные плащи, чтобы придать себѣ большую таинственность, направлялись къ тѣмъ, что стояли на равнинѣ.

— Въ чемъ дѣло?..

А слышавшіе вопросъ, казалось, возвращали его взглядомъ: «Да, въ чемъ дѣло?» Всѣ были здѣсь, не зная зачѣмъ, ни для чего, не зная достовѣрно, кто позвалъ ихъ.

По всему округу разнеслась вѣсть, что въ этотъ день, къ вечеру, произойдетъ великая революція, и они пришли измученные нищетой и преслѣдованіями стачки, принеся съ собой старые пистолеты, косы, навахи или страшныя серпы, одинъ ударъ которыхъ могъ снести голову.

Они принесли и нѣчто большее: вѣру, сопровождающую всякую толпу въ первыя минуты возстанія, довѣрчивость, которая заставляетъ воодушевляться самыми нелѣпыми извѣстіями, преувеличивая

ихъ каждый въ свою очередь, чтобы обмануть самихъ себя, и надѣясь раздавить дѣйствительность тяжестью своихъ несообразныхъ измышленій.

Иниціатива собранія, первая вѣсть о немъ, исходила будто бы отъ *Мадриленьо*, молодого пріѣзжаго, появившагося въ окрестностяхъ Хереса въ самомъ разгарѣ стачки и разжигавшаго простой народъ своими кровавыми проповѣдями. Никто не зналъ его, но это былъ очень краснорѣчивый малый и важная птица, судя по знакомствамъ, которыми онъ хвастался. По его словамъ, онъ былъ посланъ Сальватьеррой, чтобы замѣнить его въ его отсутствіе.

Великое соціальное движеніе, которому суждено измѣнить лицо міра, должно было начаться въ Хересѣ. Сальватьерра и другіе, не менѣе знаменитые люди, уже находились тайно въ городѣ и появятся въ рѣшительный моментъ. Войска примкнутъ къ революціонерамъ, какъ только они войдутъ въ городъ.

И довѣрчивые люди, съ пылкостью воображенія, свойственной ихъ расѣ, раздували эту вѣсть, украшая ее всевозможными подробностями. Слѣпая увѣренность распространялась по всѣмъ группамъ. Будетъ течь только кровь богачей. Солдаты за нихъ; офицеры тоже на сторонѣ революціи. Даже полиція, столь ненавистная рабочимъ, въ мигъ пріобрѣла симпатію. Треуголки тоже перешли на сторону народа. Во всемъ этомъ дѣйствовалъ Сальватьерра, и его имени было достаточно, чтобы всѣ повѣрили въ сверхъестественное чудо.

Самые старые, пережившіе сентябрьское возстаніе противъ Бурбоновъ, были самыми довѣрчивыми и спокойными. Они *видѣли*, и не нуждались въ томъ, чтобы кто-нибудь представлялъ имъ какія-либо доказательства. Возмутившіеся генералы, командующіе эскадрой, были лишь автоматами великаго человѣка этой страны. Донъ Фернандо сдѣлалъ все: онъ взбунтовалъ суда, поднялъ батальоны въ Алколеѣ противъ войскъ, шедшихъ изъ Мадрида. А то, что онъ сдѣлалъ для того, чтобы низложить королеву и учредить неудачную семимѣсячную республику, развѣ онъ не можетъ повторить, когда дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о завоеваніи хлѣба для бѣдныхъ?..

Исторія этой страны, традиціи самой мѣстности, провинціи постоянныхъ революцій, вліяли на довѣрчивость народа. Они видѣли, съ какой легкостью, въ одну ночь, опрокидывались троны и министерства, даже брались въ плѣнъ короли, и никто не сомнѣвался въ возможности революціи, болѣе важной, чѣмъ предыдущія, такъ какъ она обезпечивала благосостояніе несчастныхъ.

Часы шли, и солнце начало садиться, а толпа все еще не знала хорошенько, чего она ждетъ, и до какихъ поръ еще останется здѣсь.

Дядя *Юла* переходилъ отъ одной группы къ другой, чтобъ удовлетворить свое любопытство. Онъ убѣжалъ изъ Матанцуэлы, поссорившись съ старухой, которая загораживала ему дорогу, и не послу-

шавшись Рафаэля, убѣждавшаго его, что въ его годы не слѣдуетъ пускаться въ такія приключенія. Онъ желалъ видѣть вблизи, что такое *риголюція* бѣдняковъ присутствовать при благословенномъ моментѣ (если онъ наступитъ), когда труженики земли раздѣлятъ ее всю на маленькіе участки и населятъ огромныя, пустынныя помѣстья, осуществивъ его мечту.

Онъ пытался узнавать людей своими слабыми глазами, удивляясь неподвижности группъ, неувѣренности, отсутствію плана.

— Я служилъ, ребята—говорилъ онъ;—былъ на войнѣ, а то, что вы готовите сейчасъ, все равно, сраженіе. Гдѣ у васъ знамя? Гдѣ генералъ?..

Но сколько онъ ни смотрѣлъ своими тусклыми глазами, онъ видѣлъ только группы людей, видимо отупѣвшихъ отъ безконечнаго ожиданія. Ни генерала, ни знамени!

— Плохо, плохо,—бормоталъ Юла.—Кажется, я вернусь на мызу. Старуха была права: это пахнетъ висѣлицей.

Другой любопытный тоже бродилъ между группами, прислушиваясь къ разговорамъ. Это былъ Алькапарронъ, въ двойной шляпѣ, надвинутой по самыя уши, и по бабьи шевелившій тѣломъ подъ оборваннымъ платьемъ. Рабочіе встрѣчали его смѣхомъ. Онъ тоже здѣсь? Ему дадутъ ружье, когда войдутъ въ городъ: любопытно посмотрѣть, будетъ-ли онъ драться съ буржуями, какъ храбрый малый.

Но гитанъ отвѣчалъ на это предложеніе забавными жестами испуга. Люди его расы не любятъ воевать Ему взять ружье! Много-ли они видѣли гитановъ, которые поступали въ солдаты!

— Грабить то ты будешь,—говорили ему другіе.—Когда придетъ время дѣлежа, здорово ты растолстѣешь, разбойникъ.

И Алькапарронъ смѣялся, какъ дуракъ, потирая руки при мысли о грабежѣ, и чувствуя, какъ въ немъ просыпаются атавистическіе инстинкты расы.

Бывшій рабочій Матанцуэлы напомнилъ ему о двоюродной сестрѣ, Мари-Крупъ.

— Если ты мужчина, Алькапарронъ, то сегодня ночью можешь отомстить. Возьми эту косу и проткни ею брюхо дону Луису.

Цыганъ оттолкнулъ смертоносное орудіе и убѣжалъ отъ группы, скрывая слезы.

Начинало вечерѣть. Рабочіе, утомленные ожиданіемъ, задвигались, издавая негодующія восклицанія. Эй! кто тутъ распоряжается! Что же намъ всю ночь оставаться въ Каулинѣ! Гдѣ Сальватьерра? Пусть онъ явится!.. Безъ него они не пойдутъ никуда.

Нетерпѣніе и неудовольствіе сейчасъ же вызвали появленіе начальника. Громовой голосъ Хуанона покрылъ всѣ крики. Его атлетическія руки поднялись надъ головами.

— Кто распорядился собрать насъ?.. *Мадриленьо*? Такъ пусть онъ придетъ; пусть его отыщутъ!

Городскіе рабочіе, ядро товарищей по *идеѣ*, вышедшіе изъ Хереса, и обязавшіеся вернуться съ сельскими рабочими, сгруппировались вокругъ Хуанона, угадывая въ немъ начальника, который объединитъ всѣ воли.

Наконецъ, нашли *Мадриленьо*, и Хуанонъ подошелъ къ нему, узнать, что они здѣсь дѣлаютъ. Пріѣзжій заговорилъ очень многословно, но не сказалъ, въ сущности, ничего.

— Мы собрались для революціи, вотъ именно: для соціальной революціи.

Хуанонъ затопалъ отъ нетерпѣнія. А Сальватьерра? Гдѣ донъ Фернандо?... *Мадриленьо* не видѣлъ его, но зналъ, ему говорили, что онъ въ Хересѣ и дожидается вступленія народа. Онъ зналъ также, или вѣрнѣе, ему говорили, что войска съ ними. Тюремная стража снята. Имъ нужно только явиться, и солдаты сами откроютъ ворота, и освободятъ всѣхъ заключенныхъ товарищей.

Гигантъ задумался на минуту, почесывая лобъ, какъ будто хотѣлъ помочь этимъ почесываньемъ ходу своихъ запутанныхъ мыслей.

— Ладно,—воскликнулъ онъ послѣ продолжительной паузы.—Дѣло сводится къ тому, чтобы быть мужчинами, или не быть ими: войти въ городъ,—выйдешь изъ него или нѣтъ,—или отправляться спать.

Въ глазахъ его сверкала холодная рѣшимость, фанатизмъ тѣхъ, которые рѣшаются быть вождями людей. Онъ бралъ на себя отвѣтственность за возстаніе, котораго не готовилъ. Онъ зналъ о мятежномъ движеніи столько же, сколько и весь этотъ народъ, казалось поглощеный вечернимъ сумракомъ, и не могущій объяснить себѣ, зачѣмъ онъ здѣсь.

— Товарищи!—закричалъ онъ повелительно. — Въ Хересъ, всѣ, у кого есть печенка! Идемъ освобождать изъ тюрьмы нашихъ несчастныхъ братьевъ... Сальватьерра тамъ.

Первымъ, приблизившимся къ этому неожиданному вождю, оказался Пакоэль де Требухенья, бунтарь-рабочій, прогнанный изъ всѣхъ имѣній, и разъѣзжавшій по деревнямъ на ослѣ, продавая водку и революціонные листки.

— Я иду съ тобой, Хуанонъ, разъ товарищъ Фернандо насъ ждетъ.

— Тотъ, кто мужчина, въ комъ есть стыдъ, пусть идетъ за мной!— продолжалъ кричать Хуанонъ, не зная хорошенько, куда вести товарищей.

Но несмотря на его воззванія къ мужественности и стыду, большая часть собравшихся инстинктивно отступала. Ропотъ недовѣрія, огромнаго разочарованія поднялся въ толпѣ. Большинство сразу перешло отъ шумнаго одушевленія къ нерѣшительности и страху. Ихъ южная фантазія, всегда наклонная къ неожиданному и чудесному, заставила ихъ повѣрить въ появленіе Сальватьерры и другихъ знаменитыхъ революціонеровъ, верхомъ на горячихъ коняхъ, въ видѣ воинственныхъ и непобѣдимыхъ вождей, сопровождаемыхъ большой арміей, чу-

деснымъ образомъ выросшей изъ подъ земли. Одно дѣло сопровождать этихъ могущественныхъ помощниковъ при ихъ вступленіи въ Хересъ, оставивъ себѣ легкую задачу убивать побѣжденныхъ и отбирать себѣ ихъ богатства! А вмѣсто этого, имъ говорятъ о томъ, чтобы итти однимъ въ этотъ городъ, вырисовывавшійся на горизонтѣ, въ послѣднемъ заревѣ заката и точно дьявольски подмигивавшій имъ красноватыми глазами своихъ фонарей, какъ бы заманивая ихъ въ засаду. Они не дураки. Жизнь въ чрезмѣрной работѣ и въ постоянномъ голодѣ тяжела, но смерть еще хуже. Домой! домой!..

И группы начали расходиться въ направленіи, противуположномъ городу, теряясь во мракѣ и не желая слушать брани Хуанона и наиболѣе возбужденныхъ.

Послѣдніе, опасаясь, что неподвижность усилитъ дезертирство, дали приказъ двинуться въ походъ.

— Въ Хересъ! въ Хересъ!

Они пустились въ путь. Ихъ было около тысячи; городскіе рабочіе и люди—хищники, явившіеся на собраніе, почуявъ кровь и не могшіе уйти, точно ихъ задерживалъ инстинктъ, бывшій сильнѣе ихъ воли.

Рядомъ съ Хуанономъ, въ числѣ самыхъ воодушевленныхъ, шелъ *Маэстрико*, юноша, проводившій въ людской ночи, учась читать и писать.

— Мнѣ кажется, что дѣло не ладно,—говорилъ онъ своему могучему товарищу. — Мы идемъ въ слѣпую. Я видѣлъ людей, которые бѣжали въ Хересъ, предупредить о нашемъ приходѣ. Насъ ждутъ; только ничего изъ этого не выйдетъ хорошаго.

— Молчи, *Маэстрико*,—отвѣтилъ повелительно предводитель, который, гордясь своей ролью, принималъ за непочтительность малѣйшія замѣчанія.—Молчи; вотъ именно. А если боишься, проваливай, какъ другіе. Намъ здѣсь не нужно трусовъ.

— Я трусъ!—воскликнулъ простодушно юноша. — Впередъ, Хуанонъ. Стоитъ-ли того жизнь, чтобы быть трусомъ!..

Шли молча, опустивъ голову, словно готовились аттаковать городъ. Торопились, точно желали какъ можно скорѣе выйти изъ неизвѣстности, сопровождавшей ихъ въ ихъ шествіи.

Мадриленьо объяснилъ свой планъ. Прежде всего къ тюрьмѣ: освободить заключенныхъ товарищей. Тамъ къ нимъ присоединятся войска. И Хуанонъ, какъ будто ничто не могло устроиться безъ его голоса, громко повторилъ:

— Къ тюрьмѣ, ребята! Спасать нашихъ братьевъ.

Они описали большой кругъ, чтобы войти въ городъ по маленькому проулку, какъ будто имъ стыдно было ступать по широкимъ и хорошо освѣщеннымъ улицамъ. Многіе изъ этихъ людей бывали въ Хересѣ очень рѣдко, не узнавали улицъ и шли за вожаками съ покорностью стада, съ безпокойствомъ думая, какимъ образомъ отсюда выбраться, если придется.

Безмолвная и черная лавина подвигалась съ глухимъ топотомъ шаговъ, волновавшимъ улицу. Въ домахъ запирались двери, въ окнахъ исчезалъ свѣтъ. Съ одного балкона какая то женщина обругала ихъ:

— Канальи! Хамы! Вотъ, подождите, повѣсятъ васъ, какъ вы того стоите!

И съ балкона полетѣлъ глиняный горшокъ, разбившійся со звономъ о камни мостовой, но ни въ кого не попавшій. Это была *Маркизочка*, которая съ балкона свиного торговца возмущалась этимъ сбродомъ, противнымъ своей грубостью и осмѣливающимся угрожать порядочнымъ людямъ.

Только немногіе подняли голову. Остальные шли впередъ, равнодушные къ смѣшному нападенію и желая какъ можно скорѣе встрѣтиться съ друзьями. Городскіе жители узнали *Маркизочку* и, удаляясь, отвѣчали на ея брань столь же классическими, сколь и циничными словами. Ну, и заноза же баба! Еслибъ они не спѣшили, слѣдовало бы поднять ей юбки, всыпать горяченькихъ...

Колонна нѣсколько порѣдѣла, поднимаясь по косогору, ведшему къ Тюремной Площади, самому мрачному мѣсту въ городѣ. Многіе изъ бунтовщиковъ вспомнили товарищей изъ *Черной Руки*: здѣсь ихъ повѣсили.

Площадь была пустынна: въ бывшемъ монастырѣ, превращенномъ въ тюрьму, были закрыты всѣ отверстія, сквозь рѣшетки не было видно ни одного огонька. Даже часовой спрятался за главный портикъ.

Голова колонны остановилась, ступивъ на площадь, удерживаясь отъ напора идущихъ сзади. Никого! Кто же имъ поможетъ? Гдѣ солдаты, которые должны были присоединиться къ нимъ.

Они скоро узнали это. Изъ-за низкой рѣшетки мелькнулъ бѣглый огонекъ, красная полоса, расплывшаяся въ дымъ. Потомъ еще и еще, до девяти разъ, показавшихся неподвижнымъ отъ изумленія людямъ безконечнымъ числомъ. То были часовые, стрѣлявшіе раньше, чѣмъ они подошли подъ выстрѣлы.

Изумленіе и ужасъ придали нѣкоторымъ наивный героизмъ. Они подвигались, крича, съ распростертыми объятіями.

— Не стрѣляйте, братья, насъ продали!.. Братья, мы пришли не для дурного!..

Но «братья» были глухи и продолжали стрѣлять. Въ толпѣ вдругъ началось паническое бѣгство. Всѣ побѣжали внизъ, храбрые и трусы, толкаясь, опрокидывая другъ друга, какъ будто ихъ стегали по плечамъ эти выстрѣлы, продолжавшіе оглашать пустынную площадь.

Хуанону и наиболѣе энергичнымъ удалось задержать на углу потокъ людей. Группы снова составились, но убавились и порѣдѣли. Ихъ было уже не болѣе шестисотъ человѣкъ. Довѣрчивый предводитель ругался глухимъ голосомъ.

— Эй, гдѣ же *Мадриленьо*: пусть онъ объяснитъ намъ, что это значитъ?

Но искать его было безполезно. *Мадриленьо* исчезъ въ суматохѣ, скрылся въ темныхъ уличкахъ, при звукѣ выстрѣловъ, какъ и всѣ, знавшіе городъ. Около Хуанона остались только жители горъ, шедшіе по улицамъ ощупью, удивляясь, что нигдѣ никого нѣтъ, точно городъ весь вымеръ.

— Сальватьерры нѣтъ въ Хересѣ, и ничего онъ объ этомъ не знаетъ,—сказалъ *Маэстрико* Хуанону.—Мнѣ кажется,—насъ обманули.

— И мнѣ сдается тоже,—отвѣтилъ атлетъ.—А что же намъ дѣлать? Разъ ужъ мы здѣсь, пойдемъ въ центръ Хереса, на Широкую улицу.

Они въ безпорядкѣ пошли внутрь города. Ихъ успокаивало и подбадривало то, что они не встрѣчали ни препятствій, ни враговъ. Гдѣ же полиція? Почему войска прячутся. Тотъ фактъ, что они оставались запертыми въ казармахъ, предоставивъ городъ въ ихъ распоряженіе, внушалъ имъ нелѣпую надежду на возможность появленія Сальватьерры, во главѣ взбунтовавшихся войскъ.

Они дошли совершенно безпрепятственно до Широкой улицы. Ни какихъ предосторожностей противъ ихъ прихода. На улицѣ не было видно прохожихъ, но балконы въ клубахъ были освѣщены, и въ нижнихъ этажахъ не было никакихъ запоровъ.

Мятежники прошли мимо собраній богачей, бросая на нихъ взгляды ненависти, но почти не останавливаясь. Хуанонъ ожидалъ вспышки злобы со стороны несчастнаго стада; онъ готовился даже вмѣшаться и своимъ авторитетомъ начальника предотвратить катастрофу.

— Вотъ они, богачи!—говорили въ группахъ.

— Тѣ, кто насъ угощаетъ собачьими похлебками.

— Тѣ, что насъ грабятъ. Смотрите, какъ они пьютъ нашу кровь!..

И послѣ короткой остановки, они поспѣшно шли дальше, словно куда то направлялись и боялись опоздать.

Они несли съ собой страшныя серпы, косы, навахи... Пусть выйдутъ богачи и увидятъ, какъ покатятся ихъ головы по мостовой! Но они должны выйти на улицу, потому что всѣмъ имъ было противно разбивать окна и стеклянныя двери, точно стекло было непроницаемой стѣной.

Долгіе годы подчиненія и трусости сказались въ этихъ грубыхъ людяхъ, очутившихся лицомъ къ лицу съ богачами. Къ тому же, ихъ стѣснялъ свѣтъ большой улицы, ея широкіе троттуары съ рядами фонарей, красный блескъ балконовъ. Всѣ мысленно приводили тотъ же предлогъ въ оправданіе своей слабости. Вотъ, еслибъ встрѣтиться съ этимъ народомъ на открытомъ полѣ!..

Когда они проходили мимо *Клуба Наѣздниковъ*, то у оконъ появились головы нѣсколькихъ молодыхъ людей. То были сеньоры, съ

плохо скрываемымъ безпокойствомъ слѣдившіе за шествіемъ забастовщиковъ. Но, когда тѣ прошли дальше, глаза ихъ заблестѣли ироніей, и къ нимъ вернулась увѣренность въ превосходствѣ ихъ касты.

— Да здравствуетъ Соціальная Революція!—крикнулъ *Маэстрико*, точно ему обидно было пройти молча мимо этого гнѣзда богачей.

Любопытные исчезли, но, прячась, смѣялись, такъ какъ этотъ возгласъ очень развеселилъ ихъ. Если они ограничатся только криками!..

Въ безцѣльномъ шествіи своемъ, они достигли Новой Площади и, видя, что начальникъ остановился, сгруппировались вокругъ него, съ вопросительными взглядами.

— А теперь что мы будемъ дѣлать?—спрашивали они наивно.— Куда мы пойдемъ?

Хуанонъ сдѣлалъ свирѣпое лицо.

— Куда хотите—для того, что мы дѣлаемъ, это все равно!.. Я хочу освѣжиться.

И завернувшись въ плащъ, онъ прислонился спиной къ фонарному столбу и замеръ въ неподвижности, всѣмъ видомъ своимъ свидѣтельствуя объ охватившемъ его уныніи.

Рабочіе разсѣялись, раздѣлившись на маленькія кучки. Появились начальники, ведшіе товарищей въ разныя стороны. Городъ принадлежалъ имъ, теперь начнется настоящее дѣло! Проявился инстинктъ расы, неспособной сдѣлать что-нибудь сообща, лишенной коллективнаго чувства и чувствующей себя сильной и предпріимчивой только тогда, когда каждый индивидуумъ можетъ работать по собственному внушенію.

Широкая улица потемнѣла; клубы закрылись. Послѣ жестокаго волненія пережитаго богачами, при видѣ угрожающаго шествія, они боялись возврата звѣря, раскаявшагося въ своемъ великодушіи, и всѣ двери закрылись.

Одна большая группа направилась къ театру. Тамъ были богачи, буржуи. Нужно убить ихъ всѣхъ: вотъ, это будетъ настоящая драма. Но дойдя до освѣщеннаго входа, рабочіе остановились съ боязнью, въ которой было нѣчто религіозное. Они никогда не входили туда. Горячій воздухъ, напоенный испареніями газа, и шумъ безчисленныхъ голосовъ, доносившійся изъ-за стеклянныхъ дверей, смущали ихъ, какъ дыханье чудовища, скрытаго за красными занавѣсами вестибиля.

— Пусть выйдутъ! пусть выйдутъ, и узнаютъ, гдѣ раки зимуютъ!..

У дверей показалось нѣсколько зрителей, привлеченныхъ слухомъ о вторженіи рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, въ господскомъ пальто и шляпѣ, рѣшился подойти даже къ закутаннымъ въ плащи людямъ, столпившимся противъ театра.

Они бросились на него и окружили, размахивая косами и серпетками, въ то время, какъ другіе зрители бѣжали, спасаясь въ театрѣ. Ага! наконецъ-то они нашли, кого искали! Это былъ буржуа, сытый

буржуа, изъ котораго надо выпустить кровь, чтобы онъ вернулъ народу все, что поглотилъ...

Но *буржуа*, коренастый молодой человѣкъ, съ спокойнымъ и открытымъ взглядомъ, остановилъ ихъ жестомъ.

— Что вы, товарищи! Я такой же рабочій, какъ и вы!

— Руки; покажи руки!—заревѣли нѣкоторые рабочіе, не опуская грозно поднятаго оружія.

И изъ подъ полъ плаща протянулись сильныя, квадратныя руки, съ обломанными отъ работы ногтями. Одинъ за другимъ, рабочіе подходили и гладили его ладони, ощупывая мозоли. Мозоли были: это свой. И грозное оружіе снова скрылось подъ плащами.

— Да, я изъ вашихъ,—продолжалъ молодой человѣкъ.—Я плотникъ, но мнѣ нравится одѣваться по господски, и вмѣсто того, чтобы по вечерамъ сидѣть въ тавернахъ, я хожу въ театръ. У всякаго свой вкусъ.

Эта ошибка такъ обезкуражила забастовщиковъ, что многіе изъ нихъ удалились. Чертъ побери! да куда же запрятались богачи?..

Они шли по широкимъ улицамъ и по глухимъ переулкамъ, маленькими кучками, желая встрѣтить кого нибудь и осмотрѣть ему руки. Это было лучшимъ средствомъ узнать враговъ бѣдныхъ. Но ни съ мозолями, ни безъ мозолей, никого не было видно.

Городъ казался пустыннымъ. Жители, видя, что войска скрываются въ казармахъ, запирались въ домахъ, преувеличивая размѣры нашествія, и думая, что улицы и окрестности города заняты цѣлыми милліонами людей.

Кучка въ пять человѣкъ наткнулась на переулкѣ на одного господина. Это были самые свирѣпые изъ всей банды люди, въ которыхъ горѣла нетерпѣливая жажда убійства, и видѣвшіе, что часы идутъ, а кровь все не льется.

— Руки; покажи руки!—заревѣли они, окружая его и занося надъ его головой квадратные и блестящіе ножи.

— Руки!—отвѣтилъ съ раздраженіемъ господинъ, освобождаясь отъ нихъ.—А зачѣмъ мнѣ ихъ показывать? Не имѣю ни малѣйшаго желанія.

Но одинъ изъ нихъ схватилъ его за плечи своими лапами, и сильно дернувъ, заставилъ показать руки.

— Нѣтъ мозолей!—воскликнули они съ зловѣщей радостью.

И отступили на шагъ съ большей яростью. Но ихъ остановило спокойствіе молодого человѣка.

— Нѣтъ мозолей? Такъ что же? Но я такой же рабочій, какъ и вы. У Сальватьерры тоже ихъ нѣтъ, однако, едва-ли вы больше революціонеры, чѣмъ онъ!..

Имя Сальватьерры, казалось, задержало въ воздухѣ занесенные ножи.

— Оставьте парня,—сказалъ за ихъ спинами голосъ Хуанона.— Я его знаю и отвѣчаю за него. Это другъ товарища Фернандо; онъ изъ *идейныхъ*.

Варвары съ нѣкоторымъ огорченіемъ отпустили Фермина Монтенегро. Присутствіе Хуанона внушало имъ уваженіе—кромѣ того, изъ глубины переулка, показался другой молодой человѣкъ. Этотъ ужъ не изъ *идейныхъ*: какой-нибудь выродокъ-буржуй, идущій домой.

Въ то время, какъ Монтенегро благодарилъ Хуанона за его вмѣшательство, спасшее ему жизнь, немного подальше произошла встрѣча рабочихъ съ прохожимъ.

— Руки, буржуа, покажи руки!

Буржуа былъ блѣдный юноша, мальчикъ лѣтъ семнадцати, въ поношенномъ платьѣ, но съ высокимъ воротникомъ и яркимъ галстухомъ—роскошь бѣдняковъ. Онъ дрожалъ отъ страха, показывая свои жалкія тонкія и малокровныя руки, руки писца, запертаго въ солнечные часы въ темной конторѣ. Онъ плакалъ, оправдываясь несвязными словами, и смотря на серпетки остановившимися отъ ужаса глазами точно его гипнотизировала холодная сталь. Онъ шелъ изъ конторы... засидѣлся... сводили балансъ.

— Я зарабатываю двѣ пезеты, сеньоры... двѣ пезеты. Не бейте меня... я иду домой; мать ждетъ меня... ааай...

Это былъ крикъ боли, страха, отчаянія, взволновавшій всю улицу, и юноша упалъ навзничъ на землю.

Хуанонъ и Ферминъ, содрагаясь отъ ужаса, подбѣжали къ группѣ и увидѣли въ центрѣ ея мальчика, лежащаго головой въ черной лужѣ, которая все увеличивалась. Ноги его вздрагивали въ конвульсіяхъ агоніи. Серпетка раскроила ему голову, пробивъ кости.

Звѣри, видимо, были удовлетворены своимъ дѣломъ.

— Смотри-ка,—сказалъ одинъ.—Выученикъ буржуевъ! Дохнетъ, какъ цыпленокъ... Придетъ очередь и учителямъ.

Хуанонъ разразился проклятіями. Это все, что они умѣютъ дѣлать? Трусы! Проходили мимо собраній, гдѣ были богачи, настоящіе враги, не посмѣвъ поднять голоса, боясь разбить стекла, бывшія ихъ единственной защитой. Они годны только на то, чтобы убить ребенка, такого же рабочаго, какъ они, бѣднаго конторщика, зарабатывавшаго двѣ пезеты и, можетъ быть, содержавшаго свою мать.

Ферминъ боялся, чтобы атлетъ не бросился съ навахой на своихъ товарищей.

— Куда пойдешь съ такими скотами!—рычалъ Хуанонъ.—Далъ бы Богъ и дьяволъ, чтобы насъ всѣхъ схватили и вздернули. И меня перваго за глупость; за то, что повѣрилъ, что они годны на что нибудь.

Несчастный малый удалился, желая избѣжать стычки съ своими свирѣпыми товарищами. Тѣ тоже разошлись, точно слова великана вернули имъ разсудокъ.

Оставшись одинъ около трупа, Монтенегро испугался. На улицѣ, послѣ поспѣшнаго бѣгства убійцъ, начали раскрываться окна, и онъ побѣжалъ, боясь, что его застанутъ около убитаго.

Онъ остановился, только выбравшись на большія улицы. Ему казалось, что здѣсь онъ въ большей безопасности отъ сорвавшихся съ цѣпи звѣрей, требовавшихъ, чтобы имъ показывали руки.

Вскорѣ ему показалось, что городъ просыпается. Вдали послышался топотъ, отъ котораго задрожала земля, и немного спустя по Большой улицѣ крупной рысью проѣхалъ эскадронъ уланъ. Потомъ, въ концѣ улицы заблестѣли ряды штыковъ, и мѣрнымъ шагомъ прошла пѣхота. Фасады большихъ домовъ точно развеселились и открыли сразу свои двери и балконы.

Войска разсыпались по всему городу. При свѣтѣ фонарей заблестѣли каски кавалеристовъ, штыки пѣхотинцевъ и лакированныя треуголки полицейскихъ. Во мракѣ выдѣлялись красныя пятна панталонъ солдатъ и желтые ремни полиціи.

Власти, державшія эти войска взаперти, рѣшили, что насталъ моментъ пустить ихъ въ ходъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, городъ не оказывалъ сопротивленія и былъ утомленъ однообразнымъ ожиданіемъ, въ виду сдержанности бунтовщиковъ. Но теперь кровь уже пролилась. Достаточно было одного трупа, трупа, который оправдывалъ бы страшныя репрессіи, чтобы власти проснулись отъ своего намѣреннаго сна.

Ферминъ съ глубокой скорбью думалъ о несчастномъ писцѣ, валявшемся тамъ, въ переулкѣ, о жертвѣ, эксплуатируемой въ самой смерти и послужившей предлогомъ, котораго искали сильные.

Во всемъ Хересѣ началась охота за людьми. Патрули полицейскихъ и линейныхъ солдатъ неподвижно охраняли входы и выходы улицъ, а кавалерія и отряды пѣхоты обыскивали городъ, задерживая подозрительныхъ лицъ.

Ферминъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, не встрѣчая препятствій. Онъ былъ похожъ на барина, а войска охотились только за плащами, за деревенскими шляпами, за грубыми блузами, за всѣми, имѣвшими видъ рабочихъ. Монтенегро видѣлъ, какъ они проходили рядами, по направленію къ тюрьмѣ, между штыками и крупами лошадей, одни подавленные, словно ихъ поражало враждебное появленіе вооруженной силы, которая «должна была примкнуть къ нимъ»; другіе, удивленные, не понимающіе, почему вереницы плѣнныхъ возбуждали такую радость на Большой улицѣ, когда нѣсколько часовъ тому назадъ они торжествующе прошли по ней, не позволивъ себѣ ни малѣйшаго безчинства.

Это было непрерывное шествіе арестованныхъ, схваченныхъ въ ту минуту, когда они намѣревались выйти изъ города. Другихъ задержали въ тавернахъ или похватали случайно, во время обхода улицъ.

Нѣкоторые были городскими жителями. Они вышли изъ домовъ не за долго до этого, видя, что нашествіе кончилось, но одного ихъ вида было достаточно для того, чтобы ихъ арестовали, какъ мятежниковъ. И группы арестованныхъ все шли и шли, безъ конца. Тюрьма оказалась слишкомъ мала для столькихъ людей. Многихъ отвели въ войсковыя казармы.

Ферминъ почувствовалъ себя усталымъ. Съ самыхъ сумерокъ онъ бродилъ по Хересу, ища одного человѣка. Нашествіе забастовщиковъ, неизвѣстность того, чѣмъ кончится это приключеніе, отвлекли его на нѣсколько часовъ, заставивъ забыть о своихъ дѣлахъ. Но теперь, когда событіе кончилось, онъ чувствовалъ, что нервное возбужденіе его падаетъ, и что имъ овладѣваетъ утомленіе.

На минуту онъ подумалъ было пойти въ свою гостиницу. Но дѣла его были не такого рода, чтобы ихъ можно было отложить назавтра. Необходимо было въ эту же ночь, сейчасъ же, покончить съ вопросомъ, заставившимъ его бѣжать, какъ безумнаго, изъ отеля дона Пабло, разставшись съ нимъ навсегда.

Онъ снова сталъ бродить по улицамъ, ища того, кого ему было нужно, и не обращая вниманія на проходившія мимо него вереницы арестованныхъ.

Около Новой Площади, наконецъ, произошла желанная встрѣча.

– Да здравствуетъ полиція! Да здравствуютъ порядочные люди!..

Это кричалъ Луисъ Дюпонъ, среди молчанія, въ которое погрузило городъ такое количество ружей на его улицахъ. Онъ былъ пьянъ; это ясно доказывали его блестящіе глаза и зловонное дыханіе. Позади него шелъ *Козелъ* и трактирный слуга съ стаканами въ рукахъ и бутылками въ карманахъ.

Узнавъ Фермина, Луисъ кинулся къ нему на шею и хотѣлъ поцѣловать его. Что за день! А! какая побѣда! И говорилъ это такъ, какъ будто одинъ разогналъ забастовщиковъ.

Узнавъ, что эта сволочь идетъ въ городъ, онъ забрался съ своимъ храбрымъ наперсникомъ въ трактиръ *Монтаньеса* и велѣлъ хорошенько запереть двери, чтобы имъ не помѣшали. Нужно было собраться съ мыслями, выпить немножко, прежде чѣмъ приняться за дѣло. У нихъ было достаточно времени, чтобы разстрѣлять этотъ сбродъ. Онъ и *Козелъ* взяли это на себя. Нужно было, чтобы врагъ позабавился и осмѣлѣлъ, до надлежащаго момента, когда оба они появятся, какъ посланники смерти. И, наконецъ, они вышли съ револьверомъ въ одной рукѣ и ножомъ въ другой: *конецъ* свѣта! но такъ неудачно, что встрѣтили уже войска на улицахъ. Но все-таки кое-что они сдѣлали.

— Я,—говорилъ пьяница съ гордостью,—помогъ арестовать больше дюжины. Кромѣ того, раздалъ, не знаю сколько пощечинъ этому народу, который, вмѣсто того, чтобы смириться, еще дурно отзывался

о порядочныхъ людяхъ... Ну, да они хорошую получатъ трепку!.. Да здравствуетъ полиція! Да здравствуютъ богачи!

И, словно эти восклицанія высушили ему горло, онъ сдѣлалъ знакъ *Козлу*, который подбѣжалъ и подалъ ему двѣ кружки съ виномъ.

— Пей!—приказалъ Луисъ пріятелю.

Ферминъ покачнулся.

— Я не хочу пить,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.—Я хочу поговорить съ тобой, и сейчасъ. Поговорить кое-о-чемъ, очень интересномъ.

— Ладно, поговоримъ,—отвѣчалъ молодой сеньоръ, не придавая значенія просьбѣ.—Будемъ говорить хоть три дня подрядъ, но раньше я долженъ исполнить долгъ. Хочу предложить по рюмочкѣ всѣмъ, которые вмѣстѣ со мной спасли Хересъ. Потому что, повѣрь мнѣ, Ферминъ, это я, я одинъ остановилъ этихъ негодяевъ. Въ то время, какъ войска находились въ казармахъ, я былъ на своемъ посту. Мнѣ кажется, городъ долженъ отблагодарить меня, сдѣлавъ для меня что-нибудь!..

Проѣхалъ кавалерійскій отрядъ, шедшій рысью. Луисъ подбѣжалъ къ офицеру, поднявъ вверхъ рюмку съ виномъ; но офицеръ проѣхалъ мимо, не обративъ вниманія на угощеніе, сопровождаемый солдатами, чуть не раздавившими сеньора.

Но пылъ его не охладился отъ этого невниманія.

— Оле, молодцы кавалеристы!—крикнулъ онъ, бросая шляпу къ заднимъ ногамъ лошади.

И поднявъ ее, выпрямился, и съ серьезнымъ лицомъ, приложивъ руку къ груди, прокричалъ:

— Да здравствуетъ армія!

Ферминъ не хотѣлъ его выпустить и, вооружившись терпѣніемъ, сопровождалъ его въ его путешествіи по улицамъ. Сеньоръ останавливался передъ группами солдатъ, подзывая своихъ двухъ спутниковъ съ запасомъ бутылокъ и рюмокъ.

— Оле, да здравствуютъ храбрецы! Да здравствуетъ кавалерія... и пѣхота... и артиллерія, хотя ея не было!.. Рюмочку, поручикъ.

Офицеры, разстроенные этимъ глупымъ днемъ, безъ славы и безъ опасностей, съ строгими лицами отстраняли пьянаго: Проходите! Здѣсь никто не пьетъ.

— Ну, если вы не можете пить,—приставалъ сеньоръ съ пьяной настойчивостью—то я выпью за васъ. За здоровье всѣхъ красивыхъ мужчинъ!.. Смерть негодяямъ!

Въ концѣ концовъ ему надоѣло переходить отъ группы къ группѣ, вездѣ встрѣчая отказы, и онъ счелъ свою экспедицію конченной. Совѣсть его была спокойна: онъ угостилъ всѣхъ героевъ, которые помогли ему спасти городъ. Теперь въ домъ Монтаньеса, закончить ночь.

Очутившись въ кабинетѣ ресторана передъ новыми бутылками, Ферминъ рѣшилъ, что пришелъ моментъ приступить къ дѣлу.

— Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой, Луисъ. Кажется, тебѣ сказалъ уже объ этомъ.

— Помню... ты хотѣлъ поговорить... Говори, сколько хочешь.

Онъ былъ такъ пьянъ, что глаза его слипались, и голосъ былъ гнусавъ, какъ у старика.

Ферминъ взглянулъ на *Козла*, по обыкновенію, усѣвшагося рядомъ съ своимъ покровителемъ.

— Я хочу поговорить съ тобой, Луисъ, объ очень щекотливомъ дѣлѣ... безъ свидѣтелей...

— Ты это насчетъ *Козла*?—воскликнулъ Дюпонъ, открывъ глаза.— Козелъ—этотъ: онъ знаетъ про меня все. Еслибъ сюда пришелъ мой кузенъ Пабло говорить со мной о своихъ дѣлахъ, то *Козелъ* остался бы и слушалъ бы все. Говори безъ страха! Это все равно, что я!

Монтенегро рѣшилъ примириться съ присутствіемъ этого ястреба, не желая откладывать долго жданнаго объясненія.

Онъ говорилъ съ нѣкоторой робостью, маскируя свою мысль, взвѣшивая слова, чтобы ихъ могли понять только они двое, и чтобы буянъ остался въ невѣдѣніи.

Если онъ его искалъ, то Луисъ могъ уже догадаться зачѣмъ... *Онъ знаетъ все.* Воспоминаніе о случившемся въ послѣднюю ночь уборки винограда въ Марчамалѣ, навѣрно, не изгладилось въ его памяти. Такъ вотъ: онъ явился для того, чтобы Луисъ исправилъ сдѣланное зло. Онъ всегда считалъ его другомъ и надѣется, что онъ такъ и будетъ вести себя.. потому что иначе...

Отъ усталости, нервнаго возбужденія полной волненій ночи, Ферминъ не могъ долго притворяться, и угроза слетѣла съ его губъ, засверкавъ въ то же время въ глазахъ.

Выпитое вино жгло ему желудокъ, точно превратившись въ ядъ отъ отвращенія, которое онъ испытывалъ, принимая его изъ этихъ рукъ.

Дюпонъ, слушая Монтенегро, притворился болѣе пьянымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, чтобы скрыть свое смущенье.

Угроза Фермина заставила Козла выйти изъ неподвижности. Онъ счелъ необходимымъ вмѣшаться.

— Здѣсь никто не смѣетъ угрожать, эй вы, цыпленокъ!.. Тамъ, гдѣ *Козелъ*, никто не смѣетъ ничего сказать его сеньору.

Молодой человѣкъ вскочилъ въ запальчивости, устремивъ на злобное животное взбѣшенный взглядъ.

— Вы молчите!—сказалъ онъ повелительно.—Держите языкъ... въ карманѣ, или гдѣ угодно. Вы здѣсь ничто, и чтобы говорить со мной, должны спросить у меня позволенія.

Буянъ колебался въ нерѣшимости, подавленный запальчивостью молодого человѣка, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ оправиться отъ выговора, Ферминъ прибавилъ, обращаясь къ Луису.

— *И это ты* считаешь себя такимъ храбрымъ?.. Храбрый, а хо-

дишь повсюду съ провожатымъ, какъ школьникъ! Храбрый, а не можешь разстаться съ нимъ, чтобы поговорить наединѣ съ человѣкомъ. Тебѣ бы слѣдовало ходить въ короткихъ панталончикахъ!

Дюпонъ забылъ о своемъ опьяненіи, и выпрямился во весь ростъ передъ пріятелемъ, чтобы показать свою храбрость. Тотъ затронулъ какъ разъ самое его чувствительное мѣсто.

— Ты знаешь, Ферминильо, что я храбрѣе тебя, и что весь Хересъ меня боится. Увидишь, нужны ли мнѣ провожатые. Эй, *Козелъ*, проваливай.

Задира упирался и что то бормоталъ.

— Проваливай!—повторилъ сеньоръ, точно собираясь вытолкнуть его, съ заносчивостью безнаказанности.

Козелъ вышелъ, и пріятели снова сѣли. Луисъ уже не казался пьянымъ: скорѣе, онъ старался показаться трезвымъ, широко раскрывалъ глаза, какъ бы желая взглядомъ уничтожить Монтенегро.

— Если тебѣ угодно,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ, чтобы побольше напугать,—будемъ драться. Не здѣсь, потому что *Монтаньесъ* мнѣ пріятель, и я не желаю компрометировать его.

Ферминъ пожалъ плечами, презирая эту комедію устрашенія. Можно поговорить и о дуэли, но послѣ; смотря по тому, чѣмъ кончится ихъ разговоръ.

— Теперь къ дѣлу, Луисъ. Ты знаешь зло, которое ты сдѣлалъ. Чѣмъ же ты думаешь исправить его?

Сеньоръ снова утратилъ свою безмятежность, видя, что Ферминъ приступаетъ прямо къ непріятному вопросу. Господи, не онъ одинъ виноватъ. Это вино, проклятая пирушка, случайность... чрезмѣрная доброта; потому что, еслибъ онъ не былъ въ Марчамалѣ, соблюдая интересы своего кузена (недурно онъ его отблагодарилъ, проклятый!), то ничего бы не случилось. Но, въ концѣ концовъ, зло сдѣлано. Онъ кабальеро, дѣло идетъ о семьѣ пріятеля, и онъ не бѣжитъ отъ расплаты. Что желаетъ Ферминъ? Его состояніе, онъ самъ, все въ его распоряженіи. Онъ полагаетъ самымъ правильнымъ, чтобы они оба, сообща, назначили извѣстную сумму; онъ достанетъ ее, какимъ бы то ни было путемъ, и дастъ ее въ приданое малюткѣ, и чудо будетъ, если она не найдетъ себѣ хорошаго мужа.

Почему Ферминъ дѣлаетъ такое лицо? Онъ сказалъ что-нибудь несообразное?.. Ну, если ему не нравится это рѣшеніе, такъ онъ можетъ предложить другое. Марія де-ла-Луцъ можетъ жить съ нимъ. Онъ помѣститъ ее въ большомъ домѣ въ городѣ, она будетъ жить, какъ царица. Дѣвушка ему нравится: довольно она намучила его презрѣніемъ, которое проявляла къ нему съ той ночи. Онъ сдѣлалъ все, чтобы она была счастлива. Многіе богатые люди живутъ такъ съ женщинами, которыхъ всѣ уважаютъ, какъ законныхъ женъ; и если на нихъ не женятся, то только потому, что онѣ низкаго происхож-

денія... Это рѣшеніе ему тоже не нравится? Ну, такъ пусть Ферминъ предложитъ что-нибудь, и они покончатъ сразу.

— Да, надо покончить сразу,—повторилъ Монтенегро.—Поменьше словъ, потому что мнѣ больно говорить объ этомъ. Ты сдѣлаешь слѣдующее: пойдешь завтра къ своему двоюродному брату и скажешь ему, что, раскаиваясь въ своей винѣ, женишься на моей сестрѣ, какъ подобаетъ порядочному человѣку. Если онъ согласится—хорошо; если нѣтъ—все равно. Ты женишься и постараешься, исправившись, не сдѣлать несчастной свою жену.

Сеньоръ отодвинулъ съ шумомъ свой стулъ, пораженный чудовищной претензіей.

— Вотъ что!.. Жениться, ни болѣе, ни менѣе!.. Малаго же ты просишь!..

Онъ заговорилъ о своемъ двоюродномъ братѣ, предугадывая его несомнѣнный отказъ. Онъ не можетъ жениться. А его карьера? Его будущее? Семья его, вмѣстѣ съ отцами іезуитами, какъ разъ ведетъ переговоры о его бракѣ съ одной богатой дѣвушкой изъ Севильи, духовной дочерью отца Урицабала. И это для него очень важно, потому что состояніе его очень разстроено, а для его политической карьеры ему необходимо быть богатымъ.

— Жениться на твоей сестрѣ—нѣтъ,—заключилъ Дюпонъ.—Это безуміе. Ферминъ, подумай хорошенько: нелѣпость.

Ферминъ загорячился, отвѣчая. Нелѣпость. Согласенъ; но для бѣдной Марикиты. Подумаешь, какое счастье! Связать свою жизнь съ человѣкомъ, какъ онъ, переполненнымъ всякими пороками, и который не можетъ жить даже съ самыми презрѣнными женщинами въ округѣ! Для Маріи де-ла-Луцъ этотъ бракъ означалъ только новую жертву: но другого выхода, кромѣ этого, нѣтъ.

— Ты думаешь, я дѣйствительно желаю породниться съ тобой и радуюсь этому?.. Ошибаешься. Далъ бы Богъ, чтобъ у тебя никогда не являлось дурной мысли, сдѣлавшей несчастной мою сестру! Еслибъ этого не было, я не согласился бы имѣть тебя зятемъ, хотя бы ты на колѣняхъ просилъ меня, осыпанный милліонами... Но дѣло сдѣлано, и исправить его можно только однимъ этимъ путемъ, хотя бы мы всѣ умерли при этомъ отъ горя... Ты знаешь, я смѣюсь надъ бракомъ: это одна изъ многихъ глупостей, существующихъ въ мірѣ. Для того чтобы быть счастливыми, нужна любовь... и ничего больше. Я могу говорить такъ, потому что я мужчина, и потому что я плюю на общество и на то, что скажутъ. Но моя сестра женщина и чтобы ее уважали, чтобы она могла жить спокойно, она должна дѣлать то, что остальныя женщины. Она должна выйти замужъ за человѣка, соблазнившаго ее, хотя бы не питала къ нему ни капли расположенія. Она никогда не заговоритъ съ своимъ бывшимъ женихомъ: было бы подло обманывать его. Ты можешь сказать, пусть она останется не-

замужней и никто не узнаетъ, что было; но все, что дѣлается, становится извѣстнымъ. Ты самъ, если я тебя отпущу, когда-нибудь въ пьяномъ видѣ, похвастаешься своей удачей, лакомымъ кусочкомъ, которымъ попользовался на виноградникѣ своего двоюроднаго брата. Ей ей? Этого не будетъ! Здѣсь нѣтъ другого выхода, кромѣ брака.

И, со все болѣе рѣзкими словами, онъ напиралъ на Луиса, желая заставить его согласиться на его рѣшеніе.

Сеньоръ защищался со страхомъ человѣка, схваченнаго за горло.

— Ты заблуждаешься, Ферминъ,—говорилъ онъ.—Я вижу яснѣе тебя...

И, чтобы отдѣлаться, предлагалъ отложить разговоръ до завтра. Они разберутъ дѣло толковѣе... Боязнь, что его принудятъ принять предложеніе Монтенегро, заставляла его настаивать на отказѣ. Все, кромѣ женитьбы... Это невозможно; семья оттолкнетъ его, люди станутъ надъ нимъ смѣяться; онъ потеряетъ политическую карьеру,

Но Ферминъ настаивалъ съ твердостью, устрашавшей Луиса.

— Ты женишься; другого выхода нѣтъ. Ты сдѣлаешь то, что долженъ, или одинъ изъ насъ лишній на землѣ.

Манія величія снова проснулась въ Луисѣ. Онъ почувствовалъ себя сильнымъ, вспомнивъ, что *Козелъ* близко, и что, можетъ быть, онъ слышитъ его слова изъ сосѣдняго корридора.

Угрозы ему? Во всемъ Хересѣ нѣтъ человѣка, который посмѣетъ высказать ихъ безнаказанно. И онъ поднесъ руку къ карману, ощупывая непобѣдимый револьверъ, который чуть не спасъ города, удержавъ одинъ цѣлое нашествіе непріятеля. Прикосновеніе къ его стволу видимо придало ему новый задоръ.

— Ну, довольно! Я сдѣлаю то, что могу, чтобы все исправить, какъ порядочный человѣкъ, какимъ я всегда былъ. Но не женюсь, слышишь? Не женюсь!.. Кромѣ того, почему это непремѣнно я одинъ долженъ быть виноватъ?

Глаза его блеснули цинизмомъ. Ферминъ стиснулъ зубы и заложилъ руки въ карманы, откинувшись назадъ, словно боясь жестокихъ словъ, которыя готовились слетѣть съ устъ сеньора.

— А твоя сестра?—продолжалъ онъ.—Она развѣ не виновата? Ты несчастный младенецъ. Повѣрь мнѣ: ту, которая не захочетъ, нельзя изнасиловать. Я погибшій человѣкъ, пусть такъ; но твоя сестра... твоя сестра...

Онъ произнесъ оскорбительное слово, но его почти не было слышно.

Ферминъ вскочилъ съ такой силой, что стулья повалились и задрожалъ столъ, отъ толчка откатившійся къ стѣнѣ. Онъ держалъ въ рукѣ наваху Рафаэля, оружіе, два дня тому назадъ забытое имъ въ этомъ же ресторанѣ.

Револьверъ сеньора продолжалъ торчать изъ отверстія кармана, но рука уже не имѣла силы вытащить его.

Дюпонъ покачнулся, издалъ хрипъ задушаемаго животнаго, крикъ, ускорившій клокотанье черной жидкости, вытекавшей изъ его горла, какъ изъ разбитаго кувшина.

Потомъ повалился, загремѣвъ бутылками и рюмками, послѣдовавшими за нимъ при его паденіи, какъ будто вино желало смѣшаться съ его кровью.

X.

Прошло три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ сеньоръ Ферминъ покинулъ виноградникъ Марчамалы, и пріятели едва узнавали его, видя его сидящимъ на солнцѣ у двери жалкой лачуги, въ предмѣстьѣ Хереса, гдѣ онъ жилъ со своею дочерью.

— Бѣдный сеньоръ Ферминъ!—говорили люди, видя его.—Отъ него осталась одна тѣнь.

Онъ впалъ въ молчаливость, близкую къ идіотизму. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ неподвижно, съ опущенной головой, словно его давили воспоминанія. Когда дочь подходила къ нему, чтобы вести домой, или сказать, что обѣдъ поданъ, онъ точно пробуждался, отдавалъ себѣ отчетъ въ окружающемъ, и глаза его строго слѣдили за дѣвушкой.

— Дрянная женщина!—бормоталъ онъ.—Проклятая баба!

Она, одна она виновата въ несчастьи, обрушившемся на ихъ семью.

Гнѣвъ отца, придерживавшагося старинныхъ взглядовъ, неспособнаго къ нѣжности и прощенію, его мужская гордость, заставлявшая его всегда считать женщину низшимъ существомъ, могущимъ причинить мужчинѣ только огромное зло, преслѣдовали бѣдную Марію де-ла-Луцъ. Она тоже подурнѣла, поблѣднѣла, похудѣла, и глаза ея увеличились отъ слѣдовъ слезъ.

Ей приходилось дѣлать чудеса экономіи, живя съ отцомъ въ этой лачугѣ. Но больше всѣхъ стѣсненій и заботъ, вызываемыхъ бѣдностью, она страдала отъ нѣмого упрека въ глазахъ отца, отъ глухихъ проклятій, которыми онъ, казалось, осыпалъ ее каждый разъ, какъ она приближалась къ нему, отрывая его отъ его размышленій.

Сеньоръ Ферминъ жилъ, погруженный въ мысли объ ужасной ночи нашествія забастовщиковъ.

Для него съ тѣхъ поръ не случалось ничего, что имѣло бы какое-нибудь значеніе. Ему казалось, что онъ еще слышитъ грохотъ воротъ Марчамалы, за часъ до восхода солнца, сотрясавшихся подъ яростными ударами неизвѣстнаго человѣка. Онъ всталъ, приготовивъ ружье, и открылъ одну рѣшетку... Но это былъ его сынъ, его Ферминъ, безъ шляпы, съ руками въ крови и съ большой царапиной на лицѣ, точно онъ дрался съ нѣсколькими человѣками.

Словъ было сказано немного. Онъ убилъ дона Луиса и потомъ *убѣжалъ*, ранивъ сопровождавшаго того буяна. Этотъ незначительный

рубецъ былъ доказательствомъ ссоры. Ему нужно бѣжать, немедленно скрыться въ безопасное мѣсто. Враги несомнѣнно подумаютъ, что онъ въ Марчамалѣ, и на зарѣ лошади полицейскихъ появятся уже въ виноградникѣ.

Это былъ моментъ безумнаго волненія, показавшійся бѣдному старику безконечнымъ. Куда бѣжать?.. Его руки открыли ящики комода, рылись въ вещахъ. Онъ искалъ свои сбереженія.

— Возьми, сынокъ; возьми все.

И онъ насыпалъ ему карманы дуро, пезетами, всѣмъ серебромъ, заплѣсневѣвшимъ отъ долгаго лежанья взаперти, и медленно собиравшимся въ теченіе многихъ лѣтъ.

Рѣшивъ, что далъ ему достаточно, онъ вывелъ его изъ виноградника. Бѣжать! Еще ночь, и они могутъ выйти изъ Хереса, незамѣченные никѣмъ. У старика былъ свой планъ. Нужно разыскать Рафаэля въ Матанцуэлѣ. Парень еще сохранялъ дружескія отношенія съ бывшими товарищами контрабандистами, и отвезетъ его по окольнымъ тропинкамъ въ Гибралтаръ. А тамъ онъ можетъ уѣхать, куда угодно: свѣтъ великъ.

И въ теченіе двухъ часовъ, отецъ и сынъ почти бѣжали, не чувствуя усталости, подгоняемые страхомъ и сходя съ дороги всякій разъ, какъ издали доносился шумъ голосовъ и лошадиный топотъ.

О, что за ужасное путешествіе съ мучительными открытіями! Это оно такъ доканало его. Когда разсвѣло, онъ увидѣлъ своего сына, съ мертвеннымъ лицомъ, всего въ крови, съ видомъ бѣгущаго убійцы. Ему больно было видѣть своего сына въ такомъ состояніи, но отчаяваться было некогда. Въ концѣ концовъ, онъ мужчина, а мужчины часто убиваютъ, не лишаясь изъ-за этого чести. Но когда сынъ въ немногихъ словахъ объяснилъ ему, за что онъ убилъ, то старикъ думалъ, что умретъ, ноги у него дрожали, и ему приходилось дѣлать усилія, чтобы не упасть посреди дороги. Марикита, его дочь, она виновница всего этого! А, дрянь проклятая! И думая о поведеніи сына, онъ восхищался имъ, благодаря его за жертву отъ всей своей грубой души.

— Ферминъ, сынъ мой, ты хорошо сдѣлалъ. Не было другого выхода, кромѣ мести. Ты лучшій изо всей семьи. Лучше меня, который не сумѣлъ уберечь дѣвченку.

Прибытіе въ Матанцуэлу было трагическимъ: Рафаэль оторопѣлъ отъ изумленія. Убили его хозяина, и убилъ Ферминъ!

Монтенегро раздражился. Онъ хочетъ, чтобы Рафаэль отвезъ его въ Гибралтаръ, и чтобы никто ихъ не видѣлъ. Довольно словъ. Желаетъ онъ спасти его, или нѣтъ? Рафаэль, вмѣсто всякаго отвѣта, осѣдлалъ свою вѣрную лошадь и еще другую изъ лошадей на мызѣ. Онъ сейчасъ же отвезетъ его въ горы, а тамъ о немъ позаботятся другіе.

Старикъ видѣлъ, какъ они помчались карьеромъ, и пустился въ

обратный путь, согбенный внезапной дряхлостью, какъ будто вся жизнь его отлетѣла вмѣстѣ съ сыномъ.

Послѣ этого существованіе его проходило, какъ въ туманномъ снѣ. Онъ помнилъ, что поспѣшно покинулъ Марчамалу и поселился въ предмѣстьѣ въ лачугѣ одной родственницы своей жены. Онъ не могъ оставаться въ виноградникѣ послѣ случившагося. Между семьей хозяина и его стояла кровь, и раньше, чѣмъ ему бросятъ ее въ лицо, онъ долженъ былъ бѣжать.

Донъ Пабло Дюпонъ предлагалъ ему милостыню, для поддержки его старости, хотя признавалъ его главнымъ виновникомъ всего случившагося, такъ какъ онъ не научилъ своихъ дѣтей религіи. Но старикъ отказался отъ всякой помощи. Покорно благодарю, сеньоръ: онъ преклоняется передъ его благотворительностью, но скорѣе умретъ съ голода, чѣмъ приметъ хоть одну монету отъ Дюпоновъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ бѣгства Фермина, онъ увидѣлъ своего крестника Рафаэля. Онъ былъ безъ мѣста, такъ какъ ушелъ съ мызы. Онъ пріѣхалъ сказать ему, что Ферминъ въ Гибралтарѣ, и что въ одинъ изъ слѣдующихъ дней уѣдетъ въ Южную Америку.

— И тебя тоже,—сказалъ старикъ съ грустью,—ужалила проклятая муха, отравившая насъ всѣхъ.

Юноша былъ печаленъ, угнетенъ. Говоря съ старикомъ у двери лачуги, онъ заглядывалъ внутрь съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, словно боясь появленія Маріи де-ла-Луцъ. Во время бѣгства въ горы Ферминъ разсказалъ ему все... все...

— Ахъ, крестный, какой ударъ для меня, я думалъ, что умру отъ него... И не имѣть возможности отомстить! Подлецъ этотъ ушелъ на тотъ свѣтъ, и я не успѣлъ проткнуть его кинжаломъ! Не имѣть возможности воскресить его, чтобы убить снова!.. Сколько разъ негодяй навѣрно издѣвался надо мной, видя, что я смотрю на него, какъ дуракъ, ничего не зная!..

Больше всего его огорчала смѣхотворность его положенія, то, что онъ служилъ этому человѣку. Онъ плакалъ надъ тѣмъ, что месть была совершена не его рукой.

Онъ не хотѣлъ работать. Какой толкъ быть честнымъ? Онъ опять вернется къ контрабандѣ. Женщины?.. на время, а потомъ колотить ихъ какъ нечистыхъ и безсердечныхъ животныхъ... Онъ хотѣлъ объявить войну половинѣ міра, богачамъ, правителямъ, *всѣмъ*, которые вселяютъ страхъ при помощи ружей, и являются причиной того, что бѣдные попираются сильными. Теперь, когда бѣдный людъ въ Хересѣ, обезумѣвъ отъ страха, работалъ въ поляхъ, не поднимая глазъ отъ земли, когда тюрьма была полна, и многіе изъ тѣхъ, что раньше были готовы на все, стали ходить къ обѣднѣ, чтобы избѣжать подозрѣній и преслѣдованій, теперь начнетъ дѣйствовать онъ. Увидятъ богачи, какого звѣря они породили на свѣтъ, разрушивъ *его иллюзіи*.

Контрабанда пойдетъ на жизнь. Позже, когда начнется жатва, нъ будетъ поджигать скирды, палить усадьбы, отравлять скотъ на астбищахъ. Тѣ, что сидятъ въ тюрьмѣ, ожидая момента казни, уанонъ, *Маэстрико* и другіе несчастные, которые умрутъ на висѣ-ницѣ, будутъ имѣть мстителя.

Есть люди, достаточно смѣлые, чтобы послѣдовать за нимъ, онъ оставитъ конный отрядъ. Не даромъ онъ знаетъ горы. Богачи мо-утъ приготовиться. Злымъ не поздоровится, а добрые смогутъ спасе ись, только давъ ему денегъ для бѣдныхъ.

Гнѣвъ его разгорался отъ этихъ угрозъ. Онъ говорилъ о томъ, то сдѣлается разбойникомъ съ тѣмъ увлеченіемъ, которое съ дѣтства испытываютъ крестьяне къ приключеніямъ большихъ дорогъ. По его мнѣнію, всякій обиженный человѣкъ могъ отомстить, только дѣлавшись бандитомъ.

— Меня убьютъ, — продолжалъ онъ, — но раньше, чѣмъ меня бьютъ, говорю вамъ, крестный, я покончу съ половиной Хереса.

И старикъ, раздѣлявшій волненіе парня, одобрялъ его, покачивая оловой. Онъ хорошо дѣлаетъ. Будь онъ молодъ и силенъ, Рафаэль мѣлъ бы лишняго товарища въ отрядѣ.

Рафаэль болѣе не возвращался. Онъ бѣжалъ отъ того, чтобы де-онъ не столкнулъ его съ Маріей де-ла-Луцъ. При видѣ ея, онъ могъ ы убить ее, или залиться слезами, какъ дитя.

Изрѣдка, къ сеньору Фермину приходила какая-нибудь старая итана, или мальчикъ изъ тѣхъ, что продаютъ въ кафе и казино табакъ.

— Дѣдушка, это вамъ... Отъ Рафаэля. Это были деньги, посылае-ыя контрабандистомъ, и старикъ молча передавалъ ихъ дочери. Па-ень никогда не показывался. Отъ времени до времени онъ появлялся ъ Хересѣ и этого достаточно было, чтобы *Козелъ* и другіе приспѣш-ики покойнаго Дюпона прятались по своимъ домамъ, избѣгая пока-ываться въ тавернахъ и кофейняхъ, посѣщаемыхъ контрабандистомъ.

Сеньоръ Ферминъ жилъ изо дня въ день, безразличный ко всему кружающему и къ тому, что говорили о немъ.

Однажды, скорбная тишина въ городѣ вывела его на нѣсколько асовъ изъ его оцѣпенѣнія. Должны были повѣсить пятерыхъ чело-ѣкъ за нападеніе на Хересъ. Процессъ велся быстро: наказаніе ыло необходимо, чтобы «порядочные люди» успокоились.

Вступленіе мятежныхъ рабочихъ въ городъ превратилось, съ те-еніемъ времени, въ полную ужасовъ революцію. Страхъ сдѣлалъ сѣхъ безгласными. Люди, видѣвшіе, какъ забастовщики проходили ез всякихъ враждебныхъ намѣреній мимо домовъ богачей, молча оглашались на неслыханно-жестокое наказаніе.

Говорили о двухъ убитыхъ въ эту ночь, соединяя смерть пьянаго еньора съ убійствомъ несчастнаго писца. Ферминъ Монтенегро пре-лѣдовался за убійство, процессъ его велся отдѣльно, но общество

ничего не теряло, преувеличивая событія и возлагая однимъ убитымъ больше на счетъ революціонеровъ.

Многіе были приговорены къ заключенію въ крѣпости. Судъ съ устрашающей щедростью расточалъ кандалы несчастному стаду, которое, казалось, съ изумленіемъ спрашивало себя, что такое оно сдѣлало въ ту ночь. Изъ приговоренныхъ къ смерти, двое были убійцами молодого писца, трое остальныхъ шли на казнь въ качествѣ опасныхъ, за то, что говорили, угрожали, за то, что гордо думали, что имѣютъ право на долю счастья въ мірѣ.

Многіе лукаво подмигивали глазами, узнавъ, что Мадриленьо, инициаторъ похода на городъ, приговаривается только къ заключенію въ крѣпости на нѣсколько лѣтъ. Хуанонъ и его товарищъ эльде-Требуженьо покорно ожидали послѣдней минуты. Они не хотѣли жить, жизнь была имъ противна послѣ горькихъ разочарованій этой знаменитой ночи. Маэстрико ходилъ съ удивленіемъ, застывшимъ въ его кроткихъ дѣвичьихъ глазахъ, точно отказываясь вѣрить въ людскую злобу. Жизнь его была нужна, потому что онъ опасное существо, потому что онъ мечтаетъ объ утопіи, о томъ, чтобы знаніе перешло отъ немногихъ къ огромной массѣ несчастныхъ, какъ орудіе искупленія! И безсознательно поэтическій умъ его, заключенный въ грубую оболочку, воспламенялся огнемъ вѣры и утѣшался въ тоскѣ своихъ послѣднихъ минутъ надеждой на то, что другіе идутъ за нимъ, толкая, какъ онъ говорилъ, и что эти другіе въ концѣ концовъ, опрокинутъ все силой своей массы, какъ капли воды образуютъ наводненіе. Ихъ убивали потому, что ихъ было мало. Когда-нибудь ихъ будетъ столько, что сильные, уставъ убивать, устрашенные огромностью своей кровавой задачи, падутъ духомъ и сдадутся, побѣжденные.

Сеньоръ Ферминъ видѣлъ изъ этой казни только безмолвіе города, казавшагося пристыженнымъ, видѣлъ испуганныя лица бѣдняковъ, трусливое подобострастіе, съ которымъ они говорили о богатыхъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ уже совершенно забылъ объ этомъ происшествіи. Онъ получилъ письмо: оно было отъ его сына, отъ его Фермина. Онъ находился въ Буэносъ-Айресѣ и писалъ ему, что надѣется устроиться. Первое время, конечно, трудно, но въ этой странѣ, съ работой и настойчивостью, можно быть почти увѣреннымъ въ успѣхѣ.

Съ тѣхъ поръ сеньоръ Ферминъ нашелъ занятіе и стряхнулъ маразмъ, въ который его повергло горе. Онъ писалъ своему сыну и дожидался его писемъ. Какъ онъ далеко! Если бъ онъ могъ поѣхать туда!

Въ другой разъ его взволновала еще одна неожиданность. Сидя на солнцѣ, у двери своего дома, онъ увидѣлъ тѣнь человѣка, неподвижно стоящаго около него. Онъ поднялъ голову и вскрикнулъ. Донъ Фернандо!.. То былъ его кумиръ, добрый Сальватьерра, но постарѣвшій, печальный, съ потухшимъ взглядомъ за синими очками, точно его давили всѣ несчастья и несправедливости города.

Его выпустили, позволили жить на свободѣ, безъ сомнѣнія, зная, что онъ нигдѣ не сможетъ найти угла, гдѣ бы свить гнѣздо; что его слова затеряются безъ отголоска въ безмолвіи ужаса.

Когда онъ явился въ Хересъ, это старые друзья бѣжали отъ него, не желая компрометировать себя. Другіе смотрѣли на него съ ненавистью, какъ будто, вслѣдствіе своего вынужденнаго изгнанія, онъ былъ отвѣтственъ во всѣхъ событіяхъ.

Но сеньоръ Ферминъ, старый товарищъ, былъ не изъ такихъ. Увидя его, онъ всталъ, палъ въ его объятія, съ воплемъ сильныхъ людей, которые задыхаются, но не могутъ плакать.

— Ахъ, донъ Фернандо!.. Донъ Фернандо!..

Сальватьерра утѣшалъ его. Онъ зналъ все. Смѣлѣе! Онъ былъ жертвой соціальной испорченности, которую онъ громилъ со всѣмъ пыломъ аскета. Онъ могъ еще начать жизнь заново, вмѣстѣ со всѣми своими. Міръ великъ. Тамъ, гдѣ смогъ устроиться его сынъ, можетъ попытать счастья и онъ.

И Сальватьерра сталъ приходить иногда по утрамъ навѣстить стараго товарища. Но онъ скоро уѣхалъ. Говорили, что онъ живетъ то въ Кадиксѣ, то въ Севильѣ, бродя по андалузской землѣ, хранившей воспоминаніе о его геройствахъ и великодушныхъ порывахъ и останки единственнаго существа, любовь котораго скрашивала ему жизнь.

Онъ не могъ жить въ Хересѣ. Сильные смотрѣли на него злобными глазами, словно желая на него броситься, бѣдные избѣгали его, боясь сношеній съ нимъ.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Однажды, подойдя къ двери дома, Марія де-ла-Луцъ чуть не упала въ обморокъ. Ноги ея дрожали, въ ушахъ звенѣло; вся кровь жгучей волной прилила къ ея лицу, и потомъ отлила, оставивъ его зеленовато блѣднымъ. Передъ ней стоялъ Рафаэль, закутанный въ плащъ, точно дожидаясь ее. Она хотѣла бѣжать, скрыться въ самую глубь лачуги.

— Марія де-ла-Лу!.. Марикилья!..

Это былъ тотъ же нѣжный и умоляющій голосъ, какъ когда они видѣлись у рѣшетки, и, сама не зная какъ она повернулась, робко подошла ближе, смотря полными слезъ глазами на своего бывшаго жениха.

Онъ тоже былъ печаленъ. Грустная серьезность придавала ему нѣкоторое изящество, смягчая его грубую внѣшность боевого человѣка.

— Марія де-ла-Лу,—прошепталъ онъ.—Только на два слова. Ты меня любишь и я тебя люблю. Зачѣмъ намъ проводить остатокъ жизни въ злобѣ, какъ какіе-нибудь несчастные?.. До недавнихъ поръ я былъ такъ глупъ, что мнѣ хотѣлось убить тебя. Но я поговорилъ съ дономъ Фернандо, и онъ убѣдилъ меня своей ученостью. Это ужъ прошло.

И онъ подтвердилъ это энергичнымъ жестомъ. Кончилась разлука, кончилась ревность къ негодяю, котораго онъ не могъ воскресить, и

котораго она не любила; кончилось отвращеніе къ несчастью, въ которомъ она не была виновата.

Они уѣдутъ отсюда. Онъ такъ глубоко презиралъ эту страну, что не желалъ даже вредить ей. Самое лучшее покинуть ее, положить между ею и ними много миль суши, много миль воды. Разстояніе уничтожитъ дурныя воспоминанія. Не видя города, не видя его полей, они совершенно забудутъ перенесенныя горести.

Они поѣдутъ къ Фермину. У него есть деньги на путешествіе всѣмъ троимъ. Послѣдніе разы контрабанда была удачна; онъ совершилъ безуміе, удивившее своей дерзостью пограничниковъ. Его не убили, и удача воодушевляла его на большое путешествіе, которое измѣнитъ его жизнь.

Онъ знаетъ эту молодую страну, и они поѣдутъ въ нее,—его жена, онъ и крестный. Донъ Фернандо описывалъ ему этотъ рай. Безчисленные табуны дикихъ коней, ожидающихъ всадника; огромныя пространства земли, не имѣющія хозяина, не имѣющія тирана, и дожидающіяся руки человѣка, чтобы народить жизнь, таящуюся въ ея нѣдрахъ. Гдѣ найти лучшій эдемъ для бодраго и сильнаго крестьянина, доселѣ душой и тѣломъ раба праздныхъ людей.

Марія де-ла-Луцъ слушала его съ волненіемъ. Уѣхать отсюда! Бѣжать отъ столькихъ воспоминаній!.. Если бъ живъ былъ несчастный, погубившій ея семью, она упорствовала бы въ своемъ прежнемъ рѣшеніи. Она могла принадлежать только тому, кто лишилъ ее дѣвственности. Но такъ какъ негодяй умеръ, и Рафаэль, котораго она не хотѣла обманывать, великодушно мирился съ положеніемъ, прощая ее, то она соглашалась на все... Да; бѣжать отсюда! И какъ можно скорѣе!..

Парень продолжалъ излагать свои планы. Донъ Фернандо брался уговорить старика; кромѣ того онъ дастъ имъ письма къ своимъ друзьямъ въ Америкѣ. Раньше, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, они сядутъ на пароходъ въ Кадиксѣ. Бѣжать, бѣжать, какъ можно скорѣе, изъ этой страны эшафотовъ, гдѣ ружья должны были утолять голодъ, и богатые отнимали у бѣдныхъ жизнь, честь и счастье!..

— Когда мы пріѣдемъ,—продолжалъ Рафаэль,—ты будешь моей женой. Мы повторимъ наши разговоры у рѣшетки. Болѣе того. Я удвою свою нѣжность, чтобы ты не думала, что во мнѣ осталось какое-нибудь горькое воспоминаніе. Все прошло. Донъ Фернандо правъ. Грѣхи тѣла значатъ очень мало... Самое важное любовь; остальное—заботы животныхъ. Твое сердечко вѣдь принадлежитъ мнѣ? И оно все мое!.. Марія де-ла-Лу! Звѣзда души моей! Пойдемъ на встрѣчу солнцу; теперь мы рождаемся по настоящему; сегодня начинается наша любовь. Дай, я поцѣлую тебя въ первый разъ въ жизни. Обними меня, товарищъ, чтобы я видѣлъ, что ты моя, что ты будешь поддержкой *моихъ силъ*, моей помощью, когда начнется наша борьба тамъ...

И они обнялись въ дверяхъ лачуги, соединивъ губы безъ малѣйшаго волненія плотской страсти, и долго стояли такъ, какъ бы пренебрегая мнѣніемъ людей, и любовью своей бросая вызовъ условностямъ стараго міра, который они готовились покинуть.

Сальватьерра проводилъ въ Кадиксъ на трансатлантическій пароходъ своего товарища, сеньора Фермина, ѣхавшаго въ новый свѣтъ съ Рафаэлемъ и Маріей де-ла-Луцъ.

Прощайте! Больше имъ уже не видаться. Міръ неизмѣримо великъ для бѣдныхъ, всегда прикованныхъ неподвижно къ одному мѣсту, горнями нужды.

Сальватьерра чувствовалъ, какъ у него выступаютъ слезы на глазахъ. Всѣ его привязанности, воспоминанія прошлаго исчезли, унесенныя смертью или несчастьемъ. Онъ оставался одинъ среди народа, который хотѣлъ освободить и который его уже не зналъ. Новыя поколѣнія смотрѣли на него, какъ на сумасшедшаго, внушавшаго нѣкоторый интересъ своимъ аскетизмомъ; но не понимали его словъ.

И смѣялись! И совѣтовали ему подчиниться, издѣваясь надъ его лагородными стараніями! Но развѣ рабство будетъ вѣчно? Развѣ гремленія человѣческія навсегда замрутъ на этой временной веселости довлетвореннаго животнаго?

Сальватьерра чувствовалъ, что злоба его стихаетъ, что надежда вѣра возвращаются къ нему.

Вечерѣло; близилась ночь, предшественница новаго дня. И сумерки человѣческихъ стремленій тоже временны. Справедливость и свобода ремлютъ въ сознаніи всякаго человѣка. Онѣ проснутся.

Тамъ, за полями, стоятъ города, огромныя агломераціи современной ультуры, и въ нихъ живутъ другія стада несчастныхъ, обездоленныхъ печальныхъ, но рождающіяся души ихъ омываются зарей новаго дня, ни чувствуютъ надъ своими головами первые лучи солнца, въ то ремя, какъ остальной міръ погруженъ еще во мракъ. Они будутъ збранниками; и въ то время, какъ крестьянинъ оставался въ полѣ, ъ покорной серьезностью вола, обездоленный въ городѣ просыпался, гановился на ноги и шелъ за единственнымъ другомъ несчастныхъ голодныхъ, за тѣмъ, кто проходитъ черезъ исторію всѣхъ религій, аклейменный именемъ Демона, и кто теперь, отбросивъ нелѣпыя крашенія, которыми надѣляла его традиція, восхищаетъ однихъ, и жасаетъ другихъ самой гордой красотой, красотой Люцифера, ангела вѣта, имя которому Возмущеніе... Соціальное Возмущеніе!

КОНЕЦЪ.

Путеводные знаки.

Онъ Богъ созвѣздія Пса. Онъ ставитъ путеводные знаки.
Коранъ.

Богъ для ночныхъ паломниковъ въ Могребѣ
Зажегъ огни—святыя звѣзды Пса.
Привѣтъ тебѣ, сверкающая въ небѣ
Алмазно-синяя роса!

Кремнистый путь отъ Газы до Арима
Богъ оживилъ примѣтами, какъ встарь.
Привѣтъ вамъ, камни,—чотки пилигрима,—
Въ пустынѣ ведшіе Агарь!

Костями Богъ усѣялъ всѣ дороги,
Какъ слѣдъ гіенъ среди ущелій Ти.
Привѣтъ вамъ, почивающіе въ Богѣ,
Намъ проторившіе пути!

Иванъ Бунинъ.

НЕПИСАННЫЙ ЗАКОНЪ.

Романъ Артура Генри.

Переводъ съ англійскаго С. Платоновой.

Глава XVII.

Катрину похоронили на сельскомъ кладбищѣ, недалеко отъ имѣнія Говардовъ. Молли не стала терять даромъ времени, и вечеромъ въ день возвращенія Теклы отправилась къ м-ссъ Говардъ и подробно разсказала ей обо всемъ.

— Конечно, надо позаботиться о ней,— сказала м-ссъ Говардъ. — Пожалуйста, Молли, сдѣлайте нужныя распоряженія позаботьтесь обо всемъ. Расходы я беру на себя. Скажите Майку, чтобы онъ сегодня же вечеромъ съѣздилъ за гробовщикомъ, да кстати привезъ бы и доктора, надо исполнить формальности. Пусть Майкъ переговоритъ съ нашимъ викаріемъ. Надо попросить его, чтобъ онъ пришелъ завтра утромъ или прислалъ бы своего помощника.

— Не найдется - ли у васъ какой нибудь работы для дочки?

— Сколько ей лѣтъ?

— Скоро минетъ шестнадцать, но она очень рослая и сильная для своихъ лѣтъ. Я никуда не гожусь въ сравненіи съ нею.

— Она хорошая дѣвушка, Молли?

— Я видѣла ее всего два раза, м-ссъ Говардъ, и она очень понравилась мнѣ. Она такая опрятная, здоровая, просто прелесть. И веселая притомъ.

— Справится-ли она со стиркою?

— Навѣрное.

— Хорошо, я исполню вашу просьбу, возьму эту дѣвушку.

На новомъ мѣстѣ Теклѣ жилось отлично. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и она вдругъ прихворнула но быстро поправилась и не сообразила даже, что съ ней произошло. О матери она горевала недолго и вскорѣ утѣшилась. Весело распѣвала она за работою и такъ надоѣла, наконецъ, своимъ пѣніемъ ворчливой кухаркѣ, что та приказала ей замолчать и не мѣшать ей своимъ крикомъ.

Она была въ большой дружбѣ со всѣми конюхами и этимъ возстановила противъ себя одну изъ горничныхъ, которая стала распускать про нее разныя сплетни. Старика садовника Текла удивляла своими познаніями въ садоводствѣ и онъ скучалъ, если она не заходила къ нему поболтать послѣ работы. Она ходила гулять съ Молли и часто ѣздила въ городъ съ Майкомъ. Всѣ ея мечты о будущемъ сосредоточивались на отцѣ. Она все чаще и чаще призадумывалась о томъ, что ей предпринять, когда его выпустятъ изъ тюрьмы. Она мечтала получить, какъ Молли, мѣсто привратницы, взять къ себѣ отца и дать ему возможность ухаживать за своимъ собственнымъ садикомъ.

— Мнѣ бы хотѣлось пристроиться здѣсь гдѣ-нибудь по близости, — говорила она Молли.—Не хотѣлось бы уѣзжать далеко отъ ея могилки.

— Можетъ быть, м-ссъ Говардъ по-

рекомендуетъ васъ кому-нибудь. Тутъ много помѣстій. Я поговорю съ нею какъ-нибудь объ этомъ.

Итакъ, Текла была счастлива. Надежда на свѣтлое будущее, веселые разговоры съ конюхами, общество добраго старика садовника, Майка и Молли вполнѣ удовлетворяли ее. Ей было необходимо любить кого нибудь, безъ этого она не могла быть счастлива и потому-то она такъ и мечтала поселиться вмѣстѣ съ отцомъ. Какъ мало она требовала отъ жизни!

Какъ-то разъ, возвращаясь вечеромъ съ кладбища, она почувствовала острую боль въ боку. Боль была настолько сильна, что у нее захватило дыханіе и она принуждена была присѣсть на дорогѣ. Уже нѣсколько разъ ощущала она эту боль, но не въ такой сильной степени. Боль не утихла еще совсѣмъ, когда она вернулась къ Молли.

— Мнѣ какъ-то не по себѣ,—испуганно сказала она.

— Вы больны, Текла? Вы такъ поблѣднѣли.

— У меня ужасныя боли. Онѣ начались вдругъ и вотъ до сихъ поръ не проходятъ. — Она провела рукой по платью и вопросительно взглянула на Молли.—Какъ вы думаете, что такое со мною?

— Вы бы лучше сказали экономкѣ, что вы больны и попросили бы доктора прописать вамъ какое-нибудь лѣкарство, хотя сама я не очень то имъ вѣрю. Обыкновенно у васъ очень хорошій видъ.

Боль прошла и Текла не заикалась болѣе о ней. Черезъ нѣсколько дней боли опять возобновились, но Текла никому ничего не сказала. У нея появилось странное ощущеніе: она чувствовала свое тѣло. Она видѣла, что внутри у нея происходитъ что то, но что именно не понимала. И она инстинктивно молчала.

Прошло довольно много времени, прежде чѣмъ Текла поняла, что съ ней происходитъ. Объяснила ей все Молли, которая сама испытывала тоже, что и Текла. По секрету сообщила она Теклѣ о своей беременности и недовольнымъ *тономъ прибавила:*

— Я просто въ отчаяніи. Пока мы совсѣмъ не хотѣли имѣть дѣтей.

Тутъ только Текла поняла, что съ ней, и ей вдругъ стало страшно. Она не знала, какъ ей быть. На состраданіе людей нечего было разсчитывать, она сама не разъ слышала, какимъ тономъ говорили о дѣвушкахъ-матеряхъ.

Прислуга стала вскорѣ громко дѣлать замѣчанія на счетъ ея измѣнившейся фигуры и даже Молли и Майкъ стали какъ-то странно относиться къ ней. Враждебныя отношенія сильно тревожили и мучили Теклу. Она стала избѣгать людей и положительно теряла голову, не зная, что ей дѣлать. Убѣдившись, что Текла дѣйствительно беременна, ревнивая горничная тотчасъ же отправилась къ экономкѣ и разсказала ей все.

— Никто изъ насъ не будетъ служить съ какою-то дѣвкою,—дерзко заявила она.—Выбирайте между ею и нами. Послѣ этого заявленія экономка обратила особое вниманіе на фигуру Теклы и затѣмъ велѣла позвать ее къ себѣ.

Всегда вѣжливая и любезная съ господами, экономка не стѣснялась въ выраженіяхъ, когда приходилось имѣть дѣло съ прислугою.

— Какъ вы смѣли поступить сюда въ такомъ положеніи,—сказала она презрительно.—По вашему у насъ здѣсь родильный пріютъ, что-ли?

Текла пристально посмотрѣла на экономку, щеки ея пылали, глаза сердито мигали. Не сдержись экономка во время, дотронься до нея хоть однимъ пальцемъ, а у нея такъ и чесались руки отъ желанія ударить Теклу, и между ними неминуемо произошла бы драка.

— Соберите сейчасъ же ваши вещи, я пойду къ м-ссъ Говардъ и доложу ей, что васъ необходимо расчитать.

М-ссъ Говардъ не позволяла ни нанимать, ни разсчитывать прислугу безъ ея вѣдома. Она считала себя отвѣтственной за благоденствіе своей прислуги. Она не допускала въ своемъ домѣ гоненій и несправедливостей, но дальше прописной морали она не шла. Какъ у всякой богатой, свѣтской женщины,

у нея было много общественныхъ обязанностей и потому она зачастую полагалась на отзывы о прислугѣ своей экономки. Она была очень огорчена, узнавъ о несчастіи, постигшемъ ея веселую, быстроглазую прачку. Вся эта исторія была ей очень непріятна: м-ссъ Говардъ не любила вмѣшиваться въ подобныхъ случаяхъ, да кромѣ того досадно было лишиться такой хорошей работницы.

— Я сама поговорю съ нею,—сказала она.—Пришлите ее ко мнѣ, м-ссъ Уэльсъ.

М-ссъ Говардъ была очень занята: съ минуты на минуту ожидала она пріѣзда гостей изъ Нью-Іорка. Какъ только Текла вошла въ ея уборную, она тотчасъ приказала горничной уйти и заговорила вслѣдъ затѣмъ мягкимъ, ровнымъ голосомъ:

— Я очень огорчена, моя милая. Я считала васъ такой хорошей дѣвушкой и желала, чтобъ вы остались служить у меня.

Весь гнѣвъ Теклы моментально пропалъ. Глаза ея наполнились слезами. Она молча стояла, опустивъ голову, вся фигура ея дышала грустью.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? Развѣ вы не знаете, какъ это дурно и стыдно? Вы такъ еще молоды, только что начинаете жить. Если бы не этотъ позоръ, вы съ вашей красотою и здоровьемъ...

М-ссъ Говардъ, вдругъ, не докончивъ фразы, замолчала. Дѣвушка положительно интересовала ее, и хотя смутно становилась понятна ея психологія.— Вашъ любовникъ служитъ у насъ?— спросила она.

Удивленная такимъ прямымъ вопросомъ, Текла подняла голову, и, встрѣтивъ устремленный на нее дружелюбный взглядъ, отрицательно покачала головою.

— Скажите же мнѣ, кто онъ? Если мнѣ удастся его розыскать, я заставлю его жениться на васъ.

Щеки Теклы горѣли лихорадочнымъ румянцемъ. Она утерла рукавомъ слезы и опустила глаза.

— Вы не хотите мнѣ сказать?

— Я... я не знаю.

М-ссъ Говардъ не повѣрила ей и рѣшила, что Текла лжетъ.

— Удивительно сколько эти дѣвушки готовы вынести и перестрадать, лишь бы не выдать бросившихъ ихъ возлюбленныхъ,—подумала она, взглянула на часы и сказала разсѣянно:

— Очень жаль. Вы пріѣхали сюда, кажется, изъ Нью-Іорка? Лучше всего для васъ вернуться въ городъ и переговорить съ нимъ. Быть можетъ, онъ согласится жениться на васъ. Если же онъ откажется, отправляйтесь въ пріютъ для беззащитныхъ дѣвушекъ. Вы знаете, гдѣ онъ помѣщается?

— Да, мадамъ.

— Вотъ и отлично. Уходъ за вами будетъ великолѣпный.

Черезъ полчаса Текла вышла изъ дому. Въ рукахъ у нея былъ небольшой узелокъ. Не желая встрѣтиться съ Молли, она пересѣкла лужайку, пробралась лѣсомъ до изгороди и перелѣзла черезъ нее. Очутившись на проѣзжей дорогѣ, Текла машинально отправилась въ Сингъ-Сингъ. Только отецъ оставался у нея теперь, но скоро у нея будетъ еще и ребенокъ. Немудрено, что ее влекло къ тюрьмѣ, гдѣ томился единственный дорогой ей человѣкъ.

Я не стану подробно останавливаться на послѣдующихъ мѣсяцахъ, въ теченіе которыхъ она постоянно мѣняла мѣста. Въ приличныхъ домахъ никто не соглашался нанять ее. Она прожила всю зиму въ Сингъ-Сингѣ, зарабатывая деньги мытьемъ половъ въ очень подозрительныхъ притонахъ. Она охотно ходила стирать и взамѣнъ ее кормили и давали пріютъ на ночь. Если не было работы, она просила милостыню и ночевала гдѣ-нибудь въ сараѣ. Приходилось терпѣть всевозможныя лишенія, непріятности и надо было только удивляться, какъ она еще жива.

Ея дѣвочка родилась въ сарайчикѣ прачки, у которой Текла стирала бѣлье. М-ссъ Флаберти, вдова съ двумя дѣтьми, сочувствовала Теклѣ, и, какъ чумы, боялась всякихъ пріютовъ, и потому, когда приблизилось время родовъ, прачка пріютила ее у себя. Черезъ нѣ-

сколько дней послѣ родовъ, Текла была уже опять на ногахъ и за работою. Бѣлья накопилось у прачки за ея болѣзнь цѣлая груда, и она весело принялась стирать и гладить, присматривая въ тоже время за мальчиками м-ссъ Флаберти и за своимъ ребенкомъ.

Три мѣсяца провела Текла въ домѣ прачки, всецѣло поглощенная своимъ ребенкомъ, и радуясь тому, что у нея есть хоть такой убогій кровъ для дѣвочки. Когда Кэти была здорова и весела, то Текла была безпредѣльно счастлива, но стоило только ребенку немного прихворнуть и мать приходила въ полное отчаяніе. Если ребенокъ плакалъ, Текла волновалась. Однажды вечеромъ, когда она, сидя на порогѣ дома, кормила ребенка грудью, ей пришла въ голову мысль, что необходимо сшить дѣвочкѣ бѣлье и удалить ее поскорѣе изъ дома вѣчно пьяной теперь и скандалившей м-ссъ Флаберти.

Заботы о ребенкѣ невольно какъ то отразились на отношеніяхъ Теклы къ старику отцу. Отецъ, можетъ быть, будетъ также нуждаться въ ея поддержкѣ, какъ нуждалась въ этомъ, послѣднее время, мать. По тюремнымъ правиламъ свиданія давались черезъ каждые два мѣсяца. Текла аккуратно навѣщала отца и съ каждымъ разомъ находила его все болѣе и болѣе измѣнившимся: память его замѣтно слабѣла, здоровье тоже. Вѣсть о смерти Катрины глубоко потрясла его. Сгорбившись сидѣлъ онъ за плетеніемъ веревочныхъ половиковъ, совершенно разбитый и подавленный своими личными несчастьями и тѣми невзгодами, которыя свели въ могилу его Катрину. О томъ, что у Теклы ребенокъ, онъ ничего не зналъ, во время беременности она ни разу не была у него, а навѣстивъ его послѣ рожденія дѣвочки, она умолчала про нее. Ей не хотѣлось нанести ему новый ударъ и это заставило ее молчать. Она знала, что отецъ не будетъ ни презирать, ни упрекать ее, но станетъ еще болѣе безпокоиться и волноваться за нее. Она вскорѣ убѣдилась, что когда онъ выйдетъ изъ тюрьмы, ей придется взять *на себя всѣ заботы о* немъ.

Мысль о домѣ и новыхъ обязанностяхъ не давала ей покоя. Необходимо было раздобыть работу. Ее никуда не брали на мѣсто съ ребенкомъ и по неволѣ ей пришлось прожить у прачки до осени.

Она подумывала о возвращеніи въ Нью-Іоркъ, надѣясь, что Эмелина поможетъ ей, когда узнаетъ все, но ей какъ то не хотѣлось обращаться къ сестрѣ. Можетъ быть, удастся пристроиться въ складѣ или на фабрикѣ, а ребенка можно будетъ оставлять у кого-нибудь на день. Въ Нью-Іоркѣ легче найти работу. Осень быстро приближалась, нечего было думать оставаться здѣсь на зиму, необходимо, не медля, отправиться въ городъ и розыскать тамъ Эмелину.

Въ послѣднихъ числахъ октября перешла она Королевскій мостъ. Цѣлую недѣлю добиралась она до Нью-Іорка, останавливалась по дорогѣ въ трактирахъ и салонахъ, если находила работу и можно было переночевать тамъ. Она заработала за это время всего два доллара и кромѣ этихъ денегъ у нея не было ничего.

Было двѣнадцать часовъ, но она торопилась и не стала терять времени на ѣду. Она сѣла въ вагонъ трамвая, затѣмъ пересѣла въ трамвай, идущій по Третьей авеню, и доѣхала до Тридцатой улицы. Дойдя до мастерской, гдѣ работала Эмелина, она открыла дверь и съ сильно бьющимся сердцемъ вошла въ комнату. Ей не вѣрилось, что сестра можетъ не обрадоваться ей, но сама она не могла простить Эмелинѣ послѣднюю ужасную сцену. Можетъ быть, Эмелину разсердитъ ея неожиданное появленіе. Она направилась къ дверямъ, рѣшивъ подождать сестру на улицѣ.

— Что вамъ нужно?

— Здѣсь Эмелина Фишеръ?

— Миссъ Фишеръ? Нѣтъ, она уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ ушла отъ насъ.

— Она ушла? Куда?

— Не знаю.

Увидѣвъ передъ собою широко раскрытую дверь, Текла быстро вышла на улицу. Она не знала, что ей предпри-

нять теперь. Нельзя было расчитывать найти мѣсто, гдѣ бы ее согласились держать съ ребенкомъ.

Глава XVIII.

Дора прогостила у мисстриссъ Говардъ цѣлую недѣлю вмѣстѣ съ мисстриссъ Вандемеръ и Дикомъ. Домъ былъ полонъ молодежи, но Дора скучала и дни тянулись для нея томительно скучно. Дика она почти не видѣла; онъ усиленно ухаживалъ за миссъ Джеральдиной Блокъ Уильсонъ, единственной наслѣдницей четырехъ милліоннаго состоянія, и совершенно позабылъ о существованіи Доры. Мисстриссъ Говардъ еще больше подзадоривала его, доказывая ему всю нелѣпость брака съ Дорой и выгоды, связанныя съ женитьбой на хорошенькой бойкой Джеральдинѣ. Дикъ сперва было возмутился такимъ совѣтомъ, но вскорѣ подпалъ подъ чары богатой наслѣдницы. Впослѣдствіи Дора никакъ не могла понять, что такое случилось у Говардовъ что сразу измѣнило отношеніе Дика къ ней. Она отлично понимала одно, что чуть было не утратила на всегда любовь Дика. Она ничуть не ревновала его къ Джеральдинѣ; Дора принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ женщинъ, которымъ чувство ревности совершенно недоступно и непонятно. Она страдала, видя, что она утратила всякій интересъ въ глазахъ Дика. Дора сильно осунулась и поблѣднѣла за эту недѣлю. Мисстриссъ Вандемеръ рѣшила, что она больна и настаивала, чтобы Дора легла въ постель. Та отказалась на отрѣзъ. Она проводила цѣлые дни на крыльцѣ, прислушиваясь къ долетавшимъ до нея изъ сада веселымъ молодымъ голосамъ. Насталъ послѣдній вечеръ ихъ пребыванія у Говардовъ. Джеральдина отправилась гулять съ Гарри, однимъ изъ своихъ поклонниковъ, измѣнивъ своему обычному кавалеру Ричарду. Вернувшись домой, она объявила, что выходитъ замужъ за Гарри. Ричардъ сидѣлъ на ступенькахъ въ мрачномъ настроеніи. Выслушавъ сообщеніе Джеральдины, онъ молча поднялся и спустился въ садъ. Объявленіе о помолвкѣ не произвело особаго впечатлѣнія на Дору: всѣ ея мысли были сосредоточены на Ричардѣ и она искренно безпокоилась за него.

На обратномъ пути въ Нью Іоркъ Дикъ усѣлся рядомъ съ Дорою, она робко протянула ему свою руку, онъ крѣпко сжалъ ее и удержалъ ее въ своей. Самолюбіе его было глубоко уязвлено измѣною Джеральдины. Въ сущности она совсѣмъ не нравилась ему, онъ находилъ ее слишкомъ самостоятельной и прозаичной. Но она раздражала его, привлекала его своею поразительною уравновѣшенностью, умомъ, оригинальностью и красотою. Онъ привыкъ легко покорять женщинъ и не могъ допустить, чтобы Джеральдина устояла противъ него, но лично къ ней онъ былъ вполнѣ равнодушенъ и даже не желалъ обладать ею. Теперь ему было совѣстно за себя и онъ приходилъ въ бѣшенство при одной мысли, что она такъ легко обошла его.

Ричардъ былъ заурядный, средній юноша, со всѣми качествами и недостатками, присущими современной молодежи. Новое хорошенькое лицо быстро привлекло къ себѣ все его вниманіе и, весь отдавшись охватившему его увлеченію, онъ почти что и не вспоминалъ о Дорѣ. Но вотъ имъ пренебрегли, оскорбили его самолюбіе и онъ съ радостью и благодарностью принялъ изъявленіе неизмѣнной любви и преданности его друга дѣтства.

Страсть его къ Дорѣ разгоралась все сильнѣе и сильнѣе съ каждымъ днемъ. Она вскорѣ замѣтила, что его уже не удовлетворяютъ ея увѣренія въ любви, что ему мало быть съ нею, обмѣняться съ нею нѣжнымъ взглядомъ. Его волненіе и раздражительность въ присутствіе третьихъ лицъ, его все возрастающая потребность въ ея ласкахъ и желаніе ласкать ее казалось ей страннымъ и непонятнымъ. Но она съ радостью шла на встрѣчу его желаніямъ и въ упоеніи страсти забывала всѣ свои недавнія тревоги.

Ричардъ прожилъ дома мѣсяцъ, а затѣмъ отецъ отправилъ его въ Пенсильванію на нефтяные промысла для ознакомленія на практикѣ съ этимъ дѣломъ,

которое со временемъ должно было всецѣло перейти въ его руки. На каникулы онъ вернулся домой и вскорѣ опять уѣхалъ съ агентомъ отца и цѣлымъ штатомъ помощниковъ, которые должны были заняться на мѣстѣ разработкой проекта проведеніе желѣзной дороги. Ричарду не было времени скучать, но все же онъ предпочелъ бы попутешествовать по Испаніи или Швейцаріи, какъ въ прошломъ году. Агентъ былъ человѣкъ энергичный и обойти его было не легко. Волей неволей Ричарду пришлось серьезно взяться за работу. Онъ жилъ окруженный дѣловою сутолкою и страшно уставалъ отъ непривычной, напряженной работы. На него наводили уныніе эти безконечныя, необозримыя равнины. Его все сильнѣе и сильнѣе тянуло назадъ въ Нью Іоркъ. Здѣсь вовсе не было женскаго общества, и Дора казалась ему теперь вдвое милѣе и дороже. Онъ часто съ грустью мечталъ о свиданіи съ нею. Онъ впервые испытывалъ тоску по родинѣ; въ прежніе его отлучки онъ уѣзжалъ по доброй волѣ и жилъ такъ, гдѣ ему приходила фантазія.

Онъ писалъ теперь Дорѣ, какъ безумно влюбленный человѣкъ. Писалъ онъ, правда, съ большими перерывами, когда тоска особенно сильно одолѣвала его. Бывало, попавъ на уединенную ферму среди преріи или въ только что возникшую деревню, въ которой не было еще ни единаго дерева и ни одной женщины, онъ съ отчаянія садился писать и посылалъ Дорѣ три или четыре письма заразъ. Дора хранила всѣ его письма какъ драгоцѣнности и радовалась, получая отъ него такія нѣжныя строки. Два или три раза въ недѣлю къ ней заходила Лу и Дора каждый разъ читала ей выдержки изъ писемъ Дика.

За послѣднее время Лу стало все чаще казаться, что разрывъ ея отношеній съ Эдомъ неизбѣженъ. Во первыхъ, онъ былъ всецѣло теперь увлеченъ своимъ новымъ знакомымъ, мистеромъ Уиллеромъ и его планами. Онъ почти ни о чемъ другомъ и не говорилъ. Онъ за зиму нѣсколько разъ съѣздилъ въ Альбани, надо было сдѣлать докладъ о постройкѣ больницы для чахоточныхъ, ходатайствовать о расширеніи поля дѣятельности Государственной благотворительной коммиссіи и представить проектъ улучшенія жилищъ.

— Со временемъ, — говорилъ онъ Лу,—законъ будетъ требовать, чтобы посреди каждаго дома, въ которомъ отдаются квартиры, былъ большой дворъ, чтобы всѣ жильцы имѣли бы много воздуха и свѣта.

Онъ говорилъ обо всемъ этомъ съ такимъ же увлеченіемъ, съ какимъ Ричардъ писалъ Дорѣ о своей любви.

Иногда и Эдъ говорилъ ей, что онъ ее любитъ, но, Боже, какъ это выходило у него серьезно! Онъ, казалось, старался подавить въ себѣ всякія проявленія страсти. Ее сердило его самообладаніе, хотя она и не сознавалась себѣ въ этомъ и отъ души завидовала Дорѣ. Ей мало было такой разсудительной, спокойной любви. Иногда, встрѣчаясь съ нимъ глазами, она испытывала пріятныя, волнующія чувства при звукѣ его голоса, въ которомъ порою слышалась неподдѣльная нѣжность, и въ такія минуты ей хотѣлось испытать, что такое страсть. Но онъ быстро приходилъ съ себя и разсѣивалъ всякую иллюзію, объясняя ей истинный ужасающій смыслъ только что пережитаго волненія.

— Страсть облагораживаетъ мужчину, такъ какъ дѣлаетъ его отцомъ,—говорилъ онъ ей.—Я не вѣрю, что бы родъ людской навсегда былъ изгнанъ изъ рая. И ты и я, мы оба можемъ вернуться туда, если нашей цѣлью будетъ не только съѣдать плодъ, но и выращивать его.

Сперва его странное ухаживанье только удивляло ее.

Подумавъ, она пришла къ заключенію, что, когда она выйдетъ замужъ, у нея, вѣроятно, будутъ дѣти, во всякомъ случаѣ надо быть готовымъ къ этому. Ей уже мерещилась пріятная перспектива имѣть своего ребенка. Но о своихъ мечтахъ она ничего не говорила Адамсу. Она начинала понимать, что дѣти для него важнѣе любви, и, какъ это ни странно, ревновала его къ нимъ!

— Я бы хотѣла имѣть дѣтей, но ему

я ничего не скажу, а то выйдетъ такъ, точно я подкупаю его, чтобы онъ меня любилъ,—говорила она себѣ.

Конечно, ни Лу, ни Дора не касались этихъ вопросовъ въ своихъ разговорахъ. Странно было бы затрагивать такіе вопросы, которые взрослые такъ тщательно избѣгали даже упоминать въ ихъ присутствіи.

Если бы не ея оригинальный женихъ, Лу никогда и не задумалась бы надъ вопросомъ о материнствѣ. Дора, по природѣ склонная къ тихой семейной жизни, взглянула бы на этотъ вопросъ гораздо проще, но до сихъ поръ ей не приходилось еще задумываться надъ его разрѣшеніемъ.

Въ маѣ Ричардъ вернулся домой и ему разрѣшили отдохнуть мѣсяцъ другой на свободѣ. Осенью онъ долженъ былъ поступить на одну изъ желѣзныхъ дорогъ, собственникомъ которой состоялъ его отецъ, и постепенно пройти всѣ должности. Съ его пріѣздомъ начались терзанія Доры. Теперь ея соперникомъ былъ Нью-Іоркъ. Неровность отношеній къ ней Дика поражала и огорчала ее, но стѣснять его свободу она не хотѣла. Лишь бы знать, что онъ ее любитъ, а тамъ пусть дѣлаетъ, что хочетъ. Какъ то разъ онъ грубо поговорилъ съ нею и видимо стремился поскорѣе уйти отъ нея. Дора старалась успокоить себя увѣреніями, что не надо обращать вниманіе на такія мелочи, что онъ не можетъ, наконецъ, вѣчно сидѣть съ нею, ему необходимо общество и развлеченія. Восторъ ея не зналъ границъ, когда, послѣ періода пренебреженія, онъ опять сталъ посвящать ей все свое время.

Они часто гуляли въ паркѣ, вечеромъ къ нимъ присоединялась и мистриссъ Вандемеръ. Иногда въ паркъ заходили судья и мистеръ Вандемеръ, занятые серьезными разговорами.

Какъ то вечеромъ Дора и Ричардъ вышли изъ дому, перешли улицу и направились въ паркъ. У калитки стояла Этелина. Она обернулась и внимательно слѣдила за ними, пока они открывали запертую на ключъ калитку и вошли въ паркъ. Она случайно встрѣтилась глазами съ Ричардомъ, онъ не утерпѣлъ и еще разъ взглянулъ на нее. Она поняла, что онъ что-то говоритъ о ней своей спутницѣ. Ричарда поразило меланхолически страстное выраженіе ея лица.

— Какое оригинальное лицо у нея,— сказалъ онъ.

— По моему, она красавица. Лу находитъ ее только интересной.

— Какъ жаль, что я не разсмотрѣлъ ее, какъ слѣдуетъ. Она кажется мнѣ и красивой, и интересной.

— Какъ я хотѣла бы походить на нее,—проговорила Дора.

— Ты!—воскликнулъ онъ.—Зачѣмъ это тебѣ понадобилось?

Они шли нѣсколько поодаль другъ отъ друга и разговаривали въ полуголоса. Нѣжная листва придавала какой то своеобразный оттѣнокъ лунному свѣту. Весною вся природа оживаетъ. Даже если вѣтра нѣтъ, шелестъ травы не умолкаетъ. Изъ кустовъ доносится какой то таинственный шепотъ, слышится трескъ распускающихся почекъ.

— Развѣ ты не знаешь, что лучше тебя нѣтъ никого на свѣтѣ,—сказалъ Дикъ. — Всѣ остальные привлекаютъ лишь мимоходомъ мое вниманіе. Ты одна совершенство для меня.

— Но если бы я была красавицей, я бы тебѣ больше нравилась и доставляла бы больше наслажденія.

Дикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Онъ зналъ, что она говоритъ вполнѣ искренно и смутно начиналъ догадываться о силѣ ея чистой любви къ нему и о ея полной покорности его волѣ. Къ сожалѣнію, этотъ проблескъ сознанія продолжался не долго и страсть вновь заговорила въ немъ.

Ричардъ часто заходилъ днемъ въ комнату Доры. Никто изъ домашнихъ не протестовалъ противъ этой привычки, усвоенной имъ съ дѣтства. Но какъ-то разъ судья рано вернулся домой, засталъ ихъ врасплохъ вмѣстѣ и остался очень недоволенъ, замѣтивъ ихъ возбужденный, лихорадочный видъ и неестественный блескъ глазъ. Онъ не сдѣлалъ имъ никакого замѣчанія, но въ тотъ же вечеръ высказалъ мистриссъ Вандемеръ свое мнѣніе на этотъ счетъ.

— Предоставляю вамъ переговорить съ Ричардомъ, — сказалъ онъ. — Я не могу позволить, чтобы они видѣлись на единѣ въ ея комнатѣ, это, наконецъ, не прилично.

— Какія глупости, — обидѣлась за сына мисстрисъ Вандемеръ.

— Я рѣшительно противъ этого, — упрямо настаивалъ на своемъ судья.— Все это было хорошо, пока они были еще дѣтьми, но не теперь.

Съ этого момента Дикъ и Дора стали обманывать своихъ родителей и видѣться тайкомъ.

Ричардъ кипѣлъ негодованіемъ на судью, нервничалъ и мучилъ Дору. Онъ достигъ того возраста, когда одна платоническая любовь уже не удовлетворяетъ мужчину, и бѣдная Дора пала жертвой его проснувшейся чувственности. Она безпредѣльно любила его и отдалась ему всею своею чистою душою.

Свѣтало. Дора всю ночь простояла на колѣняхъ возлѣ своей кровати, она была взволнована и смущенна и врядъ ли могла молиться.

Съ дѣтства она росла, окруженная непонятными ей традиціями и предразсудками. Теперь въ эту ужасную минуту ей не на что было опереться, кромѣ шаткихъ убѣжденій, патетическихъ молитвъ и экзальтированности, порожденной религіозными мечтаніями. Она горячо любила Дика всею своею неиспорченною душою, любовь доставляла ей отраду, а позднѣе она спасла ее отъ полнаго отчаянія.

Ричардъ не добивался теперь свидѣться съ нею наединѣ. Совѣсть начинала его мучить. Онъ видѣлся съ нею въ присутствіи своей матери и иногда цѣловалъ ее въ лобъ или волоса. Но пока Дора была счастлива. Весь міръ казался ей окутаннымъ сумерками и дивно прекраснымъ. Но время шло. Дора, погруженная въ свои счастливыя мечты, не замѣчала странную, разительную перемѣну въ отношеніяхъ къ ней Ричарда. Отчасти ее вводилъ въ обманъ и самъ Дикъ своею преувеличенною нѣжностью къ ней. Онъ уже успѣлъ остыть къ ней и старался преувеличенною нѣжностью искупить передъ ней свою вину. Но вскорѣ она замѣтила его охлажденіе и поняла все, что для нее крылось подъ этимъ ужаснымъ открытіемъ.

Глава XIX.

Недѣлю спустя послѣ первой встрѣчи съ Эмелиною, Ричардъ, выходя изъ парка, опять столкнулся съ нею возлѣ калитки. Онъ пристально посмотрѣлъ на нее. Онъ никогда не позволялъ себѣ цинично-нагло оглядывать встрѣчную женщину, но если она нравилась ему, то онъ безъ церемоніи разглядывалъ ее. Во взорѣ его было въ такихъ случаяхъ такъ много искренняго восхищенія и увлеченія, что женщины ничуть не чувствовали себя оскорбленными имъ. Такъ было и теперь. Эмелина ничуть не обидѣлась, не улыбнулась и даже не отвернулась отъ него. По натурѣ она была совсѣмъ не кокетка, скорѣе напротивъ. Отличительная ея черта была склонность все принимать трагически. Долгіе годы мрачныхъ думъ и постояннаго недовольства своею скромною судьбою не прошли для нее безслѣдно и наложили на нее свой мрачный отпечатокъ.

Эмелина совершенно измѣнилась, о прежней худой, неловкой дѣвочкѣ теперь не было и помина. Къ двадцати годамъ она была поразительно хороша и привлекательна, ея фигура поражала своею красотою, гибкостью и чувственностью. Въ ея мрачныхъ глазахъ свѣтилось ненасытное желаніе наслажденій. Но всѣ ея страсти были чисто головныя. Удовлетворять свои чувственные порывы не входило въ ея разсчеты. Она мечтала о видномъ положеніи въ обществѣ и о власти и убѣдилась, что сможетъ этого достигнуть только благодаря своему красивому, пышному тѣлу. Поэтому она тщательно оберегала себя отъ всякихъ искушеній, отлично одѣвалась и холила свое прекрасное тѣло, которое должно было обезпечить ей то, о чемъ она мечтала еще ребенкомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она жила вполнѣ самостоятельно, прошелъ уже цѣлый годъ. Владѣлецъ магазина, у котораго она состояла на службѣ, вполнѣ оцѣнилъ ея

прекрасную фигуру и эффектную внѣшность и рѣшилъ, что многія французскія модели привлекутъ къ себѣ большее вниманіе публики, если нарядить въ нихъ Эмелину. Эмелина съ увлеченіемъ принялась изучать разныя эффектныя позы, необходимыя для ея новой должности. Она имѣла громадный успѣхъ, денежныя дѣла шли отлично. Ея великолѣпныя платья не стоили ей ни единаго цента и, кромѣ того, она еще получала еженедѣльно двадцать пять долларовъ за свою службу. Теперь она получила возможность нанять себѣ комнату на Тридцать третьей улицѣ между Бродвей и Пятой авеню и довольно хорошо обмеблировать ее. Ей каждый день приходилось сталкиваться съ самыми разнообразными людьми. Изъ окна своей комнаты она видѣла, какъ они входили и выходили изъ ресторана Вальдорфа. Теперь уже она не чувствовала себя не на мѣстѣ среди нарядной гуляющей публики и часто прогуливалась по Пятой авеню. Мужчины засматривались на нее, но этимъ пока все и ограничивалось. Но Эмелина отлично понимала, что скоро настанетъ день ея полнаго торжества.

Въ теченіе всей зимы она ни разу не была у рѣшетки Грамерси парка. Онъ уже не притягивалъ ее къ себѣ, какъ магнитъ, но настала весна и она опять стала иногда заглядывать сюда. Но Грамерси паркъ воскресилъ въ ней прежнія стремленія и неудовлетворенность и она съ грустью подумала, что не настало еще то время когда и для нея раскроется наконецъ калитка заколдованнаго парка.

Въ тотъ вечеръ, когда она встрѣтила Ричарда и Дору у калитки парка, Эмелина вернулась домой совершенно разстроенная и обезсиленная. Встрѣченная ею молодая дѣвушка имѣла въ своемъ распоряженіи все то, о чемъ Эмелина такъ страстно мечтала. Ее холили и баловали, она была богатая, свѣтская дѣвушка, жила среди роскоши, и въ довершеніи всего у нея былъ красивый, изящный женихъ. Настоящее этой дѣвушки было полно счастья, а будущему не грозило никакихъ треволненій. А она, Эмелина, принуждена носить на показъ красивыя платья и выбиваться изъ силъ цѣлый день; она совершенно одинока, никто ее не любитъ, никому нѣтъ до нея дѣла, она сама должна добиваться осуществленія своей мечты ни на чью либо помощь ей нечего разсчитывать. Какъ ей хотѣлось узнать, что такое шепнулъ про нее молодой человѣкъ своей спутницѣ.

Встрѣтившись вторично, она въ отвѣтъ на его пристальный взоръ устремила на него свои темные глаза, которые такъ и горѣли страстнымъ желаніемъ. Она моментально овладѣла собою и приготовилась къ рѣшительному сраженію.

На Ричарда она произвела глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что онъ никакъ не ожидалъ ее встрѣтить. Она не походила на публичную женщину и потому онъ рѣшился заговорить съ нею.

— Добрый вечеръ,—привѣтливо сказалъ онъ, застѣнчиво улыбаясь и краснѣя, какъ умѣютъ краснѣть только очень молодые люди. Она полу-закрыла глаза, но все продолжала смотрѣть на него, вспыхнувъ отъ волненія. Ричардъ подумалъ, что онъ смутилъ ее своимъ обращеніемъ и рѣшилъ дѣйствовать дальше.

— Теперь очень хорошо въ паркѣ, не зайдете-ли вы немного пройтись?—сказалъ онъ, движеніемъ руки указывая на паркъ.

— А вамъ не покажется страннымъ, если я приму ваше предложеніе?—Она говорила низкимъ, чрезвычайно музыкальнымъ голосомъ, очень медленно и серьезно выговаривая каждое слово. Ея улыбка и взглядъ были обворожительно трогательны.

— Но развѣ вамъ иногда не надоѣдаетъ разнообразіе?—спросилъ онъ.—Жизнь обыкновенно такая сѣрая, скучная. Войдите, пожалуйста.

Она колебалась съ минуту и затѣмъ прошла мимо него въ калитку. Онъ моментально захлопнулъ калитку и оба, внутренно волнуясь, направились по дорожкѣ въ уединенную часть парка и усѣлись на лужайкѣ на скамейкѣ. Эмелина думала, что наконецъ-то судьба улыбнулась ей и ей не хотѣлось чуу-

скать изъ рукъ такого случая. Ричарда же, какъ мужчину, близость Эмелины глубоко волновала; онъ былъ еще очень молодъ и потому со свойственнымъ ему легкомысліемъ и порывистостью отдался мощно охватившему его чувству. Онъ не хотѣлъ заводить легкой интриги, но при первомъ же напорѣ сильнаго чувства онъ совершенно забылъ Дору и то глубокое раскаяніе и сознаніе своей вины, которое она въ немъ вызывала. Его новая знакомая привлекала его своею новизною и загадочностью и приковывала къ себѣ все его вниманіе.

Онъ инстинктивно понялъ, что обычный банальный разговоръ ни къ чему съ нею. Онъ немного помолчалъ, не зная, какъ удобнѣе предложить ей мучившіе его вопросы и не находилъ подходящихъ выраженій. Ему приходили въ голову однѣ стереотипныя фразы, которыя онъ не рѣшался даже произнести. Эмелина сосредоточенно думала о немъ, стараясь угадать, что ей дастъ эта встрѣча, и молча ждала, чтобы онъ заговорилъ съ нею.

— Знаете, — сказалъ онъ, наконецъ,—вы меня чрезвычайно заинтерисовали

Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и медленно отвѣтила:

— Очень рада, вы меня также заинтерисовали.

ся ея манера, голосъ, напряженное спокойствіе придавали ея словамъ какое то особенное таинственное значеніе.

— Почему? — спросилъ онъ пріятно удивленный ея отвѣтомъ. Она ничего не отвѣтила, но продолжала глядѣть ему прямо въ глаза.

— Чѣмъ я васъ заинтересовалъ?— добивался онъ настойчиво своего.—Неужели вы мнѣ не отвѣтите?

Но онъ такъ ничего и не добился отъ нея, сверкающіе глаза, устремленные на него, сбивали его съ толку.

— Мнѣ бы очень хотѣлось знать, почему вы такъ часто бываете здѣсь?— ѣло спросилъ о нъ.

— Потому что паркъ закрытъ для меня, — отвѣтила она съ оттѣнкомъ горечи въ голосѣ.

— *Неужели* только поэтому? Отчего это васъ такъ волнуетъ? Вѣдь такъ много мѣстъ, куда вамъ открытъ свободный входъ. Вы живете гдѣ-нибудь по близости отсюда?

— Вы думаете, что я вполнѣ обеспечена и что я вольна сама рѣшать, что мнѣ дѣлать и куда идти. Вѣдь такъ?—сказала она, критически наблюдая за нимъ полузакрытыми глазами.

— Да, вотъ именно.

— Я сама заработала это платье,— сказала она, глядя въ сторону. Голосъ ея звучалъ теперь еле слышно и грустно.

— У меня нѣтъ никого близкаго на свѣтѣ, нѣтъ друга. Ребенкомъ я была худая, несчастная, одинокая дѣвочка и всѣ меня ненавидѣли. Мои родные были ужасающе бѣдные люди. Я живу одна въ маленькой комнаткѣ, на наемъ которой у меня какъ разъ только и хватаетъ денегъ. Я зарабатываю двадцать пять долларовъ въ недѣлю. Сегодня я еще не нищая, но завтра же могу оказаться на улицѣ безъ гроша. Скажите мнѣ, отчего существуетъ на свѣтѣ такая несправедливость?

Она была замѣчательно хороша и трогательна въ колеблющемся освѣщеніи сгущающихся сумерекъ. Онъ осторожно взялъ ее за руку. Она дала ему подержать минуту свою дрожащую руку и затѣмъ быстро отдернула ее. Глаза ея наполнились слезами и она грустно прошептала:

— Даже сочувствіе опасно для меня!

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ онъ горячо.—Зачѣмъ же? Позвольте мнѣ быть вашимъ другомъ?

— Это немыслимо,—отвѣтила она.— Развѣ вы могли бы быть моимъ другомъ? Зачѣмъ вы меня просите о такихъ вещахъ? Какъ трудно было уберечь себя и честно пробиваться впередъ. Мое одиночество ужасно, но въ немъ мое единственное спасеніе.

Большинство людей очень сострадательны. Наибольшею силою обладаютъ тѣ страсти, которыя застаютъ человѣка врасплохъ и завладѣваютъ его сердцемъ. Ричардъ былъ глубоко тронутъ. Когда Эмелина отправилась домой, Ричардъ пошелъ проводить ее.

— Не поднимайтесь наверхъ,—ска-

зала она, останавливаясь передъ подъѣздомъ и кладя свою руку ему на рукавъ.

— Почему? Пожалуйста, примите меня.

— Нѣтъ. Не сегодня,—нерѣшительно прибавила она.—Мнѣ надо сперва все обдумать. Хочется вѣрить, что вы не похожи на большинство мужчинъ,—но—я... она въ замѣшательствѣ замолчала.

— Хорошо,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руку.—Я буду вамъ вѣрнымъ другомъ и вы можете распоряжаться мною, какъ хотите.

— Вы очень добры.

— Пойдемте со мною въ театръ.

Она посмотрѣла на него, видимо колеблясь, принять ли ей приглашеніе или отказаться.

— Можно будетъ зайти за вами завтра вечеромъ?

— Такъ скоро?

— Позвольте зайти къ вамъ не надолго?

— Только не сегодня.

— И такъ до завтрашняго вечера. Я буду у васъ въ половину восьмого.

Онъ медленно пошелъ прочь, сердце усиленно билось, мысли спутались.—Что за дивная женщина,—думалъ онъ.—Какая страстная, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая сила воли. Какъ она трогательна со своимъ мужествомъ и одиночествомъ. Я докажу ей, что я непохожь на большинство мужчинъ.—У него промелькнула мысль о Дорѣ. Какъ онъ теперь горько раскаивался въ своей минутной слабости, но въ глубинѣ души онъ надѣялся овладѣть и Эмелиною. Онъ увидѣлъ Дору только на слѣдующій вечеръ. Онъ уже не любилъ ее больше, въ немъ бушевала теперь страстная, безумная любовь къ Эмелинѣ.

Онъ готовъ былъ проводить съ Эмелиною каждый вечеръ, но она рѣшительно воспротивилась этому.

— Нѣтъ,—говорила она.—Я не хочу васъ видѣть два дня, а то слишкомъ привяжусь къ вамъ.—Все это сопровождалось томными взглядами, сулившими неисчерпаемое блаженство тому, кому она въ минуту опьяненія страстью, рѣшилась бы отдаться.

— Зачѣмъ вы не вѣрите мнѣ,—спрашивалъ онъ ее.—Отчего вы не хотите быть счастливой съ мною?

— Мнѣ нельзя. Это слишкомъ опасно для меня. Кромѣ моей чести у меня почти ничего нѣтъ. А у васъ такъ много. Если бы я разнравилась вамъ, вы не стали бы скучать обо мнѣ. Но я могу серьезно увлечься вами и если бы вы меня бросили, я погибла бы.

Но стоило ей только заговорить съ нимъ въ этомъ тонѣ и онъ съ юношескимъ пыломъ начиналъ ее увѣрять, что она ему дороже, чѣмъ жизнь, и что она причиняетъ ему ужаснѣйшія муки своими колебаніями и предосторожностями.

Вечерами, когда она была одна, Эмелина дѣятельно занималась украшеніемъ своей комнаты. Ей оклеили стѣны новыми обоями, одна полоска была темно синяя, другая янтарнаго цвѣта. Благодаря содѣйствію ея хозяина ей удалось выбрать то, что ей нравилось, съ условіемъ выплатить за забранное по частямъ. На окна она повѣсила темно синія занавѣси съ выпуклыми бронзовыми фигурами. На кушетку она накинула кусокъ сукна и бросила нѣсколько яркихъ подушекъ. Японская ширма почти совершенно закрывала узенькую бѣлую кровать и бѣлый эмалированный туалетный столъ. На газовые рожки она надѣла красные бумажные абажуры, они вышли очень пышными и были украшены атласными лентами. Затѣмъ она сшила себѣ два капота съ низкимъ вырѣзомъ у шеи и безъ рукавовъ. Одинъ былъ изъ бѣлаго шелка, другой изъ краснаго. Окончивъ всѣ эти приготовленія, она сказала Ричарду, что теперь онъ можетъ притти къ ней. Онъ каждый день присылалъ ей по дюжинѣ великолѣпныхъ розъ. Онѣ отлично сохранялись и Эмелина наполняла ими хорошенькіе кувшины и вазы съ ледяною водою. Въ комнатѣ, благодаря абажурамъ, царилъ пріятный полусвѣтъ и красный цвѣтъ не казался такимъ рѣзкимъ, кричащимъ. Напротивъ, получалась цѣлая гамма нѣжныхъ тоновъ.

Послѣ перваго вечера, проведеннаго

въ ея комнатѣ, Ричардъ вернулся домой въ состояніи полной невмѣняемости. Она ловко и умѣло возбуждала въ немъ чувственность. Ричардъ принималъ всѣ ея взгляды за выраженіе неподдѣльнаго чувства, а красивыя позы, которыя она принимала, все больше опьяняли его. Ричардъ удивлялся и восхищался благородству женщины, которая умѣла такъ сильно любить и такъ себя сдерживать и не допускала себя до паденія. Онъ благословлялъ небо за ея чистоту и мужество и приходилъ въ отчаяніе отъ ея непоколебимой твердости. Онъ долженъ былъ удовлетворить свою страсть, иначе онъ могъ сойти съ ума.

Онъ все еще вѣрилъ, что со временемъ онъ женится на Дорѣ. Но вся его нѣжная жалость къ ней исчезла теперь подъ напоромъ бурной страсти и любви къ Эмелинѣ. Дора не видѣлась съ нимъ цѣлыми днями. Въ ея обществѣ онъ былъ мраченъ и разсѣянъ. Такая перемѣна поразила ее и она стала доискиваться причины. На ея умоляющіе взоры, на ея встревоженные вопросы онъ отвѣчалъ съ мальчишескимъ нетерпѣніемъ или съ циничной враждебностью, совершенно чуждой его натурѣ. Онъ сталъ явно избѣгать ея общества. На нее напалъ страхъ.

Какъ то ночью она вдругъ заболѣла. Она нѣсколько дней была въ полубессознательномъ состояніи. Когда она пришла въ себя, то почувствовала какую то таинственную перемѣну въ своемъ организмѣ. Убитая отчужденностью Ричарда, сознаніемъ, что онъ уже больше не любитъ ее, что все теперь кончено, она лежала и дрожала при мысли о той трагедіи, которую ей еще предстояло пережить.

Ричардъ ничего не зналъ о ея болѣзни: его не было дома. Онъ уѣхалъ въ субботу вдвоемъ съ Эмелиною на Виллетъ Пойнтъ. Она согласилась провести къ нимъ воскресенье. Они впервые поѣхали вмѣстѣ за городъ. Покинувъ городъ и выѣхавъ на гладкую деревенскую дорогу, тянувшуюся между лугами и огородами, пылкому влюбленному казалось, что экипажъ уноситъ его въ какой то призрачный рай.

Наконецъ, когда передъ ними заблестѣло громадное водное пространство и на самомъ берегу среди деревьевъ показалась одноэтажная гостинница, Ричардъ умоляюще пожалъ руку Эмелины. Ахъ, если бы она только была бы по добрѣе съ нимъ теперь. А затѣмъ? У него была смутная, неясная мечта о томъ, какъ было бы хорошо прожить здѣсь съ нею вдвоемъ всю свою жизнь. Она не отняла у него своей руки, но откинулась назадъ въ экипажѣ и задумчиво смотрѣла вдаль на бѣлые паруса.

Къ закату они вышли погулять и отправились на поросшій травой отлогій берегъ; у ихъ ногъ текла рѣка. Они молча провожали глазами удалявшіеся въ проливъ пароходы и наблюдали, какъ вода постепенно пріобрѣтала тускло-лиловый оттѣнокъ. До нихъ слабо доносился призывный звукъ трубы, затѣмъ, гдѣ то за ихъ спиной и напротивъ, черезъ рѣку, изъ форта Шюлеръ грянули ружейные выстрѣлы, возвѣщавшіе заходъ солнца. Выстрѣлы громко раскатились по воздуху и эхо дружно подхватило ихъ. Ричардъ и Эмелина молча прислушивались къ грохоту, пока онъ не замеръ наконецъ. Настала тишина и послышалось чириканье воробьевъ и голоса насѣкомыхъ, пробуждающихся только къ вечеру. Онъ опять посмотрѣлъ на нѣжившееся рядомъ съ нимъ красивое тѣло. Онъ встрѣтилъ ея взоръ, устремленный на него и опять увидѣлъ въ немъ тотъ жгучій томный призывъ, на который онъ уже не разъ откликался, каждый разъ встрѣчая съ ея стороны отпоръ.

— Зачѣмъ вы меня такъ искушаете, Эмелина?—спросилъ онъ.

— Развѣ? У меня и въ помыслахъ нѣтъ ничего подобнаго. Я просто счастлива побыть съ вами, вотъ и все.

— Я знаю, что вы это дѣлаете не преднамѣренно. Оттого-то оно такъ и дѣйствуетъ на меня. Я не могу больше выносить эту пытку. Развѣ вы не можете любить меня, вѣрить мнѣ и быть счастливою?

— Но я люблю васъ. И я вамъ вѣрю. Оттого-то я и пріѣхала сюда.

— Эмелина, — нерѣшительно прого-

ворилъ онъ.—Я сказалъ имъ въ гостинницѣ... что... что вы моя жена.

— Ахъ!..—вскричала она, быстро поднимаясь.—Зачѣмъ вы это сдѣлали? Зачѣмъ вы испортили нашу чудную поѣздку? Я была такъ счастлива!

— Но, Эмелина,—бурно запротестовалъ онъ,—чѣмъ же я испортилъ нашу поѣздку?

— Какъ вы могли это сдѣлать? Какъ вы могли рѣшиться на это? Я не могу теперь вернуться туда. Мы должны поѣхать домой.

Она стремительно встала, отвернулась отъ него и закрыла лицо руками.

— Эмелина,—вскричалъ онъ, доведенный до полнаго неистовства мыслью вернуться теперь домой.—Не уходите—не надо намъ уѣзжать. Если вы останетесь со мною, то на обратномъ пути домой можно будетъ гдѣ-нибудь обвѣнчаться.

Она быстро повернулась къ нему, опустилась рядомъ съ нимъ на колѣни и свирѣпо посмотрѣла на него.

— Вы серьезно говорите?—спросила она.

— Конечно, вѣдь, вы сами знаете, что да.

— Я вѣрю вамъ,—сказала она.—Но мы должны обвѣнчаться сегодня же вечеромъ. Я ничего не могу вамъ дать, кромѣ себя, но я хочу стать вашею женою съ незапятнанною честью.

— Отлично,—сказалъ онъ.—Мы поѣдемъ въ колледжъ Пойнтъ.

Онъ былъ и подавленъ и возбужденъ. Передъ нимъ промелькнулъ образъ Доры, но его чувства были слишкомъ сильно возбуждены и онѣ побѣдили.

Глава XX.

Ни мать, ни отецъ никогда не стѣсняли Ричарда и онъ всегда уходилъ, куда и когда хотѣлъ, не спрашиваясь. Вернувшись домой отъ Эмелины во второмъ часу ночи, онъ былъ очень удивленъ, узнавъ, что его отецъ еще не ложился и ждетъ его. Дикъ былъ въ отвратительномъ настроеніи и не зналъ, какъ ему примирить прошедшее съ настоящимъ. Эмелина была замужемъ за нимъ всего еще недѣлю и уже горячо настаивала на томъ, чтобы онъ объявилъ своимъ родителямъ о своей женитьбѣ. Ей хотѣлось поскорѣе воспользоваться тою роскошью и довольствомъ, о которыхъ она такъ много мечтала съ дѣтскихъ лѣтъ. Положеніе Дика было очень тяжелое и онъ почти теперь и не думалъ о Дорѣ, весь поглощенный своими личными непріятностями. Но отецъ съ первыхъ же словъ совершенно ошеломилъ его.

— Знаешь-ли Дикъ, — спросилъ мистеръ Вандемеръ, пристально всматриваясь въ лицо вошедшаго въ библіотеку сына,—что Дора серьезно заболѣла?

Ричардъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и не сводилъ глазъ съ лица отца. Онъ моментально все понялъ.

— Нѣтъ, сэръ,—прошепталъ онъ,—я ничего не зналъ объ этомъ.

— Необходимо, чтобы ты тотчасъ же женился на ней. Я очень огорченъ и я не могу тебѣ сказать, какъ мнѣ больно за моего стараго друга, котораго ты такъ оскорбилъ. Онъ страшно золъ на насъ всѣхъ. Боюсь, что онъ никогда не проститъ ни тебя, ни Дору. Я считаю своимъ долгомъ предупредить тебя избѣгать по возможности всякой встрѣчи съ судьею. Ты, конечно, немедленно женишься на Дорѣ. Онъ не будетъ присутствовать на вашемъ вѣнчаніи.

Ричардъ съ ужасомъ слушалъ, что говорилъ ему отецъ, совѣсть мучила его.

— Боже мой! — воскликнулъ онъ, бросился въ кресло и горько зарыдалъ.

Отецъ холодно посмотрѣлъ на него, удивленный его несдержанностью. Онъ не понималъ причины отчаянія сына.

— Слушай, Дикъ, — проговорилъ онъ,—дѣло сдѣлано, горевать теперь поздно, все равно ничего не подѣлаешь. Нѣтъ причины приходить въ такое отчаяніе.

— Но я не могу на ней жениться.

— Что ты сказалъ?!

— Я не могу на ней жениться. Я—какой же я дуракъ!—я уже женатъ.

Мистеръ Вандемеръ не вѣрилъ своимъ ушамъ: Дикъ вѣрно бредитъ или онъ не такъ его понялъ, какъ слѣдуетъ.

— Такъ-ли я тебя понялъ: ты женишься на другой особѣ?

Ричардъ утвердительно кивнулъ головою. Мистеръ Вандемеръ повернулся къ нему спиною и уставилъ глаза въ полъ. Молчаніе длилось всего нѣсколько минутъ, но Ричарду казалось, что прошло нѣсколько часовъ.

— Отчего ты не скажешь мнѣ хоть что-нибудь,—не вытерпѣлъ, наконецъ, Дикъ.

— Что же ты желаешь услышать отъ меня? Что бы я тебѣ ни сказалъ, ты все же подлецъ и останешься имъ. Кто она такая? Что у тебя съ нею произошло и какія у тебя были намѣренія?

Ричардъ разсказалъ отцу о своей встрѣчѣ съ Эмелиною, его увлеченіи и женитьбѣ.

— Бѣдняжка Дора,—проговорилъ мистеръ Вандемеръ и его строгое, суровое лицо вдругъ сдѣлалось нѣжнымъ. Затѣмъ онъ повернулся лицомъ къ сыну и сухо проговорилъ:

— Совѣтую тебѣ уѣхать съ женою за границу. Года черезъ два можешь вернуться назадъ съ нею, такъ будетъ удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Думаю, что ты попалъ въ надежныя руки. Я все иразскажу самъ судьѣ и твоей матери. Попрощайся съ нею и скажи, что я тебя посылаю за границу. Завтра зайдешь утромъ въ контору получить деньги на поѣздку.

Мистеръ Вандемеръ былъ далеко не трусъ и не лицемѣръ. Онъ живо вспомнилъ нѣкоторые эпизоды изъ своей молодости и не могъ бросить камень въ сына. Онъ протянулъ руку. Ричардъ крѣпко пожалъ ее и, не желая встрѣтиться съ устремленнымъ на него взоромъ отца, торопливо вышелъ изъ комнаты.

На слѣдующій день судья Престонъ вошелъ въ комнату своей больной дочери и, подойдя къ ея кровати, въ немногихъ словалъ сообщилъ ей о женитьбѣ Ричарда и объ его отъѣздѣ. Затѣмъ онъ ушелъ, уступивъ мѣсто сидѣлкѣ и послалъ за докторомъ.

Дора шесть мѣсяцевъ не вставала съ кровати. Она почти все время бредила, когда же къ ней возвращалось сознаніе, она жалобно просила, чтобы ей дали умереть. Отецъ хотѣлъ перевести ее на другую квартиру, ему было противно присутствіе дочери въ его домѣ, но докторъ энергично запротестовалъ и судьѣ пришлось волей-неволей покориться.

— Будьте поласковѣе съ нею, если только она выдержитъ и не лишится разсудка,—сказалъ ему докторъ.—Необходимо, чтобы при ней постоянно находилась сидѣлка, иначе она можетъ сдѣлать попытку кончить самоубійствомъ. Сильно сомнѣваюсь, чтобы ея ребенокъ выжилъ.

Судья ухватился за эту мысль, какъ утопающій за соломинку. Вся его доброта къ дочери ограничивалась тѣмъ, что онъ больше не появлялся въ ея комнатѣ и больше не видѣлся съ Дорою.

Входъ въ его домъ былъ закрытъ для Вандемеровъ. Лу какъ-то зашла навѣстить свою подругу, но судья рѣшительно объявилъ ей, что его дочь больна и что онъ не желаетъ, чтобы въ ея комнату входилъ кто-нибудь другой, кромѣ двухъ сидѣлокъ и доктора. Что съ Дорою, держалось въ большемъ секретѣ.

Дора умоляла, чтобы ей дали умереть, но сама она никогда не рѣшилась бы на самоубійство. Она боялась погубить душу своего ребенка. Она готова была умереть вмѣстѣ съ нимъ и съ благодарною улыбкою пошла бы на встрѣчу смерти. Но убить своего ребенка она не могла. Она была страшно напугана суровымъ отношеніемъ къ ней отца, мысли ея путались отъ слабости. Въ бреду она постоянно дѣлала попытки спасти своего ребенка то отъ какой-то неминуемо грозящей ему опасности, то отъ смерти. Онъ представлялся ей свѣтло-волосымъ мальчикомъ, такимъ, какимъ былъ въ дѣтствѣ Ричардъ. Часто, умоляя Бога о смерти, она безсознательно прислушивалась къ зарождавшейся въ ней новой жизни и ради ребенка старалась успокоиться и не волноваться.

Послѣ рожденія ребенка ее трудно было разлучить съ нимъ и она часами лежала, держа его у себя на рукахъ. Какъ только сидѣлка брала у нея ребенка, она начинала безпокоиться. Она

засыпала только тогда, когда сидѣлка, видя, что съ больной ничего не подѣлаешь, клала ребенка на подушку рядомъ съ нею. Какъ только опасность миновала и Дора стала вставать ненадолго съ постели, къ ней пришелъ ея отецъ. Сидѣлка тотчасъ же по его появленіи вынесла изъ комнаты ребенка, на котораго судья не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ всталъ передъ кроватью дочери и, сурово глядя на ея опущенную голову, объявилъ ей, что какъ только она оправится настолько, чтобы выходить, онъ отошлетъ ее въ деревню на поправку. Когда же совершенно поправится, то можетъ вернуться домой, если, конечно, захочетъ.

— Ребенка завтра же отдадутъ въ какой-нибудь пріютъ, — продолжалъ судья.—Я позабочусь о томъ, чтобы его усыновили хорошіе, достойные люди. О твоемъ грѣхѣ никто не знаетъ и быть можетъ, тебѣ удастся избѣжать на этомъ свѣтѣ всѣхъ послѣдствій твоего позора. Что же касается твоей души, то я неустанно буду молить Бога, чтобы Онъ помиловалъ ее.

Дора молча выслушала отца. Она вся похолодѣла и застыла, ни единаго крика не вырвалось у нее. Оставшись одна въ комнатѣ, она вздрогнула, ухватилась руками за голову и напрягла всѣ свои усилія, чтобы найти выходъ изъ того ужаснаго положенія, въ которое ее ставилъ судья. Куда именно онъ отошлетъ ея ребенка? Она знала, что отецъ ей этого не скажетъ, всѣ ея распросы ни къ чему не приведутъ. Завтра у нея отнимутъ ея дорогого малютку, а безъ него жизнь теряла всякій смыслъ. Она посмотрѣла въ окно на мрачную, холодную улицу. Былъ канунъ Новаго года. Мимо ея оконъ прошла веселая гурьба молодежи съ трубами, видимо направляясь на Бродвей. Ночь быстро надвигалась и въ паркѣ одинъ за другимъ зажигались фонари. Утромъ шелъ дождь, затѣмъ быстро здѣлалось очень холодно и деревья покрылись легкимъ покровомъ инея, который теперь казался синеватымъ при свѣтѣ фонарей. На улицѣ лежалъ тонкій слой снѣга, на тротуарѣ была гололедица. Она украдкою обвела глазами свою комнату. Въ ея ласковыхъ сѣрыхъ глазахъ появилось не свойственное имъ выраженіе хитрости. Вошла сидѣлка и стала укладывать спать ребенка.

— Мнѣ хочется кое что перерыть въ моемъ письменномъ столѣ,—сказала она, улыбаясь сидѣлкѣ,—и въ ящикахъ. Я такъ давно не открывала ихъ!

Всѣмъ ея маленькимъ капиталомъ, доставшимся ей по наслѣдству отъ покойной матери, завѣдывалъ ея отецъ, который выдавалъ ей проценты по мѣрѣ надобности. Она за частую брала у отца по 100 долларовъ на свои личные расходы и прятала ихъ въ нижній ящикъ своего письменнаго стола. Она видвинула ящикъ, вынула портмонэ, въ которомъ оказалось четырнадцать долларовъ. Она вынула ихъ и украдкою спустила въ карманъ своего капота. Она облокотилась на столъ, вынула изъ коробки листъ почтовой бумаги и конвертъ и торопливо написала:

«Дорогая Лу, я въ ужасномъ состояніи и обращаюсь къ тебѣ въ своемъ горѣ. Лу, у меня родился ребенокъ и они хотятъ отнять его у меня. Я постараюсь унести его въ безопасное мѣсто и, можетъ быть, умру на улицѣ. Лицо доставившее тебѣ эту записку, скажетъ тебѣ, гдѣ искать моего ребенка, Какъ только ты получишь эту записку немедленно поѣзжай за нимъ. Ради Бога не медли и скрой его отъ моего отца. Если я не умру, то непремѣнно буду у тебя и возьму къ себѣ моего ребенка. Я пишу второпяхъ, боюсь, какъ бы не увидѣла сидѣлка. Поѣзжай сейчасъ же за нимъ».

Она написала на конвертѣ адресъ Лу и затѣмъ сдѣлала слѣдующую приписку:

«Прошу лицо, нашедшее моего ребенка, позаботиться о немъ и доставить эту записку по адресу».

Она вложила записку въ конвертъ, запечатала его и положила въ карманъ.

— Я не буду раздѣваться,—сказала она,—я только прилягу не много. Такъ пріятно быть одѣтой. Я скоро встану. Мнѣ такъ надоѣло лежать.

Съ тѣхъ поръ какъ Дора стала поправляться, у нея въ комнатѣ поставили

кровать для сидѣлки. Ребенокъ спалъ съ матерью за занавѣсками въ альковѣ. Когда Дора прилегла, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ.

Она пролежала четыре часа, прислушиваясь къ шелесту переворачиваемыхъ сидѣлкою страницъ. Наконецъ, та погасила лампу. Дора посмотрѣла на свои часы. Было десять часовъ. Въ одиннадцать она поднялась съ кровати и набросила на голову легкій платокъ, который туго завязала подъ подбородкомъ. Она побоялась открыть свой шкапъ, желая избѣжать всякаго лишняго шума. Она осторожно приподняла ребенка, завернула его въ стеганное одѣяло, пришпилила къ нему записку, адресованную на имя Лу и, раздвинувъ занавѣски, прошла въ комнату. Дойдя до дверей она остановилась и осторожно повернула ручку. Крадучись, спустилась она по лѣстницѣ, безшумно отомкнула запоры у входныхъ дверей, вышла на улицу и закрыла за собой дверь. Теперь главная опасность уже миновала. Ступеньки подъѣзда и тротуары были покрыты гололедицей, но она шла, ничего не замѣчая, и ниразу не поскользнулась. Она быстро добѣжала до Третьей авеню и сѣла въ вагонъ трамвая, направлявшійся въ сѣверную часть города; кондукторъ и пассажиры съ любопытствомъ посматривали на нее, но она не замѣчала обращенныхъ на нее недоумѣвающихъ взоровъ. Всѣ чувствовали, что тутъ что то не ладно: ея блѣдное, встревоженное лицо, ея странный костюмъ, ребенокъ, завернутый въ стеганное одѣяло, невольно возбуждали всеобщее вниманіе. Они сознавали, что надо ей протянуть руку помощи, но оставались равнодушными свидѣтелями той страшной трагедіи, которую несомнѣнно переживала молодая женщина. Дора успѣла уже обдумать весь планъ дѣйствій; она сошла съ трамвая на Шестьдесятъ седьмой улицѣ и, собравъ послѣдній запасъ силъ, еле дотащилась со своею ношею до воспитательнаго дома. Она дико озиралась по сторонамъ, тщетно стараясь отыскать глазами колыбель, которая до сихъ поръ всегда стояла возлѣ входныхъ дверей воспитательнаго дома. Лишь бы не уронить ей ребенка! Она должна сперва сдать его въ воспитательный домъ, а потомъ можно и умереть. Она позвонила, закрыла глаза и прислонилась къ стѣнѣ, стараясь побороть дурноту. Вдругъ она почувствовала, что кто то поддерживаетъ ее. У нее осторожно взяли изъ рукъ ребенка и Дора свалилась на тротуаръ въ глубокомъ обморокѣ.

Она пришла въ себя въ прихожей на скамейкѣ, одна сестра милосердія поддерживала ее, другая омывала ей лицо холодною водою и растирала ей руки. Нѣсколько поодаль стояла третья сестра милосердія съ Доринымъ ребенкомъ на рукахъ и смѣялась, глядя какъ онъ весело барахтался, хваталъ ее за чепецъ, не переставая весело ворковать.

— Видите какой онъ веселенькій,— успокаивала ее сестра милосердія.

— Онъ, вѣдь, мальчикъ?

— Да.

— Вы уже выбрали ему имя?

— Да.

— Вотъ и отлично Мы всегда рады знать настоящія имена нашихъ дѣтей.

— Вы—вы нашли записку?

— Да, вотъ она.

— Вы пошлете за нею, какъ только я уйду отсюда?

— А вы развѣ собираетесь уходить?

Дора вопросительно посмотрѣла на нее.

— Разъ вы желаете оставить ребенка у насъ, вы должны сами положить его въ колыбель,—мягко сказала сестра. — Тогда онъ уже становится нашъ: такое у насъ уже правило. Но эта процедура въ сущности только одна формальность. Можетъ быть, вы пожелаете остаться у насъ пока совершенно не поправитесь и сами будете ходить за ребенкомъ. У насъ это разрѣшается. Когда вы поправитесь и если у васъ будетъ достаточно средствъ, чтобы воспитать его, вамъ отдадутъ его обратно.

Дора прижалась головою къ груди сестры и заплакала. Она была спасена. Она знала, что если она теперь уйдетъ отсюда, то умретъ.

Ребенокъ былъ въ безопасности и только теперь Дора поняла, что идти куда-нибудь въ такомъ видѣ прямо не-

мыслимо. Ей очень хотѣлось теперь жить. Она любила своего бѣднаго, маленькаго, веселаго сына и не могла рѣшиться на разлуку съ нимъ. Она опять впала въ полу-безсознательное состояніе. Ее уложили въ кровать; она смутно сознавала, что ребенокъ лежитъ тутъ же рядомъ съ нею и успокоенная его близостью вскорѣ заснула.

На слѣдующее утро Дору разбудилъ ея сынъ. Онъ вплотную придвинулся къ ней и своими крохотными, маленькими рученками хваталъ ее за лицо. Увидя, что мать проснулась, онъ весело сталъ дрыгать ногами, сморщилъ свое личико, мигалъ и радостно ворковалъ.

— Дорогой ты мой, — прошептала она.—Моя невинная крошка.

Она хотѣла было взять его на руки, но не въ состояніи была даже и рукою двинуть. Она невольно закрыла глаза. Она была еще очень слаба и совершенно не въ состояніи была сдѣлать хоть какое-либо движеніе. Она долго пролежала въ полу-забытьѣ, прислушиваясь къ воркованью своего сына, властно требовавшаго ея вниманія, и съ слабою улыбкою наблюдала за его попытками разсмотрѣть ея полу-закрытые глаза. Она сознавала гдѣ она находится. Она часто бывала здѣсь прежде, всегда привозила съ собою игрушки дѣтямъ и разныя мелочи матерямъ. Она всегда охотно возилась съ дѣтворой и играла съ ними. Комната была большая, широкая съ высокимъ потолкомъ, съ обѣихъ сторонъ были громадныя окна, въ которыя врывались цѣлые снопы свѣта. Вдоль всей комнаты въ два ряда стояли кровати, которыя никогда не пустовали. Какъ теперь, такъ и прежде, эта громадная, залитая свѣтомъ комната глубоко умиляла Дору. Судьбѣ угодно было сблизить ее съ этими несчастными и безпомощными матерьями, не знавшими, гдѣ имъ приклонить голову, если бы ихъ временно не пріютилъ у себя воспитательный домъ. Дора понимала ихъ теперь, прежняя таинственность окутывавшая ихъ, исчезла. Ей не хотѣлось мстить своему оскорбителю, она даже не считала себя опозоренною. Страха она не испытывала теперь никакого. Она съ нѣжною грустью вспоминала Ричарда и это было единственное облако, омрачавшее то счастье, которое ей доставлялъ ея ребенокъ. Образъ возлюбленнаго все болѣе тускнѣлъ по мѣрѣ того какъ она все сильнѣе привязывалась къ своему сыну. Послѣдній одинъ существовалъ теперь для нея.

Рано утромъ въ комнатѣ поднялась обычная возня. Купали дѣтей. Нѣкоторыя матери лежали больныя и вмѣсто нихъ дѣтей купали сидѣлки. Въ комнатѣ раздавались голоса матерей и дѣтей. Ей хотѣлось поболтать со своимъ крошечнымъ сыномъ, который выражалъ явные признаки недовольства ея невниманіемъ къ его нуждамъ. Если бы только она смогла выкупать, прибрать его и спѣть ему пѣсенку! Рядомъ съ нею шла веселая возня. Одна изъ матерей, очевидно, совершенно поправившаяся, шумно играла съ своею малюткою. Она катала ее по кровати, подбрасывала въ воздухъ и ласково теребила ее. Въ веселомъ тонѣ ея голоса слышалась грустная, патетическая нотка, невольно наводившая на мысль, что эта молоденькая дѣвушка уже многое успѣла пережить тяжелаго на своемъ вѣку.

— Какъ, ты опять хочешь груди!— говорила Текла.—Ахъ ты мошенница! Не къ чему было обзаводиться зубами въ такомъ случаѣ. Вотъ что выдумала, ни за что не позволю кусать меня! Срамъ какой, а еще большая дѣвочка!

Дора раскрыла глаза и увидѣла въ двухъ трехъ шагахъ отъ своей кровати молодую мать лѣтъ семнадцати не больше. Ея исхудалое лицо и фигура ясно говорили о только что перенесенной тяжелой болѣзни, но несмотря на ея плохой видъ отъ нея такъ и вѣяло молодостью и здоровьемъ. Поймавъ устремленный на нее взоръ Доры, она посадила свою дѣвочку на полъ и подошла къ сосѣдкѣ

— Васъ кажется совершенно забыли,—сказала она.—Сидѣлки всегда очень заняты по утрамъ. Вамъ придется подождать съ полъ-часа, пока до васъ дойдетъ очередь. Позвольте мнѣ все вамъ устроить, какъ слѣдуетъ.

Дора хотѣла было ей отвѣтить, но отъ слабости не въ состояніи была выговорить ни слова. Въ отвѣтъ на дружелюбное предложеніе она тихо заплакала.

— Сперва я займусь вашимъ маленькимъ,—сказала Текла. — Нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь, я никуда не унесу его. Сейчасъ притащу сюда лоханку и полотенца.

Она убѣжала и, вернувшись, поставила лоханку на стулъ рядомъ съ кроватью такъ, чтобы Дорѣ было виденъ процессъ купанія.

— Боже мой, какой драчунъ!—удивилась она.—Никакъ мальчикъ, очень рада. Вотъ такъ, ну-ка посмѣй только еще разъ меня ударить! Смотри ты у меня. Да, господинъ человѣкъ, я сразу догадалась, что ты мальчикъ. Ну, теперь, берегись,

Она окунула его въ лоханку и, смѣясь, стала проводить мокрой губкой по его тѣльцу и плескать на него водою. Его никогда въ жизни такъ не купали, но онъ покорно подчинялся и не плакалъ. Онъ фыркалъ и плескался и съ удовольствіемъ далъ себя вымыть и вытереть, не переставая все время дрыгать руками и ногами. Дора съ волненіемъ и безпокойствомъ слѣдила за купаніемъ сына. Волненіе пошло ей впрокъ и она почувствовала приливъ силъ. Глаза уже не закрывались сами, на щекахъ появился легкій румянецъ. Все ея тѣло какъ будто вдругъ согрѣлось. Ни одно лѣкарство не подѣйствовало бы такъ быстро.

— Пожалуй, лучше мнѣ не тормошить васъ,—сказала Текла.—Вы еще такъ слабы.

— Благодарю васъ,—прошептала Дора.—Если бы вы знали, какъ вы мнѣ помогли. Я теперь вѣрно скоро поправлюсь,—прибавила она и ея губы задрожали.

— Конечно. Если бы вы видѣли, какая я была страшная, когда пришла сюда.

Спустя минуту Дора заснула. Она настолько окрѣпла, что смогла взять на руки своего ребенка. Когда она опять раскрыла глаза, то очень удивилась, увидя дѣвушку, купающую ея мальчика *рядомъ съ ея кроватью*.

— Зачѣмъ вы его опять купаете?—взволнованно спросила она, не замѣчая въ своемъ возбужденіи какъ ей легко теперь говорить.

— Нечего сказать и спали же вы! Развѣ вы не знаете, что теперь опять уже утро?

— Не можетъ быть?

— Видъ у васъ сегодня гораздо лучше.

— Да, я хорошо себя чувствую.

Дора была очень изумлена, когда дѣвушка, покончивъ туалетъ ея сына, стала кормить его грудью.

— Онъ предпочитаетъ грудь соскѣ,—весело заявила она.—Я вчера нѣсколько разъ кормила его. Смѣшно было смотрѣть на мою Кэти. Раньше я все никакъ не могла отнять ее отъ груди, ну, а съ тѣхъ поръ какъ появился соперникъ, она очень охотно сосетъ ложку.

Съ этими словами она нагнулась и, поднявъ съ пола свою дѣвочку, усадила ее къ себѣ на колѣни. Кэти дружелюбно наблюдала за своимъ соперникомъ и время отъ времени тянулась къ нему, чтобы погладить его по головкѣ или тыкала свой маленькій кулачекъ въ грудь матери, отъ которой и она была не прочь.

— Мнѣ очень жаль, что скоро придется уйти отсюда,—нѣсколько грустно проговорила Текла.—Мнѣ бы такъ хотѣлось побыть здѣсь, пока вы не поправитесь совсѣмъ.

— Вы скоро уйдете? Мнѣ такъ жаль.

— Я совсѣмъ поправилась и пора уходить отсюда. Моя кровать нужна уже кому-нибудь другому, къ тому же я не могу сидѣть дольше сложа руки. Надо какъ, можно скорѣе отыскать себѣ мѣсто.

Въ глазахъ ея появилось испуганное выраженіе. Да, скорѣе бы ей найти работу, а то бѣда, не отдадутъ ей ея Кэти.

Глава XXI.

Лу была очень встревожена: прошло цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ со времени ея послѣдняго свиданія съ Дорой и она еще не разу не видалась съ нею за все это время. Она знала, что Дора при смерти и очень безпокоилась за исходъ болѣзни. Первое время Лу даже и не

подозрѣвала, чѣмъ такъ сильно больна ея пріятельница. Миссриссъ Сторсъ такъ же до нѣкоторой степени раздѣляла тревогу дочери и чтобы хоть немножко ее успокоить отправилась къ миссриссъ Вандемеръ разузнать о здоровьѣ больной. Вернувшись домой отъ сестры, она сказала Лу, что отъ нихъ положительно что-то скрываютъ.

— Мнѣ не удалось ничего узнать. Сусанна держала себя, по моему, очень странно. Помяни мое слово, тутъ есть какая то тайна и болѣзнь Доры только ширма, чтобы скрыть правду отъ всѣхъ.

Лу отлично знала способность матери превращать муху въ слона и всѣхъ заподозрѣвать, но все же она не на шутку встрѣвожилась. Она вспомнила Дика и у нея промелькнула мысль, не вышло-ли у него какой-нибудь крупной размолвки съ Дорой. Черезъ нѣсколько дней онѣ узнали о неожиданномъ отъѣздѣ Дика.

— Я такъ и знала!—воскликнула миссриссъ Сторсъ.—Меня не проведешь! Я сейчасъ же замѣтила, что между судью и Сусанною пробѣжала черная кошка. Навѣрное произошло нѣчто ужасное. Страшно подумать даже о такомъ скандалѣ.

— Что ты говоришь?—возмутилась Лу.—Не понимаю какъ тебѣ могутъ приходить въ голову такія мысли?

— Все возможно, моя милая, какъ бы это не было ужасно. Такіе случаи очень часты, къ сожалѣнію. Ты сама скоро увидишь, какъ я была права, такъ тщательно оберегая тебя отъ той грязи, которой изобилуетъ жизнь. Но ты еще такъ мало знаешь жизнь!

Лу не слушала, что ей говоритъ мать. Извѣстіе объ отъѣздѣ Дика перепугало ее не на шутку. Должно быть случилось нѣчто ужасное, а то бы онъ никогда не рѣшился уѣхать, зная, что Дора такъ опасно больна. Но что же могло произойти между ними? Она нѣсколько разъ заходила къ Престонамъ, но ни разу не могла добиться свиданія съ Дорою. Дворецкій объявлялъ ей то, что миссъ Дорѣ сегодня немного лучше, то, что ей хуже, но что съ нею такое, чѣмъ именно она больна, онъ не зналъ. Лу видѣлась и съ судьею, который категорически заявилъ ей, что запрещаетъ всякія свиданія съ Дорою и проситъ не пытаться завязать съ нею переписку.

— Она, вѣроятно, поправится,—сказалъ онъ ей холодно.—На этотъ счетъ можете быть вполнѣ спокойны. Но я не желаю, чтобы она теперь видѣлась со своими знакомыми. Какъ только можно будетъ, я сейчасъ же дамъ вамъ знать.

Добиться отъ него другого отвѣта не было никакой возможности. Онъ не хотѣлъ пускать постороннихъ къ дочери, но лгать и сказать, что докторъ запретилъ всякія визиты къ больной, онъ не рѣшался. Во избѣжаніе огласки необходимо было временно устранить отъ Доры всѣхъ ея друзей. Такая продолжительная болѣзнь, конечно, вызоветъ толки, но лучше это, чѣмъ если узнаютъ настоящую причину, заставлявшую его уединить ее отъ всѣхъ. Онъ былъ готовъ рѣшительно на все, не переступая, конечно, предѣловъ законности, только бы скрыть отъ свѣта позоръ своей дочери.

Онъ по своему любилъ свою дочь. По его мнѣнію, она навсегда опозорила себя и совершила величайшее преступленіе, на которое способна женщина. Его представленіе о нравственности, раздѣляемое сотнями сытыхъ, богатыхъ людей, не выходило за предѣлы шаблоннаго пониманія. На его взглядъ женщина должна быть чиста и неиспорчена и должна умѣть повиноваться. Всякія проявленія нѣжности и сочувствія со стороны мужчины доказывали бы, по его мнѣнію, лишь полную безхарактерность. Онъ требовалъ отъ мужчинъ твердость характера, желѣзную силу воли и суровое, безпристрастно-холодное отношеніе къ окружающимъ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ много выстрадалъ за время Дориной болѣзни и что его первое рѣшеніе относительно дальнѣйшей судьбы дочери было значительно суровѣе того, которое онъ сообщилъ ей. Онъ даже упрекалъ себя въ излишней слабости по отношенію къ ней, въ неумѣніи до конца выдержать характеръ. Честно ли онъ поступаетъ, прибѣгая ко лжи и утайкѣ, чтобы спасти свое имя отъ

громкаго скандала? Въ правѣ ли онъ избавлять дочь отъ должнаго возмездія за ея ужасный грѣхъ? Не обязанъ-ли онъ открыто отречься отъ нея, хотя и любитъ ее?

Итакъ, онъ объявилъ дочери о своемъ рѣшеніи отнять у нея ребенка и отдать его кому нибудь на усыновленіе, ей же онъ милостиво разрѣшилъ остаться жить у него въ домѣ.

Онъ былъ очень пораженъ и совершенно убитъ горемъ, когда ему сообщили о ея побѣгѣ. Она должно быть помѣшалась, иначе онъ не могъ объяснить себѣ ея поступка. Ему казалось немыслимымъ, чтобы его дочь настолько утратила всякое представленіе о стыдѣ, чтобы открыто объявить всему свѣту о своемъ материнствѣ. Онъ скорѣе бы понялъ, если бы она возненавидѣла своего ребенка, а не любила его. Да, несомнѣнно, у нея былъ бредъ, когда она бѣжала изъ дому. Необходимо сейчасъ же принять мѣры къ ея розыску. Онъ рѣшилъ не обращаться въ полицію, а поручить дѣло частному агенту. Все было вскорѣ устроено и судья нетерпѣливо сталъ ждать результатовъ. Онъ просидѣлъ все первое января въ полномъ одиночествѣ съ спущенными занавѣсями у себя въ библіотекѣ, погруженный въ мрачную мысль. Живали она? Неужели всѣ теперь узнаютъ правду? Ему рисовалась мрачная картина: его обезумѣвшая дочь блуждаетъ одна ночью по городу. Мысли о страданіяхъ мучила его, онъ не столько страшился ея смерти, сколько того скандала, который неминуемо тогда разразился бы, онъ боялся сплетень и толковъ людей своего круга.

День былъ почти на исходѣ, а свѣдѣній все еще не было. Въ восемь часовъ въ библіотеку вошелъ дворецкій и нерѣшительно доложилъ, что миссъ Лу желаетъ видѣть судью. Судья сердито нахмурился.

— Я уже говорилъ ей, сэръ, что вы никого не принимаете, но она ни за что не хочетъ уйти, не повидавшись сперва съ вами.

— Я не приму ее,—медленно проговорилъ судья.

Дворецкій повернулся къ двери, которая быстро распахнулась и въ комнату влетѣла Лу. Глаза ея возбужденно горѣли, густая краска заливала ея щеки.

— Мнѣ необходимо повидаться съ Дорою,— заявила она пораженному ея неожиданнымъ появленіемъ судьѣ. Голосъ ея сильно дрожалъ, но тонъ былъ очень рѣшителенъ. Она, видимо, очень волновалась, но храбро посмотрѣла судьѣ прямо въ глаза.

Онъ выслалъ изъ комнаты дворецкаго и указалъ Лу на стулъ.

— Доры нѣтъ здѣсь,—торжественно проговорилъ онъ, невольно выдавая своимъ тономъ и выраженіемъ осунувшагося лица овладѣвшую имъ тревогу.

— Гдѣ же она? Неужели вы не скажете мнѣ, гдѣ она? Съ нею что-нибудь случилось? Развѣ вы не знаете, какъ мы любимъ другъ друга? Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ я не видѣла ее, а она такъ больна.

Въ комнату вошелъ дворецкій, подошелъ къ судьѣ и подалъ ему чью-то визитную карточку. Судья взглянулъ на нее и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ библіотеку въ очень взволнованномъ состояніи. Онъ закрылъ за собою двери и вопросительно взглянулъ на Лу, какъ будто желая убѣдиться, можно-ли на нее полагаться, не выдастъ-ли она его.

— Я хочу вамъ все разсказать,— сказалъ онъ.—Мнѣ необходима ваша помощь. Кажется, я могу на васъ положиться?

— Говорите—въ чемъ дѣло?

— Она ушла вчера ночью изъ дому въ одномъ капотѣ. Она была въ бреду. Сыщикъ только что сообщилъ мнѣ, что сегодня ночью въ воспитательный домъ явилась дѣвушка, похожая по описанію на нее, но фамилія ея неизвѣстна администраціи. Она и теперь тамъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы съѣздили со мною туда.

Ему необходимо было узнать, не Дора-ли эта дѣвушка, и если это окажется она, то надо тотчасъ увести ее домой.

Его тамъ никто не узнаетъ, но онъ предпочелъ бы не показываться, если можно. О ребенкѣ онъ ничего не сказалъ Лу, пусть увидитъ его, если только онъ еще не умеръ.

Лу ужаснулась, узнавъ, гдѣ находится ея подруга, но ее радовало близкое свиданіе съ Дорою и она охотно поѣхала съ судьею въ воспитательный домъ на его лошадяхъ. Они быстро промчались по Лексинтонъ Авеню и повернули за уголъ Шестьдесятъ восьмой улицы.

— Войдите, пожалуйста, я подожду васъ въ экипажѣ,—сказалъ онъ.—Если она тамъ, возьмите ее съ собою. Не говорите имъ, кто она такая. Если будутъ какія-нибудь затрудненія, то я, конечно, самъ явлюсь туда.

Она еле слышала то, что онъ говорилъ, и не успѣлъ еще экипажъ остановиться, какъ она выскочила изъ него, позвонила и тотчасъ же скрылась за захлопнувшейся за нею дверью.

— Я желаю видѣть вашихъ больныхъ,—сказала она, стараясь говорить спокойно.—У насъ случилось большое горе—скрылась дорогая намъ особа—и мы думаемъ, что она, быть можетъ, здѣсь. Можно мнѣ заглянуть въ палаты?

Сестра тотчасъ же провела ее въ длинную комнату, въ которой рядами стояли кровати. Еще не было девяти часовъ и кое-гдѣ горѣли лампы.

— Когда она пришла сюда?

— Вчера ночью. На ней былъ капотъ. Она дѣвушка. Ей девятнадцать лѣтъ. Она...

— Знаю. Если это та, про которую я думаю, то ее нельзя будить. Она была въ ужасномъ состояніи, теперь она спитъ и этотъ сонъ можетъ спасти ей жизнь. Вотъ ея кровать.

Лу судорожно ухватилась за руку сестры. На кровати лежала Дора съ мертвенно-блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ, а на рукахъ у нея лежалъ ребенокъ.

— Ребенокъ?—прошептала Лу.—Это ея собственный? Дора—моя бѣдная, дорогая Дора!

Сестра поспѣшно увела ее прочь.

— Ее ни въ коемъ случаѣ нельзя будить,—сказала она.—Если желаете, то можете съ нею повидаться завтра утромъ. Но смотрите, будьте осторожнѣе, ей вредно волноваться.

— Когда ее можно будетъ взять домой?

— Завтра виднѣе будетъ, теперь же ничего не могу вамъ отвѣтить.

Сраженная, убитая сдѣланнымъ ею открытіемъ, Лу, спотыкаясь, дошла до экипажа, сѣла на свое мѣсто, и откинувшись назадъ, судорожно зарыдала. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ она настолько овладѣла собою, чтобы передать судьѣ слова сестры милосердія.

— И вы увѣрены, что это Дора, вы не ошиблись?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не ошиблась. Ребенокъ ея?

— Да.

— Но гдѣ же Дикъ?

Судья ничего не отвѣтилъ ей?

— Гдѣ Дикъ?

— Замолчите!—хрипло проговорилъ судья, чуть не задыхаясь отъ бѣшенства.—Я не желаю слышать его имени.

Ужасное проклятіе сорвалось съ его губъ.

Лу молча рыдала, судья съ усиліемъ совладалъ съ собою. Подъѣзжая къ дому, онъ медленно проговорилъ:

— Пожалуйста, возьмите на себя заботы о Дорѣ и какъ только будетъ возможно, перевезите ее домой. Ребенка—его можно будетъ оставить тамъ же, гдѣ онъ теперь.

Лу съ удивленіемъ взглянула на него.

— Что вы говорите?—спросила она, но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить ей, Лу вдругъ сообразила истинный характеръ его отношеній къ Дорѣ, и что она, несчастная, должна была пережить за эти шесть мѣсяцевъ.

— Какъ вы обращались съ Дорой все это время?—рѣзко спросила она.—Отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ. Неужели вы думаете, что она согласится оставить тамъ своего ребенка? Не оттого-ли она и убѣжала изъ вашего дома? Что вы ей грозили съ нимъ сдѣлать?

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на Лу. Какія она говорила странныя слова Онъ раскаивался, что довѣрилъ ей свою тайну. Онъ моментально сдѣлался чрез-

вычайно холоденъ и сдержанъ, замолчалъ и почувствовалъ себя очень нехорошо въ ея присутствіи. Лу также замолчала, теперь ей стала понятна длинная трагедія Дориныхъ страданій, дальнѣйшій планъ дѣйствій уже былъ готовъ.

— Если позволите, кучеръ отвезетъ васъ домой,—сказалъ судья, выходя изъ экипажа.

— Я предпочитаю пройтись пѣшкомъ.

Онъ протянулъ ей руку и захлопнулъ за нею дверцу.

— Прошу васъ больше не безпокоиться по этому дѣлу. Надѣюсь, вы забудете то, что видѣли.

— Я буду у Доры утромъ,—спокойно сказала она и разсталась съ нимъ.

Придя домой, она тотчасъ же прошла въ свою комнату. Она не могла ни съ кѣмъ разговаривать сегодня вечеромъ. Ей казалось, что утро никогда не настанетъ, что у нея не хватитъ силъ перенести эту длинную, томительную ночь. Какъ бы ей хотѣлось теперь хорошенько выплакаться въ объятіяхъ Доры! Она не разбиралась въ случившемся и всю ночь проворочалась въ кровати, полная скорби и нѣжной жалости къ своей подругѣ. Передъ ея глазами неотступно, какъ живая, стояла спящая Дора и ея ребенокъ. Но постепенно волненіе нѣсколько улеглось и она стала серьезно обдумывать, какъ ей теперь поступить.

«Она довольно страдала, — думала она,—и не къ чему ей еще навязывать мои горести. Утромъ отправлюсь къ ней и утѣшу ее. Спрошу ее, какъ она хочетъ устроиться и буду ей помогать. Вѣдь, есть же еще счастье на свѣтѣ, доступное и для Доры. Я ни за что не разстанусь съ нею. Я ее увезу куда-нибудь и мы поселимся въ хорошенькомъ, веселенькомъ домикѣ.

Съ этими мечтами она и заснула и во снѣ ей грезился маленькій деревенскій домикъ, залитый солнцемъ садъ и большой заросшій травой дворъ, тутъ же вблизи виднѣлись луга и прохладный лѣсъ съ его таинственнымъ полумракомъ.

Рано утромъ судья Престонъ поѣхалъ въ воспитательный домъ и его тотчасъ же провели къ Дорѣ. Услыхавъ его голосъ, она отвернулась отъ Теклы, которая укачивала ея сына, и испуганно посмотрѣла на отца.

Текла тотчасъ же отошла къ своей кровати, забравъ съ собою обоихъ дѣтей, судья усѣлся на ея мѣсто и пристально посмотрѣлъ на Дору.

— Зачѣмъ ты это сдѣлала?

— Потому, что я боялась.

— Чего ты боялась?

— Ты сказалъ, что возьмешь и увезешь его отъ меня.

— И ты думаешь, что онъ можетъ остаться у тебя?—Развѣ... развѣ ты этого желаешь?

Они взглянули другъ на друга въ полномъ недоумѣніи. Онъ былъ удивленъ и возмущенъ, она очень встревожена.

— Я не могу бросить его,—сказала она.—Онъ мой—мой сынъ. Когда онъ подростетъ, то будетъ знать хоть, кто его мать. Я ему все отдамъ, что у меня есть. Я люблю его, онъ единственное, что мнѣ осталось отъ Ричарда.

Судья вздрогнулъ, точно его ударили. Онъ весь поблѣднѣлъ, глаза загорѣлись сердитымъ блескомъ. Его возмущали слова дочери.

— То есть ты и теперь все еще любишь его?

Дора закрыла глаза, говорить больше было нечего. Защищаться она не могла. Ея отецъ тоже молчалъ, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ на него мыслей. Неужели она такъ низко пала, что способна еще любить этого мерзавца? Неужели она не понимаетъ, какъ тяжко согрѣшила, не хочетъ искупить свой грѣхъ, загладить, если можно, свою вину? Неужели она думаетъ, что порядочные люди согласяться ее принимать, если она не откажется отъ своего ребенка и признаетъ его своимъ? Неужели она хотѣла навсегда обезчестить и себя и его? Онъ зналъ, что такія исторіи часто случаются съ дѣвушками изъ хорошихъ семей, но что послѣдствія всегда тщательно скрываютъ ото всѣхъ. Ради дочери онъ готовъ былъ заглушить голосъ совѣсти и сдѣлать все, чтобы никто не узналъ

про ея позоръ, а она отказалась. Что это сумашествіе нравственная распущенность или глупое упрямство? Онъ молча всматривался въ лицо дочери, не зная, что ему теперь дѣлать. Мимо него прошла Лу и, наклонившись, поцѣловала Дору въ губы.

— Лу!

Она обняла ее за шею, привлекла ее къ себѣ и жалобно расплакалась.

Судья посмотрѣлъ на нихъ и ему вспомнилась его покойная жена. Она была покорная, незамѣтная женщина и ея потеря ничѣмъ не отразилась на мужѣ. Въ молодости его привлекла къ ней ея нѣжная красота и ея любящая натура. Онъ цѣнилъ ее, какъ хорошую жену, никогда не вмѣшивавшуюся въ его дѣла. Первое время онъ скучалъ безъ нея, какъ скучалъ бы по утратѣ любого предмета, къ которому онъ привыкъ. Но вскорѣ его всецѣло поглотила погоня за блестящей карьерой. Теперь покойная жена вдругъ встала передъ нимъ, какъ живая. Ему представилось, что это не Лу, а его жена стоитъ, обнявъ Дору, и горько рыдаетъ надъ нею. Глаза его затуманились, но это продолжалось не долго, и холодный разсудокъ побѣдилъ проснувшіяся было нѣжныя чувства къ дочери. Онъ былъ радъ, что его жена такъ рано умерла и что ей не суждено было перенести съ нимъ страшный ударъ, нанесенный ему дочерью.

Оставаться здѣсь дольше было пока не къ чему. Уходя, онъ подошелъ къ одной изъ сестеръ и далъ ей свою визитную карточку.

— Я написалъ на карточкѣ номеръ моего телефона, — сказалъ онъ. — Если произойдетъ какое-нибудь ухудшеніе въ состояніи здоровья этой молодой особы, прошу тотчасъ же дать мнѣ знать. Какъ только явится возможность перевести ее, я сейчасъ же возьму ее отсюда.

Онъ застегнулъ пальто, вышелъ на улицу и поѣхалъ домой.

Онъ провелъ весь день въ мрачныхъ думахъ о постигшемъ его несчастіи.

Среди дня онъ опять поѣхалъ въ воспитательный домъ. Надо уговорить Дору. Она слишкомъ изстрадалась и не знаетъ сама, что дѣлаетъ. Онъ объяснитъ ей, въ чемъ ея долгъ, и она согласится съ нимъ. Онъ пріѣхалъ и засталъ дочь спящей, видъ ребенка, который лежалъ на кровати рядомъ съ нею, подѣйствовалъ на него непріятно и онъ сердито отвернулся. Необходимо переговорить съ нею какъ можно скорѣе. Надо, наконецъ, покончить съ этимъ ужасомъ.

Вечеромъ онъ позвонилъ въ воспитательный домъ и справился по телефону сдержаннымъ, холоднымъ тономъ о здоровьи «той молодой особы, которую онъ нѣсколько разъ навѣщалъ». Ему отвѣтили, что она почти все время дремлетъ, что ее лихорадитъ и она очень слаба, безпокоить ее теперь ни въ коемъ случаѣ нельзя.

Передъ тѣмъ, какъ уйти, Лу также оставила сестрѣ милосердія свой адресъ.

— Если будетъ малѣйшая опасность, пришлите сейчасъ за мною, — сказала она.—Какъ вы думаете, ея положеніе опасно!

— Конечно, есть опасность. Можетъ быть, она больше и не придетъ въ сознаніе, а, можетъ быть, поправится. Все зависитъ отъ крѣпости организма.

На слѣдующее утро судья заѣхалъ опять въ воспитательный домъ. Дора проснулась и слегка могла шевелить руками и поворачивать голову. Говорить съ нею онъ не сталъ, такъ его поразило ея блѣдное, худое лицо, засохшія, нервныя губы. Онъ инстинктивно почувствовалъ, что однимъ словомъ можетъ убить это хрупкое существо, жизнь котораго и безъ того висѣла на волоскѣ. Онъ устремилъ пристальный, мрачный взглядъ на дочь. Она почувствовала на себѣ его взглядъ и заволновалась; ей хотѣлось, то спрятаться отъ этихъ холодныхъ, непріязненныхъ глазъ, то броситься въ объятія отца, котораго она такъ любила и боялась и которому привыкла съ дѣтства повиноваться во всемъ. Она закрыла глаза, но чувствовала его близость и догадывалась о томъ, что ему такъ хотѣлось сказать ей. Она заплакала и стала бредить. Онъ испуганно всталъ и подозвалъ сидѣлку.

— Что это съ нею?—спросилъ онъ.— Неужели она такъ серьезно больна?

— Ей необходимъ полный покой,— отвѣтила сидѣлка.—Совѣтую вамъ лучше поѣхать домой.

Не успѣлъ судья уйти, какъ явилась Лу и пришла въ полное отчаяніе, узнавъ, что у Доры сильнѣйшій бредъ. Во всемъ она винила судью и не на шутку на него разсердилась.

— Не пускайте его къ ней,—сказала она. — Онъ только волнуетъ ее своимъ присутствіемъ.

— Да, я тоже замѣтила это, жаль, что съ самаго начала не сказали мнѣ,— отвѣтила сидѣлка.

Лу долго просидѣла возлѣ больной Доры. Наконецъ пришелъ докторъ и больная нѣсколько успокоилась.

— Ну,—что, какъ?—спросила Лу съ тревогою въ голосѣ.

— Теперь ничего не могу сказать опредѣленнаго,—отвѣтилъ онъ.—Очень ужъ она слаба.

Лу весь этотъ день не отходила отъ кровати Доры. Дора открыла глаза и какъ будто узнала ее, но бредъ все продолжался. Несмотря на переживаемую тревогу за жизнь любимой подруги, Лу съ любопытствомъ оглядывалась кругомъ и все больше умилялась при видѣ этихъ несчастныхъ матерей. Тутъ было человѣкъ двадцать выброшенныхъ на улицу матерей съ дѣтьми. Большинство были еще очень молодыя дѣвушки. Онѣ пришли сюда потому, что любили своихъ дѣтей и не могли рѣшиться такъ или иначе развязаться съ ними. Многія изъ нихъ. сложись ихъ судьба иначе, были бы хорошими женами и матерями. Люди жестоко посмѣялись надъ ними и онѣ теперь принуждены были страдать и болѣть въ этой большой, свѣтлой комнатѣ, гдѣ все было имъ такъ чуждо.

Вся комната была наполнена какой-то особой атмосферой трогательной нѣжности и Лу съ ея обычною чуткостью поняла это. Она не понимала еще весь трагизмъ положенія этихъ молодыхъ, загубленныхъ дѣвушекъ — матерей, но печаль, которая была разлита по всей комнатѣ, неотразимо подѣйствовала на нее. Вечеромъ, возвращаясь домой съ своего дежурства возлѣ Доры, она ощущала на себѣ такой тяжелый гнетъ, отчаяніе душило ее.

Въ первомъ часу ночи она усѣлась у своего окна, спать она не могла. Вдругъ у входныхъ дверей раздался звонокъ. Она побѣжала внизъ, что-нибудь случилось съ Дорою, ей, вѣроятно, очень плохо.

Въ дверяхъ стоялъ посыльный воспитательнаго дома. Она взяла у него записку, подошла къ лампѣ и прочла:

— Молодая женщина умираетъ.

Услыша приближающіеся шаги матери въ корридорѣ, она торопливо разорвала записку и сунула клочки къ себѣ въ карманъ.

— Кто пришелъ? — спросила мистриссъ Сторрсъ.—Зачѣмъ ты спустилась сверху?

— Мама,—сказала Лу,—Дора умираетъ. Судья прислалъ за мною. Я сейчасъ должна итти къ ней.

Она поспѣшно вышла изъ прихожей, мать пошла за нею. Мистриссъ Сторрсъ была въ большомъ волненіи и все твердила, что она также поѣдетъ съ дочерью къ умирающей.

— Пожалуйста, распорядись, чтобы мнѣ наняли кэбъ,—сказала Лу. Кэбъ стоялъ у подъѣзда, Лу быстро собралась и поѣхала одна, несмотря на протесты своей матери.

Судью вызвали по телефону одновременно съ Лу. Металлическій оттѣнокъ, который придаетъ голосу телефонъ какъ то особенно раздражалъ его сегодня. Онъ повѣсилъ трубку и глухимъ, старческимъ голосомъ распорядился, чтобы запрягали лошадей.

Затѣмъ онъ размѣреннымъ, ровнымъ шагомъ пошелъ за своимъ плэдомъ, въ ушахъ его раздавались только что сказанныя по телефону роковыя слова. Одѣвшись, онъ спустился въ полутемную прихожую и нѣсколько минутъ простоялъ, нервно теребя подбородокъ и не отрывая глазъ отъ пола. Экипажъ все еще не подавали, судья волновался и сердился.

— Скажите Патрику, чтобы онъ поторапливался,—сказалъ онъ.

Наконецъ экипажъ подкатилъ къ подъѣзду, судья сѣлъ въ карету и поѣхалъ.

Въ ночной тиши гулко раздавался топотъ лошадиныхъ копытъ. Онъ ѣхалъ по безлюдной Лексинтонской авеню и по обѣимъ сторонамъ тротуара тянулся рядъ слабо мерцающихъ фонарей. Ночь была холодная и темная какъ нельзя лучше соотвѣтствовала настроенію судьи Что-то теперь съ его дочерью? Жива-ли она еще?

Карета завернула на Шестьдесятъ седьмую улицу и остановилась у подъѣзда. Во всемъ громадномъ зданіи только въ двухъ трехъ окнахъ виднѣлся еще слабый свѣтъ. Онъ съ трудомъ поднялся по лѣстницѣ и позвонилъ. Дверь ему открыла сестра милосердія, которая заговорила съ нимъ въ полъ голоса. Онъ пошелъ въ палату, гдѣ лежала его дочь, и ему показалось, что его шаги звучатъ необычайно громко. Нервы его были страшно напряжены, и онъ реагировалъ на всякій пустякъ.

Очутившись возлѣ кровати дочери, онъ по лицу ея тотчасъ же понялъ, какъ серьезно ея положеніе. Румяныя когда-то щечки стали восковыми, онъ еще ни разу не видѣлъ ее такой за всѣ свои посѣщенія.

— Она спитъ?—машинально спросилъ онъ.

Дежурная сестра покачала головою.

— Она безъ сознанія,—отвѣтила она шепотомъ.

Онъ взглянулъ на нѣжное лицо дочери и оно тронуло его. Онъ устало сложилъ руки и сѣлъ, надѣясь, что она все же придетъ еще въ себя.

Вскорѣ затѣмъ пріѣхала Лу. Она вошла въ комнату, прошла мимо судьи и взволновано заглянула въ лицо больной. Затѣмъ она молча сѣла. Судья не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на ея появленіе и сидѣлъ мрачнѣе ночи, поглощенный своими безотрадными мыслями.

А часы все шли и шли. Судья и Лу все еще дежурили возлѣ Доры, когда она открыла глаза. Она была въ полной памяти и ясно все видѣла. Ей, видимо, хотѣлось что-то сказать. Лу опустилась на колѣни возлѣ ея кровати.

Дора хотѣла сдѣлать движеніе, но у нея не хватило силъ. Она съ трудомъ приподняла одну руку и тотчасъ же опустила ее.

— Лу,—прошептала она, — не дай имъ отнять его у меня.

— Ни за что,—прошептала въ отвѣтъ Лу.—Не безпокойся.

Дора закрыла глаза, истощивъ весь свой маленькій запасъ силъ. Она какъ то странно затихла вдругъ.

— Она умерла,—простоналъ судья.— Она умерла!

Докторъ внимательно посмотрѣлъ на больную, затѣмъ дотронулся до плеча судьи, сдѣлалъ Лу знакъ, чтобы она слѣдовала за ними и повелъ ихъ въ прихожую.

— Она заснула и, можетъ быть, совершенно поправится. Вамъ, — и онъ взглянулъ на судью, — лучше вовсе не показываться ей. Вы только вредите ей. Молодую леди попрошу бывать какъ можно чаще, важно, чтобы больная увидѣла ее, когда проснется. Если болѣзнь пойдетъ нормальнымъ ходомъ, то первое время она будетъ очень много спать.

Лу слушала доктора, затаивъ дыханіе, и невольно схватилась за грудь. Судья простился и уѣхалъ. Докторъ, обратился къ Лу и спросилъ ее:

— Вы согласны просидѣть у кровати больной всю ночь напролетъ?

— Какъ вы думаете, она поправится?

— Да, она любитъ своего ребенка и въ немъ ея спасеніе.

Глава XXII.

Въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней Дора почти все время спала. Каждый разъ, когда она просыпалась, первое, что ей бросалось въ глаза, была Лу съ ребенкомъ на рукахъ. Лу провела одну ночь въ воспитательномъ домѣ, на слѣдующій день она вечеромъ отправилась домой, переночевала тамъ, рано встала и побѣжала къ Дорѣ. Такъ продолжалось все время, пока Дора лежала въ воспитательномъ домѣ. Ей жаль было разлучаться съ Дорою, хотя бы не надолго, и она искренно негодовала, что сонъ отнимаетъ у нея столько драгоцѣнныхъ часовъ.

— Она просыпалась ночью?—спра-

шивала Лу сидѣлку, какъ только она приходила въ воспитательный домъ. Но кромѣ безпокойства о Дорѣ, была еще и другая причина, заставлявшая ее бѣжать рано утромъ въ воспитательный домъ. Получивъ успокоительный отвѣтъ и, узнавъ, что Дора съ вечера еще не просыпалась, Лу на цыпочкахъ проходила черезъ всю громадную комнату и наклонялась надъ колыбелью, въ которой лежалъ и спалъ Доринъ ребенокъ. Иногда его глаза были широко раскрыты и Лу казалось, что онъ поджидаетъ ея появленія, такъ какъ, увидя ее, онъ тотчасъ же тянулся къ ней своими ручонками и всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ, весело начиналъ разговаривать по своему и чмокалъ губами. Лу была бы очень удивлена, если бы она могла взглянуть на себя со стороны въ то время, когда она стояла, наклонившись надъ колыбелью. Радостная встрѣча ребенка совершенно преображала ея лицо и доставляла ей громадное удовольствіе.

Лу всѣ эти страшные дни почти ни надъ чѣмъ не задумывалась противъ обыкновенія. Ей просто страшно было думать о чемъ-нибудь. Ей казалось, что она идетъ во снѣ по травѣ и цвѣтамъ, солнце весело сверкаетъ, а краемъ глаза она видитъ край пропасти. Она боится заглянуть въ нее, слишкомъ она близка отъ нея.

Веселый ребенокъ не желалъ думать, а Дора только изрѣдка просыпалась и была еще слишкомъ слаба для этого.

Лу тщательно избѣгала всякихъ разговоровъ съ матерью и, вернувшись домой, подъ предлогомъ усталости тотчасъ же отправлялась къ себѣ въ комнату. По вечерамъ Эдъ поджидалъ ее по близости и провожалъ ее до угла сквера. Но онъ все больше молчалъ, отлично понимая ея настроеніе. Лу была ему очень благодарна за это. Она разсказала ему всю исторію съ Дорою и сообщила ему о рожденіи ребенка, скрыть которое было немыслимо, все равно, онъ узналъ бы эту тайну рано или поздно. Она не могла въ точности вспомнить тѣ выраженія, въ которыхъ она разсказала ему о случившемся, но часто, сидя возлѣ постели Доры, передъ нею вставала вся сцена этого разговора съ нимъ. Она вновь переживала то болѣзненное чувство полнаго отчаянія, съ которымъ она тогда такъ торопливо разсказала ему все и тотъ ужасный инстинктъ, который на испытала, когда все уже было ею сказано. Ей казалось тогда, что стоитъ ему заговорить и она навсегда возненавидитъ его. Но онъ промолчалъ, взялъ ее подъ руку и повелъ ее дальше.

Она сама едва-ли сознавала, что она съ каждымъ днемъ все больше и больше ищетъ въ немъ поддержки. Если она, случалось, и вспоминала о своихъ отношеніяхъ къ нему, то тотчасъ же увѣряла себя, что бракъ для нея теперь немыслимъ. Она старалась не думать объ этомъ, такъ какъ тотчасъ вставало передъ нею ужасное несчастіе Доры и горькая судьба, которой она была всецѣло обязана своей обманутой любви. Она ненавидѣла теперь всѣхъ мужчинъ. Въ качествѣ мужчины Адамсъ сталъ ей прямо нестерпимъ. Но какъ олицетвореніе сильной поддержки и сочувствія, онъ дѣйствовалъ на нее успокаивающе. Онъ нравственно поддерживалъ ее во время выздоровленія Доры. Она почувствовала бы себя очень одинокой, если бы онъ не поджидалъ ее по вечерамъ у воспитательнаго дома. Она или разговаривала съ нимъ или молчала, смотря по настроенію. Онъ былъ отличный товарищъ, искренній, полный надеждъ и здоровья и такъ умѣлъ входить въ ея положеніе, что, когда онъ говорилъ, она прислушивалась не къ словамъ, а къ его пріятному голосу, который такъ успокаивалъ и подбодрялъ ее.

Но настало время, когда и ей пришлось подумать о будущемъ и откровенно высказаться на этотъ счетъ. Какъ то вечеромъ, направляясь съ нимъ домой, она вдругъ объявила ему:

— Какъ только Дору можно будетъ перевести оттуда, мы наймемъ домъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ и поселимся вмѣстѣ.

— Да,—сказалъ онъ,—мы это сдѣлаемъ.

Она быстро подняла глаза и посмотрѣла на него, но встрѣтивъ его улы-

бающійся взоръ смутилась и стала глядѣть въ другую сторону. Она знала, что ей необходимо поскорѣе отвѣтить и разсѣять его заблужденіе. Казалось такъ просто было сказать:—«Я не могу выйти за тебя, Эдъ. Это вопросъ конченный». Но, можетъ быть, она была не вполнѣ искренна,схитрила сама съ собою, повторяя себѣ эти слова. Помолчавъ, она прервала молчаніе и сказала:

— Мы поселимся гдѣ-нибудь по близости и мы будемъ изрѣдка видѣться... съ тобою.

Онъ посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ:

— Всегда.

Что ей было съ нимъ дѣлать?

— У меня есть въ виду чудное мѣстечко въ Оранжевыхъ горахъ,— продолжалъ онъ.—Тамъ прелесть, какъ хорошо. Видъ со скалы чудесный на окрестности, море и рѣку Гудсона. Нью-Іоркъ кажется обитателямъ этихъ мѣстъ какимъ-то миѳическимъ городомъ и еле виднѣется на горизонтѣ. Домъ и лугъ акровъ въ восемь примыкаютъ къ старой фермѣ. Пройдя нѣсколько шаговъ отъ нашего дома находятся хозяйственныя постройки фермера и его жены. Они сдаютъ домъ, кромѣ нихъ никакихъ другихъ сосѣдей. Тутъ же прекрасный лѣсъ. обрамляющій нашъ лугъ. Хочешь поѣхать посмотрѣть?

— Судя по описанію, тамъ должно быть отлично!

— Ѣдемъ завтра?

— Я переговорю съ Дорою.

Она весь вечеръ провела въ своей комнатѣ, сидя у окна и глядя на пустынный скверъ, который казался особенно мрачнымъ при электрическомъ освѣщеніи. Настроеніе ея было грустное, но спокойное. Она глядѣла на опустѣвшій, безжизненный скверъ, но въ сущности думала совсѣмъ о другомъ: она думала о жизни, которая еще такъ недавно казалась ей чѣмъ-то волшебно-прекраснымъ и которую суровая дѣйствительность лишила теперь всякихъ прекрасъ, оставивъ ей вмѣсто чудныхъ иллюзій одинъ сплошной кошмаръ. Тишина царившая въ скверѣ какъ нельзя лучше соотвѣтствовала ея настроенію. Она уже не въ состояніи была бы по прежнему откликнуться на его призывный веселый говоръ и шумъ. Въ мечтахъ она все уносилась къ кровати Доры. Съ дѣтства она мечтала о свободѣ. Да, на свѣтѣ существуетъ радость, но только для тѣхъ, которые не знаютъ преградъ для исполненія своихъ желаній. Всякая мечта о безграничной свободѣ теперь кончалась воспоминаніемъ объ арестѣ Теклы. Какъ жаль! Она сообразила, что разбирается въ обломкахъ собственныхъ иллюзій. Но у нея былъ вѣрный другъ Эдъ и сознаніе, что онъ въ городѣ, недалеко отъ нея, успокаивало ее. Со временемъ, быть можетъ, она и выйдетъ за него замужъ, если все уладится; вѣдь хороша не только ранняя молодость, но и болѣе солидный возрастъ имѣетъ свою прелесть.

Она все никакъ не могла рѣшиться заговорить съ Дорою о своихъ планахъ. Время проходило быстро и незамѣтно. Наконецъ, Дора настолько окрѣпла, что уже могла сидѣть на кровати, подпертая со всѣхъ сторонъ подушками. Она искренно радовалась обществу Лу, интересовалась своимъ ребенкомъ и принимала большое участіе въ сидѣлкѣ и другихъ больныхъ. Первое время Лу и Дора старательно избѣгали и старались забыть трагическій элементъ, присущій всѣмъ обитательницамъ этой комнаты и все то, что произошло въ домѣ судьи и закончилось уже здѣсь въ палатѣ. Но онѣ такъ любили и такъ понимали другъ друга, что вскорѣ эта преграда между ними оказалась излишней и рухнула сама собою. Трудно было грустить въ обществѣ этого жизнерадостнаго ребенка. Онѣ постоянно возились съ нимъ; Дорины силы замѣтно возстановлялись съ каждымъ днемъ къ ихъ великой радости.

— Гдѣ мы будемъ жить, Дора?— спросила ее Лу спустя нѣсколько дней послѣ разговора съ Эдомъ. — Можетъ быть, ты уже имѣешь что-нибудь въ виду?

— Отецъ, конечно, будетъ выдавать мнѣ сколько надобно будетъ на прожитіе: ты знаешь, деньги мои,—отвѣтила Дора.—Мнѣ бы хотѣлось жить въ деревнѣ, а тебѣ?

— Да, и чтобы лѣсъ былъ недалеко.

— Въ лѣсу такъ тихо и хорошо, никого нѣтъ.

— Но, можетъ быть, ты облюбовала какое-нибудь мѣстечко?

— Нѣтъ. Мнѣ не хотѣлось бы уѣзжать далеко отъ города. Но я предпочла бы устроиться въ деревнѣ, гдѣ мало людей какъ ты думаешь, можно найти что-нибудь подходящее около Нью-Іорка Я не могу уѣхать далеко, меня потя нетъ назадъ въ городъ.

— Кажется, мнѣ удастся все устроить знаю такое укромное мѣстечко.

— Правда?

— Да, въ Оранжевыхъ горахъ. Домъ стоитъ посреди луга, вблизи него лѣсъ. кромѣ фермера и его жены никакихъ другихъ сосѣдей. Съ утеса вдали еле виднѣется Нью-Іоркъ и гдѣ-то тамъ далеко океанъ.

— Ахъ,—вздохнула Дора,—поѣдемъ туда.

— Помнишь, — начала Лу, но ее прервала Дора. Губы ея сильно дрожали.

— Подожди—не надо еще говорить объ этомъ, Лу, милая,—сказала она. Затѣмъ, помолчавъ, прибавила:—Я не хочу ничего забывать. Я хочу все запомнить безъ всякой боли. Но пока мнѣ тяжело вспоминать прошлое.

— Вѣдь мы всегда мечтали поселиться вмѣстѣ, Дора. Мы будемъ счастливы.

— Ты очень добра ко мнѣ.

Утромъ Лу встрѣтила Адамса на углу сквера. Она поспѣшила ему навстрѣчу быстрой и легкой походкой.

— Я переговорила съ Дорою,—сказала она, улыбаясь ему,—и кажется, ей понравилось твое предложеніе.

— Отлично,—весело отвѣтилъ онъ.— Что же ѣдемъ сейчасъ осматривать домъ и мѣстность?

Она простояла нѣсколько секундъ и, улыбаясь, не сводила съ него глаза, пока они неожиданно не наполнились слезами. Они взялись за руки, какъ деревенскіе влюбленные, и медленно и молча пошли по направленію къ перевозу.

Она безсознательно старалась держаться поближе къ нему. Пока онъ бралъ билеты, она стояла рядомъ съ нимъ и заглядывала ему въ лицо. На перевозѣ они облокотились на перила и тѣсно прижались другъ къ другу. Какъ они были счастливы. Они то смотрѣли на воду, то на чаекъ. то на снующіе взадъ и впередъ пароходики то на громадные океанскіе пароходы Вдали сквозь дымку тумана вырисовывались Оранжевыя горы. Они заглянули другъ другу въ глаза и улыбнулись. Такія минуты полнаго счастья очень .рѣдки, не хочется говорить и блаженство разлито по всему тѣлу.

Сидя въ вагонѣ, они смотрѣли на мелькавшіе мимо нихъ луга, фермы, помѣстья и извилистыя дороги. Въ воздухѣ уже пахло весною. Около какой-то станціи Лу указала пальцемъ на распустившіяся ивы, Эдъ понялъ ее, закивалъ головою и улыбнулся.

На станціи Истъ Орэнджъ среди дожидавшихся экипажей ихъ вниманіе привлекла низенькая, открытая повозка

— Кажется, она намъ подойдетъ?— спросилъ онъ дипломатично, глядя въ другую сторону.

— Да,—тихо отвѣтила Лу,—но мнѣ жаль будить бѣдную старую лошадь.

Несмотря на это возница скоро замѣтилъ ихъ и подошелъ къ нимъ.

— Поѣдете, что ли?—спросилъ онъ, указывая кнутомъ на свою повозку.

Они покорно повиновались и усѣлись въ повозку. Они были оба въ веселомъ настроеніи и все, все рѣшительно нравилось имъ, начиная съ старой, облѣзлой повозки и кончая сильно помятымъ цилиндромъ ихъ степеннаго, невозмутимо-спокойнаго возницы. Они попросили его не гнать лошадь, а дать ей итти шагомъ, такъ какъ она замѣтно хромала. Они выѣхали изъ села и медленно подвигались впередъ по проселочной дорогѣ.

Минутами Лу приходила мысль, что сегодня она могла бы рѣшиться на все. Но при этой мысли она вдругъ смущалась и не могла прямо посмотрѣть Адамсу въ глаза. Но то были лишь мимолетныя ощущенія. Она была счастлива, а тамъ будь, что будетъ!

— Не говори мнѣ, Эдъ, который

домъ будетъ нашъ, я сама хочу отгадать,—сказала она.

Онъ далъ ей торжественное слово исполнить ея просьбу. Вскорѣ показалась ферма невдалекѣ отъ которой стоялъ домъ. Она внимательно изучила видъ и украдкою взглянула на Эда. Онъ смотрѣлъ въ пространство тупымъ, ничего не выражающимъ взглядомъ.

— Совсѣмъ не къ чему строить изъ себя идіота,—сказала она.—Я отлично знаю, что это не то, здѣсь нѣтъ лѣса.

— Вотъ и вся благодарность за честное исполненіе даннаго обѣщанія,—прошепталъ онъ.

Обоимъ стало еще веселѣе.

— Эдъ, — закричала она,—останови лошадь. Смотри, вотъ весна.

Онъ увидѣлъ кустъ весь покрытый почками, выпрыгнулъ изъ повозки и нарѣзалъ ей цѣлый пукъ вѣтвей своимъ огромнымъ складнымъ ножемъ. Вѣтки онъ передалъ ей. Такіе эпизоды юности не забываются и въ преклонныхъ годахъ. Она заглянула ему въ глаза и улыбнулась. Спустя минуту ея руки, складывавшія вѣтви въ букетъ, задрожали. Его глаза ясно сказали ей:— «Это букетъ для невѣсты».

Она осторожно положила его себѣ на колѣни и закрыла глаза. Ей не хотѣлось думать, — она была счастлива и не хотѣла думать.

Адамсъ задумался. Какъ она послушно и покорно слѣдовала за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не давалъ ей понять, чего онъ отъ нея хочетъ. Что это—любовь или гипнотизмъ? Онъ не могъ откровенно высказаться передъ этой дѣвушкой, а въ его помыслахъ не было ничего дурного.—Знаніе порождаетъ невинность, — думалъ онъ.— Скромность—одно притворство. Чтобы сохранить свою невинность, мы должны понимать жизнь. Но откуда же могла Лу взять это пониманіе? Миссриссъ Сторсъ совершенно не знала жизни въ ея высшихъ проявленіяхъ и знакомила свою дочь только съ ея декораціями, съ мишурою.

Адамсъ понималъ, что Лу и Дора одинаково нуждаются въ немъ и что онъ обязанъ молчать и не раскрывать истины своей невѣстѣ, если намѣренъ до конца исполнить свой долгъ.

Раздавшійся рядомъ съ нимъ вздохъ, вывелъ Адамса изъ его глубокой задумчивости. Онъ повернулся къ Лу, которая примостилась поудобнѣе въ своемъ уголку и заснула. Лошадь еле плелась, ея голова опускалась все ниже и ниже, возница также дремалъ.

Кое какъ они наконецъ доѣхали до цѣлаго ряда кленовъ. Полусонная лошадь почувствовала пріятную прохладу, сдѣлала нѣсколько шаговъ и замерла на мѣстѣ. Эдъ улыбнулся, сама судьба направила ихъ сюда.

— Ну, трогай, — закричалъ очнувшійся возница.

— Не надо,—сказалъ Адамсъ,—мы уже доѣхали, куда надо.

Лу раскрыла глаза и привстала

— Развѣ мы уже пріѣхали?

Она оглянулась вокругъ и съ благодарностью посмотрѣла на него. Онъ спросилъ ее, какъ ей здѣсь нравится и она молча отвѣтила ему. Лучшаго мѣста нечего было и желать.

За кленами виднѣлся одноэтажный домъ съ покатой крышей, громадными окнами на чердакѣ и съ широкимъ крыльцомъ. Къ дому вела дорожка, по обѣ стороны которой были устроены клумбы, прикрытыя соломою.

— Вотъ крокусы, тюльпаны и нарциссы, — сказала она, указывая на клумбы.

— Гдѣ?

— Да тамъ подъ соломою.

— Хорошо. Подожди немного, я сейчасъ пойду за ключами.

Онъ подозвалъ возницу и быстро пошелъ вдоль изгороди къ группѣ строеній, виднѣвшейся нѣсколько поодаль. Да, она себѣ представляла ихъ именно такими, всѣ эти амбары, коптильню и сарайчики. Ферма какъ двѣ капли воды походила на ея собственный домъ. Ея собственный домъ! Какъ пріятно звучали эти слова. Она вытянула шею и съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія Адамса съ ключами.

— Непремѣнно надо перевести сюда Дору какъ можно скорѣе,—сказала она ему. — Какъ ты думаешь, она въ со-

состоянiи будетъ вынести такое путешествiе?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, Лу. Пусть она хоть завтра прiѣдетъ.

— Надо сперва обмеблировать домъ.

— Это уже сдѣлано.

— Эдъ!

— Все готово, можно хоть сейчасъ поселиться. Сама дополнишь, что надо потомъ.

Она не могла говорить и только молча посмотрѣла на него. Онъ нагнулся, чтобы всунуть ключъ въ замокъ, она положила ему на плечо свою руку и сказала:

— Эдъ, ты всегда будешь любить Дору?

— Да, Лу.

И такъ они обручились. Обѣдъ, поданный имъ на крыльцѣ у фермера, состоялъ изъ хлѣба и молока, сыра и яблочнаго пирога со сливками.

Лу посвятила два часа на осмотръ своего новаго дома.

— Какъ ты умудрился такъ хорошо все устроить, Эдъ! Тутъ рѣшительно все есть.

— Мнѣ помогла жена фермера.

— Если бы Дора была бы здѣсь! Мнѣ совсѣмъ не хочется возвращаться

— Переночуемъ здѣсь, а завтра утромъ поѣдемъ и привеземъ сюда Дору.

— Дома будутъ безпокоиться обо мнѣ.

Она колебалась и посмотрѣла на него, не зная, на что ей рѣшиться.

— Мы имъ напишемъ,—весело сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты съ видомъ человѣка, которому предстоитъ выполнить еще какую то работу.

Она усѣлась на первый попавшiйся стулъ, чтобы собрать свои мысли. Что такое должно было сейчасъ съ нею случиться? Теперь ей все стало казаться страннымъ, начиная съ поѣздки сюда. Она подошла къ окну и увидѣла Адамса, который промчался мимо на телѣгѣ, запряженной лошадью фермера. Онъ свернулъ на большую дорогу и поѣхалъ по направленiю къ Истъ Орэнджъ. Она невольно вскрикнула. Глаза ея свѣтились мягкимъ свѣтомъ, и она весело улыбнулась. Вскорѣ Адамсъ и его телѣга совершенно скрылись изъ виду.

Въ четыре часа кто то подъѣхалъ къ калиткѣ, она посмотрѣла въ щелочки жалюзи и увидѣла сидящаго въ телѣгѣ пастора и Эда, который со встревоженнымъ видомъ направлялся къ дому. Она поспѣшно бросилась къ двери, отворила ее, спокойно вышла на крыльцо. Спускаясь со ступенекъ, она столкнулась съ Эдомъ.

— Пойдемъ подъ деревья,—сказала она.

Пасторъ видимо спѣшилъ, онъ спрыгнулъ съ телѣги съ книгою въ рукахъ и, направляясь къ калиткѣ, перелистывалъ ее на ходу.

— Ну, теперь все въ порядкѣ, — сказалъ онъ, глядя на нихъ поверхъ очковъ, и поставилъ Лу и Адамса рядомъ передъ собою.

Лу устремила глаза на землю и съ интересомъ разсматривала молодую траву, пробивающуюся сквозь засохшую прошлогоднюю. Надъ ея головой свѣшивались вѣтки клена, густо покрытыя почками.

Она улыбнулась серьезному пастору, который смотрѣлъ на нее поверхъ очковъ, и еле слышно прошептала: «да, согласна». Она ни разу не взглянула на Эда, но судорожно пожала ему руку въ отвѣтъ на его пожатiе и ея сердце замерло.

Пасторъ порывисто вытащилъ изъ кармана часы, посмотрѣлъ на нихъ и воскликнулъ:

— Мнѣ остается всего тридцать минутъ до поѣзда.

— Поспѣемъ,—успокоилъ его Адамсъ. Затѣмъ онъ повернулся къ Лу, схватилъ ея руку и потрясъ ее. — Я обѣщалъ доставить его обратно, — объяснилъ онъ ей.—До свиданья.

Онъ разсмѣялся и бросился бѣгомъ къ телѣгѣ, за нимъ послѣдовалъ взволнованный пасторъ. Эдъ обернулся, чтобы еще разъ взглянуть на Лу. Лицо его сiяло безумнымъ счастiемъ, онъ махнулъ ей рукой, тронулъ лошадь и скрылся изъ виду, поднявъ за собою цѣлый столбъ пыли.

Лу оперлась на калитку и лѣниво раскачивала ее взадъ впередъ, пока онъ окончательно некрылся изъ виду.

Она машинально вошла въ домъ, прошла въ гостиную и остановилась, не отрывая глазъ отъ пола.

— Какъ все это странно случилось, прошептала она.

Она нервно ходила по комнатамъ, разсматривала себя въ зеркала и, наконецъ, придвинула стулъ къ одному изъ оконъ, изъ котораго была видна проѣзжая дорога.

Человѣкъ, къ которому она до сихъ поръ такъ критически относилась, противъ котораго она такъ часто возставала, надъ которымъ она любила потрунить, вдругъ выросъ въ ея глазахъ. Имъ дѣйствительно можно было гордиться, ему можно было вѣрить, онъ заслуживалъ ея любовь и ласку. Она вспомнила тѣ странные вопросы, которые онъ ей такъ серьезно ставилъ по возвращеніи въ городъ, и какъ она тогда обидѣлась на него. Она улыбнулась, но тотчасъ же опять сдѣлалась серьезною. Губы ея слегка двигались. Она молилась по настоящему впервые за много лѣтъ.

— Да, любовь такого человѣка большое счастіе,—проговорила она вслухъ.

Она облокотилась на подоконникъ и задумчиво смотрѣла на дорогу. Становилось все темнѣе и темнѣе. Она услышала стукъ приближающихся колесъ и пошла на встрѣчу Эду.

* * *

Вскорѣ послѣ женитьбы Адамсъ съ увлеченіемъ занялся адвокатурою. Многіе считали его большимъ оригиналомъ. Онъ не бралъ на себя веденіе такихъ дѣлъ, которыя можно было выиграть, только очернивъ репутацію противной стороны. Защищалъ онъ съ увлеченіемъ. Онъ сдѣлался большимъ знатокомъ по веденію сложныхъ, принципіальныхъ дѣлъ и никогда не бралъ за нихъ гонорара. У него была таже закваска, что и у пророковъ, которые въ былыя времена такъ надоѣдали людямъ, но онъ рѣшилъ идти къ своей цѣли инымъ путемъ и сумѣлъ пріобрѣсти вѣсъ и положеніе, не возбуждая всѣхъ противъ себя.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ричарда за границу, мистеръ и мистриссъ Вандемеръ сообщили своимъ ближайшимъ друзьямъ о его женитьбѣ.

Постепенно въ Нью-Іоркѣ распространился слухъ, что молодая мистриссъ Вандемеръ, чрезвычайно умная и красивая, дочь бѣдныхъ, но почтенныхъ родителей, родомъ изъ Германіи. Спустя нѣсколько лѣтъ Ричардъ вернулся съ женою домой и на нее тотчасъ же посыпался цѣлый дождь приглашеній. Она много выѣзжала и часто принимала у себя.

Въ то время, какъ я пишу эти строки, Теклѣ еще не исполнилось восемнадцати лѣтъ. Вы можете ее встрѣтить въ скверѣ, у васъ же на кухнѣ, въ увеселительномъ саду или на Блэквеллсъ Айландъ, куда ее отправили за совершенное второе или третье преступленіе.

Можетъ быть, ея горькая судьба поможетъ намъ разобраться и понять недостатки того общественнаго строя, который мы созидаемъ.

Конецъ.

Я заперъ всѣ двери и ставни,
А нѣтъ ни покоя, ни сна.
За окнами хмурая осень
И ночь холодна и темна.
Тамъ вѣтеръ, бездомный бродяга,
Качаясь на вѣткахъ нагихъ,
Поетъ заунывныя пѣсни
О вѣчныхъ скитаньяхъ своихъ.
Я слушаю ихъ поневолѣ,
И тянутъ тѣ пѣсни меня
Уйти въ непогоду и сумракъ
Отъ близкихъ, тепла и огня,
Въ безлюдной глуши затеряться
И дикую пѣсню запѣть,
Къ себѣ сожалѣнья не видѣть,
Себя самому не жалѣть.

А. Ѳедоровъ.

КИПАРИСЫ.

Я устала отъ сѣверныхъ бурь...
Сгиньте, думы мои одинокія!
Кипарисы мнѣ снятся далекіе,
Кипарисы, волна и лазурь...

Ночи темныя, тѣни тоскливыя,
Я хочу позабыть васъ, хочу!..
Я стремлюсь къ золотому лучу,
Гдѣ растутъ кипарисы счастливые...

Не стучите, въ цѣпяхъ ледяныхъ,
Подъ окошкомъ березы холодныя—
Кипарисы мнѣ снятся свободные
И сіянье небесъ голубыхъ!

Г. Галина.

Соціальные классы и политическія партіи.

„Интересы, ищущіе еще въ потемкахъ своей абстрактной формулы, могутъ сближать людей, но они не соединяютъ ихъ и не сливаютъ ихъ въ одну цѣлую массу для дѣйствія. Это какъ бы армія безъ мундира и безъ знамени; у нея достанетъ терпѣнія для защиты, но стремительности и увлеченія для аттаки у нея не хватитъ. Одни только общіе принципы могутъ поднять напряженіе до той степени, которая необходима, чтобы вызвать и поддержать до конца рѣшительное усиліе“ (Е. Бутми „Развитіе государственнаго и общественнаго строя Англіи“ М. 1904. 147 стр.).

I.

«Вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ». Этими словами, какъ извѣстно, начинается знаменитый «Коммунистическій Манифестъ», въ которомъ впервые съ классическою ясностью и сжатостью были провозглашены основныя идеи научнаго соціализма. Не случайно, конечно, Марксъ началъ «Манифестъ» съ провозглашенія классовой борьбы какъ двигающаго нерва историческихъ событій,—теорія и практика классовой борьбы представляютъ собою основное содержаніе научнаго соціализма. Съ тѣхъ поръ, какъ былъ написанъ «Коммунистическій Манифестъ», Марксъ и Энгельсъ въ рядѣ блестящихъ историческихъ монографій и теоретическихъ сочиненій, а нѣмецкая соціалъ-демократія на практикѣ достаточно выяснили общій смыслъ и значеніе теоріи и практики классовой борьбы. Но закаленная въ огнѣ практической политической борьбы, провозглашенная, какъ могучее историческое обобщеніе, классовая теорія нуждалась еще въ точномъ и ясномъ опредѣленіи самого понятія соціальныхъ классовъ.

К. Марксъ сознавалъ это, и въ третьмъ томѣ «Капитала», призванномъ завершить его экономическую систему, онъ отвелъ спеціальную главу разсмотрѣнію вопроса о соціальныхъ классахъ. Но, увы! уже въ самомъ началѣ этой главы читатель съ глубокимъ чувствомъ незамѣнимой интеллектуальной утраты видитъ печальныя слова:

«Здѣсь рукопись автора обрывается»...

Марксъ не далъ спеціальнаго опредѣленія понятія соціальныхъ классовъ, а вслѣдствіе того, что это понятіе, какъ мы увидимъ ниже,

является у Маркса очень своеобразнымъ и сложнымъ, приходится внимательно вчитываться во всѣ случайно, мимоходомъ написанныя Марксомъ строки о понятіи соціальныхъ классовъ.

Уже въ «Нищетѣ философіи» Марксъ бросаетъ вскользь нѣсколько замѣчаній, ясно показывающихъ, что подъ соціальными классами онъ понималъ не просто общественныя группы съ расходящимися и сталкивающимися соціальными интересами, а такія соціальныя группы, которыя уже сдѣлали, по крайней мѣрѣ, первые шаги на пути выработки своего классоваго самосознанія.

«Экономическія отношенія, говоритъ онъ здѣсь, превратили сперва массу народонаселенія въ рабочихъ. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положеніе и общіе интересы. Такимъ образомъ, по отношенію къ капиталу масса является уже классомъ, но сама для себя она еще не классъ. Въ борьбѣ, намѣченной нами лишь въ нѣкоторыхъ ея фазисахъ, сплоченная масса вырабатывается въ классъ для себя. Защищаемыя ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба между классами есть борьба политическая. Въ исторіи буржуазіи мы должны различать два фазиса: въ первомъ она складывается въ классъ подъ господствомъ феодальнаго строя и абсолютной монархіи; во второмъ—уже образовавши изъ себя классъ—она низвергла феодализмъ и монархію, чтобы изъ стараго общества сдѣлать общество буржуазное. Первый изъ этихъ фазисовъ былъ длиннѣе второго и потребовалъ наибольшихъ усилій» [1]).

Въ той же «Нищетѣ философіи» Марксъ говоритъ между прочимъ: «Пока пролетаріатъ не настолько еще развитъ, чтобы сложиться въ особый классъ, пока самая борьба пролетаріата съ буржуазіей не имѣетъ еще, слѣдовательно, политическаго характера» и т. д. [2]).

Эти мимоходомъ брошенныя въ «Нищетѣ философіи» замѣчанія показываютъ, что уже въ самомъ началѣ Марксъ склоненъ былъ считать классомъ группу людей, которая не только по объективнымъ свойствамъ своего существованія, но и по субъективнымъ свойствамъ своего сознанія представляла собою экономически обособленное цѣлое которая бы, словомъ, не только выражала, но и сознавала классовыя противорѣчія. Изъ послѣдней приведенной нами цитаты видно уже, что Марксъ склоненъ былъ считать рабочихъ особымъ классомъ только тогда, когда у нихъ уже появились первые проблески классоваго сознанія. Онъ говоритъ здѣсь о пролетаріатѣ, который «*не настолько еще развитъ, чтобы сложиться въ особый классъ*».

И въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» Марксъ намѣчаетъ, какъ

---

[1]) Ср. К. Марксъ „Нищета философіи". Перев. подъ р. Г. Плеханова, изд. Г. Львовича. Спб. 1906. Стр. 140—141.

[2]) Ibid. Стр. 94.

одну изъ основныхъ задачъ «коммунистовъ»:—«превращеніе пролетаріевъ въ классъ».

Наконецъ, въ блестящей исторической «монографіи 18-ое Брюмэра Луи Бонапарта» мы находимъ у Маркса слѣдующія характерныя строки относительно крестьянства:

«Мелкіе крестьяне образуютъ собою огромную массу, члены которой живутъ въ одинаковыхъ условіяхъ, но не вступаютъ въ разнообразныя отношенія другъ съ другомъ. Ихъ способъ производства ведетъ къ разобщенію, а не къ взаимнымъ сношеніямъ производителей... Клочекъ земли, крестьянинъ и семья; рядомъ другой клочекъ земли, другой крестьянинъ и другая семья. Куча семей образуетъ деревню, куча деревень—департаменты. Такимъ образомъ составляется главная масса французскаго народа, какъ изъ картофеля, набитаго въ мѣшокъ, составляется мѣшокъ съ картофелемъ... Поскольку между мелкими крестьянами существуетъ лишь связь того же мѣстожительства, а тожественность ихъ интересовъ не вызываетъ никакой сознательной общности интересовъ, никакой національной общности и никакой политической организаціи крестьянъ, постольку мелкіе крестьяне не образуютъ класса».

Этихъ не многихъ цитатъ вполнѣ достаточно, чтобы получить общее представленіе о взглядѣ Маркса на соціальные классы. Вѣрный своей эволюціонной или, если угодно, діалектической точкѣ зрѣнія, Марксъ видѣлъ въ соціальномъ классѣ не разъ навсегда данное и застывшее бытіе, а вѣчно живой процессъ развитія, или, выражаясь языкомъ Гегеля, Марксъ разсматривалъ соціальные классы въ процессѣ «становленія».

Сплошной соціальный бытъ первобытнаго общества съ господствомъ стихійнаго коммунизма, подъ напоромъ ростущихъ производительныхъ силъ, разслаивался на разные экономическіе классы со все болѣе расходящимися, все рѣзче сталкивающимися интересами. Медленно и постепенно на почвѣ разлагающагося первобытнаго коммунизма складывались экономическіе классы, еще медленнѣе и еще постепеннѣе эти различные классы начали сознавать противоположность своихъ интересовъ и вырабатывать классовую идеологію. На почвѣ уже сложившихся хозяйственныхъ классовъ начало туго и медленно развиваться классовое сознаніе, возникшее раньше въ верхнихъ слояхъ общественной пирамиды, а затѣмъ уже постепенно пробившееся и къ придавленнымъ этою пирамидою низшимъ слоямъ. Подъ живительными лучами восходящаго классоваго сознанія безформенная глыба «населенія» начинала шевелиться, двигаться и принимать организованныя формы, изъ хаоса «жителей» стала все болѣе выдвигаться и выясняться твердь классовой организаціи. Хозяйственные классы, обособляемые лишь еще не осознанною противоположностью экономическихъ интересовъ, по мѣрѣ развитія самосознанія стали превращаться

въ соціальные классы. Этотъ длинный, черезъ всю человѣческую исторію тянущійся процессъ превращенія безформенныхъ глыбъ хозяйственныхъ классовъ или хозяйственныхъ группъ въ живые организмы соціальныхъ классовъ, не завершился еще и въ настоящее время. Въ настоящее время уже всѣ классы населенія, начиная съ узкой вершины и кончая широкимъ основаніемъ общественной пирамиды, втянулись въ эту вторую стадію развитія самосознанія, но втянулись далеко еще не цѣликомъ. Въ то время, когда ихъ передовые отряды уже успѣли всецѣло проникнуться самосознаніемъ, отсталый «тылъ» еще погруженъ въ темень соціально-безсознательнаго существованія.

Кромѣ того, ни одинъ классъ не представляетъ собою замкнутаго цѣлаго, входъ въ которое постороннимъ прегражденъ. Напротивъ того, между различными классами постоянно происходитъ соціальный экзосмосъ и эндосмосъ, постоянный «обмѣнъ веществъ».

Изъ рядовъ раззоряющейся мелкой буржуазіи постоянно вливаются новые элементы въ кадры рабочаго класса, изъ рабочаго класса, въ несравненно, конечно, меньшемъ количествѣ, извѣстные элементы переходятъ въ мелкую буржуазію. Эти новые пришельцы, попадающіе въ новую соціальную среду, не могутъ, конечно, сразу избавиться отъ своихъ вчерашнихъ воззрѣній, взглядовъ, привычекъ, стремленій. Становясь соціально членами новаго класса, они еще долго продолжаютъ сердцемъ и умомъ жить въ своей старой соціальной средѣ.

Такимъ образомъ, соціальный классъ представляетъ собою до чрезвычайности сложный общественный процессъ претворенія и переработки сырого хозяйственнаго матеріала въ живой соціально-политическій организмъ.

Надо различать двоякаго рода классы:—классы какъ чисто хозяйственная категорія и классы какъ соціальныя явленія. Классы въ чисто хозяйственномъ смыслѣ существовали съ самаго начала исторической жизни человѣчества, съ тѣхъ поръ какъ появились угнетенные и угнетаемые, имущіе и неимущіе. Соціальные же классы представляютъ собою болѣе поздній историческій продуктъ, они появились тогда, когда вокругъ хозяйственныхъ группировокъ стала вырабатываться атмосфера классоваго сознанія.

Рабочій классъ долгое время представлялъ собою чисто хозяйственный классъ, безъ проблесковъ классоваго сознанія, обособленный экономически отъ всѣхъ другихъ классовъ, онъ былъ лишенъ сознанія своей обособленности и стремленія устранить эту обособленность. Онъ былъ способенъ къ стихійнымъ вспышкамъ недовольства своимъ положеніемъ, вспышкамъ, направленнымъ на своего ближайшаго эксплуататора. Эти глухія стихійныя вспышки были въ началѣ совершенно лишены политически членораздѣльной рѣчи, были лишены вообще всякаго политическаго характера. Но постепенно и туго темное и глухое недовольство рабочихъ низкимъ вознагражденіемъ и тяжелымъ

положеніемъ наемнаго труда стало просвѣтляться и расширяться сначала въ недовольство безправнымъ и подневольнымъ положеніемъ всего рабочаго класса, а затѣмъ и въ недовольство существованіемъ классоваго расчлененія общества вообще. А рука объ руку съ этимъ борьба рабочихъ разросталась изъ борьбы съ отдѣльными хозяевами въ борьбу съ классомъ капиталистовъ, въ борьбу съ государствомъ, опирающимся на эксплуатацію огромнаго большинства населенія незначительнымъ меньшинствомъ.

На этой то почвѣ и происходило превращеніе рабочаго класса, какъ чисто хозяйственной категоріи, въ соціальный классъ, члены котораго уже были объединены не только единствомъ своего хозяйственнаго положенія, но и единствомъ своего сознанія. Такой уже созрѣвшій соціальный классъ по необходимости долженъ выдвинуть программу политической борьбы, такъ какъ только съ помощью политической дѣятельности онъ можетъ добиться законодательнымъ путемъ улучшенія своего положенія, какъ класса, и надѣяться, путемъ завладѣнія политическою властью, положить конецъ всякому классовому строенію общества.

Таковъ именно смыслъ приведенныхъ нами цитатъ изъ Маркса, таковъ смыслъ проводимаго имъ различія между классомъ, являющимся таковымъ лишь по отношенію къ другимъ классамъ, и классомъ «въ себѣ».

Характеризуя эту точку зрѣнія Маркса на общественные классы, г. Туганъ-Барановскій справедливо говоритъ: «Проходя этотъ кругъ развитія, классъ измѣняется въ своемъ характерѣ; называя одну и ту же общественную группу классомъ, и затѣмъ отказывая ей въ классовомъ характерѣ, нашъ авторъ характеризовалъ ее съ точки зрѣнія различныхъ фазисовъ ея развитія. Такъ, личинка можетъ быть противопоставлена взрослому животному, въ которое она превращается, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сравнивая это животное съ организмами другихъ видовъ, мы присваиваемъ личинкѣ такое же наименованіе, какъ и взрослому животному» [1]).

Переходъ изъ класса какъ чисто хозяйственной категоріи въ классъ «въ себѣ» или соціальный классъ совершается не сразу всей массой, а отдѣльными отрядами, въ разсыпную. И теперь еще нѣтъ ни одного класса, который бы вполнѣ завершилъ переходъ отъ хозяйственнаго класса къ общественному. И теперь еще во всѣхъ безъ исключенія общественныхъ классахъ имѣются многочисленные элементы, которые, принадлежа экономически къ опредѣленному классу, психологически не сознаютъ этой принадлежности, не понимаютъ общности своихъ интересовъ съ интересами всего даннаго класса и противоположность

---

[1]) М. Туганъ-Барановскій. Что такое общественный классъ? „Міръ Божій“ 1905 г. № 1. Стр. 68.

своихъ интересовъ интересамъ всѣхъ другихъ классовъ. Многіе изъ этихъ элементовъ обходятся вообще безъ всякой классовой идеологіи, многіе же безсознательно усваиваютъ идеологію другихъ классовъ, изъ которыхъ они еще недавно вышли или которые сумѣли подчинить ихъ своей духовной культурѣ.

Присутствіе подобнаго рода элементовъ во всѣхъ общественныхъ классахъ вскрываетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ несовпаденія между политическими партіями и соціальными классами, но, какъ мы увидимъ ниже, имѣются еще и другіе источники этого несовпаденія.

Если бы соціальные классы были всецѣло проникнуты прочнымъ сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ, если бы всѣ члены каждаго общественнаго класса твердо стояли на точкѣ зрѣнія общности своихъ интересовъ и противоположности ихъ интересовъ другихъ классовъ, то, ведя другъ съ другомъ политическую борьбу, они создали бы лишь нѣсколько крупныхъ политическихъ партій, въ точности соотвѣтствующихъ тѣмъ соціальнымъ классамъ, на которые распадается современное общество.

На самомъ дѣлѣ точнаго соотвѣтствія между политическими партіями и соціальными классами въ настоящее время не существуетъ. Нѣсколькимъ соціальнымъ классамъ противостоятъ десятки различныхъ политическихъ партій, классовый составъ которыхъ отличается большою пестротою и перетасованностью. Мы только что уже намѣтили одну изъ основныхъ причинъ подобнаго несовпаденія:—во всѣхъ классахъ очень многочисленные элементы не проникнуты классовымъ сознаніемъ и, въ хозяйственномъ отношеніи принадлежа къ данному классу, они политически борятся въ рядахъ другихъ классовъ.

Теперь мы обратимся къ другимъ причинамъ, вызывающимъ несовпаденіе политическихъ партій съ соціальными классами. Остановимся прежде всего на большей дробности политическихъ интересовъ по сравненію съ классовыми интересами.

II.

Уже Адамъ Смитъ установилъ три основныхъ соціальныхъ класса: крупные землевладѣльцы, промышленники и рабочій классъ.

Какъ мы уже замѣтили, въ третьемъ томѣ «Капитала» Марксъ началъ анализъ понятія общественныхъ классовъ. Указавъ на только что упомянутые три основныхъ класса, Марксъ продолжаетъ: «Что дѣлаетъ ихъ образователями трехъ большихъ общественныхъ классовъ? На первый взглядъ тождественность доходовъ и источниковъ дохода. Существуютъ три большихъ общественныхъ группы, составныя части которыхъ, образующіе ихъ индивидуумы, живутъ соотвѣтственно рабочей платой, прибылью и поземельной рентой, пользова-

ніемъ своей рабочей силой, своимъ капиталомъ и своей поземельной собственностью».

«Но съ этой точки зрѣнія врачи и чиновники, напр., образуютъ также два класса, такъ какъ они принадлежатъ къ различнымъ общественнымъ группамъ, и члены каждой изъ нихъ получаютъ доходы изъ одного и того же источника. То же самое относится и къ безконечному дробленію интересовъ и положеній, на которые раздѣленіе общественнаго труда разбиваетъ, какъ рабочихъ, такъ капиталистовъ и поземельныхъ собственниковъ—послѣднихъ, напр. на владѣльцевъ виноградниковъ, владѣльцевъ пахотныхъ земель, владѣльцевъ лѣсовъ, владѣльцевъ шахтъ, владѣльцевъ рыбныхъ тоней». Но Марксъ едва только успѣлъ подойти къ изслѣдованію интереснѣйшаго вопроса. Рукопись третьяго тома осталась недоконченной, оборвавшись какъ разъ на этомъ мѣстѣ.

Талантливѣйшій послѣдователь Маркса, Карлъ Каутскій попытался довести до конца аргументацію Маркса и далъ слѣдующее объясненіе расхожденія классовыхъ интересовъ:

«Что опредѣляетъ положеніе съ одной стороны, скажемъ, поземельнаго собственника по отношенію къ наемному рабочему и капиталисту, съ другой стороны, скажемъ, владѣльца пашни по отношенію къ владѣльцу лѣса и мѣста подъ постройку?

«Поземельная рента поземельнаго собственника при данной величинѣ національнаго дохода можетъ увеличиваться лишь: или насчетъ заработной платы, или насчетъ прибыли капитала—интересы поземельнаго собственника противорѣчатъ, такимъ образомъ, интересамъ наемнаго рабочаго и капиталиста. Между тѣмъ, поземельная рента владѣльца пахотной земли не растетъ насчетъ поземельной ренты другихъ поземельныхъ собственниковъ. Напротивъ, ростъ поземельной ренты или связанной съ нею цѣны на землю одного рода влечетъ за собою ростъ поземельныхъ рентъ и земельныхъ цѣнъ другихъ земельныхъ участковъ. Но всякое повышеніе этихъ поземельныхъ рентъ и земельныхъ цѣнъ означаетъ соотвѣтствующій ущербъ заработной платы или прибыли капитала.

«Возьмемъ, съ другой стороны, классъ наемныхъ рабочихъ. Онъ распадается на печатниковъ, металлургическихъ рабочихъ, ткачей, сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и т. д., но эти подраздѣленія не образуютъ никакихъ классовъ. Для всѣхъ ихъ является общей противоположность къ капиталу и поземельной собственности, ибо при данномъ національномъ доходѣ заработная плата можетъ возрастать лишь на счетъ этихъ обоихъ источниковъ дохода; внутри же рабочаго класса заработная плата одного изъ этихъ рабочихъ слоевъ не возрастаетъ насчетъ другихъ; напротивъ, скорѣе всякое повышеніе заработной платы одного рабочаго слоя усиливаетъ тенденцію къ повышенію заработной платы другихъ рабочихъ слоевъ оно усиливаетъ

стремленіе рабочихъ требовать высшую плату и уменьшаетъ у предпринимателей силу сопротивленія противъ этой уступки» [1]).

Эти замѣчанія Каутскаго чрезвычайно цѣнны для уясненія взаимоотношенія между политическими теоріями и соціальными классами, они показываютъ намъ, что классовыя позиціи обусловливаются не только общностью источниковъ дохода, но и, какъ выражается Каутскій, «общности *противоположности* къ другимъ классамъ, изъ которыхъ каждый стремится присвоить источники доходовъ другихъ, чтобы сдѣлать доходнѣе свой собственный».

Сообразно тремъ основнымъ источникамъ дохода: земельной собственности, фабричному производству и наемному труду, мы можемъ различать три основныхъ типа политическихъ партій:—консервативную, либеральную и соціалистическую. Но присматриваясь ближе къ тремъ основнымъ соціальнымъ классамъ, мы легко замѣтимъ, что и внутри нихъ идетъ борьба различныхъ экономическихъ группъ и происходитъ рѣзкое столкновеніе соціальныхъ интересовъ. Каждый изъ этихъ крупныхъ соціальныхъ классовъ распадается на различныя соціальныя группы, создающія дальнѣйшее дробленіе общественныхъ группировокъ, а на почвѣ этого дальнѣйшаго дробленія складываются промежуточныя политическія партіи.

Возьмемъ, напр., буржуазію. Достаточно самаго общаго ознакомленія съ ея соціально-политической физіономіей, чтобы бросилось въ глаза рѣзкое соціальное различіе между двумя ея половинами—крупною и мелкою буржуазіей, это различіе настолько велико, что многіе выдѣляютъ мелкую буржуазію даже въ особый, самостоятельный соціальный классъ. Къ этому различію, поскольку оно отражается на политическихъ группировкахъ, мы еще вернемся ниже, а также разсмотримъ первую группу—крупную буржуазію.

Крупная буржуазія, въ свою очередь, не представляетъ собою соціальнаго класса съ совершенно замиренными внутренними противорѣчіями и столкновеніями, она, въ свою очередь, распадается по своимъ соціальнымъ интересамъ и политической физіономіи на два подъкласса—финансовую и промышленную буржуазію.

И финансовая, и промышленная буржуазія въ конечномъ итогѣ извлекаютъ свои доходы изъ эксплуатаціи наемнаго труда, но тогда какъ промышленная буржуазія совершаетъ эту эксплуатацію непосредственно, финансовая буржуазія присваиваетъ себѣ часть созданной рабочими прибавочной цѣнности не въ ея непосредственномъ видѣ, а въ видѣ присвоенія части предпринимательской прибыли. Финансовая буржуазія непосредственной эксплуатаціей рабочихъ не занимается, за извѣстный процентъ она ссужаетъ своими деньгами промышленную

---

[1]) Ср. Каутскій. „Классовые интересы". Перев. В. Поссе. Одесса, 1905 г. Стр. 4—5.

буржуазію, и этотъ процентъ, уплачиваемый фабрикантами финансистамъ, представляетъ собою вычетъ изъ предпринимательской прибыли послѣднихъ въ пользу наростанія процентовъ вторыхъ. Такимъ образомъ передъ нами здѣсь безусловный антагонизмъ интересовъ между двумя различными группами одного и того же класса—финансовая буржуазія стремится по возможности увеличить размѣры процента за отдаваемый капиталъ, а промышленная буржуазія стремится по возможности понизить эти размѣры. Въ общей суммѣ, создаваемой рабочими прибавочной цѣнности, которой одновременно питаются и финансисты и фабриканты, относительная доля фабрикантовъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше относительная доля финансистовъ, и наоборотъ.

Финансовая буржуазія и промышленная обѣ заинтересованы въ томъ, чтобы выжать изъ рабочаго возможно большую массу прибавочной цѣнности, одинаково заинтересованы онѣ обѣ и въ томъ, чтобы крупное производство развивалось возможно шире и безпрепятственнѣе, ибо эксплуатація наемнаго труда и развитіе капиталистическаго производства и создаютъ источникъ изъ дохода. Это то и объединяетъ ихъ въ одинъ соціальный классъ, но когда начинается дѣлежъ ихъ общей добычи, такъ тотчасъ начинаютъ сталкиваться ихъ экономическіе интересы.

Сказачное развитіе матеріальнаго богатства въ XIX в. привело къ созданію и скопленію громадныхъ капиталовъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Процентъ на занимаемый капиталъ при этомъ страшно упалъ и финансистамъ остается возмѣстить это паденіе путемъ увеличенія массы отдаваемаго въ оборотъ капитала. Но это сдѣлать не такъ-то легко. Во всѣхъ странахъ старой капиталистической культуры скопилась колоссальная масса свободныхъ «безработныхъ» капиталовъ, жадно и часто тщетно ищущихъ себѣ примѣненія внутри страны. Эти-то избыточные капиталы рыщутъ по всему лицу земли капиталистической, съ особенною плотоядностью набрасываясь на полуцивилизованныя и дикія страны, гдѣ дешевы рабочія руки, гдѣ непочаты природныя богатства и высока предпринимательская прибыль.

И чѣмъ развитѣе въ капиталистическомъ отношеніи страна, тѣмъ космополитичнѣй ея капиталы, тѣмъ болѣе широкое участіе принимаетъ она въ финансированіи заграничныхъ предпріятій. Возьмемъ, напр., Францію. Въ 1904 г. во Франціи была произведена интересная оффиціальная анкета о размѣрахъ участія французскихъ капиталистовъ въ иностранныхъ предпріятіяхъ и иностраннныхъ бумагахъ. Эта анкета показала, что въ нѣмецкіе предпріятія вложено 85 милліоновъ французскихъ капиталовъ, а въ русскія бумаги и предпріятія—7 милліардовъ франк. По неоффиціальнымъ же даннымъ въ русскія предпріятія и бумаги французы уже въ 1904 году вложили отъ 11—13 милліардовъ фр. Въ общемъ, по подсчету анкеты, Франція вложила въ ино-

странныя и свои колоніальныя предпріятіи огромную сумму, достигающую 33 милліар. фр. [1]).

Извлекая сотни милліоновъ ежегоднаго дохода изъ финансированія иностранной промышленности и иностранныхъ правительствъ, финансовая буржуазія въ то же время широко финансируетъ и свое правительство, благодаря этому она очень близко соприкасается съ правительственною властью, входитъ съ нею въ интимныя сношенія и сообща обдѣлываетъ капиталистическіе походы на новыя страны, еще не совершившія капиталистическаго грѣхопаденія. Несравненно ближе чѣмъ промышленная буржуазія стоя къ правительству, финансовая буржуазія параллельно съ этимъ несравненно дальше стоитъ отъ народа. Принимая своими финансами ближайшее участіе во всѣхъ широкихъ правительственныхъ махинаціяхъ, постоянно затѣивая авантюристскіе планы, финансовая буржуазія нуждается въ правительствѣ, которое бы ее поддерживало и позволяло ей за кулисами политической жизни въ тиши и тьмѣ обдѣлывать свои дѣла.

«Денежнымъ тузамъ, — справедливо говоритъ Каутскій, — нечего бояться «сильной», т.-е. отъ народа и отъ парламента не зависящей государственной власти, такъ какъ они держатъ эту власть въ своихъ рукахъ, въ качествѣ кредиторовъ и благодаря личнымъ вліяніямъ при дворѣ, Милитаризмъ, войны, государственные долги, во всемъ этомъ они тоже заинтересованы и въ качествѣ кредиторовъ государства, и въ качествѣ поставщиковъ его, такъ какъ среда ихъ вліянія и ихъ грабительства, ихъ могущества, ихъ богатства расширяется и растетъ, благодаря всему этому» [2]).

Промышленная буржуазія непосредственно заинтересована въ томъ, чтобы въ странѣ была тишина и порядокъ, чтобы покупательная способность широкихъ массъ населенія не подрывалась тяжелыми налогами, чтобы правительственная власть въ своей дѣятельности опиралась на нее, буржуазію, чтобы, наконецъ, рабочій классъ «чрезмѣрной» эксплуатаціей и отсталымъ законодательствомъ не доводился до революціонной вспышки и непримиримаго озлобленія.

Финансовая же буржуазія относится недружелюбно къ широкому политическому самоуправленію, ибо политическая гласность и неослабный политическій контроль народа мѣшаютъ развернуться авантюристическимъ затѣямъ. Финансовые тузы наиболѣе жирные куши получаютъ именно въ авантюристскихъ предпріятіяхъ, основанныхъ на легковѣріи публики, на ловкой спекуляціи, на умѣлой фальсификаціи общественнаго мнѣнія, на эксплуатаціи затруднительнаго положенія

---

[1]) Ср. нашу статью. Финансовая міровая политика. „Эконом. Газета“ 1904 г. № 8. По даннымъ еще не вошедшимъ въ эту анкету, французскіе капиталисты вложили въ иностранное предпріятія до 70 милліард. фр.!

[2]) К. Каутскій. Соціальная реформа и на другой день послѣ соціальной реформы. Ростовъ-на-Дону. 1905 г. Стр. 51—52.

той или иной общественной группы или даже правительства. Послѣдній русскій заемъ, положившій въ карманы французскихъ финансистовъ круглую сумму въ 90 милліоновъ франковъ, служитъ хорошей иллюстраціей къ сказанному. Мы видимъ, такимъ образомъ, что политическія физіономіи двухъ крупныхъ группъ буржуазіи—промышленной и финансовой, очень рѣзко отличаются другъ отъ друга, и не удивительно, что на почвѣ этого различія должны сложиться двѣ различныя политическія партіи.

Если мы теперь обратимся къ промышленной буржуазіи, то убѣдимся, что и внутри ея существуютъ нѣсколько группъ съ расходящимися соціально - политическими интересами. Промышленная буржуазія, работающая на туземный рынокъ, заинтересована въ охранительныхъ пошлинахъ, промышленная же буржуазія работающая на иностранные рынки, настроена фритредерски, сообразно съ этимъ политическія стремленія первой направлены на поддержку тѣхъ партій, которыя включаютъ въ свою программу протекціонизмъ, а стремленія второй—на тѣ партіи, которыя борятся съ протекціонизмомъ.

Надо далѣе различать съ одной стороны между буржуазіей, производящей предметы роскоши, потребляемые лишь богатыми слоями народа, и исполняющей заказы казны, и съ другой стороны между буржуазіей, производящей предметы, расчитанные на потребленіе широкой и малоимущей группы народа.

Перваго рода буржуазія тяготѣетъ больше въ «аристократіи», а та, которая работаетъ для казны, настроена въ политическомъ отношеніи очень услужающе. Она является яростной сторонницей милитаризма и маринизма, доставляющихъ ей многомилліонные заказы, и равнодушно относится къ вопросу о благосостояніи народной массы, не являющейся ея потребителемъ. Промышленная же буржуазія, работающая на широкій народный рынокъ, заинтересована въ томъ, чтобы покупательная способность и потребности широкой народной массы развивались и не подрывались налогами, связанными съ ростомъ милитаризма и маринизма. Это расхожденіе соціальныхъ интересовъ внутри одного и того же класса ведетъ къ тому, что изъ одного и того же соціальнаго корня выростаютъ и развѣтвляются въ стороны различныя политическія партіи.

Какъ мы уже упомянули, совершенно особую политическую позицію занимаетъ обширная группа буржуазіи—мелкая буржуазія.

Побѣдоносный ходъ капиталистическаго хозяйства раззоряетъ мелкую буржуазію. Онъ выбиваетъ ее изъ одной позиціи за другой, заставляя напряженно и тревожно ждать завтрашній историческій день. Зачастую у этой мелкой буржуазіи отъ ея «собственности» остались, какъ говорится, лишь ножки да рожки, но одержимая болѣзненною любовью къ клочку земли, убогой мастерской или затхлой лавченкѣ, она обѣими руками цѣпляется за эту «собственность» и го-

това лучше умереть отъ переутомленія и недоѣданія, чѣмъ разстаться съ нею. Она чувствуетъ, конечно, какъ на нее со всѣхъ сторонъ надвигается неумолимая и непреоборимая конкурренція крупнаго производства, она видитъ на каждомъ шагу, какъ толстая буржуазія дюжинами поѣдаетъ тощую, но біясь какъ рыба о ледъ, она перебивается со дня на день и надѣется отстоять свою «собственность». А когда ей начинаютъ расписывать, какъ «соціалисты» прійдутъ и отберутъ у всѣхъ «собственность», она легко вспыхиваетъ къ нимъ тупой и тяжелой ненавистью.

Зачастую дошедшая въ своемъ раззореніи до положенія пролетарія, она съ трудомъ, однако, разстается съ своей психологіей собственника.

Одна часть мелкой буржуазіи сумѣла кое-какъ приспособиться въ качествѣ простого придатка крупнаго производства. Она работаетъ на это производство и поддерживается имъ. Эта часть мелкой буржуазіи плетется въ хвостѣ буржуазныхъ партій и лишь небольшую часть выдѣляетъ въ новыя партіи. Другая же часть мелкой буржуазіи мелкіе бѣдные крестьяне, мелкіе лавочники въ рабочихъ кварталахъ, мелкіе трактирщики и т. д. живя, главнымъ образомъ, пролетарской кліентурой, понемному втягиваются въ кругъ идей и стремленій пролетаріата и примыкаютъ къ соціалистической партіи. Къ этой «соціалистической» группѣ мелкой буржуазіи намъ еще прійдется вернуться при анализѣ соціальнаго состава соціалистическихъ партій.

Значительная же часть мелкой буржуазіи пополняетъ кадры реакціонныхъ партій. Раззоряемые капиталистическимъ развитіемъ, пугаемые соціалистическимъ «уничтоженіемъ собственности», мелкіе буржуа начинаютъ съ ненавистью относиться ко всякому движенію впередъ и начинаютъ всѣ свои надежды возлагать и всѣ свои стремленія напрягать на то, чтобы вернуть исторію вспять, къ тому доброму старому времени, когда мелкая собственность и ремесло еще были «золотымъ дномъ». «Они потеряли—говоритъ Каутскій объ этой группѣ мелкой буржуазіи—надежду поправить свои дѣла собственными силами, они всего ожидаютъ сверху, отъ высшихъ классовъ и отъ государственной власти. А такъ какъ всякій прогрессъ является для нихъ грозной опасностью, то они относятся враждебно ко всякому прогрессу, въ какой бы-то области ни было. Тяготѣніе къ реакціи дѣлаетъ ихъ защитниками монархіи, церкви, дворянства. Но при этомъ они остаются демократическими, такъ какъ только при демократическомъ строѣ могутъ они имѣть политическое вліяніе и такимъ путемъ получить поддержку со стороны государственной власти» [1]).

«Если соціалъ-демократія, говоритъ дальше Каутскій, является самой прогрессивной партіей, то реакціонная демократія представляетъ собою партію самую ретроградную, такъ какъ у нея къ ненависти другихъ реакціонныхъ партій противъ прогресса присоединяется еще

---

[1]) [illegible] социальная реформа. Ростовъ на Дону. 1905. Стр. 46.

безшабашность грубѣйшаго невѣжества во всемъ, что лежатъ за предѣлами самаго ограниченнаго кругозора. Къ этому нужно еще прибавить, что въ качествѣ эксплуататоровъ мелкіе буржуа влачатъ свое существованіе только благодаря тому, что безчеловѣчно эксплуатируютъ самую слабую и наименѣе способную къ сопротивленію рабочую силу—женщинъ и дѣтей. При этомъ они, конечно, сталкиваются прежде всего враждебно съ соціалъ-демократіей, которая старается посредствомъ организаціи рабочихъ и путемъ ограничительныхъ законовъ положить предѣлъ такому расхищенію человѣческихъ жизней».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что вторая половина буржуазіи, мелкая буржуазія, по своимъ политическимъ стремленіямъ представляетъ собою еще болѣе разнородную массу, чѣмъ первая половина буржуазіи, крупная буржуазія. Часть мелкой буржуазіи, и пока даже значительное большинство мелкой буржуазіи, настроена крайне реакціонно. Она легко подпадаетъ подъ вліяніе всякихъ соціальныхъ знахарей и реакціонеровъ, обѣщающихъ ей возвращеніе къ доброму старому времени, она съ остервенѣніемъ набрасывается на всѣхъ новаторовъ и широкою волною приливаетъ къ пестрымъ зазывательскимъ знаменамъ католическихъ, антисемитическихъ и консервативныхъ партій. Но другая часть консервативной мелкой буржуазіи, сжившаяся съ пролетарскою средою, рекрутирующая изъ нея своихъ кліентовъ, настроена очень радикально, и во многихъ странахъ она въ довольно большомъ количествѣ подаетъ свои голоса за соціалистическихъ кандидатовъ.

Мы убѣждаемся, слѣдовательно, что классъ буржуазіи распадается на нѣсколько общественныхъ группъ съ расходящимися соціальными интересами, съ различнымъ соціальнымъ міровоззрѣніемъ. На этой почвѣ по необходимости вырастаютъ различныя политическія партіи.

III.

Въ рабочемъ классѣ, конечно, можно отмѣтить тоже очень различные соціальные слои — чернорабочихъ и квалифицированныхъ рабочихъ, рабочихъ крупныхъ и мелкихъ заводовъ, рабочихъ, оборвавшихъ и не оборвавшихъ «связи съ землею» и т. д., и т. д.—на почвѣ которыхъ складываются различныя политическія физіономіи. Но разница между буржуазными и пролетарскими классовыми труппами заключается въ томъ, что между буржуазными группами существуетъ извѣстный антогонизмъ интересовъ, между тѣмъ какъ между рабочими группами ясно понятый соціальный интересъ долженъ толкать ихъ къ полному объединенію и сплоченію.

Въ самомъ дѣлѣ, финансовая буржуазія заинтересована въ томъ, чтобы процентъ на ссужаемый его капиталъ былъ по возможности выше, а промышленная буржуазія пользующаяся этими капиталами заинтересована какъ разъ въ противоположномъ. Промышленная бур-

жуазія, питающаяся главнымъ образомъ казенными заказами и наживающая милліоны на изготовленіи военныхъ оружій, припасовъ, аммуниціи, флота и т. д. является ярой сторонницей милитаризма, а буржуазія, работающая на внутренній рынокъ, экономически страдаетъ отъ тяготъ милитаризма. Конечно, несмотря на всѣ эти различія, всѣ эти общественныя группы остаются буржуазными, принадлежа къ одному и тому же классу буржуазіи, но на почвѣ этого различія создаются различныя буржуазныя политическія партіи.

Различныя же пролетарскія партіи могутъ быть созданы не на почвѣ расходящихся соціальныхъ интересовъ различныхъ группъ рабочаго класса, а лишь на почвѣ недоразвившагося и не достаточно прояснившагося классоваго сознанія. Всякое улучшеніе, котораго удается добиться отдѣльной группѣ рабочихъ, влечетъ за собою улучшеніе и для всего рабочаго класса. Сокращеніе рабочаго времени, повышеніе заработной платы, которыхъ удается добиться въ одномъ мѣстѣ, вдохновляетъ на такую же борьбу и сулитъ такую же побѣду и въ другомъ. Тѣ же законодательныя мѣры охраны рабочихъ, которыя удается провести въ парламентѣ, идутъ на пользу всему рабочему классу, нѣтъ такой группы рабочихъ, которымъ не нужно было бы фабричное законодательство, права стачекъ и союзовъ, страхованія. Конечная же цѣль соціалистическаго движенія обѣщаетъ положить конецъ всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, въ чемъ, конечно, заинтересованъ весь рабочій классъ, тогда какъ конечная цѣль буржуазіи—вполнѣ развитое капиталистическое хозяйство—обѣщаетъ развѣ положить конецъ распри между буржуазіей и феодальными классами, но отнюдь не между тѣми различными фракціями буржуазіи, о которыхъ мы говорили.

Поэтому, поскольку дѣло идетъ о вполнѣ сознательныхъ классовыхъ партіяхъ, рабочій классъ собственно цѣликомъ вступаетъ въ ряды единой соціалистической партіи. Но было бы, конечно, наивно думать, что всякій рабочій уже тѣмъ простымъ фактомъ, что онъ рабочій, является членомъ соціалистической партіи. Если бы весь пролетаріатъ вступалъ въ ряды соціалистическихъ партій, то тогда во всѣхъ странахъ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ уже давнымъ бы давно совершился захватъ политической власти пролетаріатомъ. Въ Германіи, напр., пролетарскіе слои населенія составляютъ по вычисленію В. Зомбарта 67,5% всего населенія [1]). Ясно, что если бы всѣ пролетарскіе элементы вступали въ соціалистическія партіи, то послѣднія располагали бы въ рейхстагѣ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Въ той же Германіи крупные земельные собственники составляютъ лишь немногимъ болѣе одного процента населенія, между тѣмъ какъ въ рейхстагѣ крупные землевладѣльцы располагаютъ значительнымъ количествомъ голосовъ.

---

[1]) Ср. W. Sombart. Die deutsche Volkswirschaft in Neunzehnten Jahrhundert Berlin 1903. 531 стр.

Недостаточно развитое классовое сознаніе заставляетъ значительную долю пролетаріата подавать голоса за либеральныхъ, консервативныхъ и даже реакціонныхъ кандидатовъ. Такимъ образомъ и рабочій классъ не создаетъ единую и цѣльную политическую партію, куда бы онъ весь цѣликомъ входилъ, его различныя группы въ зависимости отъ степени развитія или точнѣе недоразвитія классоваго сознанія разбредаются по самымъ различнымъ политическимъ партіямъ. Этотъ фактъ настолько очевиденъ, что дальше на немъ останавливаться не приходится.

Несравненно менѣе извѣстенъ и болѣе, на первый взглядъ, страненъ другой противоположный фактъ—присутствіе значительнаго количества буржуазныхъ элементовъ въ политической кліентурѣ соціалистическихъ партій. Что недостаточно развитые въ классовомъ отношеніи пролетаріи, подъ вліяніемъ темноты или подчиняясь давленію, зазывательству, призрачнымъ соблазнамъ, голосуютъ за буржуазныхъ кандидатовъ, это понять не трудно, но какой интересъ буржуазіи голосовать за своихъ враговъ соціалистовъ, вѣдь насчетъ враждебности соціалистовъ къ буржуазіи не можетъ быть ни у кого никакихъ сомнѣній? Здѣсь мы подходимъ къ интереснѣйшему вопросу, отвѣтъ на который очень многое уясняетъ такъ сказать въ психическихъ двигателяхъ избирателя и въ частности въ вопросѣ о соотношеніи между политическими партіями и соціальными классами. Но прежде чѣмъ остановиться на вскрытіи причинъ этого явленія, мы охарактеризуемъ въ самыхъ общихъ чертахъ самое это явленіе.

На основаніи сопоставленія данныхъ избирательной статистики съ данными профессіональной переписи Германіи, видно, что нѣмецкіе соціалъ-демократическіе кандидаты получаютъ приблизительно полъ-милліона голосовъ избирателей, принадлежащихъ къ буржуазнымъ классамъ. Мы совершенно не будемъ касаться этихъ статистическихъ сопоставленій и замѣтимъ лишь, что и нѣмецкіе соціалъ-демократы превосходно, конечно, знаютъ, что за нихъ голосуютъ и избиратели буржуазныхъ классовъ.

Являясь единственной политической партіей, которая сознательно и открыто опирается на классовые интересы, на классовое сознаніе, на классовую организацію, соціалъ-демократія вмѣстѣ съ этимъ является единственной политической партіей, которая стремится къ уничтоженію всякаго распаденія общества на классы. Въ этой позиціи нѣтъ ничего двойственнаго и непослѣдовательнаго. Являясь представительницей наиболѣе эксплуатируемаго и угнетеннаго общественнаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи убѣждена, что этотъ гнетъ и эксплуатація исчезнутъ только въ незнающемъ классовъ соціалистическомъ строѣ, который можетъ быть осуществленъ только организаціей класса трудящихся, соціалъ-демократія вполнѣ послѣдовательно организуетъ классовую партію для устраненія всего классового строенія общества, организуетъ эксплуатируемыхъ для уничтоженія всякаго рода эксплуатаціи.

Съ помощью организаціи соціальныхъ интересовъ опредѣленнаго класса она стремится къ реализаціи идеала общечеловѣческой справедливости.

Капиталистическій строй эксплуатируетъ и угнетаетъ не только рабочихъ, онъ эксплуатируетъ и всю пеструю и разношерстную массу «маленькихъ людей». Эти маленькіе люди, однако, еще питаютъ надежду, что съ помощью всяческихъ реакціонныхъ экспериментовъ въ родѣ «запрещенія» крупныхъ торговыхъ заведеній, возвращенія къ цеховому строю и т. д., и т. д., они сумѣютъ вернуть себѣ былое скромное благосостояніе. Но извѣстная часть этого «мелкаго люда»— мелкихъ служащихъ, мелкихъ собственниковъ, мелкихъ торговцевъ— уже успѣла отчаяться во всѣхъ этихъ попыткахъ дать задній ходъ исторіи и стала подавать свои голоса за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ, что, какъ мы увидимъ ниже, еще далеко не значитъ, что весь «мелкій людъ», голосующій за соціалъ-демократовъ, проникся пониманіемъ соціалистической идеи и сочувствіемъ ей.

«Если въ настоящее время, говоритъ Карлъ Каутскій,—соціалъ-демократія занимаетъ аванпосты въ борьбѣ противъ пошлинъ на жизненные припасы, то она защищаетъ при этомъ интересы не только пролетаріевъ, но также мелкихъ буржуа и мелкихъ крестьянъ. Имъ же она служитъ, борясь противъ милитаризма, выступая за замѣну косвенныхъ налоговъ прогрессивнымъ налогомъ на доходы и имущества, стремясь къ націонализаціи или коммунализаціи крупныхъ монополій и т. д. Только отъ этихъ способовъ мелкіе буржуа и мелкіе крестьяне могутъ ожидать себѣ помощь, поскольку вообще помощь имъ возможна въ существующемъ обществѣ.

«Нѣтъ ничего ошибочнѣе утвержденія, будто соціалъ-демократія желаетъ возможно сильнѣе испортить жизнь маленькимъ людямъ. Она помогаетъ имъ тамъ, гдѣ это разумнымъ образомъ возможно, т.-е., гдѣ это стоитъ въ согласіи съ потребностями экономическаго развитія народа въ его совокупности, но она конечно, энергично протестуетъ противъ того, что помощь имъ должна быть оказана путемъ усиленной эксплуатаціи.

«Такимъ образомъ, именно изъ пролетарскаго классоваго характера вытекаетъ для соціалъ-демократіи рядъ въ высшей степени важныхъ политическихъ задачъ, далеко выступающихъ за предѣлы болѣе узкихъ классовыхъ интересовъ пролетаріата.

«Соціалъ-демократія не въ меньшей степени обязана этому тѣмъ, что она является притягательной силой и для не пролетарскихъ элементовъ» [1]).

Конечно, подавляющее большинство соціалъ-демократическихъ голосовъ падаетъ на классъ пролетаріевъ, но все же, какъ это показываютъ цифры избирательной статистики и признаютъ вожаки соціалъ-

---

[1]) Ср. Каутскій. Классовые интересы. Пер. съ нѣмецкаго В. Поссе. Одесса. 1905. 13 стр.

демократіи, весьма значительная доля избирателей, голосующихъ за соціалъ-демократовъ, рекрутируется изъ не пролетарскихъ слоевъ.

Слѣдовательно, и политическая партія нѣмецкой соціалъ-демократіи по соціальному составу своихъ избирателей и своихъ депутатовъ не является вполнѣ партіей только одного соціальнаго класса. Процентъ мелко-буржуазныхъ элементовъ значителенъ не только среди случайныхъ избирателей, но и среди постоянныхъ членовъ партій. Такъ напр., въ такомъ крупомъ центрѣ движенія, какъ Лейпцигъ, соціалъ-демократическій избирательный союзъ насчитываетъ 1681 члена (1905 г.), изъ которыхъ на долю пролетаріевъ приходится 60,79%, на долю мелкой буржуазіи 21,83% и на долю учащихся и прочихъ элементовъ—8,5%.

Въ своей избирательной кампаніи нѣмецкая соціалъ-демократія всегда имѣетъ въ виду не только пролетарскіе, но и мелко-буржуазные элементы и всегда расчитываетъ получить часть голосовъ послѣднихъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно ознакомиться просто съ избирательными листками соціалъ-демократической партіи.

Мы приведемъ переводъ соціалъ-демократическаго избирательнаго листка, выпущеннаго въ Берлинѣ во время послѣднихъ (1903 г.) выборовъ. Изданъ этотъ листокъ былъ центральнымъ органомъ партіи—Vorwärts'омъ. Какъ извѣстно, во время послѣднихъ нѣмецкихъ выборовъ, злобою дня служилъ вопросъ о пошлинахъ на ввозимые сельскохозяйственные продукты. «Если аграріямъ удастся, писалъ по этому поводу листокъ, помѣшать заключенію выгодныхъ торговыхъ договоровъ, то сотни фабрикъ обанкротятся, сотни тысячъ рабочихъ останутся безъ хлѣба, тысячи мелкихъ торговцевъ—раззорятся и мелкіе сельскіе хозяева, потребителями продуктовъ которыхъ являются только что перечисленные слои, потерпятъ крупные убытки. Только извѣстная группа крупныхъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ, перерабатывающихъ сырье, извлечетъ пользу изъ подобнаго положенія дѣла».

«Поворотный пунктъ въ нашей политикѣ наступитъ тогда, когда рѣшающую роль будутъ играть интересы широкой массы народа, трудящихся классовъ. А это будетъ достигнуто лишь тогда, когда вы изберете соціалъ-демократовъ, которые одни только защищаютъ интересы рабочихъ мелкихъ чиновниковъ, торговцевъ, ремесленниковъ и крестьянъ! Только соціалъ-демократія рѣшительно борется противъ безумныхъ затратъ на милитаризмъ и маринизмъ.

«Соціалъ-демократія является лучшимъ оплотомъ противъ ростовщической политики.

«Соціалъ-демократія есть партія рабочихъ, промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ, а также и ремесленниковъ, торговцевъ и крестьянъ».

Обрисовавъ далѣе ростовщическую политику аграріевъ, листокъ продолжаетъ:

«Высокая заработная плата повышаетъ потребительныя способности рабочихъ. Если заработная плата рабочихъ немного повышается,

то отъ этого въ особенности выигрываютъ мелкіе торговцы и крестьяне, продающіе свои продукты рабочимъ. Двадцать милліоновъ нѣмецкихъ рабочихъ являются для мелкаго люда лучшимъ рынкомъ сбыта» [1]).

Этотъ избирательный листокъ—а онъ ничѣмъ не отличается отъ сотни другихъ—отлично показываетъ, что, оставаясь вѣрной интересамъ нѣмецкихъ рабочихъ, нѣмецкая соціалъ-демократія въ то же самое время стремится привлечь на свою сторону и не пролетарскіе соціальные элементы, указывая имъ, что ихъ интересы совпадаютъ съ интересами рабочаго класса.

Въ Италіи, гдѣ очень сильно развивается соціалистическое движеніе, мелко-буржуазные элементы составляютъ еще болѣе высокій, чѣмъ въ Германіи, процентъ избирателей, голосующихъ за соціалистовъ и членовъ партіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже одинъ простой фактъ соціалистической демографіи—въ Италіи наиболѣе сильно распространенъ соціализмъ въ провинціяхъ Эмиліа и Романья, въ которыхъ промышленность развита чрезвычайно слабо.

Въ чрезвычайно интересной статьѣ д-ра Михельса [2]) приведена слѣдующая таблица, ясно показывающая, что во многихъ мѣстностяхъ Италіи число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, значительно (мѣстами *втрое*!) превышаетъ число пролетаріевъ, пользующихся избирательнымъ правомъ.

Вотъ, въ сокращенномъ видѣ, эта табличка.

	Число пролетаріевъ-избирателей.	Число голос., подан. за соціалист.		Число пролетаріевъ-избирателей.	Число голос., подан. за соціалист.
Пьемонтъ .	27.063	69.109	Апулія .	49.034	9.495
Лигурія. .	12.887	15.804	Калабрія .	9.884	4.161
Ломбардія .	94.298	65.897	Сицилія. .	39.146	12.280
Венеція. .	13.490	29.599	Сардинія .	10.170	2.125

[1]) Эттотъ избирательный листокъ, въ числѣ другихъ, былъ впослѣдствіи перепечатанъ въ нынѣ прекратившемся журналѣ „Dokumente des Socialismus" Stuttgart 1903. Heft. 8. Впадая въ преувеличеніе, Бруннгуберъ утверждаетъ, что въ избирательныхъ воззваніяхъ соціалъ-демократовъ „нѣтъ ни слова о классовой борьбѣ, о революціи, нѣтъ даже и декораціи „принципіальныхъ" разъясненій. Если сравнить соціалъ-демократическія избирательныя воззванія съ листками либеральными, то нельзя замѣтить между ними никакой разницы" (Dr. Brunhuber „Die heutige Social-demokretie". Jena 1906. 160 стр.). Это, конечно слишкомъ сильно сказано, вѣрно лишь то, что соц.-дем. избирательныя воззванія составляются въ разсчетѣ не только на рабочихъ, но и на весь такъ называемый «мелкій людъ", причемъ избирательная кампанія ведется на почвѣ текущихъ злобъ дня, а не отношенія къ конечному идеалу соціализма. Разница между соц.-дем. воззваніями и либеральными, даже если они совпадаютъ во фразеологіи, заключается въ томъ. что соц.-дем. хотятъ выяснить свою точку зрѣнія и прояснить классовое сознаніе трудящейся массы, а либералы, тоже заинтересованные въ голосахъ рабочихъ, стремятся скрыть свои классовыя цѣли и замутить классовое сознаніе рабочихъ.

[2]) Dr. R. Michels Proletariat und Bourgoisie in der Socialistischen Bewegung Italiens „Archiv für Socialwessenschaft und Socialpolitik". Tubingen 1906. Heft I. 124 стр. Михельсъ въ пролетаріатъ включаетъ не только рабочихъ, но и самыхъ мелкихъ крестьянъ.

Эта маленькая таблица чрезвычайно наглядно показываетъ существующее въ отдѣльныхъ избирательныхъ округахъ Италіи несоотвѣтствіе между числомъ пролетаріевъ, обладающихъ избирательнымъ правомъ, и числомъ поданныхъ за соціалистовъ голосовъ, несоотвѣтствіе указующее на то, что въ Италіи, въ большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было, за соціалистическихъ кандидатовъ голосуютъ не только пролетарскіе, но и мелко-буржуазные элементы.

Такъ, напр., въ Пьемонтѣ число пролетаріевъ, обладающихъ избирательнымъ правомъ достигаетъ всего 27,063 человѣка, между тѣмъ какъ за соціалистовъ здѣсь было подано 69.109 голосовъ. Слѣдовательно, если даже сдѣлать невозможное предположеніе, что всѣ пролетаріи до одного голосовали за соціалистовъ, то и тогда остается ни болѣе, ни менѣе какъ 42.036 голосовъ, которые могли бы быть поданы только не пролетарскими элементами. Въ венеціанскомъ округѣ число голосовъ поданныхъ за соціалистическихъ кандидатовъ болѣе, чѣмъ вдвое превышаетъ число пролетаріевъ, пользующихся въ немъ избирательнымъ правомъ.

Съ другой стороны, въ такихъ округахъ какъ Ломбардія, Апулія, Сициліа, гдѣ сравнительно очень велико число пролетаріевъ избирателей, число голосовъ, поданныхъ за соціалистическихъ кандидатовъ, сравнитесьно низко. Если въ Пьемонтѣ число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, почти втрое превышаетъ число пролетаріевъ-избирателей, а въ Венеціи болѣе чѣмъ вдвое, то въ Апуліи, Калабріи, Сициліи и Сардиніи мы замѣчаемъ какъ разъ обратное движеніе—въ Апуліи число пролетаріевъ-избирателей въ пять разъ превышаетъ число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, въ Калабріи—въ два раза; въ Сициліи—въ три раза, въ Сардиніи—въ пять разъ и т. д.

Мы убѣждаемся, такимъ образомъ, что и въ Италіи пролетаріатъ еще далеко не всей массой втянутъ въ соціалистическую пропаганду, что подавляющее большинство пролетаріата еще не голосуетъ за соціалистическихъ кандидатовъ и пролетарскіе голоса разбиваются по всѣмъ партіямъ до реакціонныхъ включительно. Съ другой же стороны мы убѣждаемся, что за соціалистическихъ кандидатовъ подаютъ свои голоса не пролетарскіе элементы. Въ Италіи соціалистическіе кандидаты получаютъ очень большое количество голосовъ въ мѣстностяхъ съ чисто крестьянскимъ населеніемъ. По словамъ нѣмецкаго соціалъ-демократа Михельса, въ Италіи «чрезвычайно часты случаи, когда мелкіе крестьяне подаютъ свои голоса за соціалъ-демократовъ». «Даже болѣе крупные арендаторы, говоритъ Михельсъ, очень часто голосуютъ за соціалъ-демократовъ. Хотя они и сами выполняютъ капиталистическія функціи, но при этомъ они очень часто питаютъ ненависть къ крупнымъ, по большей части принадлежащимъ къ дворянамъ, землевладѣльцамъ, ведущимъ жизнь соціальныхъ паразитовъ» [1]).

---

[1]) Ср. Michels l. c. „Archiv". 1906. Heft. I. 455, 456.

IV.

Въ общихъ чертахъ мы разсмотрѣли соотношеніе между соціальными классами и политическими партіями. Мы видѣли, что каждый изъ буржуазныхъ классовъ, представляя собою по отношенію ко всѣмъ другимъ соціальнымъ классамъ нѣчто цѣльное и самостоятельное, внутри распадается, однако, на отдѣльныя общественныя группы, съ расходящимися и сталкивающимися соціальными интересами. На почвѣ расхожденія этихъ реальныхъ интересовъ въ предѣлахъ одного и того же класса складываются различныя политическія партіи, соотвѣтствующія различнымъ общественнымъ группамъ, входящимъ въ составъ даннаго класса. Такова реальная объективная почва возникновенія сравнительнаго множества политическихъ партій въ противоположность сравнительной малочисленности соціальныхъ классовъ. Но на ряду съ этою объективною причиною дробленія одного и того же класса на нѣсколько политическихъ партій, существуетъ еще и причина, носящая болѣе субъективный характеръ и играющая чрезвычайно крупную роль въ процессѣ образованія и развитія политическихъ партій. Съ этою причиною, окрашенной въ субъективный цвѣтъ, мы ознакомились въ общихъ чертахъ при анализѣ политической физіономіи рабочаго класса. Мы видѣли, что въ рабочемъ классѣ совершенно не существуетъ того расхожденія интересовъ различныхъ составныхъ группъ, которое мы находимъ во всѣхъ буржуазныхъ классахъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, нѣтъ другого класса, члены котораго были бы такъ широко разбросаны рѣшительно по всѣмъ существующимъ политическимъ партіямъ, какъ пролетаріатъ. Это дробленіе цѣльнаго класса пролетаріевъ на многое множество политическихъ партій объясняется не расхожденіемъ реальныхъ интересовъ различныхъ пролетарскихъ группъ—такого расхожденія не существуетъ—а различіемъ въ степени развитія классоваго сознанія. Въ нѣкоторыхъ, въ настоящее время еще чрезвычайно обширныхъ, слояхъ пролетаріата это классовое сознаніе еще и не проснулось, еще дремлетъ въ потенціальномъ состояніи. Эти то массы пролетаріата, еще не пробужденныя къ сознательной жизни, и пополняютъ собою ряды самыхъ различныхъ и прямо противоположныхъ партій.

Для уясненія политическихъ группировокъ, для пониманія законовъ отлива и прилива голосовъ избирателей къ тѣмъ или инымъ партійнымъ знаменамъ, необходимо еще принять во вниманіе, что огромная масса избирателей, подавая свой голосъ, руководствуется исключительно текущей и преходящей злобой политическаго дня и о завтрашнемъ политическомъ днѣ не задумывается. При каждыхъ выборахъ всплываетъ какая-нибудь «злоба дня», которая довлѣетъ многому множеству избирателей. Всѣ политическія партіи это превосходно знаютъ и всѣ они при каждыхъ выборахъ на ряду съ декларацiей общихъ принциповъ стараются сосредоточить вниманіе избирателей на своемъ отношеніи

къ выдвинутому злободневному вопросу. Особеннымъ мастерствомъ, по части уловленія избирательныхъ голосовъ на почвѣ искусственно вызваннаго смятенія и возбужденія какимъ-нибудь злободневнымъ вопросомъ отличались реакціонныя партіи. Имъ не разъ удавалось незадолго до выборовъ вызвать какой-нибудь соціальный призракъ, напугать имъ довѣрчивую и пугливую часть избирателей, а засимъ толкнуть ихъ въ объятіе «сильной власти», которая прійдетъ, прогонитъ призракъ или посадитъ его въ тюрьму.

Въ статьѣ «Заговорщики и соумышленники Людовика - Наполеона въ 1851 г.» Н. Г. Чернышевскій прекрасно охарактеризовалъ эти избирательные капканы реакціонеровъ и психологію той массы избирателей, которая отъ испуга утрачиваетъ способность политически-членораздѣльной рѣчи и на время сбивается въ одно общее голосующее стадо.

«Во Франціи,—говоритъ Н. Чернышевскій, — всегда такъ, — масса народа любитъ спокойствіе; если какая-нибудь рука, благодаря случаю, захватитъ команду надъ арміей, желѣзными дорогами и телеграфомъ, народъ думаетъ: «а Богъ съ ними, пусть управляютъ, какъ хотятъ, вѣдь мы-то, по совѣсти говоря, передъ самимъ собою, этихъ ихъ дѣлъ не понимаемъ, изъ-за чего тамъ они спорятъ въ палатѣ и въ газетахъ, ...такъ пусть себѣ управляютъ, лишь бы не мѣшали намъ заниматься нашими серьезными дѣлами: пахать землю, работать на фабрикахъ и заводахъ, торговать, быть фабрикантами, помѣщиками— намъ, пахарямъ и землевладѣльцамъ, фабричнымъ и фабрикантамъ, мелкимъ лавочникамъ и негоціантамъ, не хочется ссориться съ арміей, полиціей и всѣмъ чиновничествомъ изъ-за формы правленія; пусть себѣ управляютъ, лишь бы былъ порядокъ, безъ котораго намъ нельзя заниматься дѣлами». Ради этого-то «порядка» избирательныя массы, забывая о своихъ реальныхъ интересахъ сплошь, и рядомъ приливали широкою волною къ «партійнымъ программамъ», исчерпывающимся двумя словами:—«сильная власть». Подобнаго рода случаи мы особенно часто наблюдаемъ въ исторіи Франціи.

Почти при всѣхъ выборахъ, помимо постоянно дѣйствующихъ прочныхъ классовыхъ стимуловъ, естественно возникаютъ или часто искусственно создаются преходящіе, такъ сказать, злободневные интересы, которые сразу передвигаютъ широкія волны избирателелей то вправо, во влѣво.

Среди избирателей самыхъ передовыхъ въ политическомъ отношеніи странъ и сейчасъ еще находится огромная масса лицъ, которыя, подавая свой голосъ за того или иного депутата, руководствуются при этомъ очень смѣшанными и пестрыми чувствами, сплошь и рядомъ не только не выражающими ихъ классовые интересы, но дѣйствующими вопреки послѣднимъ.

Относительно англійскихъ избирателей мы читаемъ въ монографіи нашего соотечественника М. Острогорскаго: «Избирательный корпусъ

не составляется исключительно изъ вѣрующихъ и сторонниковъ, привлеченныхъ опредѣленнымъ profession de foi и программою. Такія лица составляютъ, быть можетъ, лишь меньшинство. Во всякомъ же случаѣ, какъ бы ни было велико ихъ число, всегда остаются тысячи избирателей, которые производятъ выборъ между двумя соперничающими кандидатами, не руководствуясь при этомъ никакими соображеніями о либеральной, консервативной или какой бы то ни было вообще программѣ. Здѣсь рабочіе массою вотируютъ за хозяина фабрики, просто потому, что онъ хоро платитъ, причемъ ихъ весьма мало занимаетъ вопросъ, вступитъ ли этотъ фабрикантъ въ ряды торіевъ или либераловъ» [1]).

Для другихъ избирателей рѣшающую роль играетъ *популярность личности* избирателя. Эта популярность, какъ замѣчаетъ М. Острогорскій, основывается на цѣлой гаммѣ моральныхъ чувствованій, вызываемыхъ личностью кандидата и его характеромъ... «Рѣшающая роль принадлежитъ при этомъ вліянію личности на личность; живыя реальности противостоятъ здѣсь политическимъ соображеніямъ, и искусственнымъ раздѣленіямъ на партіи». М. Острогорскій разсказываетъ слѣдующій, очень любопытный въ интересующемъ насъ отношеніи, фактъ.

«Одинъ изъ іоркширскихъ городовъ, до сихъ поръ постоянно посылавшій въ палату либеральнаго представителя, провелъ въ послѣдніе выборы тори. Посѣтивъ этотъ городъ, я освѣдомился о причинѣ этой перемѣны. Мнѣ отвѣтили, что фактъ этотъ отчасти объясняется тѣмъ, что кандидатъ тори четыре раза подрядъ выставлялъ свою кандидатуру, многіе искони либеральные избиратели рѣшили въ концѣ концовъ: «этотъ малый не промахъ, слѣдовало бы его провести» и подали за него свои голоса» [2]).

Во всѣхъ европейскихъ странахъ еще очень много подобныхъ избирателей, руководящихся при выборахъ очень пестрыми и капризными мотивами предпочтенія одного кандидата другому. Политически безознательная и безформенная, эта масса избирателей то отливаетъ отъ опредѣленныхъ партійныхъ знаменъ, то вновь широкою волною приливаетъ къ нимъ; она то и обусловливаетъ тотъ до чрезвычайности отрывистый и зигзагообразный ходъ эволюціи политическихъ партій, который очень многихъ заставляетъ прійти къ пессимистическому отрицанію всякаго элемента законосообразности въ этой эволюціи.

Но помимо этой политически несовершеннолѣтней, аморфной массы избирателей, для пониманія рѣзкихъ колебаній политическихъ группировокъ и ихъ отклоненія отъ классовыхъ позицій, необходимо принять еще во вниманіе, что многія соціальныя группы къ политикѣ отно-

---

[1]) M. Ostrogorsky. La démocratie et l'organisation des partîes politique. Paris 1903 г. I p. 413.

[2]) Ibid. Стр. 415.

сятся какъ къ политиканству и зачастую вполнѣ сознательно подаютъ голосъ за политическую партію, которая совсѣмъ не выражаетъ ихъ соціальныхъ интересовъ, но которая отлично сражается съ ихъ врагомъ. Мы знаемъ, что Бисмаркъ лелѣялъ мысль, что «пара» соціалистическихъ кандидатовъ въ рейхстагѣ будетъ чрезвычайно полезна для консерваторовъ, такъ какъ красный призракъ заставитъ либераловъ поблѣднѣть отъ страха и присмирѣть. И въ исторіи политической жизни мы знаемъ не мало примѣровъ, когда консервативныя партіи, опиравшіяся на классъ землевладѣльцевъ и потому мало терявшія отъ волненій фабричныхъ рабочихъ, заигрывали съ соціалистами и готовы были поддержать соціалистическихъ депутатовъ, чтобы досадить своимъ врагамъ либераламъ. Эти эксперименты всегда оказывались опасными для самихъ реакціонныхъ экспериментаторовъ, которые постепенно и потеряли къ нимъ вкусъ, но въ болѣе скрытой, менѣе рѣзкой формѣ и теперь еще многіе сознательно голосуютъ за кандидатовъ соперничающей съ ними партіи.

Еще недавно, во время выборовъ въ Италіи былъ отмѣченъ любопытный фактъ, что послѣ того, какъ одинъ изъ вожаковъ итальянскихъ соціалистовъ, Ферри, грозно громилъ либеральную буржуазію и возсталъ противъ всякаго политическаго союза съ нею, нѣкоторые изъ либеральныхъ фабрикантовъ голосовали за кандидатуру Ферри. Либеральные фабриканты, конечно, и не подумали проникнуться соціализмомъ, они просто расчитали, что ростъ соціалистическихъ депутатовъ заставитъ правительство пойти на встрѣчу соціальнымъ нуждамъ, а рѣзкая критика соціалистами правительства заставитъ послѣднее держаться болѣе либеральной, прогрессивной политики. И та, какъ мы видѣли, довольно обширная масса мелкой буржуазіи, которая и въ Германіи и въ Италіи голосуетъ за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ, конечно, далеко еще не вся проникнута соціализмомъ, и голосуетъ она за соціалистовъ не изъ симпатіи къ соціалистическому строю, а изъ недовольства, темнаго и мало сознательнаго, къ существующему строю, который эти соціалисты такъ хорошо умѣютъ «пробирать». Подавая свой голосъ за соціалистовъ, многіе элементы выражаютъ этимъ фактъ своего еще болѣе темнаго политически—и соціально—не членораздѣльнаго недовольства. Послѣ послѣднихъ выборовъ (1903 г.) въ нѣмецкій рейхстагъ одинъ нѣмецкій чиновникъ выпустилъ анонимную брошюру «Соціалъ-демократія и чиновничество», обратившую на себя довольно большое вниманіе. Въ этой брошюрѣ «средній чиновникъ», какъ называетъ себя авторъ, объясняетъ, почему это они, чиновники, оставаясь патріотами и противниками соціалъ-демократіи, зачастую все-таки голосуютъ за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ.

«Когда я узналъ, говоритъ онъ, что многіе мои товарищи, бывшіе убѣжденными монархистами и консерваторами, голосовали за соціалъ-демократовъ, я съ удивленіемъ спросилъ ихъ: «Какъ же вы могли порвать со всѣмъ своимъ прошлымъ, со всѣми своими принципами?

Какъ могли вы, государственные чиновники, голосовать за соціалъ-демократовъ и тѣмъ самымъ подрубать сукъ, на которомъ вы сидите»?

«И повсюду мнѣ давали одинъ и тотъ же отвѣтъ:

«Мы совсѣмъ не сдѣлались соціалъ-демократами, хотя и помогли ихъ побѣдѣ. Мы выбираемъ соціалъ-демократовъ не потому, что мы перестали быть верными королю и отечеству, мы не считаемъ соціалъ-демократическую партію болѣе разумной или привлекательной, чѣмъ другія партіи, мы голосуемъ за соціалъ-демократовъ, чтобы дать внѣшнее выраженіе своему недовольству».

Въ этихъ словахъ нѣмецкихъ чиновниковъ хорошо отразилась психологія той, очень многочисленной, массы избирателей, которая уже пробуждена къ недовольству, но еще бродитъ въ политическихъ потемкахъ и еще не можетъ оборвать свою связь со старыми традиціями, преданіями, предразсудками. Нынѣшній капиталистическій строй больно защемилъ всю пеструю, разношерстную массу «мелкаго люда», которая мечется не зная толкомъ, кто и что ее гнетъ, и готовая сегодня голосовать за соціалъ-демократовъ, а завтра широкимъ потокомъ устремляться въ ряды реакціонеровъ.

Въ этомъ отношеніи особеннымъ политическимъ непостоянствомъ, переходящимъ часто въ вѣроломство, отличается мелкая буржуазія. «Ея промежуточное положеніе, писалъ о мелкой буржуазіи К. Марксъ, между классомъ болѣе крупныхъ капиталистовъ, торговцевъ и промышленниковъ, такъ называемой буржуазіей въ собственномъ смыслѣ и пролетарскимъ или рабочимъ классомъ, опредѣляетъ ея характеръ. Мечтая выбиться въ первый, отдѣльныя лица этого класса при малѣйшемъ поворотѣ счастья низвергаются въ ряды второго. Въ монархическихъ и феодальныхъ классахъ заказы двора и аристократіи становятся необходимыми для ея существованія; потери этихъ заказчиковъ можетъ раззорить значительную часть ея. Въ болѣе мелкихъ городахъ военный гарнизонъ, окружная администрація, судъ съ его штатомъ очень часто образуютъ основу ея благосостоянія; удалите ихъ— и конецъ лавочникамъ, портнымъ, сапожникамъ, столярамъ. Такимъ образомъ, вѣчно бросаемый между надеждой войти въ ряды болѣе богатаго класса и страхомъ снизойти до положенія пролетаріевъ или даже нищихъ; между надеждой подвинуть свои интересы завоеваніемъ доли въ руководствѣ общественными дѣлами и страхомъ вызвать несвоевременной оппозиціей гнѣвъ правительства, располагающаго самымъ существованіемъ его—такъ какъ оно можетъ удалить лучшихъ его кліентовъ; обладающій малыми средствами, необезпеченность обладанія которыми обратно пропорціональна ихъ размѣрамъ — этотъ классъ крайне шатокъ въ своихъ взглядахъ. Смиренный и рабски покорный при сильномъ, феодальномъ или монархическомъ, правительствѣ, онъ переходитъ на сторону либерализма, когда вліяніе средняго класса поднимается; онъ охватывается бѣшенными демократическими порывами, какъ скоро средній классъ воюетъ за свое собственное верховен-

ство, но пятится назадъ въ гнусномъ страхѣ, какъ только классъ ниже его, пролетаріи, предприметъ самостоятельное движеніе» [1]).

Эти слова Маркса, написанныя въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ, сохранили и по нынѣ всю свою силу. Даже тѣ передовые слои мелкой буржуазіи, которые голосуютъ за соціалистовъ, даже и они, по крайней мѣрѣ, въ очень значительномъ числѣ, «пятятся назадъ въ гнусномъ страхѣ, какъ только классъ ниже его, пролетаріи, предприметъ самостоятельное движеніе». Мы видѣли, что въ Италіи очень значительная масса мелкой буржуазіи голосуетъ за соціалъ-демократовъ, но стоило только итальянскимъ соціалъ-демократамъ объявить всеобщую стачку, какъ мелкая буржуазія стала «пятится назадъ въ гнусномъ страхѣ» и сразу при ближайшихъ же выборахъ число голосовъ поданныхъ за соціалъ-демократовъ рѣзко понизилось [2]). Очень многимъ мелкимъ буржуа, голосующимъ за соціалъ-демократовъ, конечная цѣль соціализма представляется пустой утопіей или во всякомъ случаѣ чѣмъ-то очень, безконечно далекимъ, а посему и мало интереснымъ. Они голосуютъ за соціалистовъ, такъ какъ соціалисты безъ устали добиваются соціальныхъ реформъ и служатъ чудеснымъ пугаломъ для правительства. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ фактъ, сообщаемый относительно Италіи Михельсомъ. Какъ мы уже знаемъ, въ Италіи значительная часть мелкой буржуазіи голосуетъ за соціалъ-демократовъ, но при этомъ чрезвычайно характерно, что во многихъ мѣстахъ та самая мелкая буржуазія, которая посылаетъ въ парламентъ соціалъ-демократическаго представителя, при выборахъ въ органы мѣстнаго самоуправленія проводитъ умѣренныхъ кандидатовъ и проваливаетъ соціалистическихъ. Ей нечего опасаться, что ея представители въ парламентѣ декретируютъ соціалистическій строй. Этотъ строй «ѣдетъ, когда то будетъ», во всякомъ случаѣ не скоро «будетъ», а можетъ быть и совсѣмъ не будетъ, разсуждаютъ они, а пока что соціалисты стойко будутъ отстаивать интересы «маленькихъ людей» и толкать въ парламентѣ правительство на демократическія реформы. А въ органахъ мѣстнаго самоуправленія соціалисты того и гляди сейчасъ же примутся за «соціалистическіе» эксперименты въ области такъ называемыхъ муниципальнаго или общиннаго соціализма, того и гляди начнутъ содѣйствовать широкому развитію муниципальныхъ и общинныхъ предпріятій, что далеко не всегда на руку мелкимъ лавочникамъ и мелкимъ крестьянамъ. И въ итогѣ они зачастую

---

[1]) Ср. К. Марксъ. Историческіе очерки. Германія въ 1848—1850 гг.. Кіевъ, 1905 г., стр. 8.

[2]) Вождь итальянскихъ ордоксальныхъ соціалистовъ, Ар. Лабріола въ сочиненіи „Riforme e Revoluzione Sociale“ указываетъ на опасность для соціалистической партіи отъ вступленія въ ея ряды мелкой буржуазіи и требуетъ, чтобы мелкой буржуазіи былъ закрытъ всякій доступъ въ ряды соціалистической партіи. Но голосовать за соціалъ-демократовъ вѣдь уже во всякомъ случаѣ никому не *запретишь*.

проводятъ соціалистовъ въ парламентъ и проваливаютъ при мѣстныхъ выборахъ.

Мы выяснили въ общихъ чертахъ взаимоотношеніе между политическими партіями и соціальными классами. Резюмируя это взаимоотношеніе, мы можемъ сказать, что основные типы политическихъ партій складываются соотвѣтственно основнымъ типамъ соціальныхъ классовъ. Но выростая на почвѣ классового расчлененія общества, основныя политическія партіи даютъ новыя отвѣтвленія, питаемыя отчасти расхожденіемъ соціальныхъ интересовъ внутри одного и того же класса, а отчасти недостаточнымъ развитіемъ классоваго сознанія. Эта послѣдняя причина ведетъ къ тому, что въ каждой политической партіи есть для классоваго анализа ирраціональныя величины, такъ сказать въ классовомъ отношеніи невмѣняемые элементы. По мѣрѣ дальнѣйшаго культурнаго развитія, число подобныхъ элементовъ все уменьшается и политическія партіи все болѣе и болѣе начинаютъ соотвѣтствовать соціальнымъ классамъ [1]).

П. Берлинъ.

---

[1]) Въ эпоху ранняго конституціонализма, когда приходится еще добывать элементарныя условія для развитія нормальной политической жизни, соотвѣтствіе между политическими партіями и соціальными классами очень не точно; подъ высокимъ давленіемъ абсолютизма, въ высокой атмосферѣ бѣлаго террора происходитъ сплавъ политическихъ элементовъ, не обладающихъ прочнымъ соціальнымъ средствомъ. Примѣромъ можетъ служить наша конституціонно-демократическая партія. Конституціонно-демократическій органъ „Право" писалъ послѣ побѣды кадетовъ: „Мы вовсе не предполагаемъ, что всѣ тѣ, кто голосовалъ за списки кандидатовъ народной свободы, цѣликомъ раздѣляютъ взгляды программы партій, напр., о необходимости немедленнаго переложенія возможно большой части бремени государственныхъ расходовъ съ слабыхъ плечъ обездоленныхъ классовъ населенія на болѣе сильныя плечи имущихъ. И, конечно, не всѣ проникнуты убѣжденіемъ въ необходимости увеличенія крестьянскаго землевладѣнія за счетъ частно-владѣльческихъ земель. И далѣе не все столичное населеніе убѣждено въ необходимости автономіи для Польши и равноправія для евреевъ". При нормальныхъ условіяхъ уже налаженной конституціонной жизни подобный искусственный сплавъ разнородныхъ соціальныхъ элементовъ въ одну политическую партію неминуемо долженъ расползтись по классовымъ швамъ.

Женщины великой французской революціи.

Эммы Адлеръ.

Пер. съ нѣмецкаго **Т. Богдановичъ**

Олимпія де Гужъ.

Олимпіи де Гужъ было 38, а злые языки говорятъ даже 40 лѣтъ, когда она сложила свою голову на гильотинѣ. 2-го ноября 1793 года ненависть Робеспьера поразила эту противницу террора, и ея героическая борьба за права женщинъ была прервана жестокимъ образомъ.

Вся ея жизнь былая какая то странная, экзальтированная.

Она не умѣла ни читать, ни писать и между тѣмъ издала нѣсколько книгъ! Она, слабая женщина, внушала страхъ нѣкоторымъ мужчинамъ и заставляла отступать самого Робеспьера. Она жила полной жизнью и въ тоже время каждую минуту была готова жертвовать ею. Ея мысли не всегда были отчетливы, иногда даже очень спутаны, тѣмъ не менѣе въ ея произведеніяхъ встрѣчаются мѣста, отмѣченныя печатью геніальности, хотя стиль по большой части чрезвычайно небреженъ.

Все, что она дѣлала, она дѣлала страстно, всѣ ея поступки свидѣтельствовали о пылкомъ темпераментѣ, они производили впечатлѣніе какихъ то взрывовъ страсти, но всегда были проникнуты самоотверженіемъ и одушевленіемъ. Она представляла какую то смѣсь великаго и смѣшного, добродѣтелей и ошибокъ. Эксцентричная во всемъ, она разбила цѣпи, связывавшія женщину, и охваченная неудержимымъ стремленіемъ къ свободѣ, она выступила на защиту женскихъ правъ въ энергичныхъ брошюрахъ и въ страстныхъ рѣчахъ на трибунѣ якобинскаго клуба. Олимпія де Гужъ—первая женщина—политическій ораторъ, которую знаетъ исторія. Она не была первою среди борцовъ за равноправіе женщинъ, но она была самою отважною изъ женщинъ французской революціи. Она первая сорганизовала женское движеніе и сдѣлала изъ него замѣтный факторъ общественной жизни.

Марія Олимпія де Гужъ родилась въ Монтобанѣ въ 1755 году. Ея мать была модистка, а по другимъ разсказамъ старьевщица; ея отецъ имѣлъ имя въ литературѣ. Въ этомъ отношеніи приходится

положиться на слова Олимпіи де Гужъ, такъ какъ его имя не могло быть установлено. Говорили даже, что она дочь Людовика XV. По этому поводу она замѣчаетъ въ своемъ «Политическомъ завѣщаніи» слѣдующее: «Я не королевская дочь, но я дочь человѣка, увѣнчаннаго лаврами, прославившагося столько же своими добродѣтелями, какъ и литературными дарованіями. Онъ сдѣлалъ въ своей жизни только одинъ проступокъ, и этотъ проступокъ касается меня, но больше я ничего не скажу объ этомъ».

Въ 15 лѣтъ она вышла замужъ за нѣкоего Обри, прежняго ресторатора изъ Парижа, скопившаго себѣ небольшое состояніе и переселившагося въ Монтобанъ, гдѣ его плѣнила красота юной Олимпіи. Въ 16 лѣтъ она уже была вдовой и матерью мальчика. Мужъ ея оставилъ ей состояніе въ 60.000 франковъ. Въ расцвѣтѣ юности, сіяя счастьемъ и очарованіемъ, исполненная иллюзій, отправилась она подъ своей дѣвичьей фамиліей въ Парижъ. На ея южную впечатлительность не могъ не подѣйствовать блескъ этой волшебной столицы. Очень скоро ее, съ ея романтическимъ складомъ ума и страстью къ необычному, увлекло въ цѣлый водоворотъ любовныхъ похожденій. Она стала душой всѣхъ эпикурейскихъ сборищъ.

Она стремилась стать Нинонъ XVIII вѣка. Прекрасная Олимпія съ головой окунулась въ наслажденія, и неудержимый пылъ, съ какимъ она предавалась своимъ страстямъ, равнялся мужеству, съ какимъ она потомъ жертвовала собой, защищая строгіе принципы республиканизма.

Но она еще не достигла самаго бурнаго періода своей жизни. Ею овладѣлъ другой демонъ, демонъ литературы. Однимъ ударомъ превратила она свою жизнь, исполненную безумныхъ удовольствій, въ существованіе, посвященное глубокимъ размышленіямъ. Хотя она, какъ было сказано, не умѣла ни читать, ни писать, она издала множество брошюръ, цѣлый рядъ книгъ по соціальнымъ вопросамъ, театральныя пьесы, романы, петиціи,—все это она диктовала своему секретарю. Она сама говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего произведенія: «Меня ничему не учили, я выросла въ мѣстности, гдѣ даже плохо говорятъ по-французски, я не знаю основныхъ законовъ языка, я ничего не знаю, и я горжусь своимъ невѣжествомъ. Я диктовала отъ души, а не отъ разума. Каждое изъ моихъ произведеній отмѣчено печатью врожденныхъ способностей»! Дѣйствительность не вполнѣ подтвердила это послѣднее замѣчаніе. Но мы увидимъ, что эта женщина, которой, казалось, сама судьба предназначила выступать во время самыхъ жестокихъ революціонныхъ кризисовъ, все существованіе которой было соткано изъ непрерывныхъ дѣйствій и рѣчей, которая была создана, чтобы переживать политическія бури, — эта женщина умѣла также поступаться своей душой и отдавать ее всю другимъ героямъ драмы.

Не опираясь ни на что, кромѣ своего одушевленія, безъ предварительнаго образованія, безъ всякой научной подготовки, она вдругъ сдѣлалась писательницей. Она думала, что драматическое поприще откроетъ передъ ней широкій путь къ славѣ.

Кромѣ глубоко интересныхъ философскихъ сочиненій, которыя время выдвигало на первый планъ, ее чрезвычайно интересовало рабство негровъ. Страстность, съ какой обсуждался въ то время этотъ вопросъ, заставляла предполагать, что скоро поднимется вопросъ о рабствѣ бѣлыхъ. Олимпія де Гужъ разсказываетъ сама, какъ она напала на мысль написать драму «Рабство негровъ»: «Описаніе жестокостей грубыхъ рабовладѣльцевъ въ отношеніи къ этимъ несчастнымъ, возбудило мое состраданіе. Я возложила на себя обязанность путемъ благодѣтельной гласности возбудить въ обществѣ расположеніе къ этимъ жертвамъ корысти». Эта пьеса встрѣтила единодушное одобреніе, когда она была напечатана; но издательницѣ пришлось бороться со всевозможными трудностями, чтобы поставить ее на сценѣ, и до 1788 года всѣ усилія ея были безуспѣшны. Другимъ пьесамъ Олимпіи де Гужъ тоже не посчастливилось попасть на сцену, хотя лучшіе современные ей писатели очень ихъ одобряли.

Олимпія де Гужъ напечатала два романа, одинъ въ формѣ переписки, подъ названіемъ «Мемуары мадамъ Вальмонъ», другой подъ заглавіемъ «Принцъ философъ». Оба романа доказываютъ удивительную изобрѣтательность и фантазію автора, но написаны они невозможнымъ, совершенно неправильнымъ языкомъ и переполнены грамматическими ошибками. Въ «Принцѣ философѣ» она воспользовалась однимъ восточнымъ сказаніемъ для защиты правъ своего пола. По ея словамъ, это одновременно и самый скромный, и самый безумный, и самый нравственный романъ изъ всѣхъ, какіе она писала.

«Несмотря на всѣ ошибки женскаго пола, я чувствую, что когда нибудь онъ поднимется и стряхнетъ съ себя иго унизительнаго рабства. Готовится революція, которая подниметъ умъ и душу и того и другого пола, и они оба въ будущемъ соединятся, чтобъ сообща бороться за общее благо».

Литературная карьера Олимпіи де Гужъ представляла собой цѣпь бурь и оскорбленій, прерываемую краткими моментами славы.

Съ этихъ поръ для ея дѣятельности открывается широкое поле. Послушаемъ, какъ она сама говоритъ объ этомъ.

«Приближается время, когда Національное Собраніе броситъ строгій взглядъ на злоупотребленія и возстановитъ людей въ ихъ правахъ. Магнитъ патріотизма влечетъ меня къ Версалю. Какое прекрасное зрѣлище для души гражданина. Я оставляю всѣ комитеты, сплетни, роли, пьесы, актеровъ и актрисъ и думаю только о своихъ планахъ общественнаго блага. Воспоминаніе о всей этой вознѣ, которой я занималась десять лѣтъ, послѣдній разъ посѣщаетъ мое сердце».

Что же будетъ дѣлать бѣдная женщина, пережившая уже столько бурь, въ великомъ кризисѣ, разыгрывающемся теперь? Она думала, что женщины могли тоже принять дѣятельное участіе въ отстаиванія интересовъ всѣхъ, такъ какъ только что торжественно прозвучали принципы равенства передъ закономъ, всѣхъ безъ ограниченій и исключеній. «Я тоже буду бороться словомъ и перомъ». Въ тѣ дни повсюду возникали клубы и политическія общества, гдѣ обсуждались самые сложные государственные вопросы и провзглашались самые смѣлыя рѣшенія. И хотя они, разумѣется, не становились законами, но все-таки входили въ область законодательной дѣятельности. Эти политическія общества распространились по всей Франціи, трудно было найти какое-нибудь мѣстечко или деревушку, гдѣ бы не было такого общества. Революціонная пропаганда не замедлила создать центры въ различныхъ частяхъ страны.

Олимпія де Гужъ видѣла все это и задалась цѣлью образовать женскій политическій союзъ. Она была первая женщина, взошедшая на созданную ею трибуну, и оттуда полилась ея рѣчь, болѣе огненная чѣмъ когда-либо.

«Опасности, переживаемыя родиной, призываютъ меня, влекутъ меня. Я отзываюсь, я бросаюсь впередъ, я, слабая женщина, побѣждаю предубѣжденія и заставляю прислушиваться къ своему голосу».

Кто слышалъ ее тамъ или въ другихъ клубахъ, или даже въ Національномъ Собраніи, когда она отдавалась своему пламенному вдохновенію и предсказывала освобожденіе человѣческаго рода, когда она вносила свои смѣлыя предложенія, поддерживала и развивала ихъ, поднимаясь порой до уровня величайшихъ ораторовъ, кто слышалъ ее, тому приходило въ голову, что она вышла изъ какого то новаго міра, одарена болѣе возвышенной душой, чѣмъ другія представительницы слабаго пола, еще никогда не отваживавшагося принять участіе въ парламентской борьбѣ. Она поражала, какъ говорятъ современники, богатствомъ мыслей и силой рѣчи. Даже Національное Собраніе съ изумленіемъ слушало эту блестящую ораторшу и часто осуществляло ея практическія предложенія.

Древность не знала политическихъ ораторовъ женщинъ. Французской революціи суждено было первой создать это чудо.

Необъяснимыя странности ея мышленія съ такой же быстротой толкнули ее назадъ, съ какой прежде увлекали впередъ. Священный ужасъ за тронъ охватилъ ее и приступы сочувствія королю по временамъ возвращались къ ней.

Она сама добродушно признается, что можетъ прекрасно дѣлать дѣло, когда головой ея не овладѣваютъ странныя фантазіи! Къ такимъ фантазіямъ можно причислить также ея отношеніе къ Людовику XVI. То она стояла за него, то противъ него!

«Какую пользу приносятъ эти собранія? Кто эти ораторы? Какое

ученіе выноситъ изъ нихъ народъ? Его учатъ удаляться отъ своихъ обязанностей, побуждаютъ его отваживаться на все, и его нищета растетъ вмѣстѣ съ праздностью».

Въ другой разъ она умоляетъ вернуть принцевъ, изгнаніе которыхъ принуждаетъ ее держать сторону заблуждающихся. Она говоритъ, что народъ не долженъ слишкомъ яростно обрывать вѣтви у дерева монархіи, чтобы не вырвать самого дерева. Дальше мы увидимъ, какъ часто она сама себѣ противорѣчитъ и мнѣнія ея измѣняются!

Когда ее разъ спросили, почему она не издаетъ газеты, она сказала, что не можетъ, такъ какъ была бы слишкомъ искренна и слишкомъ строга, и ея газета не пошла бы.

Когда Олимпію-де-Гужъ стали увѣрять, что ея газета имѣла бы большое вліяніе и она могла бы заработать на ней много денегъ, она отвѣтила:

«Что касается денегъ, то къ этому я совершенно равнодушна, хотя нуждаюсь въ нихъ больше чѣмъ кто бы то ни было. А если-бы я стала когда нибудь издавать газету, я доказала бы только свое безкорыстіе, такъ какъ я оставляла бы себѣ только необходимыя на покрытіе расходовъ деньги». Когда зашла рѣчь о названіи газеты, она замѣтила, что ея можно бы назвать только «Нетерпѣливая»,— единственное заглавіе, которое подходило бы къ ея издательницѣ!

Во время своей политической дѣятельности она испытывала всевозможныя страданія и оскорбленія, которыя неразлучны съ этимъ оприщемъ. То ее обвиняли въ преувеличенномъ республиканизмѣ, то говорили, что она фанатическая роялистка. Нѣкоторые заходили такъ далеко, что утверждали, будто она продалась правительству. Это особенно оскорбило ее и у нея вырвалось восклицаніе: «Ахъ! лучшимъ доказательствомъ того, что я не торговала своей дѣятельностью, служитъ не только то, что я потеряла и спокойствіе, и здоровье, и деньги, но и то еще, что я должна была пожертвовать всѣми сердечными радостями, а это имѣетъ еще большое значеніе для такой страстной натуры какъ моя! Но что за бѣда, я хочу все выстрадать, побужденіе ко всѣмъ этимъ жертвамъ благородно и прекрасно!»

Въ дѣйствительности ея взгляды были смутны и измѣнчивы, у нея не было никакихъ твердыхъ политическихъ убѣжденій. Во всякомъ случаѣ она оставалась вѣрна жирондистамъ, какъ большая часть выдающихся женщинъ французской революціи. Она была дружна со многими жирондистами. Она боролась съ якобинцами и увлекалась надеждой, что революція обойдется безъ кровопролитія. Она всегда говорила: «за первой каплей крови послѣдуютъ цѣлые потоки крови». Бернаденъ-де-Сенъ Пьеръ называлъ Олимпію-де-Гужъ «ангеломъ мира».

Человѣческія несчастія всегда вызывали съ ея стороны дѣятельное участіе. Трогательно описывала она ужасное положеніе бѣдняковъ въ пріютѣ Сенъ-Дени и изучала причины растущей бѣдности и ея

слѣдствія, нищеты. Она требовала учрежденія кассъ общественной помощи. Но скоро она стала находить милостыню слишкомъ унизительной и требовала учрежденія государственныхъ мастерскихъ для безработныхъ, эта мысль отчасти была осуществлена впослѣдствіи. Въ своихъ «Гуманныхъ и патріотическихъ размышленіяхъ» она очень ярко описывала нужды народа. Эта брошюра испугала дворъ и богачей. Послѣ ея появленія щедро потекли пожертвованія для помощи рабочимъ. Она предложила доходъ со своихъ произведеній, чтобы осуществить мысль о государственныхъ мастерскихъ. Она очень гордилась такимъ результатамъ.

Олимпія де-Гужъ не хотѣла такого развитія революціи, о какомъ мечтали патріоты, но конечныя цѣли у нея были тѣ же самыя. Ей мечтался путь, усыпанный цвѣтами. Въ своей брошюркѣ «Право женщинъ» она говоритъ между прочимъ: «Мужчина, кто далъ тебѣ право угнетать нашъ полъ? Окинь вмѣстѣ со мной взглядомъ всю природу и укажи мнѣ, если можешь, примѣръ произвольной власти, какую ты себѣ присвоилъ. Взгляни на всю одушевленную матерію, присмотрись къ элементамъ, изучи растенія, изучи, изслѣдуй, оцѣни отношенія половъ во всемъ обширномъ царствѣ природы, ты увидишь, что они повсюду смѣшаны, повсюду работаютъ въ гармоническомъ единствѣ надъ безсмертнымъ твореніемъ. Вы только что уничтожили несправедливыя привилегіи, уничтожте также привилегіи мужского пола. Народъ будетъ возстановленъ въ своихъ правахъ, негры будутъ освобождены, почему же не освобождаютъ женщинъ?

«Женщина родилась свободной и равной въ правахъ съ мущиной. Цѣль всякаго, созидающаго законы общества, составляетъ защита естественныхъ и неизмѣнныхъ правъ обоихъ половъ. Эти права заключаются въ свободѣ, благоденствіи, безопасности и, главное, въ защитѣ отъ притѣсненій. Законъ долженъ служить выраженіемъ общей воли. Всѣ гражданки, также какъ и всѣ граждане, должны лично или черезъ своихъ замѣстителей принимать участіе въ выработкѣ законовъ. Законы должны быть одинаковы для всѣхъ. Если всѣ гражданки и граждане равны передъ закономъ, то они должны быть безъ всякихъ изъятій допускаемы ко всѣмъ занятіямъ и почетнымъ должностямъ, отвѣчающимъ ихъ способностямъ, никакія различія, кромѣ различій въ талантахъ и добродѣтеляхъ, не должны быть допускаемы. Вѣдь женщина имѣетъ право всходить на эшафотъ, она должна получить право появляться и на трибунѣ. Но права женщины послужатъ не только на пользу ея полу, они будутъ содѣйствовать благу всѣхъ.

«Женщина, также какъ и мужчина, платитъ государственныя подати, и она имѣетъ равное право требовать участія въ ихъ установленіи. Никакая конституція негодна, если въ созданіи ея не участвуетъ большинство индивидуумовъ, изъ которыхъ состоитъ природа.— Проснитесь женщины!—Набатъ разума звучитъ во всей вселенной.

Факелъ истины прогналъ глупость и деспотизмъ. Женщины! Женщины! когда вы перестанете быть слѣпыми?

«Соединитесь! Противоставьте грубому насилію силу разума и справедливости. И скоро вы увидите, что мужчины не будутъ уже лежать у вашихъ ногъ, какъ влюбленные поклонники, а пойдутъ съ вами рука объ руку, гордые тѣмъ, что дѣлятъ съ вами вѣчные права человѣка».

Въ іюлѣ 1789 года Олимпія де Гужъ была революціонеркой, 6-го октября, когда она увидѣла короля плѣнникомъ въ Парижѣ, она стала роялисткой, а въ іюнѣ 1791 года, подъ впечатлѣніемъ бѣгства и измѣны Людовика XVI, она стала республиканкой. Во время процесса короля она снова почувствовала къ нему участіе, и движимая чистымъ состраданіемъ написала президенту Конвента письмо въ защиту обвиняемаго, совсѣмъ не думая, какую опасность она навлекаетъ этимъ на себя. Изъ этого письма мы заимствуемъ слѣдующее мѣсто: «Я нахожу, что Людовикъ XVI виновенъ, какъ король, но какъ только съ него снимается этотъ уничтоженный титулъ, онъ въ глазахъ республики перестаетъ подлежать наказанію. Его предшественники переполнили во Франціи чашу страданій. По несчастію чаша эта разбилась въ его рукахъ и всѣ черепки посыпались на его голову. Я могла бы прибавить, что, если бы не распущенность двора, онъ быть можетъ, былъ бы добродѣтельнымъ королемъ. Достаточно припомнить, что онъ ненавидѣлъ знатныхъ и сумѣлъ заставить ихъ уплатить свои долги и что онъ, единственный изъ нашихъ тирановъ, не имѣлъ наложницъ и велъ скромный образъ жизни.

«Онъ былъ слабъ и былъ обманутъ, онъ обманулъ насъ и обманулъ самъ себя. Вотъ въ двухъ словахъ его процессъ!»

Она требовала отъ національнаго конвента и Людовика XVI, чтобы ее допустили быть его защитницей на ряду съ мужчинами защитниками. «Какое значенье имѣетъ полъ?—восклицала она.—Все дѣло въ душѣ». Она требовала изгнанія, а не смерти. Въ концѣ концовъ она говорила: «Чтобы убить короля, мало отрубить ему голову, онъ будетъ жить долго послѣ своей смерти, но онъ окончательно умретъ, если переживетъ свое паденіе».

Многіе смѣялись надъ ея политической непослѣдовательностью Она съ горячностью южанки вызывала насмѣшниковъ на дуэль.

Уже нѣкоторые видные члены Горы подозрительно относились къ Олимпіи де Гужъ изъ-за ея монархическихъ тенденцій и изъ за нѣкоторыхъ рѣчей, исполненныхъ самонадѣянности и презрѣнія. Она съ величайшимъ мужествомъ защищалась противъ всѣхъ нападокъ и въ своей сумасбродной смѣлости дошла до того, что стала нападать на самого Робеспьера. Сначала она написала Робеспьеру письмо, наполненное горькими жалобами, и отрицала у него всѣ добродѣтели и всѣ таланты. Она изображала его врагомъ отечества. Но не довольствуясь

этимъ, она въ тотъ же день, 5-го ноября 1792 года, вывѣсила плакатъ, въ которомъ осыпала его всевозможными проклятьями. Она обвиняла его въ томъ, что онъ хочетъ убить Ролана, Петіона, Верніо и всѣхъ жирондистовъ, этихъ республиканцевъ и патріотовъ, черезъ груды труповъ проложить себѣ путь и по лѣстницѣ убійствъ и преступленій добраться до высоты.

«Подлый, низкій заговорщикъ! Его скипетръ созданъ страхомъ передъ пыткою и его тронъ—эшафотъ!» Въ концѣ концовъ она бросаетъ ему перчатку: «Назначь день, часъ и мѣсто поединка,—говоритъ она,—я явлюсь туда».

Съ этой минуты гибель Олимпіи де Гужъ была рѣшена! Она сама говоритъ это въ посвященіи своихъ произведеній Филиппу Эгалитэ. «Жизнь моя въ опасности, я обращаюсь къ тебѣ, чтобы ты принялъ ее подъ свою защиту. Ты вѣдь знаешь, что я не боюсь опасности; но я хочу умереть съ честью, и если мнѣ это удастся, я и въ послѣднюю минуту буду служить родинѣ».

Разъ она сказала:

«Я знаю, что своими рѣчами создала себѣ двѣ арміи враговъ—глупцовъ и невѣждъ. Но жертва жизнью для меня не имѣетъ значенія. Когда дѣло идетъ о спасеніи родины, слабая женщина ни о чемъ другомъ не думаетъ. Никакія соображенія не могутъ меня задержать отъ опубликованія моихъ произведеній. Если они увлекутъ меня къ смерти, я войду въ Пантеонъ!» Женщинъ она называла: «Согбенныя созданья, которыя цѣлыя вѣка влачили позорное существованіе подъ игомъ мужского предубѣжденія».

Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ маленькомъ эпизодѣ, очень характерномъ для Олимпіи де Гужъ. Какъ то разъ она отправилась за городъ погулять со своимъ сыномъ. На обратномъ пути она очень устала и не могла найти ни одного экипажа. Въ это время какой-то незнакомецъ такъ любезно предложилъ ей мѣсто въ своей коляскѣ, что она согласилась. Случилось такъ, что между остальными, сидѣвшими въ коляскѣ, шелъ разговоръ именно о ней. Одинъ господинъ утверждалъ, что онъ отлично знаетъ Олимпію де Гужъ, онъ и не подозрѣвалъ, что она сидитъ рядомъ съ нимъ!

— Эта женщина,—сказалъ онъ,—воображаетъ, что она очень остроумна!

Олимпія де Гужъ спросила его, дѣйствительно-ли онъ такъ хорошо ее знаетъ?

— Разумѣется,—отвѣтилъ тотъ,—ея мужъ былъ трактирщикъ, она не хотѣла носить его фамилію. Происхожденіе ея совершенно неизвѣстно. А что касается ея работъ, повѣрите-ли, ни одна мысль въ нихъ не принадлежитъ ей. Она и читать-то не умѣетъ, все это дѣлается за нее, поддѣлывается даже нѣкоторая небрежность въ стилѣ, чтобы заставить повѣрить, что это ея произведенія».

— А между тѣмъ,—сказала Олимпія де Гужъ,—я сама видѣла, какъ она разъ въ присутствіи другихъ сочиняла пьесу и даже выиграла на этомъ пари. Любезный спутникъ сейчасъ же нашелся.

— Ахъ, сударыня,—вскричалъ онъ,—пьеса была сочинена заранѣе; ее заставили только заучить отрывокъ!

Когда Олимпія де Гужъ спросила его, вполнѣ-ли онъ въ этомъ увѣренъ, онъ отвѣтилъ, что готовъ пари держать; передъ нимъ она не отречется, потому что онъ самъ недавно сочинилъ для нея одну пьесу. Кромѣ того онъ сталъ увѣрять, что онъ все это знаетъ изъ личныхъ наблюденій, такъ какъ самъ принадлежитъ къ ея завзятымъ поклонникамъ.

Олимпія де Гужъ сдержалась и только, когда доѣхала до мѣста и вышла изъ коляски, сказала дерзкому хвастуну:

— Милостивый Государь, я слушала ваши легкомысленныя рѣчи съ спокойствіемъ философа, съ мужествомъ мужчины и съ вниманіемъ наблюдателя: я та самая Олимпія де Гужъ, которую вы никогда не знали, и которую вы не въ состояніи понять. Извлеките пользу изъ того урока, какой я вамъ дала; не трудно встрѣтить мужчину вродѣ васъ, но женщины, подобныя мнѣ, рождаются разъ въ столѣтіе.

Исполненная мрачныхъ предчувствій, Олимпія де Гужъ написала 4-го іюня 1793 года свое политическое завѣщаніе, гдѣ было между прочимъ сказано:

«О, Провидѣніе, я взываю къ тебѣ. Люди болѣе не въ состояніи понимать меня. Ускорь мой конецъ. Глаза мои устали смотрѣть на разрозненность, людей на ихъ преступныя козни, они не въ силахъ переносить весь этотъ ужасъ.—Если тебѣ нужна еще чистая, незапятнанная кровь, чтобы закончить дѣло мести въ этомъ великомъ судилищѣ, возьми кровь женщины, возьми мою кровь. Ничто,—ни всѣ сокровища міра, сложенныя къ моимъ ногамъ, ни кинжалы всѣхъ убійцъ, направленные на мою голову, ничто не можетъ потушить пламя гражданскихъ чувствъ, горящее въ моей груди».

Вступивъ на этотъ путь, Олимпія де Гужъ не могла болѣе остановиться. Послѣ того какъ она такъ жестоко обрушилась на Робеспьера и Марата, она снова выпустила противъ нихъ брошюру «Три урны или спасеніе родины», гдѣ она постаралась излить весь запасъ насмѣшекъ, горечи и злобы, какой накопился въ ея сердцѣ.

Въ этой брошюрѣ она излагала сужденіе народа о преимуществахъ трехъ формъ правленія,—«республика единая и нераздѣльная, федеративная республика или монархія».

Послѣ постановки такого вопроса было несомнѣнно, что къ ней будетъ примѣненъ первый параграфъ закона 29 марта, который гласитъ: «Всякій, кто будетъ обличенъ въ томъ, что писалъ или печаталъ сочиненія, которыя призываютъ къ роспуску національнаго собранія или къ возстановленію королевской власти или въ какомъ нибудь другомъ

дерзкомъ посягательствѣ на народовластіе, будетъ преданъ революціонному суду и подлежитъ казни».

Больше трехъ мѣсяцевъ она боролась и страдала въ одиночествѣ. 22-го іюля ее вторично допрашивали. 6-го августа она была предана революціонному суду, и судья Ардуинъ подвергъ ее тайному допросу. Послѣ того ее снова отвели въ военную тюрьму, въ аббатство. Она заявила, что больна и лишена всякой помощи, послѣ чего ее перевели въ тюрьму «Petite Force». Но въ тюрьмѣ Аббатства она еще ухудшила свое положеніе. Она не могла удержаться и продиктовала записку: «Олимпія де Гужъ революціонному суду», написанную безстрашнымъ и рѣзкимъ языкомъ. «Робеспьеръ всегда казался мнѣ честолюбцемъ, лишеннымъ таланта и души. Я всегда считала, что онъ готовъ принести въ жертву всю націю, чтобы добиться диктатуры. Я не могла выносить этого безумнаго и кровожаднаго честолюбія и я преслѣдовала его, какъ преслѣдовала всѣхъ тирановъ»!

Она была изумлена, когда 2-го ноября ее приговорили къ смертной казни. Приговоръ былъ произнесенъ утромъ. Адвокатъ, котораго она выбрала, не явился. Она должна была сама себя защищать. Она хорошо, ловко и горячо исполнила эту трудную обязанность. Но развѣ это могло помочь! Брошюра «Три урны» и кромѣ того плакатъ, написанный въ тюрьмѣ аббатства, заранѣе стоили ей головы.

Послѣ произнесенія приговора она воскликнула:

— Мои враги не будутъ имѣть удовольствія пролить мою кровь! Я беременна, и подарю республикѣ гражданина или гражданку.

Отъ страшнаго потрясенія ею овладѣлъ припадокъ слабости, отъ котораго не застрахованы даже самые мужественные люди, и она залилась слезами. Въ одинъ моментъ она превратилась въ слабую, дрожащую женщину, терзаемую страхомъ смерти. Ей сказали, что беременнымъ женщинамъ отсрачиваютъ исполненіе смертнаго приговора. Ее изслѣдовали врачи и акушерки и имѣли жестокость написать въ протоколѣ: «Если беременность и существуетъ, то она началась такъ недавно, что ее невозможно точно опредѣлить».

До смерти ей пришлось пережить еще одно ужасное горе. Ея сынъ съ презрѣніемъ отвернулся отъ нея, отрекся отъ нея и одобрилъ казнь своей матери. Это сынъ, котораго она такъ любила, счастье котораго составляло ея счастье, какъ она сама говорила въ одномъ письмѣ: «Мое единственное счастіе на землѣ—это счастье моего сына»!

Передъ лицомъ эшафота она снова обрѣла всю свою душевную силу и все свое мужество. Поднимаясь твердыми шагами на ступени, она сказала:

— Дѣти родины, вы отмстите за мою смерть и охраните мою память.

— Да здравствуетъ республика!—отвѣтила толпа.

Равенство передъ эшафотомъ, это единственное, что дѣйствительно дала женщинамъ революція.

Олимпія де Гужъ была безпорно одной изъ самыхъ одаренныхъ, краснорѣчивыхъ и мужественныхъ женщинъ, какихъ имѣла Франція. Ея жизнь несомнѣнно представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ страницъ въ эпоху французской революціи, такой богатой интересными людьми.

Она была измѣнчива, но всегда мужественна, благородна, и иногда возвышенна. Ея голова заблуждалась скорѣе чѣмъ, ея сердце. Ей,—лишенной образованія и твердыхъ принциповъ,—было труднѣе, чѣмъ другимъ выдающимся женщинамъ ея эпохи, поступать правильно и опредѣлять, въ чемъ истина.

Быть можетъ, еслибы она родилась съ болѣе спокойнымъ характеромъ, она достигла бы большаго. Быть можетъ, ея таланты были болѣе признаны и ей не было бы отказано въ томъ почетѣ, котораго она заслуживала.

Эта мученица умерла въ борьбѣ за священныя права женщинъ.

Роза Лакомбъ.

По общимъ отзывамъ Роза Лакомбъ была очень красива. Происхожденіе ея неизвѣстно. Она рано посвятила себя театральной карьерѣ, и, едва успѣвъ составить себѣ нѣкоторое имя въ провинціи, явилась въ Парижъ двадцати лѣтъ отъ роду. Это было въ 1789 году, въ разгаръ революціонной бури. Зрѣлище настоящей драмы, непохожей ни на одну изъ тѣхъ, въ которыхъ она принимала участіе, глубоко поразило юную искательницу приключеній. Въ этой драмѣ духъ народа развѣнчивалъ королей, разрушалъ укрѣпленные замки, и сваливалъ въ сорную кучу всѣ привиллегіи, званія и титулы. Тутъ не было ни кулисъ, ни раскрашенныхъ декорацій, ни скомороховъ, все происходило подъ открытымъ небомъ, всякій, кто хотѣлъ, бралъ на себя роль! Женщины принимали дѣятельное участіе въ этой исторической пьесѣ. Пришло время, когда нужны были женщины героини, и онѣ явились, и среди нихъ Роза Лакомбъ.

10-го августа 1792 года мы встрѣчаемъ ее при осадѣ Тюльери. Въ красномъ фригійскомъ колпакѣ, съ блестящей саблей въ поднятой вверхъ правой рукѣ, она шла во главѣ марсельцевъ, взявшихъ приступомъ дворецъ, который защищала швейцарская гвардія.

Роза Лакомбъ, шедшая впереди всѣхъ, была слегка ранена и впослѣдствіи получила знакъ почетнаго креста отъ Національнаго Конвента.

Въ кровавые сентябрскіе дни 1792 года Роза Лакомбъ всегда была въ самомъ пылу битвы. Это были страшные дни. Голодъ вооружалъ населеніе, государственная казна была опустошена, армія пришла въ разстройство и непріятель овладѣлъ пограничными крѣпостями. Лонгруа вынужденъ былъ сдаться. Суассонъ нуждался въ оружіи и

только Верденъ оказывалъ сопротивленіе союзной арміи, шедшей на Парижъ. Вандея выкинула знамя возстанія противъ республики, и дворъ вооружилъ 10.000 солдатъ для гражданской войны. Ходили слухи, что хотятъ напасть врасплохъ на тюрьмы, освободить враговъ республики, поджечь съ четырехъ концовъ Парижъ и перебить всѣхъ патріотовъ. На балконѣ ратуши развѣвалось черное знамя—знакъ, что отечество въ опасности. Безпрестанно звонили въ набатъ, чтобы сзывать добровольцевъ. Народъ поднялся и спѣшилъ къ границамъ, и эти солдаты въ деревянныхъ башмакахъ прогнали назадъ союзныя арміи величайшихъ государей Европы!

Въ слѣдующемъ году Роза Лакомбъ основала «общество женщинъ республиканокъ и революціонерокъ».

Въ одномъ памфлетѣ «Предостереженіе дамамъ» были жестоко высмѣяны эти дамы, вмѣшивавшіяся въ политику, но Роза Лакомбъ, также какъ прежде Олимпія де-Гужъ, безстрашно продолжала свою борьбу за права женщинъ.

26-го августа 1793 года она явилась въ Конвентъ во главѣ депутаціи отъ «революціонныхъ республиканокъ», чтобы принести жалобу на дворянъ, занимающихъ общественныя должности и на другихъ подозрительныхъ служащихъ. Вотъ отрывокъ ея рѣчи:

«Охваченныя справедливымъ негодованіемъ на безчисленныя злоупотребленія во всѣхъ областяхъ управленія и, главнымъ образомъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, мы явились сюда взывать къ вашей строгости и требовать наконецъ примѣненія законовъ. Докажите, что вы хотите спасти отечество, докажите это, отставивъ всѣхъ дворянъ. Недостаточно дать народу законы, нужно еще, чтобы онъ почувствовалъ на себѣ ихъ благое дѣйствіе. Народъ съ негодованіемъ видитъ, какъ нѣкоторые люди питаются его кровью, въ то время какъ онъ гибнетъ въ нуждѣ».

Нужна была большая доля неустрашимости для женщины, чтобы явиться поучать этотъ самый Конвентъ, наводившій ужасъ на всю страну, дѣлать ему такія указанія и упрекать его въ медлительности и невниманіи.

Ея рѣчь не помѣшала Конвенту перейти къ очереднымъ дѣламъ, но все таки ее выслушали до конца.

Несмотря на всю ея настойчивость и на ея таланты, ея попытка основать женскій клубъ не имѣла успѣха. Также мало результатовъ имѣло ея посѣщеніе Базира, когда она въ интересахъ человѣчества потребовала, чтобы людей не держали, такимъ образомъ, въ тюрьмахъ; пускай теперь революція, но ихъ все-таки должны въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ подвергнуть допросу и, если они невинны, освободить, а если виновны, немедленно отправить на гильотину.

Тогда стали доискиваться скрытыхъ мотивовъ этого требованія, чего-нибудь, что бы внушило подозрѣніе къ ея безпристрастію. Начали

раскапывать ея сокровенныя сердечныя дѣла и рѣшили, что ея участіе къ заключеннымъ происходило отъ интереса къ одному опредѣленному заключенному.

Жестокая иронія человѣческаго сердца,—эта пламенная республиканка, страстно ненавидѣвшая дворянъ, влюбилась въ дворянина, въ племянника бывшаго мэра Тулузы, Рея, заключеннаго въ тюрьму за реакціонныя убѣжденія. Она хотѣла убѣдить Базира и Шабо, отпустить Рея на свободу, но получила рѣшительный отказъ. Шабо даже замѣтилъ въ Конвентѣ.

— Надо очистить женскій клубъ отъ такихъ интриганокъ.

Національный Конвентъ послалъ объясненіе «революціоннымъ республиканкамъ» и возвратилъ Розѣ Лакомбъ ея обвиненія. Больше ея не преслѣдовали, но ей не удалось спасти своего возлюбленнаго, который покончилъ жизнь на гильотинѣ.

28-го брюмера 1793 года она побудила толпу женщинъ ворваться вмѣстѣ съ нею въ помѣщеніе Коммуны. Ихъ появленіе вызвало большую тревогу, раздались требованія призвать ихъ къ порядку.

Генеральный прокуроръ Шометъ началъ говорить такъ:

— Я требую одновременно съ занесеніемъ въ протоколъ возникшаго сейчасъ безпорядка—ясно выраженнаго постановленія, служащаго къ признанію обычаевъ и къ упроченію республики. Какъ! Недостойныя созданья хотятъ низвергнуть законы природы и надругаться надъ ними, хотятъ врываться въ мѣста, порученныя охранѣ гражданъ, и эта бдительная стража не исполнитъ своего долга? Граждане, вы творите здѣсь великое дѣло разума. Вторженіе въ закрытое помѣщеніе, гдѣ совѣщаются представители города, должно быть запрещено для всякаго, кто оскорбляетъ націю!

— Нѣтъ!—воскликнулъ одинъ изъ членовъ совѣта, — законъ разрѣшаетъ имъ входъ.

— Пусть прочтутъ законъ,—отвѣтилъ Шометъ. — Законъ предписываетъ уважать обычаи и требовать соблюденія ихъ, а здѣсь ихъ попираютъ ногами. Съ какихъ это поръ женщинамъ дозволяется отрекаться отъ своего пола? вести себя, какъ мужчины? Съ какихъ поръ вошло въ обычай, чтобы женщины пренебрегали своими священными заботами о домѣ, бросали колыбель ребенка и являлись на площадяхъ, на трибунахъ, въ судахъ произносить рѣчи, записывались въ ряды арміи, вообще занимались дѣлами, которыя до сихъ поръ исполнялись одними мужчинами?.. Кому же довѣрила свои домашнія обязанности эта разносторонняя мать? Не должны ли мы исполнять ихъ?.. Нѣтъ! природа сказала мужчинѣ: «Будь мужчиной, твой удѣлъ охота, обработка земли, политика, всякаго рода общественныя дѣла». А женщинѣ она сказала: «Будь женщиной». Твое дѣло,—забота о дѣтяхъ, домашнее хозяйство, сладкія обязанности материнства. Но твоя работа требуетъ вознагражденія. Конечно! И ты его получишь! Ты будешь бо-

гиней домашняго храма, ты будешь царить надъ всѣмъ, что тебя окружаетъ непобѣдимымъ очарованіемъ красоты, прелести и добродѣтели! Легкомысленныя женщины, желающія стать мужчинами! Неужели вы мало получили при дѣлежѣ? Чего вамъ еще нужно?

Шометъ закончилъ свою рѣчь предложеніемъ не допускать больше женщинъ въ главный совѣтъ Коммуны; предложеніе было принято значительнымъ большинствомъ.

Почти не проходило дня, когда Роза Лакомбъ не собирала бы своихъ послѣдовательницъ то въ Палэ Роялѣ, то гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ. Одно изъ этихъ собраній было такъ многочисленно и такъ бурно, что привлекло вниманіе комитета общественной безопасности. Въ Конвентѣ Армаръ попросилъ слова и сказалъ слѣдующее:

— Я хочу сообщить вамъ объ одномъ собраніи, на которомъ присутствовало болѣе 6.000 женщинъ, составляющихъ якобы революціонное общество такъ называемыхъ якобинокъ. Вообще, должны ли женщины пользоваться политическими правами и вмѣшиваться въ государственныя дѣла? Политическія права гражданъ заключаются въ томъ, чтобы осторожно размышляя и взвѣшивая, принимать рѣшенія, служащія ко благу государства, и въ тоже время бороться съ тираніей. Есть ли у женщинъ нравственныя и физическія силы, необходимыя какъ для той, такъ и для другой обязанности? Общій голосъ отрицаетъ это. Должны ли женщины объединяться въ политическія общества? Могутъ ли женщины отдаваться связанной съ этимъ полезной, но трудной работѣ? Не рѣшаетъ-ли этотъ вопросъ ихъ незначительная сила, строеніе ихъ тѣла и ихъ предназначеніе? Безъ сомнѣнія, необходимо, чтобы онѣ усваивали принципы свободы и внушали ихъ своимъ дѣтямъ; онѣ могутъ присутствовать на совѣщаніяхъ секцій и на преніяхъ въ народныхъ собраніяхъ; но должны ли онѣ,—призванныя смягчать нравы мужчинъ,—принимать дѣятельное участіе въ преніяхъ, страстность которыхъ не совмѣстима съ кротостью и умѣренностью, составляющими украшеніе ихъ пола?

Одинъ лишь членъ Конвента поднялъ голосъ въ защиту женщинъ, это былъ депутатъ Шарлье. Онъ сказалъ:

— Нужно было бы прямо заявить, что женщины не составляютъ части рода человѣческаго, какъ и дѣлалось на соборахъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, а иначе у нихъ нельзя отнимать общихъ правъ всѣхъ разумныхъ существъ.

Послѣ этого попросилъ слова Базиръ, и высказалъ слѣдующее заключеніе:

— Правительство достаточно проявило себя какъ власть революціонная, оно можетъ декретировать всякую мѣру, какой требуетъ общее благо. Вы накидывали временно покровъ на принципы, опасаясь злоупотребленія ими, которое можетъ повести къ контръ-революціи. Слѣдовательно, передъ нами стоитъ только одинъ вопросъ,—опасны-ли жен-

скіе союзы. Опытъ послѣднихъ дней показалъ, какъ опасны они для общественнаго спокойствія. Разъ это установлено, пусть мнѣ не говорятъ больше о принципахъ. Стоя на революціонной точкѣ зрѣнія и въ видахъ общественной безопасности, я требую, чтобы эти общества были запрещены, по крайней мѣрѣ во время ревалюціи.

Предложеніе было принято, и всѣ женскія общества закрыты. Роза Лакомбъ агитировала на общественныхъ собраніяхъ, побуждая протестовать противъ этого постановленія, но это не помогло, всѣ женскія общества было закрыты, не допускалось никакого даже самаго незначительнаго собранія.

Женщины показали въ самое опасное время неустрашимое мужество: онѣ смѣло жертвовали жизнью въ то время, когда мужчины отступали. Когда нужно было проявить энергію и самотверженность, чтобы достичь побѣды, женщины проливали свою кровь, отдавали имущество, жертвовали всѣмъ общественному благу. Онѣ переносили нужду и голодъ, смѣло шли навстрѣчу тюрьмѣ и эшафоту. Все это было забыто. Когда помощь ихъ была не нужна больше, ихъ оттолкнули и хотѣли снова вернуть къ вѣковому рабству!

Роль Розы Лакомбъ была сыграна.

Нѣсколько лѣтъ спустя можно было встрѣтить въ галлереѣ Люксенбурга живую маленькую женщину, которая усердно предлагала проходящимъ бездѣлушки со своего прилавка. Кто бы могъ узнать въ этой продавщицѣ когда-то знаменитую Розу Лакомбъ, гордую предводительницу революціонныхъ амазонокъ, прославленную артистку, безстрашную воительницу за права женщинъ?

Но ей предстояло пасть еще ниже! При Директоріи она была выгнана изъ ея маленькой лавочки. Послѣ краткой жизни полной опасностей и приключеній, прежняя предсѣдательница женскаго революціоннаго клуба умерла, забытая всѣми въ дальнемъ уголкѣ того самаго Парижа, въ которомъ она нѣкогда играла такую значительную роль!

Маркиза Кондорсе.

Почти противъ Тюльери, на другомъ берегу Сены, въ виду роялистическаго салона принцессы Ламбаль, находился другой салонъ, салонъ Кондорсе, который современники называли очагомъ республики.

Кондорсе былъ послѣднимъ изъ философовъ великаго XVIII вѣка; онъ пережилъ всѣхъ своихъ собратьевъ и былъ свидѣтелемъ, какъ всѣ ихъ теоріи были распущены по вѣтру. Кондорсе былъ секретаремъ Академіи наукъ, послѣдователемъ д'Аламбера, послѣднимъ корреспондентомъ Вольтера, другомъ Тюрго.

Его салонъ былъ естественнымъ центромъ мыслящей Европы. Тамъ были представлены всѣ народы и всѣ науки. Его жена, Софія, урожденная фонъ-Груши, была прежде монастырской воспитанницей, по-

томъ восторженной ученицей Руссо и сторонницей революціи. Выйдя изъ полудуховнаго званія, она стала во главѣ салона, бывшаго центромъ свободомыслія. Софія фонъ-Груши провела веселую, свѣтлую юность въ милой, образованной, сердечной средѣ, служа гордостью своей семьи. У нея была прелестная наружность, умное, плутовское личико, нѣжное и оригинальное, съ рѣзко очерченными бровями—признакъ твердой воли,—большіе черные глаза, маленькій тупой носикъ и ласково улыбающійся ротикъ. Ее окружало все чистое и благородное, и сама она была точно прекрасный цвѣтокъ, распустившійся на хорошей почвѣ. Ея мать, благородная женщина, умѣла смягчать нужду и горе, не вызывая у бѣдняковъ унизительнаго чувства благодѣянія. Она всегда брала съ собой Софи, когда предстояло помочь бѣдняку и взглянуть прямо въ глаза нуждѣ.

Когда однажды стояла особенно суровая зима, она ходила съ Софи и другими своими дѣтьми въ лѣсъ, набирала вязанки хворосту и разносила ихъ по хижинамъ. Или они сами пекли хлѣбъ и варили супъ для больныхъ. Все это дѣлалось въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, причиняло имъ столько заботъ и труда, что совершенно не походило на обычную удобную благотворительность богачей и не имѣло горькаго привкуса благодѣянія. Они не довольствовались тѣмъ, что надѣляли всѣмъ этимъ, они старались въ то же время утѣшать людей, стараясь всегда ограждать ихъ человѣческое достоинство. Впечатлѣніе отъ этого осталось у Софи на всю жизнь. Много, много лѣтъ спустя она писала матери, какъ глубоко она ей благодарна за то, что она научила ее бороться съ нуждой, болѣзнями и горемъ, что благодарные взгляды несчастныхъ показали ей, какое счастье любить и служить имъ.

Во Франціи передъ началомъ революціи было много свѣтскихъ женскихъ монастырей. Существовалъ обычай, согласно которому молодыя дѣвушки этого круга жили тамъ нѣкоторое время, чтобы пополнить свое образованіе или окончательно посвятить себя въ монахини.

Софи очень не понравилось тамъ, на нее нападали припадки меланхоліи среди этого мрачнаго монастырскаго существованія, вдали отъ родныхъ, отъ свободной, привольной, деревенской жизни. Какъ она обрадовалась, очутившись снова дома! Но какія измѣненія произошли въ ней самой за эти 20 мѣсяцевъ.

Когда она уѣзжала въ женскій монастырь въ Невилѣ, она читала только благочестивыя книги, теперь, по возвращеніи, она стала невѣрующей, ея любимыми авторами сдѣлались Вольтеръ и Руссо! Она не могла больше вѣрить въ Бога, такъ какъ міръ былъ полонъ несчастными и страдающими.

Софи ѣздила вмѣстѣ съ своими родителями въ Парижъ, и тутъ въ одномъ салонѣ она познакомилась съ Кондорсе. Ея родители пригласили его къ себѣ въ имѣнье, въ Вильетъ. Вскорѣ онъ провелъ тамъ

нѣсколько недѣль и былъ совершенно очарованъ красотой Софи, удивлялся ея благородному характеру, ея прямому уму, ея сильной душѣ.

У Софи и Кондорсе оказалось много общихъ мыслей и склонностей. Они походили другъ на друга великодушьемъ сердцамъ и умомъ, склоннымъ къ энтузіазму. Философъ раньше чѣмъ молодая дѣвушка отдалъ себѣ въ этомъ отчетъ; ея прелесть, соединенная съ серьезными стремленіями, очаровала его, онъ попросилъ ея руки и получилъ согласіе.

Общество было сильно изумлено этимъ бракомъ. Кондорсе было 43 года, Софи—22. Но красота, умъ и привлекательность Софи побѣдили всѣ предубѣжденія.

Мать Ларошфуко, напримѣръ, познакомившись съ Софи, сказала Кондорсе: «Мы васъ прощаемъ». Кондорсе былъ такъ охваченъ страстью, что не хотѣлъ слышать ни о какомъ приданомъ. 28-го декабря 1786 года состоялось вѣнчаніе въ замкѣ Вильетъ.

Новобрачные поселились въ отелѣ Де Монэ на набережной Конти. Это былъ домъ, гдѣ родился Кондорсе, домъ, принадлежавшій еще его родителямъ. Молодая женщина много лѣтъ подрядъ стояла во главѣ послѣдняго французскаго салона. Кондорсе былъ застѣнчивъ, недовѣрчивъ и робокъ, но жена тянула его въ водоворотъ общественной жизни и ради нея онъ превозмогалъ свои слабости.

Знаменитые друзья его, пріѣзжавшіе въ Парижъ, не упускали случая явиться къ Кондорсе и представиться его женѣ.

Хотя еще не наступилъ полный событій 1789 годъ, но въ умахъ и событіяхъ уже чувствовалось зарожденіе революціи. Софи принимала большое участіе въ движеніи и побуждала Кондорсе нападать на старое общество. Она достигла того, что онъ, ученый, секретарь академіи наукъ, во всѣхъ политическихъ вопросахъ безъ колебаній выступалъ впередъ со всѣмъ вѣсомъ своего имени. Его взгляды безпокоили многихъ, и они старались разобраться въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ его мыслей.

Въ началѣ 1786 года нѣсколько поклонниковъ искусства, въ томъ числѣ графъ Артуа, Монторинъ и Монтескье, основали на углу улицы Сентъ-Оноре и Валуа литературное и ученое общество, извѣстное подъ именемъ лицея. Ля Гарпъ и Кондорсе были тамъ двумя выдающимися лекторами. Курсъ Ля Гарпа былъ великолѣпенъ и скоро его литературныя лекціи превратились въ революціонные гимны.

Одновременно съ этимъ Гара и Мармонтель преподавали исторію, Кондорсе и Лакруа—математику, Фукруа—химію и естественную исторію, Де Парсіе—физику. Очень скоро лицей достигъ большого процвѣтанія. Число посѣтителей дошло до 700; въ томъ числѣ были важныя придворныя и свѣтскія дамы. Кромѣ цвѣта дамскаго общества, туда являлись также представители высшей интеллигенціи, все, что было самаго блестящаго.

Софи Кондорсе была самая привлекательная и самая замѣтная изъ всѣхъ молодыхъ слушательницъ. Она присутствовала и на вступительной лекціи своего мужа, который началъ свой курсъ слѣдующими словами:

«Всѣ несправедливыя притязанія человѣка коренятся въ его невѣжествѣ и въ еще большомъ невѣжествѣ тѣхъ, надъ которыми онъ проявляетъ свои притязанія».

Кондорсе ничѣмъ не проявилъ себя во время собранія генеральныхъ штатовъ, но положеніе, которое онъ занималъ, его связи въ мірѣ ученыхъ, его труды, оцѣненные всей Европой, все это способствовало укрѣпленію его роли въ общемъ движеніи. Онъ служилъ дѣлу распространенія новыхъ идей, сотрудничая въ «Парижской газетѣ» и въ «Деревенскомъ Листкѣ».

Но болѣе всего его вліянію способствовалъ его салонъ, ставшій политическимъ центромъ.

Чувствовалось, что маркиза Кондорсе очень скоро откажется отъ робкихъ попытокъ реформъ и душой и тѣломъ отдастся широкимъ и рискованнымъ замысламъ. И дѣйствительно во время законодательнаго собранія и въ первые мѣсяцы Конвента вліяніе маркизы Кондорсе росло со дня на день съ изумительной быстротой.

Родные Софи тоже раздѣляли ея взгляды. Старый маркизъ де-Груши согласился быть избраннымъ комиссаромъ активныхъ гражданъ своей деревни. Это была тяжелая и неблагодарная должность, не особенно почетная и совсѣмъ не доходная. Но тогда людей интересовала одна только политика, въ ту эпоху энтузіазма и иллюзій такая должность завидной.

Попытка бѣгства Людовика XVI въ Варенъ и его арестъ произвели полную перемѣну во взглядахъ Кондорсе. Онъ сейчасъ же открыто высказался за республику и отказался отъ своей должности казначея государственнаго казначейства.

Въ спискѣ учителей, предназначавшихся для королевскаго принца, стояло также имя Кондорсе, попавшее туда совершенно безъ его вѣдома. Маркизѣ Кондорсе была предложена должность гувернантки, а ея мужу перваго гофмейстера принца. Оба они отклонили эти предложенія почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ, хотя предварительно не сговаривались объ этомъ. Кондорсе и его жена всегда отказывались появляться при дворѣ. Ихъ передовые взгляды закрыли передъ ними двери многихъ салоновъ. Общество 1789 года не могло простить имъ ихъ республиканскихъ идей. Мальзербъ сказалъ однажды: «Еслибы это было въ моей власти, я уничтожилъ бы Кондорсе, и совѣсть нисколько не упрекала бы меня за это».

Кондорсе вдругъ пріобрѣлъ популярность. Пять департаментовъ избрали его своимъ представителемъ въ національный конвентъ. Чѣмъ выше онъ поднимался во мнѣніи народа, тѣмъ ненавистнѣе онъ ста-

новился своимъ собратьямъ по наукѣ. Научныя академіи въ Берлинѣ, и Петербургѣ вычеркнули его имя изъ списка своихъ членовъ! Несмотря на всѣ нападки, 1-го октября 1791 года Кондорсе былъ избранъ Парижанами въ законодательное собраніе. Здѣсь его ожидала важная задача. Онъ составилъ отвѣтъ отъ 29-го декабря правительству, угрожавшему Франціи. Онъ же 20-го апрѣля 1792 г. положилъ на столѣ законодательнаго собранія знаменитый докладъ о политическомъ возстаніи, который навсегда составилъ его славу.

Благодаря его настояніямъ Дантонъ былъ назначенъ министромъ. Его докладъ о созывѣ національнаго Конвента и объ отсрочкѣ власти короля достаточно извѣстенъ.

Еще 16-го февраля 1793 года Кондорсе имѣлъ большое вліяніе въ Конвентѣ. Его предложеніе новой конституціи, повидимому, было принято сочувственно. 26-го марта 1793 года онъ былъ назначенъ членомъ перваго комитета общественной безопасности. Но событія перегоняли другъ друга. Дни съ 31-го мая по 2-е іюня, противъ которыхъ онъ возвысилъ голосъ, закрыли передъ нимъ двери національнаго конвента. Онъ пожелалъ снова защищать свой проектъ новой конституціи; ради этого онъ опубликовалъ «Предложеніе согражданамъ французамъ разсмотрѣть проектъ новой конституціи». Этимъ воззваніемъ онъ подписалъ свой приговоръ.

Хотя Кондорсе прожилъ еще нѣсколько времени на свободѣ, онъ чувствовалъ себя окруженнымъ опасностями. 30-го іюня 1793 года Кондорсе былъ заподозрѣнъ, но еще 31-го мая 1793 года онъ подѣлился съ своимъ другомъ Жаномъ Дебриядомъ, въ доказательство ихъ взаимной дружбы. Они хотѣли, что бы съ ними не случилось, остаться единственными хозяевами своей судьбы.

Дѣйствительно, 8-го іюля 1793 года Кондорсе былъ по доносу Шабо привлеченъ къ дѣлу и отданъ подъ судъ за свое предложеніе новой конституціи.

Его городской домъ былъ опечатанъ. Ляроштъ, его другъ, которому было поручено исполнить это, не могъ помѣшать этому, но во время предупредилъ Кондорсе, такъ что тотъ могъ бѣжать. Въ первую ночь его пріютили друзья, но онъ вскорѣ оставилъ ихъ, и Гара, ни минуты не колеблясь, укрылъ осужденнаго у себя въ министерскомъ дворцѣ.

Два молодыхъ доктора, Пинель и Бойе, преданные Кондорсе, нашли ему помѣщеніе на улицѣ Фоссоеръ № 21, у госпожи Верне, вдовы одного скульптора и родственницы знаменитаго художника. Они думали, что тутъ Кондорсе будетъ въ безопасности отъ обысковъ и преслѣдованій.

Въ началѣ отъ госпожи Верне скрыли настоящее имя ея жильца. Она спросила только, честный-ли и порядочный-ли онъ человѣкъ, на это, конечно, можно было отвѣтить утвердительно; она сказала, что этого съ нея довольно, и онъ можетъ переѣхать.

Тутъ Кондорсе тайно прожилъ десять мѣсяцевъ. Госпожа Верне не брала ничего, не хотѣла даже принимать подарковъ за свое опасное гостепріимство. Кондорсе работалъ цѣлыми днями въ своемъ добровольномъ заточеніи. По вечерамъ онъ и нѣсколько мирныхъ жильцовъ госпожи Верне, сходились въ ея комнатахъ и дружески болтали между собой.

3-го октября 1793 года Кондорсе былъ заочно осужденъ, объявленъ внѣ закона и имущество его было конфисковано.

Жена человѣка, объявленнаго внѣ закона, не имѣла право ни одной ночи проводить въ Парижѣ. Маркиза Кондорсе, переодѣтая крестьянкой, два раза въ недѣлю приходила изъ Отейля въ Парижъ, и нерѣдко ея надежда,—хоть на одну минуту увидѣть мужа,—исполнялась.

Чтобы безпрепятственно проникнуть въ ворота Парижа, она дѣлала видъ, что принадлежитъ къ той толпѣ, которая устремлялась къ гильотинѣ, чтобъ полюбоваться кровавымъ зрѣлищемъ. Она присоединялась къ этимъ людямъ и шла за ними до площади Революціи, чтобы какъ нибудь не выдать себя.

Какая радость, когда какой нибудь условный знакъ показывалъ ей, что она можетъ безопасно пробраться къ своему мужу! Какъ она старалась утѣшить его, съ какой любовью заботилась объ его удобствахъ. Онъ, казалось, за одну ночь сталъ старикомъ и нуждался въ ея поддержкѣ.

Онъ истощалъ свои силы, стараясь написать оправданія своего политическаго поведенія. Его жена скоро замѣтила, какъ эта работа нравственно и физически мучила его и уговорила, его отказаться отъ нея. Въ то же время она побуждала его закончить важный трудъ: «Наброски къ исторической картинѣ развитія человѣческаго духа».

Но работа не въ силахъ уже была прогнать его мрачныя мысли. Мысль о смерти не покидала его. Онъ прерваль эту начатую работу и сталъ писать «Размышленія изгнанника» и «Совѣты дочери». Первая изъ этихъ работъ была его завѣщаніемъ дочери. Во введеніи онъ писалъ слѣдующее:

«Въ какомъ бы положеніи ты ни находилась, когда будешь читать эти строки, которыя я пишу вдали отъ тебя, я во всякомъ случаѣ равнодушно отношусь къ своей судьбѣ и думаю только о судьбѣ твоей и твоей матери. Имѣй всегда въ виду, что ничто не можетъ поручиться за долговѣчность. Привыкай къ работѣ, не думай эгоистично о себѣ и своемъ благополучіи, пріучайся дѣлать добро, — это самое чистое счастье, какимъ можетъ наслаждаться человѣкъ».

Мысль о смерти только потому огорчала Кондорсе, что онъ могъ бы еще быть полезнымъ женѣ и дочери и зналъ, какъ онѣ его любятъ. Онъ написалъ имъ, что умираетъ какъ Сократъ, такъ какъ послужилъ своему отечеству.

Между тѣмъ приближался несчастный часъ, котораго Кондорсе

ждалъ уже долгіе мѣсяцы. 5-го жерминаля II года (25-го марта 1794) Кондорсе узналъ, что на другой день у госпожи Верне будетъ обыскъ. Онъ рѣшилъ оставить свое убѣжище и скрыться гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Парижа. Онъ предупредилъ объ этомъ свою благодѣтельницу, но та была страшно поражена и стала его всячески отговаривать. На это Кондорсе сказалъ ей: «Чѣмъ больше я изумляюсь вашему мужеству, тѣмъ болѣе долгъ повелѣваетъ мнѣ какъ честному человѣку не злоупотреблять имъ. Законъ ясенъ. Вы будете свободны какъ птица, хотя вы и давали мнѣ убѣжище. Но если меня найдутъ у васъ, васъ постигнетъ такая же печальная участь, какъ и меня Я не могу больше оставаться».

Удивительная женщина отвѣчала ему, что Конвентъ имѣетъ право сдѣлать ее свободной какъ птица, но не можетъ сдѣлать ее безчеловѣчной, и онъ, Кондорсе, также не вправѣ требовать отъ человѣка безчеловѣчности. Но рѣшеніе Кондорсе было твердо, онъ безповоротно рѣшилъ покинуть мѣсто своего отдохновенія, которое ангелъ самопожертвованья превратилъ для него въ рай.

Онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ хитрости, чтобы обмануть бдительность госпожи Верне. 25-го марта 1794 года ученый сошелъ внизъ изъ своей комнаты въ помѣщеніе госпожи Верне. Онъ, повидимому, совершенно спокойно говорилъ съ ней и съ другими присутствующими о постороннихъ вещахъ. Потомъ онъ сталъ пересыпать разговоръ латинскими фразами, чтобы госпожа Верне соскучилась и ушла. Но напрасно, на все оставалась. Тогда онъ сказалъ, что позабылъ у себя въ комнатѣ свою табакерку. Госпожа Верне, какъ всегда услужливая, поспѣшила за ней наверхъ. Этой минутой и воспользовался Кондорсе, чтобъ выйти на улицу. На немъ была блуза рабочаго и грубая вязаная шапка на головѣ.

Присутствующіе бросились за нимъ, чтобъ удержать его, служанка закричала, а госпожа Верне, понявъ по этому шуму, что случилось, упала въ обморокъ и не могла поспѣшить за нимъ и научить, какъ догнать его.

Отъ госпожи Верне Кондорсе направился къ одному своему прежнему другу, по имени Сюардъ, который въ прежнее время былъ радушно принятъ въ домѣ Кондорсе и многимъ ему обязанъ. Сюардъ испугался и попросилъ Кондорсе придти къ нему ночью; онъ самъ назначилъ часъ, когда бѣглецъ найдетъ его дверь открытой. Кондорсе явился въ назначенное время и нашелъ дверь запертой! Онъ провелъ ночь въ каменоломнѣ въ Кламарѣ и еще цѣлый день скитался въ лѣсу. Падая отъ усталости, онъ зашелъ въ маленькій трактирчикъ въ Кламарѣ. Онъ заказалъ яичницу и съ жадностью съѣлъ ее. Чтобы придать себѣ болѣе беззаботный видъ, онъ досталъ латинскую книгу и началъ читать. Но эта книга и бѣлыя руки не подходили къ его одеждѣ и выдали его; за тѣмъ же столомъ сидѣли крестьяне, члены

Кальмарскаго революціоннаго комитета. Кондорсе показался имъ подозрительнымъ. Они арестовали его. Онъ назвался Пьеромъ Симономъ. Но онъ не могъ сдѣлать ни шагу, его ноги распухли и стерлись до крови отъ непривычной ходьбы по лѣсу. Его привязали на спину лошаденкии повезли въ тюрьму въ Бургъ ля Рейнъ.

На другой день въ четыре часа дня сторожъ нашелъ его на полу безъ признаковъ жизни. Онъ отравился.

Много мѣсяцевъ смерть Кондорсе оставалась неизвѣстной. Семья его думала, что онъ бѣжалъ въ Швейцарію. Между тѣмъ его имущество было отобрано и продано, какъ имущество эмигранта.

Жена его была разорена. Сначала она думала было поѣхать въ Ля-Вилетъ къ отцу, но вскорѣ оставила этотъ планъ, такъ какъ она считала своимъ долгомъ оставаться вблизи осужденнаго.

Маркиза Кондорсе отпустила всю свою прислугу и учительницу своей дочери, и сама все для себя дѣлала. На оставшіяся у нея деньги она купила небольшое прачешное заведеніе и приставила къ нему брата секретаря своего мужа. Сама она устроила себѣ рядомъ маленькую мастерскую и стала писать за деньги миніатюрные портреты. Часто она рисовала осужденныхъ въ ихъ убѣжищахъ, чтобы у ихъ семей осталось хоть это воспоминаніе о несчастныхъ. Въ поискахъ за своимъ мужемъ, она, чтобы получить доступъ въ тюрьмы, часто даромъ рисовала тюремщиковъ, солдатъ и сторожей. Долгіе часы просиживала она въ грязныхъ накуренныхъ караулкахъ, слушая грубыя циническія рѣчи и не давая замѣтить, какъ это ее унижаетъ и оскорбляетъ. До конца жизни грубыя слова, какихъ ей пришлось здѣсь наслушаться, составляли для нея одно изъ самыхъ тяжелыхъ и ужасныхъ воспоминаній.

Но она нуждалась въ этихъ людяхъ, отъ ихъ милости зависѣло, можетъ-ли она пробраться въ тюрьму; она вездѣ надѣялась найти своего мужа.

До 9-го термидора она каждый день могла ждать, что ее арестуютъ. Часто ее посѣщали члены революціоннаго комитета, и въ обыскахъ тоже не было недостатка. Ей дали понять, что ей предстоитъ попасть въ тюрьму. Но ей и на этотъ разъ удалось ускользнуть изъ петли, нарисовавъ портреты всѣхъ членовъ коммиссіи.

Когда, послѣ многихъ мѣсяцевъ, маркиза Кондорсе узнала о смерти мужа, горе ея было безгранично. Немногіе оставшіеся у нее друзья дѣлали все возможное, чтобы спасти ее, но она была поражена на смерть. Ни работа, ни нужда, ни воспитаніе дочери не могли отвлечь ее отъ ея несчастья. Маркиза Кондорсе никогда, даже на короткій срокъ не разставалась съ дочерью, никогда не поручала никому ея воспитаніе.

Послѣ того какъ маркизѣ Кондорсе удалось матеріально обезпечить будущность своей дочери, передъ ней оставалась одна лишь

цѣль,—воспитать ее такъ, чтобы она оказалась достойной того имени, которое она носила, такъ, чтобы отецъ остался ею доволенъ, если бы онъ былъ живъ.

То, что она вынесла съ 1793 по 1794 годъ, подорвало ея здоровье. Она никогда не могла говорить объ этомъ безъ величайшаго волненія.

Наконецъ, въ январѣ 1795 года она получила небольшую часть своего состоянія, но этого было недостаточно для жизни и ей приходилось прилежно работать, чтобъ прирабатывать недостающее.

Во введеніи къ книгѣ Кондорсе «Наброски исторической картины развитія человѣческаго духа», маркиза Кондорсе писала слѣдующее:

«Заподозрѣнный Кондорсе думалъ одну минуту оставить своимъ согражданамъ изложеніе своихъ взглядовъ и поступковъ какъ общественнаго дѣятеля. Но онъ набросалъ всего нѣсколько строкъ. Онъ хотѣлъ снова переработать все, что онъ сдѣлалъ въ теченіе 30 лѣтъ, проведенныхъ имъ за полезнымъ трудомъ, а также безчисленные сочиненія, въ которыхъ онъ со времени революціи критиковалъ всѣ учрежденія, противорѣчащія свободѣ. Но, окинувъ взглядомъ всѣ эти краснорѣчивыя доказательства своей дѣятельности, онъ отказался отъ этой ненужной попытки. Пусть этотъ печальный примѣръ таланта, погибшаго для родины, для дѣла свободы, для развитія человѣческаго духа, вызоветъ плодотворное для блага общества сожалѣніе. Пусть эта смерть, характерная для этой эпохи исторіи, внушитъ непоколебимое уваженіе къ праву, нарушеніе котораго и вызвало эту смерть.

«Это единственная форма посмертныхъ почестей, достойная мудреца, который передъ лицомъ смерти спокойно размышлялъ объ улучшеніи участи своихъ ближнихъ. Это единственное утѣшеніе, какое могутъ испытывать тѣ, къ кому онъ чувствовалъ расположеніе и кто въ полной мѣрѣ оцѣнилъ его добродѣтели».

Мало-по-малу маркиза Кондорсе вернула себѣ все свое состояніе.

Въ 1895 году, Наполеонъ I, въ то время еще генералъ Бонапартъ, посѣтилъ маркизу Кондорсе. Между прочимъ онъ сказалъ ей:

— Я не люблю, когда женщины вмѣшиваются въ политику.

На это маркиза Кондорсе дала ему слѣдующій остроумный отвѣтъ:

— Вы правы, генералъ,—сказала она,—но въ странѣ, гдѣ имъ отрубаютъ головы, довольно понятно, что у нихъ является желаніе знать, изъ-за чего это случается.

Еще дважды жаждущее любви сердце этой выдающейся женщины испытало великую страсть. Къ несчастію, оба человѣка, внушившіе ей это чувство, не сумѣли оцѣнить счастье быть любимымъ ею. Первый былъ народный ораторъ Малья-Гара, другой—Форіель, полицейскій чиновникъ при Фуше. Остались письма маркизы Кондорсе къ нимъ обоимъ, письма, въ которыхъ ясно сказывается ея страсть; въ тоже время она попрежнему думаетъ только о томъ, что можетъ доставить удовольствіе возлюбленному, отодвигая себя и свои желанія на задній

планъ. Съ Форіелемъ у нея возникла связь, которая допускалась въ XVIII вѣкѣ, не видѣвшемъ въ ней ничего незаконнаго. Такого рода связь называлась морганатическимъ бракомъ.

Малья-Гара, въ періодъ своихъ отношеній съ маркизой Кондорсе, познакомился съ мадамъ Куаньи, которую Андре Шенье увѣковѣчилъ подъ именемъ «Jeune Captive». Малья-Гара влюбился въ нее и ради нее покинулъ маркизу Кондорсе. Несмотря на это, маркиза Кондорсе сохранила къ нему вѣрную дружбу. Она просила его быть увѣреннымъ въ ея дружескомъ расположеніи.

Во всѣхъ и мелкихъ, и крупныхъ случаяхъ жизни она доказывала, что стоитъ головой выше тысячъ женщинъ. Ей были чужды мелкія чувства, и тупое, обидчивое самолюбіе.

Черезъ годъ послѣ разлуки съ Малья-Гара она познакомилась съ Форіелемъ и въ ней проснулась надежда возобновить съ нимъ мечту любви, такъ грубо прерванную передъ тѣмъ.

Но она обманулась и въ этомъ человѣкѣ. Когда она умерла, онъ былъ меньше всѣхъ огорченъ. Она подарила ему свою любовь, ей онъ обязанъ былъ всѣми жизненными удобствами; но первое онъ не умѣлъ цѣнить, а ко второму привыкъ такъ быстро, что скоро забылъ, кому онъ этимъ обязанъ! Онъ быстро утѣшился, потерявъ ее. А когда онъ умеръ, въ его завѣщаніи ни словомъ не упомянута была дочь маркизы Кондорсе, ея дѣтямъ онъ не оставилъ даже ничего на память. Неблагодарность Форіеля печальный примѣръ человѣческой слабости. Но она затрагиваетъ только его, память же маркизы Кондорсе остается незапятнанной.

Послѣдніе годы своей жизни маркиза Кондорсе занималась только благотворительностью и уходомъ за больными. Она умерла 8-го октября 1822 года; въ ея завѣщаніи было выражено желаніе, чтобы ее похоронили въ отдѣленіи для бѣдныхъ кладбища Пэръ-Ляшезъ, самымъ простымъ образомъ, безъ всякой религіозной церемоніи.

Она примыкаетъ къ той гирляндѣ прекрасныхъ женщинъ, озаренныхъ немеркнущей красотой, къ тѣмъ нѣжнымъ, прелестнымъ, неуловимымъ видѣніямъ, которыя пользуются преимуществомъ во всѣ вѣка возбуждать къ себѣ искреннюю любовь.

А. П. ЧЕХОВЪ И ЕГО ТВОРЧЕСТВО.

Творчество Чехова... Если судить по новѣйшей «литературѣ предмета», то врядъ-ли найдется во всей нашей беллетристикѣ болѣе сложная задача для критической характеристики, чѣмъ творчество этого грустнаго художника. Это положительно загадка какая-то. Литература о Чеховѣ богатая. Преждевременная смерть его вызвала къ жизни цѣлый рядъ воспоминаній — характеристикъ и критическихъ статей. Но, на мой взглядъ, загадка мало подвинута къ рѣшенію: ни интимная суть его творчества, ни самая личность художника не обрисовываются достаточно опредѣленными чертами. И виноватъ тутъ, если не ошибаюсь, не одинъ субъективизмъ критиковъ и «вспоминателей».

«Чеховъ былъ демократомъ, онъ мечталъ о торжествѣ демократическихъ идеаловъ», пишетъ въ своей горячей чисто публицистической статьѣ о Чеховѣ г. Львовъ въ апрѣльской книжкѣ (1905 г.) «Образованія». А нѣсколькими строками ранѣе тотъ же критикъ замѣчаетъ: «Къ несчастью онъ не дожилъ до «настоящаго дня», когда даже и слѣпые прозрѣли» и т. д.,—объясняя этимъ отсутствіе «молодой Россіи» въ галлереѣ чеховскихъ типовъ и лишь «символическіе» у него проблески свѣта... Чеховъ не дожилъ до того дня, когда и *слѣпые* прозрѣли. Но вѣдь *зрячіе*, очевидно, прозрѣли и видѣли все, что надлежало видѣть, и ранѣе и, вѣроятно, довольно давно видѣли... Почему же не видѣлъ этого «тонкій, чуткій», по признанію того же критика, художникъ-демократъ? Г. Львовъ не останавливается даже на этомъ вопросѣ. А вѣдь вопросъ этотъ совсѣмъ не маловажный, это именно одна изъ «загадокъ», которыя загадалъ покойный беллетристъ. Такому «зрячему» художнику, какъ Чеховъ, необходимо было дожить до такого времени, когда прозрѣваютъ и слѣпые, чтобы видѣть!.. «Холодная кровь» — кратко и жестко резюмируетъ свою характеристику Чехова покойный Н. К. Михайловскій. Это въ первой его замѣткѣ о Чеховѣ, написанной по поводу сборника «Хмурые люди». А слушательницы московскихъ высшихъ курсовъ въ своей телеграммѣ, сочувственно цитируемой тѣмъ же г. Львовымъ, цѣнятъ въ Чеховѣ именно то, что онъ училъ ихъ «*любить* и *жалѣть* нашихъ хмурыхъ людей». Опять загадка.

Г. Булгаковъ («Новый путь» 1905 г. январь и февраль) усмотрѣлъ

въ Чеховѣ какого-то тайнаго приверженца христіанства, нѣчто въ родѣ евангельскаго Никодима. Это, положимъ, можно объяснить обычной рьяностью неофитовъ, стремящихся во всемъ и во всѣхъ усматривать элементы недавно обрѣтенной ими истины. Но вѣдь должны же въ творчествѣ Чехова хотя бы отсутствовать отрицательныя данныя для такой характеристики, должны же отсутствовать всякіе признаки, мѣшающіе новому пророку причислить его къ «избраннымъ». А между тѣмъ г. Шестовъ въ «Вопросахъ жизни», (мартъ 1905 г.) въ своей тонкой и интересной статьѣ о Чеховѣ счелъ себя въ правѣ дать ему такую характеристику: «Искусство, наука, любовь, вдохновеніе, идеалы, будущее—переберите всѣ слова, которыми современное и прошлое человѣчество утѣшало или развлекало себя—стоитъ Чехову къ нимъ прикоснуться и они мгновенно блекнутъ, вянутъ и умираютъ». А немного далѣе: «Мопассану часто приходилось дѣлать напряженія, чтобы справиться со своей жертвой. Отъ Мопассана сплошь и рядомъ жертва уходила хоть помятой и изломанной, но живой. Въ рукахъ Чехова все умирало». Ясно, что, по мнѣнію г. Шестова, Чеховъ не столько «тайный» приверженецъ религіи г. Булгакова, сколько явный пессимистъ, «сверлящимъ скептицизмомъ» своимъ разрушающій всѣ религіи... Я нарочно взялъ характеристики по существу, попытки опредѣлить именно интимную сторону чеховскаго творчества. И мнѣ кажется, достаточно указать на эти діаметрально противоположныя, исключающія одно другое опредѣленія, чтобы признать, что чеховское творчество дѣйствительно нѣчто «загадочное»...

Г. Горнфельдъ, обладающій вообще нѣсколько «спенсеровскимъ» типомъ мышленія, находитъ чисто спенсеровское утѣшеніе въ томъ соображеніи, что разнорѣчіе критиковъ есть лучшее доказательство оригинальности и значительности дарованія писателя.

Это, пожалуй, и утѣшительно, но не совсѣмъ справедливо и во всякомъ случаѣ мало подвигаетъ впередъ нашу задачу. Вѣдь изъ всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ характеристикъ остается только одно прочное и несомнѣнное residuum: гг. критики очень склонны трактовать объектъ своей критики по образу и подобію своему. Изъ ихъ характеристики мы узнаемъ, главнымъ образомъ, что г. Львовъ несомнѣнный демократъ, г. Булгаковъ очень рьяный въ дѣлѣ прозелитизма философски утонченный христіанинъ, подобно нѣкоторымъ ксендзамъ или Чичикову нерабующій даже «Мертвыя Души», г. Шестовъ — писатель со «сверлящимъ скептицизмомъ»... Все это, конечно, очень интересно. Однако, кто же самъ-то А. П. Чеховъ? Этотъ тоже не безынтересный вопросъ, мнѣ кажется, остается открытымъ.

А что касается утѣшительности, которую г. Горнфельдъ усматриваетъ въ самомъ фактѣ разнорѣчивости оцѣнокъ, тогда будетъ мнѣ позволительно указать, что о Шекспирѣ, Гете, Пушкинѣ такъ же разнорѣчивы. И дѣло тутъ не въ исторически отстоявшейся оцѣнкѣ, не въ

томъ, что это уже художники далекаго отъ насъ времени, относительно которыхъ человѣчество уже успѣло «столковаться», а въ томъ, что у каждаго изъ нихъ вполнѣ опредѣленный и *гармоничный* обликъ. Современники о нихъ спорили потому лишь, что не достигли до ихъ пониманія. Дольше и разнорѣчивѣе спорили о такихъ художникахъ, какъ Байронъ, Ибсенъ; но это вызывалось совершенной новизной ихъ идей—тѣмъ, что они говорили «новое слово» и при томъ такое, которое сполна отрицало все, до того «установленное». Можетъ быть, Чеховъ сказалъ такое «слово»? Это было бы настоящее утѣшеніе, но врядъ-ли кто станетъ утверждать что-либо подобное. А вотъ о Гейне съ его рѣзко дисгармоническимъ творчествомъ спорили долго и спорятъ страшно разнорѣчиво и до сихъ поръ. Стало быть, дѣло не въ величинѣ таланта...

Мнѣ кажется, что неудача въ попыткахъ столковаться относительно А. П. Чехова до извѣстной степени обусловлена и самими критическими пріемами, которыхъ придерживались авторы указанныхъ характеристикъ.

Есть въ сущности три основныхъ пріема для литературной критики.

Одинъ пріемъ Добролюбова и Писарева — чисто публицистическій. «Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до самого автора и до того, что онъ хотѣлъ сказать своими произведеніями. Я беру изображаемыя имъ явленія жизни и пользуюсь ими, какъ матеріаломъ». Такъ, приблизительно, формулируетъ задачу критики Писаревъ. И по своему онъ совершенно правъ. Былъ бы совершенно правъ и г. Львовъ, если бы онъ ограничился публицистическимъ использованіемъ «матеріала», поставленнаго произведеніями Чехова, и не старался отбросить отраженный свѣтъ отъ своей публицистики на обликъ самого автора. Матеріалъ использованъ, и хорошо, — цѣль достигнута, а самаго автора надо было оставить въ покоѣ. Другой типъ критики — субъективно философскій. Критикъ исходитъ изъ опредѣленнаго философскаго міросозерцанія и классифицируетъ идеи и тенденціи автора, наиболѣе съ его точки зрѣнія существенныя. Это можетъ повести къ одностороннему, но всегда интересному результату, если только объектомъ критики служитъ писатель съ опредѣленнымъ и гармоническимъ строемъ мыслей. Мы можемъ согласиться или не согласиться съ выводами такого критика, смотря по тому, принимаемъ-ли или нѣтъ его исходную точку, но во всякомъ случаѣ тутъ всегда выдвигается какая нибудь существенная сторона автора, и въ логической внутренней связи съ ней, по отношенію къ ней, располагается въ извѣстной перспективѣ все прочее. И «христіанскій» пылъ г. Булгакова, и «сверлящій» критицизмъ г. Шестова привели бы къ такимъ результатамъ, если бы они трактовали такъ Тургенева, Толстого, Достоевскаго, а изъ современниковъ нашихъ Горькаго или Андреева. Но въ примѣненіи къ «загадочному» Чеховскому творчеству этотъ пріемъ оказался неудачнымъ.

Вышло не только односторонне, но оцѣнка какъ-то попала не въ то мѣсто, прошла *мимо* Чехова, не задѣвая его.

Третій, и наиболѣе по моему, плодотворный критическій пріемъ, примѣненъ къ Чехову не былъ.

Это синтетическій пріемъ. Онъ слагается изъ попытки психологической характеристики самого автора, и изъ анализа идей и мотивовъ его произведеній при свѣтѣ—того образа, который получается въ результатѣ первой характеристики. Тутъ получается какъ бы circulus viciosus. Объ авторѣ судимъ по его произведеніямъ, а затѣмъ обратно, исходя изъ представленія о немъ, объясняемъ его творчество. Но это только кажущееся неудобство и только *формально* «порочный кругъ». Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это самой привычный для насъ пріемъ—въ жизни.

Познаемъ-ли мы когда нибудь иначе людей, съ которыми въ жизни сталкиваемся? Гдѣ тотъ педантъ, который въ жизни составлялъ бы себѣ представленіе о знакомыхъ лишь по высказаннымъ ими «идеямъ» и ихъ поведенію? Это было бы вполнѣ логично, никакого «порочнаго» круга въ себѣ не заключало бы, и однако всякій признаетъ, что въ результатѣ такого знакомства получилось бы лишь полное, тупое непониманіе. Мы въ этихъ случаяхъ предпочитаемъ «кругъ». По лицу, по интонаціямъ голоса, по жестамъ,—*по впечатлѣнію* словомъ, мы при первомъ же знакомствѣ составляемъ себѣ примѣрное понятіе о человѣкѣ, а затѣмъ уже при свѣтѣ этого понятія вглядываемся въ рѣчи и дѣла. А на самомъ дѣлѣ и круга то никакого нѣтъ. Первоначальное представленіе получается главнымъ образомъ путемъ интуиціи, художественнаго пониманія, въ дальнѣйшемъ преобладаетъ логика, раціональное, «діалектическое» толкованіе. Такъ же должно, на мой взглядъ, обстоять дѣло и въ области литературной оцѣнки. Да въ большей или меньшей степени, безсознательно по большей части, этимъ «двойственнымъ» методомъ всѣ критики и пользуются. Классическія характеристики Бѣлинскаго, являвшагося представителемъ *философской* критики, служатъ лучшимъ тому примѣромъ. Мнѣ кажется, надо только дѣлать это сознательно, не предаваясь ложному страху передъ «кругомъ», возвести это въ систему. И въ писаніяхъ каждаго беллетриста можно подслушать своего рода «голосъ», «интонацію», подсмотрѣть «жесты»—свести съ нимъ *первое знакомство*. Это конечно будетъ субъективно-художественное пониманіе, зыбкій фундаментъ. Но иного болѣе твердаго здѣсь и быть не можетъ. И только ставши на этотъ фундаментъ, мы получаемъ уже полный просторъ для классификаціи съ точки зрѣнія «системы», для оцѣнокъ и выводовъ, для полной, синтетической характеристики.

Заслуга покойнаго Н. К. Михайловскаго въ области критики, по моему, сводится именно къ тому, что онъ усложнилъ наивно-публицистическіе пріемы Добролюбовской и Писаревской эпохи этимъ синтети

ческимъ методомъ. Однако, въ качествѣ послѣдовательнаго публициста, онъ въ характеристикѣ автора сосредоточивался почти исключительно на публицистическихъ, гражданскихъ элементахъ его облика. Отъ того, разумѣется, результаты «интуиціи» выходили нѣсколько односторонними, иногда не справедливыми. Такъ въ частности по отношенію къ Чехову ему пришлось впослѣдствіи смягчить свой «жесткій» первоначальный приговоръ, хотя въ данномъ случаѣ имѣло значеніе и нѣкоторое «новое слово», произнесенное Чеховымъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Попытаемся же завести съ Чеховымъ «первое знакомство». Звучитъ это, благодаря подвернувшейся мнѣ подъ перо фразеологіи, грустнымъ парадоксомъ, но въ отношеніи умершихъ писателей такое знакомство облегчается въ извѣстной мѣрѣ наличностью воспоминаній—характеристикъ. Затѣмъ, въ подобныхъ случаяхъ, удобнѣе обращаться и къ условіямъ внѣшней жизни, къ вліянію *среды*, исторической обстановки, воспитавшей художника. Мы воспользуемся и тѣмъ, и другимъ, заглянемъ и въ «воспоминанія» о Чеховѣ, и въ *среду*, его взрастившую, вскормившую. Писанія Чехова всегда производили на меня впечатлѣніе нѣсколько зутуманеннаго зеркала. Точно на гладкую идеально отшлифованную поверхность стекла кто то «подышалъ» и зеркало покрылось какъ бы дымкой, нѣкоторой *матовостью*. Правильно и во всемъ своемъ разнообразіи отражаются въ немъ предметы, но чуть чуть тусклы краски, не совсѣмъ отчетливы очертанія. Въ образахъ Чехова есть всегда что то недосказанное, и всегда они сѣроватые, грустно-матовые, точно авторъ боится или не можетъ передать все, что знаетъ о своихъ персонажахъ. Я, конечно, говорю здѣсь о второмъ «хмуромъ» періодѣ Чеховскаго творчества. Въ первый коротенькій—всего два-три года—періодъ *Антоши Чехонте*, періодъ «Стрекозы» и отчасти «Новаго времени», зеркало было совсѣмъ свѣтлое. Это было время веселаго смѣха, чистаго комизма... Да и потомъ до самаго конца, чуть доходило до смѣха, чуть отражалась комическая фигура,—она неизмѣнно попадала въ свѣтлое мѣсто на зеркалѣ и изображеніе такъ и высовывалось изъ общаго фона, яркое и отчетливое... Вспомните приказчика Епиходова или Симеонова-Писчика въ «Вишневомъ садѣ»—развѣ не тотъ же Антоша Чахонте высмѣиваетъ ихъ добродушно-свѣтлымъ смѣхомъ? Но спеціальность Чехова—полуясные *матовые* образы. Сравните съ ними многоцвѣтныхъ, полныхъ крови и жизни, «бравыхъ» людей, вышедшихъ изъ подъ пера Л. Толстого, такихъ пластичныхъ и выпуклыхъ, что кажется вокругъ нихъ обойти можно, или прозрачные, насквозь видные образы Тургенева... Ясны и прозрачны и образы—идеи нашихъ неоромантиковъ, набросанные красочно-яркою нетерпѣливою кистью Горькаго или очерченныя тонкой кистью Л. Андреева... Въ длинномъ ряду старыхъ и новыхъ нашихъ художниковъ совсѣмъ особнякомъ стоитъ матово-грустный Чеховъ.

Любопытно, что авторы «воспоминаній» отмѣчаютъ у Чехова *матовый* голосъ, грустный, нѣсколько глухой сдержанный баритонъ. А наряду съ этимъ всѣ они упоминаютъ и о необыкновенномъ, свѣтломъ «*Чеховскомъ смѣхѣ*», который уцѣлѣлъ у него до конца, за всѣ долгіе годы болѣзни и «хмурости»... Г. Щегловъ (въ «Приложеніяхъ къ Нивѣ») разсказываетъ, что Чеховъ всегда носился съ идеей—написать хорошій водевиль. А водевиль есть вещь, а прочее все гиль, будто бы цитировалъ иногда Чеховъ Грибоѣдовскаго Репетилова.

«Онъ очень любилъ шутки, нелѣпыя прозвища, глупости, мистификаціи», вспоминаетъ г. Бунинъ (III сборникъ «Знанія»). Заведя разговоръ о литературѣ и превознося лермонтовскую Тамань, Чеховъ замѣтилъ: «Не могу понять, какъ могъ онъ, будучи почти мальчикомъ, сдѣлать это! Вотъ бы написать такую вещь да еще водевиль хорошій, тогда бы и умереть можно!» Воспоминанія г. Щеглова относятся еще къ періоду связи Чехова съ «Нововременцами»: онъ видѣлся съ Чеховымъ въ послѣдній разъ въ 97 году. Разговоръ, приводимый г. Бунинымъ, происходилъ въ самые послѣдніе годы. Мечта о «водевилѣ» все еще жила въ Чеховѣ. Помимо этой мечты о водевилѣ, помимо любви къ «смѣху», я прошу читателя отмѣтить себѣ и выдѣленіе Чеховымъ изъ всего Лермонтова именно «Тамани»: это намъ тоже пригодится. Сочетаніе «свѣтлаго смѣха», любви къ смѣху и «матоваго» голоса—въ прямомъ и переносномъ смыслѣ—очень характеристичное для Чехова сочетаніе. Мнѣ даже кажется, что этимъ сочетаніемъ опредѣляется въ существенныхъ чертахъ весь его обликъ, что оно можетъ служить тѣмъ «сезамомъ», отъ котораго раскрываются таинственныя двери его творчества...

О смѣхѣ Чеховскомъ мнѣ долго распространяться не придется. Другое дѣло «матовый голосъ»—это вещь сложная, имѣющая много причинъ, и на ней необходимо остановиться поподробнѣе.

Смѣхъ, чувство комическаго есть реакція на такія внѣшнія впечатлѣнія, которыя идутъ въ вопіющій разрѣзъ съ установленнымъ, глубоко залегшимъ въ сознаніи представленіемъ о смыслѣ предмета, о его существенныхъ чертахъ. По школьному опредѣленію комизмъ состоитъ въ противорѣчіи между формой и содержаніемъ. Содержаніе мы мыслимъ, форму мы видимъ, и если она не пристаетъ къ нему, если идетъ къ нему «какъ коровѣ сѣдло»—или «воронѣ павлиньи перья»—мы смѣемся. Такимъ образомъ комизмъ это какъ бы реваншъ, отместка за попранныя права сущности, идеи, здраваго смысла, какъ бы реабилитація этихъ правъ. Бѣлинскій любилъ пользоваться гегелевскимъ опредѣленіемъ комическаго писателя: его область есть область «видимостей», «кажущагося», а не «дѣйствительно сущаго» и онъ вскрываетъ всю несостоятельность и незаконность этого міра случайностей «отрицающихъ идею». Это опредѣленіе вполнѣ укладывается

въ только что приведенное мною. Я бы сказалъ, что дарованіе чеховское было именно и прежде всего *комическое*.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только созданный имъ у насъ жанръ *комическихъ очерковъ*, не только всѣ эти перлы комизма («Злоумышленникъ», «Хирургія», «Наканунѣ поста» и т. д. и т. д.) которыми пересыпанъ весь ранній «веселый» періодъ его творчества, и не тотъ рецидивъ «смѣха», который я уже отмѣтилъ въ его послѣдней драмѣ, но и вѣчное, не покидавшее его на протяженіи всей дѣятельности пристрастіе къ «*противорѣчію между формой и содержаніемъ*». Свѣтлый смѣхъ исчезалъ. Болѣзнь, начавшаяся еще въ концѣ 80 годовъ (г. Бунинъ, ссылаясь на письмо А. П. Чехова къ сестрѣ отъ 1887 года, думаетъ, что легкія Чехова уже тогда были тронуты туберкулезнымъ процессомъ) и мрачное безвременіе, взростившее Чехова, сдѣлали то, что беззаботно-веселый Антоша Чехонте превратился въ «матоваго», хмураго писателя-«нытика», какъ онъ самъ иронически себя называлъ. Тронулась въ путь длинная процессія этихъ сѣрыхъ, безнадежныхъ образовъ, лишнихъ, безсильныхъ, замученныхъ людей, и затянула хоромъ—унылую пѣснь о своей несостоятельности... Но *формально*, въ своей концепціи, Чеховъ оставался вѣренъ прежнему *комическому* пріему. Художественный рычагъ, съ которымъ онъ подходилъ къ явленіямъ жизни, остался тотъ же:—исканіе *противорѣчій*... Мы присмотримся съ этой точки зрѣнія къ «хмурой» полосѣ его творчества, т.-е., собственно говоря, ко всему его творчеству, ко всѣмъ этимъ «*чеховскимъ*» фигурамъ и «*чеховскимъ*» мотивамъ.

Но сначала остановимся немного на комизмѣ «веселаго» Чехова.

Что встрѣчаетъ нашъ *смѣхъ* въ «Злоумышленникѣ»?

Съ одной стороны идиллическая наивность мужика, видящаго въ отвинченной отъ рельсовъ гайкѣ лишь грузило для удочки, ибо: «Ежели ты живца или выползка на крючекъ сажаешь, то нешто онъ пойдетъ ко дну безъ грузила?.. Чертъ ли въ немъ, въ живцѣ-то, ежели поверху плавать будетъ!..» Съ другой—этотъ слѣдователь, съ глубокимъ серьезомъ искореняющій «злую волю», по 1081 статьѣ, для котораго тоже злополучная гайка—достаточное основаніе, чтобы видѣть въ рыболовѣ злоумышленника, достойнаго каторги. Болѣе дикой противоположности во взглядахъ на одинъ и тотъ же и при томъ столь ничтожной по объему предметъ трудно и выдумать! И читатель въ первую минуту невольно забываетъ и о трагическомъ финалѣ исторіи, и о глубокомъ общественно-бытовомъ содержаніи, на которое Чеховъ, быть можетъ, случайно, наложилъ руку въ этомъ классическомъ комическомъ очеркѣ, и смѣется, смѣется до слезъ надъ обоими: и надъ рыбакомъ, который ради пискаря можетъ произвести крушеніе поѣзда, и надъ этимъ искоренителемъ «злой воли», стрѣляющимъ изъ пушки по воробью. И тамъ, и тутъ вѣдь вопіющее противорѣчіе между

сущностью дѣла и его формою. Оба попали въ истинно комическія *положенія*. Я подчеркиваю, что противорѣчіе здѣсь обусловливается внѣшнимъ положеніемъ гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ внутренними свойствами дѣйствующихъ лицъ. Пробѣгите «веселые» очерки Чехова, и вы убѣдитесь, что это характерно для нихъ: почти вездѣ дѣло не въ типахъ, а въ положеніяхъ. Напомню «Налима» (баринъ и вся дворня въ голомъ видѣ въ водѣ подведены «подъ одинъ ранжиръ»— жадностью къ налиму, который въ заключеніе всѣхъ ихъ оставляетъ съ носомъ); напомню «Винтъ», гдѣ чиновники играютъ въ карты, названныя по именемъ ихъ начальства, и заинтересованное начальство принимаетъ участіе въ этой «святотатственной» игрѣ, напомню «Дочь Альбіона», «Хирургію» и пр. и пр. Вездѣ—комизмъ положенія. Но комизмъ положенія не значитъ внѣшній комизмъ. Это противорѣчіе между положеніями персонажей и сутью дѣла всегда почти соотвѣтствуетъ у Чехова общаго характера противорѣчіямъ, заложеннымъ въ самой жизни. Все это не пустыя фарсы, а «хорошіе водевили», какъ выражался онъ, въ родѣ тѣхъ двухъ водевилей, которые ему удалось написать—«Предложенія» и «Медвѣдя». Такихъ чисто смѣхотворныхъ пустяковъ, какъ «Романъ съ контрабасомъ», «Мститель», «Злой мальчикъ», «Страшная ночь» очень немного у Чехова.

Смѣхъ Чехова умный, хоть и юношески беззаботный смѣхъ. Это не смѣхъ какого-нибудь Лейкина. Веселый комизмъ у Чехова переходитъ иногда даже въ шаржъ, но почти всегда отражаетъ далеко невеселыя противорѣчія самой жизни. Въ эту раннюю свою пору Чеховъ не избѣгаетъ и такъ называемыхъ «гражданскихъ» обличительныхъ мотивовъ, и его комическіе очерки превращаются подчасъ въ мягкую политическую сатиру. Напомню «Смерть чиновника», «Тревогу», «Унтера Пришибеева», «Въ банѣ», «Броженіе умовъ» и пр. Начинающій, еще неопредѣлившійся писатель, очевидно, совершенно свободенъ въ выборѣ своихъ темъ, въ полной мѣрѣ обладаетъ той *внутренней свободой*, тѣмъ «чувствомъ личной свободы», которое впослѣдствіи, какъ отмѣчаетъ г. Бунинъ, онъ возводилъ въ теорію, признавалъ главнымъ и необходимымъ свойствомъ истиннаго художника. Обладалъ-ли этимъ драгоцѣннымъ даромъ веселаго Антоши Чехонте, уже выработавшійся въ тонкаго художника слова, уже опредѣлившійся хмурый, «матовый» А. П. Чеховъ? Обладалъ-ли онъ этимъ свойствомъ въ то самое время, когда началъ его возводить въ теорію? Затрогивая теперь этотъ вопросъ лишь мимоходомъ, мы остановимся надъ нимъ впослѣдствіи подробно, ибо онъ очень важенъ для уразумѣнія Чехова. Еще одно замѣчаніе о Чеховскомъ *смѣхѣ*. Смѣялся Гоголь, смѣялся Щедринъ, одинъ здоровымъ и свѣтлымъ глубокимъ смѣхомъ, обнимавшимъ всю нашу нелѣпую дѣйствительность, а другой болѣзненно, желчно и пророчески-гнѣвно. Но начинали они не смѣхомъ. Гоголь романтически воспѣвалъ идилліи украинской жизни, пересыпая ихъ только блестками юмора.

Щедринъ началъ съ грустной, пожалуй - сантиментальной повѣсти о бѣднотѣ и неудачникахъ. Смѣяться они стали лишь тогда, когда созрѣли, когда увидѣли въ смѣхѣ орудіе для идейно-художественной борьбы. Вотъ почему смѣхъ ихъ былъ такой сознательный, такой серьезный, если можно такъ опредѣлять смѣхъ. Смѣхъ юноши Чехова— беззаботное веселое выискиваніе и высмѣиваніе противорѣчій, — и только. Нащупалъ противорѣчіе, нелѣпыя *положенія*, выставилъ ихъ всѣмъ на показъ выпукло и ярко и заливается беззаботнымъ хохотомъ... Тутъ нѣтъ никакой идеи, нѣтъ служенія какому бы то ни было богу (кромѣ развѣ бога юности). Это вполнѣ свободный и беззаботный смѣхъ. Могъ-ли такой смѣхъ стать цѣлью жизни человѣка? Съ другой стороны, могъ-ли Чеховъ сохранить на всю жизнь этотъ первоначальный источникъ его творчества? Могъ-ли онъ и вообще уберечь его до конца среди всѣхъ условій нашей россійской дѣйствительности? Наконецъ, что несъ съ собой въ жизнь, съ какимъ багажомъ вступалъ въ нее этотъ богато одаренный художникъ? Обратимся теперь къ «матовому голосу» Чехова, къ его «матовымъ» образамъ, къ его вѣчной сдержанности и нелюбви договаривать вещи до конца.

Эти особенности Чехова бросаются въ глаза при первомъ знакомствѣ съ его писаніями, и стоитъ вдуматься въ нихъ, чтобы оцѣнить все ихъ значеніе. Мнѣ придется обратиться сначала къ посмертнымъ воспоминаніямъ. Сами по себѣ эти воспоминанія даютъ не много. И тутъ авторы предаются субъективизму, до извѣстной степени творятъ «по образу и подобію своему» [1]). Старательно по обычаю всѣхъ «поминокъ» надѣляютъ А. П. Чехова всѣми причитающимися покойникамъ по штату добродѣтелями, какъ то: человѣчность, тонкость чувствъ, аристократизмъ духа и т. п. общія мѣста. Но среди этого субъективизма и общихъ хвалебныхъ мѣстъ можно отыскать, особенно у г. Куприна, нѣсколько характерныхъ индивидуализирующихъ образъ Чехова черточекъ, изъ которыхъ иныя повторяются при этомъ и у другихъ авторовъ воспоминаній.

Такова именно, помимо указанныхъ выше, внѣшнихъ черточекъ— «матоваго» голоса и «Чеховскаго» смѣха, особенная сдержанность Чехова, о которой говоритъ и г. Бунинъ, и г. Куприпъ. Первый, воспоминаніе котораго особенно напоминаетъ «похвальное слово», видитъ въ ней особенность «сильной» и избранной натуры: «Его сдержанность проистекала, мнѣ кажется, изъ аристократизма его духа, между про-

---

[1]) Это относится особенно къ воспоминаніямъ Максима Горькаго въ „Нижегородскомъ сборникѣ". Давно уже отмѣчена особенность автора — заставлять всѣхъ своихъ героевъ говорить однимъ языкомъ и именно языкомъ самого Горькаго... Не избѣгъ этой участи и Чеховъ: говоритъ онъ, мыслитъ и даже „дѣйствуетъ" въ очеркѣ М. Горькаго совсѣмъ „по Горьковски"... Такъ что при чтеніи минутами кажется, что не Горькій Чехову, а Чеховъ Горькому пишетъ поминальную статью своимъ правдивымъ перомъ.

чимъ, и изъ его стремленія быть точнымъ въ каждомъ своемъ словѣ». «Того что совершалось въ глубинѣ его души, никогда не знали даже самые близкіе ему люди. А что же сказать о постороннихъ»... Г. Купринъ анализируетъ эту черту подробнѣе:

«Думается, что онъ никому не раскрывалъ и не отдавалъ своего сердца вполнѣ. Но ко всѣмъ относился благодушно, безразлично въ смыслѣ дружбы... Въ своей удивительной объективности, стоя выше частныхъ горестей и радостей... Онъ могъ быть добрымъ и щедрымъ, не любя, ласковымъ и участливымъ безъ привязанности... И въ этихъ чертахъ, которыя всегда оставались неясными для его окружающихъ, кроется, можетъ быть, главная разгадка его личности».

А немного далѣе тотъ же авторъ замѣчаетъ:

«Есть люди органически не переносящіе, болѣзненно стыдящіеся слишкомъ выразительныхъ позъ, жестовъ, мимики и словъ, и этимъ свойствомъ А. П. обладалъ въ высшей степени... Въ немъ жила *боязнь паѳоса* [1]), сильныхъ чувствъ и неразлучныхъ съ ними нѣсколько, театральныхъ эффектовъ». Г. Купринъ пытается этимъ объяснить между прочимъ, почему никакъ нельзя было дознаться, сочувствуетъ ли Чеховъ «движенію интеллигенціи», «протестамъ» и т. д.

Какъ видите, не только творчество Чехова, но и самая личность его таила въ себѣ, по признанію авторовъ воспоминаній, какія то загадки, его не могли разгадать «даже самые близкіе ему люди», многое оставалось «неяснымъ для его окружающихъ».

Чужая душа всегда темный лѣсъ. И психологія всегда можетъ опираться лишь на догадки. Но характерно, что оба писателя выдвигаютъ эту загадочность Чехова, какъ его особенность. Ясно, что «сдержанность» была такой же отличительной особенностью для его личности, каковой она является для его творчества. Чѣмъ же она обусловливалась? «Аристократизмомъ духа» отвѣчаетъ г. Бунинъ. Это хвалебно, но мало опредѣлительно. Гораздо важнѣе то совершенно иного характера объясненіе, которое онъ даетъ тутъ же и только «между прочимъ»: «стремленіе быть *точнымъ* въ каждомъ своемъ словѣ». Вы чувствуете здѣсь какую-то отрицательную, неустанную работу надъ собой, какую-то постоянную напряженность, слѣженіе за собою, изъ боязни погрѣшить противъ *точности*... Вотъ это уже характерно и кое что объясняетъ.

Еще ближе къ дѣлу, на мой взглядъ, подходитъ г. Купринъ... Онъ, правда, связанъ тономъ некролога посмертныхъ воспоминаній, боится недостаточно похвалить, и потому мысль его немного виляетъ изъ стороны въ стороны. Даже разсужденію о «благодушномъ безразличіи» Чехова къ людямъ, которое онъ спѣшитъ объяснить «удивительной его объективностью», онъ считаетъ нужнымъ предпослать оговорку:

---

[1]) Курсивъ мой. М. Н.

«Тутъ я долженъ подойти къ щекотливому мѣсту, которое, можетъ быть, не всѣмъ понравится». А затѣмъ, мѣтко указавъ страшно характерную для Чехова черту «*боязнь паѳоса, сильныхъ чувствъ*», онъ тутъ же прибавляетъ: «и неразлучныхъ съ ними нѣсколько театральныхъ эффектовъ», чѣмъ почти аннулируетъ первую половину замѣчанія. Кто это и гдѣ доказалъ, что сильныя чувства неразлучны съ театральными эффектами? Я думаю, какъ разъ наоборотъ: гдѣ театральные эффекты, тамъ именно и не ищите сильныхъ чувствъ, истиннаго паѳоса. Чего же на самомъ дѣлѣ боялся Чеховъ? театральности или сильныхъ чувствъ? Мнѣ думается—и того, и другого. Мнѣ думается, что скользкая фраза г. Куприна попала какъ разъ въ точку и, при нѣкоторой нелогичности своей, дала очень сжатую и вѣрную характеристику Чехова.

Именно такъ: боязнь паѳоса, сильныхъ чувствъ и въ тоже время боязнь театральности или, какъ тотъ же г. Купринъ говоритъ немного ранѣе, «слишкомъ выразительныхъ позъ, жестовъ, мимики и словъ»,— вотъ причины вѣчной упорной «сдержанности» Чехова. Онъ дѣйствительно былъ чѣмъ то напуганъ, чего то вѣчно боялся, и потому вѣчно работалъ надъ собой, скупо и тщательно взвѣшивалъ каждое свое слово, предпочиталъ не договаривать тамъ, гдѣ былъ рискъ сказать больше «чѣмъ слѣдуетъ», гдѣ можно было хоть на іоту погрѣшить противъ «точности». Согласитесь, что это очень мало похоже на внутреннюю свободу художника, на полную свободу его личности, о каковой распространяется въ своихъ воспоминаніяхъ г. Бунинъ. Отъ воспоминаній обратимся къ самымъ произведеніямъ Чехова. Вотъ ужь гдѣ сказывается боязнь паѳоса! Чеховъ прямо избѣгаетъ сильныхъ драматическихъ сценъ—въ повѣстяхъ, въ очеркахъ, въ драмахъ—всюду. Въ «Дуэли», въ самой сценѣ поединка, психологія героя повѣсти Лаевскаго тщательно изображена до самого того момента, когда раздается выстрѣлъ фонъ Корена. Фонъ Коренъ промахнулся. Что переживаетъ уцѣлѣвшій Лаевскій въ эту минуту? Какой вихрь чувствъ, мыслей долженъ пронестись въ его нервозной и измученной душѣ? Мы ничего не узнаемъ объ этомъ отъ Чехова, ибо онъ именно тутъ ставитъ точку, а затѣмъ показываетъ намъ Лаевскаго уже переродившимся, «исправившимся». Въ повѣсти «Въ оврагѣ» дикая сцена, гдѣ Анисья обвариваетъ кипяткомъ младенца Липы, обрывается на нечеловѣческомъ крикѣ ребенка. Въ душу матери Чеховъ опять какъ бы не рѣшается заглянуть въ этотъ моментъ. Кульминаціонный пунктъ «Скучной исторіи», сцена между профессоромъ и Катей въ гостиницѣ, трактованъ съ той же «сдержанностью». Профессоръ окончательно признаетъ свою несостоятельность, порожденную отсутствіемъ того, что его «товарищи—философы называютъ общей идеей», и онъ пассуетъ передъ допросами непосредственной Кати (къ этой сценѣ намъ еще придется вернуться), совершенно безсиленъ указать ей, какъ жить,

что ей дѣлать... Трагическая коллизія эта изображается такими немногочисленными штрихами:

«— По совѣсти Катя не знаю...

Я растерялся, сконфуженъ, тронутъ рыданіями и едва стою на ногахъ.

— Давай, Катя, завтракать, говорю я, натянуто, улыбаясь.—Будетъ плакать!»

Катя уходитъ, не глядя на него и не оборачиваясь. Его покинуло единственное въ мірѣ существо, къ которому онъ былъ привязанъ. Онъ остался одинъ. Что онъ переживаетъ?—Чеховъ ставитъ точку. Въ данномъ случаѣ, я не художественный минусъ указываю, какъ въ въ двухъ предыдущихъ. Съ художественной точки зрѣнія именно эта сцена, пожалуй, лучшая въ этой едва ли не лучшей вещи Чехова. Здѣсь его сдержанность и скупость передаютъ съ концентрированной силой угрюмое и нѣмое отчаяніе «проглядѣвшаго жизнь» профессора. Мнѣ нужно только отмѣтить,—что Чеховъ нигдѣ не измѣняетъ отмѣчаемой мною чертѣ: онъ вездѣ сдержанъ до скупости, вездѣ боится паѳоса. Здѣсь эта скупость повела къ художественному выигрышу, это не значитъ, что она всегда къ нему приводитъ.

Треплевъ въ «Чайкѣ» передъ самоубійствомъ,—когда любимая имъ Нина Зарѣчная навсегда уходитъ отъ него, произноситъ только:

«Не хорошо, если кто-нибудь встрѣтитъ ее въ саду и потомъ скажетъ мамѣ. Это можетъ огорчить маму». Затѣмъ онъ рветъ всѣ свои рукописи и идетъ стрѣляться... Всѣ его переживанія авторъ предоставляетъ психологическому чутью и воображенію зрителя. Въ «Трехъ сестрахъ» Ирина, невѣста Тузенбаха, на сообщеніе о его смерти отзывается только двумя словами: «я знала, я знала»... Да и изъ остальныхъ никто почти ни словомъ не упоминаетъ о немъ. Смерть Тузенбаха лишь эпизодъ въ общей безсмысленной тяготѣ жизни, подъ которой изнываютъ героини драмы, но психологически такая скупость на слова въ «Трехъ сестрахъ» все же мало вѣроятна.

Однако, довольно читать. Мнѣ не нужно доказывать, что Левъ Толстой, напримѣръ, сумѣлъ бы найти простыя совсѣмъ не «театральныя» слова, чтобы изобразить горе Липы или переживанія Треплева, какъ онъ и нашелъ ихъ хотя бы въ сценѣ смерти Андрея Болхонскаго или самоубійства Анны Карениной. Я не говорю уже о Достоевскомъ, который, быть можетъ, дошелъ бы до полнаго забвенія чувства мѣры въ этихъ случаяхъ, истерзалъ бы себя и читателя, но, конечно, «театральнаго эффекта» не далъ бы. Ясно, что въ Чеховѣ тутъ говорила боязнь не одной театральности. Чеховъ не умѣлъ найти простыхъ и достаточно сильныхъ словъ для выраженія сильныхъ чувствъ—вотъ гипотеза, которая невольно напрашивается при этихъ сопоставленіяхъ. И если мы скажемъ, что Чеховъ, какъ писатель, былъ *лишенъ паѳоса* или сильныхъ чувствъ, и если мы тѣмъ же

отсутствіемъ паѳоса объяснимъ его «благодушно безличное» отношеніе къ людямъ, мнѣ думается, мы не ошибемся. И такъ какъ мы не похвальное слово пишемъ, а стараемся по совѣсти разобраться въ сложномъ духовномъ обликѣ большого писателя, то мы можемъ отмѣтить это отсутствіе паѳоса, страсти, пристрастія, какъ отличительную черту этого типичнаго созерцателя. Въ результатѣ нѣкоторая безсложная холодность, «высшая (почему «высшая?») объективность» какъ выражается г. Купринъ;—какое то заглядываніе въ жизнь и въ людей *извнѣ*, со стороны, съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя, а не участника,—зрителя, а не дѣйствующаго въ драмѣ лица. И съ холодностью уживается необыкновенный «зрительскій» *интересъ* къ жизни, неутолимая наблюдательность, что мѣтко указываетъ тотъ же г. Купринъ.—Мнѣ хочется сказать: какой то *техническій*, чисто художественный интересъ къ наблюденію и воспроизведенію жизни, и такая выработанность, такая сознательная продуманность въ пріемахъ наблюденія и воспроизведенія, какъ мало у кого другого. Съ этой точки зрѣнія проблема чеховскаго творчества представляетъ совершенно исключительный теоретическій интересъ. Но это уводитъ насъ въ сторону отъ занимающей насъ теперь темы. Сколько фигуръ «безъ паѳоса» вышло изъ подъ пера Чехова—этого и не перечтешь. Почти всѣ его герои именно этимъ отсутствіемъ паѳоса и характеризуются, это ихъ проклятье, причина ихъ несостоятельности, ихъ нежизнеспособности. Иные сами казнятся въ этомъ, какъ землемѣръ-герой чудеснаго очерка «Вѣрочка», Богъ вѣсть почему ушедшій отъ влюбленной въ него и глубоко въ его глазахъ привлекательной дѣвушки:

«Дойдя до мостика, онъ остановился и задумался. Ему хотѣлось найти причину своей странной холодности. Что она лежала не внѣ, а въ немъ самомъ, для него было ясно. Искренно сознался онъ передъ собой, что это не разсудочная холодность, которою такъ часто хвастаются умные люди, не холодность самолюбиваго глупца, а просто *безсиліе души* (курсивъ мой М. Н.), неспособность воспринимать глубоко красоту, ранняя старость, пріобрѣтенная путемъ воспитанія, безпорядочной борьбы изъ-за куска хлѣба, номерной безсемейной жизни».

Тѣмъ же *безсиліемъ души* страдаютъ и чиновникъ, и революціонеръ въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка», и образованный коммерсантъ Лаптевъ въ повѣсти «Три года», и чиновникъ мужъ въ очеркѣ «Жена», и Анна Акимовна въ «Бабьемъ царствѣ», и литераторъ Тригоринъ въ «Чайкѣ» и т. д., и т. д. Это безсиліе сказывается въ различныхъ областяхъ, начиная отъ простой любви между мужчиной и женщиной, какъ въ очеркѣ «Вѣрочка», и кончая соціальными бѣдствіями и способностью реагировать на нихъ, какъ въ «Женѣ». Но вездѣ основная причина тоже—тусклыя, заглохшія чувства, неспособность къ паѳосу, къ живымъ порывамъ...

Тусклая, *матовая*, безсильная душа—это любимая тема Чехова. Смѣлые публицисты, въ родѣ г. Львова, конечно, объясняютъ это «эпохой», которую дескать воспроизводилъ Чеховъ. Они не останавливаются даже передъ безсиліемъ въ области любви, передъ той вереницей не умѣющихъ любить мужчинъ и женщинъ, которая тянется сквозь всѣ произведенія Чехова. Таковы ужъ были эти треклятые 80-е годы, скажутъ они. Утверждаетъ же г. Львовъ (правда, цитируя какого-то автора «воспоминаній»), что 80-е годы «раздвинули частицы легкихъ» покойнаго художника, такъ что и чахотка, по его мнѣнію, объясняется все тою же «эпохой!» Я не рѣшаюсь на такія утвержденія. А вотъ допустить, что въ пристрастіи къ изображенію *матовыхъ* душъ сказалось нѣчто субъективное, нѣчто въ родѣ самобичеванія или самовоспроизведенія со стороны автора—я склоненъ. Самобичеваніе, впрочемъ, не то слово. Извѣстно признаніе Гоголя, что онъ старался «отдѣлываться» отъ «пороковъ», надѣляя ими свои типы, какъ бы для преданія ихъ всенародной казни. Тургеневъ всю жизнь изображалъ слабовольныхъ «гамлетовъ» и противопоставлялъ имъ сильныя, дѣйственныя фигуры «Донкихотовъ», какъ бы неся передъ послѣдними повинную. Правда, какъ очень тонко подмѣтилъ Михайловскій, онъ не доводилъ покаянія до конца и лукаво снабжалъ каждаго Донкихота двумя—тремя такими черточками, которыя въ значительной степени проваливали дѣло «Донкихота» и понижали чашку вѣсовъ въ сторону «Гамлета». Но все же это было до извѣстной степени самоказнью. Чеховъ и здѣсь только изображалъ, только воспроизводилъ, только перевоплощался въ своихъ героевъ. За рѣдкими исключеніями, въ родѣ цитированнаго выше приговора надъ героемъ «Вѣрочки», онъ не судилъ, предоставлялъ произносить вердиктъ читателю. Но, если онъ и не «лукавилъ» подобно Тургеневу, надо все же признать, что при всей своей «высшей объективности» онъ въ данномъ случаѣ умѣлъ замолвить словечко въ пользу «безсильныхъ душъ», умѣлъ сдѣлать ихъ симпатичными—быть можетъ, и безсознательно...

Вотъ почему непримиримый Н. К. Михайловскій и встрѣтилъ появленіе Чехова жесткимъ осужденіемъ «холодная кровь» и увидѣлъ въ его драмѣ «Ивановъ»—«апоѳеозъ безсилья». Онъ былъ, конечно, несправедливъ, но во-первыхъ былъ правъ по своему, а съ другой стороны, черезчуръ рѣзко, но вѣрно указалъ на нѣкоторыя стороны чеховскихъ писаній.

Не «апоѳеозъ» безсилья, а очевидный напряженный интересъ къ нему и кое-какіе элементы заступничества за него, симпатіи къ нему—это несомнѣнно центральный пунктъ къ творчествѣ Чехова. И надо сказать тутъ же, что въ психологіи «безсильной души» Чеховъ великій мастеръ, что созданныя имъ фигуры людей, пораженныхъ отступленіемъ «паѳоса»—останутся навсегда образцовыми...

Художникъ безсилія души, живописецъ жизни *безъ паѳоса*—только

будетъ первое опредѣленіе Чехова, къ которому приводитъ наша характеристика.

Но не этимъ однимъ обусловлена *матовость* чеховскихъ образовъ. Если хотите, именно здѣсь изображенія его ярки и исчерпывающи: матовость принадлежитъ самимъ оригиналамъ, самимъ объектамъ воспроизведенія. Ихъ «не договорила», не доносила сама жизнь. Матовость и не договоренность другихъ тоновъ сдержанность и забота о точности, доходящая до скупости имѣютъ свои особыя причины. Мнѣ приходится теперь обратиться къ общему міросозерцанію Чехова, насколько оно выясняется въ его «объективныхъ» очеркахъ, и заглянуть въ «эпоху»—въ эти пресловутые и дѣйствительно треклятые 80-е годы.

О «внутренней политикѣ» этой эпохи и о всѣхъ ея общественно-психологическихъ результатахъ я распространяться не стану. Много объ этомъ уже говорено. Да и что тутъ говорить, когда въ жизни, въ полнотѣ своей и всесторонности водворилась «система» государственнаго дѣятеля, которому принадлежитъ знаменитый афоризмъ: «Народу образованіе не нужно, ибо оно научаетъ логическому мышленію».

Всѣ культурныя задачи рѣшались съ высоты этого принципа. Всѣ прочія располагались въ соотвѣтствующей ему перспективѣ. Но если и все было сдѣлано, чтобы пресѣчь всякое движеніе общественной и культурной мысли, если реакція и торжествовала по всему фронту и достигла такихъ размѣровъ, какіе даже Россія переживала развѣ только въ концѣ 40-хъ годовъ, то все же «мертвая точка», въ которую превратилась общественная жизнь, объясняется не однѣми только внѣшними причинами. Въ подобномъ, очень распространенномъ, истолкованіи эпохи 80-хъ годовъ, мнѣ кажется, есть изрядная доля неправды. Публицистика того времени иначе и не могла и не должна была трактовать этотъ вопросъ. Борьба съ главнымъ врагомъ была ея основной задачей. А если и теперь стать на историческую точку зрѣнія мѣшаетъ черезчуръ значительное количество *аналогическихъ* моментовъ въ нашей современности, то все же это сдѣлать необходимо. Особенно, если, подобно намъ, главный интересъ вопроса видишь именно въ психологіи общества, вѣдь именно она, эта психологія общества является той *средой*, которая прежде всего вскармливаетъ и опредѣляетъ «исторически» художника, которая интимно и непосредственно воздѣйствуетъ на него, гораздо интимнѣе и непосредственѣе, чѣмъ «внѣшнія» условія... А мы имѣемъ дѣло еще съ такимъ теоретическимъ и политическимъ художникомъ, какъ Чеховъ...

Мнѣ даже кажется, что есть что то оскорбительное въ столь обычномъ у насъ признаніи пріоритета публицистики, въ столь вѣрномъ служеніи ея традиціямъ, въ этомъ постоянно производимомъ съ ея легкой руки «перегибаніи дуги» въ сторону «внѣшнихъ обстоятельствъ»

или что тоже—«внутренней политики». Что же, въ самомъ дѣлѣ, мы то изъ себя представляемъ? Неужели, «кто палку взялъ, тотъ у насъ и капралъ», и достаточно капраловъ съ ихъ палками, чтобы превратить въ ничто наше общество?».

«Мертвая точка» 80-хъ годовъ имѣла, на мой взглядъ, по меньшей мѣрѣ, столько же *внутреннихъ*, въ самой психологіи общества заложенныхъ причинъ, какъ и причинъ внѣшнихъ. Это было время радикальнаго, страшно болѣзненнаго перелома въ общественномъ міросозерцаніи. Самъ Чеховъ въ много разъ цитированномъ письмѣ къ А. С. Суворину, относящемуся къ 1894 году, ретроспективно формулируетъ такъ этотъ переломъ: «Похоже, что всѣ были влюблены, разлюбили, и теперь ищутъ новыхъ увлеченій», и прибавляетъ, что всѣмъ, подобно лихорадящимъ больнымъ, захотѣлось теперь «кисленькаго» [1]).

Къ 80-мъ годамъ относится только первая половина фразы: «Всѣ были влюблены, разлюбили». Жить стало нечѣмъ. Не даромъ даже у Н. К. Михайловскаго срывались такія фразы: «О наличности какой-нибудь общественной задачи, которая соединила бы въ себѣ грандіозность замысла съ общепризнанной возможностью немедленнаго исполненія—нечего въ наше время и говорить, нѣтъ такой задачи...». По ироническому опредѣленію «переставшаго быть революціонеромъ» Л. Тихомірова, вся задача передовыхъ элементовъ «сводилась въ то время къ тому, чтобы передать въ сохранности послѣдующимъ поколѣніямъ «священный огонь» революціи, какъ въ церкви бережно передаютъ зажженную свѣчу, отъ одного къ другому, какъ бы не погасла!».

И если характеризовать въ общихъ чертахъ сущность перелома происходившаго въ мышленіи передового общества, то надо сказать, что это было нарожденіе политическаго мышленія. До этого момента оно было исключительно соціальнымъ. Соціальный утопизмъ, грандіозными перспективами котораго жили дотолѣ, не только уперся въ глухую стѣну «внѣшнихъ» условій, но успѣлъ уже вскрыть и свою внутреннюю несостоятельность. Пока принимались за данное всѣ грандіозныя соціальныя возможности, якобы заложенныя въ нашемъ народѣ въ «самобытныхъ» формахъ жизни, видѣли единственное препятствіе къ осуществленіи этихъ возможностей въ «стѣнѣ» внѣш-

---

[1]) Характеренъ для Чехова тонъ, въ которомъ онъ трактуетъ эту громадную историческую драму. Это таже „сдержанность", которую онъ проявляетъ [illegible] письмѣ, приводимомъ г. Бунинымъ, гдѣ трактуется не историческая драма, [illegible] и при томъ радостное событіе: „Милый Иванъ Алексѣевичъ, стаю [illegible], позвольте на Страстной ждать Васъ... Пріѣзжайте, сдѣлайте такую ми- [illegible] жениться и раздумалъ, не желаю, но все же, если Вамъ покажется [illegible], такъ и быть ужо, пожалуй, женюсь". Г-нъ Бунинъ видитъ въ [illegible] письмѣ образецъ эпистолярнаго стиля...

ихъ политическихъ условій, вниманіе естественно сосредоточивалось а этой «стѣнѣ».

Общественная мысль считала *единственнымъ* своимъ призваніемъ орьбу съ этой «стѣной», съ тѣми условіями, которыя такъ и имеовались «искусственными» и «внѣшними». При свѣтѣ царившей надъ мами народнической настройки все, *внутреннее* противополагалось цѣикомъ этимъ внѣшнимъ искусственнымъ тормазамъ; въ области этого нутренняго все, казалось, обстояло благополучно и даже болѣе чѣмъ лагополучно, разъ здѣсь именно были заключены блестящія соціальыя возможности. Когда исчезла вѣра въ эти возможности, мысль стественно должна была направиться отъ внѣшнихъ условій *во внутрь*, олжна была мало по малу сосредоточиться на явленіяхъ общественыхъ, на самомъ обществѣ. Какъ всегда бываетъ при крутомъ повоотѣ, мысль сначала ударилась въ направленіе діаметрально противоположное прежнему—такъ сказать «внѣшнему», и дошла до экцессовъ. Возникла проповѣдь о совершенствованіи «въ себѣ», абсолютно анаитическое толстовство, а рядомъ съ нимъ все то, что принято обозачать «декадентствомъ» и что характеризуется исключительнымъ ниманіемъ къ индивидуальнымъ настроеніямъ, къ личнымъ мотивамъ. Это были два конца той же палки: одинъ китайскій или русскій, другой европеизированный. Абстрагируемъ отъ всего этого движенія *во нутрь* элементы китайщины съ одной стороны и подражательности болѣзненныхъ извращеній, съ другой, и мы увидимъ не одни приаки реакціи, а уже и нарожденіе новаго угла зрѣнія. Интересъ къ ичности человѣческой со всей сложностью ея атрибутовъ есть перый шагъ къ признанію роли и значенія общества, тѣхъ внутреннихъ акторовъ жизни, которые прежде почти игнорировались, какъ бы атмѣвались ослѣпительнымъ свѣтомъ утопіи и преувеличеннымъ предтавленіемъ о роли «внѣшнихъ» условій. Это ухожденіе *въ себя* было ервымъ шагомъ въ область «естественнаго права», въ область правъ ичности, находящихъ себѣ осуществленіе только въ правахъ общетва. Это былъ первый шагъ къ политическому самосознанію общетва, которое въ наши дни уже доросло до идеи, что самостоятельаго значенія «стѣна» не имѣетъ, что ея сила и крѣпость опредѣяются только безсиліемъ общества. Въ 70-хъ годахъ и ранѣе общетво, какъ активная сила, можно сказать не существовало. Существоали только двѣ силы: сила «стѣны» и сила утопистовъ-интеллигентовъ. «Мертвая» эпоха 80-хъ годовъ, съ этой точки зрѣнія, является тѣмъ оментомъ, когда въ мукахъ и болѣзняхъ, среди густого удушливаго рака и чада политической реакціи нарождались на Руси первыя заатки общества. Это былъ начальный моментъ глубокой «переоцѣнки цѣнностей» во всѣхъ областяхъ отъ политики до самыхъ интимныхъ, ичныхъ вопросовъ.

Работа этой переоцѣнки, особенно этико—философской стороны

міросозерцанія, не завершилась окончательно до самыхъ нашихъ дней. Еще многое, даже нуждающееся въ переоцѣнкѣ, по традиціи до сихъ поръ царитъ во многихъ умахъ отчасти, вѣроятно, потому, что для возведенія того этико-философическаго зданія, которымъ жила эпоха народничества, эта эпоха сумѣла выдвинуть такіе огромные таланты, какъ Герценъ, Щедринъ, Михайловскій. Подобный пережитокъ представляетъ собою, между прочимъ, и тотъ пріоритетъ «публицистики», то пристрастіе къ ней, на которое мы указали въ самомъ началѣ настоящей небольшой экскурсіи въ исторію 80-хъ годовъ.

Нечего и пояснять, что начальный моментъ переоцѣнки былъ главнымъ образомъ *отрицательнымъ*: первую свою задачу люди видѣли въ отрицаніи прежнихъ, установленныхъ ранѣе, а теперь развѣнчанныхъ цѣнностей.

Эта *отрицательная атмосфера* окружала Чехова съ первыхъ дней его сознательной жизни. Но быть можетъ, здѣсь необходимо сдѣлать небольшую оговорку. Какъ извѣстно, Чеховъ никогда не вращался въ средѣ тѣхъ крайнихъ передовыхъ элементовъ общества, на которыхъ съ особенной тяжестью легла внѣшняя и внутренняя ломка 80-хъ годовъ. Онъ въ то время печатался въ «Стрекозѣ» и «Новомъ Времени» и общался съ нововременцами, какъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, въ своихъ, воспоминаніяхъ г. Щегловъ, неоднократно подчеркивающій, что Чеховъ его называлъ Жаномъ, а онъ Чехова Антуаномъ. Что этимъ господамъ была Гекуба и что они ей?—спроситъ, пожалуй читатель. Но во-первыхъ, Антуанъ хотя и общался съ Жаномъ, все же, разумѣется, кое чѣмъ отъ него и ему подобныхъ отличался. Съ другой стороны,—трудно указать другой примѣръ такого почти поголовнаго вліянія извѣстнаго направленія на умы, каковымъ было вліяніе народничества. Созданное паденіемъ рабства это направленіе, модифицируясь и раздробляясь на тысячи оттѣнковъ и градацій, умѣло наложить свою печать на всю сколько н. б. прогрессивную мысль отъ утопическаго соціализма «Отечественныхъ записокъ» до «широкаго народнаго либерализма» «Недѣли» и даже «Новаго Времени». Мы знаемъ, что даже до сихъ поръ этотъ «парламентъ» нашей бюрократіи не устаетъ прикрывать свои вожделѣнія фиговымъ листкомъ «демократическихъ» принциповъ, «народныхъ» интересовъ, долженствующихъ подыскать себѣ «самобытное», «признанное къ національной физіономіи» выраженіе. И до сихъ поръ даже «разбойники пера» прибѣгаютъ къ «идеямъ» и богатому лексикону народнической эпохи. Что же говорить про старое время, про 80-ые годы? А затѣмъ, «переоцѣнкой» занялись въ первый моментъ вовсе не крайніе элементы. Эти—старались сохранить хотя бы практическую схему, отъ которой уже отлетѣлъ живой теоретическій духъ, совершали подвиги «героизма отчаянія», поддерживали, какъ иронизировалъ Л. Тихоміровъ, «священный огонь». «Въ толстовство», въ «декаденство»,

въ проповѣдь «малыхъ дѣлъ»—уходили другіе,—болѣе умѣренные, промежуточные элементы... Что, по темпераменту (отсутствіе паѳоса), по воспитанію, по связямъ Чехову естественнѣе всего было примкнуть именно къ нимъ—въ этомъ врядъ-ли приходится сомнѣваться. Это, конечно, лишь догадка. Прямыхъ біографическихъ указаній на это у насъ нѣтъ, какъ и вообще нѣтъ сколько н. б. подробный біографіи Чехова. Но вѣдь интересенъ не самый фактъ связей и сношеній, а существо дѣла. По существу же, Чеховъ относился именно сюда—къ рядамъ этихъ умѣренныхъ «переоцѣнщиковъ», возражателей на недавно господствовавшія теоріи.

«Любили и перестали любить»... Чеховъ не участвовалъ въ романѣ русской интеллигенціи съ народомъ: ни одного намека на какое либо увлеченіе народничествомъ нельзя указать въ юношескихъ его произведеніяхъ. На его долю выпало только похмелье въ чужомъ пиру, только развязка романа, разочарованность и скептическій анализъ былого увлеченія. Если мы станемъ искать въ его писаніяхъ слѣды какой нибудь идеологіи, то найдемъ только кое какіе робкіе намеки на временное увлеченіе толстовствомъ. Въ «Хорошихъ людяхъ» писателю, «отдѣлывающемуся» фельетонами отъ самыхъ трудныхъ жизненныхъ вопросовъ, противопоставляется вдумчивая, честно мыслящая сестра его, докторша. Она отрицаетъ его «идейную» работу, бросаетъ столицу. Постоянно твердитъ о «непротивленьи злу» и бросаетъ брата и столицу для деревни, что бы тамъ «оспу прививать». «А Владиміръ Семеновичъ все писалъ свои фельетоны, возлагалъ вѣнки, пѣлъ «gaudeamus», хлопоталъ о «кассѣ взаимопомощи сотрудниковъ московскихъ повременныхъ изданій», за что и понесъ надлежащую кару: чуть ли не на другой день послѣ смерти «онъ былъ совершенно забытъ».

Интересно слѣдующее мѣсто изъ споровъ брата съ сестрой:

«Мнѣ кажется, говоритъ докторша, что современная мысль засѣла на одномъ мѣстѣ и приникла къ этому мѣсту. Она предубѣждена, вяла, робка, боится широкаго, гигантскаго полета, какъ мы съ тобой боимся взобраться на высокую гору, она консервативна.». «Широкій и гигантскій полетъ» эта новаторша, а, быть можетъ, и самъ Чеховъ въ эту минуту, видитъ въ непротивленіи злу и служеніи народу, хотя бы «прививкой имъ оспы». Отмѣтимъ здѣсь и явную «возражательскую» тенденцію и еще слѣдующее очень типичное для Чехова обстоятельство. Герой очерка проводитъ жизнь въ писаніи фельетоновъ, въ которыхъ, по увѣренью Чехова, самымъ рутиннымъ манеромъ дѣлаетъ критическій разборъ разныхъ беллетристическихъ пустячковъ. Вообще, онъ очень недалекъ, и ужъ никакъ не можетъ служить мишенью для нападокъ на «современную мысль»—вообще, слишкомъ много для него чести, каковы бы ни были дефекты этой современной мысли! Съ другой стороны, докторша, повидимому, увлекается Толстымъ и его пропо-

вѣдью опростительства, но тутъ же примѣшивается «оспопрививаніе», т.-е. медицина, которую Толстой всегда отрицалъ, да и вообще культурная работа въ деревнѣ, совершенно не характерная для толстовцевъ. Эта идейная неясность очень характерна для Чехова: чуть онъ затронетъ какую любо идеологію, у него всегда такъ выходитъ. Въ уже упомянутомъ выше письмѣ къ г. Суворину Чеховъ самъ признаетъ, что нѣкоторое время увлекался толстовствомъ, но, какъ бы оправдываясь, прибавляетъ, что его не самыя идеи Толстого покорили, а скорѣе «толстовская манера выражаться, разсудительность и, вѣроятно, гипнотизмъ своего рода». «Теперь же во мнѣ что то протестуетъ, продолжаетъ онъ; расчетливость и справедливость говорятъ мнѣ, что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса. Война-то и судъ—зло, но изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ ходить въ лаптяхъ и спать на печи вмѣстѣ съ работникомъ, его женой и т. д.»

Но на самомъ дѣлѣ многое изъ идейнаго содержанія толстовства, несомнѣнно, было ассимилировано Чеховымъ и не покидало его до конца. Это прежде всего отрицательное отношеніе къ большинству тѣхъ формъ, въ которыхъ идетъ современная «работа головой», какъ говорится въ сказкѣ объ Иванѣ дуракѣ, ко всѣмъ этимъ «службамъ» и «дѣятельностямъ» въ рамкахъ современнаго строя. Въ очеркахъ Чехова проходитъ длинный рядъ прокуроровъ, слѣдователей, судей, администраторовъ. Ихъ «умственный трудъ», не требующій ни напряженія ума, ни таланта, ни личныхъ способностей, ни подъема творческаго духа, онъ—вмѣстѣ съ героемъ «Моей жизни»—«ставитъ ниже физическаго труда, презираетъ его и не думаетъ, чтобы онъ хотя одну минуту могъ служить оправданіемъ праздной, беззаботной жизни, такъ какъ онъ самъ не что иное, какъ обманъ, одинъ изъ видовъ той-же праздности».

Въ очеркѣ, изъ котораго взяты только что цитированныя слова яснѣе чѣмъ гдѣ либо и очень своеобразно и характерно для Чехова высказалось его временное увлеченіе «толстовствомъ»: идейнаго размаха Толстого здѣсь нѣтъ и слѣда, отъ всей глубины и послѣдовательности его барскаго «покаянія» осталось только отвращеніе къ привилегированной «работѣ головой», отвращеніе къ сутолокѣ, лживости и праздности, присущей такъ называемой «культурной жизни». Герою *скучно* жить среди этого общества, и онъ становится маляромъ. Боязнь паѳоса, сдержанность, искренность, и простота сердца, доходящія до окончательнаго обкарнанія всякой идеологіи, до отказа отъ идей, основныя черты героя этой повѣсти. Это воистину «нищій духомъ». Между прочимъ, стоитъ отмѣтить, что это единственный у Чехова герой, «направленіе» коего не подтачивается рефлексіей, не разбивается доводами окружающихъ и не опровергается самой жизнью: при всѣхъ тяжелыхъ переживаніяхъ, на него обрушившихся, онъ до конца

остается вѣрнымъ себѣ, т.-е. какъ бы правымъ, съ точки зрѣнія автора. Это рѣдкая вещь у Чехова.

Таково отношеніе Чехова къ единственной идеологіи, къ единственной «программѣ жизни», которою онъ одно время увлекался. Всѣ прочія теоріи и программы для Чехова какъ бы не существовали. Можно думать, что эпоха переоцѣнки и разочарованія въ недавнихъ «программахъ» воспитало въ немъ скептическое отношеніе къ теоретизаціи жизни вообще, ко всякой попыткѣ систематизировать жизнь и охватить и *сущее*, и *должное* въ одной сколько нибудь стройной теоретической схемѣ. Во всякой религіи жизни онъ какъ бы заподозрѣвалъ *догму*, скептически—опасливо сторонился отъ нея, какъ бы боясь потерять «свободу личности», утратить *точность* и искренность чувства и мысли.

Всякая теорія представлялась ему чѣмъ-то «внѣшнимъ», принадлежавшимъ всѣмъ, всему внѣшнему «обманчивому» міру, и онъ точно схимникъ спасался отъ «соблазновъ разума» въ свой внутренній міръ, въ міръ непосредственныхъ «точныхъ» переживаній и настроеній. Это, дѣйствительно, нѣчто похожее на христіанскій *аскетизмъ мышленія*, такъ сказать, и г. Булгакову, пожалуй, можно было сослаться на эту черту Чехова для оправданія своего рьянаго прозелитизма, но онъ, конечно, этого не сдѣлалъ: очень ужъ невыгодная вышла бы ссылка...

Свое недовѣріе къ «теоріямъ» Чеховъ не разъ выражалъ беллетристически. Напомню съ грустнымъ юморомъ трактованную фигуру Лихарева въ очеркѣ «На пути»: онъ спустилъ все свое состояніе на «идеи», «полжизни состоялъ въ штатѣ нигилистовъ и атеистовъ», «ударился въ нигилизмъ съ его прокламаціями, черными передѣлами и всякими штуками», «ходилъ въ народъ, служилъ на фабрикахъ, въ смазчикахъ, бурлакахъ»; потомъ (хронологія, замѣтимъ, нѣсколько грѣшитъ противъ дѣйствительной исторіи русской жизни) «полюбилъ русскій народъ до страданія, любилъ и вѣровалъ въ его Бога, въ языкъ, творчество... И такъ далѣе, и такъ далѣе»... «Въ свое время былъ онъ славянофиломъ, надоѣдалъ Аксакову письмами, и украйнофиломъ, и археологомъ, и собирателемъ образцовъ народнаго творчества... увлекался идеями, людьми, событіями, мѣстами... увлекался безъ перерыва. Пять лѣтъ тому назадъ служилъ отрицанію собственности; послѣдней его вѣрой было непротивленіе злу». Теперь онъ няньчится со своей нервной и капризной дочуркой и ѣдетъ на фабрику къ кулаку—въ управляющіе, ради куска хлѣба. Физически могучая, добродушная и увлекающаяся натура его и новая его «вѣра»—въ женщину, чуть не покоряетъ за одинъ разговоръ въ непогодную зимнюю ночь молодую дѣвушку, случайно встрѣтившуюся съ нимъ на постояломъ дворѣ. Онъ трактованъ любовно и мягко, но намѣренія автора очевидны: это сатира на всѣ теоретическія увлеченія нашей

интеллигенціи, которая, по увѣренію Лихарева, «безъ вѣры жить не можетъ». Хронологическая путаница и опять-таки хронологически немыслимое совмѣщеніе всѣхъ этихъ періодовъ нашихъ интеллигентскихъ исканій въ образѣ одного человѣка обличаетъ, во-первыхъ, какъ чужды были Чехову всѣ эти теоріи, а во-вторыхъ, подчеркиваютъ его иронически небрежное къ нимъ отношеніе.

Уже болѣе ядовито-враждебное, но—да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться—и еще болѣе «косолапое» отношеніе къ «идеямъ» сказалось въ неудачномъ по фабулѣ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка». Больной чахоткой герой разсказа, отъ лица коего онъ и ведется, поступаетъ въ лакеи къ небольшому чиновнику съ цѣлью убить его отца большого сановника. Но въ моментъ, когда представляется удобный случай къ тому, онъ ничего не ощущаетъ въ душѣ, никакой «ненависти» (?): «Старое, грустное лицо и холодный блескъ звѣздъ вызывали во мнѣ только мелкія, дешевыя и не нужныя мысли о бренности всего земного, о скорой смерти... Нельзя ужь было сомнѣваться: во мнѣ произошла перемѣна, я сталъ другимъ». Онъ сталъ «другимъ» и пропустилъ удобный случай. Но на словахъ онъ еще не отказывается отъ прежней вѣры и проповѣдуетъ ее Зинаидѣ Ѳедоровнѣ, молодой женщинѣ, которую «спасаетъ» отъ невѣрнаго ей возлюбленнаго. Она бросила мужа для того чиновника, у котораго служитъ лакеемъ «неизвѣстный человѣкъ», а теперь, когда лакей раскрываетъ ей глаза, а въ тоже время раскрываетъ и свой псевдонимъ, она ѣдетъ съ нимъ за границу, увлеченная его проповѣдью. Тутъ она своимъ непосредственнымъ чувствомъ вскорѣ раскрываетъ настоящую его сущность:

„Владиміръ Ивановичъ, Бога ради, зачѣмъ вы неискренни?—продолжала она тихо, подходя ко мнѣ.—Когда я всѣ эти мѣсяцы мечтала вслухъ, бредила, восхищалась своими планами, перестраивала свою жизнь на новый ладъ, то почему вы не говорили мнѣ правды, а молчали или поощряли разсказами и держали себя такъ, какъ будто вполнѣ сочувствовали мнѣ? Почему? Для чего это нужно?

— Трудно сознаваться въ своемъ банкротствѣ,—проговорилъ я,. оборачиваясь, но не глядя на нее.—Да, я не вѣрю, утомился, палъ духомъ... Тяжело быть искреннимъ, страшно тяжело, и я молчалъ. Не дай Богъ никому пережить то, что я пережилъ“.

Это, разумѣется, должно служить символическимъ развѣнчаніемъ «семидесятничества» и несчастныхъ его эпигоновъ, на долю коихъ выпалъ «героизмъ отчаянія»; — развѣнчаніемъ «поколѣнія, проклятаго Богомъ», какъ наименовалъ его поэтъ этого поколѣнія г. П. Я. Но согласитесь, что пріемы пущены въ ходъ именно «косолапые»... И нелѣпое поступленіе въ лакеи, и влюбленность въ Зинаиду Ѳедоровну, и чахотка героя, и его физическое, и нравственное безсиліе, все это запутываетъ дѣло такъ, что отъ политическаго замысла почти ничего не остается. Подобно Катѣ въ «Скучной исторіи» Зинаида Ѳедоровна

ставитъ въ упоръ вопросъ: Что ей дѣлать? И герой, подобно профессору, не имѣетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Что и не мудрено, ибо онъ отчасти вмѣстѣ съ авторомъ совершенно запутался въ своихъ идеяхъ.

Это—по адресу радикальныхъ идейныхъ людей того времени.

Умѣренному либерализму достается въ лицѣ профессора «Скучной исторіи». Н. К. Михайловскій считаетъ совершенно случайнымъ и неважнымъ указаніе автора на дружескія связи профессора съ Кавелинымъ, Некрасовымъ и т. д. Если говорить съ художественной точки зрѣнія, то Михайловскій правъ: несостоятельность человѣка, лишеннаго того, что называется «общей идеей»,—вотъ основная тема повѣсти; а такая несостоятельность отнюдь не характерна для Некрасовыхъ и Кавелиныхъ и ихъ друзей. Но Чеховъ, совершенно не обнаруживая общественнаго міросозерцанія профессора въ его рѣчахъ и думахъ, очевидно, хотѣлъ этимъ внѣшнимъ указаніемъ объяснить читателю, съ представителемъ какого лагеря онъ имѣетъ дѣло. Ученый, знаменитый другъ Кавелина и Некрасова, «развѣнчивается» тѣмъ, что не можетъ указать жизненной дороги для Кати. Къ сожалѣнію, и эта прекрасная вещь Чехова страдаетъ все тѣмъ же недостаткомъ, который проявляется у него каждый разъ, какъ онъ займется изображеніемъ «идейныхъ» людей. Кульминаціонный пунктъ повѣсти, заключительная сцена между Катей и профессоромъ, цитированная нами выше, при всей ея художественности, проигрываетъ въ силѣ по винѣ все той же неловкости автора: онъ нарисовалъ Катю такой мятуще ся истерической натурой, переходящей отъ увлеченія романическимъ, къ страсти къ театру и т. п., что, право, и обладатель самой вѣрной «общей идеи», пожалуй, не нашелся бы на мѣстѣ профессора, не сумѣлъ бы отвѣтить на вопросъ: что этой Катѣ дѣлать? И если принять все это во вниманіе, то выйдетъ, что повѣсть написана не во славу «общей идеи», безъ которой немыслимо разумное существованіе, какъ истолковываетъ эту вещь Михайловскій, а просто изображаетъ постепенный упадокъ жизненныхъ силъ въ больномъ и усталомъ старикѣ-ученомъ, упадокъ, приводящій его къ безнадежному скептицизму... Снисходительнѣе всего Чеховъ относится къ направленію «Недѣли», къ теоретикамъ «малыхъ дѣлъ». Въ полномъ поэзіи очеркѣ «Домъ съ мезониномъ» происходитъ слѣдующій діалогъ между пейзажистомъ-художникомъ и Лидой, помѣщичьей дочерью, посвятившей себя народной школѣ и лѣченію крестьянъ «порошками»:

«Вы приходите къ нимъ на помощь съ больницами и школами, но этимъ не освобождаете ихъ отъ путъ, а напротивъ еще больше порабощаете, такъ какъ внося въ ихъ жизнь новые предразсудки, вы увеличиваете число ихъ потребностей, не говоря уже о томъ, что за мушки и за книжки они должны платить земству и значитъ сильнѣе гнутъ спину».—Это говоритъ художникъ, по видимому толстовецъ, но въ то-

же время горячій поборникъ высшей обобщающей науки, видящій исходъ въ томъ, чтобы «всѣ люди согласились физически работать», иначе народъ останется «опутаннымъ цѣпью великой», къ которой медицинскіе пункты, школы, аптечки, библіотечки» прибавляютъ лишь «новыя званія».

Лида однако съ твердостью отвѣчаетъ: «Скажу вамъ только одно: нельзя сидѣть, сложа руки. Правда, мы не спасаемъ человѣчества и, быть можетъ, во многомъ ошибаемся, но мы дѣлаемъ то, что можемъ». Художникъ, влюбленный въ сестру Лиды Женю, терпитъ фіаско: подъ давленіемъ сестры Женя отказываетъ ему,

Я не буду останавливаться на томъ, что этотъ пейзажистъ-толстовецъ являетъ изъ себя какое то странное рѣдко-встрѣчающееся сочетаніе, что также странны его теоріи (и толстовскія, и ницшеанскія ноты и, пожалуй, революція); онъ страненъ и *неловко* задуманъ, какъ всѣ представители какой бы то ни было идеологіи у Чехова, какъ страненъ и Лихаревъ, и «неизвѣстный человѣкъ», и проповѣдующій «оскудѣніе природы» докторъ Астровъ (въ «Дядѣ Ванѣ»), мечтающій впрочемъ о той прекрасной жизни, которая наступитъ лѣтъ этакъ черезъ 200—300., какъ страненъ подполковникъ Вершининъ («Три сестры»), мечтающій о томъ же и т. д.

Я полагаю, что изъ всѣхъ приведенныхъ мною выдержекъ, уже достаточно обнаруживается неудачное и не тонкое трактованіе Чеховымъ всѣхъ нашихъ направленій и идейныхъ лагерей, не умѣніе разбираться въ нихъ. Мнѣ эти выдержки нужны были для того, чтобы доказать его *атеоретичность*, его отчужденность отъ всякихъ общественныхъ теорій—во-первыхъ, и его *недовѣріе* вообще ко всякой теоріи и идеѣ, его скептицизмъ къ нимъ—во-вторыхъ. Упомяну, впрочемъ, еще о двухъ его вещахъ особенно ярко и въ общей формѣ иллюстрирующихъ мое утвержденіе: о безнадежно-скептической и очень художественной повѣсти «Палата № 6» и объ фантастическомъ, странномъ по фабулѣ очеркѣ «Пари». Въ повѣсти сводятся лицемъ къ лицу два мірососерцанія: квіэтическій оптимизмъ завѣдующаго больницей доктора Андрея Ефимовича, дошедшаго до полной пассивности и бездѣятельности на такомъ основаніи: предразсудки и всѣ эти житейскія гадости и мерзости нужны, такъ какъ они съ теченіемъ времени перерабатываются во что нибудь путное, какъ «навозъ въ черноземъ» и «на землѣ нѣтъ ничего такого хорошаго, что въ своемъ первоисточникѣ не имѣло бы гадости»; а съ другой стороны—живое чувство болѣзненно реагирующаго на все злое, вѣчно готоваго къ протесту Ивана Дмитріевича Громова. Послѣдняго повѣсть застаетъ уже больнымъ «маніей преслѣдованія», обитателемъ палаты № 6». Вскорѣ попадаетъ туда же и его антитеза—Андрей Ефимовичъ, апатія котораго превращается въ ипохондрію. И такъ обѣ идеологіи приводятъ къ одному и тому же не веселому концу—къ «Палатѣ № 6». Другой идеи я не вижу въ этой

повѣсти: не наивное же поученіе нерадивымъ докторамъ, не воздѣяніе за равнодушіе, не «наказанный же порокъ» надо видѣть въ той жестокой расправѣ, которую чинитъ больничный сторожъ надъ докторомъ, никогда не радѣвшемъ о больницѣ, а теперь попавшимъ въ нее? Какъ психіатрическіе типы обѣ фигуры, можетъ быть, очень интересны; но идеологіи, ими представленныя, опять какія то странныя, случайныя, случайно противопоставленныя... Въ очеркѣ «Пари» интеллигентный человѣкъ бьется объ закладъ въ четыре милліона съ банкиромъ: онъ берется просидѣть въ одиночномъ заключеніи 15 лѣтъ. Пари уже выиграно. Наступилъ предпослѣдній день 15-го года, но заключенный, перечитавшій за это время бездну книгъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, особенно по исторіи и философіи, а подъ конецъ читавшій только Евангеліе, убѣгаетъ въ ночь передъ послѣднимъ днемъ, чтобы доказать свое презрѣніе ко всѣмъ жизненнымъ благамъ, къ жизни вообще... По видимому, и здѣсь не удачное, но мрачное de profundis—всякимъ теоріямъ...

Въ воспоминаніяхъ г. Куприна есть одно указаніе, относящееся сюда-же. Г. Купринъ по видимому разсказываетъ объ этомъ только съ цѣлью показать, какъ Чеховъ среди разговора вдругъ «уходилъ куда то внутрь, созерцая нѣчто таинственное и важное»: «Тогда то А. П. и дѣлалъ свои странные, поражавшіе неожиданностью, совсѣмъ не идущіе къ разговору вопросы, которые такъ смущали многихъ». Въ данномъ случаѣ разговоръ зашелъ о «нео-марксистахъ», а Чеховъ вдругъ спрашиваетъ: «Послушайте, вы никогда не были на конскомъ заводѣ? Непремѣнно поѣзжайте. Это интересно». Не ясно-ли, что то «таинственное и важное», что созерцалъ въ эту минуту Чеховъ, относится къ ходячимъ «созерцаніямъ» тѣхъ обывателей, которые о Прудонѣ знаютъ лишь изрѣченіе «La proprieté c'est le vole», а про «сицилистовъ» отзываются: «Ну да, что твое то мое, но не обратно» и пр...

Вотъ объясненіе тому факту, что Чеховъ «не примѣтилъ» всѣ новыя теченія нашей общественной и идейной жизни, остался глухъ къ нимъ, не отразилъ ихъ почти ни однимъ художественнымъ образомъ въ своихъ послѣднихъ очеркахъ, если не считать красивой, но только намѣченной, блѣдной фигуры «Невѣсты», въ повѣсти того же названія, да нелѣпаго совсѣмъ сумбурнаго студента Трофимова въ «Вишневомъ садѣ». Идеи и теоріи опять реабилитировали себя въ нашей жизни. Огромный подъемъ общественныхъ силъ, нарожденіе новыхъ партій, выходъ на историческую сцену демократическихъ классовъ—все это, разумѣется, должно было искать формулъ и теоретическихъ знаменъ, выражающихъ новыя потребности и идеи. Но Чеховъ остался въ сторонѣ: вѣрный сынъ эпохи 80-ыхъ годовъ, онъ дѣйствительно долженъ былъ ждать момента, «когда даже слѣпые прозрѣваютъ», чтобы отказаться отъ своего недовѣрія къ идеямъ и программамъ, отъ своего

«обывательскаго» скептицизма къ нимъ. Обывательскаго—c'est le mot, какъ говорятъ французы. Все это отрицаніе идей и эта *атеоретичность* Чехова ограничивали его идейный круговоръ именно до обывательской узости. И можетъ быть, трагедія Чеховской жизни и опредѣляется прежде всего вѣчнымъ конфликтомъ, вѣчнымъ противорѣчіемъ между тонкой эстетической организаціей, до отвращенія, до боли ненавидѣвшей обывательщину, и этимъ обывательски-узкимъ кругозоромъ мысли. Если бы я былъ на мѣстѣ г. Булгакова и писалъ бы статью на тему «Чеховъ какъ мыслитель», я бы ограничился пятью словами: *Чеховъ совершенно не былъ мыслителемъ*. Во всей плеядѣ нашихъ крупныхъ художниковъ онъ въ этомъ смыслѣ стоитъ совершенно одиноко. Развѣ еще Гончаровъ, авторъ «Слугъ» и толкованій въ «Обрыву», можетъ быть поставленъ рядомъ съ нимъ. Если послѣ всего предыдущаго мое утвержденіе все же покажется несправедливымъ, если привычное отношеніе къ Чехову именно какъ самому заклятому врагу и сатирику обывательщины заставитъ видѣть въ моихъ словахъ парадоксъ, я попрошу читателя присмотрѣться сколько н. б. внимательно къ Чеховскому «Сахалину».

Если бы вамъ сказали, что тонкій и громаднаго таланта художникъ ѣдетъ изучать эту страну безконечныхъ мукъ, эти послѣдніе предѣлы человѣческаго униженія и поруганія, съ какимъ жуткимъ чувствомъ ждали бы вы возвращенія этого художника: какія потрясающія, еле неслыханныя картины, долженъ онъ привезти оттуда, какую массу самыхъ страшныхъ для человѣка вопросовъ поставить передъ нами... Вѣдь Сахалинъ, съ этой системой «каторжныхъ семей», гдѣ людей скрещиваютъ какъ животныхъ, съ его знаменитыми палачами, охотой на бѣглыхъ, и бѣглыми «людоѣдами» отъ голодухи — это, пожалуй, нечище «Мертваго дома», съ такой силой изображеннаго Достоевскимъ, что фантастическій Дантовъ адъ въ реальной обстановкѣ русскаго быта и русскаго администрированія.

Что же привезъ оттуда Чеховъ? Онъ, вѣроятно, изслѣдовалъ и чисто практическія цѣли, такъ какъ изучалъ Сахалинъ съ соизволенія мѣстной администраціи. Его составленныя въ видѣ мемуаровъ записки представляютъ на половину статистическій «дѣловой докладъ», и если не ошибаюсь, онѣ даже повели къ кое-какимъ улучшеніямъ въ бытѣ каторжныхъ. Но на ряду съ докладомъ идутъ и личныя впечатлѣнія и размышленія. Что же даютъ эти послѣднія? Мало, до странности мало. Рядомъ съ пространными, въ нѣсколько страницъ, дискурсіями на тему «презрѣнія къ отхожему мѣсту русскаго человѣка», и по вопросу объ ошибкахъ администраціи, во чтобы то ни стало насаждающей земледѣліе, несмотря на совершенно неподходящія условія климатическія и почвенныя, вы то тамъ, то здѣсь, натыкаетесь на мѣста общаго характера. Вотъ впечатлѣніе отъ первой встрѣчи съ каторжными при сходѣ съ парохода:

„Возлѣ пристани по берегу, повидимому, безъ дѣла, бродило съ полсотни каторжанъ: одни въ халатахъ, другіе въ курткахъ или пиджакахъ изъ сѣраго сукна. При моемъ появленіи вся полсотня сняла шапки—такой чести до сихъ поръ, вѣроятно, не удостоивался еще ни одинъ литераторъ".

Впечатлѣніе отъ встрѣчи описано. Чеховъ ставитъ точку. Вотъ картина осмотра камеръ и отчасти «итогъ» каторжнаго житья:

„Мы въ шапкахъ ходимъ около наръ, а арестанты стоятъ руки по швамъ и молча глядятъ на насъ. Мы тоже молчимъ и глядимъ на нихъ, и похоже на то, какъ будто мы пришли покупать ихъ. Мы идемъ дальше въ другія камеры, и здѣсь таже ужасная нищета, которой такъ же трудно спрятаться подъ лохмотьями, какъ мухѣ подъ увеличительномъ стекломъ, таже сарайная жизнь, въ полномъ смыслѣ нигилистическая (?), отрицающая собственность, одиночество, удобства, покойный сонъ".

Точка зрѣнія «комфорта», проводимая въ послѣднихъ словахъ, примѣняется Чеховымъ и въ другихъ мѣстахъ. Встрѣтивши какъ-то каторжнаго изъ привилегированнаго сословія, Чеховъ спрашиваетъ:— «Послушайте, отчего вы такъ нечистоплотны»?—и получаетъ отвѣтъ, что среди общей грязи сожителей нѣтъ смысла заботиться объ опрятности.

А вотъ идеи, подъ которыми подписался бы любой «гуманный» тюрьмовѣдъ:

„Свирѣпая картежная игра, съ разрѣшенія подкупленныхъ надзирателей, ругань, смѣхъ, болтовня, хлопаніе дверьми, а въ кандальной звонъ оковъ, продолжающіеся всю ночь, мѣшаютъ утомленному рабочему спать, раздражаютъ его, что, конечно, не остается безъ дурного вліянія на его питаніе и психику. Стадная сарайная жизнь съ ея грубыми развлеченіями, съ неизбѣжнымъ воздѣйствіемъ дурныхъ на хорошихъ, какъ это давно уже признано, дѣйствуетъ на нравственность преступника самымъ растлѣвающимъ образомъ. Она отучаетъ его мало по малу отъ домовитости, т.-е. того самаго качества, которое нужно беречь въ каторжномъ больше всего" и т. д.

Или еще о картахъ: «Подъ смиренными кусочками сахару и булками (въ камерахъ) прячется зло (!), которое распространяетъ свое вліяніе далеко за предѣлы тюрьмы». Цѣлыя полстраницы посвящены «любителямъ, такъ называемой, заборной литературы», изъ которыхъ «одинъ ужъ старикъ и толкуетъ, что ему свѣтъ постылъ и умирать пора», но остается любителемъ «надписей въ уединенныхъ мѣстахъ» и отборной, трехъ-этажной ругани... Не въ домекъ Чехову, что всѣ эти разухабистыя слова, весь этотъ цинизмъ, «страшное зло» картежнаго запоя и пр. только убѣжище, куда спасается ошельмованная душа, что этой душѣ видится во всемъ этомъ какъ бы реваншъ за попранныя ея права, какъ бы утѣха въ ея бездонномъ тупомъ горѣ...

Чеховъ (совсѣмъ по Верещагински!) присутствуетъ при экзекуціи надъ арестантомъ, которому даютъ 90 розогъ, чтобы, затѣмъ подробно описавши ее, сдѣлать слѣдующій скромнаго размаха выводъ:

„Наказаніе розгами отъ слишкомъ частаго употребленія въ высшей степени опошлилось (sic!) на Сахалинѣ, такъ что не вызываетъ во многихъ ни отвращенія, ни страха..."

„Отъ тѣлесныхъ наказаній грубѣютъ и ожесточаются не одни только арестанты, но и тѣ, которые наказываютъ и присутствуютъ при наказаніи. Исключенія не составляютъ даже образованные люди. По крайней мѣрѣ, я не замѣчалъ, чтобы чиновники съ университетскимъ образованіемъ относились къ экзекуціямъ иначе, чѣмъ военные фельдшера или кончившіе курсъ въ юнкерскихъ училищахъ и духовныхъ семинаріяхъ".

А какъ вы полагаете, нуждается ли въ объясненіи или оправданіи любовь сахалинцевъ къ побѣгамъ? Чеховъ очень осторожно высказывается на эту тему. Онъ перечисляетъ мотивы, которые гонятъ ссыльнаго изъ Сахалина:

„Страстная любовь къ родинѣ и тоска по ней", „незасыпающее сознаніе жизни", „стремленіе къ свободѣ, присущее человѣку и составляющее при нормальныхъ условіяхъ (sic!) одно изъ благороднѣйшихъ его свойствъ". „Все сибирское населеніе и до сихъ поръ побѣгъ не считаетъ грѣхомъ", замѣчаетъ онъ далѣе... [1]).

Интересны его мимолетныя, но тонкія замѣчанія о японцахъ. Онъ отмѣчаетъ ихъ изысканную деликатность и культурность.

„Внѣ дома они ходятъ въ европейскомъ платьѣ, говорятъ по русски очень хорошо; бывая въ консульствѣ, я очень часто заставалъ ихъ за русскими и французскими книжками; книгъ у нихъ полонъ шкапъ. Люди они европейски-образованные, изысканно вѣжливые, деликатные и радушные. Для здѣшнихъ чиновниковъ японское консульство — хорошій, теплый уголъ, гдѣ можно забыться отъ тюрьмы, отъ каторги и служебныхъ дрязгъ, и, стало быть, отдохнуть".

„Японская вѣжливость не лицемѣрна и потому симпатична, и какъ бы лично ея не было перепущено, она не вредитъ, по пословицѣ — „масло каши не портитъ",—говоритъ Чеховъ и разсказываетъ слѣдующій анекдотъ: „Одинъ токарь-японецъ въ Нагасаки, у котораго наши моряки офицеры покупали разныя бездѣлушки, изъ вѣжливости всегда хвалилъ все русское. Увидитъ у офицера брелокъ или кошелекъ и ну восхищаться: „Какая замѣчательная вещь! Какая изящная вещь!" Одинъ изъ офицеровъ какъ-то привезъ изъ Сахалина деревянный портсигаръ, грубой, топорной работы. „Ну, теперь, думаемъ,—подведу я токаря. Увидимъ, что онъ теперь скажетъ". Но когда японцу показали портсигаръ, то онъ не потерялся. Онъ потрясъ имъ въ воздухѣ и сказалъ съ восторгомъ: „Какая прочная вещь!"

Читатель, чьи это рѣчи, кто говоритъ все это? Вдумчивый ли и глубокій знатокъ души человѣческой, «утонченный ли христіанинъ»

---

[1]) Мнѣ незачѣмъ оговариваться, что есть въ „Сахалинѣ" и счастливыя мѣста, что Чеховъ то коротко и сжато сформулируетъ ту часть небрежности къ человѣку, до которой доходитъ администрація, то затоскуетъ, перенесшись по ассоціаціи изъ поселка ссыльно каторжныхъ въ свободную деревню въ праздникъ съ ея хороводами, то обдастъ васъ тоскою, въ двухъ штрихахъ описавши [illegible]щійся вдали „свободный" берегъ татарскаго пролива. И ужъ конечно, [illegible] всего мѣста юмористическія. Приведу слѣдующій юмористическій перлъ [illegible] описаніи вымирающаго племени Айно:

„[illegible] настоящее время Айно, обыкновенно безъ шапки, босой и въ порт[illegible] [illegible]учениыхъ выше колѣнъ, встрѣчаясь съ вами по дорогѣ, дѣлаетъ [illegible] [illegible]ранясь, и при этомъ взглядываетъ ласково, но грустно и болѣзненно, [illegible] [illegible], и какъ будто хочетъ извиниться, что борода у него выросла [illegible], а онъ все еще не сдѣлалъ себѣ карьеры".

г. Булгакова, «страшный ли» (болѣе страшный, чѣмъ самъ Мопассанъ) скептикъ со всеразрушающимъ, «сверлящимъ» анализомъ, какимъ рисуетъ Чехова г. Шестовъ, наконецъ, убѣжденный ли «демократъ» г. Львова или... или нѣкто совсѣмъ иной? Не оправдаются ли этими выписками наши опредѣленія Чехова, какъ человѣка *безъ пафоса*,—потому что именно пафосъ, сильное чувство нужны были, чтобы охватить всю ту психологическую бездну, какую являетъ изъ себя Сахалинъ,—человѣкъ съ обывательски ограниченнымъ кругозоромъ идей, ибо иначе при самой скрупулезной осторожности и точности въ выводахъ, можно было придти къ чему нибудь и болѣе болѣе захватывающему и широкому, чѣмъ этотъ «дѣльный» докладъ криминалиста или гигіениста, разнообразящійся кое гдѣ только скудными размышленіями о «поркѣ» и «свободѣ»... Въ самомъ дѣлѣ, даже непонятно *скуденъ* этотъ «Сахалинъ» Чехова! Какъ только онъ оставляетъ *художество* и обращается къ высказыванію своихъ мыслей въ прямой и *положительной* формѣ, Чеховъ становится болѣе чѣмъ зауряднымъ. Всѣ *положительные* взгляды его—это взгляды средняго обывателя. И тотъ же Чеховъ является обаятельнымъ и глубокимъ, какъ только принимается за художественное воспроизведеніе (если, впрочемъ, не касается въ немъ теорій и идей, какъ мы старались показать выше). Мы подошли теперь вплотную къ той интереснѣйшей *проблемѣ Чеховскаго творчества*, которую уже формулировали отчасти. Отсутствіе паѳоса и страстный техническій интересъ къ воспроизведенію жизни, — такъ опредѣлили мы выше эту проблему.

Уныло-скептическое отношеніе ко всякимъ «теоріямъ прогресса», ко всѣмъ девизамъ борющагося за свое достоинство и счастье человѣчества, повидимому, безотрадное пессимистическое отношеніе къ самой жизни, обывательски ограниченный кругозоръ и—широкія художественныя обобщенія, исполненныя подчасъ подлинной поэзіи художественныя созданія! Такова «антиномія», которую заключаетъ въ себѣ творчество Чехова.

Если вы попытаетесь выискать въ его писаніяхъ его *положительныя* моральныя симпатіи, то опять получится нѣчто очень скудное.

Подобно Мопассану или Лихареву (герою очерка «На пути»), «средь лицемѣрья нашихъ дней и всякой пошлости и прозы», среди пустыни всѣхъ мучительно-нелѣпыхъ или жестокихъ условій нашего бытія, Чеховъ нашелъ только одинъ оазисъ—чистую и непосредственную женскую душу. Всѣ женскія души, имъ изображенныя съ симпатіей,—несчастныя жертвы окружающихъ условій, всѣ онѣ прежде всего искренни и непосредственны. Таковъ образъ Липы, жертвы безчеловѣчной атмосферы мѣщанскаго «оврага», такова Зинаида Ѳедоровна въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка», Катя въ «Скучной исторіи», такова героиня «Чайки» Нина Зарѣчная, Соня въ «Дядѣ Ванѣ», всѣ три героини «Трехъ сестеръ» и т. д. и т. д.

Искренность и непосредственность—это, конечно, страшно привлекательно и цѣнно. Но... Мнѣ вспоминается окончаніе одного изъ романовъ Генриха Сенкевича, этого умѣреннаго мѣщанина-эстета. Въ его «Семьѣ Полонецкихъ» въ заключительныхъ строкахъ говорится о героинѣ; «отъ нея вѣяло искренностью, какъ отъ очага тепломъ». Автору кажется, что онъ сказалъ этимъ очень много. Но вѣдь согласитесь, что это лишь *отрицательное* качество; какъ ни «вѣетъ» отъ героини Сенкевича искренностью, это еще вовсе не опредѣляетъ ея содержанія. Хотѣлось бы большаго для *идеала!* Есть у Чехова и положительные мужскіе типы. Нѣсколько добродушныхъ и застѣнчивыхъ «здоровяковъ», въ родѣ доктора Самойленки въ «Дуэли» или того же Лихарева, а затѣмъ нѣсколько жалкихъ и несчастныхъ, очень искреннихъ, но «нищихъ духомъ», въ родѣ героя повѣсти «Моя жизнь», пожалуй, дяди Вани, самого «неизвѣстнаго человѣка...» Къ нимъ, пожалуй, можно присоединить еще длинный рядъ «людей безъ паѳоса», тоже искреннихъ мучениковъ рефлексіи, явную симпатію къ которымъ мы уже отмѣчали у Чехова. Вотъ и все, кажется... «Положительное»—это совсѣмъ не стихія Чехова. И на вопросъ объ его *міросозерцаніи* я отвѣчу, поэтому, такъ: у него *не было* міросозерцанія, если подъ міросозерцаніемъ разумѣть сколько нибудь опредѣленный комплексъ положительныхъ требованій къ жизни, положительныхъ выводовъ изъ нея. У него были вкусы и настроенія, и при томъ, скажу тутъ же, главнымъ образомъ, отрицательныя,—страдательныя. Эти вкусы и настроенія были по существу своему *эстетическими*, т.-е. лишенными живого дѣятельнаго чувства, лишенными паѳоса, истекавшими прежде всего изъ чувства благообразія красоты. Но эти настроенія и вкусы никогда не раціонализировались, не доводились до стадіи «обобщенныхъ» чувствъ, идей и принциповъ. Вотъ почему попали мимо Чехова, какъ я уже высказывалъ, попытки *философской* критики, пытавшейся дать опредѣленіе *Чехову-мыслителю*. Ничего философскаго въ Чеховѣ не было. Особенно интересна въ этомъ смыслѣ неудача постигшая г. Шестова. Онъ попробовалъ продолжить до ихъ пересѣченія всѣ «отрѣзки» идей, которые попадаются у Чехова. И вотъ, доведенныя до своего логическаго конца, эти идеи дали философію такого мрачнаго и универсально—похороннаго скептицизма, что ужаснулся даже самъ мрачный г. Шестовъ. Г. Шестовъ ужаснулся, а если бы Чехову довелось при жизни прочитать такую характеристику, то онъ, навѣрное, лишь усмѣхнулся бы... «А по моему,—вѣроятно сказалъ бы онъ, какъ дѣлаетъ это въ воспоминаніяхъ г. Бунина,—по моему, хорошо быть офицеромъ, молодымъ студентомъ... Стоять гдѣ нибудь въ людномъ мѣстѣ, слушать веселую музыку...»

Г. Львову, зачислившему его въ демократы (можетъ быть, даже въ соціалъ-демократы?), Чеховъ отвѣтилъ бы что нибудь въ родѣ слѣдующаго: «Я очень люблю культурность и опрятность, мнѣ очень

нравится порядочность всего обихода жизни, напримѣръ, у нѣмцевъ; этой порядочностью я наслаждался въ послѣдніе дни моей жизни въ Баденвейлерѣ. Я терпѣть не могу всего дикаго, грубаго, лживаго и пошлаго.—Вотъ вся моя программа».

И, пожалуй, согласился бы онъ только со своимъ «Жаномъ», въ статьѣ котораго имѣется слѣдующее мѣсто:

«Философія Чехова?.. Развѣ это не абсурдъ,—спрашивается,—ставить вопросъ о философіи писателю, у котораго въ иныхъ небольшихъ разсказахъ больше философіи, чѣмъ въ добромъ томѣ патентованнаго философа! Философія Чехова—философія здраваго смысла».

Единственныя теоріи, которыя твердо исповѣдовалъ Чеховъ—это были теоріи медицинскія. Авторы воспоминаній приводятъ отзывы о немъ профессіональныхъ врачей, какъ о талантливомъ діагностѣ. Самъ Чеховъ въ извѣстной своей краткой автобіографіи утверждаетъ, что медицинскія знанія очень часто пригождались ему въ его художественной дѣятельности. Пригождались или, наоборотъ, вредили ему эти знанія въ области художества—это, съ моей точки зрѣнія, большой вопросъ. Но что медицина не могла обогатить его идеями, не могла расширить его философскій кругозоръ—это фактъ безспорный. Медицинскій позитивизмъ, скудный содержаніемъ и въ то же время претендующій на полное обладаніе истиной—это очень обычное міросозерцаніе у врачей. Повидимому, подобный позитивизмъ сыгралъ роль въ атеоретичности и афилософичности Чехова. Какая масса тягостныхъ вопросовъ должна была постоянно возникать въ его сознаніи подъ давленіемъ его огромной наблюдательности, его эстетической требовательности... Всѣ эти вопросы не находили даже намековъ на разрѣшеніе въ его міросозерцаніи. Позитивизмъ, и фанатическая преданность *точности* побуждали, вѣроятно, даже гасить эти запросы при самомъ ихъ зарожденіи. Отсюда, вѣроятно, возникалъ постоянный психологическій диссонансъ, тоскливая душевная смута, находившая себѣ отраженіе въ скептическихъ и пессимистическихъ мотивахъ Чехова.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ хаосомъ, какимъ сцѣпленіемъ нелѣпостей долженъ представляться міръ, особенно нашъ человѣческій міръ, человѣку безъ теорій и міросозерцанія? Вѣдь *понимать* жизнь можно только съ высоты извѣстной «религіи жизни». Нѣтъ такого общаго, всеобъемлющаго и все въ извѣстной перспективѣ располагающаго начала,—и получается только безтолковая, удручающая, доводящая до отчаянія сумятица...

Можетъ быть, постоянная «сдержанность» и «таинственность» Чехова, на которую указываютъ знавшіе его, объясняется именно подобной душевной смутой... Гдѣ ужъ тутъ высказываться, «изливаться»!.. Очень характерно для людей, страдающихъ подобной душевной смутой, пристрастіе къ уединенію, тишинѣ и созерцательно-благодушному

настроенію, какое даетъ уженіе рыбы. Чеховъ, какъ извѣстно, очень любилъ эту забаву. Еще болѣе характерна—любовь къ общенію съ дѣтьми, которое также даетъ «отдыхъ» такимъ людямъ. Біографы подчеркиваютъ у Чехова и любовь къ дѣтямъ, и умѣніе сближаться съ ними. Наконецъ, лучшее и могущественнѣйшее лѣкарство—это, разумѣется, природа. Кто прочелъ хоть одну страницу «Степи» или чудное описаніе лѣтняго вечера въ очеркѣ «Въ оврагѣ», тотъ не усомнится въ томъ, какой страстной любовью къ природѣ былъ полонъ Чеховъ. Я думаю, что это былъ *единственный его «паѳосъ»*... Мнѣ всегда казалось, что въ «Чайкѣ» заключается много лично пережитаго и автобіографическаго. Г. Щегловъ, часто общавшійся съ Чеховымъ въ тѣ годы, когда писалась эта драма, подтверждаетъ мою догадку. И въ словахъ Тригорина объ его «писательскомъ призваніи» мнѣ слышатся отчасти признанія самого Чехова:

„Я люблю вотъ эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждаетъ во мнѣ страсть, непреодолимое желаніе писать. Но вѣдь я не пейзажистъ только, я вѣдь еще гражданинъ, я люблю родину, народъ, я чувствую, что если я писатель, то обязанъ говорить объ народѣ, объ его страданіяхъ, объ его будущемъ, о наукѣ, о правахъ человѣка и пр., и пр., и я говорю обо всемъ, тороплюсь, меня со всѣхъ сторонъ подгоняютъ, сердятся, я мечусь изъ стороны въ сторону, какъ лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходятъ впередъ и впередъ, а я все отстаю и отстаю, какъ мужикъ опоздавшій на поѣздъ, и, въ концѣ концовъ, чувствую, что я умѣю писать только пейзажъ, а во всемъ остальномъ я фальшивъ и фальшивъ до мозга костей“.

Устраните изъ этой тирады кое-какія черезчуръ рѣзкія ноты самобичеванія, и вы получите много чертъ самого Чехова. Вы помните, между прочимъ, что, подобно Чехову, и Тригоринъ страстный удильщикъ...

Я на этомъ пока остановлюсь. Я пытался обрисовать психику и строй мыслей Чехова, какъ они мнѣ рисуются изъ его писаній и изъ немногихъ указаній авторовъ воспоминаній о немъ. Я пытался изобразить тотъ психическій диссонансъ, который обусловливался «лишенной паѳоса» натурой Чехова и «отрицательной», сужавшей кругозоръ эпохою 80-хъ годовъ—съ одной стороны, и его эстетической чуткостью и эстетическимъ страдальчествомъ—съ другой. Общераспространенное мнѣніе, что Чеховъ былъ лишь *объективнымъ* бытописателемъ эпохи 80-хъ годовъ, мнѣ кажется вѣрнымъ только наполовину. Много и субъективизма въ его творчествѣ. Самъ онъ прежде всего былъ продуктомъ, *жертвой* эпохи восьмидесятыхъ годовъ. Они, эти годы, обкарнали ему «крылья», сдѣлали его *безкрылымъ поэтомъ*.

М. Невѣдомскій.

ГРАНИЦЫ ПСИХИЧЕСКАГО ЗДОРОВЬЯ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВА. [1])

Пр.-Доц. Ѳ. Е. Рыбаковъ.

Случилось то, чего я опасался. Я слишкомъ близко подошелъ къ границѣ и теперь мнѣ остается впереди только одно сумасшествіе . . . . . .

. . . . . .

„Вы, ученые, будете спорить обо мнѣ. Одни изъ васъ скажутъ, что я сумасшедшій, другіе будутъ доказывать, что я здоровый и допустятъ только нѣкоторыя ограниченія въ пользу дегенераціи . . . .

. . . . . .

Кто же я, г.г. эксперты, сумасшедшій или нѣтъ"?

Изъ разсказа „Мысль" *Л. Андреева.*

I.

Давно миновало то время, когда на душевно-больныхъ смотрѣли какъ на отверженныхъ, преступниковъ, одержимыхъ дьяволомъ, когда ихъ сажали на цѣпь, заключали въ тюрьму, и т. п. Истекшее столѣтіе, и особенно, послѣдніе четверть вѣка, ознаменовались цѣлымъ рядомъ коренныхъ реформъ въ области попеченія и ухода за душевнобольными. Молодая психіатрическая наука довольно быстро и смѣло проломила брешь въ той, казалось, непроницаемой стѣнѣ, которая съ давнихъ поръ выросла между здоровымъ міромъ и міромъ «помѣшанныхъ» или «сумасшедшихъ»; путемъ психологическаго анализа больной человѣческой души она доказала, что та группа несчастныхъ людей, которые именуются помѣшанными, не только не должна быть удаляема изъ общества, но, наоборотъ, заслуживаетъ съ его стороны самаго заботливаго вниманія; она намѣтила рядъ мѣропріятій, связанныхъ съ уходомъ и попеченіемъ о душевно-больныхъ, намѣтила планъ общественнаго призрѣнія ихъ.

Обществю быстро вняло гуманнымъ принципамъ молодой науки... Стѣна, существовавшая между больнымъ міромъ и здоровымъ, мало по малу рушилась, и на ея мѣстѣ образовалась прочная сѣть нитей, связавшихъ между собой оба эти міра. Принявъ въ свою среду ду-

---

[1]) Рѣчь, читанная въ годичномъ засѣданіи Московскаго Общества Невропатологовъ и психіатровъ.

*

шевно-больныхъ, общество прониклось ихъ интересами, заинтересовалось ихъ внутренней жизнью, но познакомившись ближе съ новыми собратьями, разобравшись въ ихъ психологіи, оно замѣтило, что и среди тѣхъ людей, которые наполняютъ собою армію общественныхъ дѣльцовъ, слывутъ за здоровыхъ, каждый день ходятъ на службу, пишутъ важныя бумаги, занимаются торговлей, наукой, искусствомъ, есть точно такія же душевнобольныя лица, оно замѣтило, что эти «здоровые» люди иногда ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ несчастныхъ, которые населяютъ лѣчебницы и убѣжища для душевно-больныхъ, замѣтило и узнало въ этихъ несчастныхъ самого-себя. И вотъ возникъ тревожный вопросъ: какъ отличить истинно здороваго отъ психически-больного? гдѣ граница?

Указавъ душевно-больнымъ ихъ мѣсто въ общественной жизни, современная психіатрія еще не успѣла провести точную пограничную линію между здоровьемъ и помѣшательствомъ, она еще не дожила до того момента, когда мнѣнія экспертовъ-психіатровъ должны быть согласны между собой, когда они должны считаться незыблемой истиной, которая уже больше не вызоветъ улыбки недоумѣнія на лицѣ присяжныхъ юристовъ; она еще не успѣла сдѣлать этого, а современная жизнь назойливо пристаетъ къ ней съ вопросомъ: гдѣ же та грань, которая отдѣляетъ психически здороваго человѣка отъ помѣшаннаго? укажите намъ эту грань,—безпрестанно твердитъ современное общество современному психіатру. Я далекъ отъ мысли, что буду въ состояніи здѣсь, въ сравнительно короткой бесѣдѣ, разрѣшить этотъ столь сложный и столь запутанный вопросъ, но мнѣ позволено будетъ высказать нѣсколько своихъ психіатрическихъ соображеній по этому предмету.

То, что въ публикѣ называется обыкновенно «сумасшествіемъ» или «помѣшательствомъ», есть, въ сущности, ничто иное, какъ цѣлый рядъ душевныхъ разстройствъ, самыхъ разнообразныхъ по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ, по теченію и исходу. «Сумасшествіе»—это собирательное названіе для цѣлой массы психіатрически обособленныхъ формъ душевныхъ заболѣваній, которыя выдѣлила за послѣднее время психіатрія. Однѣ изъ этихъ формъ, какъ напр., манія, острое бредовое безсмысліе, первичное бредовое помѣшательство (paranoia) и др., даже и у непосвященной публики не вызываютъ никакого сомнѣнія въ психопатической физіономіи ихъ носителей, другія же, какъ напр., импульсивное, нравственное и религіозное помѣшательство, навязчивыя представленія и пр., часто даютъ поводъ къ спорамъ не только у публики, но и у спеціалистовъ.

Сообразно этимъ двумъ разновидностямъ психіатрическихъ формъ въ общественномъ смыслѣ можно различить два типа помѣшанныхъ. Первый типъ—это «помѣшанный» въ тѣсномъ смыслѣ сего слова, это субъектъ, который своимъ поведеніемъ и психопатическими свойствами

рѣзко нарушаетъ гармонію общественной жизни. Само общество легко узнаетъ такихъ субъектовъ и стремится своевременно оградить себя отъ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, такъ или иначе ограничить ихъ общественныя права. Второй типъ—это «помѣшанный» въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Это субъектъ, который своимъ поведеніемъ не нарушаетъ гармоніи общественной жизни, но зато его собственная душевная гармонія, гармонія его личной психической жизни является болѣе или менѣе замѣтно нарушенной.

Для насъ не важенъ первый типъ: онъ обладаетъ полною опредѣленностью,—и мы безъ всякаго ущерба поставленной задачѣ можемъ обойти его молчаніемъ. Но второй типъ настойчиво требуетъ нашего вниманія; это есть тотъ типъ, который является выразителемъ границы помѣшательства. Намъ необходимо нѣкоторое время остановиться на этомъ типѣ, выяснить его физіономію, такъ какъ, познакомившись съ объектомъ помѣшательства, легче будетъ опредѣлить и самое помѣшательство. Итакъ, войдемъ въ галлерею представителей «границы» помѣшательства.

II.

Вотъ передъ нами субъектъ, одержимый навязчивыми мыслями. При первомъ знакомствѣ такой субъектъ представляется намъ почти нормальнымъ: его мысли вполнѣ отчетливы и ясны, его чувства спокойны, поступки цѣлесообразны и послѣдовательны, нерѣдко онъ одаренъ большими способностями, талантливъ, даже геніаленъ. Но вникнувъ глубже въ его внутреннюю жизнь, мы можемъ замѣтить коекакіе недочеты, такіе недочеты, которые заставляютъ нѣсколько усомниться въ нормальности его умственныхъ способностей: въ одномъ случаѣ мы замѣтимъ, что такой субъектъ почему-то сторонится отъ людей, остерегается прикасаться къ предметамъ, ежеминутно моетъ руки,—это страдающій боязнью прикосновенія (folie du toucher), въ другомъ случаѣ онъ боится проходить одинъ по открытой площади,—это одержимый боязнью пространства, въ третьемъ—онъ поражаетъ насъ своею нерѣшительностью, медлительностью, постоянными сомнѣніями и пр., (такъ, напр., онъ по цѣлымъ часамъ стоитъ раздѣтый у постели, не рѣшаясь лечь въ кровать),—это одержимый болѣзнью нерѣшительности и сомнѣнія (folie du doute), въ четвертомъ случаѣ субъектъ ни за что не рѣшается выйти изъ дому, не ударивъ палкою три раза въ дверь, или не досчитавъ до извѣстнаго числа, въ пятомъ,—проходя по улицѣ, онъ долженъ непремѣнно считать фонари, окна и т. д. Всѣ подобнаго рода лица вполнѣ сознаютъ всю неестественность своего поведенія, они сознаютъ всю нелѣпость своихъ неумѣстныхъ и ненужныхъ мыслей, но отвязаться отъ этихъ мыслей у нихъ не хватаетъ силы воли; всякая попытка къ борьбѣ съ такими мыслями доставляетъ имъ тяжелое душевное страданіе, такое страда-

ніе, которое можетъ только испытывать человѣкъ, не выполнившій какого-либо отвѣтственнаго нравственнаго долга. Сознавая свое безсиліе и чувствуя всю неестественность своего положенія, подобнаго рода лица часто очень искусно и ловко маскируютъ свои навязчивыя представленія тѣмъ или инымъ способомъ. До сихъ поръ многіе, вѣроятно, помнятъ одного очень талантливаго московскаго профессора (теперь давно покойнаго), который пріѣзжалъ въ университетъ не иначе, какъ въ каретѣ, хотя его квартира помѣщалась рядомъ съ университетомъ, и читалъ лекціи не иначе, какъ въ шапкѣ, хотя въ аудиторіи было нестерпимо жарко. Казалось бы, что же тутъ особеннаго? просто маленькій капризъ, который вполнѣ простителенъ большому ученому. Но дѣло было не въ капризѣ: профессоръ, какъ оказалось, страдалъ одною изъ тѣхъ формъ навязчивыхъ идей, которая извѣстна подъ именемъ «боязни прикосновенія»: онъ опасался, что къ его тѣлу пристанетъ какая-нибудь «нечистота», и это обстоятельство заставляло его замыкаться въ каретѣ и оберегать голову шапкой.

Что же подобнаго рода субъекты помѣшанные или нѣтъ? Нѣтъ сомнѣнія, что если одинъ изъ такихъ субъектовъ случайно очутится на скамьѣ подсудимыхъ, то первое, что сдѣлаетъ въ этомъ случаѣ всякій добросовѣстный судья, это—станетъ втупикъ.

Вотъ другой субъектъ, тоже стоящій на границѣ помѣшательства; этотъ субъектъ иного склада. Онъ также, какъ и первый, обладаетъ недюжинными способностями, недурно учится въ школѣ, слыветъ иногда даже за хорошаго ученика, но у него есть одна непреодолимая страсть—воровать. Все, что плохо лежитъ: деньги, вещи, онъ крадетъ, и крадетъ при томъ самымъ искуснымъ способомъ, достойнымъ лучшаго мошенника; при всемъ томъ онъ часто достаточно обезпеченъ и вовсе не нуждается въ средствахъ. Онъ дѣлаетъ это какъ-то стихійно: понравится ему вещь,—онъ ее беретъ, не задумываясь о послѣдствіяхъ; словно какая-то невѣдомая сила толкаетъ его совершить тотъ или иной преступный поступокъ. Часто впослѣдствіи онъ самъ скорбитъ и раскаивается въ своемъ поступкѣ, но представляется новый удобный случай, и роковымъ образомъ повторяется то же печальное происшествіе. Это—клептоманъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Обыкновенно такой субъектъ уже довольно скоро попадаетъ на скамью подсудимыхъ; но иногда кражи совершаются имъ такъ ловко, что наклонность къ воровству обнаруживается только послѣ смерти. *Trélat* разсказываетъ объ одномъ богатомъ парижанинѣ, послѣ смерти котораго въ каждой изъ трехъ квартиръ, которыя онъ занималъ одновременно, нашли по одной комнатѣ, совершенно заваленной всевозможными предметами: тутъ были салфетки, платки, подсвѣчники, бинокли, трости, зонты, картины, медальоны, часы и всевозможныя драгоцѣнныя вещи, которыя онъ похищалъ въ теченіе 30 или 40 лѣтъ *во всѣхъ* домахъ, гдѣ онъ былъ любезно принятъ, какъ уважаемый

гость. Очень часто ему самому приходилось впослѣдствіи слышать отъ друзей о случившейся у нихъ пропажѣ,—обвиняли обыкновенно прислугу,—а онъ выражалъ лишь удивленіе и соболѣзнованіе. Всѣ его кражи не приносили ему ровно никакой пользы, такъ какъ, будучи достаточно обезпеченъ, онъ ни на что не употреблялъ краденыхъ вещей и не продавалъ ихъ.

Бывали случаи, что подобнаго рода събъекты приходили къ врачу психіатру съ искреннимъ желаніемъ полѣчиться, но во время разговора незамѣтно утаскивали у него часы или другія вещи съ письменнаго стола.

Нерѣдко такіе поступки наблюдались также у дамъ высшаго общества, которыя въ дорогихъ нарядахъ и роскошныхъ экипажахъ разъѣзжали по городу и воровали вещи въ ювелирныхъ магазинахъ.

Что же такія лица помѣшанныя или нѣтъ?

Вотъ еще типъ, близко подходящій къ предыдущему. Это субъектъ также нерѣдко развитой, интеллигентный, но онъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что одержимъ, такъ называемыми импульсивными или непреодолимыми влеченіями. Взбредетъ ему въ голову какая-нибудь абсурдная мысль, какое-нибудь нелѣпое желаніе, и онъ уже чувствуетъ, что долженъ немедленно привести это желаніе въ исполненіе. Онъ ясно сознаетъ всю неестественность и нелѣпость своего желанія, но бороться съ этимъ желаніемъ рѣшительно не въ состояніи: словно какая то невѣдомая сила толкаетъ его совершить диктуемый мыслью безразсудный поступокъ; онъ успокоивается лишь тогда, когда ему удастся привести свое желаніе въ исполненіе. Для иллюстраціи приведу случай, описанный *Hammond'омъ*. Одинъ американецъ, проходя по улицѣ, вдругъ почувствовалъ сильное желаніе налить сѣрной кислоты на длинный шелковый шлейфъ дамы, проходившей по улицѣ. Желаніе тотчасъ же сдѣлалось непреодолимымъ: онъ зашелъ въ ближайшую аптеку, купилъ сѣрной кислоты и прожегъ платье. Послѣ этого наступило раскаяніе, но проходитъ еще дама, — и опять явилось то же желаніе, а за нимъ опять тотъ же поступокъ. Американецъ бросается домой, придумываетъ какъ бы поправить дѣло и вознаградить дамъ за порчу платья. Наконецъ, онъ рѣшается сдѣлать публикацію въ газетахъ о томъ, чтобы дамы явились къ нему за вознагражденіемъ. Публикація написана, онъ несетъ ее въ контору газеты, но по пути вдругъ попадается опять дама со шлейфомъ: мгновенно снова является неопреодолимое желаніе, онъ бросается въ аптеку, покупаетъ сѣрной кислоты и выливаетъ ее на шлейфъ проходящей.

Подобнаго рода импульсивныя влеченія могутъ выражаться иной разъ даже въ очень чудовищныхъ формахъ: бывали случаи, когда у субъекта являлось непреодолимое, ничѣмъ не мотивированное желаніе убить то или иное лицо или даже самого себя, и это приводилось имъ въ исполненіе.

Извѣстенъ случай съ одной служанкой въ семьѣ Гумбольдта, которая однажды, по возвращеніи своей госпожи домой, бросилась чрезвычайно взволнованная передъ нею на колѣни и просила позволить ей удалиться изъ дому. Госпожа, очень удивленная, стала доискиваться причины, и служанка призналась ей, что каждый разъ, какъ она раздѣвала ребенка и видѣла его бѣлое тѣло, она чувствовала непреодолимое желаніе его зарѣзать. Изъ боязни, что не въ состояніи будетъ совладать собою, она и умоляла госпожу отпустить ее изъ дому.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Московскую психіатрическую клинику пришелъ одинъ студентъ и настойчиво просилъ запереть его въ клинику, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что по временамъ онъ чувствуетъ непреодолимую потребность лишить кого-нибудь жизни, непреодолимую «жажду крови» (какъ онъ выражался). Студентъ былъ принятъ въ клинику, пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, и послѣ соотвѣтствующаго режима и леченія гнетущія мысли исчезли.

Что же подобнаго рода люди помѣшанные или нѣтъ?

Вотъ еще новый представитель границы помѣшательства. Это субъекъ вполнѣ интеллигентный, смышленый, находчивый, изобрѣтательный, нерѣдко даже талантливый, но природа надѣлила его однимъ существеннымъ недостаткомъ: онъ лишенъ способности чувствовать разницу между добромъ и зломъ, какъ слѣпой лишенъ способности чувствовать разницу между цвѣтами. У него нѣтъ чувства долга, нѣтъ привязанности, нѣтъ сочувствія, нѣтъ любви къ ближнему; уже съ ранняго дѣтства онъ обнаруживаетъ рѣзкіе признаки нравственнаго уродства, выражащагося то въ страшномъ эгоизмѣ, то въ крайне недружелюбномъ расположеніи къ товарищамъ, то въ жестокости по отношенію къ животнымъ, то въ жестокости и насиліи по отношенію къ людямъ, то, наконецъ, просто въ звѣрскихъ и преступныхъ дѣйствіяхъ, приводящихъ его нерѣдко на скамью подсудимыхъ. Это субъектъ, страдающій такъ наз. нравственнымъ идіотизмомъ или нравственнымъ помѣшательствомъ (insanitas moralis). Если такой субъектъ иногда и не совершаетъ преступленія, то вовсе не потому, что преступленіе (хотя бы, напр., убійство) противно его человѣческой натурѣ, а просто лишь изъ-за чисто эгоистическихъ соображеній, просто потому, что онъ ясно понимаетъ, что за всякій преступный поступокъ онъ подвергнется преслѣдованію закона и долженъ будетъ поплатиться собственною шкурою. Чѣмъ менѣе развитъ и интеллигентенъ такой нравственный уродъ, тѣмъ легче у него выступаютъ наружу проявленія его нравственной тупости, чѣмъ онъ интеллигентнѣе и умнѣе, тѣмъ легче онъ можетъ подавлять и маскировать свои нравственные недочеты ловкимъ лицемѣріемъ и умѣніемъ подладиться къ окружающему. Среди современнаго общества не мало найдется лицъ, которыя страдаютъ нравственной тупостью, но которыя занимаютъ высшія и отвѣтственныя должности и до поры до времени ловко скры-

ваютъ этотъ недостатокъ, пока какой-нибудь экстраординарный случай не выведетъ ихъ изъ равновѣсія и не заставитъ раскрыть свои карты. Къ этой категоріи относится, напр., и всѣмъ памятное еще дѣло Александра Кара, надѣлавшее столько шуму въ Москвѣ.

Современное общество особенно богато такими нравственными уродами, и въ этомъ виновато, можетъ быть, не столько психическое вырожденіе, сколько уродливый административный режимъ и временами появляющіяся уродливыя общественныя теченія (декадентство).

Какъ примѣръ тяжелой формы нравственной тупости, можно привести слѣдующій случай, цитируемый проф. *Корсаковымъ* въ своей книгѣ. Крестьянская дѣвочка, Авдотья С., 14 лѣтъ, попала на скамью подсудимыхъ. На слѣдствіи было обнаружено, что она совершила слѣдующія преступленія: 1) подожгла сарай своего хозяина, 2) на другой день подожгла его хлѣвъ, 3) на слѣдующій день подожгла хлѣвъ у крестьянки, къ которой перешла жить, 4) удушила руками десятилѣтняго мальчика, 5) на другой день удушила руками дѣвочку пяти мѣсяцевъ, 6) утопила мальчика 4 лѣтъ, 7) тогда же удушила мальчика 11 мѣсяцевъ, 8) утопила мальчика 7 мѣсяцевъ, 9) удушила грудного ребенка, 10) удушила другого грудного ребенка, 11) утопила мальчика 4 лѣтъ, 12) тогда же удушила грудного ребенка, 13) убила топоромъ мальчика пяти лѣтъ, 14) удушила дѣвочку пяти недѣль и 15) тогда же удушила дѣвочку 7 лѣтъ. Изъ дѣла выяснилось, что Авдотья С., незаконнорожденная, была взята изъ воспитательнаго дома на воспитаніе одною солдаткою; уже давно въ поведеніи ея обнаруживались нѣкоторыя странности, не обращавшія, однако, на себя особеннаго вниманія. Такъ, напр., въ зимній вечеръ она пускала полѣномъ въ окно и затѣмъ разсказывала, что на нее нападали разбойники, или въ одной рубашкѣ ложилась на снѣгъ и выла волкомъ, а затѣмъ хвасталась, что ей удалось напугать сосѣдей. При постороннихъ она выказывала вниманіе къ дѣтямъ, но за глазами обращалась съ ними дурно. Совершая преступленія, она такъ ловко умѣла замаскировать свои дѣянія, что только благодаря послѣднему преступленію была уличена и принуждена была сознаться въ остальныхъ.

Приведенный случай рисуетъ картину слишкомъ тяжелой формы нравственной тупости. Но сколько въ жизни встрѣчается случаевъ менѣе тяжелыхъ, менѣе яркихъ, гдѣ носители нравственнаго уродства не дѣлаются оффиціальными преступниками только благодаря своей интеллигентности, образованію, а можетъ быть, и простому случаю!

Что же такіе люди душевно-больные, или просто испорченныя, преступныя натуры?

Вотъ еще одинъ представитель границы помѣшательства. Предъ нами субъектъ съ извращенными половыми влеченіями. Его психическая жизнь представляется нормальной за исключеніемъ того, что касается половой сферы. Это субъектъ, страдающій садизмомъ, фети-

пизмомъ, мазохизмомъ и другими половыми аномаліями. Нѣтъ надобности останавливаться на этихъ чудовищныхъ уклоненіяхъ половой жизни; для иллюстраціи достаточно будетъ привести лишь слѣдующую выдержку изъ дневника одной молодой особы, страдавшей не столь грубою аномаліею половой сферы.

«Что я сейчасъ чувствую», пишетъ она: «горе, одно горе, къ которому я привыкла. Это горе есть сознаніе, что я никогда не буду счастлива, потому что никогда не буду любить, какъ любила N., и вѣрить, какъ вѣрила *ей* [1]). Положимъ, мой разсудокъ, который въ послѣднее время преобладаетъ надъ моимъ сердцемъ и моими чувствами, ясно говоритъ мнѣ мою ошибку, я, все-таки, стараюсь увѣрить себя, что въ будущемъ я буду счастлива. Я начинаю разсуждать такимъ образомъ: почему я любила N.? Развѣ я хорошо знала *ея* душевныя качества? Развѣ я могла быть увѣрена, что она чувствуетъ также, какъ и я, и что она на всѣ вещи имѣетъ такой же взглядъ, какъ у меня? Нѣтъ, вѣрно, я этого не знала... Чувствовала? Да, потому что при первой встрѣчѣ мой инстинктъ подсказалъ мнѣ, что въ N. есть все то, что я ищу, безъ чего не могу жить и т. п. Я повѣрила ему и полюбила *ее* и, благодаря этой любви, до сихъ поръ несчастна.

Ты поступила неосторожно, шепчетъ мнѣ мой разсудокъ, но не отчаявайся: для тебя не потеряно счастье. Ты многимъ нравилась и только была несчастна тѣмъ, что *онѣ* не нравились тебѣ. Имѣй терпѣніе, и ты встрѣтишь *ту*, которую ищешь, узнаешь ее и полюбишь».

И всѣ эти выраженія чувствъ любви направлены къ особѣ своего же пола. Что же представляетъ собою эта молодая женщина, влюбленная въ женщину? Она представляетъ собою тотъ типъ женщины, у которой, по выраженію *Magnan*'а, «въ женскомъ тѣлѣ заключенъ мужской мозгъ». Подобнаго рода типы въ болѣе или менѣе рѣзко выраженной формѣ встрѣчаются въ обычной жизни нерѣдко. Что же такіе субъекты душевно-больные или нѣтъ?

Въ своемъ спискѣ представителей границъ помѣшательства мы могли бы привести еще много другихъ типовъ, но, не желая быть излишне многословными, ограничимся упомянутыми. Всѣ приведенные нами типы, какъ это, вѣроятно, можно было замѣтить, обладаютъ еще нѣкоторой опредѣленной физіономіей, и, при нѣкоторой внимательности, имъ можно еще удѣлить надлежащее мѣсто въ психіатрической классификаціи. Но бываютъ случаи еще сложнѣе, бываютъ случаи, гдѣ еще труднѣе рѣшить, нужно ли считать человѣка душевнобольнымъ, или здоровымъ.

Возьмемъ напр., алкоголика, который пропиваетъ весь свой скудный достатокъ, теряетъ службу, пускаетъ по міру семью и самъ опу-

---

[1]) Курсивъ принадлежитъ автору статьи.

скается на дно общества, возьмемъ жалкаго скрягу, отказывающаго себѣ во всемъ, лишь бы насладиться блескомъ скопленнаго золота, возьмемъ непомѣрнаго расточителя, который въ короткое время спускаетъ милліонное состояніе, изъ богача дѣлается нищимъ и въ заключеніе пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, возьмемъ слѣпого мистика и фанатика, находящаго весь смыслъ и оправданіе жизни въ своихъ религіозныхъ заблужденіяхъ, возьмемъ человѣка неуравновѣшеннаго, неустойчиваго, быстро подчиняющагося порыву нахлынувшаго чувства и неумѣющаго призывать здравый разсудокъ для объясненія мотивовъ своихъ поступковъ, возьмемъ отъявленнаго лжеца и притворщика, построившаго себѣ всю жизнь на обманѣ и притворствѣ, творящаго ложь ради самой лжи, возьмемъ эротомана, ставящаго удовлетвореніе своей страсти главной задачей жизни, возьмемъ, наконецъ, эпилептика, истеричнаго, неврастеника, ипохондрика, какъ мы будемъ третировать всѣхъ этихъ субъектовъ? Будутъ ли они намъ казаться «сумасшедшими» или здоровыми? Пожалуй, сразу трудно будетъ отвѣтить на этотъ вопросъ, ибо эти люди близко подошли къ границѣ помѣшательства. Для всѣхъ этихъ людей существуетъ въ психіатріи особый терминъ «психопаты» или «дегенеранты». Но терминъ этотъ для большинства ровно ничего не значитъ, точно также мало онъ значитъ и для юриста, когда послѣднему приходится встрѣчаться съ этимъ терминомъ у судейскаго стола. Итакъ, постараемся выяснить дѣло, какъ можемъ.

III.

Когда хотятъ оцѣнить достоинство какой-нибудь вещи, ея практическую пригодность и относительную прочность, то прежде всего смотрятъ на ея клеймо, или, вѣрнѣе, на клеймо той фабрики, которая ее сработала. Да будетъ намъ позволено нѣсколько грубое сравненіе, но мы поступимъ точно такъ же по отношенію къ людямъ, состояніе умственныхъ способностей которыхъ требуется опредѣлить. Если намъ предъявляютъ субъекта и просятъ рѣшить, сумасшедшій онъ или нѣтъ, то прежде всего мы должны посмотрѣть на его *клеймо*. Такимъ клеймомъ является цѣлый рядъ объективныхъ признаковъ, цѣлый рядъ документовъ, которые субъектъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ или пріобрѣлъ лично въ теченіе своей жизни. Документы эти бываютъ двоякаго рода: психическіе и физическіе, а потому и клеймъ, вѣрнѣе, нужно считать также два: клеймо психическое и клеймо физическое. Психическое клеймо, есть ничто иное, какъ серія извѣстныхъ психическихъ признаковъ, которые выдѣлила современная психіатрія для обозначенія душевной болѣзни и которые, вообще говоря, считаются несвойственными среднему, психически здоровому человѣку: таковы, напр., галлюцинаціи, ложныя (бредовыя) идеи, сильные аффекты, навязчивыя мысли, импульсивныя дѣйствія, нравственные дефекты и пр.

Казалось бы, въ психической ненормальности субъекта не должно возникать никакого сомнѣнія, разъ у него имѣется на лицо одинъ или нѣсколько такихъ признаковъ, казалось бы, нельзя сомнѣваться въ помѣшательствѣ человѣка, одержимаго бредовыми идеями, импульсивными влеченіями, галлюцинаціями и пр. Но дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, признаки эти часто представляются неотчетливыми, тусклыми, а во-вторыхъ, сами по себѣ они психологически не являются уже чѣмъ либо совершенно несвойственнымъ, чуждымъ психически здоровому организму.

Возьмемъ, напр., меланхолика. Меланхолія есть болѣзнь, въ основѣ которой лежитъ мрачное чувство, длительное тоскливое состояніе, нерѣдко доводящее субъекта до самоубійства... Но развѣ среди здоровыхъ людей найдется хоть одинъ человѣкъ, которому не приходилось переживать такихъ моментовъ, когда онъ готовъ былъ разстаться съ жизнью? Разница между тоскливымъ состояніемъ нормальнаго человѣка и тоскою меланхолика является лишь по степени, по продолжительности, а не по существу.

Возьмемъ другой примѣръ. Есть болѣзнь, извѣстная въ психіатріи подъ именемъ первичнаго помѣшательства (paranoia). Характернымъ признакомъ этой болѣзни служитъ своеобразное измѣненіе личности въ видѣ появленія у субъекта рѣзко выраженнаго систематизированнаго бреда, чаще всего бреда преслѣдованія («манія преслѣдованія»,— какъ говорятъ въ публикѣ): субъекту кажется, что у него есть какіе-то невѣдомые враги, что противъ него составилась шайка людей, которые хотятъ его извести, ему кажется, что встрѣчные дѣлаютъ ему намеки, что его преслѣдуютъ сыщики, полиція и пр. Но развѣ нормальному человѣку не приходится минутами испытывать подобное же состояніе? Развѣ не случается психически здоровому лицу подчасъ переоцѣнивать значеніе непріязненныхъ отношеній къ нему враговъ? Развѣ политическій преступникъ не преувеличиваетъ часто значенія сыскной полиціи? Развѣ человѣкъ, потерпѣвшій неудачу на выборахъ, не думаетъ иногда, что противъ него составленъ цѣлый заговоръ? Развѣ, наконецъ, не испытываютъ чувства отчужденности и одиночества, а подчасъ и враждебнаго отношенія со стороны окружающихъ всѣ борцы за идею, за право, за самостоятельность?

Есть еще болѣзнь, которая въ психіатріи носитъ названіе маніи. Болѣзнь эта въ легкихъ своихъ формахъ выражается лишь въ повышенномъ самочувствіи, ускоренномъ сочетаніи идей, уменьшеніи психическихъ задержекъ,—словомъ, въ облегченіи мыслительнаго процесса при вполнѣ ясномъ сознаніи. Субъектъ веселъ, болтливъ, подвиженъ, предпріимчивъ, иногда остроуменъ, находчивъ. Фантазія его работаетъ усиленно, память нерѣдко обостряется, мысли, хотя и становятся значительно поверхностнѣе, но въ общемъ сохраняютъ свою внѣшнюю *послѣдовательность*. Нѣкоторыя лица, раньше никогда ничего не пи-

савшія, во время этой болѣзни обнаруживаютъ даже наклонность къ поэзіи, пишутъ стихи. Вотъ отрывокъ одного стихотворенія, написаннаго такого рода больнымъ во время пребыванія его на излѣченіи въ Московской психіатрической клиникѣ.

ТРЕТІЙ МУЖЪ.

(Переводъ Beranger).

Несчастная съ двумя мужьями,
Я въ руки третьяго взяла.
Иванъ ворчитъ; но между нами
Какъ разъ кончаются дѣла.
Чуть Ваня что нибудь не такъ,
Я тотчасъ же ему колпакъ.
Смотри Иванъ, ночной грубьянъ,
Со мною разсуждать не смѣй.
Смотри Иванъ, молчи грубьянъ,
Я не забыла двухъ мужей...

И т. д. въ томъ же родѣ.

Какая же разница между этимъ душевно-больнымъ и природнымъ весельчакомъ и балагуромъ? какая разница между поэзіей этого сумасшедшаго и стихотвореніями скабрезнаго поэта прошедшаго и настоящаго времени?

Есть еще болѣзнь, которая называется религіознымъ помѣшательствомъ. Болѣзнь эта обнаруживается въ неправильной оцѣнкѣ субъектомъ окружающаго, въ склонности его къ символизаціи, въ принятіи на свой счетъ различныхъ знаменій, въ развитіи бреда святости: мужчина воображаетъ себя посланникомъ Божіимъ, пророкомъ, женщина— Богоматерью, невѣстой Христа, Маріею Магдалиной, и пр.

Какая же разница между бредомъ такого религіозно-помѣшаннаго и между стойкими, подчасъ фанатическими идеями «нормальнаго» религіозно-убѣжденнаго человѣка?

Мы долго не кончили бы, если бы стали перечислять всѣ такъ называемые психическіе признаки, свойственные душевной болѣзни. Достаточно замѣтить, что всѣ эти признаки встрѣчаются и въ нормѣ, и разница между этими болѣзненными признаками и соотвѣтствующими нормальными явленіями всегда будетъ лишь по степени, по стойкости и продолжительности явленій, а не по существу; эта разница всегда будетъ лишь *количественная*, а не качественная. А разъ это такъ, то ясно, что то обычное «психическое» клеймо помѣшательства, о которомъ идетъ рѣчь, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ опредѣленіи душевной болѣзни, или, вѣрнѣе, оно можетъ имѣть рѣшающее значеніе только въ томъ случаѣ, когда это клеймо выражено рѣзко, когда упомянутые признаки выступаютъ отчетливо, когда они рѣзко нарушаютъ собою гармонію душевной жизни субъекта, заставляя его совершать цѣлый рядъ нелѣпыхъ поступковъ, поражающихъ

своей странностью и неестественностью. Но это бываетъ далеко не во всѣхъ случаяхъ.

Обратимся теперь къ другому «клейму»—физическому: можетъ быть, оно поможетъ намъ разобраться въ нашемъ вопросѣ. Что такое физическое клеймо? это есть ничто иное, какъ рядъ извѣстныхъ физическихъ признаковъ, которые современная психіатрія считаетъ выраженіемъ дегенераціи или вырожденія: таковы, напр., неправильное развитіе ушной раковины, прирощеніе ушной мочки, неправильная, уродливая форма черепа, кривые или черезчуръ рѣдко посаженные зубы. неправильная форма зрачковъ, недоразвитіе одной изъ мышцъ и пр. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тамъ, гдѣ психическая картина является запутанной и неясной, эти физическіе признаки дегенераціи являются весьма цѣнными документами для психіатра, цѣнными потому, что они по б. ч. сопутствуютъ психическимъ признакомъ. Но это, однако, бываетъ не всегда такъ: бываютъ случаи и очень не рѣдкіе, когда физическіе признаки существуютъ сами по себѣ, безъ всякихъ уклоненій въ психической сферѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что у большинства людей можно найти и прирощеніе ушной мочки и неправильную посадку зубовъ и не совсѣмъ обычную форму черепа, но развѣ всѣхъ такихъ людей можно считать душевно-больными? Конечно нѣтъ. Тысячу разъ неправы тѣ психіатры, которые понятіе о психической ненормальности строятъ исключительно на физическихъ признакахъ. Самое большее, что въ этихъ случаяхъ можно сказать, это то, что такія лица являются (и то далеко не всегда) кандидатами въ душевнобольные. А развѣ кандидатъ и активное лицо одно и тоже? Подобно тому, какъ громадная психическая сила можетъ умѣститься въ уродливомъ тѣлѣ, точно также и уродливое тѣло можетъ вмѣстить въ себѣ вполнѣ развитой, уравновѣшенный, нормальный умъ. Уродливое тѣло есть ни болѣе ни менѣе какъ только уродливое тѣло, нисколько не предрѣшающее само по себѣ вопроса объ уродливости души, точно также, какъ одна уродливая нога не предрѣшаетъ собою вопроса объ уродливости другой ноги. Итакъ, слѣд., физическое клеймо, физическіе признаки сами по себѣ не рѣшаютъ вопроса о помѣшательствѣ.

Что же рѣшаетъ его? Можетъ быть его рѣшаетъ наличность обоихъ клеймъ? Да, конечно, это такъ; но дѣло въ томъ, что встрѣчаются случаи, когда обычные психическіе признаки выражены неясно, физическіе отсутствуютъ совсѣмъ, а вопросъ о душевномъ заболѣваніи ставится ребромъ. Эти то случаи и являются самыми сложными и запутанными для психіатра. Какъ тогда быть?

Что-бы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо оглянуться вокругъ и поискать въ психической жизни человѣка еще другихъ документовъ, которые, можетъ быть, и не столь рѣзко бросаются въ глаза, не столь рѣзко оттѣняютъ психопатическую натуру субъекта, но за то являются болѣе вѣрными и болѣе надежными.

IV.

Когда говорятъ о помѣшательствѣ, то обыкновенно прежде всего гараются во что бы то ни стало оттѣнить наиболѣе выдающіяся «неормальныя» явленія, указать на «пункты» помѣшательства или отыкать тѣ нелѣпые и несообразные поступки, которые оправдывали бы омѣшательство, и благодаря этому часто упускаютъ изъ виду другіе ризнаки, которые, хотя и не столь рѣзко бросаются въ глаза, но за-о играютъ гораздо болѣе важную роль. Погоня за наиболѣе яркимъ, аиболѣе кричащимъ есть общее свойство человѣческой натуры, и это войство сказалось въ затронутомъ нами вопросѣ.

Мы не будемъ слѣдовать установившемуся обычаю, не станемъ оняться за обычнымъ клеймомъ, а обратимъ сначала свой взоръ къ торостепеннымъ признакамъ, къ тѣмъ признакамъ, которые часто незамѣтно теряются и расплываются въ массѣ другихъ болѣе отчетливыхъ явленій помѣшательства, и посмотримъ, нельзя ли въ нихъ найти, если не разгадку, то, по крайней мѣрѣ, надлежащее освѣщеніе нашего вопроса.

Когда говорятъ о порчѣ какой-нибудь машины, то предполагается, что хорошо знаютъ эту машину, хорошо знаютъ ея функцію и назначеніе. Точно также, говоря о помѣшательствѣ, т.-е. о «порчѣ» мыслительнаго механизма человѣка, или, вѣрнѣе, о «порчѣ» его духовныхъ силъ, необходимо, прежде всего, ясно представить себѣ, въ чемъ выражается главная функція духовныхъ силъ человѣка? Въ чемъ проявляются послѣднія въ теченіе всей его жизни? Какъ всѣмъ хорошо извѣстно, умъ человѣческій и связанныя съ нимъ его духовныя силы не представляютъ собой чего-либо постояннаго, неизмѣняющагося остающагося съ момента рожденія человѣка до самой его смерти, n statu quo: подобно тому, какъ съ годами растутъ физическія силы человѣка, точно также съ годами крѣпнетъ его умъ и растутъ его духовныя силы. Наибольшаго расцвѣта эти послѣднія достигаютъ въ періодъ, такъ называемой, умственной зрѣлости. А въ чемъ выражается умственная зрѣлость? Конечно, не въ томъ, что субъектъ получаетъ формальный «аттестатъ зрѣлости» съ правомъ поступленія въ университетъ: одинъ человѣкъ дѣлается умственно зрѣлымъ еще до полученія такого аттестата, другой же, не можетъ считаться таковымъ и въ теченіе всей своей жизни. Мѣриломъ зрѣлости можетъ считаться лишь способность человѣка къ *самостоятельной дѣятельности.* Человѣкъ становится умственно зрѣлымъ лишь съ того момента, когда онъ дѣлается способнымъ вести самостоятельную борьбу за существованіе, т.-е. когда онъ получаетъ возможность самостоятельно бороться со всѣми жизненными невзгодами, которыя встрѣчаются на пути. Въ борьбѣ за существованіе обнаруживается, главнымъ образомъ, функція духовныхъ силъ человѣка, въ борьбѣ за су-

ществованіе проявляютъ себя свойства его ума. Борьба за существованіе — это главный внѣшній выразитель функціи его душевнаго механизма. У разныхъ лицъ эта борьба обнаруживается разными путями, но всегда сущность ея сводится къ извѣстнаго рода *цѣлесообразной* утилизаціи тѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ, которыя во всей своей красотѣ и мощи развертываются въ зрѣломъ возрастѣ, т.-е. къ извѣстнаго рода *работоспособности*. Работоспособность,—мы, конечно, разумѣемъ подъ этимъ словомъ не простой запасъ грубыхъ физическихъ силъ, а *способность къ продуктивной, цѣлесообразной дѣятельности*,—вотъ, стало быть, главный внѣшній выразитель душевныхъ силъ человѣка: когда хотятъ оцѣнить достоинство человѣка и силу его духовныхъ свойствъ, то прежде всего смотрятъ, что полезнаго сдѣлалъ человѣкъ въ отведенной ему области, во что вылился запасъ его духовной энергіи, въ чемъ обнаружилась его работоспособность. Работоспособность—это, слѣдовательно, наилучшій показатель духовныхъ силъ нормальнаго человѣка; нѣтъ никакого сомнѣнія что этотъ же признакъ долженъ служить намъ показателемъ и въ тѣхъ случаяхъ когда духовныя силы подвергаются порчѣ, т.-е. когда человѣкъ заболѣваетъ душевнымъ разстройствомъ. *Работоспособность—вотъ одинъ изъ тѣхъ, съ перваго взгляда, не важныхъ, но въ высшей степени вѣрныхъ и надежныхъ признаковъ, которые помогутъ намъ разобраться въ нашемъ вопросѣ.* Работоспособность—вотъ лучшее мѣрило степени душевнаго заболѣванія.

Какъ же такъ? спросятъ насъ: что можетъ быть общаго между помѣшательствомъ и степенью работоспособности? Да, на первый взглядъ мало общаго, но если глубже вникнуть въ сущность дѣла, то между этими явленіями можно найти самую тѣсную связь...

Если обратиться къ извѣстнымъ въ психіатріи формамъ душевнаго разстройства, то нетрудно замѣтить, что количественное и, особенно, *качественное* измѣненіе обычной работоспособности сопровождаетъ собою громадное большинство этихъ формъ и нерѣдко является даже однимъ изъ самыхъ раннихъ признаковъ душевнаго заболѣванія. Самымъ яркимъ и самымъ нагляднымъ примѣромъ этого служитъ та общеизвѣстная болѣзнь, которая носитъ названіе прогрессивнаго паралича помѣшанныхъ («параличъ мозга»). Въ основѣ этой болѣзни лежитъ постепенный, прогрессивный упадокъ умственныхъ силъ, на фонѣ котораго нерѣдко развиваются разнаго рода бредовыя идеи, чаще всего идеи величія: субъекту кажется, что онъ царь, Богъ, что онъ владѣетъ милліонами и пр. Первые признаки этой болѣзни очень часто проходятъ незамѣченными для окружающихъ, потому что они не заключаетъ въ себѣ ничего рѣзко бросающагося въ глаза. ничего необычнаго. И только развѣ очень внимательный наблюдатель можетъ иногда подмѣтить, что субъектъ сдѣлался не столь энергиченъ и предпріимчивымъ, какъ прежде, что его работа не спорится: бухгалтеръ

дѣлаетъ ошибки въ счетѣ, конторщикъ теряетъ способность красиво и быстро писать, общественный дѣятель дѣлаетъ массу промаховъ, торговецъ становится не такъ сметливъ и ловокъ съ покупателемъ, кассиръ просчитываетъ деньги, парикмахеръ ранитъ во время бритья своего кліента, курьеръ спотыкается во время ходьбы и т. д.,—словомъ, *работоспособность субъекта падаетъ.*

Возьмемъ другую обычную психическую болѣзнь—идіотизмъ. Чѣмъ выражается эта болѣзнь? Прежде всего, конечно, она выражается недостаточнымъ развитіемъ умственныхъ способностей. Но, какъ извѣстно, на ряду съ недоразвитіемъ умственныхъ силъ идетъ рука объ руку и неспособность такого субъекта къ самостоятельной борьбѣ за существованіе, т.-е. неспособность его къ самостоятельной, полезной работѣ. *Работоспособность такого субъекта недоразвивается.*

Возьмемъ еще довольно распространенную душевную болѣзнь, подробно описанную *Крепелиномъ*,—первичное раннее слабоуміе (dementia praecax). Болѣзнь эта развивается, по большей части, въ юношескомъ возрастѣ. Основнымъ фономъ ея является преждевременное отживаніе, т.-е. преждевременное ослабленіе жизнедѣятельности главнаго психическаго органа—головного мозга. На фонѣ такого отживанія развивается нерѣдко цѣлый рядъ странныхъ, ничѣмъ немотивированныхъ, «ненормальныхъ» поступковъ, которые поражаютъ наблюдателя своей глупостью и несообразностью: то субъектъ безъ всякой причины упорно молчитъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ, то надоѣдаетъ близкимъ своими нелѣпыми приставаніями, то капризничаетъ, лѣзетъ въ драку съ домашними, то поражаетъ своею чрезмѣрною покорностью и безучастностью къ окружающему, то по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ стоитъ на одномъ мѣстѣ, то кажется очень подвижнымъ, заносчивымъ, раздражительнымъ и вообще невыносимымъ при домашней обстановкѣ. Первые признаки этой болѣзни очень часто проходятъ незамѣченными, ибо они не заключаютъ въ себѣ ничего необычнаго: то обстоятельство, что юноша, дотолѣ способный, вдругъ дѣлается малоуспѣшнымъ въ наукахъ и начинаетъ получать въ школѣ единицы,—обыкновенно упускается изъ виду и родителями и учителями; это явленіе относится обыкновенно на счетъ обычной усталости, переутомленія или лѣности, а между тѣмъ оно-то часто и является роковымъ предвѣстникомъ надвигающейся грозной болѣзни. Дальше—больше, болѣзнь растетъ, а вмѣстѣ съ ней растетъ и неспособность ученика къ выполненію обычной работы: изъ успѣшнаго онъ превращается въ малоуспѣшнаго, а затѣмъ и окончательно въ неспособнаго. Когда болѣзнь достигаетъ высшаго, кульминаціоннаго пункта своего развитія, работоспособность такого субъекта сводится къ нулю: онъ оказывается негоднымъ не только къ школьнымъ занятіямъ, но и вообще къ какой бы то ни было самостоятельной полезной работѣ. Онъ не можетъ вести самостоятельной борьбы за существованіе: вся

жизнь его наполняется причудами и безполезными, ни къ чему негодными, грубыми проявленіями запаса физическихъ силъ. *Работоспособность такого субъекта понижается качественно.*

Возьмемъ опять уже извѣстную намъ болѣзнь—меланхолію. Въ основѣ меланхоліи, какъ мы видѣли, лежитъ длительное мрачное чувство.—тоска. Въ слабыхъ проявленіяхъ этой болѣзни, когда тоска не очень значительна, меланхоликъ можетъ еще безъ особаго ущерба продолжать свою обычную дѣятельность, и никто въ этихъ случаяхъ не рѣшится назвать его помѣшаннымъ. Но чуть тоска становится интенсивнѣе, чуть болѣзнь вступаетъ въ болѣе рѣзко выраженную фазу своего развитія,—энергія такого субъекта падаетъ, онъ утрачиваетъ способность съ прежнею пользою заниматься своимъ дѣломъ. Его обычная работоспособность понижается.

Возьмемъ еще знакомую уже намъ картину—болѣзнь навязчивыхъ идей. Навязчивыя идеи свойственны многимъ людямъ: одинъ склоненъ подчиняться чувству безотчетнаго страха, когда находится въ темной комнатѣ, другой страдаетъ боязнью покраснѣнія, когда остается съ глазу на глазъ съ начальствомъ, третій заикается при мысли, что его рѣчь можетъ показаться нескладной, четвертый испытываетъ дрожаніе въ рукѣ, когда вынужденъ при свидѣтеляхъ подписывать свою фамилію, и пр. Этихъ лицъ еще никто не рѣшится назвать помѣшанными: ихъ недочеты еще не слишкомъ велики для этого. Но бываютъ случаи посерьезнѣе: бываютъ случаи, когда навязчивыя мысли достигаютъ пышнаго расцвѣта, глубоко вростаютъ въ психическую жизнь субъекта, всецѣло овладѣваютъ его сознаніемъ,—и тогда мы вправѣ говорить о помѣшательствѣ. Такой субъектъ невольно уже обращаетъ на себя вниманіе, и первое, что мы замѣчаемъ у него, это *утрата его обычной энергіи* и способности къ дѣятельности: непрошенныя мысли мѣшаютъ ему работать, суживаютъ его интересы; продуктивность его духовныхъ силъ падаетъ, *его работоспособность понижается.*

Идемъ далѣе. Вотъ передъ нами опять тотъ же алкоголикъ. Какъ извѣстно, одни люди считаютъ пьянство порокомъ, другіе болѣзнью. И тѣ и другіе, до извѣстной степени, правы: пьянство есть порокъ, когда субъектъ пьетъ не потому, что не можетъ удержаться отъ соблазна, а просто въ силу распущенности; пьянство есть болѣзнь и, конечно, душевная болѣзнь, когда субъектъ, хотя и желалъ-бы, но не можетъ противустоять своему влеченію, когда онъ является покорнымъ рабомъ своей страсти. Между пьяницей порочнымъ и пьяницей больнымъ существуетъ большая разница: первый не теряетъ самообладанія и разсудка, не отстаетъ отъ дѣла, второй бросаетъ работу, запускаетъ дѣла, забываетъ о семьѣ, о долгѣ, все время проводитъ въ праздности; этотъ пьяница уже почти ничѣмъ не отличается отъ душевнобольного; *его работоспособность утрачивается*, его энергія сводится

исключительно къ способамъ добыванія на водку и къ изысканію кратчайшихъ путей въ кабакъ.

Мы долго не кончили-бы, если бы стали перечислять всѣ извѣстныя въ психіатріи формы душевнаго разстройства, сопровождающіяся утратою работоспособности. Достаточно сказать, что громадное большинство этихъ формъ имѣютъ указанный признакъ. Правда, попадаютъ такіе случаи, какъ напримѣръ, болѣзнь, извѣстная въ психіатріи подъ именемъ маніакальной экзальтаціи (exaltatio maniacalis), гдѣ, на первый взглядъ, работоспособность субъекта не только не понижается, но даже, наоборотъ, какъ будто повышается: субъектъ суетится, ѣздитъ по знакомымъ, строитъ планы, проэкты,—словомъ, обнаруживаетъ необыкновенно кипучую дѣятельность,—но если глубже вникнуть въ суть дѣла, то всегда можно замѣтить, что результаты дѣятельности такого субъекта никогда не оправдываютъ собою затраченныхъ на нее силъ; энергія такого субъекта хотя и повышается количественно, но за то рѣзко падаетъ *качественно*.

Такимъ образомъ, количественное и, особенно, *качественное* пониженіе работоспособности красною нитью проходитъ черезъ большинство извѣстныхъ намъ случаевъ помѣшательства: оно въ видѣ тусклаго, но всегда замѣтнаго пятна ложится на фонѣ душевной жизни человѣка всякій разъ, какъ гармонія этой жизни нарушается. А разъ это такъ, то невольно возникаетъ вопросъ: нельзя ли пользоваться этимъ признакомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ отличить здороваго человѣка отъ «сумасшедшаго», когда хотятъ провести границу между душевнымъ здоровьемъ и болѣзнью? Да, пользоваться этимъ признакомъ не только можно, но и должно, должно въ гораздо большей степени, чѣмъ это обыкновенно дѣлается, должно уже потому, что этотъ признакъ, какъ мы знаемъ, является наилучшимъ показателемъ духовныхъ силъ человѣка во время его психическаго здоровья, и тѣмъ болѣе, конечно, должна возрастать его цѣнность, какъ показателя душевной болѣзни. Этотъ признакъ не столь ярокъ, не столь рѣзко заявляетъ о себѣ, какъ другіе симптомы сумасшествія, но за то, при наличности другихъ психіатрическихъ «клеймъ», онъ никогда не введетъ насъ въ заблужденіе: если его отсутствіе, можетъ быть, и не всегда говоритъ о душевномъ здоровьѣ, то его присутствіе всегда скажетъ намъ очень многое, всегда дастъ намъ возможность рѣшить дѣло, если это дѣло запутано.

Само собою понятно, признакъ этотъ нужно понимать *относительно*: при оцѣнкѣ работоспособности всегда нужно задать себѣ вопросъ: а какова была работоспособность даннаго субъекта раньше? не измѣнились ли внѣшнія условія? Если человѣкъ выигралъ 200 тысячъ и потомъ бросилъ заанятія, то это еще не значитъ, что онъ сдѣлался сумасшедшимъ. Если человѣкъ утомился и поѣхалъ лѣтомъ отдыхать за границу, это еще не значитъ, что онъ утратилъ разсудокъ.

Если художникъ или музыкантъ потерялъ руку, а вмѣстѣ съ нею и работоспособность, то это еще не значитъ, что онъ сошелъ съ ума. Если курьеръ получилъ параличъ ногъ, то это не значитъ, что онъ заболѣлъ психическимъ разстройствомъ. Да и вообще, къ разнымъ людямъ нужно примѣнять разную мѣрку при оцѣнкѣ ихъ духовныхъ силъ и степени работоспособности. Есть люди по натурѣ вялые, лѣнивые, изнѣженные, съ дѣтства не привыкшіе къ труду,—отъ этихъ людей нельзя, конечно, много и требовать. Есть люди, которые, благодаря своему воспитанію, привыкли смотрѣть на трудъ,—не только физическій, но и умственный,—какъ на нѣчто позорное, нѣчто такое, что стоитъ ниже ихъ аристократическаго достоинства, къ этимъ людямъ мы должны предъявлять и иныя требованія при оцѣнкѣ ихъ работоспособности. Есть люди, которые, въ силу своей матеріальной обезпеченности, всю жизнь проводятъ за картами, кутежами, спортомъ, бѣгами, скачками,—отъ этихъ людей также нельзя многаго требовать. Есть люди, которые по своему образованію и профессіи вынуждены работать болѣе физически, чѣмъ умственно, къ нимъ мы также не должны предъявлять очень высокихъ требованій. Наконецъ, и въ средѣ обычныхъ интеллигентныхъ тружениковъ (ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, адвокатовъ, врачей и пр.), есть лица, болѣе одаренныя духовно, и есть лица менѣе одаренныя: одни изъ нихъ отъ природы обладаютъ большимъ запасомъ духовныхъ силъ, другія меньшимъ; отъ каждаго изъ такихъ лицъ, при оцѣнкѣ ихъ работоспособности, мы должны требовать только свое.

Если человѣкъ всю жизнь свою не научился вести самостоятельной борьбы за существованіе, то это, конечно, уже должно казаться намъ подозрительнымъ. Но еще болѣе подозрительно, когда человѣкъ утрачиваетъ обычную, присущую ему работоспособность, когда, напр., чиновникъ, дотолѣ аккуратный и корректный, вдругъ безъ всякихъ поводовъ начинаетъ манкировать службой, когда ученый, всю жизнь проведшій въ своемъ кабинетѣ, вдругъ перестаетъ интересоваться наукой, когда врачъ, всегда внимательный къ больнымъ, вдругъ начинаетъ дѣлать промахи, когда художникъ, дотолѣ восхищавшій міръ произведеніями своего искусства, вдругъ теряетъ творческую силу, перестаетъ плѣнять публику даромъ своего художественнаго творчества.

Говоря объ упадкѣ работоспособности, мы должны, впрочемъ, нѣсколько оговориться... Мы должны сказать нѣсколько словъ о той въ высшей степени распространенной, вполнѣ современной болѣзни, которая носитъ названіе неврастеніи. Болѣзнь эта, какъ извѣстно, развивается, по большей части, отъ переутомленія и характеризуется ослабленіемъ дѣятельности всей нервной системы и, между прочимъ, центральнаго ея органа—головного мозга. Есть даже особая форма неврастеніи, которая носитъ названіе церебральной (мозговой) неврa-

стеніи, т.-е. такой неврастеніи, гдѣ на первый планъ выступаетъ цѣлый рядъ психическихъ явленій, какъ-то: дурное настроеніе, тревога, безпокойство, раздражительность, неспособность управлять своимъ вниманіемъ, разсѣянность, а также ослабленіе энергіи и, что особенно для насъ важно, *затрудненіе при выполненіи умственной работы*: субъектъ чувствуетъ какую-то пустоту и тяжесть въ головѣ, жалуется, что его мозгъ плохо работаетъ, что у него слаба память, что онъ плохо усвоиваетъ вещи, словомъ, что его мозгъ утратилъ свою прежнюю продуктивность. Эта болѣзнь особенно часто наблюдается у студентовъ и у школьниковъ въ періодъ усиленной подготовки къ экзаменамъ, а также у лицъ, обремененныхъ тяжелой и притомъ *однообразной* и *неинтересной работой*.

Каждый такой неврастеникъ, замѣтившій, что его мозгъ переутомился и не можетъ нести обычной работы, въ правѣ задать вопросъ: куда же его отнести? Неужели къ душевно-больнымъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ столь же коротокъ, сколь, можетъ быть, и утѣшителенъ для неврастениковъ: неврастенія, конечно, не есть помѣшательство, и неврастеникъ, конечно, еще не есть душевно-больной. Такой отвѣтъ, *на первый взглядъ*, какъ бы противорѣчитъ только что сказанному: вѣдь, и у неврастеника, замѣтятъ намъ, энергія ослаблена, вѣдь и у него, хотя, можетъ быть, и временно, но все-таки ослаблена степень его работоспособности... Конечно, это такъ, но дѣло въ томъ, что, если глубже вникнуть въ психологическую сущность явленія, то всегда можно замѣтить, что между утратою работоспособности душевно-больного и ослабленіемъ энергіи неврастеника существуетъ громадная разница. Разница эта слѣдующая: 1) неврастеникъ больше только *чувствуетъ* ослабленіе работоспособности, чѣмъ послѣднее имѣется у него на самомъ дѣлѣ: ослабленіе работоспособности у неврастеника является не столько реальнымъ фактомъ, сколько чисто *субъективнымъ* ощущеніемъ, — ощущеніемъ нѣкотораго затрудненія при выполненіи обычной работы; если посторонняго наблюдателя, близко знающаго такого неврастеника, спросить, замѣчалъ ли онъ, чтобы больной сдѣлался менѣе аккуратенъ въ выполненіи своихъ обязанностей, то обыкновенно приходится слышать отрицательный отвѣтъ; часто даже бываетъ наоборотъ: неврастеникъ, несмотря на свои постоянныя жалобы на утрату энергіи и на затрудненіе въ работѣ, въ дѣйствительности производитъ поражающее количество полезной и продуктивной работы. Не то у душевно-больного: душевнобольной обыкновенно не только не чувствуетъ утраты своей работоспособности, но нерѣдко, наоборотъ, хвастаетъ своею дѣятельностью, тогда какъ, при повѣркѣ, эта дѣятельность нерѣдко сводится къ нулю. Одинъ душевно-больной, бухгалтеръ по профессіи, заболѣвши психическимъ разстройствомъ, хвастался тѣмъ, что у него явился необыкновенный приливъ силы и энергіи: онъ-де, словно, переродился, онъ

можетъ работать въ 10 разъ больше, чѣмъ прежде, его дѣла идутъ прекрасно, всѣ восхищаются его бухгалтерской ловкостью и смѣтливостью, онъ собирается даже поступить въ университетъ, чтобы изучать всѣ существующія на свѣтѣ науки, благодаря ловкой биржевой операціи онъ разбогатѣлъ и купилъ огромное имѣніе, которымъ прекрасно управляетъ самъ. При повѣркѣ же оказалось, что больной этотъ уже нѣсколько дней оставилъ службу по неспособности, надѣлалъ массу ошибокъ въ книгахъ, и не только не владѣетъ никакимъ имѣніемъ, но уже два раза былъ задержанъ полиціей за нищенство на улицѣ. Такимъ образомъ, оцѣнивать степень работоспособности нужно не съ субъективной, а съ *объективной* точки зрѣнія. 2) Ослабленіе работоспособности у неврастеника является не самостоятельнымъ, не первичнымъ признакомъ, а признакомъ вторичнымъ, такимъ признакомъ, который служитъ лишь отвѣтной реакціей на извѣстное утомленіе нервной системы; подобно тому, какъ нельзя говорить о первичномъ упадкѣ работоспособности мускула нашей руки, утомившаго отъ поднятія тяжести, точно также нельзя говорить и о первичномъ упадкѣ работоспособности мозга, утомившагося отъ усиленной работы: и въ томъ и въ другомъ случаѣ эта работоспособность снова возстанавливается при соотвѣтствующемъ отдыхѣ и режимѣ. Наконецъ, 3) упадокъ работоспособности, по отношенію къ интересующему насъ вопросу, нужно всегда понимать не количественно, а качественно. Производительная сила неврастеника, если иногда и страдаетъ, то всегда страдаетъ количественно, производительная—же сила душевнобольного обыкновенно страдаетъ качественно. Съ внѣшней стороны душевно больной иногда даже производитъ и очень большую работу, такъ, напр., нѣкоторые душевно-больные обнаруживаютъ повышенную энергію въ розыскахъ воображаемаго врага, въ приведеніи въ исполненіе тѣхъ или иныхъ фантастическихъ проектовъ, плановъ и пр., но если сдѣлать надлежащую оцѣнку ихъ работы, то всегда можно замѣтить, что качественно эта работа всегда страдаетъ: несмотря на огромную затрату энергіи душевно-больной часто оказывается неспособнымъ къ полезной работѣ въ той мѣрѣ, какъ это было до начала его болѣзни.

Такимъ образомъ, упадокъ производительной силы, упадокъ обычной работоспособности, при неизмѣнившихся внѣшнихъ условіяхъ, всегда долженъ казаться намъ подозрительнымъ: видя такой упадокъ, мы всегда должны задать себѣ вопросъ о цѣлости психическаго аппарата личности. Нѣтъ сомнѣнія, что если мы будемъ внимательно относиться къ этому признаку, то очень часто откроемъ симптомы начинающейся душевной болѣзни, гдѣ объ этой болѣзни, казалось бы, не могло быть и рѣчи.

V.

До сихъ поръ рѣчь шла лишь о работоспособности... Теперь необходимо задать себѣ вопросъ: что же, этотъ признакъ единственный, который можетъ рѣшить дѣло? что же, этотъ признакъ всегда и вездѣ одинъ, самъ по себѣ, можетъ служить намъ показателемъ сумасшествія? Нѣтъ, этого утверждать нельзя. Среди дѣятелей въ разныхъ отрасляхъ общественной жизни не мало можно было-бы указать лицъ, несомнѣнно, психопатическихъ, несомнѣнно «сумасшедшихъ» въ широкомъ значеніи этого слова, которыя однако, обнаруживаютъ, продуктивную работоспособность, слывутъ за очень талантливыхъ, выдающихся людей.

Останавливаясь подробно на работоспособности, мы хотѣли ни болѣе, ни менѣе, какъ только показать ,что этотъ признакъ *очень важенъ*, что этотъ признакъ долженъ играть *очень важное значеніе* при опредѣленіи границъ психическаго здоровья и помѣшательства; но если взять этотъ признакъ самъ по себѣ, въ отдѣльности, то онъ еще не даетъ намъ права во всѣхъ случаяхъ рѣшать дѣло окончательно и безповоротно. Выражаясь болѣе фигурально, мы сказали-бы, что роль выставляемаго нами признака (т. е. упадка работоспособности) должна свестись къ роли очень надежнаго *проводника* при отысканіи границъ сумасшествія. Но, такъ какъ показанія этого проводника могутъ быть еще неясными, проводникъ можетъ еще сбиться съ пути, если путь по которому онъ проходитъ, не будетъ достаточно освѣщенъ, то для того, чтобы этого не случилось, нужно, чтобы путь этого проводника время отъ времени чѣмъ-нибудь освѣщался. Свѣтильниками или факелами, освѣщающими этотъ путь и будутъ служить уже извѣстныя намъ психіатрическія клейма, т. е. тѣ психическіе и физическіе признаки дегенераціи, которые отмѣтила современная научная психіатрія. Чѣмъ меньше знаетъ дорогу проводникъ, тѣмъ ярче должны свѣтить эти факелы. Свѣтъ этихъ факеловъ будетъ то меркнуть, то снова загораться, смотря по тому, куда поведетъ насъ проводникъ.

Если проводникъ поведетъ насъ на широкое поле общественной жизни, то свѣтъ факеловъ можно и поубавить: проводникъ и безъ того хорошо знаетъ дорогу, онъ и безъ того приведетъ насъ къ искомому мѣсту, укажетъ намъ границу помѣшательства. Другими словами, при оцѣнкѣ сумасшествія съ общественной точки зрѣнія, роль психіатрическихъ клеймъ отодвигается на задній планъ: обществу нѣтъ дѣла до того, какое наслѣдственное или психопатическое клеймо лежитъ на человѣкѣ, ему нѣтъ дѣла до того, психопатъ данный субъектъ или нѣтъ, дегенерантъ онъ или нѣтъ, для него важно лишь, чтобы этотъ человѣкъ былъ болѣе или менѣе полезною пружиною въ механизмѣ общественной жизни. Исторія не мало даетъ примѣровъ, когда выдающіеся, геніальные люди носили на себѣ одно или нѣсколько психіатрическихъ

клеймъ, и все-таки это не мѣшало имъ быть геніальными, не мѣшало быть двигателями общественной жизни, творцами міровой исторіи: Юлій Цезарь и Магометъ, какъ извѣстно, были эпилептики, Шекспиръ, Байронъ, Шопенгауеръ, Ницше были люди неуравновѣшенные, психопаты въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Если проводникъ поведетъ насъ въ темные уголки спеціальной научной области, то мы должны уже настойчиво требовать свѣта, требовать факеловъ, т. е. психіатрическихъ клеймъ, и чѣмъ ярче будутъ свѣтить эти факелы, тѣмъ скорѣе, конечно, мы замѣтимъ границу «сумасшествія». Вѣдь нельзя ни на минуту забывать, что «сумасшедшій» съ точки зрѣнія общества и «сумасшедшій» съ точки зрѣнія науки есть два далеко не всегда совмѣстимыя понятія: то, что нормально съ точки зрѣнія общества, можетъ казаться не совсѣмъ нормальнымъ съ точки зрѣнія науки. Поэтому, если мы хотимъ взглянуть на интересующій насъ вопросъ научно-психіатрическимъ взглядомъ, то должны уже искать иныхъ дополнительныхъ признаковъ; такими признаками и являются вышеуказанныя психіатрическія клейма: нашъ проводникъ (степень работоспособности)—есть хорошій проводникъ, онъ не можетъ обмануть, но онъ можетъ оказаться слишкомъ грубымъ для любознательнаго ученаго, привыкшаго смотрѣть въ корень вещей, привыкшаго усматривать истину тамъ, гдѣ посторонній наблюдатель еще не видитъ и ея слѣдовъ

Такимъ образомъ, границы «сумасшествія» нѣсколько мѣняютъ свое положеніе, смотря по мѣсту, гдѣ они проходятъ: при переходѣ изъ общественной жизни въ міръ научный, понятіе о сумасшествіи нѣсколько расширяется, хотя нисколько не мѣняется по существу: значеніе выставляемаго мною фактора—степени работоспособности—остается въ прежней силѣ, пріобрѣтая лишь нѣсколько болѣе грубыя очертанія.

Если-же теперь, наконецъ, проводникъ поведетъ насъ къ судейскому столу, то очертанія границъ помѣшательства еще болѣе измѣняются. Если насъ въ качествѣ экспертовъ приглашаютъ провести границу между здоровьемъ и болѣзнью передъ лицомъ представителей юридической науки, то мы не должны ни на минуту открывать глазъ отъ горящихъ факеловъ, мы не должны ни на минуту забывать о тѣхъ клеймахъ, которыя выработала психіатрическая наука. Но тутъ часто и этихъ клеймъ бываетъ недостаточно; тутъ часто бываетъ нужно зажечь еще новый свѣтильникъ, болѣе яркій. Такимъ свѣтильникомъ является рѣшеніе вопроса: можетъ ли данный человѣкъ свободно распоряжаться своей волей? можетъ ли данный субъектъ по натурѣ своей свободно управлять своими поступками? Вопросъ этотъ столько же психіатрическій, сколько и юридическій, а потому вдаваться въ него подробно здѣсь не мѣсто; ограничусь лишь простымъ указаніемъ на этотъ вопросъ, какъ на третій пунктъ, опредѣляющій

границу помѣшательства. Способность человѣка управлять своею волею, своими поступками, есть признакъ, свойственный здравому уму и здравой волѣ, а потому если субъектъ не воленъ надъ собственнымъ «я», если имъ свободно распоряжаются его чувства, фантазіи, бредовыя идеи, галлюцинаціи и пр., то, по меньшей мѣрѣ, онъ человѣкъ неуравновѣшенный, психопатическій, а въ широкомъ смыслѣ этого слова — душевнобольной. Такимъ душевнобольнымъ долженъ являться намъ клептоманъ, который воруетъ ради самаго процесса воровства, не давая отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, такимъ душевнобольнымъ долженъ казаться намъ алгоголикъ, идущій на явную гибель, но не властный удержать себя отъ этой гибели, такимъ душевнобольнымъ долженъ представляться намъ «скупой рыцарь» или мольеровскій скряга, признающій надъ собою одну власть—золото, такимъ душевнобольнымъ долженъ казаться намъ эротоманъ, который не властенъ противостоять своимъ влеченіямъ. Такимъ-же душевнобольнымъ долженъ являться намъ и д-ръ Керженцевъ въ извѣстномъ разсказѣ Л. Андреева («Мысль»): душевное заболѣваніе Керженцева выразилось, конечно, не столько въ томъ, что онъ унаслѣдовалъ извѣстные физическіе признаки вырожденія, сколько въ томъ, что онъ утратилъ власть надъ собою, не могъ подавить въ себѣ чудовищной мысли и противостоять безумному, импульсивному влеченію—убить друга. Такая форма болѣзни извѣстна въ психіатріи подъ именемъ «импульсивнаго помѣшательства» (о ней упоминалось выше). Если-бы присяжные засѣдатели всегда слушали голоса психіатровъ, то Керженцеву они вынесли бы, вѣроятно, оправдательный вердиктъ.

Душевно-больнымъ или вѣрнѣе, психопатомъ съ этой точки зрѣнія, долженъ представляться намъ и Фалькъ въ извѣстномъ романѣ Пшибышевскаго «Homo sapiens»; это человѣкъ тоже не господинъ, а рабъ своихъ поступковъ и влеченій. Это, впрочемъ, сознаетъ и самъ Фалькъ, когда въ одномъ мѣстѣ произноситъ приговоръ надъ собою: «Я человѣкъ вымирающій,—говоритъ онъ: я послѣдній человѣкъ. Въ полинезійскомъ архипелагѣ есть удивительная раса, которая вымираетъ отъ физической чахотки. Моя раса умираетъ отъ психической чахотки».

Если бы намъ теперь позволено было совмѣстить всѣ три выставляемыя нами точки зрѣнія (общественную, психіатрическую и юридическую) и провести мысленно границу душевнаго здоровья и помѣшательства независимо отъ всякихъ внѣшнихъ условностей, то мы сказали бы, что наиболѣе рѣзкою чертою между психическимъ здоровьемъ и болѣзнью служитъ первый изъ указанныхъ признаковъ— утрата обычной работоспособности: этотъ признакъ приложимъ всюду— и въ общественной жизни, и въ психіатріи, и въ юриспруденціи,— разница лишь въ томъ, что въ послѣднихъ двухъ случаяхъ онъ менѣе чувствителенъ, чѣмъ въ первомъ. Затѣмъ другою менѣе рѣзкою чертою являются «психіатрическія клейма»,—это болѣе чувствительные,

но зато не вездѣ приложимые признаки. Наконецъ, третьею и менѣ всего замѣтною чертою является степень способности человѣка владѣть своими поступками: это признакъ самый чувствительный, но зато приложимый лишь въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ.

VI.

Такимъ образомъ, работоспособность, способность владѣть поступками и психіатрическія «клейма» — вотъ тѣ сторожевые солдаты, которые стоятъ на границѣ между двумя странами—психическимъ здоровьемъ и помѣшательствомъ—и зорко оберегаютъ эту границу. Всякій разъ, какъ мы завидимъ этихъ солдатъ, мы должны быть осторожнѣе: мы должны пріостановиться и посмотрѣть, не слишкомъ ли близко мы подошли къ границѣ? не время ли спохватиться и повернуть назадъ, пока есть возможность? Переступать или не переступать границу—часто зависитъ не отъ насъ самихъ, не отъ нашей воли. Мы, конечно, не виноваты въ томъ, что судьба наградила насъ отъ рожденія извѣстными клеймами, мы не виноваты въ томъ, что съ самаго дня рожденія надъ нами тяготѣетъ злой рокъ въ видѣ психопатической наслѣдственности, мы не виноваты, что получили жалкое наслѣдіе отъ предковъ и отъ природы неспособны владѣть нашими чувствами, нашими поступками, но мы очень виноваты, когда, имѣя извѣстный запасъ духовныхъ и физическихъ силъ, не примѣняемъ этихъ силъ къ общему дѣлу, дѣлу культурнаго прогресса, а размѣниваемъ ихъ на мелочи, тратимъ на пустяки. Мы очень виноваты, когда зарываемъ въ землю священный даръ—талантъ, когда, имѣя возможность прилагать свои умственныя и физическія силы, мы ихъ не прилагаемъ.

Извѣстенъ тотъ физіологическій законъ, что всякій органъ нашего тѣла, когда онъ перестаетъ почему либо выполнять свою функцію, т.-е. перестаетъ работать, съ теченіемъ времени подвергается атрофіи, ослабѣваетъ въ своей силѣ. Тотъ же законъ долженъ, конечно, сказываться и въ отношеніи нашего высшаго органа—головного мозга, носителя всѣхъ духовныхъ силъ человѣка. Незавидная судьба ожидаетъ того, кто, въ силу тѣхъ или иныхъ условій, перестаетъ упражнять этотъ органъ и связанныя съ нимъ духовныя силы: эти силы, обреченныя на бездѣйствіе, съ теченіемъ времени атрофируются, ослабѣваютъ, пока, наконецъ, не померкнутъ совсѣмъ. Такой человѣкъ попадаетъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго выбраться ему невозможно: бездѣйствіе ведетъ къ атрофіи духовныхъ силъ, къ извѣстнаго рода душевному заболѣванію, а душевное заболѣваніе влечетъ за собою утрату духовныхъ силъ, утрату работоспособности.

Если мы не властны сбросить съ себя двухъ важныхъ враговъ психическаго здоровья—наслѣдственныя клейма и врожденную неспособность управлять своими поступками, то до извѣстной степени мы

властны сбросить съ себя самого существеннаго врага—бездѣятельность. Къ борьбѣ съ бездѣятельностью и должно стремиться, все наше воспитаніе, образованіе и развитіе.

Работоспособность или, нѣрнѣе, дѣятельность—вотъ главный залогъ психическаго оздоровленія личности. Целесообразная (конечно, посильная) дѣятельность и связанное съ нею надлежащее воспитаніе, вотъ стимулы, которые удержатъ человѣка отъ помѣшательства, даже если надъ нимъ тяготѣетъ злой наслѣдственный рокъ. Разумное и непрерывное упражненіе духовныхъ силъ, разумная работа,—вотъ тѣ элементы, которые въ состояніи духовно возвысить человѣка, въ состояніи дать ему силу побѣдить жестокаго врага своего—дурную наслѣдственность.

Живой, интересный и посильный трудъ—вотъ величайшій талисманъ счастья, психическаго здоровья и умственной силы. Имѣя этотъ талисманъ, мы можемъ смѣло итти впередъ, не боясь за свою судьбу: передъ этимъ талисманомъ меркнутъ наслѣдственныя клейма, передъ этимъ талисманомъ преклоняются всѣ врожденные недостатки, передъ этимъ талисманомъ загораются яркіе свѣточи духовной силы и мощи какъ отдѣльныхъ элементовъ общества, такъ и всей страны. Только та страна будетъ главенствовать духовно, которая будетъ состоять изъ элементовъ живыхъ, дѣятельныхъ, не боящихся труда, а идущихъ ему на встрѣчу. Такими элементами всегда были и будутъ люди труда, люди просвѣщенія, науки, прогресса, словомъ—та группа людей, которая составляетъ нашу интеллигенцію и нашъ трудовой классъ. Эта группа по самому существу своему призвана управлять духовнымъ міромъ страны, отъ нея зависитъ все счастье страны, вся ея будущность. Все-же остальное, недѣятельное, чуждое труда или живущее чужимъ трудомъ, обречено на умственную немощь, на постепенное духовное вымираніе: оно должно выродиться, атрофироваться, какъ атрофируется органъ нашего тѣла, обреченный на бездѣйствіе.

Ѳ. Рыбаковъ.

ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ.

Очеркъ Георга Брандеса.

Надъ писателемъ, который пишетъ не на общераспространенномъ языкѣ, обыкновенно тяготѣетъ проклятіе. Таланту хотя бы и третье степенному, но имѣющему въ своемъ распоряженіи языкъ широко распространенный, гораздо легче быть признаннымъ, чѣмъ первоклассному генію,—котораго читаютъ въ переводѣ. Въ этомъ случаѣ всѣ его художественныя особенности, тонкости и красоты утериваются даже и тогда, когда онъ пишетъ въ прозѣ.

Затѣмъ, если онъ переведенъ, оказывается, что онъ писалъ для кучки знатоковъ и любителей, что онъ вхожъ лишь въ то общество, къ которому самъ принадлежитъ, но что онъ чуждъ широкимъ массамъ всего свѣта; оказывается, что его произведенія подходятъ подъ уровень сознанія тѣхъ, среди которыхъ онъ выросъ и для которыхъ писалъ, но не отвѣчалъ запросамъ громаднаго большинства.

И если Генрику Ибсену удалось обойти эти помѣхи, то, во-первыхъ, потому, что его позднѣйшія драматическія произведенія написаны въ прозѣ, короткими, опредѣленными репликами, легкими для перевода, причемъ, если произведеніе и теряло, то въ не значительной степени.

А, во-вторыхъ, потому, что, по мѣрѣ своего развитія, онъ все меньше и меньше писалъ исключительно для сѣвера, но работалъ, имѣя въ виду читателей всего міра. Онъ мало интересовался внѣшней правдоподобностью, изображая, напр., на сценѣ замокъ Росмерсхольмъ, тогда какъ въ Норвегіи замковъ вообще не существуетъ. И, наконецъ, потому, что въ своемъ искусствѣ онъ перешагнулъ предѣлы времени.

Наиболѣе видные нѣмецкіе драматурги до него, какъ напр., Фридрихъ Геббель, были лишь его предтечами.

Французскіе драматическіе писатели, которые въ молодости Ибсена владычествовали на сценѣ—Александръ Дюма, Эмиль Ожье, совершенно устарѣли въ сравненіи съ Ибсеномъ.

---

[1]) Георгъ Брандесъ, мѣсяца за 3 до смерти Ибсена приглашенный обществомъ студентовъ въ Христіаніи, прочелъ здѣсь этотъ докладъ при огромномъ одобреніи публики.

Изъ произведеній Дюма осталось въ памяти только одна изъ его позднѣйшихъ вещей: «Визитъ брачной четы», при чемъ ее разсматриваютъ исключительно со стороны ея сценичности.

«Знатная дама ожидаетъ визита своего прежняго любовника, который бросилъ ее и женился. Онъ является и представляетъ ей свою молодую жену. Согласно сдѣланному уговору съ дамой, другъ ея дома изображаетъ посѣтителю его бывшую любовницу, какъ необыкновенно легкомысленное существо, съ цѣлымъ рядомъ грѣшковъ. Это сообщеніе дѣйствуетъ на молодого супруга такъ, будто его посыпали перцемъ; онъ снова влюбляется въ даму, рѣшается бросить ради нея жену и ребенка и образумливается только послѣ того, какъ узнаетъ, что ему разсказали неправду. Зачѣмъ жить ему съ этой порядочной женщиной, когда у него имѣется своя собственная?» И такимъ-то образомъ обнаруживается его нравственное убожество. Вотъ какъ понимали интригу въ доброе старое время: кто-нибудь что-нибудь выдумывалъ и на это реагировали.

Послѣ драмы «Фру Ингеръ изъ Эстрота», съ ея искусственной интригой, Ибсенъ не прибѣгаетъ уже больше въ своихъ произведеніяхъ къ подобнаго рода сплетеньямъ. Вездѣ у него предъ зрителемъ фигурируетъ внутреннее существо человѣка. Поднимается занавѣсъ и мы видимъ отпечатокъ своеобразной личности. Во второй разъ поднимается занавѣсъ, мы узнаемъ ея прошлое и, наконецъ, въ третій разъ предъ нами раскрываются глубочайшія основы ея характера.

У всѣхъ его главныхъ дѣйствующихъ лицъ гораздо болѣе глубокія перспективы, чѣмъ у героевъ другихъ современныхъ ему поэтовъ, и это развертывается предъ нами безъ малѣйшей искусственности. Его техника совершенно новая: никакихъ монологовъ, или не идущихъ къ дѣлу репликъ,—у Дюма и Ожье встрѣчается и то, и другое, и мы должны напрягать все вниманіе, чтобы разобраться въ нихъ. Герои драмъ этихъ писателей всегда люди съ простыми, несложными характерами, взять хотя бы наиболѣе оригинальнаго изъ нихъ Гибойера—Ожье, который представляетъ дальнѣйшее развитіе «Племянника Рамо». Дидро. И возьмемъ для сравненія Сольнеса! Какая мощность въ его фигурѣ, какая глубокая своеобразность! Онъ убѣжденъ, что его желанія имѣютъ дѣятельную силу (онъ привлекаетъ этимъ къ себѣ Кайю Фрели; производитъ впечатлѣніе на Гильду тѣмъ, что цѣловалъ ее, когда она была ребенкомъ). Въ томъ, что Алина относится къ нему несправедливо и мучаетъ его неосновательною ревностью, онъ находитъ благотворное самобичеванье, такъ какъ страдаетъ изъ за нея по своей собственной винѣ и въ то же время онъ едва выноситъ ея близость. У него отъ природы всѣ задатки быть геніемъ, но ему кажется, что всѣ окружающіе принимаютъ его за сумашедшаго. Онъ чувствуетъ себя богатымъ идеями, но боится молодежи и перемѣны во вкусахъ. Онъ въ одно и тоже время символъ универсальности,

старѣющійся геній и индивидуумъ съ безчисленными странностями, доходящими до того, что, не имѣя дѣтей, онъ имѣетъ для нихъ дѣтскую.

Послѣ Ибсена нельзя уже писать такъ, какъ писали до него, тѣмъ, кто желаетъ стоять на высотѣ драматическаго искусства. Онъ довелъ требованія характеристики и драматической техники до небывалой до него высоты.

Большая часть того, что создано сѣверомъ въ литературѣ и искусствѣ, утеряно для европейской культуры. Между тѣмъ, какъ многія свѣтила нашей науки, какъ напр. Тихо Брахе, Линней, Берцеліусъ, Абель и скульпторъ Торвальдсенъ, получили извѣстность далеко за предѣлами своей родины, про представителей изящной литературы это можно сказать лишь про очень немногихъ. Гольбергъ почти неизвѣстенъ, несмотря на его Эразмуса Монтануса; Бельманъ Гейеръ и Рюнебергъ вовсе неизвѣстны; Тегнеръ извѣстенъ только въ Германіи и Англіи благодаря своему циклу романсовъ. Андерсенъ извѣстенъ въ Германіи и славянскихъ земляхъ своими дѣтскими сказками; Якобсенъ пріобрѣлъ художественное вліяніе въ Германіи и Австріи.

И это все.

Несправедливость литературной судьбы представляется почти чѣмъ то неизбѣжнымъ, и Данія съ большимъ правомъ, чѣмъ кто-либо, можетъ жаловаться на эту несправедливость, такъ какъ даже такой глубокій и самобытный талантъ, какъ Серенъ Киркегордъ остался неоцѣннымъ и непонятнымъ. Между прочимъ, благодаря особенному стеченію обстоятельствъ, эта несправедливость послужила на пользу великому драматургу Норвегіи. Такъ какъ Киркегордъ былъ Европѣ неизвѣстенъ, Генрикъ Ибсенъ явился для нея самымъ оригинальнымъ и самымъ великимъ. Въ этомъ образѣ онъ выступилъ передъ нашей высокой культурной Европой вдругъ, такъ какъ она не знала ближайшаго вдохновителя его таланта.

Но Генрикъ Ибсенъ, конечно, сполна заслужилъ обращенные на него взоры. Съ нимъ вмѣстѣ въ первый разъ проникаетъ скандинавскій сѣверъ въ исторію развитія европейской литературы. Вѣдь не въ томъ дѣло, чтобы стало извѣстнымъ то, а не другое имя, но въ томъ, чтобы тотъ или иной произвелъ на массы несомнѣнное вліяніе. А для этого требуется, чтобы личность обладала твердостью и остротой, сверкающими на подобіе бриліантовъ. Только такимъ образомъ вооруженный человѣкъ можетъ начертать свое имя на скрижали вѣковъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Ибсена больше 3-хъ лѣтъ тому назадъ, въ Христіаніи. Увидѣть его снова было и радостно, и грустно въ одно и тоже время. Съ тѣхъ поръ, какъ у него былъ ударъ, работа стала для него невозможной, хотя умъ его и оставался все еще яснымъ. Поразительная мягкость смѣнила прежнюю строгость;

онъ сохранилъ всю тонкость чувства и сталъ какъ будто еще сердечнѣе, но общее впечатлѣніе, которое онъ производилъ, было впечатлѣніе слабости. Съ тѣхъ поръ онъ быстро пошелъ на убыль. И чего онъ не перестрадалъ за это время? 25 лѣтъ тому назадъ онъ заставилъ своего Освальда въ «Привидѣніяхъ» сказать: «Никогда не быть больше въ состояніи работать, никогда—никогда; быть живымъ мертвецомъ! Мама, можешь ли ты представить себѣ что-либо болѣе ужасное»? И вотъ впродолженіе шести лѣтъ это было его собственной участью.

Я зналъ его долго. Съ апрѣля 1866 г. мы находились съ нимъ въ перепискѣ, увидѣлъ же я его въ первый разъ 35 лѣтъ тому назадъ. Когда мы съ нимъ встрѣтились, на его долю выпалъ первый литературный успѣхъ за его «Бранда». И хотя онъ не былъ разсматриваемъ тогда, какъ поэтъ первоклассный, но во всякомъ случаѣ, какъ таковой. Единственный тогда читаемый критикъ въ Даніи и Норвегіи, почитавшій своимъ долгомъ нѣкоторымъ образомъ похвалить Ибсена, восклицалъ тѣмъ не менѣе: «и это теперь называется поэзіей!»

За восемь лѣтъ до этого времени Бьернсонъ уже сдѣлался извѣстнымъ за свой разсказъ «Сюнневе». Его сейчасъ же провозгласили, особенно въ Даніи, не только единственнымъ великимъ человѣкомъ въ Норвегіи, но и глашатаемъ новаго правленія въ литературѣ. Говорили, и не безъ справедливости, что его геній идетъ впередъ съ увѣренностью лунатика.

А Ибсенъ между тѣмъ велъ свою литературную жизнь, какъ блѣдный мѣсяцъ въ виду блестящаго солнца—Бьернсона. Критика, задававшая тогда тонъ какъ въ Норвегіи, такъ и въ Даніи, отмѣтила его, какъ второстепенный талантъ, экспериментатора, который пробуетъ то то, то другое въ противуположность, хотя и болѣе молодому, но ранѣе его признанному, его товарищу по призванію, который никогда не раздумываетъ, все схватываетъ на лету и, наивный какъ геній, никогда не идетъ ощупью.

Такому мечтателю, какимъ былъ Ибсенъ, само собою разумѣется, пришлось вести жестокую борьбу, чтобы завоевать довѣріе къ своему поэтическому призванію. Его долго самого мучило безпокойство, что, несмотря на свое влеченіе къ великимъ поэтическимъ дѣяніямъ, у него не хватитъ силъ ихъ выполнить. Въ его юношескихъ стихотвореніяхъ, въ особенности въ одномъ, подъ названіемъ «Въ картинной галереѣ»—онъ признается, что «испилъ горькую чашу сомнѣнія».

Его вѣра въ самого себя завоевана и достигнута имъ углубленіемъ въ свое собственное я, а его склонность вообще къ одиночеству возвысила его до генія.

Холодность и равнодушіе окружающихъ помогли ему стать самоувѣреннымъ.

Когда онъ въ одной газетѣ прочелъ: «Г-нъ Ибсенъ большой нуль»,

а въ другой: «у Ибсена нѣтъ того, что называется геніальностью, но онъ талантъ въ смыслѣ артистическомъ и техническомъ», это такъ подѣйствовало на его самочувствіе, что онъ въ своемъ самосознаніи причислилъ и себя къ избранникамъ.

Скоро у Ибсена явилась возможность очень близко наблюдать человѣка, въ которомъ никто не сомнѣвался и который, самъ ни въ чемъ не сомнѣваясь, шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ, буквально захлебываясь отъ непосредственной самонадѣянности.

Слѣдствіемъ этого было то, что Ибсенъ въ одной сагѣ, рисующей Норвегію въ первую половину XIII ст., нашелъ матеріалъ, который, какъ ему казалось, представляли историческія ея фигуры,—для изображенія, занимавшаго его тогда контраста. Онъ написалъ «Претенденты на престолъ». Гаконъ—непосредственный геній; Скуле—геніальный мечтатель, фантазія Ибсена извлекаетъ на свѣтъ все, что дѣлаетъ Скуле интереснымъ, интереснѣе Гакона.

Даже послѣ того, какъ Скуле далъ провозгласить себя королемъ, онъ сомнѣвается въ своемъ къ тому призваніи. Онъ спрашиваетъ скальда, какой даръ нуженъ ему, чтобы быть королемъ, и когда тотъ отклоняетъ вопросъ, говоря, что онъ уже король, Скуле спрашиваетъ его снова, всегда-ли онъ увѣренъ въ томъ, что онъ скальдъ? Иными словами, это сомнѣніе въ призваніи поэта освѣщается лишь постановкой вопроса о сомнѣніи въ призваніи короля, но не наоборотъ.

Въ другомъ видѣ и гораздо худшемъ взятъ Бьернсонъ моделью въ «Союзѣ молодежи». Многія черты его характера перешли къ фразеру и карьеристу Штейнсгору, котораго опьяняютъ рукоплесканія. Мы находимъ сатиру на молодого Бьернсона въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Будь вѣренъ и справедливъ. Да, я буду. Развѣ не неоцѣненное счастье умѣть привлекать къ себѣ массы? Не должно-ли стать хорошимъ и добрымъ уже изъ-за одного чувства благодарности? И какъ же послѣ того не любить человѣчество? Мнѣ кажется я могъ бы заключить въ мои объятія всѣхъ людей, и плакать, и просить у нихъ извиненія за несправедливость Бога, который наградилъ меня щедрѣе, чѣмъ ихъ»!

Бьернсонъ очевидно понялъ, что это было мѣчено въ него, потому что въ своемъ стихотвореніи къ Іохану Сведрупу [1]) пишетъ:

Не должна ли жертвенная дубрава поэзіи
Быть свободна отъ нападенія коварнаго убійцы?
Если новъ тотъ, кто приходитъ въ броженіе,
Я немедля предъ нимъ ретируюсь!

Три года спустя между ними произошло новое столкновеніе. Въ 1872 году, въ своемъ трактатѣ Бьернсонъ объявилъ о желательности

---

[1]) Сведрупъ, бывшій тогда либеральный министръ, вожакъ свободомыслящей партіи, извѣстный проведеніемъ многихъ либеральныхъ реформъ.

иного направленія въ политикѣ сѣверныхъ странъ по отношенію къ Германіи. Въ отвѣтъ на это Ибсенъ написалъ полное горечи стихотвореніе «Сѣверные сигналы», которое пылало гнѣвомъ противъ несправедливости, оказанной Даніи. Послѣднія его строки гласятъ:

Итакъ, отступленіе! Къ примирительному празднику!
На трибунѣ стоитъ проповѣдникъ пангерманизма.
Прыгающіе львы замахали хвостами,
Бдительные люди мѣняютъ направленіе.
Въ воздухѣ пахнетъ ненастьемъ. Заговаривай зубы рѣчами!
Флюгеръ на крышѣ измѣнилъ направленіе.

Нѣсколько лѣтъ спустя это направленіе, между прочимъ, было измѣнено и самимъ Ибсеномъ.

Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, оба поэта Норвегіи жили въ вооруженномъ мирѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что оппозиція, въ которой находился Ибсенъ по отношенію къ Бьернсону, послужила къ развитію до предѣла возможнаго всѣхъ его особенностей.

Сангвиническій, добродушный, любезный, говорливый Бьернсонъ помогъ развиться ибсеновской «свѣтобоязни» (онъ самъ говорилъ, что онъ ею страдаетъ), т.-е. это значитъ, что Ибсенъ еще больше отвернулся отъ повседневной суеты, замкнутый и скупой на слова.

То, что Бьернсонъ былъ всегда общественнымъ дѣятелемъ, чувствовалъ себя патріотомъ и человѣкомъ партіи, содѣйствовало тому, что Ибсенъ сталъ важнымъ и одинокимъ. Изъ патріота онъ превратился во всемірнаго гражданина и изъ партійнаго человѣка сталъ индивидуалистомъ.

Напечатанныя письма Ибсена не даютъ истиннаго представленія о его личности. Въ нихъ онъ большею частью занятъ отстаиваніемъ своихъ интересовъ. Въ нихъ едва мерцаетъ умъ, который писалъ однажды: «я не хочу двигать пѣшками. Но вы на меня можете смѣло положиться, если перевернете всю шахматную игру».

Между тѣмъ Ибсенъ все глубже и глубже уходилъ въ свою духовную жизнь и въ создаваемые имъ образы, и занимался рѣшеніемъ моральныхъ проблемъ, стоящихъ выше всего повседневнаго и переходящаго, вносящихъ увѣренность въ сомнѣнія и расширяющихъ предѣлы драматическаго дѣйствія. Что пограничные столбы были имъ снесены, видно по тѣмъ глупымъ крикамъ, которые поднялись изъ за «Привидѣній».

Какъ примѣръ того, какими проблемами задавался Ибсенъ, возьмемъ, какъ относится онъ къ вопросу, касающемуся кровосмѣшенія: любовь между братомъ и сестрой—Освальдъ и Регина, Альмерсъ и Рита; противузаконныя отношенія между отцомъ и дочерью—Ребекка и д—ръ Вестъ.

Въ первомъ случаѣ онъ сомнѣвается въ наличности грѣха, а во второмъ—онъ ищетъ сильнаго противовѣса въ позднѣйшей чистотѣ.

Основнымъ его вопросомъ, какъ поэта моралиста, является вопросъ объ отвѣтственности. Насколько личность обладаетъ свободною волей, и насколько она вынуждена поступать такъ, какъ поступаетъ. Вопросъ объ отвѣтственности въ большей или меньшей степени выдвигается имъ у Юліана, Гельмера и Норы, Ванделя и «Женщины съ моря», Альмерса и Риты (большая книга Альмерса трактуетъ объ отвѣтственности), Сольнеса и Гильды, Рубекка и Ирены, у его преступныхъ типовъ, какъ Берникъ, и Ребекка, у злополучныхъ, какъ капитанъ Альвинъ или Боркманъ и у усовершенствователей міра, какъ Грегерсъ Верле или д-ръ Штокманъ.

Бьернсонъ прямо моралистъ и отнюдь не дѣлаетъ изъ своего сердца «разбойничьей пещеры». Ибсенъ все время борется, чтобы примирить свое призваніе судьи съ вѣрою въ предопредѣленіе и необходимость. Бьернсонъ проповѣдуетъ противъ королевства, или экзальтированности (вѣра въ чудеса, анархизмъ), о терпимости, или о половой чистотѣ—Ибсенъ вообще не проповѣдуетъ: онъ самъ спрашиваетъ и тѣмъ наводитъ насъ на размышленія.

Въ другомъ мѣстѣ, я пробовалъ выяснить, какъ вырабатывалъ Ибсенъ свой сжатый, сильный стиль въ своихъ первыхъ поэтическихъ опытахъ, напр. «На высотахъ», какъ подражатель Эленшлегера, а затѣмъ въ дальнѣйшихъ юношескихъ произведеніяхъ, которыя являются отголоскомъ романтики, какъ напр. «Олафъ Лиліекранцъ». Поучительно также прослѣдить, какъ обрабатывалъ и оформливалъ онъ отдѣльные элементы, взятые изъ дѣйствительной жизни, которые его фантазія пускала въ оборотъ. Киркегордъ и его ученикъ норвежецъ Ламмерсъ послужили ему моделями для «Бранда». Оба они изъ за благочестиваго рвенія покинули церковь. Киркегордъ—великій и строгій, какъ и Брандъ, какъ и онъ, рано умеръ.

Однако, Ибсенъ, придавая извѣстную форму заимствованному, дѣлалъ это, согласуясь со своей собственной личностью. Требованіе цѣльности существа, которое предъявлялъ Брандъ, есть требованіе, предъявлявшееся Ибсеномъ къ самому себѣ. Суровость, твердость, строгость суть черты, принадлежавшія его собственному я, не исключая и пламенной воли.

Но въ глубинѣ души у него кроется сомнѣніе въ своемъ произведеніи, въ силу котораго онъ не смѣетъ отдать герою справедливость, но, не желая всего разрушить, не можетъ быть къ нему и не справедливымъ.

Именно въ Брандѣ проявляется эта двойственность, гдѣ чисто человѣческое требованіе—будь цѣльнымъ, встрѣчается съ христіанскимъ по преимуществу:—отрекись. Первое есть продуктъ сознательной духовной жизни Ибсена, второе относится къ унаслѣдованному имъ чувству христіанина.

Онъ думаетъ, какъ язычникъ; признаетъ за благо полноту жизни,

придаетъ цѣну жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Гольдшмидтъ, испытываетъ благоговѣніе предъ отреченіемъ и чувствуетъ малодушно. Аскетическое отреченіе отъ жизни уживается у него параллельно съ пантеистическимъ взглядомъ на нее и это проходитъ чрезъ работу всей его жизни.

Общее впечатлѣніе, получаемое вообще иностранцами—чисто теоретическое—таково, что Ибсенъ является возвѣстителемъ освобожденія отъ общественныхъ правилъ и обычаевъ, вѣстникомъ радостей жизни. Въ «Привидѣніяхъ» онъ прямо возмутитель; въ «Сольнесѣ»—врагъ церкви; въ «Эпилогѣ» онъ изливаетъ свою печаль о проигранной жизни, такъ какъ въ ней не было мѣста радостямъ любви, но лишь искусству и славѣ.

И тѣмъ не менѣе вездѣ, гдѣ у него изображена чувственная жизнь, она изображается въ освѣщеніи непривлекательномъ. Въ «Императорѣ и галилеянинѣ» она почти омерзительна.

Первое время любовнаго сожитія Альмерса и Риты вызываетъ отвращеніе. Если женщина горда, она отклоняетъ мужскія объятія, какъ это дѣлаетъ Гедда въ отношеніи Левборга. Если, наоборотъ, мужчина благороденъ и занятъ умственной работой, онъ не способенъ къ половой жизни, и женщина напрасно по немъ томится, какъ напр. Ребекка по Росмерсѣ, Рита по Альмерсѣ и Ирена по Рубеккѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Пуританизмъ не вытекаетъ здѣсь изъ существа личности, но является отчасти признакомъ атавизма, отчасти условностей. Тамъ, гдѣ женщина, чтобы нравиться, прибѣгаетъ къ такимъ вульгарнымъ пріемамъ, какъ распусканіе волосъ, красный свѣтъ отъ лампы, шампанское на столѣ («Маленькій Эйольфъ»), тамъ сенсуализмъ изображенъ въ омерзительномъ видѣ, на столько же почти, какъ отношеніе Пеера Гюнта къ зеленой вѣдьмѣ или Анитрѣ.

Тамъ, гдѣ—въ позднѣйшихъ драмахъ—фигурируютъ лица съ жаждой жизни, они вездѣ простаки, какъ г-жа Вильтонъ въ Боркманѣ и охотникъ на медвѣдей Ульфхеймъ въ «Эпилогѣ». Вотъ тотъ штемпель убожества, который истинно протестантская Норвегія наложила на чело своего поэта.

Моделью для Пеера Гюнта служили многіе, между прочимъ, одинъ молодой датчанинъ, котораго Ибсенъ часто встрѣчалъ въ Италіи, аффектированный фантазеръ и чрезвычайно хвастливый. Онъ разсказывалъ молодымъ итальянскимъ дѣвушкамъ на Капри, что его отецъ (инспекторъ школы) былъ близкимъ другомъ короля Даніи и самъ онъ очень знатный господинъ, почему онъ иногда носилъ костюмъ изъ бѣлаго атласа. Онъ воображалъ себя поэтомъ, но чтобы получить поэтическое вдохновеніе, долженъ былъ, какъ ему казалось, посѣщать неизвѣстныя, дикія страны. Поэтому онъ ѣздилъ на критскія горы, чтобы писать тамъ трагедію, но вернулся съ недодѣланной работой; въ горахъ онъ могъ только чувствовать себя трагически и жить въ по-

стоянномъ самообманѣ. Онъ умеръ вблизи Ибсена въ Римѣ. Многія черты его характера перешли въ Пеера Гюнта. Но во всемъ остальномъ Пееръ типичный представитель чисто норвежской слабости воли и фантазерства. Здѣсь, какъ и вездѣ, Ибсенъ является противуположностью Бьернсона, который восхваляетъ молодыхъ норвежскихъ крестьянъ. Любовь къ ссорамъ и дракамъ у Торбьерна Бьрнсона есть признакъ сѣверной силы, полученный въ наслѣдство еще со временъ саги. У его Арне страсть къ поэзіи рисуется симпатичнымъ образомъ. Ибсенъ въ любви къ буйству видитъ только грубость, а во влеченіи къ сочинительству—любовь къ лганью и чванству.

Правдивая исторія Арне, увѣрялъ однажды Ибсенъ, такова: онъ заявилъ пастору, что хочетъ жениться на Эли. «Но она, вѣдь, 70-тилѣтняя вдова»,—сказалъ пасторъ съ испугомъ. «Но зато у нея есть корова».—«Все равно, обдумай это хорошенько. Я долженъ сдѣлать предъ свадьбой оглашеніе—это стоитъ два талера. Обдумай же это хорошенько». Спустя недѣлю Арне приходитъ снова. «Я обдумалъ. Изъ этой свадьбы ничего не выйдетъ».—«Конечно, я былъ увѣренъ, что лучшее твое я побѣдитъ».—«Корова издохла,—говоритъ Арне,—отдайте мнѣ мои два далера обратно».—«Два далера пошли въ церковную кассу».—«Въ церковную кассу?! Ну, тогда давайте мнѣ хоть вдову».

Ложь Пеера Гюнта не есть одинъ обманъ, но также и самообманъ. По существу онъ очень интересный субъектъ, для котораго обстоятельства складываются очень несчастливо. По временамъ онъ является сатирой на національныя норвежскія особенности и народные пороки и состоитъ въ дальнемъ родствѣ съ Донъ-Кихотомъ Сервантеса и въ близкомъ съ Тартареномъ Додэ.

Зародышъ «Кукольнаго домика», т.-е. собственно личности Норы, находится уже въ «Союзѣ молодежи». Сельма жалуется, что ее держали въ сторонѣ отъ всѣхъ домашнихъ заботъ, обращались съ ней, какъ съ куклой. Въ 1869 году въ моемъ критическомъ очеркѣ этой вещи, я замѣтилъ, что Сельмѣ удѣлено въ этой пьесѣ слишкомъ мало мѣста, что объ ея отношеніяхъ къ семьѣ можно написать цѣлую драму. Десять лѣтъ спустя эта драма была Ибсеномъ написана. Онъ въ то время состоялъ въ перепискѣ съ одной молодой женщиной, имя которой слегка походило на Нору. Она очень часто въ своихъ письмахъ разсказывала о заботахъ, которыя ее мучаютъ, не разъясняя, что это за заботы. По своему обыкновенію Ибсенъ задумался о чужомъ ему дѣлѣ и разсказалъ съ равнодушіемъ поэта: «Я очень доволенъ одной находкой, я думаю, что я что-то открылъ, вѣроятно ее мучаютъ денежныя дѣла». Въ дѣйствительности оно такъ и было. Изъ біографіи Ибсена, написанной Гельверсеномъ и сохранившейся въ газетныхъ корреспонденціяхъ, эта дама, впослѣдствіи Нора, достала себѣ деньги

посредствомъ ложной подписи, хотя съ менѣе идеальной цѣлью—не для того, чтобы спасти мужу жизнь, но чтобы обзавестись обстановкой для своего дома. Мужъ, узнавъ это, былъ, конечно, страшно разсерженъ. Этой повседневной, печальной исторіи было достаточно для Ибсена, чтобы силою своего воображенія создать драматическое дѣйствіе и сотворить произведеніе, достойное великаго художника—«Кукольный домикъ». Онъ вылилъ его въ форму, соотвѣтствующую новымъ идеямъ о самостоятельности женщины, о ея индивидуальномъ правѣ въ особенности и о правѣ жены жить своею собственною личною жизнью—идеямъ, которыя вначалѣ прямо отталкивали Ибсена.

Какимъ образомъ изъ мечтаній Ибсена, провѣренныхъ затѣмъ на данныхъ личныхъ наблюденій, зарождались его поэтическіе образы, я покажу на другомъ примѣрѣ.

Одинъ молодой ученый, котораго я назову Хольмомъ, былъ поклонникомъ Ибсена и считалъ великимъ счастьемъ быть съ нимъ лично знакомымъ. Ибсенъ и самъ очень любилъ молодого датчанина. Однажды въ Мюнхенѣ онъ получилъ отъ него пакетъ. Когда онъ его вскрылъ, оттуда выпала связка старыхъ писемъ, написанныхъ самимъ Ибсеномъ къ Хольму и кромѣ того его фотографія. При этомъ не было написано ни одного объяснительнаго слова. Ибсенъ началъ раздумывать. Что бы это значило, что онъ мнѣ все это возвращаетъ? Онъ вѣрно сошелъ съ ума. Но если даже онъ и сошелъ съ ума, почему же посылаетъ онъ мнѣ обратно письма и фотографію? Вѣдь, такъ поступаютъ только обрученные, въ случаѣ разрыва своихъ отношеній. Онъ меня очень любитъ. Вѣроятно онъ смѣшалъ меня съ кѣмъ-то другимъ, котораго онъ также любитъ... и вѣрно съ женщиной. Но съ какой же женщиной? Разъ онъ болталъ мнѣ кое-что про г-жу Хольцендорфъ. Онъ вѣрно началъ за ней слишкомъ ухаживать, а у нея должно быть есть отецъ, или братъ, которые и потребовали отъ Хольма назадъ ея фотографію и письма. Но почему и какъ сошелъ онъ съ ума? Прошло нѣкоторое время. Разъ утромъ входитъ къ Ибсену пріѣхавшій съ сѣвера молодой Хольмъ. Онъ такой же, какъ и всегда. Послѣ обычныхъ предисловій Ибсенъ спросилъ: «Зачѣмъ вернули вы мнѣ назадъ мои письма»?—«Я этого никогда не дѣлалъ».—«Не переписывались-ли вы съ m-elle Хольцендорфъ»? Молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ отвѣтилъ:—«Да».—«Не потребовали-ли у васъ обратно письма, которыя вы отъ нея получали?»—«Но почему же вы это знаете?»—«А потому, что вы насъ смѣшали, такъ какъ любите насъ обоихъ». Обо всемъ остальномъ молодой человѣкъ говорилъ вполнѣ разумно.

Однако, это происшествіе не давало Ибсену покою. Онъ непремѣнно хотѣлъ узнать, что случилось съ юношей. Онъ пошелъ въ отель Лейенфельдеръ въ Мюнхенѣ и попросилъ швейцара разсказать ему

объ образѣ жизни д-ра Хольма. Швейцаръ отвѣтилъ: принципіально мы не даемъ никакихъ свѣдѣній о нашихъ посѣтителяхъ. Но вы, д-ръ Ибсенъ, какъ старый мюнхенецъ, имѣете право спрашивать. Когда д-ръ Хольмъ просыпается, онъ требуетъ бутылку портвейна; къ завтраку бутылку рейнскаго, къ обѣду бутылку краснаго, а вечеромъ опять одну или двѣ бутылки портвейну.

И вотъ въ воображеніи Ибсена выростаетъ Эйлертъ Левборгъ. Молодого человѣка очень одареннаго, выдающагося ученаго безъ малѣйшаго педантизма, онъ претворяетъ въ Ейлерта Левборга съ виноградной лозой въ волосахъ. (Когда Хольмъ узналъ себя въ этомъ образѣ, ему это такъ понравилось, что онъ подписывался подъ своими работами Левборгъ). Ибсенъ узналъ, что однажды вечеромъ онъ потерялъ написанный имъ манускриптъ. Этотъ случай переходитъ въ Гедду Габлеръ.

Нѣкоторое время спустя Ибсенъ снова получилъ пакетъ отъ Хольма съ завѣщаньемъ ему своего наслѣдства. При этомъ ставилось много условій и говорилось объ обязанностяхъ, которыя долженъ выполнить Ибсенъ. Всѣ дѣвушки, съ которыми онъ когда-либо находился въ любовныхъ отношеніяхъ, были также его наслѣдницами: Альмѣ Ротбартъ въ Бременѣ онъ завѣщалъ столько-то, M-elle Елизѣ Краузхаръ въ Берлинѣ столько-то и т. д. И все значительныя суммы. Когда Ибсенъ, какъ человѣкъ практичный, подвелъ итогъ, оказалось, что сумма завѣщеннаго превышала его капиталъ. Тогда онъ любезно отказался отъ наслѣдства, но взялъ Альму Ротбартъ, какъ красную Діану въ Геддѣ Габлеръ, а образъ Эйлерта Левборга въ его воображеніи получилъ опредѣленные контуры.

Въ это же время вѣроятно Ибсенъ узналъ, что жена одного норвежскаго композитора сожгла однажды вечеромъ только что оконченную ея мужемъ симфонію въ припадкѣ ярости, вызванной ревностью изъ-за того, что мужъ поздно ночью вернулся домой. Гедда также сжигаетъ манускриптъ, потерянный Левборгомъ, изъ ревности, но другого сорта.

Наконецъ, въ то время въ Норвегіи ходили слухи про одну красивую, даровитую женщину, выдающійся также мужъ которой долгое время пьянствовалъ; послѣ того, какъ онъ излѣчился отъ своего порока, она, изъ желанія испробовать надъ нимъ свою власть, вмѣсто именинного подарка, вкатила къ нему боченокъ съ коньякомъ и сама ушла. Когда спустя нѣкоторое время она открыла къ нему дверь, онъ лежалъ безчувственно пьяный на полу. Можетъ быть, это послужило для Ибсена намекомъ для той сцены, гдѣ Гедда склоняетъ прежде пившаго Левборга начать снова пить, чтобы такимъ образомъ имѣть надъ нимъ власть и сломить Тею.

Такимъ то вотъ путемъ изъ незначительныхъ, разсѣянныхъ въ дѣйствительной жизни чертъ, собиралъ Ибсенъ строгое, связное, глубоко продуманное цѣлое.

Я говорилъ уже раньше, какъ полный ненависти пріемъ «Привидѣній» раздражилъ тогда 53 лѣтняго Ибсена. Не давая ничуть своего портрета въ д-ръ Штокманѣ, онъ тѣмъ не менѣе символизировалъ во «Врагѣ народа» преслѣдованія противъ себя. Въ «Дикой уткѣ» устами Грегерса Верле, онъ спрашиваетъ себя, дѣйствительно-ли было нужно объявить истину среднему человѣку, какимъ была читающая его публика и не была-ли ложь необходимой для его существованія. И только наконецъ въ Росмерсхольмѣ онъ хоронитъ въ себѣ воспоминанія о нападкахъ на «Привидѣнія», Росмерсъ начинаетъ тамъ, гдѣ кончаетъ Штокманъ; онъ хочетъ создать свободныхъ благородныхъ людей.

На Росмерса смотрѣли сперва, какъ на консерватора, какимъ въ Норвегіи считали и самого Ибсена за его «Союзъ молодежи». Но послѣ того, какъ поняли проводимое Росмерсомъ духовное освобожденіе, противъ него вооружились обѣ партіи, и преслѣдовали его также, какъ и Ибсена, послѣ того, какъ онъ въ своихъ «Привидѣніяхъ» заявилъ себя радикаломъ, что было неудобно норвежскимъ либераламъ.

Лѣтомъ передъ тѣмъ, какъ былъ написанъ «Росмерсхольмъ», Ибсенъ встрѣтилъ скандинавскаго аристократа, который обладалъ такою же красивой и важной наружностью, какую можно себѣ представить у Росмерса.

Этотъ господинъ былъ несчастенъ въ бракѣ съ одной дамой, которая въ дѣйствительности была очень хорошею и преданною ему женой, но которая не подходила ему интеллектуально: его интересы были ей чужды.

Онъ искалъ утѣшенія у родственницы своей жены. Дѣло обнаружилось. Мелкія газетки стали приносить ядовитыя замѣтки объ угадываемыхъ отношеніяхъ. Тогда онъ покинулъ свой домъ, чтобы совершить будто бы небольшое путешествіе, но не возвратился домой, уѣхалъ заграницу, возвратилъ своей женѣ обратно ея имущество и ушелъ со своего высокаго поста въ отставку.

Спустя короткое время его жена умерла отъ чахотки, которая быстро развилась на почвѣ горя объ утерянномъ семейномъ счастьѣ. Ему и второй его женѣ враги приписали отвѣтственность за эту смерть.

Видно, какъ благодаря этому происшествію съ одной стороны выросъ образъ Ребекки, бывшей косвенною убійцей, а съ другой распаденіе въ «Росмерсхольмѣ».

Если «Врагъ народа» есть самооборона, то «Сольнесъ» походитъ на исповѣдь. Въ этой вещи, простой и глубокомысленной въ одно и тоже время, находили замѣчательные символы. Славянскій студенческій союзъ писалъ въ свое время ко мнѣ, прося меня разрѣшить ихъ споръ—означаетъ-ли Гильда католицизмъ, или протестантизмъ.

Въ новѣйшемъ, написанномъ съ теплотой и воодушевленіемъ, нѣмецкомъ произведеніи Эриха Хольма объ Ибсенѣ, носящемъ названіе «Политическое завѣщаніе Ибсена», Сольнесъ представляетъ собою

гражданство, Рагнаръ—соціализмъ, Гильда—свободу, Брандъ съ его отношеніемъ къ родительскому дому—французскую революцію. Какъ извѣстно, въ исторіи Наполеона видятъ мифъ солнца. Онъ родился на одномъ островѣ и умеръ на другомъ—это значитъ, что онъ вышелъ изъ моря и ушелъ въ море. Его мать звали Летиція—что означаетъ радость. Онъ имѣлъ 12 маршаловъ—12 небесныхъ знаковъ и т. д. Все совпадаетъ. Что касается Ибсена, то онъ писалъ всегда субъективно - психологически и никогда абстрактно - аллегорически. Если Брандъ, съ его родительскимъ домомъ, и есть какой-либо символъ, то навѣрно это символъ какихъ-нибудь событій въ личной жизни Ибсена; напр. его бѣгство изъ родной страны, но не міровое событіе. А Гильда также мало символъ свободы, какъ и протестантизма. Она норвежская дѣвушка, типично норвежская и не даромъ носитъ имя Валькиріи. Она, какъ однажды сказалъ самъ Ибсенъ, выношена con amore и, конечно, имѣла много образцовъ въ дѣйствительной жизни и не норвежской только.

Въ письмахъ [1]) Ибсена за 1889 г. къ одной молодой австрійской дѣвушкѣ, съ которой онъ познакомился въ Тиролѣ (эти письма, долго спустя, я получилъ отъ этой дѣвушки), заключаются нѣкоторые штрихи отношеній Сольнеса къ Гильдѣ. Она, эта австрійская дѣвушка—майское солнце въ его сентябрьской жизни; она принцесса, какъ и Гильда, и дѣйствуетъ на него, какъ принцесса. Онъ всегда, всегда о ней думаетъ. И въ особенности его занимаетъ мысль, посчастливится ли ему изобразить въ поэзіи такую высоту и болѣзненное счастье борьбы за недостижимое.

Позднѣе, когда въ 1891 г., послѣ 27-лѣтняго отсутствія, Ибсенъ вернулся въ Норвегію, тамъ нашлось, можетъ быть, юное женское существо, удивленіе котораго передъ нимъ приняло страстный характеръ и къ которому влекло и самого Ибсена.

Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ читалъ мой очеркъ про молодую Маріанну Виллемерсъ и ея любовь къ 60-ти-лѣтнему Гете, и объ успѣхѣ, который послѣ этого имѣло его стихотвореніе «Западно-восточный диванъ», онъ очень имъ заинтересовался и высказался, такимъ образомъ, въ письмѣ ко мнѣ изъ Христіаніи 11-го февраля 1898 г.: «Я не могу удержаться, чтобы не выразить Вамъ мою особенную благодарность за Вашъ очеркъ: «Гете и Маріанна Виллемерсъ». Эпизодъ изъ его жизни, который Вы описываете, мнѣ не былъ знакомъ. Можетъ быть, много. много лѣтъ тому назадъ я и читалъ это у Левеса, но я совершенно это забылъ, такъ какъ тогда такія обстоятельства не имѣли для меня ровно никакого интереса. Теперь же дѣло обстоитъ совершенно иначе. Когда я думаю о характерѣ произведенія Гете во время возврата его молодости, я, мнѣ кажется, могу сказать, что въ этой

[1]) Эти письма приводятся мною ниже.

встрѣчѣ именно съ Маріанной Виллемерсъ, Гете былъ восхитительно награжденъ. И такъ судьба, рокъ, случай могутъ быть также благопріятными человѣку, посылая ему иногда награду».

По своему обыкновенію Ибсенъ собиралъ разсѣянныя, мелкія черточки повсюду. Въ доказательство этого, вотъ что онъ самъ разсказываетъ. Однажды въ южной Германіи, одна молодая дѣвушка сказала ему: Я никогда не могла постичь, какъ можно влюбиться въ неженатаго мужчину. Тогда лишаешься удовольствія отобрать его у другой. Эта фраза открыла Ибсену перспективы на женскую духовную жизнь.

Итакъ, его Гильда, его наиоригинальнѣйшій, яркій, какъ солнце, женскій образъ создавался изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Съ воспоминаніями о ней у меня связанъ небольшой анекдотъ. Ибсена всегда принимали за суроваго человѣка и такимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Но что онъ могъ быть временами мягкимъ и даже привѣтливымъ, показываетъ слѣдующій случай. Ибсенъ зналъ одну маленькую дѣвочку [1]) съ шестилѣтняго ея возраста и очень интересовался ребенкомъ. Когда вышелъ «Сольнесъ», ей было всего 12 лѣтъ. Я какъ разъ пріѣхалъ тогда въ Христіанію.—Ну что говоритъ Эдитъ о моемъ произведеніи? Что она говоритъ?—Она говоритъ то, что можно сказать въ ея возрастѣ, что въ этой пьесѣ только и есть одна порядочная женщина, г-жа Сольнесъ. Она находитъ Гильду отвратительной за то, что она увлекается женатымъ человѣкомъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя пріѣхала эта дѣвочка подростокъ въ Норвегію и посѣтила Ибсена. Хорошо запомнивши нашъ разговоръ, онъ сказалъ: «Но вѣдь это ко мнѣ пришла моя Гильда, какъ разъ такая, какою я себѣ ее представлялъ».—«Я совсѣмъ не похожа на Гильду».—«Ну, конечно, похожа». Затѣмъ онъ подарилъ ей свой портретъ и написалъ на оборотѣ слѣдующую игривую надпись: «На кого походитъ Эдитъ? На кого похожу я? Я этого не знаю. Поѣзжай на дачу, поживи тамъ мѣсяцъ и возвратись назадъ, а я за это время подумаю, на кого ты похожа».

Дѣвочка привезла ему фотографію обратно.—«Да, правда, я долженъ кое-что добавить»,—и онъ написалъ: Эдитъ не похожа ни на кого на свѣтѣ, Эдитъ походитъ только на самое себя. Поэтому Эдитъ такъ... А что такое я?—я этого еще не знаю. Поѣзжай въ Копенгагенъ и возвращайся черезъ годъ, а я за это время еще подумаю и напишу заключенье.

Въ этихъ мелочахъ видны любовь Ибсена подстрекать любопытство, его страсть пробуждать сомнѣнія, ставить вопросы, задавать загадки, обрывать на самомъ интересномъ мѣстѣ, и, наконецъ, его особенность, какъ драматурга, возможно отодвигать рѣшеніе загадки въ будущее.

---

[1]) Дочь самого Брандеса.

Толкованій произведеній Ибсена можно найти очень много. Я хочу попробовать обрисовать его такимъ, какимъ онъ былъ въ повседневной жизни. Въ молодые годы внимательный, живой, бодрый, сердечный, но въ то же время рѣзкій и никогда не добродушный, даже въ минуты наибольшей сердечности. Съ глазу на глазъ разговорчивый, охотно слушающій, сообщительный, открытый. Съ наибольшей охотой онъ жилъ отшельникомъ. Въ большомъ обществѣ онъ былъ скупъ на слова, легко смущался и терялся. Онъ никогда не забывалъ недоброжелательнаго пріема своимъ первымъ произведеніямъ въ Норвегіи, а также и своего долга благодарности относительно заграницы.

Было не много нужно, чтобы привести его въ дурное настроеніе, или возбудить его подозрительность. Если онъ заподозрѣвалъ кого-либо въ назойливости, его боязнь людей мгновенно пробуждалась.

Въ 1891 г. я вмѣстѣ съ нѣкоторыми норвежскими художниками былъ въ Сандвикенѣ, недалеко отъ Христіаніи; и мы себя превосходно чувствовали. Разъ какъ-то я сказалъ: какъ должно быть грустно Ибсену сидѣть день за днемъ одному въ отелѣ, въ городѣ. А что, если бы мы его когда-нибудь пригласили сюда?—А кто же осмѣлится это сдѣлать?—Я охотно на это отважусь, я вижу его ежедневно и завтра буду съ нимъ завтракать».

«Мы, нѣсколько художниковъ и писателей—очень бы хотѣли съ вами пообѣдать».—А сколько васъ и кто именно?—Я назвалъ имена, насъ было девять.—«Обѣдать въ такомъ большомъ обществѣ нарушаетъ привычки моей жизни, я этого никогда не дѣлаю».—Я напомнилъ ему, что недавно въ Будапештѣ онъ участвовалъ въ празднествѣ въ честь его, на которомъ присутствовало нѣсколько сотъ человѣкъ; этимъ я разсѣялъ нѣсколько его недовѣріе и получилъ разрѣшеніе устроить небольшой праздникъ. Чтобы сдѣлать ему пріятное, мы взяли залъ въ томъ самомъ отелѣ, гдѣ онъ жилъ, и предложили ему самому выбрать меню.

Когда распространилась молва, что я устраиваю для Ибсена обѣдъ, послѣ такого долгаго его пребыванія заграницей, меня со всѣхъ сторонъ начали осаждать просьбами дать хоть одно мѣсто за обѣдомъ, и отказать семьямъ, которыя со мной были очень гостепріимны, мнѣ было, конечно, трудно. Чтобы подготовить почву, я началъ съ того, что признался Ибсену, что одна единственная дама очень желала попасть на обѣдъ.—«Ни въ какомъ случаѣ»,—отвѣтилъ онъ мнѣ.—Это молодая, веселая, толстая женщина!—«Я не люблю молодыхъ, веселыхъ, толстыхъ женщинъ».—Вы когда-то были влюблены въ ея тетку,—я назвалъ имя. Тогда онъ сразу заинтересовался. — «Ну, это другое дѣло, тогда она можетъ притти».

Но разрѣшеніе было получено всего на 10 человѣкъ, а мы мало-по-малу дошли до 22. Я боялся взрыва.

Въ извѣстный день и въ назначенный часъ я стучалъ въ дверь

въ его отелѣ. Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ съ удивленіемъ и немного огорченный: вы во фракѣ?—Да, а вы въ жилеткѣ?—Ну, да, когда я началъ одѣваться, въ моемъ сундукѣ не оказалось фрака.—Какъ это ужасно!—мы радовались какъ дѣти, что увидимъ Ибсена во фракѣ, а теперь должны довольствоваться Ибсеномъ въ сюртукѣ.—А дамы съ вами есть?—Да она, да еще одна, другая!—Сколько же ихъ тамъ всѣхъ?—22.—Это измѣна, вы сказали 9, я не иду.

Послѣ долгихъ переговоровъ мнѣ удалось свести его съ лѣстницы. Когда онъ вошелъ въ залъ, тамъ царствовала тишина ожиданія, которую его суровая мина отнюдь не помогла нарушить. Начало обѣда было очень тягостное. Пришлось подать шампанское и начать держать рѣчи уже за рыбой, чтобы хоть этимъ нѣсколько поднять настроеніе. Я сказалъ: «Дорогой Ибсенъ! Вы съ годами сдѣлались настолько нечеловѣчески знаменитымъ, что хвалить васъ становится неизмѣримо труднымъ. Но не правда ли, что мы, жители сѣвера, понимаемъ васъ лучше, чѣмъ иностранцы; мы оцѣнили васъ на первыхъ же порахъ, тогда какъ они пришли лишь въ одиннадцатый часъ. Правда, въ Библіи говорится, что пришедшіе въ одиннадцатый часъ, имѣютъ равную заслугу съ тѣмъ, которые пришли въ первый. Но это мѣсто я понималъ всегда такъ, что пришедшіе въ первый часъ все же чуточку лучше. Ибсенъ перерываетъ меня.—«Ни въ какомъ случаѣ». Я прошу его подождать дѣлать замѣчанія, пока я кончу. Я хвалилъ его и въ шутку и серьезно, говорилъ о солнцѣ и звѣздахъ, примѣнилъ къ нему слова: можетъ быть Сиріусъ и больше солнца, и тѣмъ не менѣе благодаря солнцу вызрѣваютъ наши хлѣба. Ничего не помогало. Онъ продолжалъ быть растеряннымъ и только повторялъ: противъ этой рѣчи можно многое возразить, чего я предпочитаю, однако, не дѣлать.

— Сдѣлайте это, Ибсенъ, это гораздо пріятнѣе! А онъ: чего я предпочитаю однако не дѣлать.

Одинъ редакторъ, который привелъ къ столу очаровательную артистку—Констанцію Бруни, поднялся и сказалъ: моя дама за столомъ проситъ меня, г. д-ръ Ибсенъ, принести вамъ благодарность отъ артистокъ Христіанія—театра [1]) и сказать вамъ, что нѣтъ ролей, которыя онѣ играли бы охотнѣе вашихъ и на которыхъ онѣ учились бы больше.

Ибсенъ: «я къ этому сдѣлаю одно замѣчаніе: я вообще не писалъ ролей, но изображалъ людей и никогда въ жизни я не имѣлъ въ виду, когда работалъ, ни одного артиста и ни одну артистку. Но позже мнѣ, можетъ быть, будетъ очень пріятно познакомиться съ такой милой дамой».

Констанція Бруни имѣла смѣлость отвѣтить, что она ни минуты

---

[1]) Теперь національный театръ.

не имѣла въ виду себя, такъ какъ онъ видитъ ее въ первый разъ, и что въ рѣчь проскользнуло неудачное слово роль, подъ которымъ она, какъ и онъ, разумѣла человѣка.

Ибсенъ ничуть не сознавалъ, что его прямота дѣйствовала подавляюще на настроеніе присутствующихъ, такъ какъ при разставаніи онъ сердечно меня благодарилъ за обѣдъ и наивно прибавилъ: «это было очень удачное празднество».

Я привелъ примѣръ его суровости, но сколько у меня воспоминаній о его сердечности, вниманіи и тонкости чувствъ.

Я помню Ибсена много, много лѣтъ тому назадъ, въ Дрезденѣ, во время длинныхъ прогулокъ по городу и его окрестностямъ, когда онъ разъяснилъ мнѣ типъ нѣмца, котораго онъ, послѣ многолѣтняго пребыванія въ Германіи, полагалъ, что знаетъ. Или когда онъ критиковалъ драмы Шиллера, риторики котораго онъ не любилъ, или поэзію Рунеберга, которой онъ мало интересовался, такъ какъ она написана гекзаметромъ. Онъ всегда былъ на своемъ посту, когда дѣло касалось всего академическаго, или пережитковъ прошлаго, или всего не жизненнаго. Поэзія для поэзіи была ему противна, Въ семидесятыхъ годахъ онъ посѣщалъ въ Дрезденѣ собранія литературнаго общества, гдѣ внимательно выслушивалъ доклады, они-таки были интересны и поучительны. Онъ держалъ себя по отношенію къ скромнымъ, мало извѣстнымъ литераторамъ по-дружески, признавая ихъ знанія и солидную литературную культуру.

Въ Мюнхенѣ я видѣлъ его у него дома. Онъ тогда былъ уже признанъ единичными лицами въ Германіи, хотя не былъ еще знаменитъ. Онъ принималъ у себя избранныхъ норвежцевъ, проѣзжавшихъ черезъ городъ, между ними нерѣдко извѣстныхъ норвежскихъ политиковъ. Привыкнувъ видѣть много людей, онъ сталъ свѣтскимъ человѣкъ и съ разными людьми разно обращался, но всегда справедливо.

Я помню его также гостемъ въ Копенгагенѣ, чтимымъ, какъ король. Если онъ дѣлалъ кому-нибудь визитъ, всѣ были отъ него въ восторгѣ. Когда онъ былъ куда-нибудь приглашенъ—его молчаливость и замкнутость приводили въ изумленіе.

Онъ не говорилъ больше о Норвегіи съ горечью, но съ сожалѣніемъ о ея медленномъ развитіи. Теоріи, приходящая изъ Норвегіи, казались ему устарѣвшими и вышедшими изъ употребленія въ Европѣ. О просвѣщенныхъ норвежскихъ крестьянахъ онъ однажды сказалъ: «книга Маллинга «Великія и хорошія дѣянія», которая 50 лѣтъ тому назадъ представляла полезное чтеніе для дѣтей, какъ разъ подошла бы теперь къ нимъ».

И, наконецъ, помню я его въ мои многочисленныя длинныя или короткія пребыванія въ Норвегіи, когда мы согласно уговору встрѣчались съ нимъ каждый день послѣ завтрака. Онъ всегда заблаго-

временно стоялъ одѣтымъ у воротъ и ожидалъ: мы шли гулять въ картинныя галлеріи и т. д. Или, когда я по его приглашенію приходилъ къ нему обѣдать и онъ, потирая руки отъ удовольствія, говорилъ: будемъ сегодня веселы, будемъ пить хорошее вино, много вина и разсказывать исторіи. И, погодя: «Ну, теперь вы услышите поучительную исторію объ X.». На лицѣ появлялась на минуту сатирическая улыбка, и затѣмъ слѣдовала кровавая исторія, или шаржъ, гдѣ общеуважаемый и восхваляемый, благородный человѣкъ обнаруживалъ себя комичнымъ грѣшникомъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Или въ тихій вечеръ, проведенный съ нимъ на открытомъ воздухѣ, въ какомъ-нибудь павильонѣ. На столѣ стоитъ свѣча, которую приходится убрать, такъ какъ лѣтняя ночь достаточно свѣтла. Лицо Ибсена съ могучимъ лбомъ и съ богатой гривой сѣдѣющихъ волосъ сливается съ очертаніями, дремлющей въ магическомъ освѣщеніи, природы. Становится нѣсколько темнѣе и изъ его лица виденъ лишь блескъ его очковъ и движенія рта. Онъ говоритъ глухимъ голосомъ, отпиваетъ отъ времени до времени изъ своего стакана, фантазируетъ, шутитъ.

Разъ мы ѣдимъ съ нимъ ягненка, я дѣлаю замѣчаніе, что это благородное животное. Разумѣется, отвѣчаетъ Ибсенъ. Я было думалъ написать драму про ягненка. Человѣкъ смертельно боленъ; онъ можетъ выздоровѣть только въ томъ случаѣ, если ему обновятъ кровь. Ему вспрыскиваютъ свѣжую кровь ягненка и онъ выздоравливаетъ. Позже онъ всегда мечталъ о томъ, чтобы увидѣть этого ягненка, такъ какъ онъ обязанъ ему жизнью. Наконецъ, онъ открываетъ его въ одной женщинѣ, онъ влюбляется въ нее. И развѣ онъ можетъ иначе? Конечно, нѣтъ. Только не часто встрѣчаешь женщину, похожую на ягненка. Но это будетъ, будетъ!—И его рѣчь растаяла въ улыбку, гармонировавшую какъ нельзя больше съ блѣднымъ ночнымъ небомъ и съ дальнимъ блѣднымъ фіордомъ, гладкимъ какъ зеркало.

Если не считать юношескихъ драмъ Ибсена, сюжеты которыхъ взяты имъ изъ саги или исторіи, или его юношескихъ полемическихъ работъ, написанныхъ или въ стихахъ, какъ напр., «Комедія Любви», «Брандъ», «Пееръ Гюнтъ». «Союзъ молодости», то, главнымъ образомъ, всемірную его извѣстность составили ему 12 позднѣйшихъ драмъ, написанныхъ имъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Изъ этихъ 12 драмъ—6 полемическаго характера, направлены противъ общества: «Столбы общества», «Кукольный домикъ», «Привидѣнія», «Врагъ народа», «Дикая утка» и «Росмерсхольмъ».

Остальныя 6 суть чисто психологическія изслѣдованія, занимающіяся исключительно отношеніями между мужчиной и женщиной, при чемъ въ нихъ женщинѣ отведено всегда первенствующее мѣсто, даже и въ томъ случаѣ, когда она не главное дѣйствующее лицо въ пьесѣ. Эти драмы слѣд.: «Женщина съ моря», «Гедда Габлеръ», «Сольнесъ»,

«Эйольфъ», «Боркманъ» и «Когда мы мертвые пробуждаемся». Въ нихъ или семейныя, или личныя трагедіи и совершенно упускаются въ виду общественныя и государственныя отношенія. Однако, и въ этихъ драмахъ Ибсенъ показалъ себя не менѣе выдающимся, какъ культуръ-трегеромъ, такъ и поэтомъ.

Чтобы выяснить все его значеніе, небезполезно сопоставить его съ другими современными ему культуръ-трегерами. Путь въ этомъ направленіи намъ указалъ французскій переводчикъ и толкователь Ибсена, графъ Прозоръ.

Въ годъ рожденія Ибсена родилось еще два великихъ писателя: Тэнъ во Франціи и Толстой въ Россіи. Несмотря на ихъ несходство между собою и ихъ несходство съ Ибсеномъ, все же они всѣ имѣютъ редственныя черты.

Тэнъ вначалѣ, какъ и Ибсенъ, былъ мятежнымъ умомъ и произвелъ въ первые 40 лѣтъ своей жизни революцію во французской умственной жизни. Но съ теченіемъ времени онъ все больше и больше дѣлался тѣтъ, чѣмъ Ибсенъ былъ въ своемъ зрѣломъ возрастѣ—ненавистникомъ революціи, которая выравниваетъ, производитъ невеллировку, чтобы унизить и убить все выдающееся.

Объектомъ презрѣнія какъ для Ибсена, такъ и для Тэна, служитъ представляющее собою демократію большинство, которое по опредѣленію Ибсена всегда не право.

Тэнъ политически болѣе консервативенъ, чѣмъ Ибсенъ; идеаломъ для него служило политическое положеніе въ Англіи; сохраненіе накопленныхъ въ прошломъ цѣнностей и широкое развитіе мѣстныхъ самоуправленій.

То, что Ибсену представлялось вполнѣ яснымъ, это—что доктрина сама по себѣ значитъ очень мало, какое бы названіе она ни носила: конституціонализмъ, демократія, или какое иное. Дѣйствительныя перемѣны наступаютъ лишь тогда, когда сами люди становятся иными. Вотъ понятіе, на которомъ, по его мнѣнію, основывается здоровый радикализмъ. Соціалистъ можетъ быть себялюбивѣе, чѣмъ индивидуалистъ, а консерваторъ большимъ разрушителемъ общественнаго строя, чѣмъ радикалъ. Суть дѣла не въ этикетѣ на бутылкѣ, а въ томъ винѣ, которое въ ней. То же или иное ученіе, къ которому себя причисляютъ, не есть вино, но лишь этикетъ. Однако, на Ибсена не надо смотрѣть какъ на мыслителя, въ особенности политическаго. Тэнъ былъ мыслителемъ—Ибсенъ борцомъ.

Толстой, несмотря на всю свою величину, мыслитъ узко; онъ не признаетъ Тэна и презираетъ Ибсена, какъ поэта, лишеннаго смысла. Онъ также, какъ и Ибсенъ, революціонеръ, разрушитель общественныхъ предразсудковъ и проповѣдникъ новаго общественнаго строя внѣгосударства. Они встрѣчаются въ анархическомъ, враждебномъ государству взглядѣ, но въ то время, какъ у Ибсена направленіе ума

имѣетъ аристократическія тенденціи, Толстой вѣритъ въ равенство. Толстой проповѣдуетъ евангельскую любовь, Ибсенъ самонаслажденіе одиночества.

Есть также у Ибсена нѣсколько общихъ основныхъ чертъ съ Ренаномъ, который старше его нѣсколькими годами, и котораго онъ почти не читалъ; также мало, какъ и Тэна.

Фраза Ибсена: «я только спрашиваю, не мое призваніе отвѣчать»— извѣстнымъ образомъ относится и къ тонкому мыслителю Ренану и его сомнѣвающемуся уму. И тотъ и другой, какъ рѣдко кто, будятъ жизненныя силы: Ренанъ очаровыя, Ибсенъ устрашая.

Прозоръ обратилъ вниманіе на то сходство, которое замѣчается въ мысляхъ ибсеновскаго Бранда и въ юношескомъ произведеніи Ренана «Будущее науки». Ренанъ требовалъ единства и цѣльности человѣческаго существа, говоря, что цѣль, которую долженъ себѣ ставить человѣкъ не въ томъ, чтобы знать, чувствовать, фантазировать, но въ томъ, чтобы быть человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова; тѣ же мысли встрѣчаемъ мы у Бранда.

Брандъ говоритъ, что церковь, надъ которой разстилается небесный сводъ, не имѣетъ ни стѣны, ни границъ; тоже, въ иныхъ нѣсколько выраженіяхъ, говоритъ и Ренанъ: старую церковь должна замѣнить новая и величайшая. Одна религіозная догма должна уступить мѣсто другой, одинъ родъ божества—другому, такъ какъ истинное происхожденіе міра неизмѣримо выше всего того, что намъ говоритъ о немъ наше жалкое воображеніе, безъ котораго мы не можемъ представить себѣ хода вселенной—мысли, встрѣчаемыя нами у Ибсена въ «Императорѣ и галилеянинѣ» и въ «Брандѣ». Ренанъ, какъ и Ибсенъ, знаетъ третье царство, въ которомъ сливаются во едино язычество и христіанство.

Кромѣ Тэна и Толстого—ровесниковъ Ибсена и Ренана, который нѣсколько его старше, есть еще одинъ великій, но значительно болѣе молодой, котораго можно сравнить съ Ибсеномъ, хотя этотъ послѣдній никогда не читалъ его книгъ, а онъ одну изъ слабѣйшихъ ибсеновскихъ вещей, «Столпы общества».

Это Ницше.

У Ницше, какъ и у Ибсена, мятежный умъ и, какъ Ибсенъ, онъ держалъ себя въ сторонѣ отъ политической и практической жизни.

Первое между ними сходство то, что оба они придавали значенье своему происхожденью не отъ мелкихъ людей.

Ибсенъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ старался доказать, что его родители, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны, принадлежали къ знатнѣйшимъ семьямъ въ Скіенѣ и состояли въ родствѣ какъ съ мѣстной, такъ и окрестной аристократіей. Но Скіенъ не міровой городъ и его аристократію не знаютъ уже за его предѣлами, но Ибсенъ хотѣлъ этимъ доказать, что причина его горечи противъ

высокопоставленныхъ людей въ Норвегіи кроется не въ разницѣ его и ихъ происхожденія.

Ницше также охотно доказывалъ окружающимъ, что онъ происходитъ отъ польскаго дворянскаго рода, хотя у него не было никакой родословной, такъ что это можно было принять за аристократическія бредни, тѣмъ больше, что указанное имъ имя Ніэцки уже по своей орѳографіи показываетъ свое не польское происхожденіе. Въ самомъ же дѣлѣ было такъ: правильная орѳографія его фамиліи—Ницки, и одному молодому польскому почитателю Ницше, Бернарду Шарлитъ удалось доказать неоспоримое происхожденіе Ницше изъ рода Ницки. Онъ открылъ дворянскій гербъ этого рода въ печаткѣ, которая въ теченіе столѣтій была въ семьѣ Ницше наслѣдственной вещью. Но властолюбивой морали Ницше и въ его аристократизаціи представленій о мірѣ Шарлитъ видитъ, и не безъ основанія, шляхетскій духъ, унаслѣдованный имъ отъ своихъ польскихъ предковъ. Ибсенъ и Ницше (независимо другъ отъ друга) лелѣяли мысль (такъ же, какъ и Ренанъ) воспитать благородныхъ людей. Это любимая идея Росмерса, она становится таковою у д-ра Штокмана. Также и Ницше о высшемъ человѣкѣ говоритъ, какъ о предварительной задачѣ поколѣнія, пока Заратустра не возвѣщаетъ сверхъчеловѣка. И у того, и у другого радикализмъ по существу аристократиченъ.

Затѣмъ они встрѣчаются также то тамъ, то сямъ на почвѣ душевныхъ изслѣдованій. Ницше любитъ жизнь и внутреннюю ея сущность такъ высоко, что сама истина представляется ему стоимостью лишь тогда, когда она помогаетъ сохраненію жизни и ея эволюціи. Ложь только въ томъ случаѣ вредною и разрушительною силой, когда она тормозитъ жизнь. Ложь не смущаетъ его тамъ, гдѣ она необходима для жизни. (Удивительно, что мыслитель, который такъ ненавидитъ іезуитизмъ, пришелъ къ точкѣ зрѣнія, которая ведетъ къ нему). Въ этомъ пунктѣ Ницше сходится со многими изъ своихъ противниковъ. Ибсенъ, который во всѣхъ своихъ стремленіяхъ выступаетъ поклонникомъ правды, по мѣрѣ своего развитія приходитъ къ такому же взгляду, какъ и Ницше. Звучитъ не шуткой, когда Ибсенъ въ «Дикой уткѣ» устами д-ра Реллинга заявляетъ о необходимости лжи для жизни. Конечно, тутъ имѣлся въ виду только средній человѣкъ, не могущій обойтись безъ лжи. Но впослѣдствіи Ибсенъ пошелъ гораздо дальше и призналъ ложь необходимою также и для высшихъ людей.

Уже въ «Привидѣніяхъ» онъ находитъ непозволительнымъ говорить одну правду. Фру Альвинъ видитъ, но не хочетъ разсказать Освальду про его отца. Она содрагается при мысли, что можетъ отобрать у него его идеалы. Идеалы противупоставляются здѣсь правдѣ. И только въ концѣ пьесы она осмѣливается сказать ее ему мягко обиняками, частью выдумывая. И когда ибсеновскіе Сольнесъ, Боркманъ, Рубекъ, въ существѣ которыхъ кроется такъ много его собственнаго,

защищаютъ то или другое неизвѣстное, сомнительное, они закрываютъ глаза на возможность лжи и говорятъ: мы хотимъ, чтобы то было правда. Сольнесъ утверждаетъ, что его желанія имѣютъ дѣятельную, почти магическую силу, Гильда увѣряетъ Рагнара, что Сольнеса совсѣмъ не влечетъ къ Кайѣ. (На основаніи этого Рагнаръ спрашиваетъ: сказалъ-ли онъ это вамъ)? «Нѣтъ, но это такъ, это должно быть такъ; (дико) я хочу, хочу, чтобы это было такъ»!

Фру Боркманъ живетъ въ самообманѣ; она убѣждена, что ея сынъ Эргартъ сдѣлается человѣкомъ, который выполнитъ великую миссію и возстановитъ часть ихъ дома, на что сестра ей отвѣчаетъ: это одни твои мечты, безъ которыхъ, тебѣ кажется, ты пришла бы въ полное отчаяніе.

Живетъ въ самообманѣ также и самъ Боркманъ; онъ вѣритъ, что къ нему придетъ депутація просить его стать во главѣ банка. «Ты, можетъ быть, думаешь, что они не придутъ? Но они должны, должны ко мнѣ притти когда-нибудь. Я вѣрю въ это твердо, я знаю это непоколебимо. Не будь у меня такой увѣренности, я давно пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ».

Въ «Эпилогѣ» Рубекъ такъ опредѣляетъ значеніе своей работы; когда я создавалъ это художественное произведеніе—такъ какъ «День воскресенія» есть художественное вроизведеніе; или, по крайней мѣрѣ, такимъ оно было вначалѣ (онъ чувствуетъ, что его испортилъ). Нѣтъ, таково оно и теперь. Оно будетъ, будетъ, будетъ художественнымъ произведеніемъ».

У Ибсена, какъ и у Ницше, лежитъ безсознательное стремленіе къ сознательной духовной жизни. Стремленіе мужчины къ величію у нихъ обоихъ есть нѣчто инстинктивное. Однако у Ибсена преимущественно женщина призвана поддержать это стремленіе, принадлежащее ей по праву власти, свободная отъ унизительныхъ соглашеній, что Ибсенъ въ «Брандѣ» назвалъ безобразнымъ иностраннымъ словомъ «аккордъ душъ». Брандъ—одинъ изъ его героевъ, глубоко повліявшій на женщину (которая открыла въ немъ существо, болѣе чистое и нетронутое, чѣмъ обычно встрѣчающіяся), которая затѣмъ ставитъ его на свойственную ему высоту, какъ Гильда Сольнеса и Ирэна Рубека. Противъ общественныхъ нравовъ и общественной лжи Ибсенъ не знаетъ лучшаго орудія, лучшей дѣятельной силы, чѣмъ женщина; въ его драмахъ она будитъ и укрѣпляетъ энергію. Это пунктъ, въ которомъ онъ рѣзко расходится съ Ницше, съ его ненавистью къ женщинѣ. У Ницше женщина тянетъ мужчину внизъ; она сила природы, съ которою нужно бороться.

Ибсенъ, какъ и Ницше, былъ одинокъ и дѣйствовалъ въ одиночествѣ, и оба они одинаково мало заботились о судьбѣ своихъ произведеній. Тотъ сильнѣе всѣхъ, говоритъ д-ръ Штокманъ, кто наиболѣе одинокъ.

Прозоръ спрашиваетъ: Кто же болѣе одинокъ—Ибсенъ или Ницше?—Ибсенъ, который держалъ себя въ сторонѣ отъ всякихъ личныхъ сношеній съ людьми, но работалъ для театральной публики; или Ницше, который, хотя и изолировалъ себя, какъ мыслитель,—какъ человѣкъ постоянно, хотя и безрезультатно, выискивалъ себѣ единомышленниковъ и герольдовъ, но произведенія котораго при его жизни остались нечитанными широкой публикой и во всякомъ случаѣ непонятыми.

Для меня лично рѣшеніе этого вопроса дѣло не легкое, такъ какъ по прихоти судьбы и тотъ, и другой считали меня своимъ союзникомъ.

Еще труднѣе рѣшить, чьи работы глубже, оставляютъ большее впечатлѣніе и кто изъ нихъ сохранитъ дальше свою славу.

На сѣверѣ Ибсенъ обогатилъ всѣхъ насъ, сильно повліялъ на драматурговъ, но школы не создалъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Германіи, гдѣ въ ту пору началось теченіе противъ стараго шиллеровскаго-идеализма, Ибсена привѣтствовали, какъ великаго натуралиста, равнаго Золя и Толстому, проглядѣвъ ибсеновскій идеализмъ. На умы обмундированнаго нѣмецкаго читающаго міра Ибсенъ со своею вѣрою въ меньшинство и одиночество дѣйствовалъ то какъ индивидуалистъ, то какъ соціалистъ, благодаря его скрытому революціонному теченію.

Его вліяніе на нѣмецкихъ драматурговъ, начиная отъ Рихарда Босса и до Германа Бара, очень легко прослѣдить. Но наибольшее съ нимъ сходство мы видимъ у величайшаго изъ нихъ Гергарта Гауптмана. Его «Передъ восходомъ» написано также подъ вліяніемъ «Привидѣній», какъ и «Власть тьмы», «Потонувшій колоколъ» непоминаетъ одновременно и «Бранда», и «Сольнеса».

Въ Англіи Эдмундъ Госсе, Вильямъ Арчеръ и Бернардъ Шау страстно работали для распространенія славы Ибсена, а послѣдній, какъ драматическій писатель, у него учился. Но замѣчательнѣе всего, что въ Англіи нападали на Ибсена не только за то, что онъ непонятенъ, но и за матеріалистическое его направленіе, и восхваляли его особенно, какъ психолога.

Во Франціи, когда тамъ былъ въ модѣ символизмъ, Генриха Ибсена привѣтствовали, какъ великаго символиста. Подъ его вліяніемъ находились лучшіе драматурги, какъ Франсуа де Кюрель. Мистическій элементъ у Ибсена, какъ напр., бѣлые кони въ «Росмерсхольмѣ», чужестранцы въ «Женщинѣ съ моря», имъ особенно нравился. Но нерѣдко его принимали также и за анархиста. «Врагу народа» аплодировали, какъ протесту противъ общества и государства. Въ Ульрикѣ Бренделѣ видѣли сатиру на общество.

Ничто не говоритъ лучше о величинѣ Ибсена, какъ слѣдующее обстоятельство. Въ Норвегіи онъ раньше былъ понятъ, какъ консерваторъ, позднѣе, какъ радикалъ. Въ Германіи его привѣтствовали, какъ натуралиста и соціалиста, во Франціи, какъ символиста и анархиста.

Однимъ словомъ, въ каждой странѣ долго видѣли лишь нѣкоторыя стороны его существа, отсюда ясно, какъ былъ онъ многостороненъ.

Слѣдующія письма [1]) были писаны Ибсеномъ въ Вѣну, дѣвицѣ Эмиліи Бардахъ. Ибсенъ встрѣтился съ ней и ея матерью осенью 1889 г. въ Госсензасѣ, въ Тиролѣ. Они тамъ провели вмѣстѣ нѣсколько недѣль. Г-жѣ Бардахъ было тогда 20 лѣтъ; затѣмъ она уже никогда больше не встрѣчала поэта.

I.

Въ альбомъ.

Высокое, болѣзненное счастье—бороться за недостижимое.

Госсензасъ, 20-го сентября 1889 г.

Генрихъ Ибсенъ.

II.

(На оборотѣ фотографіи).

Майскому солнцу въ сентябрьской жизни въ Тиролѣ.

27. 9. 89. *Генрихъ Ибсенъ.*

III.

Мюнхенъ, Максимильянстрассе, 32, 7.

Октябрь, 1889 г.

Отъ всего моего сердца благодарю Васъ, неоцѣненная г-жа Бардахъ, за Ваше крайне любимое и милое письмо, которое я получилъ въ предпослѣдній день моего пребыванія въ Госсензасѣ и которое я много разъ перечитывалъ. Мѣсто нашего лѣтняго пребыванія выглядѣло въ послѣднюю недѣлю печально или во всякомъ случаѣ такъ оно мнѣ представлялось. Не было больше солнца. Оно совсѣмъ исчезло. Нѣкоторые оставшіеся гости никоимъ образомъ не могли, конечно, представить для меня замѣну прелестной, короткой лѣтней жизни. Я ежедневно ходилъ гулять въ Перлергталь. Тамъ, у дороги есть скамья, на которой, разумѣется въ обществѣ, можно бы вести полный настроенія разговоръ. Но скамья была пуста и я, не присѣвъ шелъ мимо нея.

Въ большомъ залѣ, мнѣ казалось, было также пусто и безотрадно. Гости, семья Перейра и профессоръ съ женой показывались только передъ ѣдой.

---

[1]) За полгода до смерти Ибсена г-жа Бардахъ прислала эти письма Георгу Брандесу съ просьбой опубликовать ихъ въ европейской прессѣ. Основываясь на томъ, что Ибсенъ былъ тогда въ такомъ состояніи, что не могъ лично дать или не дать на это своего согласія—Брандесъ отказался это сдѣлать и опубликовываетъ ихъ теперь послѣ его смерти. *Перев.*

Цвѣты и деревья, которые пахли такъ опьяняюще, все еще тамъ стояли. Но впрочемъ—какъ пусто,—какъ одиноко,—какъ сиротливо!

Но теперь мы опять дома, Вы также въ Вѣнѣ. Вы пишете, что теперь Вы чувствуете себя увѣреннѣе, свободнѣе, счастливѣе. Какъ я обрадовался этимъ словамъ! Больше я ничего не скажу.

Во мнѣ начинаетъ брезжиться новое произведеніе. Я хочу создать его въ эту зиму и попробовать провести черезъ него свѣтлое, лѣтнее настроеніе. Но окончится оно въ уныніи. Это я чувствую.—И это моя манера.—Я однажды сказалъ Вамъ, что я пишу письма въ стилѣ телеграммъ. Примите же это письмо, какъ таковое. Во всякомъ случаѣ Вы его поймете.

Шлетъ Вамъ тысячу привѣтствій преданный
Вамъ Д-ръ *Г. И.*

IV.

Мюнхенъ, 15-го октября, 1889 г.

Ваше милое письмо я получилъ и тысячу разъ васъ за него благодарю; я его читалъ и перечитывалъ. Я, какъ всегда, сижу у письменнаго стола. Я бы очень хотѣлъ работать, но не могу. Моя фантазія живо работаетъ и упархиваетъ въ другое мѣсто, туда, гдѣ она не должна быть въ рабочее время. Я не могу прогнать, да и не хочу также мои лѣтнія воспоминанія. Я переживаю снова и снова пережитое, постоянно снова. Но претворить все это въ поэтическое произведеніе пока для меня невозможно.

Пока?

Удастся ли это мнѣ когда-либо въ будущемъ? И желаю ли я, собственно, чтобы это когда-либо мнѣ удалось? И могло ли бы удасться мнѣ?

Пока, во всякомъ случаѣ нѣтъ, въ этомъ я увѣренъ.

Я это чувствую—я это знаю.

Но когда-нибудь такъ будетъ. Это положительно такъ будетъ. Но все же будетъ ли такое? Будетъ ли такое?

Ахъ, дорогая Фрекенъ [1]), простите.—Вы такъ очаровательно пишите въ своемъ послѣднемъ—нѣтъ, нѣтъ, Боже упаси—въ своемъ предыдущемъ письмѣ: такъ очаровательно: «но для васъ я не Фрекенъ». Итакъ, дорогое дитя—потому что это вы для меня во всякомъ случаѣ—скажите-ка, помните вы, что мы разъ говорили о глупости и сумасшествіи. Или, правильнѣе сказать, я говорилъ объ этомъ цѣлую кучу. Тогда вы, дорогое дитя, взяли на себя роль учителя и запѣли тихо, мелодически, съ вашей дальнозоркостью, что всегда между глупостью и сумашествіемъ была разница. Ну, конечно, объ этомъ я и раньше имѣлъ представленіе. Но этотъ эпизодъ, какъ и все прочее,

---

[1]) Барышня.

остался у меня въ памяти. Такъ какъ я снова и снова раздумываю: было ли то глупостью, или сумашествіемъ, что мы сошлись? Или это было настолько же глупостью, какъ и сумашествіемъ. Или же это не было ни тѣмъ, ни другимъ?

Я надѣюсь, что послѣднее и есть единственно вѣрное.

Это просто на просто была естественная необходимость. И одновременно то былъ фатумъ. Думаете ли вы, что это было необходимо?

Въ настоящее время я этого не думаю. Я полагаю, что вы меня какъ слѣдуетъ поймете и отдадите мнѣ справедливость.

Тысячу разъ спокойной ночи. Всегда вамъ преданный

Г. И.

V.

Мюнхенъ, 29-го октября, 1889 г.

Каждый день я собирался написать вамъ нѣсколько словъ. Я хотѣлъ также приложить мой новый портретъ, но онъ еще не готовъ. Итакъ и это письмо уйдетъ безъ портрета. Вы знаете по собственному опыту, что при извѣстныхъ обстоятельствамъ сниматься представляетъ большое затрудненіе. Какъ, однако, мило вы пишете. Прошу васъ писать мнѣ нѣсколько строкъ, каждый разъ, какъ у васъ найдется свободные, ненужные вамъ самой полчаса.

Вы оставляете мои письма нераспечатанными, до тѣхъ поръ пока вы не останетесь одна, чтобы вамъ никто не мѣшалъ! Дорогое дитя, я не хочу вамъ сказать за это—спасибо. Это лишнее--вы понимаете.

Не огорчайтесь, что я пока не могу творить. Въ сущности я творю вѣчно и безпрестанно, или во всякомъ случаѣ я о чемъ-нибудь грежу, а когда оно созрѣваетъ, оно выходитъ изъ куколки, какъ поэтическое произведеніе.

Мнѣ мѣшаютъ. Не могу больше писать. Въ слѣдующій разъ болѣе длинное письмо.

Вашъ вѣрный, преданный

Г. И.

VI.

Мюнхенъ, 19-го ноября, 1889 г.

Наконецъ-то я могу послать вамъ мой новый портретъ. Я надѣюсь, что онъ лучше, и въ немъ больше сходства, чѣмъ въ прежнемъ.

Черезъ нѣсколько дней появится въ свѣтъ моя біографія на нѣмецкомъ языкѣ и вы сейчасъ же ее получите. Прочтите ее при случаѣ. Изъ нея вы узнаете мою жизнь до сихъ поръ, т.-е. я хочу сказать до конца прошлаго года.

Сердечно благодарю васъ за ваше милое письмо. Но что вы обо мнѣ думали, что я до сихъ поръ вамъ на него не отвѣтилъ?

Но вы все же знаете, что вы въ моихъ мысляхъ и тамъ остане-

тесь. Оживленная корреспонденція съ моей стороны полная невозможность—я сказалъ вамъ это уже раньше. Берите меня такимъ, каковъ я есть.

Что касается моихъ поэтическихъ приключеній, и о томъ, какой «успѣхъ» я сдѣлалъ въ послѣднее время, я собственно могъ бы много разсказать. Но я долженъ это пока отложить. Я усиленно занятъ предварительною работой для новаго произведенія. Сижу почти цѣлый день за письменнымъ столомъ и выхожу чуточку только по вечерамъ. Грежу, вспоминаю и творю дальше. Творить хорошо; но дѣйствительность можетъ иногда быть гораздо лучше.

Вашъ глубоко преданный

Г. И.

VII.

Два дорогихъ, дорогихъ письма получилъ я отъ васъ и до сихъ поръ ни одного отвѣта. Что вы обо мнѣ думаете?

Но я никакъ не могу найти нужнаго спокойствія, чтобы написать вамъ нѣчто порядочное и обстоятельное.

Сегодня вечеромъ я иду въ театръ смотрѣть «Врагъ народа». Думать объ этомъ уже мука для меня.

Итакъ, пока я долженъ отказаться отъ вашего портрета. Но такъ лучше. Лучше подождать, чѣмъ получить портретъ, который не удовлетворяетъ. А, кромѣ того, вашъ любимый мною, свѣтлый образъ стоитъ въ моемъ воспоминаніи такъ живо. Я думаю до сихъ поръ, что за нимъ скрывается полная загадочности принцесса. Ну, а сама загадка? Изъ нея можно много черпать красиваго и грезить. И это я дѣлаю. Это, во всякомъ случаѣ, отчасти замѣняетъ недостижимую и безпочвенную дѣйствительность. Въ моей фантазіи я вижу васъ въ украшеніяхъ изъ жемчуга. Вѣдь, вы такъ любите жемчугъ. Въ этомъ есть что-то болѣе глубокое, въ этомъ пристрастіи что-то кроется. Но что именно? Объ этомъ я раздумываю часто и порой мнѣ кажется, что я нашелъ связь, но затѣмъ я ее теряю. Въ слѣдующій разъ я, можетъ быть, попробую отвѣтить вамъ на нѣкоторые ваши вопросы. У меня у самого такъ много ихъ для васъ. Я это дѣлаю внутренно и безпрестанно.

Преданный вамъ

Г. И.

Мюнхенъ, 22-го декабря 1889 г.

Какъ благодарить мнѣ васъ за ваше милое, очаровательное письмо?— я прямо не могу. Не такъ могу, какъ я бы этого хотѣлъ. Писаніе [illegible] не для меня, мнѣ кажется, я говорилъ ужъ вамъ объ этомъ [illegible] Но во всякомъ случаѣ, вы и сами должны были это замѣтить.

Но я все таки читаю ваши письма и перечитываю и снова пере-

читываю и у меня встаетъ лѣтнее настроеніе такъ удивительно свѣжо и живо. Я вижу, я вновь чувствую пережитое. Я узналъ васъ, мою дорогую принцессу, какъ милое лѣтнее созданіе, только какъ существо присущее времени года, когда порхаютъ бабочки, и растутъ на волѣ цвѣты.

Какъ хотѣлъ бы я видѣть васъ также въ зимней обстановкѣ. Въ моей фантазіи я это дѣлаю. Я вижу васъ на Рингстрассе, легкую, идущую быстро и граціозно, укутанную въ бархатъ и мѣхъ.

Я вижу васъ также на вечерахъ и въ обществѣ, особенно въ театрѣ, откинувшуюся на спинку кресла со слегка утомленными чертами и съ глазами, полными загадочности.

Я хотѣлъ бы также видѣть васъ у васъ дома. Но мнѣ это не удастся, такъ какъ у меня нѣтъ для этого никакой придирки. Вы очень мало мнѣ разсказывали про свою домашнюю жизнь, почти ничего осязаемаго. По правдѣ сказать, дорогая принцесса, во многихъ существенныхъ отношеніяхъ мы порядочно-таки чужды другъ другу. Въ одномъ изъ вашихъ прежнихъ писемъ вы слегка намекнули на это, говоря о моихъ произведеніяхъ, которыя недоступны вамъ въ оригиналѣ.

Но не будемъ про это больше думать.

Ваши музыкальныя занятія подвигаются, конечно, постоянно и непрерывно впередъ? Это меня въ особенности интересуетъ. Но больше всего я хотѣлъ бы видѣть васъ въ рождественскій вечеръ въ нашемъ домѣ, гдѣ я предполагаю, вы будете проводить время. Какъ у васъ все это происходитъ?—я не представляю себѣ ясно. Я только сочиняю всевозможные способы.

Но у меня мрачное чувство, что рождественскій вечеръ и вы не совсѣмъ подходите другъ къ другу.

Но кто это знаетъ? А можетъ быть. Но при всякихъ обстоятельствахъ примите мои сердечныя пожеланія—сопровождаемыя тысячью привѣтствій.

Всегда вамъ преданный

Г. И.

IX.

Мюнхенъ, 30-го декабря 1889 г.

Вашъ красивый, очаровательный портретъ, который такъ много говоритъ, доставилъ мнѣ неописуемую радость.

Я благодарю васъ за него тысячу разъ и отъ чистаго сердца. И насколько вы теперь, среди зимы, сдѣлали ощутительными короткіе солнечные лѣтніе дни. Сердечно благодарю васъ также за ваше милое, милое письмо. Отъ меня вы сегодня получите всего нѣсколько словъ. Мнѣ не хватаетъ необходимыхъ покоя и одиночества, чтобы писать вамъ такъ, какъ бы я того хотѣлъ. Моя жена съ радостью

получила вашу любезную поздравительную карточку. Надѣюсь, она сама позднѣе поблагодаритъ васъ за нее. Теперь она не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ мой сынъ у насъ въ гостяхъ. Возвратится-ли онъ снова въ Вѣну, или мы пошлемъ его въ другое мѣсто, пока не опредѣлено.

Примите мои сердечныя пожеланія къ новому году. Также кланяюсь вашей матушкѣ. Еще разъ благодарю васъ за вашъ восхитительный подарокъ.

Всегда вамъ преданный

Г. И.

X.

Мюнхенъ, 16-го января 1900 г.

Прежде всего примите мою сердечную благодарность за ваши оба милыхъ письма, на которыя я до сихъ поръ не отвѣтилъ.

Съ самаго Новаго года я былъ боленъ и не бралъ пера въ руки. Вѣроятно, это было нѣчто вродѣ отвратительной инфлуэнцы. Теперь мнѣ значительно лучше.

Какъ больно мнѣ было узнать что вы дѣйствительно были больны. Представьте, я имѣлъ ясное объ этомъ предчувствіе. Въ моей фантазіи я видѣлъ васъ, лежащую въ кровати, блѣдную, въ лихорадкѣ, но обворожительно красивую и милую, какъ всегда.

Тысячу разъ благодарю за хорошенькіе цвѣты, которые вы для меня нарисовали. Это было очень любезно съ вашей стороны. Я нахожу, что у васъ выдающіяся способности къ рисованію цвѣтовъ. Этотъ талантъ вы должны были бы развивать: можетъ быть, вы и дѣлаете это. Но вашъ милый голосъ вы должны беречь,—по крайней мѣрѣ, теперь!

Какъ я вамъ благодаренъ, что я владѣю вашимъ портретомъ. Больше я ничего не скажу.

Способности писать письма у меня никогда не будетъ. Я живу въ надеждѣ, что вы совсѣмъ поправились и шлю вашей уважаемой матушкѣ много привѣтствій.

Всегда вашъ, сердечно преданный

Г. И.

XI.

Мюнхенъ, 6-го февраля 1890 г.

Долго, очень долго я оставилъ лежать Ваше послѣднее, милое письмо. Я читалъ его и перечитывалъ, не отвѣчая однако.

Примите сегодня въ короткихъ словахъ мою самую сердечную благодарность.

Съ этихъ поръ и до того времени, пока мы снова не увидимся

лично, Вы письменно услышите отъ меня очень мало, можетъ быть, изрѣдка кое что.

Вѣрьте мнѣ—такъ лучше. Это единственно правильное. Я чувствую, что дѣло моей совѣсти или пріостановить, или ограничить нашу переписку [1].

Вы должны пока заниматься мною возможно меньше. Вы должны преслѣдовать другія цѣли въ Вашей молодой жизни и отдаваться другимъ настроеніямъ.

А я, я много разъ говорилъ уже это Вамъ, не могу чувствовать себя удовлетвореннымъ только перепиской. Для меня въ ней есть всегда кое-что половинчатое, кое-что ложное.

Я вижу, я мучительно чувствую, что не могу отдаваться сполна и цѣликомъ моему настроенію.—Это лежитъ въ моей натурѣ и не поддается перемѣнѣ.

Вы такая тонко чувствующая, такъ инстинктивно проницательная. Поймите это такъ, какъ я это думаю. А когда мы снова встрѣтимся, я объясню Вамъ все подробно. А до тѣхъ поръ всегда Вы останетесь у меня въ мысляхъ. И тѣмъ больше, что эта обременительная половинчатость и обмѣнъ письмами не будутъ мѣшать.

Тысячу привѣтствій

Вашъ *Г. И.*

XII.

Мюнхенъ, 18-го сентября 1890 г.

Фрёкенъ Эмилія!

Съ глубокимъ участіемъ я прочелъ Ваше грустное сообщенье. Будьте увѣрены, что я въ особенности въ это тяжелое для Васъ и Вашей матушки время былъ съ Вами всѣми моими лучшими мыслями и теплыми чувствами. Скорбь о потери Вашего отца выражена въ вашемъ миломъ письмѣ такъ захватывающе и трогательно, что я почувствовалъ себя глубоко взволнованнымъ.

И такъ внезапно, такъ неожиданно, такъ неподготовленно Васъ застигъ этотъ ударъ судьбы. Я съ умысломъ отложилъ мой отвѣтъ на сегодня—утѣшать въ такихъ случаяхъ невозможно. Только время сможетъ залѣчить рану, нанесенную Вашей душѣ. И будемъ надѣяться, это придетъ, хотя и мало по малу. Я всѣмъ сердцемъ понимаю Васъ, когда Вы глубоко жалуетесь, что не были около Вашего отца въ послѣднее время. Но я думаю, что, можетъ быть, это лучше.

Надѣюсь, что это письмо застанетъ еще Васъ въ Альтъаусзе. Да будетъ для Васъ пребываніе тамъ благодѣтельно.

Моя жена и сынъ въ настоящее время въ Ривѣ и останутся тамъ,

---

[1]) Фрекенъ Бардахъ поступила по желанію Ибсена и написала ему только полгода спустя, по случаю смерти своего отца.

вѣроятно, до середины октября, а, можетъ быть, и дольше. И такъ, я живу здѣсь одинъ и не могу отсюда уѣхать. Но объемистая драма, которою я сейчасъ занятъ, будетъ, насколько я могу предвидѣть, готова только въ октябрѣ, хотя я ежедневно и по цѣлымъ днямъ сижу за письменнымъ столомъ. Кланяйтесь, пожалуйста, Вашей уважаемой матушкѣ, а сами примите съ дружескимъ расположеніемъ тысячу сердечныхъ привѣтствій отъ неизмѣнно Вамъ преданнаго.

Генрика Ибсена.

XIII.

Мюнхенъ, 30-го декабря 1890 г.

Ваше милое письмо я получилъ. А также и колокольчикъ съ красивой картинкой. Я Вамъ благодаренъ отъ всего сердца. Моя жена находитъ, что картина хорошо нарисована. Но я прошу Васъ: не пишите пока больше ко мнѣ.

Когда обстоятельства измѣнятся, я Вамъ сообщу. Я Вамъ скоро пошлю мою новую драму. Примите ее дружески, но молча.

Какъ хотѣлъ бы я Васъ снова увидѣть, говорить съ Вами. Счастливаго новаго года Вамъ и Вашей матушкѣ желаетъ неизмѣнно Вамъ преданный

Генрикъ Ибсенъ.

Замѣчаніе. Фрёкенъ Бардахъ на это письмо не отвѣтила. Только 7 лѣтъ спустя она ему телеграфировала, поздравляя съ 70-ти лѣтнимъ днемъ рожденія. Въ отвѣтъ она получила его фотографію и слѣдующія строки.

XIV.

Христіанія, 13-го марта 1898 г.

Сердечно любимая Фрёкенъ!

Примите мою глубокую благодарность за Ваше письмо. Лѣто въ Госсензасѣ было самымъ счастливымъ, самымъ лучшимъ во всей моей жизни.

Не смѣю о немъ думать, но долженъ это постоянно—постоянно!

Вѣрный и преданный Вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Переводъ съ датскаго **Р. Тираспольской.**

ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ.

П. Дюкро.

Переводъ съ французскаго. **А. Т.**

Изъ всѣхъ враговъ энциклопедистовъ самымъ неутомимымъ и мужественнымъ былъ Фреронъ, очень мѣтко прозванный «пугаломъ философовъ». Атеистъ, какъ и Дидро, и, какъ и онъ, стоя во главѣ настоящей энциклопедіи, — его журналъ давалъ отчетъ обо всемъ, во всѣхъ областяхъ знанія,—Фреронъ двадцать семь лѣтъ сражался съ философами съ упорствомъ бретонца и мужествомъ настоящаго критика.

Хорошій ученикъ іезуитовъ, оставшійся имъ всю жизнь, онъ мало зналъ и искренно удивлялся, какъ люди рѣшались въ вопросахъ религіи и литературы думать иначе, чѣмъ думали великіе писатели предшествовавшаго вѣка. Это былъ классикъ, запоздавшій въ вѣкѣ просвѣщенія, но уже по этому самому способный, — если не оцѣнить оригинальность философской мысли, такъ, по крайней мѣрѣ, критически отнестись къ плохому слогу философовъ. Онъ происходилъ, со стороны матери, отъ поэта, который когда-то былъ «тираномъ словъ и слоговъ», и, чтобы не отстать отъ своего предка, не боялся напоминать самому Вольтеру о начальныхъ правилахъ грамматики. Такъ онъ писалъ, съ важностью школьнаго учителя, что «произведенія Вольтера кишатъ грамматическими ошибками». Зато онъ обладалъ двумя качествами, весьма цѣнными въ критикѣ: ироніей, которую, за исключеніемъ Вольтера, энциклопедисты рѣдко пускали въ ходъ, — и хорошо дѣлали, — и умѣренностью, которой такъ мало отличались его враги: даже самый умный изъ нихъ меньше всего сдерживался въ своихъ выраженіяхъ.

Съ такими доспѣхами Фреронъ выступаетъ въ походъ противъ энциклопедистовъ. Не довольствуясь собственными насмѣшками надъ неумѣньемъ работниковъ, возводящихъ «Вавилонскую башню», онъ ищетъ всюду помощниковъ и заставляетъ писать себѣ письма, дѣйствительныя или мнимыя, съ возраженіями по поводу иногда забавныхъ ошибокъ и иногда дерзкихъ плагіатовъ энциклопедистовъ. То онъ поздравляетъ себя съ новостью; оказывается, *олень* обладаетъ способностью достигать «разумнаго возраста». То «воины», члены магистратуры и даже повара, возмущаются статьями, касающимися ихъ профессій; лакеи XVIII вѣка громко критикуютъ «нѣкоторые соусы, указанные (и подробно объясненные) въ этомъ сборникѣ нашихъ знаній». То какой-то Мерсене д'Егюи доказываетъ, вооружившись текстами, что у него слово въ слово украли его статью *граверъ*, напечатанную въ *Меркуріи* Но развѣ весь словарь, восклицаетъ Фреронъ, «что-либо иное, какъ не новое, плохо задуманное и плохо исполненное изданіе

множества уже напечатанныхъ раньше книгъ?» Причемъ Фреронъ не безъ основанія прибавляетъ, — это относилось уже прямо къ Дидро, какъ къ автору философскихъ статей,—что многіе философскіе взгляды были отовсюду понадерганы и, гравнымъ образомъ, взяды изъ Словаря Брюкера. Однако на него не ссылались, такъ какъ о своихъ кредиторахъ говорить не принято!

Наконецъ, обращаясь непосредственно къ обоимъ главарямъ предпріятія, онъ, во первыхъ, утверждалъ, опираясь на рядъ встрѣченныхъ имъ безсмыслицъ, что переводчикъ Тацита, Даламберъ, «забылъ элементарныя свѣдѣнія по латинскому языку», и, во вторыхъ, извинялся въ томъ, что не понимаетъ «высокопарной галиматьи» Дидро, Или, цитируя фразу послѣдняго, «эта статья подвергнется обрѣзанію наравнѣ съ другими», Фреронъ прибавлялъ, ядовито намекая на одно изъ другихъ неудачныхъ выраженій Дидро: «согласитесь, милостивый государь, что такъ не писали даже «въ вѣкъ безвкусія».

Кто другой, кромѣ Дидро, могъ принять на свой счетъ слѣдующее язвительное правило нашего критика: «Всѣ согласны съ тѣмъ, что нужно вкладывать огонь въ произведеніе, но такой, который бы согрѣвалъ его, а не сжигалъ». Въ другомъ мѣстѣ у него встрѣчается не менѣе удачное замѣчаніе: «Они открыли, что при помощи энтузіазма вѣрнѣе всего познаются свойства вещей», и онъ отсылаетъ читателя къ разговорамъ въ «Незаконномъ сынѣ», чего могъ бы и не дѣлать.

Во всѣхъ этихъ нападкахъ, оскорбительныхъ, какъ сама истина, Фреронъ говоритъ, какъ критикъ, — а ему отвѣтили грубой бранью, которая должна быть вдвойнѣ поставлена въ вину обидчикамъ, такъ какъ она позорила его доброе имя передъ потомствомъ. Дидро, въ своемъ «Опытѣ исторіи Клавдія и Нерона», назвавъ нѣкоего Суилія мошенникомъ, прибавляетъ, говоря о Фреронѣ: «Когда какому-нибудь цензору въ этомъ родѣ приходится защищать такихъ Суиліевъ, можетъ быть, онъ защищаетъ самаго себя». Гриммъ ухитряется перещеголять Дидро въ этихъ злостныхъ выходкахъ. Онъ сообщаетъ своимъ благороднымъ корреспондентамъ въ Германіи, что Фреронъ совершилъ путешествіе въ Нижнюю Бретань съ тѣмъ, чтобы получить наслѣдство отъ племянницы, которая «выгодно торговала своими прелестями въ наиболѣе посѣщаемыхъ провинціальныхъ портахъ». Затѣмъ, повторяя одну неприличную шутку Вольтера на счетъ Фрерона, онъ разсказываетъ, со своей нѣмецкой развязностью, что, когда этотъ журналистъ пріѣхалъ въ Брестъ, начальникъ галеръ спросилъ его, не пріѣхалъ-ли онъ туда, чтобы вступить во владѣніе своей бенефиціей. Когда Фрерона собираются засадить въ Фортъ-Левекъ за то, что онъ имѣлъ дерзость критиковать актрису Клеронъ, Гриммъ забавляется надъ тѣмъ, что Алиборонъ-Фреронъ, во избѣжаніе тюрьмы, обращался къ покровительству французской королевы. И онъ смѣется надъ этимъ, когда самъ игралъ роль пошлаго льстеца при Екатеринѣ и мелкихъ германскихъ князькахъ. Вообще Гриммъ отзывается о Фреронѣ, который все-таки былъ его собратъ, въ такомъ шутливомъ тонѣ, какъ будто онъ не считаетъ его даже достойнымъ своего гнѣва, и самъ, бывшій любовникомъ, хуже того—гостемъ М-me д'Епинэ, иронически называетъ его «добродѣтельнымъ Фрерономъ».

Извѣстно, что Вольтеръ переполнилъ чашу оскорбленій, поставивъ свою «Шотландку». Энциклопедисты сдѣлали ошибку, аплодируя этой сатирѣ послѣ своихъ громкихъ жалобъ на *Философовъ* Палиссо. Двадцать лѣтъ спустя послѣ этого скандальнаго представленія, Дидро

осмѣливался еще говорить: «Благодаря «Шотландкѣ» мы нѣсколько Разъ въ годъ на полъ часа вспоминаемъ, что существовалъ нѣкій Уаспъ [1]), который постоянно клялся, но никогда не держалъ пари». рамъ, слава Богу, не надо говорить о «Шотландкѣ»; замѣтимъ только, что представленіе этой злостной пьесы, злостной во всѣхъ значеніяхъ этого слова, состоялось 29 го іюля 1760 г., а 20-го сентября 1759 г. тотъ, кого Вольтеръ называлъ «плутомъ и осломъ»,—мы приводимъ только самыя мягкія изъ его выраженій,—писалъ о М-me дю Шателе слѣдующее: «Память о ней дорога всѣмъ, кто зналъ ее близко и былъ въ состояніи убѣдиться въ широтѣ ея ума и величіи ея души». И далѣе—о самомъ Вольтерѣ и его *Философіи Ньютона:* «Никогда поэзія не поднималась на такую высоту». Эти трогательныя выраженія о подругѣ, такъ горько, какъ говорятъ, оплаканной, и столько искреннихъ похвалъ «магической силѣ его стиля» удержали бы всякаго другого, за исключеніемъ Вольтера, отъ выставленія на публичное осмѣяніе человѣка, виновнаго только въ томъ, что онъ свободно говорилъ о произведеніяхъ Вольтера.

Но въ этомъ именно и состояло ужасное преступленіе «литературнаго осла»: вѣдь весь лагерь энциклопедистовъ находилъ, что профессіональный критикъ, который отъ времени до времени не поетъ *te Dortidium* или, по меньшей мѣрѣ, *te Voltarium*. не можетъ не быть очень скверным человѣкомъ. Настоящіе негодяи,—возражалъ Фреронъ,—тѣ, кто старается очернить честнаго человѣка. Повидимому, въ обществѣ принято клеветать и безчестить ближняго, и запрещено говорить, что такой-то написалъ плохую книжку. Критика произведеній есть дѣло ума, и чувство тутъ не причемъ. Если считать человѣка дурнымъ за его дурной отзывъ о трагедіи, нашлось бы, навѣрное, много скверныхъ людей. Можно быть добрымъ гражданиномъ и находить большую часть произведеній нашего вѣка жалкими. Чтобы Вольтеръ о немъ ни говорилъ, а этотъ «прохвостъ» и разумно, и стойко отстаиваетъ право критики. Въ одномъ письмѣ къ Петру Руссо, редактору «Энциклопедическаго журнала», Вольтеръ притворяется, что не понимаетъ разницы между литературной критикой и «сатирой въ прозѣ, этимъ жалкимъ произведеніемъ», говоритъ, что, «по его мнѣнію, немного смѣло браться за оцѣнку всякихъ произведеній; лучше было самому писать хорошія вещи». На это нелѣпое возраженіе, которое ему еще раньше Вольтера дѣлали менѣе умные люди, Фреронъ тогда-же возражалъ не безъ остроумія: «Если не хватаетъ таланта писать плохія драматическія произведенія, можно все-таки обладать достаточнымъ здравымъ смысломъ и развитіемъ, чтобы судить о нихъ. Вѣдь и тѣмъ, кто апплодируетъ, слѣдовало бы сказать: прежде чѣмъ находить эту трагедію хорошей, напишите сами что-нибудь лучше. Да развѣ для того, чтобы умѣть распознавать хорошее и дурное, требуется не одинаковое развитіе? Но поэты никогда не требуютъ отъ своихъ поклонниковъ того, чего требуютъ отъ своихъ критиковъ». Въ сущности, Вольтеръ не могъ простить Фрерону его проницательности, такъ какъ мало кто изъ современниковъ такъ хорошо понималъ и такъ ясно опредѣлялъ, какъ Фреронъ, чего недоставало Вольтеру: «Я думаю, что нельзя быть способнѣе Вольтера, и, можетъ быть, онъ первый, сумѣвшій замѣнить геніальность силой ума».

---

[1]) Англійское Wasp по французски Frelon, т. е. шершень и литературный воръ, а фамилія писателя—Fréron. Примѣч. перев.

Наконецъ, онъ нападаетъ не на частную жизнь, какъ это недобросовѣстно дѣлаютъ его противники, а только на произведенія писателей, и, защитникъ трона и алтаря, онъ одинъ, въ этой продолжительной борьбѣ, былъ настоящимъ борцомъ за свободу. У него хватило мужества до конца присутствовать на представленіи «Шотландки», слышать, какъ его со сцены бранятъ «плутомъ, гадиной и паукомъ», и у него хватаетъ самообладанія написать, въ формѣ отчета, остроумное «Донесеніе о великомъ сраженіи, происходившемъ во «Французской Комедіи». Дидро (Dortidius), какъ говорится въ отчетѣ, сидѣлъ въ партерѣ въ центрѣ арміи энциклопедистовъ. Его единогласно избрали въ генералы: «его лицо пылало, глаза смотрѣли свирѣпо, волосы были растрепаны, всѣ чувства возбуждены, какъ это бываетъ съ нимъ, когда, подъ вліяніемъ божественнаго вдохновенія, онъ изрекаетъ съ высоты философскаго треножника свои пророчества. Этотъ центръ заключалъ въ себѣ цвѣтъ войска, т.-е. всѣхъ, работающихъ надъ великимъ словаремъ, пріостановка котораго «вырвала стонъ изъ груди Европы» (выраженія Вольтера). Тотъ же Дидро докладываетъ, послѣ побѣды, о перипетіяхъ сраженія всѣмъ,—философскому Сенату, засѣдающему въ Тюльери: «Храбрый Dortidius изложилъ ходъ событій высокимъ, но непонятнымъ слогомъ». Развѣ человѣкъ, способный колоть философовъ такими острыми эпиграммы, не заслуживалъ «желѣзнаго ошейника»? Какъ же слѣдуетъ отнестись, восклицаетъ Вольтеръ къ де-Малербу, который терпитъ подобныя «низости?— если Фреронъ послѣдній изъ людей, то его покровитель, навѣрное, предпослѣдній».

Не одинъ Вольтеръ, со свойственнымъ ему потокомъ ругательствъ по адресу противниковъ, требовалъ, чтобы Фрерону зажали ротъ. Другой проповѣдникъ терпимости, Даламберъ, въ своемъ заявленіи директору по дѣламъ печати, какъ мы сейчасъ увидимъ, придравшись къ пустому поводу, хотѣлъ подвергнуть этого независимаго журналиста строгой отвѣтственности: «Въ одномъ мѣстѣ *Какуаковъ* (Даламбера безпокоили *Какуаки!*) говорится о геометріи. Фреронъ, приводя это мѣсто, дѣлаетъ примѣчаніе, въ которомъ цитируетъ одно изъ моихъ сочиненій, чтобы показать, что авторъ подразумѣвалъ здѣсь меня. Мои друзья поставили мнѣ на видъ, что обвиненія автора *Какуаковъ* (на самомъ дѣлѣ—безобидныя пошлости) слишкомъ серьезны и слишкомъ жестоки, чтобы я могъ позволять припутывать къ нимъ мое имя; поэтому осмѣливаюсь принести вамъ жалобу на Фрерона за комментаріи, которыя онъ написалъ по моему адресу, и просить васъ разобрать это дѣло». Тогда то Малербъ, несмотря на свое расположеніе къ философамъ, не выдержалъ и написалъ къ Морелле приведенное выше письмо: оно осталось на совѣсти энциклопедистовъ. Фреронъ, въ концѣ концовъ, имѣлъ право сказать въ своей «Литературной гадинѣ:» «Философы, и во главѣ ихъ г. Вольтеръ, постоянно жалуются на преслѣдованія, а сами, преслѣдуя меня, пустили въ ходъ всю свою силу и всю свою ловкость». Онъ былъ также правъ, когда писалъ Фавару: «Развѣ я жаловался кому-нибудь на «Шотландку?» Я рѣшился не обращать вниманія на эту гадкую и грубую сатиру».

Итакъ, мы можемъ закончить этотъ краткій очеркъ о Фреронѣ словами Кондорсе, но придавая этимъ словамъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ придавалъ имъ авторъ: «Фреронъ выдвинулся въ войнѣ съ энциклопедистами». И если вина Вольтера, что Фреронъ, по сло-

вамъ того же Кондорсе, «подъ конецъ жизни влачилъ осмѣянное и опозоренное имя», то съ другой стороны обязанность каждаго безпристрастнаго критика отомстить за Фрерона его врагамъ; если имъ и удалось, по выраженію Гете, «исказить его черты въ глазахъ потомства», то еще больше удалось запятнать самихъ себя тѣмъ ожесточеніемъ, съ которымъ они старались его очернить.

ГЛАВА V.

Сущность спора.

Таковы были главные защитники церкви. Не у всѣхъ ихъ въ рукахъ было одинаковое оружіе, и не всѣ они владѣли имъ одинаково искусно или, можетъ быть, одинаково не искусно. Но теперь, когда читатель уже знакомъ съ людьми и ихъ произведеніями, попытаемся,— это имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ доблесть самихъ борцовъ,— выдѣлить и разобрать основныя идеи, которыя по мѣрѣ силъ отстаивали анти-энциклопедисты противъ дерзкаго скептицизма противниковъ.

Мы показали въ первой главѣ, что послѣдовательныя завоеванія философской мысли опредѣляются, въ сущности, слѣдующими тремя словами, которыя можно бы написать на фронтонѣ зданія энциклопедіи: *природа*, *разумъ и человѣчность*. Всматриваясь ближе, мы увидимъ дѣйствительно, что энциклопедисты, во всѣхъ своихъ нападкахъ на католическую церковь, боролись-ли они съ религіозными истинами или съ религіозными обычаями, всегда противопоставляли имъ одно изъ этихъ трехъ понятій. Итакъ, посмотримъ, каковъ былъ по существу отвѣтъ этой церкви на основныя возраженія, сдѣланныя ей устами философовъ отъ лица природы, разума и человѣчности, такъ какъ, несомнѣнно, вся сущность спора въ этомъ.

Во имя *природы*, ея незыблемыхъ законовъ, ея властныхъ и законныхъ требованій боролись философы съ вѣрой въ баснословное, въ существованье сверхъестественныхъ созданій, вродѣ демона, боролись, наконецъ, съ аскетизмомъ, и, въ особенности, съ безбрачіемъ духовенства.

Безъ сомнѣнія, ученіе католической церкви составляло одно цѣлое, и защитники его думали, что, допусти они вынуть изъ него хоть одно звено, все зданіе грозило бы паденіемъ. И они не безъ основанія охраняли неприкосновенность всѣхъ ея частей.

Тѣмъ не менѣе, было большой ошибкой такъ упорно привлекать вниманіе людей на части зданія, уже отжившія свой вѣкъ: не надо было, во что бы то ни стало, настаивать на тѣхъ доказательствахъ истинности католицизма, которыя больше всего противорѣчили духу времени. Если бы всѣ апологеты католичества руководились болѣе вѣрными соображеніями, они должны были бы, говоря о догматахъ, наиболѣе насиловавшихъ человѣческій разумъ, слѣдовать благому совѣту своего злѣйшаго врага: скользите, господа теологи, но не настаивайте.

Защитники католицизма рѣдко шли на уступки духу времени. Напрасно, во времена энциклопедіи, наука быстро шла впередъ, и, что еще важнѣе, напрасно энциклопедисты популяризировали научныя от-

крытія,—католическое міровоззрѣніе оставалось незыблемымъ, и продолжало предавать анаѳемѣ все, что противорѣчило взглядамъ Моисея или Исайи. Нѣкогда, устами папы Захарія, церковь осудила епископа, который, вопреки Августину, вѣрилъ въ существованіе антиподовъ. Въ XVII вѣкѣ церковь заключила въ тюрьму Галилея, такъ какъ его геліоцентрическая теорія мѣшала Іисусу Навину остановить солнце. Точно также, въ XVIII вѣкѣ, католическая церковь не задумалась осудить прекрасную теорію Бюффона и замѣчательныя открытія Ньютона, такъ какъ тѣ и другія не согласовались съ представленіями о небѣ и землѣ, установленными шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ. Законъ тяготѣнія, по мнѣнію Бержье, просто «химера» [1]); по мнѣнію аббата Линьяка, теоріи Бюффона—«философскія бредни» и даже, какъ думаетъ Шоме, злостныя бредни, такъ какъ, если энциклопедисты превозносятъ «теорію земли», то этимъ они хотятъ дать понять, что міръ древнѣе, чѣмъ о немъ думаютъ, «а извѣстно, къ чему это клонится» [2]). Намъ возражаютъ, говорилъ другой, на основаніи системы Ньютона; но вполнѣ ли установлено, что Богъ не могъ остановить землю и луну, не останавливая въ то время всѣ остальныя планеты [3])?

Когда имъ указывали на то, что, согласно непогрѣшимымъ разсказамъ Бытія, Богъ сотворилъ будто бы свѣтъ за четыре дня до сотворенія солнца: «Что-жъ такое!—отвѣчали они, не смущаясь: развѣ Богъ не могъ создать огонь, т.-е. свѣтъ, раньше солнца»? Интересно послушать еще по этому поводу аббата де Линьяка: «Въ исторіи Моисея свѣтъ былъ сотворенъ и отдѣленъ отъ тьмы раньше, чѣмъ появилось солнце, а въ системѣ Бюффона существованіе солнца предшествуетъ отдѣленію свѣта отъ тьмы. Можно ли болѣе открыто противорѣчить исторіи міра» [4])? Слѣдовало бы по настоящему зажать за это ротъ Бюффону! На вопросъ, куда же дѣвалась вода послѣ потопа, они спокойно отвѣчали: «Богъ заключилъ излишекъ воды туда, откуда онъ ее взялъ, или въ какое-нибудь другое мѣсто» [5]).

Такимъ образомъ, благодаря стараніямъ обѣихъ сторонъ, пропасть между философами и католиками все раздвигалась. Но противорѣчія между католицизмомъ и наукой и невозможность служить одновременно имъ обоимъ были опаснѣе для католичества, чѣмъ для науки, такъ какъ въ вѣкъ Ньютона и Даламбера нельзя уже было отказаться отъ науки. Итакъ, если бы защитники церкви лучше понимали ея интересы, они не стали бы усиливать и подчеркивать разногласіе между нею и наукой. Не стали бы писать книгъ съ такимъ безсмысленнымъ заглавіемъ: «Противорѣчіе между религіей и природой» и указывать на это противорѣчіе такъ рѣзко, какъ это дѣлалъ авторъ, отецъ Ричардъ: «Естественное объясненіе вещей допустимо настолько, насколько оно не расходится съ откровеніемъ; но если даваемыя объясненія становятся въ *противорѣчіе* съ откровеніемъ, несомнѣнно—они *ложны*; ибо, если бы они не были ложны, мы должны бы были допустить, что *Богъ солгалъ*». Ужасная дилемма, которая была на руку философамъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ было невозможно считать научныя открытія ложными и утверждать, что Моисей, какъ натуралистъ, стоялъ

---

[1]) „Examen du Matérialisme", 1771, I, 73.
[2]) „La petite Encyclopédie"; art „Philosophie".
[3]) Bergier, „Apolog", I, 283.
[4]) „Lettres à un Américquain" (six) sur l'Hist. naturelle générale et particuliére de M. Buffon". Hambourg, 1756 (en neuf volumes). I.
[5]) De Lignac, I, 153.

выше Бюффона, и философы съ радостью остановились на второмъ заключеніи, что истолкователи «*солгали*».

Приходилось также мириться и съ *демонами*, которые пользовались и даже злоупотребляли своимъ правомъ губить несчастныхъ сумасшедшихъ; ихъ жгли на кострахъ, какъ колдуновъ и кудесниковъ. Церковь поддерживала это ужасное суевѣріе, заставляя читать съ кафедры, по старымъ *требникамъ*, молитвы, которыя должны были изгонять бѣсовъ и пугать дьявола. Надо, впрочемъ, прибавить, что вина въ данномъ случаѣ ложится не на одну церковь, что удивительные приговоры магистратуры, направленные противъ колдуновъ, оправдывали поведеніе священниковъ [1]). Мало того,—когда философы съ торжествомъ указывали, что «дьявольскія навожденія» рѣдкость въ XVIII в., именно одинъ изъ членовъ судейскаго сословія, ожесточеннѣйшій противникъ философовъ, Мюйяръ де Вугланъ взялся отвѣчать имъ. Отвѣтъ его настолько забавенъ, глупая проницательность судей того времени выступаетъ въ немъ такъ ясно, что стоитъ привести этотъ отвѣтъ: «Развѣ нельзя обратить противъ теорій нашихъ вольнодумцевъ логическій выводъ изъ того факта, что дьявольскія навожденія стали очень рѣдки въ нашъ вѣкъ? Если примѣры навожденій повторялись чаще во времена невѣжества, такъ это потому, что въ то время всѣ вѣрили, такъ что дьяволъ могъ соблазнять людей только при помощи суевѣрія. А въ нашъ вѣкъ, когда люди кичатся своимъ невѣріемъ и сомнѣніемъ въ самыхъ незыблемыхъ истинахъ, подобныя знаменія, подтверждающія существованіе демоновъ, повели бы неизбѣжно къ ниспроверженію того самаго царства, которое врагъ человѣческаго рода такъ старается расширить и укрѣпить» [2]) (царство скептицизма). Такимъ образомъ дьяволъ скрывался, чтобы не мѣшать философамъ, такъ какъ они хотя и отрицали его, работали въ сущности въ его пользу, увеличивая число невѣрующихъ. Тутъ ужъ такое коварное хитросплетенье, что въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признать тутъ вліянія злого духа.

Философы осуждали и осмѣивали *безбрачіе*, какъ безсмысленный и дерзкій вызовъ той же *природѣ*. Мы избавимъ читателя отъ ихъ шутокъ (впрочемъ онѣ стали ходячими среди французовъ) надъ монахами и монастырями. Насъ интересуютъ только отвѣты анти-энциклопедистовъ на нападки философовъ по этому щекотливому вопросу. Философы утверждали, что въ глазахъ церкви бракъ самъ по себѣ проступокъ. Ни въ какомъ случаѣ, возражали богословы, любители лукавыхъ разграниченій: «воздержаніе есть только болѣе совершенное состояніе, пригодное для небольшого кружка избранныхъ, которыхъ Богъ предназначилъ къ этому»! Но этотъ небольшой кружокъ, эти избранные, между прочимъ болѣе совершенны именно потому, что они не вступаютъ въ бракъ; для нихъ вступить въ бракъ значило бы пасть и унизиться,—слѣдовательно, въ глазахъ католиковъ бракъ есть проступокъ. Философы указывали еще на то, что безбрачіе уменьшаетъ народонаселеніе. Тѣмъ лучше,—восклицалъ въ своемъ пастырскомъ посланіи въ 1763 г. добрый епископъ Пюйскій,—какая это удивительная предусмотрительность со стороны церкви—если бы всѣ же-

---

[1]) См. рѣшенія Парижскаго парламента у P. Le Zrun: *Hist. critiq des pratiques superstitieuses*, IV, 451.

[2]) M. de Vouglans *Lois criminelles de la France dans leur ordre natural*, édit. 1780, III, 103..

нились, «земля оказалась бы слишкомъ тѣсной, чтобы вмѣстить людей, и *трава* слишкомъ короткой, чтобы ихъ накормить». Разъ дѣло шло о томъ, чтобы сберечь траву для цѣломудренныхъ аббатовъ, то у кого хватило бы жестокости лишать ихъ этого угощенія? Кавейракъ (Caveyrac), какъ человѣкъ болѣе догадливый, чѣмъ епископъ Пюйскій, нашелъ довольно смѣлое возраженіе, зажалъ имъ ротъ не одному философу и привлекъ насмѣшниковъ на сторону церкви: «почему же наши академики и философы сами не женятся? Почему они не слѣдуютъ примѣру Тирако (Tiraqueau), этой образцовой парочки, гдѣ жена каждый годъ приносила по ребенку, а мужъ разрѣшался отъ бремени томомъ». На этотъ разъ Даламберъ не сталъ отвѣчать Кавейраку.

По мнѣнію отца Гриффе, «Вольтеръ всегда исходитъ изъ ложнаго принципа, что законы природы непреложны». Вѣроятно, въ опроверженіе этой мнимой непреложности, Бержье писалъ: «Этотъ текстъ означаетъ *только*, что у Ѳарры стали рождаться дѣти на семидесятомъ году, *также* какъ у Ноя—на сто пятомъ»! Развѣ не правъ былъ Паскаль, написавшій слѣдующія знаменательныя слова, которыя аббатство Портъ-Руаяля (Port-Royal) поспѣшило исправить: «Религія, *противорѣчащая природѣ*, противорѣчащая здравому смыслу, есть единственная религія, которая всегда существовала»?

Католическая церковь, какъ мы видѣли, безусловно отвергала и *природу* съ ея правами и науку съ ея завоеваніями, какъ только природа и наука расходились съ традиціями. Но развѣ окончательная провѣрка не должна принадлежать разуму? А въ такомъ случаѣ католикамъ предстояло снизойти до защиты своихъ убѣжденій передъ упрямыми резонерами-энциклопедистами. Здѣсь передъ лицомъ разума положеніе католической церкви уже менѣе прочно, чѣмъ передъ лицомъ тогдашней науки. Католическая церковь, едва ступивъ на скользкій путь спора, который, какъ она хорошо знаетъ, ведетъ къ гибели, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и круто поворачивала назадъ, прикрываясь своей непогрѣшимостью. Надо сознаться, теологи очутились въ скверномъ положеніи: отказываясь разсуждать, они оставляли поле битвы за философами и своимъ невыгоднымъ молчаніемъ какъ бы признавались въ своемъ безсиліи и бросали церковный корабль, безъ снастей на произволъ лжи и нечестія. Когда же, напротивъ, они соглашались обсуждать основы своихъ взглядовъ, то попадали въ ловушку, которой не съумѣлъ бы избѣгнуть ни одинъ апологетъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу. Вводя въ свой споръ съ противниками элементъ разума, они тѣмъ самымъ допускали, что авторитетъ требуетъ доказательствъ, иными словами подрывали этотъ авторитетъ. Они признавали за разумомъ права, которыми разумъ немедленно пользовался для расширенія области своихъ изслѣдованій и завоеваній. Имъ приходилось преслѣдовать двѣ цѣли, другъ друга исключающія: доказать, такъ какъ они обращались къ невѣрующимъ, истинность религіи, единственнымъ доказательствомъ которой служитъ признаніе ее людьми, ее исповѣдующими. Тогда они стали ссылаться то на разумъ, то на авторитетъ, и въ своихъ безсвязныхъ апологіяхъ, перемѣшивать, доказательства съ бранью и проклятіями.

Большинство изъ нихъ пытается отвести разуму мѣсто, по возможности самое маленькое мѣсто, и различаетъ два рода изслѣдованія: изслѣдованіе доказательствъ откровенія и изслѣдованіе откровенныхъ догматовъ. «Первое—необходимо,—говоритъ Бержье,—и къ тому же очень легко, такъ какъ факты, которыми бываетъ засвидѣтельствовано

откровеніе, настолько достовѣрны, что самый невѣжественный человѣкъ можетъ въ нихъ убѣдиться. Но разъ только достовѣрно извѣстно, что тотъ или другой догматъ сообщенъ путемъ откровенія, наша религія запрещаетъ разуму изслѣдованіе этого догмата». Нужно еще, заявляетъ Бержье, чтобы истина откровенія бросалась въ глаза, и чтобы невозможно было отрицать факты, которые его устанавливаютъ. Вольтеръ замѣчаетъ, «что надо быть очень способнымъ, чтобы понимать пророчество» [3]). Понимать нѣтъ никакой надобности, говорили въ свою очередь теологи; достаточно *познать* истины, кажущія съ перваго взгляда, по выраженію Паскаля, «нѣкоторой натяжкой». Какъ будто можно познать то, чего совершенно не понимаешь! Такимъ образомъ то, что они называли «разумнымъ подчиненіемъ», было, въ концѣ концовъ, подчиненіемъ разума. Они говорили, напримѣръ, что «очевидная истина не перестаетъ пребывать таковой, хотя ей и противопоставляютъ неразрѣшимыя трудности» [4]). Основы божественныхъ истинъ по самой природѣ вещей, говорилъ другой, не подлежатъ суду разума, поэтому самое *разумное* вѣрить, не понимая ихъ [5]).

Во всякомъ случаѣ плохъ методъ, который отказывается убѣждать насъ доводами; лучше наивный методъ тѣхъ защитниковъ католичества, которые только выставляли на видъ заблужденія энциклопедистовъ, полагая, что скептицизмъ философовъ неизбѣжно приведетъ всѣхъ въ ужасъ и явится самымъ лучшимъ опроверженіемъ.

Но есть еще другой способъ вести споръ; онъ скорѣе разрѣшаетъ всѣ недоразумѣнія: надо увѣрять, что противникъ—или негодяй, или дуракъ: «чтобы быть скептикомъ, спокойно говоритъ Бержье, надо дойти до полнаго отупѣнія». Правда, на этой почвѣ, на почвѣ ругательствъ, философы, съ чѣмъ ихъ нельзя поздравить, одержали блестящую и легкую побѣду.

Философы, по крайней мѣрѣ, имѣли полное основаніе осыпать своихъ противниковъ бранью, когда, во имя третьяго принципа, начертаннаго на ихъ знамени, во имя *человѣчности*, они возмущались нетерпимостью духовенства. Было-ли ихъ негодованіе справедливо, — это мы сейчасъ увидимъ. Вообще нетерпимость XVIII вѣка извѣстна только по тѣмъ знаменитымъ жертвамъ, защиту которыхъ взяли на себя философы. Но здѣсь будетъ вполнѣ умѣстно вкратцѣ въ подлинныхъ выраженіяхъ, изложить нѣкоторыя изъ странныхъ правилъ, которыя были формулированы въ то время гонителями; и они съ невозмутимымъ спокойствіемъ противопоставляли ихъ тому, что пренебрежительно называли философскимъ духомъ вѣротерпимости.

Прежде всего надо изгнать всѣхъ свободомыслящихъ: развѣ католическая церковь не постановила разъ навсегда, что нужно думать и во что слѣдуетъ вѣрить? И въ то время, какъ философы вынуждены издавать свои произведенія безъ подписи или, если они хотятъ сохранить привилегіи, говорить не то, что думаютъ; въ то время, какъ однихъ, какъ, напримѣръ, Морелле, засаживаютъ въ Бастилію, а

---

[1]) *Apol.*, I. 478.
[2]) Pascal, édit. Havet I, 175.
[3]) *Dict. philosoph.*, art. *prophéties*.
[4]) Le P. Richard: его опроверженіе de Robinet, p. 40.
[5]) Le P. Gauchat: *Lettres critiques*, t. X. Боссюетъ сказалъ, по поводу таинствъ, „что нужно вѣрить и покланяться тому, чего мы не понимаемъ". (II Avertissement aux protestants).

относительно другихъ,—какъ это сдѣлали съ Руссо,—издаютъ постановленія объ арестѣ; въ это-то время нѣкій аббатъ Сенъ-Сиръ находитъ смѣшнымъ, что авторъ *Вступительной бесѣды* позволилъ себѣ заявить, будто «истинной философіи необходима свобода». Каждый разъ, какъ появляется хоть сколько-нибудь смѣлая книга на какую бы-то ни было тему, католическая церковь спѣшитъ всякими способами,—устами епископовъ въ генеральныхъ собраніяхъ, перомъ богослововъ и памфлетистовъ,—предать гнѣву Сорбонны, осужденію парламента и суровой карѣ короля невѣрующаго, «дерзнувшаго поднять голову», и мыслителя, осмѣлившагося сказать новое слово. «Развѣ на самомъ дѣлѣ, восклицаетъ одинъ богословъ, не свѣтская терпимость и создала успѣхъ деизма? Къ счастью, восклицаетъ онъ, перевѣсъ никогда не будетъ на вашей сторонѣ. Судъ пуститъ въ васъ молніеносную стрѣлу, которая заставитъ себя уважать больше, чѣмъ тѣ стрѣлы, которыми вы такъ давно пренебрегаете».

Что же говорили философы, чтобы вызвать такую ярость? Они говорили, что «воображать, будто существо, исполненное доброты и справедливости, было бы способно наказывать наши ошибки безконечными муками, значило бы, можетъ быть, наносить оскорбленіе Божеству», и что, съ другой стороны, было бы жестоко допускать, что безчисленное множество не знавшихъ Іисуса Христа должны быть невозвратно осуждены. На это Шоме отвѣчалъ, нисколько не смущаясь: «Какое же препятствіе находите вы къ тому, чтобы большая часть человѣческаго рода была предана на вѣчную погибель». Они говорили еще въ «Философскомъ Словарѣ» (Dictionnaire philosophique), что многимъ отцамъ церкви казалось безсмысленнымъ осуждать на вѣчныя муки несчастнаго бѣдняка, укравшаго какую-нибудь козу. Но Бержье не уступалъ: «Говорить, что безсмысленно подвергать за воровство вѣчному наказанію, значитъ открывать двери величайшимъ преступленіямъ» [1]). Они приводили изъ жизни Моисея тотъ фактъ, что онъ перебилъ сорокъ семь тысячъ Израильтянъ, и задавали себѣ вопросъ, имѣлъ ли право Моисей послѣ такой бойни заявлять, «что онъ самый мягкій изъ людей». Имѣлъ, отвѣчалъ, не задумываясь, тотъ же ученый Бержье, «такъ какъ Богъ повелѣлъ ему наказать ихъ».

Наконецъ, философы полагали, что въ ихъ вѣкъ (это было въ 1767 г., обратите вниманіе на годъ), когда разумъ достигъ такихъ успѣховъ, когда человѣчность, а, слѣдовательно, и вѣротерпимость расширили кругозоръ и смягчили сердце, можно бы печатать такія разумныя вещи, какъ, напр.: «Истина свѣтитъ собственнымъ свѣтомъ, нельзя просвѣщать умы пламенемъ костровъ». Но на что дерзнулъ Мармонтель? 21 января 1768 г. архіепископъ Парижскій велѣлъ читать съ кафедры во всѣхъ приходахъ и расклеить на всѣхъ углахъ Парижа, даже на дверяхъ французской академіи, такъ какъ виновный былъ академикъ, большое пастырское посланіе; въ немъ онъ пытался раздуть тѣ драгоцѣнные костры, на которыхъ, если не сжигали больше авторовъ, такъ, по крайней мѣрѣ. сжигали ихъ книги, и хоть этимъ оказывали нѣкоторую услугу Церкви. «Есть (сказалъ де-Бомонъ автору *Велизарія* не задолго до того, какъ онъ выпустилъ свое посланіе противъ него), есть одинъ пунктъ, относительно котораго я требую, чтобы торжественно и формально отреклись: это терпимость».

---

[1]) Apol., II, 562.

Въ отношеніи къ диссидентамъ и въ частности къ реформатамъ, католическая церковь восемнадцатаго вѣка громко проповѣдывала ту же нетерпимость, которая внушила Боссюету его побѣдную пѣснь по поводу отмѣны Нантскаго эдикта и продиктовала ему слѣдующую жестокую угрозу въ одномъ письмѣ къ Николь (Nicole): «Я преклоняюсь вмѣстѣ съ вами предъ начертаніями Всевышняго, которому угодно было, разсѣяніемъ нашихъ протестантовъ, открыть намъ тайну Своего негодованія и очистить Францію отъ этихъ чудовищъ» [1]). Не мѣшаетъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ католическая церковь исповѣдывала доктрину, жертвой которой она была сама въ началѣ своей исторіи, когда первыхъ христіанъ обвиняли въ томъ, что они враги государства: «Преслѣдуя насъ, думаютъ, что служатъ государству». «Религія, говоритъ Бержье, составляетъ часть государственныхъ законовъ; всякій, осмѣливающійся нападать на нее, становится виновнымъ передъ обществомъ, наравнѣ съ нарушителемъ законовъ гражданскихъ, поэтому онъ заслуживаетъ такого же наказанія». А епископъ Пюискій выражается еще рѣшительнѣе: «Всякій невѣрующій уже есть государственный преступникъ». Болѣе того; такъ какъ въ нетерпимость вѣрятъ только католики, но не протестанты,—по какому праву протестантъ долженъ быть терпимъ, разъ онъ заблуждается?— Тѣ, кого католики преслѣдуютъ, должны терпѣливо относиться къ этому. «Католическая церковь по всей природѣ нетерпима; въ этомъ состоитъ ея привилегія, ея слава, печать истины, ея отличительная черта, которой она на раздѣляетъ ни съ одной заблуждающейся сектой. Протестанты обязаны быть терпимы по отношенію къ католикамъ, хотя послѣдніе и не терпятъ ихъ».

Изъ этихъ удобныхъ для нихъ принциповъ католики, съ безжалостной логикой, дѣлали слѣдующіе выводы. Имъ говорили: эти люди, которыхъ вы хотите осудить, принадлежатъ, однако, къ одному обществу съ вами; какія же отношенія установятся въ будущемъ между ними и вами? «Тѣ же, отвѣчали они, что и между христіанами, вѣрными евангельскимъ предписаніямъ, и христіанами распущенными». И во всякомъ случаѣ не по винѣ церкви магистратура допускала, чтобы протестанты оставались французскими подданными. Духовенство, на всѣхъ рѣшительно съѣздахъ, неустанно требовало, «чтобы законамъ была возвращена вся ихъ суровость, а церкви—должный блескъ». Эти благодѣтельные законы существовали, и нужно только требовать отъ магистратуры, чтобы они строже примѣнялись,—тогда благіе результаты не заставятъ себя долго ждать. Послушаемъ лучше ихъ подлинныя слова: «Людовикъ XV, достигнувъ совершеннолѣтія, издалъ свою замѣчательную декларацію 1724 года, по которой всякое дѣяніе, противное католической церкви, наказывалось вѣчными галерами для

---

[1]) Боссюетъ, отвѣчая Банаж'у (Basnage), присвоиваетъ себѣ слова Библіи: „Гони богохульника изъ лагеря, и пусть весь Израиль осыпетъ его градомъ камней", и прибавляетъ: „Вотъ до чего доходятъ реформаты: они объявляютъ, что князь не имѣетъ никакой власти надъ совѣстью подданныхъ и не можетъ издавать уголовныхъ законовъ, касающихся религіи". (*Déf. de l'hist. des variations*, N. IV). Онъ же самъ находитъ вполнѣ естественнымъ, мстя за господствующую религію, брать въ руки „мечъ, который Богъ вручилъ князю". Если протестанты вздумаютъ браться за оружіе ради самозащиты, онъ напоминаетъ имъ, что „гражданская война, поднятая съ цѣлью самозащиты отъ притѣсненій, есть покушеніе на особу князя" (*Déf. de l'hist. des variations*, N. XI), такъ какъ „должно повиноваться даже князьямъ—гонителямъ". (N. XX).

мужчинъ и вѣчной тюрьмой для женщинъ, а имущество ихъ конфисковалось. *Вотъ образецъ христіанской и человѣческой политики.* Если бы судьи не дѣлали уступокъ, не было бы надобности узаконять бракъ кальвинистовъ, или незаконнорожденныхъ; протестантскіе священники были бы изгнаны, а ересь уничтожена». Вотъ эта «замѣчательная» декларація отъ 14 мая 1724 г.: «Запрещается, подъ страхомъ галеръ... исповѣдовать какую-либо иную религію, кромѣ католической. Велѣно приговаривать и предавать смертной казни проповѣдниковъ. Велѣно, подъ угрозой штрафа или болѣе суроваго наказанія, черезъ двадцать четыре часа нести дѣтей крестить въ кюрэ. Велѣно посылать дѣтей учиться катехизису до четырнадцатилѣтняго возраста. Врачи обязаны предупреждать кюрэ, когда ихъ больнымъ угрожаетъ смерть, родители—приглашать къ больнымъ исключительно кюрэ. Запрещено еретикамъ занимать общественныя должности. Запрещено вступать въ бракъ въ чужой странѣ и родители, позволившіе своимъ дѣтямъ преступить это запрещеніе, наказываются галерами».

Какъ!—въ одинъ голосъ повторяли философы,—вамъ мало драгонадъ, отъ которыхъ Франція обѣднѣла и потеряла значительную часть своего населенія, къ выгодѣ враговъ?—Неправда, писалъ Кавейракъ: «отмѣна Нантскаго эдикта, этотъ актъ, полный мудраго разсчета, не нанесъ вреда ни торговлѣ, ни финансамъ, ни народонаселенію». Онъ имѣлъ храбрость доказывать это и торжествовалъ, полагая, что, послѣ цѣлаго ряда вычисленій, установилъ, «что изъ королевства ушло не болѣе 50.000 человѣкъ и было вынесено не болѣе 1.250.000 ливровъ». Другой авторъ,—правда, не подписавшійся подъ своими поучительными выкладками, приводилъ, какъ примѣръ умѣренности, съ которой примѣнялись законы противъ гугенотовъ, трогательный фактъ, что съ 1745 по 1770 годъ повѣсили только восемь пасторовъ.

Сопоставимъ съ этими наивными заключеніями духовенства слѣдующій краткій перечень преслѣдованій *въ теченіе одного только года.* Въ Лангедокѣ, въ сентябрѣ 1754 г., тюрьмы и галеры непрерывно наполняются. Въ декабрѣ двѣ роты драгунъ поставлены на постой въ Мило, въ Руарг'ѣ; они остаются тамъ пять мѣсяцевъ, и Мило разоренъ. Въ мартѣ того же года, въ верхнемъ Лангедокѣ, происходитъ собраніе въ Мазаметѣ; появляется рота драгунъ и стрѣляетъ; три протестанта ранено, двадцать арестовано и приговорено къ галерамъ градоначальникомъ Монпелье. Въ декабрѣ одинъ молодой пасторъ схваченъ солдатами и отведенъ въ Верну (Vernoux); на протестантовъ, которые идутъ за нимъ, чтобы вымолить ему прощеніе, католики въ Верну нападаютъ, стрѣляютъ изъ дверей и изъ оконъ: 30 протестантовъ убито, 200 ранено, многіе умерли отъ ранъ [1]).

Со времени отмѣны Нантскаго эдикта, церковь, какъ извѣстно, разсуждала такъ: во Франціи есть только католики; поэтому тѣ, кто называетъ себя протестантами, вѣроотступники. На этомъ, между прочимъ, основана варварская статья декларацiи 1715 года, по которой «Его Величество повелѣваетъ: если кто-либо изъ его подданныхъ заявитъ, на смертномъ одрѣ, своему кюрэ или королевскому прокурору, что онъ хочетъ умереть въ религіи, именующей себя реформатской, онъ будетъ привлеченъ къ отвѣтственности или лично, или заочно; онъ подлежитъ галерѣ, если выздоровѣетъ, въ случаѣ смерти—конфискаціи имущества». У теологовъ не хватало словъ для выраже-

---

[1]) Выдержки изъ цит. соч. Hugues, II, 200.

нія своего восхищенія передъ этой статьей, такъ какъ «въ данномъ случаѣ преступленіе состоитъ въ отступничествѣ отъ вѣры. Съ отмѣной эдикта всѣ подданные короля—католики по закону, потому что они родились въ лонѣ католической церкви и—эта *добрая мать* приняла ихъ въ свои объятія». А Кавейракъ спокойно заявляетъ: «Пусть читатель судитъ самъ, кому, сектантамъ или католикамъ, больше подходитъ кличка нетерпимыхъ,—тѣмъ-ли, которые только защищали религію своихъ отцовъ, или же тѣмъ, которые хотѣли ввести новую?»

Да не подумаетъ читатель, что мы дѣлали всѣ эти печальныя выписки изъ чувства злорадства: намъ казалось только, что мы обязаны представить, безъ малѣйшихъ измѣненій, самые документы, очень мало извѣстные, относящіеся къ великому спору, между сторонниками христіанской церкви и философіи. Мы попытались указать тѣ способы, къ которымъ прибѣгала церковь, чтобы отвергнуть три великіе философскіе принципа того времени, и тѣ выводы, которые хотѣли извлечь изъ нихъ энциклопедисты. Церковь отстаивала, противъ нихъ и противъ всѣхъ ихъ новшествъ, не идя ни на какія уступки, свое неизмѣнное «тако вѣрую» (*credo*) и свое право преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, кто не принималъ этого *credo*. Противъ такихъ-то католиковъ и такихъ гонителей протестовали и воевали энциклопедисты. И еслибы они даже остановились на томъ, то и тогда ихъ работа разрушенія, какъ ее принято называть, несмотря на всѣ ихъ недостатки, была бы благодѣтельна для прогресса разума и человѣчества. Но ихъ работа имѣла не только отрицательный характеръ; они хотѣли не только разрушать,—они хотѣли и, какъ мы думаемъ, умѣли и созидать. Мы надѣемся выяснить это въ послѣдней главѣ.

VI.

Побѣды Энциклопедіи, касающіяся ея трехъ великихъ принциповъ.

M-me дю-Деффанъ писала однажды Вольтеру: «Вы разрушаете всѣ заблужденія; но чѣмъ вы ихъ замѣняете?» Попытка дать отвѣтъ на послѣдній вопросъ составитъ содержаніе настоящей главы.— Философы хотѣли не только искоренить старые предразсудки, какъ мы привыкли это слышать;—они стремились еще посѣять вмѣсто нихъ истины, которыя считали новыми и плодотворными. Мы не разъ уже говорили въ нашей книгѣ объ этихъ истинахъ. Теперь мы хотѣли бы, сгруппировавъ ихъ, вкратцѣ ихъ резюмировать, взвѣсить и указать то великое мѣсто, которое онѣ занимаютъ въ томъ, что принято называть новѣйшей мыслью.

Если правда, что нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, учрежденія, на которыя нападали философы, дѣйствительно мѣшали матеріальному и духовному развитію человѣчества, не имѣемъ ли мы въ такомъ случаѣ права сказать, не зная даже положительныхъ цѣлей энциклопедистовъ, что. разрушая, они уже дѣлали полезное дѣло? Напримѣръ, если они содѣйствовали уничтоженію привилегій,—а это фактъ безспорный,—то тѣмъ самымъ уже являлись соучастниками въ выработкѣ лучшаго общественнаго строя, основаннаго на всеобщемъ равенствѣ. Но надо признать, что изъ одного равенства нельзя создать общество: стадо

также состоитъ изъ равноправныхъ единицъ; для образованія же общества нужны люди. Какихъ же людей хотѣли выработать философы?

Не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ, говорила церковь. Излишне напоминать, что энциклопедисты старались улучшить и придать больше прелести матеріальной сторонѣ жизни человѣка. Каждый изъ нихъ искалъ счастья не на небѣ, но тамъ, гдѣ его надѣялся найти Вольтеръ:

Le paradis terrestre est où je suis.
(Земной рай я ношу съ собою).

Если вѣрно, что монастырь олицетворяетъ собой «совершенную церковь», а «монахъ» [1])—истиннаго христіанина, то полной противоположностью этому является идеалъ философа. И Вовенаргъ съ очаровательной смѣлостью провозглашаетъ его въ своихъ «Совѣтахъ молодому человѣку»: «Если вы испытываете какую нибудь страсть, облагораживающую ваши чувства, дорожите ей!» Далѣе онъ развиваетъ ту мысль, что присущія человѣку страсти, если ихъ направить въ хорошую сторону, могутъ обратиться въ «добродѣтели». Реабилитировавъ права *естественныхъ* наклонностей человѣка, энциклопедисты заботились о томъ, чтобы каждый обладалъ большимъ благосостояніемъ, чѣмъ это было возможно при старомъ порядкѣ вещей. Въ своей энциклопедіи они краснорѣчиво излагаютъ и защищаютъ права всѣхъ на большую безопасность и большее счастье на землѣ. Кстати замѣтимъ, что успѣхи ремеслъ и промышленности въ XVIII в., казалось, оправдывали, даже поощряли это стремленіе къ благосостоянію, которое философы противопоставляли религіозному аскетизму. Не только свѣтскіе люди, но и большая часть духовенства являлась союзницей энциклопедистовъ, слѣдуя въ жизни не столько предписаніямъ церкви, сколько указаніямъ «Свѣтскаго человѣка». А утилитарная философія только выигрывала отъ этого бьющаго въ глаза противорѣчія между правами и догматами.

Что же внесъ вѣкъ философовъ въ умственную и нравственную жизнь человѣчества? На этомъ стоитъ остановиться, такъ какъ мы намѣрены подвести балансъ философіи XVIII вѣка. Церковь хотѣла и трогать сердца и управлять умами только при помощи традиціи. Философія стала оспаривать у церкви эту гегемонію надъ умами, такъ какъ она, въ свою очередь, желала ни больше, ни меньше, какъ «измѣнить общепринятые взгляды». Далеко не раздѣляя мнѣнія XVII вѣка, что по великимъ вопросамъ, интересующимъ человѣчество, уже «все сказано», восемнадцатый вѣкъ считаетъ, что приходится опровергать многое, что было раньше высказано по философіи и нравственности. До сихъ поръ человѣчествомъ руководило духовенство и внушало ему рядъ предразсудковъ, съ которыми надо было бороться. Философія противопоставляетъ три совершенно противоположныя имъ идеи и на нихъ думаетъ построить лучшее общество.

Доктрина католической церкви покоится на началѣ *сверхъестественномъ*; церковь предписываетъ ее вѣрующему по праву своего непогрѣшимаго *авторитета*, а невѣрующему она навязываетъ ее по мнимому праву быть *нетерпимой*. Вмѣсто этихъ трехъ принциповъ философы выставили три другіе; они должны были совершенно унич-

[1]) Renan: *Marc Aurèle*, 627.

тожить первые. Мы, еще не иллюстрируя этихъ обобщающихъ формулъ примѣрами, уже назвали ихъ природой, разумомъ и человѣчностью. Эти идеи явились, какъ извѣстно, и какъ мы не разъ упоминали, практическимъ результатомъ того положенія вещей, при которомъ принципы католической церкви находили духовную поддержку въ авторитетѣ, а матеріальную—въ нетерпимости духовенства.

Теперь посмотримъ, что же дали и чего стоили противоположные принципы, принципы философіи XVIII вѣка.

I. Природа.

Всѣ великіе писатели того вѣка поочередно вопрошали природу: Бюффонъ написалъ «Естественную Исторію»; Дидро — свое «Толкованіе», Гольбахъ, самый неустрашимый и, не смотря на свои заблужденія и на грубый языкъ, самый логичный изъ всѣхъ, построилъ «Систему природы», и всѣмъ имъ природа дала одинъ отвѣтъ: существуютъ только вторичныя причины и необходимые законы; тѣ, «которые воображаютъ, что ссылкой на конечныя причины они отвѣчаютъ на вопросъ, говоритъ мудрый Бюффонъ, не замѣчаютъ, что они принимаютъ дѣйствіе за причину. Первичныя причины навсегда останутся скрытыми отъ насъ; все, что мы можемъ, это—замѣчать нѣкоторыя частныя дѣйствія» [1]).

Каждый шагъ науки, въ частности науки о природѣ, великой разрушительницы суевѣрій, отодвигаетъ ихъ на задній планъ; отчасти въ виду этого восемнадцатый вѣкъ страстно отдается этой наукѣ, и большинство философовъ естественники. Дѣйствительно, въ средніе вѣка естественныя науки занимали очень незавидное положеніе; «теологія была прирожденнымъ врагомъ опыта; поэтому она всегда мѣшала зарожденію естественныхъ наукъ, которыя на своемъ пути всегда натыкались на нее» [2])? Незачѣмъ обращаться къ особенно далекимъ временамъ, посмотрите какъ въ XVII вѣкѣ, въ вѣкѣ вѣры,—Янсеніусъ запрещаетъ «изслѣдовать тайны природы, до которыхъ намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла» и «въ которыхъ, кромѣ того, мы ровно ничего не понимаемъ»,—съ удовольствіемъ прибавлялъ М. Сэнглей. Послушайте Портъ Ройяль, который учитъ въ своей *Логикѣ*, что «люди рождены не для того, чтобы изучать различныя движенія земли, такъ какъ жизнь ихъ слишкомъ коротка для занятія такими пустяками». Для восемнадцатаго вѣка, напротивъ, самымъ важнымъ предметомъ, на которомъ можетъ остановить свои взоры умъ дѣйствительно философскій и дѣйствительно свободный, была именно наука о природѣ, убивающая заблужденія, такъ какъ «не существуетъ,—по словамъ Кондорсе,—ни такой метафизической системы, ни такой сверхъестественной нелѣпости, которая не покоилась бы на незнаніи законовъ природы». Наконецъ, Мерсье, этотъ отголосокъ вѣка, вознеся до небесъ Академію наукъ, восклицаетъ: «Безъ наукъ человѣкъ стоялъ бы ниже животнаго» [3]).

---

[1]) Бюффонъ: *Естественная исторія, Первая рѣчь.*

[2]) *Syst. de la nature,* II. 311.

[3]) Въ устахъ Бюффона наука о природѣ становится даже эквивалентомъ счастья. Говоря о самомъ первобытномъ народѣ, который вычислилъ шестисотъ-лѣтній лунно-солнечный періодъ, что предполагаетъ безконечный рядъ астрономическихъ наблюденій и изученій, Бюффонъ заключаетъ: „Этотъ первый народъ былъ очень счастливъ, такъ какъ онъ былъ очень ученъ". (*Epoques de la nature,* VII).

Восемнадцатый вѣкъ разрабатываетъ науку о природѣ съ такимъ увлеченіемъ не только потому, что она разгоняетъ суевѣрія, но еще и потому, что она учитъ многимъ прекраснымъ и полезнымъ вещамъ и открываетъ въ будущемъ все новые горизонты. Начиная съ XVI вѣка, свидѣтеля возрожденія этой науки, она не переставала дѣлать все новыя и новыя завоеванія; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только раскрыть Энциклопедію. Успѣхи, сдѣланные въ XVIII вѣкѣ экспериментальными науками уже не разъ описывались [1]). Эти быстрые успѣхи объясняются тѣмъ, что, со смертью прежней вѣры въ душѣ многихъ, наука стала какъ бы новой религіей, имѣвшей своихъ поклонниковъ и даже фанатиковъ. Развѣ не называли неистоваго Гольбаха фанатикомъ атеистомъ? Не раздѣляя его, такъ сказать, личной ненависти къ отвлеченному догмату католической религіи и ея служителямъ, многіе, благодаря наукѣ, испытывали своего рода восторгъ, сопровождавшій открытія и вызванный употребленіемъ новаго метода мышленія [2])». Когда энциклопедисты прославляютъ науку и ея побѣды надъ старыми заблужденіями людей, какъ будто слышишь хвалебныя пѣсни, которыя слагалъ послѣдователь Эпикура своему учителю, вступившему въ бой съ суевѣріемъ и силой генія и дерзновеніемъ побѣдившему боговъ: «Я трепещу, восклицаетъ Лукрецій, и испытываю глубокое наслажденіе при видѣ того, какъ, подъ твоей мощной рукой, бездны *природы* разверзаются и становятся со всѣхъ сторонъ доступными дневному свѣту». Точно также и въ восемнадцатомъ вѣкѣ казалось будто природа мало-по-малу открываетъ передъ очами своихъ новыхъ послѣдователей свои таинственныя глубины, полныя откровеній и тайны. «Что можетъ быть благороднѣе того восторга, восклицаетъ Бюффонъ, который охватываетъ всякаго при мысли, что человѣкъ способенъ познать всѣ силы и раскрыть, благодаря своимъ трудамъ, всѣ тайны природы!»

Въ другомъ мѣстѣ, передавая исторію первыхъ вѣковъ человѣчества, онъ заканчиваетъ такъ: «Вездѣ, гдѣ человѣкъ поступалъ умно, онъ слѣдовалъ указаніямъ природы, пользовался ея примѣрами, употреблялъ ея среества и выбиралъ изъ громаднаго разнообразія ея предметовъ всѣ тѣ, которые могли ему служить или доставлять удовольствіе. Руководимый природой, «человѣкъ сперва подчинилъ себѣ животныхъ, а затѣмъ, съ помощью ихъ, измѣнилъ внѣшній видъ земли».

А вотъ еще и другіе уроки, данные этой первой наставницей человѣческаго рода, восемнадцатому вѣку. Для того, кто умѣетъ ее вопрошать, «природа,—говоритъ Кондорсе,—во всемъ ея объемѣ, подчинена правильнымъ законамъ; поэтому во *всякомъ кажущемся безпорядкѣ* скрывается порядокъ, котораго нашъ глазъ не смогъ замѣтить» [3]). Въ этихъ словахъ заключается провозглашеніе основъ тератологіи, науки объ уродахъ, которую потомъ изобрѣли оба Жоффруа Сентъ-Илер'ы Она доказывала, что, дѣйствительно, «появленіе уродовъ предполагаетъ не безпорядокъ, а новый порядокъ». Но надо вспомнить, что Жоффруа Сентъ-Илер'ы не могли дать научное объясненіе этимъ страннымъ произведеніямъ природы, пока въ лицѣ знаменитаго Вольфа XVIII вѣкъ не создалъ науку о животной эмбріологіи.

Затѣмъ физіократы (мы перечисляемъ только новые пути, открытые

---

[1]) Ог. Контъ: *Позит. философія*, I. Whewel; *Hist. of the induct. science.* II, III.
[2]) *Elém. de philosophie*, Belin, I, 121.
[3]) Condorcet: *Oeuvres*, édit. Didot, I. 418.

философами *натуралистами* XVIII в.), убѣдившись, что между всѣми экономическими явленіями существуютъ естественныя и необходимыя соотношенія, поддающіяся точному измѣренію и обоснованію, первые въ своихъ строго-точныхъ трудахъ дѣлаютъ попытку построить на тѣхъ же законахъ природы настоящую науку объ управленіи [1]). Подъ вліяніемъ того же научнаго духа изобрѣтаютъ способъ подчинять математическимъ вычисленіямъ факты человѣческой жизни, которые, какъ до сихъ поръ казалось, не поддаются ни законамъ, ни классификаціи. Построенная на этихъ данныхъ наука названная сперва *политической ариѳметикой*, въ серединѣ вѣка получаетъ названіе *статистики* и подъ этимъ именемъ вскорѣ совершаетъ переворотъ въ исторіи [2]).

Та же наука о явленіяхъ природы значительно раздвигаетъ рамки самой *исторіи*. Помимо статей, вродѣ статей Вольтера и Энциклопедіи о «китайцахъ», которыя не мало забавляли и читателей, и насъ въ томъ числѣ, были и серьезныя изслѣдованія обычаевъ чужихъ народовъ, въ особенности, дикихъ. Что же они дали въ XVIII вѣкѣ? Выдающіеся путешественники того времени, Бугенвиль, Кукъ и Лаперузъ, своими точными сообщеніями даютъ возможность ученымъ, какъ Гоге (Goguet), построить теорію трехъ вѣковъ—каменнаго, мѣднаго и желѣзнаго. Свою теорію авторъ излагаетъ уже довольно послѣдовательно и основываетъ ее на новѣйшихъ археологическихъ находкахъ и данныхъ «сравнительной этнографіи» [3]). Другой трудъ, вышедшій нѣсколько лѣтъ спустя послѣ труда Гоге (описаніе всѣхъ народовъ россійской имперіи), рисуетъ вѣрную картину условій жизни Финновъ, которая устанавливала сходство между этими племенами и нашими отдаленными предками эпохи сѣвернаго оленя. Этотъ трудъ послужилъ «первой основой для исторической этнографіи [4]). Уже въ 1723 г., въ памятной запискѣ, поданной въ Академію Наукъ, де Жюсье, сравнивая камни, происшедшіе, согласно народному повѣрію, отъ грома (громовыя стрѣлы), съ камнями, найденными на островахъ Америки и въ Канадѣ, утверждалъ, что какъ тѣ, такъ и другіе обтесаны просто на просто дикарями. Затѣмъ, Жюсье отстаивалъ ту мысль, что народы Франціи и Германіи, до открытія желѣза, были такими же первобытными дикарями, такъ какъ въ почвѣ обѣихъ этихъ странъ находили подобныя же кремневыя орудія. Такимъ образомъ спала завѣса, скрывавшая отъ насъ каменный вѣкъ, и онъ занялъ свое мѣсто въ исторіи [5]).

Но обратимся къ исторіи въ собственномъ смыслѣ. И въ этой области восемнадцатый вѣкъ оказался не менѣе смѣлымъ и не менѣе счастливымъ въ своихъ новшествахъ, несмотря на то, что его постоянно обвиняютъ въ незнаніи исторіи. Прежде всего, благодаря

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ (гл. III, *Критика злоупотребленій*) мы показали, что *Энциклопедія* была колыбелью политической экономіи.

[2]) Названіе *Статистики* встрѣчается уже въ сочиненіи Ашенваля: *Constitution des Etats de l'Europe*, 1749. Срав. любопытное изложеніе мотивовъ знаменитаго постановленія Тюрго (отъ 13-го сентября 1774) относительно монополіи на продовольствіе зерномъ.

[3]) Goguet: *De l'origine des lois, des arts, des sciences et de leurs progrès chez les anciens peuples*, 1748.

[4]) Cartailhac.: *La France préhistorique*, Bailliére, p. 61. Около этого же времени Бюффонъ писалъ: „Прочтите у Тацита о нравахъ германцевъ: это картина нравовъ Гуроновъ или, скорѣе, привычекъ всего человѣческаго рода, выходящаго изъ естественнаго состоянія". (*Septième époque de la Nature*).

[5]) Cartailhac, ibid., p. 12.

Вольтеру. область исторіи одновременно и расширяется и обогащается: Вольтеръ, первый во Франціи, въ 1765 году, употребляетъ выраженіе: «философія исторіи» въ своемъ введеніи въ «Очеркѣ изслѣдованія нравовъ». Гердеръ заимствуетъ отъ него этотъ заманчивый терминъ, озаглавивъ въ 1774 году свою книгу: «Еще одна философія исторіи». А. вѣдь, одно это слово само по себѣ есть уже прогрессъ, такъ какъ оно связываетъ и заставляетъ итти рука объ руку двѣ науки, которыя до сихъ поръ шли совершенно разными дорогами. Этого мало: въ «Очеркахъ изслѣдованія нравовъ» Вольтеръ первый даетъ образчикъ того, что впослѣдствіи было названо исторіей цивилизаціи, и нѣмцы, написавшіе съ тѣхъ поръ много прекрасныхъ книгъ въ томъ же родѣ (*Culturgeschichten*), воздаютъ, однако, честь Вольтеру за это расширеніе историческихъ рамокъ: «Вольтеръ первый показалъ, въ большомъ масштабѣ, какъ должно связывать съ историческимъ разсказомъ описаніе всего, что составляетъ духовную жизнь народа. Со времени появленія «Очерковъ» можно считать установленнымъ новый методъ пониманія всеобщей исторіи, и первый, кому пришла мысль ввести этотъ методъ, былъ Вольтеръ» [1]).

Но, вѣдь, еще за сто лѣтъ до Вольтера, Боссюэ написалъ, въ чисто-философскомъ духѣ, превосходную исторію человѣчества? Но тутъ-то и обнаруживается разница между этими двумя писателями, и ярко выступаетъ отличительная черта вѣка, которую я хочу освѣтить и подчеркнуть въ настоящей главѣ. Я говорю о стремленіи свести къ *естественной* исторіи всѣ науки, даже, такъ называемыя, нравственныя и соціальныя.

Вольтеръ не только устраняетъ, въ своей исторіи, сверхъестественныя вмѣшательства провидѣнія, которое навязываетъ Боссюэ, но, вѣрный духу времени, смѣло исключаетъ изъ разсказа все, что кажется ему противорѣчащимъ природѣ вещей и природѣ человѣка: «Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, когда почти всѣ заблужденія въ области *явленій природы* разсѣяны. Теперь нельзя говорить объ эмпиреяхъ, о хрустальныхъ небесахъ, объ огненной сферѣ въ кругѣ луны. Съ какой же стати мы будемъ позволять Роллену убаюкивать насъ сказками изъ Геродота и повторять намъ *сказочную* исторію о Кирѣ, о его мелкихъ продѣлкахъ, о той граціи, съ которой онъ давалъ пить своему папашѣ Астіагу, никогда не существовавшему?.. Читая Тацита и Светонія, я задавалъ себѣ иногда вопросъ: да вѣрны ли всѣ эти жестокія сумасбродства, приписываемыя Тиверію, Калигулѣ и Нерону? Такія чудовищныя гнусности противорѣчатъ *природѣ*» [2]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Аббатъ Базенъ страстно любилъ истину; все, чего нѣтъ въ природѣ, казалось ему нелѣпостью» [3]).

---

[1]) I. Jodl.; *Die Culturgeschtungsschreibung, ihre Entwicklung und ihr Problem*, Leipzig, 1878.

[2]) *Le pyrrhonisme de l'histoire*, ch. II, et. XII.

[3]) *La défense de mon oncle: exorde.* Замѣтьте, что Вольтеръ впослѣдствіи отвергаетъ, во имя тѣхъ же принциповъ, *чудовищныя, а потому невѣроятныя* исторіи, измышленныя фанатизмомъ современниковъ; по поводу Каласа и Сирвена онъ говоритъ: „Не согласно съ *природой*, чтобы отцы и матери рѣзали своихъ дѣтей въ угоду Богу", и умоляетъ судей „больше обращаться къ свѣту разума и прислушиваться къ голосу природы". (*La* méprise d'Arras). Вообще Вольтеръ хочетъ этимъ сказать, что критеріумомъ правдивости историческихъ свидѣтельствъ служитъ *психологія*: „Не зная, что *природа человѣческая* вездѣ единородна,—пишетъ одинъ нашъ современникъ—наши ученые своимъ легко-

Надо замѣтить, что здѣсь важно не только при помощи простого здраваго смысла—какъ это дѣлалъ часто самъ Вольтеръ и, иногда, къ сожалѣнію, съ очень узкой точки зрѣнія,—отвергнуть баснословные разсказы или нелѣпые факты. Дѣло было въ томъ, чтобы написать естественную исторію человѣчества, прилагая къ ней естественно-научный методъ. «Мы принимаемъ здѣсь во вниманіе только вторичныя причины», повторяетъ безпрестанно Вольтеръ въ своемъ «Философскомъ Словарѣ»; этими вторичными причинами служатъ чувства и мнѣнія людей, а въ особенности прирожденныя имъ страсти; онѣ-то, встрѣчая или преграду, или помощь во внѣшнихъ силахъ природы, опредѣляютъ ходъ исторіи: «Если люди, появившіеся послѣ потопа, стали хуже своихъ предковъ, и если они съ вѣками становятся преступнѣе, то въ этомъ проявляется дѣйствіе Провидѣнія; но мы не проникаемъ въ это страшное Святая святыхъ; мы разсматриваемъ здѣсь только обыкновенную природу [1]). А она различна въ человѣкѣ и въ животномъ не по существу, а только по степени, такъ какъ,—говоритъ позднѣе Кондорсе,—животныя хоть и грубо, но чувствуютъ, разсуждаютъ и, наконецъ, живутъ обществомъ. Поэтому,—продолжаетъ тотъ же философъ,—для объясненія прогресса человѣческаго рода не къ чему искать какой-то существенной разницы между человѣкомъ и животными. Бюффонъ, приступая къ своей естественной исторіи, заявляетъ, что «человѣкъ долженъ отнести самого себя къ классу животныхъ». Но еще раньше Бюффона, Кондорсе и Вольтера, авторъ *Духа законовъ* своей теоріей климатовъ ввелъ въ науку государственнаго права (въ широкомъ смыслѣ) понятіе о детерминизмѣ, заимствуя его у наукъ естественныхъ. Своимъ знаменитымъ опредѣленіемъ: «Законы суть необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы», онъ говоритъ, что законы не произвольныя выдумки, а несомнѣнно вызваны естественными причинами, каковы: «природа человѣка», климатъ, религія, или, выражаясь точнѣе, соотношенія всѣхъ этихъ вещей между собой. Такимъ образомъ, законы людей, исторія этихъ законовъ и даже ихъ происхожденіе объясняются естественными причинами также точно, какъ происхожденіе, нравы, самыя общества животныхъ. Существованіе американскихъ племенъ, являвшихся какъ бы живымъ опроверженіемъ моногенетической теоріи человѣчества, ставило въ затрудненіе ученыхъ XVIII вѣка, и Вольтеръ замѣтилъ, что этотъ фактъ нисколько не удивительнѣе существованія въ Америкѣ мухъ. Итакъ XVIII вѣкъ отводитъ должное мѣсто во вселенной—землѣ, «этому комочку грязи», а на землѣ—человѣку, «человѣку-животному», по выраженію Кондорсе. Человѣкъ не представляется больше существомъ, стоящимъ особнякомъ и какъ бы чудеснымъ среди дру-

---

вѣріемъ напоминаютъ подчасъ древнихъ историковъ, принимавшихъ за достовѣрное невозможныя вещи". (Lacombe: *De l'histoire considérée comme science.* Hachette, 1894, p. 27).

Тотъ же писатель говоритъ далѣе: „Начиная съ XVIII в. былъ открытъ истинный путь къ историческимъ законамъ и достигнуты въ этомъ направленіи даже нѣкоторые успѣхи. Когда Тюрго, напр., почти формулировалъ законъ трехъ умственныхъ состояній, который Контъ впослѣдствіи развилъ и точно опредѣлилъ словами: *состояніе религіозное, состояніе метафизическое, состояніе научное*, когда Тюрго ожидалъ отъ этого закона объясненія цѣлой обширной области историческихъ явленій, развѣ въ его словахъ не скрывалось признаніе истиннаго метода—необходимости обращаться къ природѣ? (*Ibid.*, p. 33).

[1]) *Diction. philosophique*: art. *Changements arrivés dans le globe.*

гихъ формъ бытія. Это существо, принадлежащее природѣ, несомнѣнно болѣе совершенно, чѣмъ другія; но всѣ его совершенства, все то, чѣмъ онъ возвышается надъ животными, объясняется только медленнымъ развитіемъ его прирожденныхъ способностей. Въ наше время выражаются такъ: «Намъ также невозможно, изслѣдуя основы нашей психической и соціальной жизни, замыкаться въ границахъ нашей породы, какъ невозможно понять физическое состояніе человѣка, не принимая въ разсчетъ состояніе низшихъ животныхъ» [1]).

Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ афоризмъ даже въ наши дни еще оспаривается. Вотъ другое положеніе, съ которымъ всѣ согласны,— что науки взаимно помогаютъ другъ другу и что ученые нуждаются также другъ въ другѣ. А между тѣмъ энциклопедисты не только распространили эту идею, ставшую съ тѣхъ поръ избитой истиной, но и доказали всѣмъ ея очевидность и плодотворность. На каждой страницѣ большого словаря они ссылаются на безпрестанныя заимствованія, которыя дѣлаютъ другъ у друга науки, не имѣвшія, казалось, между собою ничего общаго: «очевидная услуга, которой нельзя оспаривать у энциклопедіи, это то, что она сблизила всѣ отрасли знанія» [2]). Итакъ, пусть ученые не уединяются, какъ бывало раньше, и не замыкаются въ свои спеціальности, не вѣдая остальныхъ и пренебрегая ими, такъ какъ, если они не знакомы со смежными науками, они не знаютъ даже собственной: «Если не знаешь всего (Дидро хочетъ сказать: по немногу обо всемъ), не знаешь толкомъ ничего: не знаешь, куда клонится одно, откуда происходитъ другое, куда нужно помѣстить ту или иную вещь» [3]).

Еще не успѣлъ истечь восемнадцатый вѣкъ, какъ уже систематическій взглядъ на человѣческія знанія сталъ проникать въ жизнь при помощи одного грандіознаго произведенія по вѣрному и краснорѣчивому выраженію Лемонте: «Родился институтъ, и энциклопедія ожила». Извѣстно, кромѣ того, какое большое мѣсто было отведено въ энциклопедіи описанію ремеслъ, и сколько кропотливаго труда положилъ Дидро къ редактированію техническихъ статей и къ улучшенію рисунковъ. И вотъ результатъ: консерваторія искусствъ и ремеслъ является самымъ разительнымъ примѣромъ вліянія энциклопедистовъ; это, такъ сказать, (по выраженію директора этой школы) «сама энциклопедія въ дѣйствіи» [4]). Декретъ Конвента, основавшаго консерваторію (19 вандеміера, III года), говорилъ: «Въ ней будутъ объяснять устройство и употребленіе орудій и машинъ, полезныхъ для искусствъ и ремеслъ».

[1]) Westermarck: *Origine du mariage dans l'espèce humaine*, Alcan, p. 10.

[2]) Lemontey: *Eloge de Morellet*.

[3]) Дидро. V. 425. Уже Паскаль сказалъ: „Такъ какъ всѣ вещи—и причины и слѣдствія, и посредственны и непосредственны, и всѣ другъ друга поддерживаютъ при помощи естественной и незамѣтной нити, связующей вещи самыя отдаленныя и самыя различныя, я считаю невозможнымъ познать части, не познавъ цѣлаго, точно также, какъ не считаю возможнымъ познавать части независимо одну отъ другой". (Edit. Havet, I, 7). Но для Паскаля это именно и служитъ окончательнымъ подтвержденіемъ нашего безсилія познать вещи. Позднѣе, въ своемъ *Предисловіи* къ *Histoire de l'Académie des sciences* (исторія академіи наукъ) (1699), Фонтенель утверждалъ существованіе „солидарности между науками" и, въ то время, „постоянства законовъ природы„ (см. Brunetière. *Manuel*, 231), и провозглашалъ, такимъ образомъ, основные принципы энциклопедіи

[4]) Сообщеніе полковника Лосседа (Laussédat), сдѣланное въ Бордо, 1887, Нав. тип

Это и есть именно то, что сдѣлалъ Дидро, и сдѣлалъ первый, въ своихъ удивительныхъ статьяхъ въ энциклопедіи: «энциклопедисты» какъ будто хотѣли дать полное описаніе существующихъ знаній съ той цѣлью, чтобы облегчить послѣдующіе успѣхи» [1]).

А въ наше время, наши возрождащіеся университеты, по духу своего преподаванія, развѣ не живая энциклопедія? Подробности по этому слишкомъ общественному вопросу были бы здѣсь излишни, мы ограничимся ссылкой на лицо, наиболѣе авторитетное въ этой области: «Планъ высшаго образованія, введенный у насъ революціей, былъ составленъ подъ вліяніемъ философіи восемнадцатаго вѣка. Высшее образованіе съ его научнымъ направленіемъ было для раціоналистической истины тѣмъ же, чѣмъ были въ средніе вѣка университеты съ ихъ теологическимъ направленіемъ для истины религіозной. Относительно этого начала Конституанта, Законодательный Корпусъ, Конвентъ, Совѣтъ пяти сотъ держатся одного мнѣнія. Все, что съ тѣхъ поръ было сдѣлано во Франціи, при всѣхъ режимахъ, для развитія высшаго образованія, коренится въ революціи и восходитъ къ той эпохѣ» [2]).

Таковы были практическіе результаты этого обширнаго научнаго синтеза, который попытался выработать энциклопедію. Она хотѣла представить читателю въ сжатомъ видѣ весь запасъ знаній, добытыхъ о мірѣ, а развѣ наши университеты не представляютъ того, что Дону (Daunou) сказалъ объ институтѣ: «Онъ будетъ собраніемъ всей наличной учености».

Но мы позволимъ себѣ напомнить слѣдующее: чтобы составить этотъ великій систематическій и толковый словарь, чтобы доказать, какъ это сдѣлали его составители, взаимную зависимость наукъ между собою, недостаточно было быть, какъ Дидро, Даламберъ и Больтеръ, только энциклопедистами, т.-е. имѣть очень разнообразныя и почти универсальныя знанія. Нужно было еще понимать, какъ это превосходно сказалъ Даламберъ въ заголовкѣ энциклопедіи, что «вселенная для того, кто сумѣлъ бы охватить ее однимъ взоромъ, представляетъ одно цѣльное явленіе одной великой истины». Итакъ, недостаточно сказать, что въ XVIII вѣкѣ всѣ науки роднятся между собой; для этихъ философскихъ умовъ въ сущности есть только одна наука, это, еще разъ повторяю, наука о *природѣ*.

II. Разумъ.

Если, для философскаго ума, существуетъ только одна наука,— наука о природѣ, то, для ума истинно-критическаго, существуетъ только одинъ методъ.—методъ раціональный. Правда, еще до энциклопедистовъ, Декартъ въ очень ясныхъ выраженіяхъ провозгласилъ, что «всѣ науки вмѣстѣ взятыя—ничто иное, какъ умъ человѣческій, который всегда единъ и [3])», поэтому нельзя примѣнять различные методы къ «наукамъ, такъ тѣсно связаннымъ между собою»; наконецъ, мы знаемъ, что Декартъ признавалъ только методъ раціоналистическій. Итакъ, XVIII вѣкъ, руководимый въ своихъ поискахъ истины, не традиціей или авторитетомъ, а единственно разумомъ,

---

[1]) Laussédat: Рѣчь при открытіи научнаго конгресса въ Оранѣ, въ 1888 г. *Revue scientifique*. 31 м. 1888.

[2]) L. Liard: *L'Enseignement supérieur en France*, 1789—1889, I, 310.

[3]) *Règles pour la direction de l'esprit*: *Première règle*.

является, повидимому, только ученикомъ Декарта. Да, но съ той оговоркой, что XVIII вѣкъ развилъ и исправилъ положенія своего учителя, и въ этомъ обнаружилъ оригинальность своихъ мыслителей. Были, съ одной стороны, вопросы имѣвшіе, напр., отношеніе къ религіи и политикѣ, которые Декартъ и весь XVII вѣкъ не дерзали, благодаря общеизвѣстнымъ условіямъ, подвергать изслѣдованію, т.-е. разрушающей критикѣ раціоналистическаго метода. Въ XVIII вѣкѣ, напротивъ, ничто не ускользаетъ отъ смѣлаго контроля разума. Съ другой стороны, разумъ Декарта есть разумъ геометровъ, т.-е. тотъ, который отправляется отъ извѣстныхъ простыхъ истинъ, опредѣленій или аксіомъ, и выводитъ изъ нихъ математическимъ путемъ всѣ логическія слѣдствія, нисколько не думая о томъ, что дѣйствительность, при ближайшемъ знакомствѣ съ ней, могла бы разбить всѣ эти красивыя и хрупкія построенія *a priori*. Но кромѣ разума математиковъ есть еще иной (или если хотите, иной способъ пользованія имъ),—это разумъ тѣхъ, которые, въ XVIII вѣкѣ, изучаютъ природу, т.-е. наблюдаютъ ее собственными глазами, а не выдумываютъ ея изъ своего метефизическаго ума. Правда, оба эти метода, одинаково раціональные, но употребляющіе противоположные другъ другу пріемы, такъ какъ одинъ идетъ отъ общихъ принциповъ къ частнымъ слѣдствіямъ, а другой—отъ частныхъ явленій къ общимъ законамъ,—оба эти метода царили *одновременно* въ XVIII вѣкѣ. Такъ, напр., разумъ геометра продиктовалъ Монтескье нѣкоторыя главы его *Духа законовъ*, помогъ ему «увидѣть, какъ разъ установленныя общія положенія подчиняютъ себѣ частные факты». Разумъ естественника, напротивъ, научаетъ Бюффона изучать и толковать естественную исторію. Онъ говоритъ, что «единственная и истинная наука состоитъ въ познаніи фактовъ, а математическія истины даютъ только опредѣленія и потому вполнѣ произвольны, чего нельзя сказать о естественно-научныхъ истинахъ».

Повидимому, только во второй половинѣ вѣка, въ то время, когда медленно воздвигается зданіе *Энциклопедіи*, и въ особенности съ того момента, какъ, по вѣрному замѣчанію Дидро, геометрія начинаетъ уступать мѣсто естественнымъ наукамъ, методъ экспериментальный [1]), завоевываетъ себѣ болѣе широкую область. Однако, ему не удалось вытѣснить метафизическаго метода, такъ какъ скорѣе на метафизическіе, а не на «ораторскіе пріемы», которыхъ такъ не любитъ Тэнъ, слѣдуетъ возложить отвѣтственность за рискованныя теоріи и построенія a priori, въ которыхъ такъ часто упрекали XVIII вѣкъ. Тѣмъ не менѣе за учеными этого вѣка остается та заслуга, что во многихъ, если не во всѣхъ, вопросахъ они умѣло примѣняли настоящій экспериментальный методъ, а это уже представляетъ дѣйствительный шагъ впередъ сравнительно съ XVII вѣкомъ. Химикъ Гольбахъ, во второй половинѣ философскаго вѣка, выражается опредѣленно: «Наша способность производить опыты, воспроизводить ихъ въ своей памяти, предчувствовать ихъ результаты, составляетъ то, что опредѣляютъ словомъ *разумъ*. Безъ опыта—нѣтъ разума» [2]).

---

[1]) Въ 1775 г. Дидро пишетъ: „Всѣ умы охвачены общимъ интересомъ въ естественной исторіи, анатоміи, химіи и экспериментальной физикѣ" (art. Encyclopédie).

[2]) *Syst. de la Nature*, I. 142. Точно также Бюффонъ: „*Обдуманными* опытами... мы заставляемъ природу раскрывать свои тайны". *Предисловіе* къ его переводу Галеса: *Statique des régétaux*.

Разумъ картезіанцевъ очень далекъ отъ этого, и энциклопедисты гораздо больше были проникнуты духомъ Бэконовскаго *Novum organum*, чѣмъ Декартовскаго «Бесѣды о методѣ».

Именно этотъ экспериментальный и, если можно такъ выразиться, бэконовскій разумъ, вопрошая природу, и пришелъ къ тѣмъ удачнымъ открытіямъ, на которыя мы только что указали. Но до сихъ поръ мы говорили только о явленіяхъ физическаго міра. Какъ же, спрашивается, намѣрены были энциклопедисты изучать явленія міра нравственнаго? Казалось бы, по тому же методу, такъ какъ наука одна. Кондорсе, въ своей рѣчи при вступленіи во французскую академію, говорилъ: «Вдумываясь въ науки нравственныя, нельзя не придти къ заключенію, что, такъ какъ онѣ, подобно естественнымъ наукамъ, опираются па наблюденіе фактовъ, то и должны слѣдовать одному и тому же методу». Объясняя, что разумѣлъ XVIII вѣкъ подъ словомъ природа, намъ приходилось говорить и о томъ, какъ Вольтеръ связалъ исторію человѣчества съ естественной исторіей и прилагалъ къ изученію исторіи методъ естественныхъ наукъ. Однако, въ области нравственныхъ наукъ, энциклопедисты не всегда оставались вѣрны экспериментальному методу, который они такъ превозносили. Мы убѣдились въ этомъ, разсматривая, что было сказано ими новаго по тремъ капитальнымъ вопросамъ, которые они изучали съ особенной любовью, рѣзко выступающей въ ихъ произведеніяхъ, и обсуждали съ чисто-философской свободой:—каково происхожденіе *общества*, *религіи* и *естественной нравственности*.

Какъ появились на землѣ человѣческія общества? На этотъ вопросъ энциклопедисты отвѣчаютъ двояко, смотря по тому, руководствуются ли они экспериментальнымъ или раціоналистическимъ методомъ à priori, т.-е., если мы прослѣдимъ ихъ затаенную мысль, смотря по тому, преслѣдуютъ ли они цѣли научныя или полемическія. Когда ученые XVIII вѣка выступаютъ, въ своихъ описаніяхъ путешествій или чисто научныхъ трудахъ, въ качествѣ ли наблюдателей нравовъ дикихъ племенъ или выясняютъ, по этимъ наблюденіямъ, слѣды отдаленныхъ обществъ,—тогда они, далеко опережая въ этомъ отношеніи своихъ предшественниковъ, дѣлаютъ сближенія между человѣкомъ и животнымъ, «мастерству котораго,—говоритъ Бюффонъ,—надо больше удивляться, чѣмъ искусству человѣка»;—въ обоихъ этихъ случаяхъ они являются вдвойнѣ иниціаторами. Восемнадцатый вѣкъ проложилъ, во-первыхъ, дорогу къ такъ называемой описательной соціологіи: эта наука идетъ не по стопамъ XVII вѣка, изучавшаго «человѣческую природу», но, скорѣе, продолжаетъ работу XVIII в., изучавшаго *«различныя природы»* различныхъ народовъ; особенно, когда хочетъ освѣтить самыя отдаленныя времена человѣчества и обращается къ народамъ, оставшимся въ дикомъ состояніи, т.-е. оставшимся въ значительной степени такими, какими должны были быть первобытные люди. Во-вторыхъ, XVIII вѣкъ предвосхитилъ ту мысль, что слѣды обычаевъ нашихъ первобытныхъ предковъ можно найти не только среди дикихъ племенъ, но что, можетъ быть, наукѣ о доисторическомъ человѣкѣ не мѣшаетъ кое-чему поучиться на животныхъ, которыхъ Бюффонъ помѣстилъ въ одинъ классъ съ человѣкомъ. Современный намъ философъ, Эспинасъ, проникнутый критически-научнымъ духомъ XVIII вѣка, описалъ соціальные нравы животныхъ въ сочиненіи, пользующемся заслуженной извѣстностью, подъ заглавіемъ: «Животныя общества». Самое заглавіе подтверждаетъ

возможность того, что предвидѣли энциклопедисты,—поставить исторію первобытныхъ человѣческихъ обществъ въ связь съ изученіемъ животныхъ.

Но, при составленіи этой исторіи, Энциклопедисты, по правдѣ сказать, руководились не столько самыми фактами, сколько апріорными идеями. Дѣло въ томъ, что для реформаторовъ простое наблюденіе являлось слишкомъ медленнымъ методомъ и могло даже привести къ такимъ заключеніямъ, которыя были бы имъ вовсе не желательны. Проще было—это было и скорѣе и вѣрнѣе—выдумать отъ начала до конца первобытную исторію человѣчества, которая напередъ могла бы оправдать ихъ недовольство и жалобы на установившійся общественный строй. Эти двѣ точки зрѣнія на происхожденіе обществъ, одна—опытная, другая—чисто раціоналистическая, чередуются въ *Энциклопедіи*, которая преслѣдовала и научныя цѣли и цѣли полемическія. Такую же двоякую точку зрѣнія мы находимъ и у публицистовъ того времени. Но у всѣхъ ихъ апріорныя теоріи берутъ значительный перевѣсъ надъ наблюденіемъ, потому что ихъ соціологія—прежде всего соціологія писателей полемистовъ. Но и въ томъ видѣ, какъ она есть, она не перестаетъ быть для васъ вдвойнѣ интересной: она представляетъ, во-первыхъ, интересъ историческій—отыскать причину, заставившую философовъ выбрать то оружіе, которое они пустили въ ходъ, противъ существующаго строя, во-вторыхъ,—интересъ философскій и поэтому болѣе важный—опредѣлить долю истины и долю новаго въ ихъ соціальныхъ теоріяхъ. Эта доля, по нашему мнѣнію, больше, чѣмъ обыкновенно принято считать, и раньше, чѣмъ приступить къ доказательству нашей мысли, замѣтимъ, что въ двухъ случаяхъ, судьба могла такъ сказать, помочь философамъ найти въ своихъ гипотезахъ истину, даже если бы они слѣдовали раціоналистическимъ путемъ. Для вполнѣ научной исторіи первобытнаго человѣчества у насъ всегда будетъ недостатокъ въ точныхъ и несомнѣнно достовѣрныхъ фактахъ, мы всегда будемъ принуждены, какъ и Энциклопедисты, заполнять эти пробѣлы выдумкой, опережая исторію. Кромѣ того, трудно допустить, чтобы разумъ совершенно не участвовалъ въ первобытныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Поэтому философы имѣли извѣстное основаніе обратиться къ собственному разуму, чтобы бросить свѣтъ на тѣ отдаленныя времена, относительно которыхъ научныя свѣдѣнія будутъ всегда отрывочны и гадательны.

Въ виду того, что основные взгляды XVIII вѣка на происхожденіе обществъ были тысячу разъ изложены ихъ противниками, намъ достаточно вкратцѣ напомнить ихъ читателю. Первобытные люди, учитъ Энциклопедія, жили въ естественномъ состояніи, т.-е., безъ начальниковъ, полиціи и законовъ; во всѣхъ этихъ институтахъ они нисколько не нуждались: они были совершенно невинны и, поэтому, совершенно счастливы. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, такъ какъ болѣе сильные стали злоупотреблять своими преимуществами въ ущербъ слабымъ, и такъ какъ, кромѣ того, всѣмъ приходилось защищаться отъ однихъ и тѣхъ же опасностей: нападеній дикихъ звѣрей, разрушеній, производимыхъ природой, то люди, въ особенности слабѣйшіе изъ нихъ, поняли что имъ выгодно соединиться. Они такъ и сдѣлали, заключивъ договоръ, котый связывалъ ихъ другъ съ другомъ взаимными обязательствами: общая выгода служила порукой за ихъ вѣрность договору. Такъ возникло общество.

Въ этой теоріи выступаютъ три положенія, которыя, съ легкими

варіантами, раздѣлялись и публицистами XVIII: *естественное состояніе*, предшествующее всякому обществу, основанное на *договорѣ*; *выгода*, подсказывающая союзъ и, когда люди уже соединились, обезпечивающая исполненіе договора. Разберемъ, каковъ былъ точный смыслъ въ XVIII вѣкѣ и каково относительное достоинство для всѣхъ временъ этихъ трехъ положеній.

Начнемъ съ того, что естественное состояніе, какимъ его описываетъ *Энциклопедія*, чистѣйшая выдумка: во всѣ времена человѣкъ не былъ ни англеломъ, ни животнымъ, но въ началѣ онъ ужъ навѣрное былъ меньше всего похожъ на ангела. Вдохновляясь поэтами древности, воспѣвавшими прелести золотого вѣка, энциклопедисты наперерывъ восхваляютъ тѣ счастливыя времена, когда первобытные люди жили въ чистотѣ и мирѣ, населяя веселыя деревни, и связанные только узами прочной дружбы. Этой идиллической картинѣ современные соціологи противопоставляютъ болѣе правдоподобное изображеніе дрожащихъ и, въ то же время, свирѣпыхъ дикарей, которые скорѣе пресмыкаются, чѣмъ ходятъ по своимъ лѣсамъ. День и ночь они охраняютъ свою пищу отъ всевозможныхъ враговъ, начиная съ себѣ подобныхъ, которыхъ они убиваютъ и пожираютъ, если только не обращаютъ въ рабство, какъ это дѣлаютъ съ лошадью или быкомъ. Нѣкоторые изъ философовъ XVIII вѣка могли собственными глазами увидѣть, въ 93 году, человѣка такимъ, какимъ онъ долженъ былъ быть въ естественномъ состояніи, когда наслѣдственная дикость, дремлющая въ каждомъ изъ насъ, проснулась и проявилась въ безсовѣстныхъ и безстыдныхъ грабежахъ и убійствахъ. Но уже въ началѣ XVIII вѣка энциклопедисты, учившіеся «мыслить» у англійскихъ писателей, имѣли возможность, по произведеніямъ одного изъ нихъ, притомъ самого популярнаго, Даніеля де Фоэ, убѣдиться въ безчисленныхъ преимуществахъ той цивилизаціи, которую они такъ бранили. Когда Робинзонъ очутился одинъ на островѣ, первымъ его движеніемъ было бѣжать на берегъ и искать тамъ инструментовъ: «Что бы со мной было, Боже мой! если бы Провидѣніе чудеснымъ образомъ не повелѣло, чтобы корабль (со всѣми произведеніями цивилизаціи, которыя на немъ были) былъ выброшенъ возлѣ берега: разумѣется, я умеръ бы съ голоду или жилъ бы, какъ настоящее дикое животное [1])».

Такимъ образомъ, современная мысль просто отбросила эту оптимистическую теорію естественнаго состоянія, которое философы такъ часто и съ такой любовью описывали. Теперь эта младенческая теорія уже осуждена и, пожалуй, осмѣяна; но, спрашивается, вѣрили ли въ нее сами авторы, которыхъ вообще нельзя считать наивными, и если не вѣрили, къ чему имъ было притворяться? Что Вольтеръ и его друзья не очень-то были убѣждены въ невинности первобытнаго человѣка и не особенно завидовали его счастью, доказывается многими мѣстами изъ ихъ сочиненій, въ которыхъ высказана ихъ настоящая мысль по этому вопросу,—я не говорю ужъ о «свѣтскомъ человѣкѣ» и его веселыхъ остротахъ на счетъ нашихъ отдаленныхъ предковъ. Задигъ (Zadig), представлявшій себѣ людей «такими, каковы они на самомъ дѣлѣ», видѣлъ въ нихъ «насѣкомыхъ, пожирающихъ другъ друга, на комочкѣ грязи». Что же касается Гольбаха, который никогда не шу-

---

[1]) Гоббсъ, а, кажется, подъ его вліяніемъ, и Боссюэ еще раньше говорили, что до установленія какого-либо правительства, „люди естественно были другъ для друга волками (Bossuet, *Politiq.*, VIII, 4, 2).

тилъ,—то онъ полагаетъ, что «постепенный ростъ потребностей есть признакъ цивилизаціи, и нѣтъ ничего легкомысленнѣе разглагольствованій мрачной философіи (Жанъ-Жака Руссо) противъ стремленія къ власти, величію и богатству» [1]). Наконецъ, въ самой библіи XVIII вѣка читаемъ, что «народы, живущіе подъ управленіемъ хорошей администраціи, счастливѣе тѣхъ, которые, не имѣя ни законовъ, ни начальниковъ, бродятъ по лѣсамъ» [2]). Такъ же думалъ Дидро, осмѣивая отвратительный вкусъ Руссо къ «желудямъ, къ жизни въ берлогахъ и дуплахъ», онъ, если бы ему предстоялъ выборъ, предпочелъ бы упрощенной жизни все то, что именно развратило людей, т.-е. «хорошую карету, удобную квартиру и тонкое бѣлье».

Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же Дидро и энциклопедисты такъ восхваляли прелести дикой жизни, когда сами въ душѣ были слишкомъ буржуазны, чтобы не цѣнить и не наслаждаться во всей полнотѣ удобствами цивилизованной жизни? Мы всегда любимъ, какъ говорится, кого-нибудь вопреки кому нибудь; а въ данномъ случаѣ философы любили или дѣлали видъ, что имъ нравится естественное состояніе, на перекоръ излишней общественности ихъ эпохи и на перекоръ католической доктринѣ. Что въ вѣкъ салоновъ и ужиновъ въ интимномъ кругу, люди, въ противоположность тираніи свѣтскихъ правилъ, мечтали о свободной жизни подъ открытымъ небомъ, на лонѣ природы, этому удивляться нечего. Надо же было имъ какъ-нибудь встряхиваться и освѣжать свой умъ на чистомъ воздухѣ полей и лѣсовъ, въ ожиданіи, пока не придетъ чародѣй вѣка и не увлечетъ уже не умы, а сердца къ берегамъ Леманскаго озера, гдѣ природа такъ хороша и сами страсти такъ близки къ природѣ. Поэтому похвала первобытной жизни, въ устахъ философовъ,—это панегирикъ съ задней мыслью—осужденіе жизни общества, ея осложненій и искусственныхъ потребностей. Но тутъ же таится и нападеніе на католическую доктрину: противъ теоріи о прирожденной испорченности человѣка энциклопедисты выдвинули противоположную доктрину о прирожденной добродѣтели первобытнаго человѣка. Человѣкъ рождается добрымъ; но откуда же, въ такомъ случаѣ, зло, раздоръ и преступленіе?—виновато общество.

Раньше, до XVIII вѣка, несчастный человѣкъ проклиналъ свою судьбу, но послѣдствій это никакихъ не имѣло; если онъ былъ «вольнодумецъ», онъ проклиналъ и Провидѣніе, что носило уже болѣе серьезный характеръ, но и этими проклятіями онъ не причинялъ никакого вреда существующимъ учрежденіямъ. Теперь заговорили иначе: если одни страдаютъ, платятъ подати, лишены возможности пользоваться почестями, которыя выпадаютъ на долю другихъ, то это потому, что общество дурно устроено. Поэтому, чтобы искоренить зло, нужно прежде всего внушить людямъ отвращеніе къ современному общественному строю, а для этого лучше всего заставить ихъ вернуться мысленно къ тѣмъ первобытнымъ временамъ, гдѣ есть все, о чемъ они мечтаютъ, такъ какъ та жизнь *противоположность* всему, что они видятъ передъ собой. Люди стали общежительны и, въ то же время, несчастнѣе; значитъ, чѣмъ ближе къ природѣ, тѣмъ ближе къ счастью.

---

[1]) *Syst. de la Nat.*, I, 365.

[2]) *Encycl.*, ard. *Monarchie absoluc.* „Можно сказать о прекрасныхъ вѣкахъ Спарты то же, что и о первобытныхъ временахъ церкви, когда всѣ набожные люди умирали святой смертью, смертью золотого вѣка и т. д.“. Вольтеръ *Comment. sur l'Esprit des lois*, XVI, note.

И XVIII вѣкъ, по временамъ, повидимому, шелъ на эту удочку, увлекаясь тѣмъ, что прежде всего являлось пріемомъ борьбы противъ стараго общественнаго строя, который хотѣли реформировать. Даже сами изобрѣтатели этой тактики начинали восторгаться и приходить въ умиленіе передъ собственнымъ, на половину искреннимъ, изображеніемъ этого исчезнувшаго счастья. Это настроеніе объясняется тѣмъ, что, когда вѣра ослабѣла, исчезли и небесныя радости, наполнявшія надеждою душу вѣрующаго, и оставили въ ней пустоту, но не убили постоянной жажды счастья. Естественное состояніе представлялось какъ бы потеряннымъ раемъ, къ которому летѣли всѣ мечты о лучшей жизни. По прекрасному сравненію Фулье, подобно тому, какъ путешественники по пустынѣ, видятъ миражи оазиса, къ которому они направляются, такъ и писатели XVIII вѣка иногда какъ будто видѣли, въ самомъ отдаленномъ прошломъ, миражъ общественнаго идеала, къ которому увлекали своихъ современниковъ. Какъ и большинство реформаторовъ, они узаконяли свои проекты реформъ, придавая имъ видъ простого требованія возвратить обратно нарушенныя старыя права. Къ нимъ можно примѣнить, съ маленькимъ видоизмѣненіемъ, извѣстное выраженіе, сказанное по поводу одного изъ нихъ, того, кто описалъ очаровательную и патріархальную общину Троглодитовъ: «*Народъ* потерялъ свои права, и ему ихъ возвращали», но возвращали въ формѣ поэтическихъ образовъ, напоминая, что всѣ его исконныя права на свободу и счастье не потеряли своей силы и остаются священными, несмотря на вѣковые захваты привилегированныхъ классовъ.

Но это поэтическое видѣніе очень быстро исчезало, какъ мы видѣли, передъ людьми разсудка, поэтами случайными, или, вѣрнѣе, поэтами только благодаря негодованію на существующую дѣйствительность. Впрочемъ, ихъ идиллическія мечты [1]) о всестороннемъ превосходствѣ нашихъ первобытныхъ предковъ шли слишкомъ явно въ разрѣзъ съ идеей, которой они больше всего дорожили, которая была для нихъ какъ бы догматомъ вѣры: идея о томъ, что человѣческій родъ способенъ къ безконечному совершенствованію. Итакъ идеалъ, котораго нужно достичь, былъ впереди и рисовался имъ въ очень реальныхъ образахъ! передъ собою, во все болѣе и болѣе близкомъ будущемъ, а не въ воображаемомъ прошедшемъ, видѣли они ту цѣль и вѣрили, что къ ней неустанно шествовало прогрессирующее человѣчество.

Первымъ и самымъ важнымъ проявленіемъ прогресса, по ихъ характерному выраженію, было «изобрѣтеніе» общества. Такъ учили они, когда выступали въ роли философовъ, а не полемистовъ, Что же они понимали подъ словомъ «изобрѣтеніе». Интересно прежде всего, что изъ двухъ крайнихъ теорій по этому вопросу, изъ которыхъ одна смотрѣла на общество, какъ на естественный организмъ, а другая— скорѣе какъ на искусственный продуктъ человѣческой дѣятельности, философы остановились именно на второй, несмотря на то, что сами же старались произвести все отъ природы. И, конечно, совсѣмъ не потому, чтобы они были незнакомы съ натуралистической теоріей, такъ какъ эта теорія въ первый разъ была ясно формулирована

---

[1]) Мечты, которыя можно, впрочемъ, найти и въ ученіи церкви. См. по этому вопросу, Эспинаса: *La philosophie sociale au dix-huitième siècle et la Révolution*, Alcan, 1898, p. 86.

однимъ изъ нихъ. Въ статьѣ «*Политическая экономія*», помѣщенной въ энциклопедіи, авторъ который былъ никто иной, какъ Руссо, говорится именно, что «политическое тѣло можно разсматривать какъ тѣло организованное, живое, но подобное человѣческому организму», и точно перечисляются функціи различныхъ частей тѣла въ государствѣ. Только Руссо предупреждаетъ читателя, чего умышленно не дѣлаютъ и, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно многіе современные соціологи, что его опредѣленіе годится только, какъ «сравненіе, недостаточно точное во многихъ отношеніяхъ и служащее только къ уясненію мысли». Въ сущности, если философы, измѣнивъ своему любимому тезису, отняли у природы дѣло организаціи общества и передали его въ руки разума, такъ это потому, что по ихъ философіи природа искусная, никогда не ошибающаяся работница, что общества, организованныя ею, по самому своему происхожденію не подлежали бы критикѣ энциклопедіи. Еще разъ повторяемъ: все, что творитъ природа, хорошо; но когда общество основано разумно и въ основу его положенъ договоръ, оно перестаетъ быть для нихъ чѣмъ то священнымъ, чѣмъ является всякое произведеніе природы; кромѣ того, что разумъ самъ можетъ исправлять и совершенствовать себя, но стоитъ только кому нибудь изъ договаривающихся нарушить договоръ, какъ онъ немедленно потеряетъ силу и незыблемость и, измѣняясь, преобразуетъ и общество, основанное единственно на немъ. Остается еще разсмотрѣть самый принципъ соціальнаго договора, встрѣтившій такъ много горячихъ возраженій, договора, въ силу котораго съ самаго начала были установлены и затѣмъ, согласно новымъ потребностямъ, видоизмѣнялись отношенія между гражданами.

Мы согласны признать, вмѣстѣ со многими современными публицистами, что, при возникновеніи обществъ, существовалъ неясный, хотя бы подразумѣваемый, договоръ между какимъ нибудь начальникомъ, жрецомъ или военнымъ вождемъ и всѣми тѣми, которые ему повиновались: даже узурпаторъ, если хочетъ сохранить за собой власть, старается претворить силу въ право, т.-е. обезпечить за собой согласіе наибольшаго числа гражданъ. «Согласіе, по крайней мѣрѣ, молчаливое,—говорилъ Мирабо,—необходимо даже правительству, рожденному въ насиліи и войнѣ. Марсъ—тиранъ, право же—верховный владыка міра» [1]). Если бы энциклопедисты были лучше знакомы съ исторіей Франціи, они могли бы почерпнуть въ исторіи ненавистныхъ имъ среднихъ вѣковъ самое лучшее доказательство въ пользу своей теоріи: мы знаемъ, какими взаимными и опредѣленными обязательствами былъ связанъ вассалъ со своимъ сеньоромъ; можно сказать, что весь феодальный строй покоился на самомъ формальномъ договорѣ. Даже позднѣе, уже во времена абсолютной монархіи, развѣ мы не наталкиваемся на знаменательный фактъ, служащій какъ бы живымъ воспоминаніемъ объ этихъ феодальныхъ договорахъ между свободными людьми, фактъ, на который указываетъ M-me де Сталь,—что «вплоть до акта священнаго коронованія Людовика XVI включительно, всегда обращались къ согласію народовъ, какъ къ основѣ правъ государя на тронъ»? Опираясь на этотъ именно фактъ, M-me де Сталь написала свои знаменитыя слова: «Свобода стара, деспотизмъ—моложе» [2]).

Люди входятъ въ составъ общества, какъ и появляются на свѣтъ,

---

[1]) Lettres de cachet, 67.
[2]) *Consider. sur la Révol fvancaie*.

безъ всякаго спроса, и простой фактъ рожденія въ извѣстномъ мѣстѣ опредѣляетъ принадлежность къ тому или иному обществу или государству. Но, оставляя въ сторонѣ право каждаго жить тамъ, гдѣ ему вздумается, развѣ нельзя сказать, что въ XVIII вѣкѣ, какъ и во всѣ времена, монархія, даже абсолютная, не могла обойтись (въ этомъ она прекрасно убѣдилась) безъ согласія или, пожалуй, добровольнаго подчиненія подданныхъ. «Ваша королевская власть неопровержима, говорите вы. Но что вы станете дѣлать, если мы скажемъ *нѣтъ*, когда вы будете говорить *да*? Вы царствуете надъ нами, только присоединяя наши желанія къ своимъ» [1]). Несомнѣнная ошибка энциклопедистовъ состояла не въ томъ, что они предполагали существованіе договора, какъ отправной точки, или даже какъ основанія всякаго общества, но въ томъ, что они слишкомъ часто видѣли въ этомъ договорѣ обдуманный актъ людей, настолько же разумныхъ, вѣрнѣе, такъ же разсуждающихъ, какъ они сами. Это одинъ изъ ихъ самыхъ обычныхъ предразсудковъ, и эти предразсудки, хоть и философскіе, тѣмъ не менѣе заслоняли отъ ихъ истину: они никакъ не могли представить себѣ умъ первобытнаго человѣка иначе, какъ озареннымъ всѣмъ «свѣтомъ знанія» XVIII вѣка, и вмѣстѣ съ Локкомъ, смѣясь надъ ребенкомъ Картезіанцевъ, который будто бы при самомъ рожденіи уже надѣленъ врожденными идеями, они сами выдумывали человѣка, который, выходя изъ рукъ природы, уже владѣлъ всѣми идеями *энциклопедіи*.

Но *разумъ*, если не первобытныхъ людей, то, по крайней мѣрѣ, людей восемнадцатаго вѣка, имѣлъ, можетъ быть, право,—что, собственно, и было для нихъ важно,—судить современныя общество и правительство, сравнивать ихъ съ своимъ идеаломъ справедливости и свободы и, находя ихъ безконечно далекими отъ этого идеала, требовать, чтобы въ управленіи царила большая свобода, а въ обществѣ большая справедливость. Итакъ, ошибка, допущенная въ данномъ случаѣ энциклопедистами, есть ошибка во времени: не въ самыя отдаленныя времена, когда первобытный умъ былъ, такъ сказать, зататуированъ грубыми образами и дикими суевѣріями и разумъ еще дремалъ, а въ цивилизованныхъ обществахъ, по мѣрѣ ихъ развитія, этотъ, уже созрѣвшій, разумъ пріобрѣтаетъ все большее и большее право судить людей и ихъ взаимныя отношенія. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь станетъ увѣрять, что граждане должны вѣчно безмолвно подчиняться законамъ, которыми они управляются, только въ силу древности этихъ законовъ, каковы бы они ни были? На основаніи какой, ничѣмъ необъяснимой, привилегіи общественныя учрежденія одни должны ускользать изъ подъ контроля разума? «Долгое злоупотребленіе, говорилъ Мирабо, есть злоупотребленіе какъ бы недавнее, и трудно заставить замолчать справедливость и истину». Провозглашенный, въ XVII вѣкѣ, владыкой въ философіи, разумъ предъявлялъ теперь свои права въ политикѣ; а нѣсколько лѣтъ спустя послѣ *Энциклопедіи*, привѣтствуя появленіе разума въ области соціальныхъ явленій, которая была ему до сихъ поръ строго запрещена, нѣмецкій философъ Гегель писалъ въ своей *Философіи исторіи*: «Анаксагоръ первый сказалъ, что умъ управляетъ міромъ; но теперь люди уже признаютъ, что мысль должна также управлять человѣческимъ обществомъ. Это признаніе было какъ бы великолѣпнымъ восходомъ солнца».

---

[1]) Mirabeau; *Lettves de cachet*.

Какъ будто ослѣпленные новыми перспективами, открытыми разумомъ въ политикѣ, философы не разглядѣли всего, что было законнаго и неискоренимаго въ нѣкоторыхъ изъ традицій, которыя они думали искоренить и которыя должны были вскорѣ снова появиться подъ другими именами. Ихъ сурово упрекали въ этомъ ослѣпленіи, возлагая отвѣтственность за него на классическій разумъ XVII вѣка, вторгавшійся, въ область, ему не принадлежащую. Въ дѣйствительности, то, что называютъ классическимъ разумомъ, есть лишь *литературное* наслѣдіе древности: мы имѣемъ здѣсь дѣло скорѣе съ разумомъ Картезіанцевъ, который, въ рукахъ энциклопедистовъ, уничтожаетъ учрежденія и прошлое общество, точно также, какъ въ «Бесѣдахъ о методѣ» Декарта онъ уничтожилъ, или думалъ уничтожить, все философское прошлое человѣчества.

Представленіе объ идеальномъ городѣ, которое вызываетъ Декартъ въ своей «Бесѣдѣ о методѣ», послужило до нѣкоторой степени прототипомъ того общества, о которомъ мечтали энциклопедисты; поэтому то ихъ ученики приступили прежде всего къ разрушенію стараго общественнаго зданія. Мы знаемъ все, что можно возразить и что возражали противъ подобныхъ идей и противъ подобнаго способа дѣйствія. Но для того, чтобы судъ нашъ былъ справедливъ къ обѣимъ сторонамъ, мы должны ясно представить себѣ ту историческую обстановку, при которой дѣйствовали обѣ стороны: раньше, чѣмъ обвинять только безумныхъ разрушителей, мы должны знать, соглашались ли хозяева общественнаго зданія, признаннаго всѣми никуда не годнымъ, приспособить его къ новымъ потребностямъ и къ законнымъ требованіямъ людей своего времени. Но мы видѣли, что случилось какъ разъ обратное. Можно-ли удивляться послѣ этого тому свирѣпому рѣшенію, къ которому пришли и философы, и революціонеры? «Намъ совсѣмъ не важно знать, воскликнулъ однажды Мирабо, согласно ли или несогласно съ нашимъ публичнымъ правомъ употребленіе lettres de cachet. Это право рушится со всѣхъ сторонъ, у насъ нѣтъ конституціи: обратимся къ принципамъ».

Разумъ одинаковъ у всѣхъ людей, сказалъ Декартъ, а энциклопедисты сдѣлали вполнѣ логическое добавленіе: всѣ граждане имѣютъ одинаковыя права. Передъ лицомъ очень древняго и почти священнаго догматизма, царившаго въ его время, Декартъ провозгласилъ полную независимость индивидуальной мысли,—ибо что можетъ быть индивидуальнѣе разума? Энциклопедисты, тѣмъ же Декартовскимъ методомъ, выводили отсюда, что каждый гражданинъ долженъ пользоваться неотъемлемой свободой внутри общества, какъ бы это общество ни было древне, и передъ лицомъ власти, каковы бы ни были ея притязанія на божественное происхожденіе. Это двойное освобожденіе мысли и воли прямо вело къ индивидуализму и его неизбѣжному слѣдствію—къ современному либерализму.

Кромѣ того, если мы станемъ разсматривать не происхожденіе [illegible] въ доисторическія времена, которое всегда будетъ для насъ [illegible], а гораздо ближе знакомое намъ развитіе обществъ въ историческій періодъ, мы увидимъ, что общества прогрессировали по мѣрѣ [illegible], какъ общественныя отношенія опредѣлялись свободными и точными договорами. Если необходимо признать, что первой соціальной [illegible] была семья, то со временемъ общественный прогрессъ мало-[illegible] [illegible] и освободилъ отъ узъ семьи личность и создалъ [illegible] новую соціальную единицу, вытѣснившую свою пред-

шественницу. Съ этихъ поръ коллективныя права и обязанности семьи замѣняются свободнымъ договоромъ отдѣльныхъ лицъ между собой, и исторія цивилизаціи, въ особенности въ Западной Европѣ, втеченіе вѣковъ, заноситъ на свои страницы побѣды законныхъ договоровъ надъ несправедливыми или варварскими обычаями. Такъ, «исчезло рабство, уступая мѣсто договорнымъ отношеніямъ между слугой и хозяиномъ; отношенія такого же характера замѣнили опеку надъ женщиной и надъ взрослыми дѣтьми» [1]). Но кто же, какъ не *разумъ*, руководимый идеаломъ справедливости, ввелъ свободные договоры вмѣсто обычаевъ, допускавшихъ произволъ, т.-е. фактъ замѣнилъ правомъ [2])? Поэтому, если энциклопедисты отводили разуму роль, которой онъ не могъ играть въ прошломъ человѣчества, они не ошиблись, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ разумъ призванъ преобразовать общество и постепенно при помощи переходныхъ формъ приблизить его къ такой договорной ассоціаціи, которая относилась бы съ уваженіемъ ко всѣмъ видамъ свободы. Итакъ, если *политическій разумъ* и не древняго происхожденія, скажемъ мы, перефразируя извѣстное выраженіе M-me де-Сталь, то мы все-таки должны принять этого новаго пришельца, и праздновать его появленіе. Мы должны быть благодарны тѣмъ, кто своимъ чрезмѣрнымъ благоговѣніемъ передъ разумомъ помогъ ему выдвинуться и стать регуляторомъ современныхъ отношеній.

Нравственность, какъ и политика, также подчинена контролю разума, этого верховнаго владыки, всюду простирающаго свою власть. Поэтому изложимъ вкратцѣ, какъ разумъ философовъ отнесся къ католической морали и какъ, не удовлетворившись ею, старался замѣнить ее другими системами.

Много разъ указывали на заблужденія энциклопедистовъ относительно происхожденія и сущности религій, много разъ ихъ опровергали. Чтобы указать, насколько мы теперь далеки отъ ихъ ошибокъ, достаточно напомнить, что Кондорсе всѣ религіи объяснялъ «довѣрчивостью первыхъ простаковъ и ловкостью первыхъ обманщиковъ». Подобныя заблужденія, теперь уже опровергнутыя, объясняются двумя основными причинами, но изъ нихъ только одна, какъ увидимъ, должна быть поставлена на счетъ философамъ. Съ одной стороны, большая часть ложныхъ идей, высказанныхъ энциклопедистами по этому предмету, вытекала изъ ихъ незнанія исторіи религій, которую настоящимъ образомъ изучили только въ наше время. Зато ихъ вина состояла въ томъ, что они вообразили, будто разумъ объясняетъ все, даже религію, въ которой воображеніе играетъ главную роль [3]). Крайніе логики, доводя свою логику до крайности, они, не задумываясь, отвергали библейскіе разсказы только потому, что послѣдніе не выдерживали критики съ точки зрѣнія логическаго принципа противорѣчія. Напр., въ библіи встрѣчаются разсказы о чудесахъ, переданные до-

---

[1]) Summer Maine: *L'ancien droit*, p. 160.

[2]) „Осужденіе рабства, сказалъ Боссюе, есть хула на Духа Св., который повелѣваетъ рабамъ, устами Св. Павла, оставаться въ своемъ первобытномъ состояніи и не обязываетъ господъ освобождать ихъ". (*Avertissement V, aux Protest*). На это Монтескьё отвѣтилъ въ своихъ знаменитыхъ главахъ, которыя дышатъ такой высокомѣрной ироніей надъ идеей рабства.

[3]) Съ точки зрѣнія ихъ разума, въ основѣ суевѣрія людей лежитъ аллегорія; напр., „коршунъ, пожирающій Прометея, есть только эмблема глубокихъ размышленій". (*Encyclopédie*: art. *Grecs*).

стовѣрными свидѣтелями. Философы разсуждаютъ такъ: фактъ или вѣренъ, или не вѣренъ; но онъ навѣрное ложенъ, такъ какъ a priori немыслимъ; итакъ — достовѣрные свидѣтели, подтверждавшіе истинность факта, солгали, и вотъ вамъ тѣ «обманщики», которыхъ Кондорсе считаетъ основателями религій. Было еще однако третье рѣшеніе: если достовѣрные свидѣтели *думали*, что передъ ихъ глазами совершилось чудо, то фактъ самъ по себѣ могъ быть ложный, даже невозможный, хотя бы свидѣтели и не лгали. Но энциклопедисты какъ будто были лишены способности додуматься до этой третьей гипотезы и именно потому, что они приписывали этимъ свидѣтелямъ такой же разумъ, какимъ обладали сами.

Мы не считаемъ нужнымъ опровергать теорію XVIII вѣка о вѣроятномъ происхожденіи религій. Но интересно замѣтить, что въ вопросѣ, въ которомъ философы обращались исключительно къ разуму, ихъ объясненія даже не были особенно разумны. Въ самомъ дѣлѣ какая нелѣпость утверждать, что религію выдумали священники, когда не можетъ быть священниковъ до появленія вѣрованій и существованія многочисленныхъ вѣрующихъ. Точно также невозможно допустить, чтобы обманъ былъ единственнымъ средствомъ привлеченія первыхъ вѣрующихъ, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, всѣ древніе народы должны быть круглыми дураками; вѣдь они всѣ безъ исключенія были религіозны; и какъ быть тогда съ *естественнымъ разумомъ*, которымъ сами же философы слишкомъ ужъ щедро надѣляли человѣчество во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ?

Въ самомъ дѣлѣ, если бы философовъ не ослѣпляло предубѣжденіе и своего рода фанатизмъ на выворотъ, они легко отыскали бы во всякой религіи два самыхъ дорогихъ для нихъ принципа: природу и разумъ. Что лучше всего отражаетъ *природный* геній каждаго народа, какъ не его религія? У грековъ она блещетъ изяществомъ и весельемъ, у Римлянъ—она обставлена формализмомъ и мелочностью, отъ нея пахнетъ кровью у Мексиканцевъ и т. д. Если, всѣ народы древности были религіозны, не слѣдуетъ ли отсюда тотъ выводъ, что религія свойственна первобытному человѣку, т.-е. тому, кого философы называли человѣкомъ природы. И только въ этомъ смыслѣ, и можно говорить о «естественной религіи»,—о томъ, что Кальвинъ называлъ *theologia naturalis innata*.

Затѣмъ, развѣ первыя вѣрованія не были какъ бы первымъ пробужденіемъ *разума*, который по скольку могъ, самъ себѣ объяснялъ явленія вселенной? Наконецъ, будь философы повнимательнѣе, они могли бы усмотрѣть въ религіяхъ, на самой зарѣ ихъ исторіи, элементы той же *выгоды*, которой философы придавали такое центральное значеніе. Если вѣрно, что первыя религіозныя чувства были вызваны не столько величественными явленіями природы, которыя волнуютъ или очаровываютъ насъ, но скорѣе тѣми силами, которыя, по мнѣнію первобытныхъ людей, могли дать имъ пищу или безопасность: напр., рѣки съ кишащими въ нихъ рыбами, съ плодороднымъ иломъ, благодѣтельный солнечный свѣтъ, разгонявшій ужасные кошмары ночи—энциклопедисты безъ труда могли бы додуматься до такого происхожденія религій, если бы только они болѣе здраво и безъ предвзятой мысли примѣняли къ изслѣдованію ихъ тѣ же принципы, которыми они объясняли все на свѣтѣ. Но они не могли допустить, чтобы «суевѣріе», подъ какимъ бы то ни было видомъ, преобладало надъ разумомъ, и коренилось бы своими ядовитыми корнями въ той самой природѣ всѣ

произведенія которой совершенны. Оттого то они и не могли быть не только безпристрастны, но даже просто проницательны.

Правда, что защитники католицизма старательно выдѣляли его изъ первобытныхъ религій, которыя, можетъ быть, и были естественными, но по существу были «ложны». А философы отрицали это разграниченіе.

Мы постараемся уяснить себѣ не только то, что отрицали философы, но и самое ихъ отрицаніе. Вѣдь, въ исторіи человѣческой мысли, отрицательный раціонализмъ не менѣе естественъ и не болѣе неожиданъ, чѣмъ примитивныя суевѣрія, отмѣчающія зарожденіе всякой религіи.

При зарожденіи всякаго культа, человѣкъ воображаетъ, что, путемъ установленныхъ церемоній, онъ входитъ въ непосредственныя сношенія съ божествомъ и отчасти воздѣйствуетъ на его божественную волю. Онъ увѣренъ, что вступаетъ въ непосредственное общеніе съ божествомъ и передаетъ другимъ то, что ему открыло всемогущее божество, а эти другіе, не сомнѣваясь, что въ довѣренной имъ тайнѣ заключается безусловная истина, благоговѣйно передаютъ ее своимъ потомкамъ и записываютъ ее на вѣчныя времена въ книги. Но во всемъ этомъ нѣтъ ни плутовства, ни обмана.

Наступаетъ, однако, моментъ, когда *разумъ* находитъ въ этихъ преданіяхъ недостатки и противорѣчія, слишкомъ явно изобличающіе человѣческую природу авторовъ. Тогда тотъ же разумъ, продолжая свое дерзкое, но неизбѣжное изслѣдованіе, начинаетъ объяснять по своему, т.-е. заранѣе обдуманными ухищреніями и сознательной ложью, то, что складывалось само собою, подъ вліяніемъ самаго искренняго энтузіазма. Эту ошибку въ древности дѣлали греческіе софисты, увѣряя, что культы—выдумка жрецовъ и королей. Такъ думали и въ концѣ среднихъ вѣковъ, когда сравненіе различныхъ религій привело къ тому неопредѣленному раціонализму, который облекся въ популярную форму въ извѣстной баснѣ о «трехъ обманщикахъ». Наконецъ, въ эпоху, о которой мы говоримъ, философы—энциклопедисты также толкуютъ и не вѣрно толкуютъ, непонятныя для нихъ тайны культовъ. Несомнѣнно, что каждый вѣрующій человѣкъ имѣлъ право бросить въ лицо этимъ раціоналистамъ, отлично объясняющимъ для нихъ самихъ непонятныя вещи, извѣстное восклицаніе Паскаля: «смирись, безсильный *разумъ*, и знай, что человѣкъ безконечно превосходитъ пониманіе человѣка» [1]). (Humiliez vous, raison impuissante, et apprenez, que l'homme passe infiniment l'homme).

Въ задачу философовъ входила борьба съ понятіемъ вообще о сверхъестественномъ. Мнѣ кажется, что существуютъ четыре различныхъ отношенія къ сверхъестественному. Во-первыхъ, его безъ всякой критики принимаютъ за то, за что его выдаютъ, за фактъ. Такъ нѣкогда Геродотъ допускалъ и наивно передавалъ миѳологическія басни самыхъ удивительныхъ культовъ. Также поступала и католическая церковь, считавшая, что важно не толкованье, а вѣра. Во-вторыхъ существуетъ извѣстное объясненіе Эвемера (Evhémère), по которому боги, это — древніе короли или жрецы, обоготворенные послѣ смерти. Это называется свести сверхъ-естественное миѳологическое начало культа къ естественнымъ явленіямъ; теорія эта, которую наши философы нашли остроумной, обращала всѣ чудесные миѳологическіе

---

[1]) Эти соображенія можно найти въ прекрасныхъ трудахъ Пфейдфера о Религіи и Исторіи Религіи (по-нѣмецки).

разсказы въ интересныя загадки, которыя оставалось только разгадывать.

Въ третьихъ, согласно излюбленному объясненію философовъ, дѣлавшему меньше всего чести человѣчеству, все сверхъ-естественное низводилось на степень наглаго обмана, при помощи котораго основатели религій завоевали себѣ власть и обаяніе надъ толпой глупцовъ. Эта теорія уступила, наконецъ, въ XIX вѣкѣ, мѣсто толкованію менѣе унизительному для человѣческой природы: основатели религій далеко не всегда по доброй волѣ совершаютъ чудеса; но очень часто ихъ навязываетъ имъ настойчивая вѣра учениковъ, часто чудо совершается совмѣстно тѣми, въ кого вѣрятъ и тѣми, кто вѣритъ—и кто требуетъ чуда, чтобы укрѣпить свою вѣру.

Не надо только забывать слѣдующаго: если новѣйшая критика осмѣлилась коснуться самыхъ текстовъ, тѣхъ текстовъ, къ которымъ нѣкогда было примѣнимо извѣстное выраженіе Вольтера, въ его серьезномъ значеніи: «Они священны, такъ какъ никто не смѣетъ къ нимъ прикоснуться», то и здѣсь сказалось вліяніе философовъ, пріучившихъ насъ смѣлѣе обращаться съ миѳологическими разсказами. Если философы не сумѣли объяснить сущности вѣры, то они, по крайней мѣрѣ, добились своей научной пропагандой и—почему не сказать правды?—взрывами смѣха, исчезновенія многихъ легендарныхъ происшествій. Освободившись, благодаря имъ, отъ суевѣрныхъ розсказней, мы получили возможность дать этимъ разсказамъ болѣе безпристрастное и болѣе серьезное, но все таки раціоналистическое, толкованіе. Хотя современная экзегетика и требуетъ знанія и тонкаго анализа, которыхъ недоставало энциклопедистамъ, но во что бы она обратилась безъ *критическаго разума?* А критическій разумъ, даже съ его спеціальными пріемами изслѣдованія, не былъ уже настолько чуждъ энциклопедистамъ, какъ это принято думать: говорятъ, напр., что Вольтеръ имѣлъ очень ясное понятіе и о вліяніи александрійской философіи на христіанство, и о происхожденіи четвертаго Евангелія.

Прибавимъ, наконецъ, что, когда Вольтеръ и его друзья, ожесточенно, даже, если хотите, съ недостойнымъ ослѣпленіемъ, обвиняли основателей католицизма въ обманѣ, то вѣдь они только примѣняли къ католической религіи тотъ же приговоръ, которымъ она клеймила всякую не католическую религію. Философы, сражаясь противъ привилегій въ государствѣ, изгнали ихъ и изъ области церкви. Они одинаково относились и къ суевѣріямъ древнихъ, и къ новѣйшимъ ересямъ, и къ религіи, которая называла себя единственно истинной. Въ ущербъ послѣдней возвышая другія вѣрованья, они поставили всѣхъ ихъ на одинъ уровень и дали такимъ образомъ возможность будущимъ историкамъ примѣнять къ нимъ болѣе выработанные, и въ то же время, болѣе безпристрастные критическіе пріемы.

Не рисковали-ли философы, въ этой безпощадной войнѣ противъ католичества убить и самую нравственность, которой религія до тѣхъ поръ служила, а, по словамъ ихъ противниковъ, и должна была всегда служить самымъ прочнымъ и единственнымъ основаніемъ? Мы подходимъ къ послѣднему вопросу, одному изъ самыхъ щекотливыхъ, но съ практической точки зрѣнія самому важному изъ всѣхъ, которые были подняты философіей XVIII вѣка.

Должны-ли мы исключить изъ числа борцовъ всѣхъ тѣхъ, кто, какъ Вольтеръ, хотѣли только, по ихъ же словамъ, «очистить», а не уничтожить католичество, потому что видѣли въ немъ «спасительную

узду», необходимую для общественн[illegible]
ихъ собственнаго покоя? Исповѣдуя [illegible]
всякихъ суевѣрій, которую они [illegible]
ограничили свой скромный и туманный [illegible]
стыми догматами, которые, по ихъ [illegible]
наго философа: воздающій по заслугамъ [illegible]
ная душа и «нравственные принципы [illegible]
роду». Не будемъ придавать этой [illegible]
наго значенія, чѣмъ это дѣлали сами [illegible]
естественной только для тѣхъ, кто зналъ [illegible]
не была даже религіей, такъ какъ она не отводила [illegible]
сердца. Итакъ, отвѣсимъ глубокій поклонъ «божественн[illegible]
этимъ и ограничивались деисты—и перейдемъ [illegible]
которые одни были послѣдовательны въ партіи [illegible]
Посмотримъ сперва, каковы ихъ взгляды на этотъ [illegible]
нравственности и религіи, а затѣмъ постараемся узнать [illegible]
они основать нравственность помимо религіи и какова [illegible]
ственность.

Прежде всего, они прекрасно видѣли, какъ опасно [illegible]
ственность въ зависимость отъ религіи, и, какъ и слѣдовало [illegible]
настойчиво на это указывали. Если бы еще Богъ самъ [illegible]
намъ свои повелѣнія, но «повинуясь Богу—повинуются [illegible]
священникамъ. За Бога говоритъ католическая церковь» [1]). А кто [illegible]
священники?—люди, способные ошибаться: и тутъ цитировались [illegible]
махи Кавейрака или Помпиньяна; въ ихъ умахъ царитъ разладъ [illegible]
водятся мелочные споры іезуитовъ и янсенистовъ. Хуже того [illegible]
развратники, а среди тогдашняго духовенства ихъ было черезчур[illegible]
много и среди людей слишкомъ извѣстныхъ; и, наконецъ, эти люди
хотя и слабые и недостойные, но фанатики и палачи. Вольтеръ был[illegible]
правъ, преувеличивая, конечно, умышленно, но въ то же время съ за
коннымъ и искреннимъ негодованіемъ: «Догматъ заставилъ умереть
мучительной смертью десять милліоновъ христіанъ; мораль не произ
вела бы и царапины».

Такъ какъ нравственность была отождествлена съ католичествомъ, а католичество воплощалось въ духовенствѣ, то всѣ ошибки, совершенныя духовенствомъ, отражались и на религіи. А расшатанная религія угрожала въ свою очередь увлечь въ своемъ паденіи и нравственность. Уже въ XVI вѣкѣ общественная совѣсть начала съ того, что *протестовала* противъ дурныхъ нравовъ духовенства; затѣмъ, такъ какъ духовенство составляло съ церковью одно цѣлое, она обратила свое оружіе противъ самой церкви, и тогда изъ нравственнаго протеста выросла религіозная «Реформа». Въ XVIII вѣкѣ прежде всего начинаютъ сомнѣваться въ католичествѣ; но, такъ какъ въ то время, не понимали какой бы то ни было нравственности внѣ религіи, то отказаться отъ послѣдней значило остаться безъ нравственныхъ принциповъ. Вотъ почему вольность нравовъ была такъ тѣсно связана съ вольнодумствомъ: «Всякій человѣкъ, отбросившій религію, на которой, какъ ему говорятъ, построена нравственность, подумаетъ, что эта нравственность такъ же, какъ и ея основа,—химера. Отъ того-то слова

---

[1]) Гольбахъ: *Le Christianisme dévoilé.* „Нравственность можетъ быть безъ религіи и религія безъ нравственности". *Encyclop., art. Irréligieux.*

невѣрующій и *вольнодумецъ* стали къ несчастью синонимами» [1]). Въ XVIII вѣкѣ стали, наконецъ, одинаково презирать католичество и нравственность, такъ какъ эти понятія были неотдѣлимы другъ отъ друга. Такимъ образомъ, такъ какъ и религіозное, и нравственное убѣжденіе было неразрывно связано съ религіозной обрядностью, т.-е. съ церковью, то вмѣстѣ съ частичнымъ, въ теченіе вѣковъ совершавшимся, разрушеніемъ всего зданія, происходило аналогичное распаденіе и общественной совѣсти. Пока, наконецъ, крушеніе всего зданія, дѣйствительное или только мнимое, не привело философовъ къ самому радикальному скептицизму. Слѣдовательно, этотъ атеизмъ не былъ цѣликомъ созданъ философами, какъ религія не была изобрѣтена священниками; но для философовъ онъ явился какъ бы послѣднимъ убѣжищемъ, куда ихъ загнала несговорчивость духовенства. Энциклопедистовъ заставило еще больше погрузиться въ атеизмъ то обстоятельство, что церковь, какъ мы указали, противилась не только успѣхамъ науки и разума, но даже соціальнымъ реформамъ, которыхъ, однако, все болѣе и болѣе настойчиво требовало общественное мнѣніе. Церковь отвергала эти законныя реформы, и казалось, что, работая надъ ихъ выполненіемъ, надо было прежде всего порвать съ церковью; такимъ образомъ философы дѣлались скептиками не только по требованію разума, но еще изъ патріотизма и человѣколюбія.

Теперь намъ стало понятнѣе, почему энциклопедисты видѣли, или хотѣли видѣть, только зло, причиненное католической религіей. Въ ихъ глазахъ все хорошее, что она сдѣлала и могла еще сдѣлать, уничтожалось тѣмъ существеннымъ вредомъ, который современное имъ духовенство причиняло наукѣ и обществу. Философы забывали, что наивныя средневѣковыя вѣрованія, которыя они безпощадно осмѣивали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, давали душевный миръ тысячамъ людей; кромѣ того они не знали, что религія была не только великой утѣшительницей обездоленныхъ, но въ теченіе всей исторіи, и самой могущественной союзницей нравственности и цивилизаціи. Если, дѣйствительно, для человѣка, какъ животнаго, руководящагося привычкой, нравственность была сначала только сводомъ обычаевъ, установленныхъ въ каждомъ племени, то именно религія, возведя эти обычаи на степень божественныхъ предписаній, мало по малу насаждала ихъ въ сердцахъ людей. Она упрочила власть этихъ предписаній, заставляя самихъ боговъ мстить за малѣйшее нарушеніе обычаевъ, ставшихъ съ этихъ поръ священными. Сама цивилизація, прогрессирующая вмѣстѣ съ повышеніемъ нравственнаго идеала человѣчества,—данница смѣняющихъ одна другую религій, такъ какъ каждая изъ нихъ, вытѣсняя свою соперницу, выдвигаетъ болѣе высокіе, болѣе утонченные принципы нравственности. Кромѣ того, всѣ религіи по существу отличаются склонностью къ пропагандѣ и завоеваніямъ, и поэтому каждая изъ нихъ въ свою очередь, перенося за предѣлы родной ей страны новый и лучшій идеалъ и освѣщая имъ міръ, была настоящимъ проводникомъ нравственности и цивилизаціи. Такимъ образомъ, всѣ культы въ различной степени, способствовали всеобщей культурѣ [2]).

---

[1]) Гольбахъ, ibid.

[2]) Тюрго въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ выяснилъ, въ самый моментъ выхода въ свѣтъ *Энциклопедіи*, блестящія заслуги, оказанныя церковью цивилизаціи въ теченіе среднихъ вѣковъ, такъ обезславленныхъ философами: „Когда почти вся литература рушилась, ты одна, о святая религія! создавала еще писателей, которыхъ одушевляло желаніе научить вѣрныхъ; и когда Европа

Несомнѣнно, что христіанство больше, чѣмъ всякая другая религія, служило,—больше того,—создавало по своему подобію, кроило по своему образцу современную культуру. Мы не станемъ поэтому перечислять, опровергая философовъ, всѣхъ великихъ идей и всѣхъ благородныхъ чувствъ, которыми и мы, и сами философы, не подозрѣвая этого, обязаны этой христіанской и въ частности католической церкви. Замѣтимъ только, что даже тѣ крайности католическаго ригоризма, на которыя больше всего нападали энциклопедисты, не остались безъ вліянія на подъемъ идеала и, слѣдовательно, на усиленіе внутренняго достоинства человѣчества. Средневѣковые святые и аскеты, такъ осмѣянные Вольтеромъ, побѣждая въ самихъ себѣ и своимъ заразительнымъ примѣромъ сдерживая въ другихъ эгоизмъ и грубые аппетиты, вносили въ міръ добродѣтельную восторженность и безуміе христіанскаго героизма. Несомнѣнно, что совѣсть послѣдующихъ поколѣній наслѣдовала ихъ муки и закалялась въ ихъ слезахъ.—Слѣдуетъ-ли, однако, изъ этого, что мы должны вѣчно приносить наши мысли и нашу жизнь въ жертву католическимъ догматамъ и аскетизму? Нельзя-ли придумать такую этику, которая, не унижая нравственнаго прошлаго человѣчества, нашла бы себѣ другую основу и предложила бы людямъ какой-нибудь другой идеалъ, не сходный съ католическимъ? Такую именно мораль и разсчитывали предложить философы. Разсмотримъ безпристрастно, каково было внутреннее достоинство этой системы, не покоющейся на метафизическомъ началѣ.

Первый писатель, осмѣлившійся въ XVIII вѣкѣ утверждать, что разумъ можетъ, безъ посторонней поддержки, безъ всякихъ метафизическихъ принциповъ, создать нравственность порядочныхъ людей,—былъ авторъ «Разоблаченнаго христіанства», «Системы природы» и многихъ другихъ анонимныхъ произведеній,—баронъ Гольбахъ. Безконечныя нападки Гольбаха на идоловъ и на «идолопоклонниковъ», кажутся намъ теперь, конечно, смѣшными, и мы согласны съ Гримолп, что все, что было испечено фирмой Михаила Ре (издателя Гольбаха), не стоитъ Фернейской манны. Зато, если Гольбахъ уступаетъ Вольтеру въ способности развлекать читателя своими разсказами, онъ послѣдовательнѣе его и больше подходитъ къ типу истиннаго философа. Одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ противниковъ энциклопедіи, Бержье, предавъ анаѳемѣ доктрину Гольбаха, воздалъ должное его честности и силѣ его мысли: «На деизмѣ долго не продержишься и авторъ «Разоблаченнаго христіанства», болѣе искренній и болѣе послѣдовательный, чѣмъ другіе, громко исповѣдуетъ отрицаніе религіи. Дальше этого философія итти не можетъ». Дѣйствительно, если признать, что достаточно двухъ излюбленныхъ принциповъ философовъ—природы и разума,—другъ друга взаимно регулирующихъ, чтобы все объяснить, если признать, что все естественное разумно, то развѣ мы тогда не имѣемъ права думать, что Богъ есть безполезная гипотеза, а, думая такъ, развѣ мы не обязаны это высказать? Таково было мнѣніе Гольбаха: «Если истина полезна людямъ, несправедливо лишать

стала добычей варваровъ, ты одна сдерживала ихъ жестокость; ты одна увѣковѣчила знаніе уничтоженнаго латинскаго языка; одна ты передавала, на протяженіе столькихъ вѣковъ, духъ столькихъ великихъ людей, ввѣренный этому языку; и сохраненіе сокровищницы человѣческихъ знаній, готовой разсыпаться, есть одно изъ благодѣяній". (Рѣчь въ Сорбоннѣ, сказанная 11-го декабря 1750 г.). Срав. по этому же вопросу прекрасное подробное изложеніе Тэна въ началѣ его книги: *Старый порядокъ*.

ихъ ея, а если допустить извѣстную истину, надо признать и вытекающіе изъ нея выводы, которые также истинны».

Одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ выводовъ философіи XVIII вѣка—это, что можно быть очень честнымъ человѣкомъ и не вѣрить въ Бога,—и заслуга этого вывода, сдѣланнаго со всей ясностью и провозглашеннаго безъ всякихъ обиняковъ, принадлежитъ Гольбаху.

Подобная истина теперь кажется намъ совсѣмъ простой; однако, Гольбаху первому принадлежитъ не формулировка (это было сдѣлано Бейлемъ), а ея догматическая защита и распространеніе—это одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые лучше всего доказываютъ, какъ медленно развивалась свободная мысль. Ея движеніе замедлялось не только нетерпимостью вѣрующихъ, но еще и противорѣчіями и недомолвками скептиковъ, изъ которыхъ одни не умѣли, а другіе не смѣли довести свой скептицизмъ до конца. Для большинства людей XVIII вѣка скептикъ былъ чуть не синонимъ негодяя: «На него смотрятъ,—говоритъ Гольбахъ,—какъ на существо вредное, какъ на заразу», и цитируетъ Аббади, который выставляетъ сына—скептика готоваго «убить своего отца, чтобы воспользоваться наслѣдствомъ, какъ только представится къ тому удобный случай [1])». Гольбахъ долженъ былъ скрывать свое имя не только, чтобы избѣжать Бастиліи, но и чтобы не потерять друзей, большинство которыхъ не подозрѣвало о его литературныхъ преступленіяхъ. Тринадцать лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ его главнаго труда, Мерсье, скорѣе благосклонный къ энциклопедистамъ, пишетъ въ своихъ *Картинкахъ Парижа*. «У меня вездѣ спрашиваютъ имя автора *Системы природы*, какъ будто я его знаю. Этотъ ужасный авторъ таится въ густомъ мракѣ: пусть-же его имя на вѣки погибнетъ во мракѣ, въ неизвѣстности!» Его проклинаютъ, не зная его, и вѣрующіе, которыхъ онъ задѣваетъ,—и философы, которыхъ онъ компрометировалъ; его бранилъ Вольтеръ, видѣвшій въ его системѣ только «глубокую нелѣпость»; на него косился Гриммъ, предлагавшій аристократически-высокомѣрному вниманію своихъ корреспондентовъ «пошлыя рѣчи о добродѣтели» этого атеиста, не почитавшаго ни сильныхъ міра сего, ни самого Бога. Но Гольбахъ спокойно продолжалъ, подъ разными псевдонимами, а иногда пользуясь перомъ своего интимнаго повѣреннаго, Дидро, яростно нападать на поповъ и королей и излагать свои непоколебимые доводы въ пользу нечестивой, но «человѣческой» морали.

Онъ поднимаетъ и направляетъ противъ католичества то вѣковое обвиненіе, которымъ они давили скептиковъ. Перечисливъ всѣ пагубныя послѣдствія, для общественной жизни, аскетизма и безбрачія, выставивъ католическую церковь врагомъ науки, даже прогресса торговли и промышленности, такъ какъ, по ея ученію, здѣсь, на землѣ, нужно заботиться исключительно о своемъ спасеніи, Гольбахъ дѣлаетъ смѣлое заключеніе, принимая на свой личный страхъ общія разсужденія Бейля, что не общество скептиковъ не мыслимо, какъ говорили до и послѣ Бейля, а не мыслимо общество, состоящее изъ послѣдовательныхъ католиковъ: «Если слѣдовать *во всей строгости* принципамъ католицизма, то никакое политическое общество не могло бы существовать». Безъ сомнѣнія, можно не соглашаться съ этимъ и другими подобными же положеніями Гольбаха, но нельзя отрицать, что многіе его доводы, направленные противъ католицизма, не лишены значенія;

[1]) Abbadie: *De la verité de la religion chrétienne*, t. I, ch. 18.

къ нимъ возвращались, въ другихъ выраже[illegible]
которымъ невозможно отказать ни въ д[illegible]
висимости мысли. Затѣмъ надо замѣтить [illegible]
природы, скептицизмъ пересталъ быть [illegible]
съ этихъ поръ онъ дѣлается просто [illegible]
открыто могутъ высказывать честные люди [illegible]
шеніе къ религіи, говорили иногда. то [illegible]
Каково исключеніе!—восклицалъ Бурдалу. [illegible]
Т.-е., это очень порядочный человѣкъ. Только [illegible]
повъ, которые разрушатъ всякія сношенія [illegible]
людьми. Однимъ словомъ, это очень честный [illegible]
нѣтъ ни чести, ни совѣсти. Испытайте ка его [illegible]
увидите, что это за порядочный человѣкъ![1]) И [illegible]
Гольбаха доказывала, что можно жить съ отъявленн[illegible]
не ставя его ни выше, ни ниже большинства [illegible]
имѣемъ право сказать, что онъ жилъ такъ, какъ [illegible]
послѣдователямъ своей философіи. «Онъ тѣмъ добросовѣстн[illegible]
нялъ свои обязанности, что другіе подозрительно отн[illegible]
чувствамъ; его наклонности и привычки не набросили [illegible]
тѣни на его систему, а скорѣе послужили въ ея защиту»[2])

Каковы же могутъ быть нравственные принципы чел[illegible]
тиковъ вродѣ Гольбаха или Дидро, или такихъ, которые, как[illegible]
торые другіе энциклопедисты, будучи послѣдовательными отрица[illegible]
лями, искали внѣ метафизики правилъ для своего поведенія? Уже Мо[illegible]
тескье сказалъ въ своихъ *Персидскихъ письмахъ*: «Если бы не было
Бога, свободные отъ ярма, налагаемаго на насъ религіей, мы не
должны бы были быть свободными отъ ярма, налагаемаго справедли
востью». Но откуда берется справедливость, и кто наложитъ на насъ
ея ярмо? Задача очень серьезная; философы разрѣшили ее двумя весьма
различными способами, смотря по тому, приступали ли они къ ней, во
оружась тѣмъ или инымъ изъ двухъ методовъ, между которыми они,
какъ мы видѣли, такъ часто колебались: методомъ чисто раціонали
стическимъ или экспериментальнымъ. Посмотримъ сперва, что имъ под
сказалъ первый.

Философы были убѣждены, что разумъ у людей всѣхъ временъ и народовъ одинъ и тотъ же, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ идеяхъ, и, изслѣдуя содержаніе собственнаго разума, они нашли, что нѣкоторыя изъ этихъ идей были идеями справедливости и свободы. Отсюда они заключили, что эти идеи вѣчны и что нѣтъ въ мірѣ ничего естественнѣе принциповъ права и связанныхъ съ ними понятій объ обязанности. Если бы они наблюдали, то очень быстро убѣдились бы въ противномъ: если бы они знали чужеземные или дикіе народы, на которыхъ они такъ часто ссылались, то увидали бы, что ихъ нравы не согласовались съ ихъ доктриной о всеобщихъ врожденныхъ обязанностяхъ.

Впрочемъ, не философы выдумали эти пресловутые неписанные законы, потому что, если они и не вѣчны, то во всякомъ случаѣ также древни, какъ исторія и поэзія. Извѣстно, что въ *Царѣ Эдипѣ* хоръ помѣщаетъ эти законы у подножія трона Юпитера, который самъ по-

---

[1]) Pensées diverses sur la foi.

[2]) Наиболѣе безпристрастный анализъ *Системы природы* Гольбаха находится въ *Histoire du matérialisme* (Исторія матеріализма), Ланге, I, 377.

пишется имъ наравнѣ съ простыми смертными. Но эта плодотворная, хотя и ложная идея естественнаго и одинаковаго для всѣхъ права, была особенно распространена въ императорскомъ Римѣ и перешла въ жизнь. Она упростила и улучшила римское право, такъ какъ естественные законы, въ томъ видѣ, какъ ихъ формулировали стоики, должны были быть проще и шире древняго писаннаго права. Такъ, Сенека сказалъ, что «боги были прародителями всѣхъ людей»; въ томъ же духѣ написалъ Ульпіанъ: «По естественному праву, всѣ люди рождаются свободными и равными». Трудно согласиться съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ существуетъ естественное право, т.-е., индивидуальное, предшествующее всякому законодательству и всякому обществу. Вѣдь, всякое право ничто, если оно не установлено противъ кого-нибудь и не признано какимъ-нибудь договоромъ. Паскаль, еще раньше, однимъ словомъ поколебалъ эту упрощенную теорію энциклопедистовъ о происхожденіи права: «Что такое наши естественные принципы, какъ не принципы, созданные привычкой? Я очень боюсь, что эта природа сама ничто иное, какъ первая привычка».

Но энциклопедисты, у которыхъ полемика и практическая философія стояли на первомъ планѣ, не столько интересовались истинностью своей юридической теоріи, сколько тѣми выгодами, которыя они могли изъ нея извлечь. Они не могли придумать лучшаго оружія противъ привилегій и освящающихъ ихъ законовъ, какъ эта либеральная доктрина правъ, предшествующихъ всякому закону и всякому обществу. Въ ихъ глазахъ она была еще новой формой и какъ бы лишнимъ доказательствомъ того естественнаго состоянія, которое они, правильно или неправильно, но очень ловко противопоставляли современному состоянію общества. Во имя тѣхъ же естественныхъ правъ, они протестовали противъ несправедливости господствующихъ законовъ: «Съ 1740 г., пишетъ Мирабо,—болѣе 400,000 браковъ заключено въ пустынѣ, что послужило обильнымъ источникомъ скандальныхъ процессовъ и позорныхъ несправедливостей. Суды очутились между двухъ огней: съ одной стороны *законъ естественный*, а съ другой законы положительные и несправедливые». Надо прочесть горделивое обращеніе Мирабо къ деспотизму, гдѣ онъ говоритъ, что даже ихъ право на реформы останавливается передъ непреодолимой преградой неписанныхъ правъ, и изъ которыхъ даже съ точки зрѣнія государственной пользы, одно изъ самыхъ священныхъ это право гражданина на личную свободу. «Конечно, государство должно вводить реформы, которыя бы уничтожили злоупотребленія. Но надо, чтобы эти реформы согласовались съ нашими естественными правами, чтобы не было посягательствъ на законы вѣчные, ради исправленія положительныхъ законовъ; чтобы власть не преступала тѣхъ границъ, которыя назначены ей природой. Даже подъ предлогомъ общественнаго блага нельзя требовать отъ кого бы то ни было, чтобы онъ жертвовалъ своей естественной свободой, такъ какъ общество обязалось ее охранять» [1]).

Этого мало: общество не только *поддерживаетъ*, оно создаетъ всѣ эти такъ называемыя естественныя права, такъ какъ безъ нихъ оно само не могло бы удержаться. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, люди могли бы жить въ обществѣ, если бы не существовало извѣстныхъ правилъ поведенія, мало-по-малу принятыхъ всѣми. За нарушеніе ихъ общество или налагаетъ опредѣленныя наказанія, и отсюда зарождаются обще-

[1]) *Lettres de cachet*, 137, 290

ственные законы, на которыхъ исключительно и основано право, или же они караются всеобщимъ неодобреніемъ и отсюда зарождается нравственность. Слѣдовательно, общественная совѣсть является раньше совѣсти индивидуальной, такъ какъ сначала зло то, что противно обычаямъ, а, слѣдовательно, и интересамъ племени, и виновный наказывается ко всеобщему удовлетворенію. Поэтому можно сказать, что эту, такъ называемую естественную и врожденную, нравственность порождаетъ разсчетъ, привычка укрѣпляетъ ее, а наслѣдственность передаетъ послѣдующимъ поколѣніямъ и своей передачей освѣщаетъ ее. Нравственность, установленная такимъ образомъ, сперва грубая, какъ и ея творцы, не только становится съ вѣками идеальнѣе и совершенствуется, но, подобно культамъ, забываетъ свое чисто человѣческое происхожденіе по мѣрѣ того, какъ отъ него удаляется. Наступаетъ, наконецъ, день, когда она господствуетъ своимъ ли собственнымъ именемъ, или именемъ боговъ, надъ потомками тѣхъ, кто ее изобрѣлъ и силой убѣжденія, а, можетъ быть, и просто силой, ввелъ среди своихъ современниковъ. Эти странныя и величественныя превращенія, которымъ подвергалась нравственность, ускользнули отъ вниманія энциклопедистовъ. Они отнесли къ первобытнымъ временамъ и назвали естественнымъ правомъ то идеальное право, которое медленно вырабатываютъ цѣлые ряды поколѣній, вносящихъ въ него болѣе гуманныя и болѣе широкія начала. Зато они хорошо понимали, что очень важно въ вопросахъ нравственности—объяснить, почему должно, или—практически это одно и то же—почему люди *думаютъ*, что *должно* дѣлать добро.

На этотъ разъ энциклопедисты попытались разрѣшить трудную задачу опытнымъ методомъ и при помощи его основать пресловутую «естественную нравственность», съ которой мы должны познакомить читателя, оцѣнивъ ее въ нѣсколькихъ словахъ.

Нравственность философовъ была *естественна* и въ самыхъ своихъ основаніяхъ: «Нужно повиноваться требованіямъ своей дѣйствительной выгоды», и въ заключеніи: «чтобы быть счастливымъ здѣсь, на землѣ». Итакъ, философы низвели нравственность съ неба на землю; но, развѣнчивая эту башню, не лишили-ли они ее, вмѣстѣ съ прежнимъ престижемъ, и той дѣйствительной власти, которую она имѣла надъ душою людей, и можетъ-ли ихъ чисто человѣческая нравственность внушить людямъ понятіе о долгѣ?

Не вдаваясь въ новое подробное изслѣдованіе утилитаризма, который разбирался многими профессіональными философами, замѣтимъ только, что эти проповѣдники утилитарной нравственности, въ общемъ, больше, чѣмъ сами того желали, сходились съ католичествомъ. Вѣдь, для людей набожныхъ, какъ и для скептиковъ, главнымъ или, скорѣе, единственнымъ жизненнымъ двигателемъ было общее же стремленіе къ счастью? Разница только въ томъ, что философы хотѣли удовлетворить стремленіе здѣсь, на землѣ, а люди набожные откладывали его удовлетвореніе, для большей полноты, до будущей жизни. Даже Паскаль,—одинъ изъ самыхъ доблестныхъ, самыхъ возвышенныхъ душъ среди христіанъ и мыслитель, вызывавшій столько споровъ, котораго философы не напрасно боялись,—даже онъ раздавалъ милостыню бѣднымъ изъ страха передъ адомъ? «Онъ считалъ неисполненіе этого добраго дѣла достаточнымъ поводомъ къ возмездію» [1]). Религіозному

[1]) Гольбахъ: *Le christianisme dévoilé.*

*

[illegible] заботиться о вѣрѣ въ атеизмъ. Но учение первое, все [illegible] приняли [illegible]. Если вѣрить [illegible], [illegible] и женщины существуютъ на землѣ только для того, чтобы [illegible] свое существованіе въ разныхъ [illegible]» [1]. Философы же выказали [illegible] къ вѣрѣ и аскетизмъ не [illegible] «слѣпаго [illegible]», но съ требованіями общежитія. Вѣдь,—[illegible] Гельвецій,—«природа вовсе не была злой мачихой для своихъ дѣтей», а что называется «дѣятельностью страстей, честолюбіе, то въ лучшемъ и [illegible] жизнь общества». Поэтому не надо и уничтожать страсти, отказываться отъ удовольствій, сдѣлаться собственными врагами своимъ, исказить свою природу». Надо только руководить страстями и направлять нашу природу на путь добродѣтели, на-пользу къ интересамъ общества. Вѣдь, добродѣтель исключительно общественнаго характера, такъ какъ обязанность «человѣка, живущаго въ обществѣ», состоитъ въ томъ, чтобы находить личный интересъ въ интересѣ общества, дѣйствительно обязывающемъ первый. Быть добродѣтельнымъ значитъ давать счастье другимъ.

Работать для счастья другихъ значитъ измѣнить себѣ цѣль достаточно нравственную и возвышенную. Но развѣ это дѣйствительно естественная нравственность. Да и какъ заставить людей, которыхъ природа создала такими глубокими эгоистами, вмѣшать ея требованія. Надо доказать имъ, что ихъ эгоистическіе интересы вѣрно понятые, сливаются съ общественнымъ благомъ и въ немъ же удовлетворяются. Это очень вѣрно, говоря вообще, но во многихъ частныхъ случаяхъ далеко не очевидно, а между тѣмъ въ жизни мы имѣемъ дѣло только съ частными фактами. Философы хорошо понимали, что утверждать легче, чѣмъ доказать, и что въ данномъ случаѣ важно убѣдить въ полномъ совпаденіи личной выгоды съ общественнымъ интересомъ. Они признавали, что, въ особенности въ ихъ время, между этими двумя интересами существуетъ слишкомъ явное разногласіе, и потому возлагали отвѣтственность за эти разногласія на общество, а слѣдовательно (исполняя политическія идеи энциклопедистовъ), на самого законодателя, который господствовалъ надъ обществомъ. Итакъ, по выраженію Гельвенія, законодатель обязанъ «искусно связать путемъ улучшенія общественнаго строя частный интересъ съ общественнымъ», придумать законы, которые бы требовали добродѣтели, однимъ словомъ, поставить въ зависимость отъ общественнаго блага счастье каждаго индивидуума.

Гельвецій, несмотря на всѣ его крайности, прекрасно понялъ, что нравственность, въ особенности въ обществѣ, утратившемъ вѣру, это прежде всего дисциплина, чисто соціальная. Вѣдь съ одной стороны, нужно мало-по-малу, при помощи лучшей общественной организаціи, добиться того, чтобы человѣкъ работалъ на пользу всѣхъ, думая въ то же время, что онъ работаетъ для себя одного. Съ другой стороны, даже когда общественный интересъ не сливается въ его глазахъ съ интересомъ индивидуальнымъ, нужно научить человѣка приносить послѣдній въ жертву первому, потому что это выгоднѣе даже для него, хотя онъ и не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета. Наконецъ, нужно воспитать его такъ, чтобы онъ не могъ, безъ угрызеній совѣсти, отказаться отъ этой жертвы, онъ долженъ совершать ее безъ малѣйшихъ колебаній, такъ сказать, по довѣрію, если толковое воспитаніе и хо-

[1]) Вольтеръ: *Diner du comte de Boulainvilliers.*

рошіе, благородные примѣры насадили въ его душѣ то нѣчто, что, въ концѣ концовъ, составляетъ основу всякой нравственности, какова бы она ни была, великодушный *предразсудокъ* самопожертвованія, т.-е., добродѣтель.

III. Человѣчность.

Мы подошли, наконецъ, къ третьей великой идеѣ XVIII. вѣка: къ человѣчности. Къ этой идеѣ должны были придти философы, исходя изъ первыхъ двухъ: изъ природы и разума. По ихъ мнѣнію, существуетъ въ сущности только одна наука, наука о природѣ; и, въ самомъ человѣкѣ, та же природа служитъ основой нравственности. Но и науку о природѣ, и естественную нравственность создалъ разумъ. Наконецъ, *природа* имѣетъ свое высшее выраженіе, а *разумъ* осуществленье *въ человѣчности*. Эти три плодотворныя идеи XVIII вѣка, въ ихъ тѣсной взаимной связи, представлены въ слѣдующей фразѣ Вольтера: «Разумъ, говорилъ Андре, понемногу переходитъ съ сѣвера на югъ въ сопровожденіи своихъ двухъ близкихъ друзей: опыта (или науки о природѣ) и терпимости (или человѣчности)» [1]).

Напомнимъ въ немногихъ словахъ, что внушила философамъ эта высшая идея человѣчности, которая завершала и какъ бы увѣнчивала собою ихъ *раціоналистическій натурализмъ*.

Прежде всего эта идея была прямо противоположна нетерпимости, нераздѣльной съ большинствомъ религій, которыя блекнутъ и умираютъ съ того дня, какъ вѣрующіе перестаютъ смотрѣть на свою вѣру, какъ на лучшую, и не стараются дать ей перевѣсъ надъ другими. Если мы ограничимся только католицизмомъ съ которымъ боролись философы, то можно сказать, что нетерпимость существовала уже на зарѣ ея жизни. «На первыхъ соборахъ велись такіе же споры, какіе бываютъ и въ наше время. Въ I вѣкѣ проявлялась такая же нетерпимость, какую позже, въ XVI вѣкѣ проявлялъ Лютеръ, Цвингли и Кальвинъ [2]).

Надо прибавить, что нетерпимость католической церкви была особенно ужасна: «Это католицизмъ,—говорилъ Гольбахъ,—изобрѣлъ искусство тиранить мысль и мучить совѣсть людей, искусство, незнакомое языческимъ религіямъ». Въ самомъ дѣлѣ, римская имперія если и преслѣдовала философовъ и христіанъ, то только, какъ враговъ государства, за политическія послѣдствія, которыя могли вытекать изъ ихъ ученій, такъ какъ «ей было мало дѣла до души человѣка. Средневѣковое католичество,—говоритъ Ренанъ,—ополчилось огнемъ и мечомъ на самыя души, на совѣсть людей, такъ что мы имѣемъ право сказать, что католическіе средніе вѣка въ ужасныхъ пыткахъ душили свободу мысли».

Выше мы видѣли, до какой степени церковь оставалась нетерпимой еще въ XVIII вѣкѣ, такъ какъ, по словамъ Гольбаха, «еретикъ и невѣрующій, не люди въ глазахъ суевѣрныхъ». Послѣ всего, что было нами сказано о той продолжительной борьбѣ, которую философія, во имя человѣчности, вела противъ религіознаго фанатизма, трудно не признать, что этой великодушной философіи принадлежитъ, по прекрасному выраженію Вольтера, честь «притупить мечи».

---

[1]) *L'homme aux quarante écus.*
[2]) Sabatier: *Esquisse d'une philosophie de la religion*, p. 220.

Прошли уже времена, когда выдающійся католическій прелатъ міра, показавъ, что церковь «заставляетъ склониться надменныя головы и не даетъ никому возвыситься выше намѣстника Петра», съ восхищеніемъ, раздѣляемымъ въ то время всѣми, приводилъ слова англійскаго короля, произнесенныя имъ на одномъ соборѣ: «Я держу въ рукахъ мечъ Константина, а вы—мечъ Св. Петра: дадимъ другъ другу руки и присоединимъ мечъ къ мечу». Это,—прибавилъ Боссюетъ, въ своей «Проповѣди о единствѣ церкви», «традиція, которую завѣщали намъ апостолы». Борьба съ традиціей, въ этомъ ея пунктѣ, велась счастливо, и философы имѣли право поздравлять другъ друга съ успѣхомъ.

Одинъ протестантскій богословъ, разсказывая объ юридическомъ убійствѣ Каласа, писалъ недавно: «Взрывъ негодованія, вызванный этимъ послѣднимъ преступленіемъ и поддержанный краснорѣчіемъ Вольтера, подвинулъ дѣло протестантизма больше, чѣмъ полъ вѣка безвѣстныхъ мученій». Затѣмъ, говоря объ эдиктѣ 1787 г. о вѣротерпимости, на который такъ яростно напали духовенство и парламентъ, тотъ же авторъ прибавляетъ: «Ничто такъ не отвѣчало общественному чувству, какъ эти уступки, которыя дѣлались протестантамъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ дѣло стали защищать философы» [1]).

За послѣднее время такъ часто порицалось поведеніе Вольтера и его друзей въ дѣлѣ Каласа и другихъ несчастныхъ, что, можетъ быть, не безполезно напомнить, что теперешніе протестанты,—а они могутъ судить объ этомъ,—не думаютъ отрицать, насколько они обязаны своимъ благодѣтелямъ прошлаго вѣка.

Человѣчность враждебна фанатизму, увлекающему во взаимную вражду послѣдователей различныхъ религій, и также осуждаетъ и національную ненависть, которая вооружаетъ другъ противъ друга народы. Она стоитъ выше всякихъ религіозныхъ и политическихъ различій и призываетъ отдѣльныхъ людей и цѣлые народы къ общему дѣлу цивилизаціи и мира. Слѣдуетъ ли изъ этого, что философы были плохими патріотами? Въ ихъ время, а еще больше въ наше, ихъ обвиняли въ недостаткѣ патріотизма: «У *Какуаковъ*, говоритъ авторъ памфлета, озаглавленнаго этимъ именемъ, нѣтъ отечества». Разберемъ добросовѣстно, насколько это обвиненіе заслужено.

Правда, что философы не были горячими патріотами;—но кто же въ ихъ время имѣлъ право ставить имъ это въ вину? Ужъ не генералы ли М-me де Помпадуръ, которые въ семилѣтнюю войну, такъ часто позволяли войскамъ прусскаго короля побѣждать себя? И если, какъ утверждаетъ Вовенаргъ, служба родинѣ, даже военная, «считалась устарѣвшей модой и предразсудкомъ», то не слѣдуетъ ли смотрѣть снисходительно на писателей того времени, которые, конечно, не прощали какъ ихъ обвиняли, Францію, но смотрѣли дальше границъ и желали чтобы ихъ отечество было всюду, куда проникала, гдѣ сіяла французская мысль. Извѣстно, впрочемъ, какова была настоящая цѣна дореволюціонному патріотизму. Въ XVI вѣкѣ,—чтобы не идти дальше,—[illegible] считали, что Франція это—страна на сѣверъ отъ Луары, и Маро напр., говоритъ, что онъ покинулъ Кагоръ въ Керси (Cahors [illegible] Quercy) чтобы отправиться во Францію [2]). Одинъ историкъ полов[illegible] XVII вѣка сообщаетъ намъ, что Францискъ I, пробывъ два

[1]) L'Église et la Révolution française.
[2]) [illegible] I 60.

дня въ Марселѣ, «уѣхалъ во Францію» [1]). Если въ этихъ словахъ увидятъ только географическія погрѣшности, то исторія можетъ указать на другія погрѣшности поважнѣе: она можетъ напомнить современнымъ писателямъ, которымъ такъ хочется найти у философовъ недостатокъ патріотизма, что предки послѣднихъ давали имъ въ этомъ отношеніи плохой примѣръ. Извѣстно, чѣмъ была Фронда, и съ какимъ легкимъ сердцемъ Конде и его друзья переходили къ испанцамъ; а измѣна одного изъ Тюренновъ не говоритъ ли намъ, что достаточно было прекрасныхъ глазъ какой-нибудь герцогини, чтобы поколебать патріотизмъ честнаго солдата? Если къ религіозной розни и къ раздорамъ политическихъ партій прибавить различіе въ обычаяхъ, воздвигавшее нравственныя преграды между провинціями, раздѣленными внутренними таможнями, то станетъ понятно, почему до 1889 г. національная связь была такой непрочной и слабой и почему самые благородные люди не гнушались такими союзами, которые мы бы назвали теперь измѣной и подлостью. Увѣряютъ, что тогда король воплощалъ въ себѣ отечество, и поэтому преданность королю была равносильна нашему патріотизму. Но на это не трудно возразить, что, хотя король былъ прежде всего хранителемъ привилегій и благодѣтелемъ дворянства, но оно все-таки не задумывалось ставить свои интересы, если имъ угрожала опасность, впереди интересовъ короля и страны. Если же интересы короля и дворянства совпадали, но шли въ разрѣзъ съ интересами страны, то дворянство нисколько не сомнѣвалось въ выборѣ: такъ эмигранты нашли вполнѣ естественнымъ по выраженію M-me де Сталь, «призывать европейскую жандармерію для вразумленія Парижа».

Дѣло въ томъ, что, въ концѣ концовъ, истинный патріотизмъ родился во Франціи вмѣстѣ со свободой. Общественныя дѣла стали близки сердцу народа только съ того дня, какъ ему позволили принимать въ нихъ участіе. До этого времени они считались дѣлами короля и его министровъ. «Отдѣльныя лица,—говорилъ съ грустью Тюрго въ своемъ проектѣ муниципальнаго устройства,—плохо знакомы съ обязанностями, которые связываютъ ихъ съ государствомъ. Семьи едва сознаютъ, что составляютъ часть государства. Не существуетъ общественнаго настроенія, такъ какъ нѣтъ видимаго общаго интереса». Энциклопедисты, какъ всегда беря на себя роль выразителей ростущихъ народныхъ стремленій, писали: «Мы хотимъ, чтобы народы были добродѣтельны?—Тогда внушимъ имъ прежде всего любовь къ отечеству; но отечества нѣтъ безъ свободы» [2]). Въ самомъ дѣлѣ, кто станетъ интересоваться дѣломъ государства, которое требуетъ отъ васъ только податей и повинностей? «Въ деспотическомъ государствѣ добродѣтель гражданъ—добродѣтель глупцовъ» [3]).

Философы были патріотами столько же, сколько и всѣ, и, прибавимъ мы теперь, сколько можно было быть въ ихъ время. Они, по крайней мѣрѣ, своими произведеніями съумѣли прославить и заставить полюбить свою родину. Въ то время, какъ генералы короля обнаруживали свою неспособность или легкомысліе на полѣ сраженія, философы одни сохранили Франціи ея обаяніе и славу, которыми она пользовалась

---

[1]) Ruffi: *Histoire de Marseille*, 1642, p. 224.

[2]) *Encyclopédie*: art. *Economie politique*.

[3]) Даламберъ: *Essai sur les gens de lettres*: „Основу характера Римлянина, сказалъ Боссюетъ, составляла любовь къ свободѣ и къ отечеству; эти два чувства взаимно вызывали другъ друга".

до конца столѣтія въ цѣлой Европѣ. *Энциклопедія* была одной изъ тѣхъ работъ, которыя принесли намъ больше всего славы въ глазахъ иностранцевъ, такъ что Ривароль, въ своемъ. сочиненіи «Распространенность французскаго языка», имѣлъ право сказать: «Блескъ этого предпріятія озарилъ всю націю и скрылъ неудачи нашей арміи».

Только принявъ во вниманіе всѣ эти факты, можно по нашему мнѣнію приступать къ оцѣнкѣ идеи *человѣчности* и того широкаго примѣненія, которое надѣялись сообщить ей философы. Побѣды надъ цивилизованнымъ міромъ, которую нѣкогда одержалъ Римъ при помощи войны и грабежа (grande latrocinium), которую позднѣе средніе вѣка осуществляли при помощи вѣры и гоненій, философы въ свою очередь мечтали создать мирнымъ путемъ при помощи науки и человѣчности. Гордые тѣмъ, что благодаря имъ въ Европѣ основывалась по выраженію Вольтера «громадная Республика образованныхъ людей», они хотѣли, чтобы люди стали говорить *французскій міръ*, какъ раньше говорили *римскій міръ*, а затѣмъ *христіанскій міръ*. Въ этомъ отношеніи они оставались вѣрны тому духу гуманной пропаганды, который составлялъ славу Франціи въ теченіе исторической жизни. Подобно тому, какъ франки были воинами Бога, а потомки Франковъ были проповѣдниками рыцарства, они хотѣли быть и были воинами философіи въ Европѣ и предприняли въ свою очередь, во имя разума, настоящій крестовый походъ. Онъ былъ удачнѣе многихъ другихъ и долженъ былъ привести къ самой прочной и самой благородной изъ побѣдъ: къ декларацiи правъ человѣка и къ постепенному торжеству, въ цѣломъ мірѣ, того, что получило имя принциповъ 89 года. Сравнивая свое время съ средними вѣками, Дибро воскликнулъ: «Говорятъ: вѣкъ рыцарства! Ахъ! если бы можно было сказать: вѣкъ добра и человѣчности!» То же самое скажетъ, думаемъ мы, и безпристрастная исторія и навѣрное она прибавитъ, что XVIII вѣкъ расширилъ понятіе о милосердіи, которое и тогда и до сихъ поръ еще исповѣдуютъ нѣкоторые фанатики, такъ какъ XVIII вѣкъ училъ, что нужно «творить добро» и быть кроткимъ по отношенію не только къ членамъ религіознаго общества, но и ко всему *человѣчеству*.

Пусть же не подвергаютъ больше анаѳемѣ, какъ сдѣлалъ Боссюэ, этихъ отверженныхъ, этихъ проклятыхъ евреевъ, «которые всегда и всюду были рабами, лишенными чести и свободы, потому что рука Божія давитъ ихъ» [1]); Эти евреи—наши «братья»,—такъ называетъ ихъ самъ Фернейскій патріархъ; эти евреи, которыхъ преслѣдуютъ, потому что они «не вѣрятъ всему тому, чему вѣрятъ христіане», осмѣливаются, наконецъ, сказать имъ, устами Монтескьё: «Ваше старинное предубѣжденіе противъ насъ вытекаетъ изъ вашихъ страстей. Вы смотрите на насъ скорѣе, какъ на своихъ личныхъ враговъ, чѣмъ какъ на враговъ вашей религіи. Мы должны заявить вамъ слѣдующее: если кто-нибудь въ будущемъ осмѣлится когда-нибудь сказать, что въ вѣкъ, въ который мы живемъ, народы Европы были просвѣщенными народами, то въ доказательство варварства укажутъ на васъ. И это дастъ о васъ такое представленіе, что оно заклеймитъ вашъ вѣкъ и перенесетъ ненависть на вашихъ современниковъ» [2]).

Вычеркните, въ самомъ дѣлѣ, изъ исторіи XVIII вѣка эту проникнутую великодушіемъ философію, которая вдохновляла людей, какъ Мон-

---

[1]) Bossuet: *Disc. sur l'Hist. univers.*, p. II, ch. XX.
[2]) *Esprit des Lois*, I. XXV, ch. XIII.

тескьё и Вольтеръ, на такіе краснорѣчивые призывы къ человѣчности. Что останется тогда отъ исторіи литературы той эпохи? Только извѣстныя произведенія, которыя только подтвердятъ, что эти времена были варварскія, и что, какъ говоритъ тотъ же Монтескьё, «религію позволяли искажать грубымъ невѣжествомъ».

Мы знаемъ, что обнимало собою то понятіе о человѣчности, которой тогда дышали всѣ произведенія: «состраданіе, говоритъ Кондорсе, ко всѣмъ бѣдамъ, угнетающимъ родъ человѣческій, отвращеніе ко всему тому, что въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ правительственныхъ актахъ и въ поступкахъ частныхъ людей прибавляетъ новыя страданія къ неизбѣжнымъ страданіямъ, причиняемымъ природой». И мало по малу изъ произведеній философовъ разливалось, по всѣмъ классамъ общества, трогательное чувство, подсказывавшее имъ, что «жестокость есть настоящая болѣзнь», какъ выражается Мерсье, простой истолкователь общественнаго мнѣнія, и что «если что, нибудь составляетъ великое преступленіе, такъ это сердечная жестокость». Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавилъ съ искреннимъ восторгомъ, что слово *человѣчность* «самое прекрасное во французскомъ языкѣ; не указало ли оно на равенство людей, не заставило ли оно обратить вниманіе на пахаря?» Не все ли равно, дворянинъ ли ты или мужикъ, протестантъ, католикъ или еврей? Съ этихъ поръ достаточно быть человѣкомъ, чтобы возбудить, если несчастіе несправедливо обрушится на тебя, негодованіе философа и всеобщее сожалѣніе: «Дѣло идетъ только о неизвѣстной и бѣдной семьѣ изъ Сентъ-Омера; но самый презрѣнный гражданинъ, несправедливо поражаемый мечомъ правосудія, дорогъ націи и королю, который ею управляетъ» [1]).

Идея того, что жизнь человѣка, кто бы онъ ни былъ, дорога для всѣхъ, родилась несомнѣнно во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Наши философы провозглашали ее не только у насъ: они привили ее Европѣ, которую просвѣтили своими произведеніями. «Они боролись съ несправедливостью и тогда, когда, совершаемая за предѣлами ихъ родины, она не могла принести имъ вреда». Вездѣ они создавали учениковъ, и «похвалы французскимъ писателямъ—говоритъ Кондорсе,—были наградой за вѣротерпимость, на которую согласилась вся Европа».

Эта вѣротерпимость, или, вѣрнѣе, уваженіе къ личному достоинству, должна была логически привести къ достоинству національному: поэтому Франція, вся проникнутая философскимъ духомъ XVIII вѣка, провозгласивъ первая права человѣка, явилась на защиту народнаго права, т.-е., права народа свободно располагать своей судьбой. Здѣсь мы встрѣчаемся опять таки съ теоріей договора, или добровольнаго соглашенія, который былъ перенесенъ съ лицъ на цѣлые народы. Эта теорія находилась въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ политическими положеніями Боссюэ, неумолимыми, какъ и законъ Ветхаго Завѣта, откуда они были почерпнуты. Жюрье, который, какъ реформатъ, былъ сторонникомъ политическаго договора, дошелъ, говоритъ Боссюэ, «до утвержденія, что завоеваніе есть чистѣйшее насиліе». И Боссюэ думаетъ заставить его замолчать, напоминая ему о принципахъ, которые самъ считаетъ вѣчными, потому что для него они священны: «Институтъ рабства согласенъ съ правдой, такъ какъ имъ осуществляется право побѣдителя надъ побѣжденнымъ такъ же, какъ и цѣлый народъ можетъ быть побѣжденъ и поставленъ въ условія необходимости

[1]) Вольтеръ: La méprsie d'Arras.

отдаться въ полное распоряженіе побѣдителя, цѣлый народъ можетъ быть рабомъ. Его господинъ можетъ располагать имъ, какъ своей собственностью и даже отдать его другому, не спрашивая его согласія, подобно тому, какъ Соломонъ отдалъ Гираму, королю Тирскому, двадцать Галилейскихъ городовъ» [1]).

Что могли бы мы возразить теперь на эти жесткія слова ученаго XVII столѣтія, на что могъ бы опереться нашъ облеченный въ трауръ патріотизмъ, еслибы подобные принципы не были навсегда уничтожены, по крайней мѣрѣ для насъ, философіей людей XVIII вѣка, которыхъ обвиняли въ томъ, что они были плохіе «французы» [2])? За границей свободолюбивые умы относятся съ громаднымъ уваженіемъ къ нашимъ философамъ XVIII вѣка, изъ массы свидѣтельствъ, которыя я могъ привести въ пользу этого, ограничусь ссылкой на слова одного современнаго критика, который прекрасно знакомъ съ нашей литературой, что онъ доказалъ своими произведеніями. Лотеиссенъ (Lotheissen),— читатель пойметъ, почему я нарочно ссылаюсь на нѣмецкаго писателя,— говоритъ сперва, что, «чтобы славить заслуги, которыя оказали міру Вольтеръ и его друзья, всякій голосъ будетъ всегда слишкомъ слабъ». Затѣмъ стараясь опредѣлить *исключительно французскую* черту изъ философіи и то, чѣмъ она отличается отъ нѣмецкой мысли, онъ говоритъ: «Они провозглашали идею человѣчества, а мы—идею неравенства племенъ; имѣемъ ли мы право смотрѣть на нихъ свысока [3])?».

Имя Боссюэ часто встрѣчается въ этомъ очеркѣ, и это потому, что никто, какъ извѣстно, не утверждалъ съ большимъ, чѣмъ онъ, авторитетомъ то, что отрицалъ или стремился разрушить XVIII вѣкъ. Считаютъ, что въ немъ воплощается XVII вѣкъ, какъ въ Вольтерѣ— XVIII-й; и проводя эту избитую параллель между епископомъ и философомъ, никогда не упускаютъ случая поставить на видъ, что философъ велъ менѣе примѣрную жизнь, чѣмъ епископъ. Въ этомъ спору нѣтъ, но это ничего не доказываетъ ни за, ни противъ тѣхъ идей, которыя защищаетъ каждый изъ нихъ: Боссюэ могъ бы быть и еще святѣе, но его взгляды не стали бы отъ этого вѣрнѣе для насъ, людей XIX вѣка. Какая религія не имѣла своихъ святыхъ и своихъ мучениковъ? Вольтеръ, котораго мы, во всякомъ случаѣ, не щадили въ этой книгѣ, могъ бы быть и еще хуже: его недостатки и даже пороки нисколько не могли бы вредно отразиться на философіи, которой онъ былъ несовершеннымъ, даже для своего времени, выразителемъ, и которой, впрочемъ, никто не будетъ въ состояніи назвать себя послѣднимъ и высшимъ истолкователемъ. Дѣйствительно, философія, какъ ее понималъ XVIII вѣкъ, должна будетъ идти рядомъ съ безпрерывно двигающейся впередъ наукой.

Для насъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы соглашаться со всѣми безъ исключенія взглядами XVIII вѣка, держаться и на будущее время того, что зналъ и думалъ XVIII-й вѣкъ. Если есть что-нибудь, чему учитъ энциклопедія во всѣхъ своихъ статьяхъ, такъ это, что никакая наука, нравственная ли или другая, никогда не говорила

---

[1]) Avert. aux Protest., V № LI.

[2]) Своимъ Discours sur l'inégalité Руссо осудилъ право завоеванія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Не будучи правомъ, право завоеванія не могло лечь въ основу другого права, такъ какъ завоеватель и завоеванные народы продолжаютъ оставаться во враждебныхъ отношеніяхъ, если только народъ, получивъ снова полную свободу, не изберетъ добровольно побѣдителя въ свои вожди.

[3]) Zur Culturgesch., Frankreichs im XVII und XVIII ahre Wien, 1889, p. 245.

своего послѣдняго слова. И самъ Вольтеръ помогъ намъ идти дальше Вольтера и исправлять его. Изъ всей совокупности произведеній Боссюэ, ярко выступаетъ та мысль, что все уже сказано разъ навсегда. Напротивъ, современную науку, распространенную энциклопедіей, характеризуетъ и будетъ вѣчно спасать отъ «банкротства» та особенность, что у нея есть, такъ сказать, вѣрительное письмо къ будущему времени, письмо, по которому всегда будутъ производиться платежи, такъ какъ наука всегда платежеспособна для тѣхъ, кто умѣетъ работать и умѣетъ мыслить.

Впрочемъ, XVIII вѣкъ самъ иногда сознавалъ, что, поглощенный главнымъ образомъ борьбой и ломкой, онъ долженъ былъ больше, чѣмъ другіе, довольствоваться временными рѣшеніями и недостаточно доказанными истинами. Мерсье, на котораго я люблю ссылаться, такъ какъ онъ вѣрно передаетъ общее мнѣніе, написалъ гдѣ то: «На нашъ вѣкъ, несмотря на его преимущества, слѣдуетъ смотрѣть не какъ на вѣкъ истинъ, а какъ на вѣкъ перехода къ самымъ важнымъ истинамъ». Это въ одно и то же время вѣкъ разрыва съ предшествующей эпохой и подготовки къ послѣдующимъ.

Напомнимъ, въ заключеніе, три основныя идеи, которыми я постарался выразить весь духъ энциклопедіи. Мы отказываемся теперь видѣть въ *природѣ* одни только постыдныя вожделѣнія плоти, которыя Боссюэ предавалъ анафемѣ. Мы находимъ въ ней просто хорошіе и дурные инстинкты, которые *разумъ* учитъ насъ не приносить безразлично въ жертву, а подчинять другъ другу. По нашему мнѣнію однимъ изъ лучшихъ нашихъ инстинктовъ является то «вожделѣніе глазъ», которое католическая церковь презрительно называла libido sciendi (вождѣленіе знанія). Это есть не что иное, какъ благородное желаніе знать какъ можно больше, чтобы сдѣлаться,—не больше человѣка, на что способны только святые,—но «больше человѣкомъ», какъ говорилъ Риворoль. Наконецъ, сама человѣчность есть, по выраженію Вольтера, не только первый характерный признакъ мыслящаго существа; это самая высокая идея, до которой можетъ подняться это существо, такъ какъ Богъ не можетъ быть никогда познанъ иначе, какъ по образу человѣка.

Мы знаемъ къ тому же, или, вѣрнѣе, не хотимъ больше не знать, какъ это дѣлалъ Вольтеръ, все, чѣмъ различныя религіи возвысили и облагородили *человѣческое* начало: но мы просто отбрасываемъ изъ этихъ религій то, что насилуетъ нашу *природу* и противорѣчитъ нашему *разуму*.

Что касается разума, то философы знали такъ же, какъ и мы, что не онъ управляетъ міромъ; но они старались, какъ постоянно повторяетъ Вольтеръ, водворить «немножко больше разума» среди людей, и мы должны быть имъ благодарны за ихъ усилія, если думаемъ, что польза и цѣль человѣчества состоятъ въ томъ, чтобы на землѣ все больше и больше воцарялся разумъ.

Безъ сомнѣнія, *ихъ* разумъ создалъ такія химеры, которыя время сумѣло оцѣнить по достоинству; однако, если мы станемъ на ту именно почву, на которой, какъ говорятъ, они оставили послѣ себя одни развалины, я хочу сказать—на почву политическую, то ихъ теоріи напрасно пытались замѣнить другими и лучшими Самый принципъ, вдохновлявшій ихъ, остался неприкосновененъ; ибо идея, провозглашенная ими, что разумъ долженъ узаконять всякое правительство и контролировать все, что въ немъ совершается, эта идея уже обошла весь

свѣтъ. Она готова, какъ извѣстно, преобразовать классическую страну правительственныхъ традицій, Англію, и о подобной идеѣ можно было говорить, что она была душой политической исторіи XIX вѣка.

Но если будемъ говорить только о Франціи: то правительство, о которомъ мечтали философы, т.-е. основанное не на традиціяхъ или народныхъ предразсудкахъ, но только на разумѣ, развѣ это не наше современное правительство, не французская демократія, которая ни на что не опирается, кромѣ раціональныхъ принциповъ, кромѣ нашихъ идей права и свободы? Именно эти свойства нашего правительства, на которыя обратилъ вниманіе еще Шереръ, именно его гибкій раціонализмъ даетъ ему возможность «приспособляться» и удерживаться въ нашъ вѣкъ непризнанія авторитета, когда люди желаютъ во всемъ отдавать себѣ отчетъ.

Что касается католицизма, то никто не думаетъ больше ни оскорблять его, какъ это дѣлалъ Вольтеръ въ пылу битвы, ни уничтожать. Если философы и дѣлали видъ, что стремятся «раздавить» его, то это стремленіе было несомнѣнно дутое, и сами они прекрасно знали всю его тщету: не даромъ самый смѣлый изъ нихъ, Гольбахъ, писалъ: «Совершенно невозможно заставить народъ забыть свою религію» [1]). И, однако, какъ ни малы переходы, которые, какъ говорилъ Вольтеръ, дѣлаетъ разумъ, какъ ни возвращается онъ назадъ, что мы можемъ видѣть на нашей собственной исторіи, все-таки, мало-по-малу, онъ расширяетъ свои завоеванія: «Маленькое стадо» значительно увеличилось, такъ какъ оно обнимаетъ въ данное время громадное большинство во Франціи; поэтому я полагаю, что, при всемъ искреннемъ уваженіи къ чужимъ взглядамъ, мы должны шествовать рѣшительными шагами, не оглядываясь больше назадъ, по пути, открытому философами.

При разрѣшеніи задачъ, которыя поставитъ на очередь XX вѣкъ, лучшимъ путеводителемъ для демократіи будетъ служить то, что я назвалъ бы съ удовольствіемъ «французскимъ разумомъ». Я разумѣю подъ этимъ разумъ, которому мало быть научнымъ, который заполняетъ и, въ случаѣ надобности, ставитъ выше науки человѣчность, ибо для него ничто не можетъ быть положительно научнымъ, что въ то же время не удовлетворяетъ чувству справедливости и гуманности. Во всякомъ случаѣ, этотъ именно разумъ внушилъ самыя благородныя страницы въ «Духѣ законовъ», въ Энциклопедіи и въ «Трактатѣ о вѣротерпимости». И подобныя страницы заставятъ человѣчество вѣчно указывать на французскихъ философовъ XVIII вѣка, какъ на борцовъ за право и человѣчность.

Конецъ.

---

[1]) [illegible] de la Nat., II, 419, 421.

Stanford University Libraries
3 6105 011 898 991

PG
3200
L58

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.